Право в Вооруженных Силах – консультант

Правовая энциклопедия военнослужащего

Виктору Алексеевичу Козловцеву,
моему дорогому учителю и наставнику,
с чувством особой благодарности
и благоговения
посвящает свой скромный труд автор

С.В. Маликов

ВОЕННО-ПОЛЕВАЯ КРИМИНАЛИСТИКА

«За права военнослужащих»

Москва 2008

ББК 67.52
М19

Автор:

Маликов Сергей Владимирович — доктор юридических наук, профессор, полковник юстиции, начальник кафедры криминалистики Военного университета

М19 **Военно-полевая криминалистика**. Серия «Право в Вооруженных Силах — консультант». — М.: «За права военнослужащих», 2008. — Вып. 86. — 512 с.
ISBN 978-5-93297-090-4

Для студентов, курсантов и слушателей высших учебных заведений силовых ведомств, прокурорских работников, следователей военных следственных органов, военных дознавателей и практических работников правоохранительных органов.

Сборник «Право в Вооруженных Силах — консультант» зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-12712 от 20 мая 2002 г.

Учредитель и издатель: Региональное общественное движение «За права военнослужащих».

Выходит один раз в месяц, распространяется в розницу и по подписке.

ББК 67.52

© Маликов С.В., 2008 г.
© «Право в Вооруженных Силах — консультант», 2008 г.
© Оформление. «За права военнослужащих», 2008 г.

ISBN 978-5-93297-090-4

Содержание

Указатель сокращений 7

Введение 8

Раздел I. Теоретические и правовые основы военно-полевой криминалистики 12

Глава 1. Вооруженный конфликт как фактор, определяющий специфические закономерности расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта 12

Глава 2. Возникновение и развитие концепции военно-полевой криминалистики 24

Глава 3. Объект, система и значение концепции военно-полевой криминалистики для теории и практики следственной работы 58

Глава 4. Правовое обеспечение и уголовно-процессуальный порядок расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта 68

Раздел II. Организация следственной работы в районах вооруженного конфликта 100

Глава 1. Ретроспективный анализ системы организационных мер по обеспечению расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта 100

Глава 2. Специальное следственное подразделение оперативного реагирования Военного следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации как основа системы организации следственной работы в районах вооруженного конфликта 119

Глава 3. Организация взаимодействия военных следственных органов с органами внутренних дел, территориальной прокуратуры, органами безопасности в войсках, командирами воинских частей в районах вооруженного конфликта 129

Раздел III. Технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений в районах вооруженного конфликта 143

Глава 1. Использование специальных знаний в «полевых» условиях в районах вооруженного конфликта 143

Глава 2. Технико-криминалистические средства и методы, применяемые при работе со следами преступления в режиме «экспресс-анализа» в районах вооруженного конфликта 161

Глава 3. Криминалистическое исследование следов преступлений 170

§ 1. Следы рук 170

Криминалистическое значение следов рук 170

Общие сведения о строении ладонной поверхности руки 170

Типы и виды папиллярных узоров 172

Виды следов рук 176

Работа следователя со следами рук 176

Экспертное исследование следов рук 179

§ 2. Следы ног (обуви) 180

Криминалистическое значение следов ног (обуви) 180

Общие сведения о строении подошвы обуви и подошвы стопы ноги человека 181

Виды следов ног (обуви) 182

Работа следователя со следами ног (обуви) 182

Экспертное исследование следов ног (обуви) 191

§ 3. Следы зубов 192

Криминалистическое значение следов зубов 192

Общие сведения о строении зубного аппарата человека 193

Виды следов зубов 194
Работа следователя со следами зубов 194
Экспертное исследование следов зубов 196
§ 4. Следы ногтей 197
Криминалистическое значение следов ногтей 197
Общие сведения о строении ногтей 197
Виды следов ногтей 199
Работа следователя со следами ногтей 199
Экспертное исследование следов ногтей 201
§ 5. Следы губ 203
Криминалистическое значение следов губ 203
Общие сведения о строении губ 203
Виды следов губ 204
Работа следователя со следами губ 205
Экспертное исследование следов губ 206
§ 6. Следы орудий взлома и инструментов 208
Криминалистическое значение следов орудий взлома и инструментов ... 208
Общие сведения об объектах, способах и орудиях взлома 208
Виды следов орудий взлома и инструментов 212
Работа следователя со следами орудий взлома и инструментов 215
Экспертное исследование следов орудий взлома и инструментов 218
§ 7. Следы транспортных средств 219
Криминалистическое значение следов транспортных средств 219
Общие сведения о строении шины автомобиля 219
Виды следов транспортных средств 221
Работа следователя со следами транспортных средств 222
Экспертное исследование следов транспортных средств 229
§ 8. Следы-наложения веществ и материалов 230
Криминалистическое значение следов-наложений веществ и материалов 230
Общие сведения о следах-наложениях веществ и материалов 230
Виды следов-наложений веществ и материалов 231
Работа следователя со следами-наложениями веществ и материалов ... 232
Экспертное исследование следов-наложений веществ и материалов 233
§ 9. Запаховые следы 234
Криминалистическое значение запаховых следов 234
Научные основы криминалистической одорологии 234
Виды запаховых следов 235
Работа следователя с запаховыми следами 236
Экспертное исследование запаховых следов 241
Глава 4. Криминалистическое исследование оружия, взрывных устройств, взрывчатых веществ и следов их применения 242
§ 1. Криминалистическое исследование огнестрельного оружия 242
Криминалистическое значение следов применения огнестрельного оружия 242
Краткие сведения об огнестрельном оружии и боеприпасах 243
Следы применения огнестрельного оружия 246
Работа следователя со следами применения огнестрельного оружия 251
Назначение баллистической экспертизы 253
§ 2. Криминалистическое исследование холодного оружия 254
Криминалистическое значение следов применения холодного оружия 254
Научные основы учения о холодном оружии 254
Клинковое холодное оружие 255
Неклинковое холодное оружие 255
Следственный осмотр холодного оружия 257
Криминалистическая экспертиза холодного оружия 257
§ 3. Криминалистическое исследование взрывных устройств, взрывчатых веществ и следов их применения 257

Криминалистическое значение следов применения взрывных устройств 257
Научные основы криминалистической взрывотехники 258
Общие сведения об элементах и поражающем воздействии взрывного устройства 260
Работа следователя со следами и вещественными доказательствами по делам, связанным с применением взрывных устройств 263
Назначение взрывотехнической экспертизы 266
Глава 5. Криминалистическое исследование почерка, письма и документов 267
§ 1. Криминалистическое исследование почерка 268
§ 2. Криминалистическое исследование письма 277
§ 3. Технико-криминалистическое исследование документов 278
Виды подделок документов, признаки подчистки, травления, дописки, допечатывания на пишущей машинке 279
Исследование полиграфической продукции 281
Исследование разорванных и сожженных документов 282
Глава 6. Криминалистическое исследование признаков внешнего облика человека (словесный портрет) 284
Научные основы криминалистического учения о признаках внешнего облика человека 284
Структура внешнего облика человека 284
Отображение внешнего облика человека с помощью метода «словесного портрета» 289
Судебно-портретная экспертиза 291
Глава 7. Криминалистическая (судебная) фотография, видео- и звукозапись 291
§ 1. Криминалистическая (судебная) фотография 291
Криминалистическое значение применения фотографии 291
Научные основы фотографии 292
Понятие и система криминалистической (судебной) фотографии 292
Виды, методы и приемы следственной (запечатлевающей) фотографии ... 292
Виды, методы и приемы экспертной (исследовательской) фотографии 306
Процессуальное закрепление и оформление фотосъемки при расследовании преступлений 308
§ 2. Применение видео- и звукозаписи в криминалистической деятельности 308
Криминалистическое значение применения видео- и звукозаписи 308
Научные основы записи звука и изображения на магнитной ленте 310
Порядок и правила записи и воспроизведения звука и изображения 310
Применение звуко- и видеозаписи как средств фиксации хода и результатов процессуальных действий 311
Процессуальное оформление хода и результатов звуко- и видеозаписи 313
Глава 8. Криминалистические планы и схемы 314
Виды криминалистических планов и схем 314
Правила составления криминалистических планов и схем 317
Процессуальное оформление криминалистических планов и схем 318
Глава 9. Информационно-справочное обеспечение криминалистической деятельности (криминалистическая регистрация) 320
Понятие, значение и система информационно-справочного обеспечения криминалистической деятельности 320
Виды криминалистической регистрации 321
Использование криминалистической регистрации в практике правоохранительных органов 325
Раздел IV. Особенности производства отдельных следственных и процессуальных действий в районах вооруженного конфликта 326

Глава 1. Планирование расследования преступлений «по горячим следам» и основные направления оптимизации процесса собирания доказательств в районах вооруженного конфликта 326
Глава 2. Тактика проведения осмотра места происшествия в районах вооруженного конфликта 332
Глава 3. Тактика проведения обыска в районах вооруженного конфликта 342
Глава 4. Тактика проведения допроса в районах вооруженного конфликта 352
Глава 5. Тактика предъявления для опознания в районах вооруженного конфликта 364
Глава 6. Тактика проведения следственного эксперимента в районах вооруженного конфликта 373
Глава 7. Тактика проведения проверки показаний на месте в районах вооруженного конфликта 377
Глава 8. Тактика проведения задержания и освидетельствования подозреваемых в районах вооруженного конфликта 381
Глава 9. Назначение и производство судебных экспертиз в районах вооруженного конфликта 385

Раздел V. Методика расследования отдельных видов преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта 392
Глава 1. Понятие, структура, содержание и значение общей криминалистической характеристики преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта 392
Глава 2. Характеристика групп типичных следственных ситуаций, складывающихся при расследовании преступлений в районах вооруженного конфликта 426
Глава 3. Методика расследования самовольного оставления воинской части (места службы) и дезертирства в районах вооруженного конфликта 440
Глава 4. Методика расследования уклонения от военной службы путем членовредительства в районах вооруженного конфликта 445
Глава 5. Методика расследования хищений оружия и боеприпасов, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта 451
Глава 6. Методика расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в отношении гражданского населения в районах вооруженного конфликта 456
Глава 7. Методика расследования превышения должностных полномочий, совершаемых командирами воинских частей в районах вооруженного конфликта 462
Глава 8. Методика расследования нарушений правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта 468
Глава 9. Методика расследования нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности в районах вооруженного конфликта 475
Глава 10. Методика расследования хищений продовольствия и вещевого имущества, совершаемых должностными лицами служб тыла воинских частей в районах вооруженного конфликта 480
Глава 11. Криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта 492

Список рекомендованной литературы 500

Указатель сокращений

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГВП — Главная военная прокуратура
ГУП — государственное унитарное предприятие
ДТП — дорожно-транспортное происшествие
ИТУ — исправительно-трудовое учреждение
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
КТО — контртеррористическая операция
НВФ — незаконные вооруженные формирования
ОГВ (с) — Объединенная группировка войск (сил)
ОКСВ — Ограниченный контингент советских войск
ООН — Организация Объединенных Наций
ОПСГ — оперативная прокурорско-следственная группа
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РОШ — Региональный оперативный штаб
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СИЗО — следственный изолятор
СНК — Совет народных комиссаров
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации
УПК РСФСР — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации
ЦИК — Центральный исполнительный комитет

Введение

Анализ истории и современного состояния мирового развития показывает, что для России, как и для любого государства, проблема военной безопасности имеет принципиально важное значение.

Во-первых, Россия оказалась в эпицентре радикальных геополитических и региональных изменений экономического, социально-политического и военного характера. При этом, проявив активность и инициативу в разоруженческом процессе, в укреплении мер доверия, она оказалась по многим параметрам уязвима в военном отношении.

Во-вторых, занимая уникальное евразийское геополитическое положение, Россия не может не испытывать на себе воздействие процессов, происходящих в Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Ближнем и Среднем Востоке.

В-третьих, зона нестабильности и происходящие вблизи России вооруженные конфликты представляют реальную угрозу ее интересам[1].

Реалии сегодняшнего дня — острое противоречие между большим геополитическим масштабом России как существенным признаком «великой державы» и ограниченными возможностями в сохранении и управлении этим пространством, т. е. Россия стала объектом всех видов экспансии, не имея реального механизма противодействия им. Отчетливо просматриваются и цели экспансии — превратить Россию в сырьевой придаток Европы, США, Японии (Россия владеет стратегическими запасами энергоресурсов: 15—20 % разведанных мировых запасов нефти, 42 % газа, 43 % угля и 25 % древесины) и сохранить ее как рынок дешевой, но достаточно квалифицированной рабочей силы, как научно-технический и социально-экономический полигон.

Приоритет в использовании военной силы для решения спорных проблем остается в числе существенных признаков современной действительности. Подсчитано, что за пять с половиной тысячелетий истории человеческой цивилизации произошло около пятнадцати тысяч войн и военных конфликтов, в которых погибло свыше 3,5 млрд человек. За всю свою историю люди жили в условиях мира только 292 года, т. е. менее одной недели каждые сто лет[2]. Только за шестьдесят два года, прошедшие после Второй мировой войны, зафиксировано более тридцати войн и четырехсот вооруженных конфликтов, при этом в тридцати восьми войнах и вооруженных конфликтах принимали участие и военнослужащие Вооруженных Сил СССР (Российской Федерации)[3].

Вооруженные конфликты и очаги напряженности в различных регионах мира не могут не влиять и на Россию, а вооруженные конфликты, происходящие вблизи ее границ, делают уязвимой территорию России в военном отношении. Большой периметр границ, широкий разброс государств и сил, с которыми Россия вынуждена строить отношения, близость к очагам напряженности и узлам геополитических и региональных противоречий создают оригинальную ситуацию, когда несколько вооруженных конфликтов вблизи или на территории России могут для

[1] *Чебан В.В.* Геополитическое положение и военная политика России. М., 2001. С. 6.

[2] *Вахрушев В.А.* Локальные войны и вооруженные конфликты: характер и влияние на военное искусство // Военная мысль. 1999. № 4. С. 20—28.

[3] Директива начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации от 18 января 2002 г. № 315/11/434.

ее внутренней организации и усилий по ликвидации сравняться с эффектом широкомасштабной войны.

Кроме того, неудовлетворенность решением исторических споров в прошлом создает потенциальную опасность предъявления территориальных претензий к России со стороны Китая, Германии, Японии, Финляндии и других государств. История свидетельствует о том, что нажим по отношению к России проявляется в те моменты, когда она переживает трудные времена. Характер отношений России со странами ближнего зарубежья (Украиной, Грузией, Азербайджаном, Молдовой, Латвией, Литвой, Эстонией) отличается повышенной конфликтностью и чреват появлением новых противоречий, прямо и опосредованно влияющих на безопасность нашего государства.

Как показала нашедшая свое отражение в международном праве историческая практика, в современных условиях все большее распространение получают вооруженные конфликты, не носящие международного характера и происходящие на территории какого-либо государства между его вооруженными силами и антиправительственными вооруженными группами, которые находятся под ответственным командованием и осуществляют контроль над определенной территорией.

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации подчеркивается, что в условиях усиления национального сепаратизма и нарастания угрозы нарушения территориальной целостности страны исключительную важность имеет задача защиты российского федерализма и недопущения трансформации федеративных отношений в конфедеративные отношения[4]. Расширение спектра угроз территориальной целостности Российской Федерации в результате внутренних вооруженных конфликтов объективно ведет к более широкому привлечению внутренних войск МВД России и отдельных формирований Вооруженных Сил Российской Федерации для защиты российского федерализма. Такая оценка Президентом Российской Федерации внутреннего положения государства не исключает ведение боевых действий, а следовательно, и совершения военнослужащими преступлений в районах вооруженного конфликта.

Новые экстремальные обстоятельства потребовали от военных следственных органов активно искать адекватные организационно-правовые формы деятельности, так как обычная организация работы военных следственных органов, их система и порядок расследования преступлений в районах вооруженного конфликта неприемлемы. Ряд существующих нормативных предпосылок расследования преступлений в силу определенных объективных и субъективных факторов перестает работать. И для того чтобы привести систему расследования преступлений в действие, необходимы дополнительные нормативные предпосылки, потребность в которых существенно обострилась дезинтеграционными процессами в Российской Федерации. С.Э. Гавето отмечает, что «...в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) буквально на ходу приходилось менять организацию работы военной прокуратуры, принципы ее комплектования, порядок прохождения службы в этом регионе, а также совершенствовать методики расследования преступлений»[5].

[4] Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» от 10 января 2000 г. № 24.

[5] *Гавето С.Э.* Особенности расследования преступлений против военной службы в условиях чеченского конфликта. М., 1997. С. 13.

В связи с вышесказанным в современных условиях военные следственные органы заинтересованы в активном использовании возможностей правовой науки, в том числе криминалистики, для теоретического осмысления проблем расследования преступлений в районах вооруженного конфликта и разработки комплекса научно-практических криминалистических положений и рекомендаций по оптимизации процесса раскрытия и расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта. Криминалистическая наука, находясь в силу своей служебной функции на переднем крае борьбы с преступностью, постоянно стремится к созданию новых и к обновлению уже сформировавшихся разноуровневых теоретических построений и положений, объединению их в единое целое в рамках научных абстракций более высокого уровня. Для упорядочивания этих частных теоретических построений мало их самих, необходима некая сущность, отличная от них, но их упорядочивающая. Такой сущностью является концепция расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта (военно-полевой криминалистики). Идея концепции военно-полевой криминалистики обосновывается потребностями как самой науки, так и следственно-судебной практики органов военной юстиции. Заключенная в этой идее проблематика охватывает широкий круг неисследованных вопросов, которые непосредственно относятся к деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, а также к углублению процесса адаптации системы научных положений криминалистической методики к этой деятельности.

Объективные методологические и теоретические предпосылки к разрешению проблематики военно-полевой криминалистики созданы всем ходом развития отечественной криминалистики, усилиями ученых-криминалистов Военно-юридической академии: М.И. Авдеева, М.Г. Богатырева, А.И. Винберга, С.А. Голунского, Ю.М. Кубицкого, В.М. Никифорова, А.Г. Рахлина, С.Я. Розенблита, М.С. Строговича и других ученых, посвятивших в 40-е гг. XX в. немногочисленные труды отдельным организационным и методическим вопросам, касающимся расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в годы Великой Отечественной войны[6]. Общая тенденция углубляющегося синтеза эмпирических и научных фактов в криминалистической науке неизбежно подвела к постановке вопроса о необходимости разработки концепции военно-полевой криминалистики.

Впервые о факте объективного существования более общей концепции расследования преступлений в чрезвычайных условиях заявил в

[6] См.: *Авдеев М.И.* Членовредительство. Ашхабад, 1942; *Богатырев М.Г.* Следы от автотранспорта и следы с места происшествия на нем. Ашхабад, 1942; *Голунский С.А.* Допрос на предварительном следствии. Ашхабад, 1942. (Библиотека военного юриста); *Кубицкий Ю.М.* Осмотр места происшествия по уголовным делам. Ашхабад, 1942; *Никифоров В.М.* Обыск. М., 1943; *Винберг А.И., Рахлин А.Г., Розенблит С.Я.* Криминалистика: Руководство для военных юристов. М., 1941. Ч. 1, 2; *Он же.* Дознание в Красной Армии: Руководство для дознавателей / Под ред. В.И. Носова. М., 1942; *Строгович М.С.* Гарантии установления материальной истины по уголовным делам в боевой обстановке // Труды ВЮА. Вып. 3. Ашхабад, 1943 и др.

1993 г. В.Н. Григорьев, который в общем виде обосновал и структуру данной концепции[7]. Разумеется, изложенные им взгляды не исчерпывают всей глубины данной проблемы, а лишь создают фундаментальную «переходную» базу для дальнейшего ее специального теоретического и прикладного исследования. Тем более что В.Н. Григорьев основывал свое исследование только на обобщении опыта работы специализированных следственных групп органов внутренних дел, расследовавших в чрезвычайных условиях массовые беспорядки и вооруженные столкновения на почве межнациональной розни на советском и постсоветском пространстве в 1986—1992 гг. (Алма-Ата, Сумгаит, Нагорный Карабах, Тбилиси, Фергана, Душанбе, Ош, Цхинвали и др.).

И только с конца 90-х гг. XX в. началось проведение научных исследований, в которых впервые был дан комплексный анализ проблем расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта (военно-полевая криминалистика)[8].

Настоящее издание посвящено разработке технологии расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, и призвано выступить в качестве средства разрешения противоречия между высокой потребностью следственной практики военных следственных органов в систематизированных и научно обоснованных криминалистических рекомендациях по расследованию преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, и их практическим отсутствием в приемлемой для практического использования форме.

[7] *Григорьев В.Н.* Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика): Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1993.

[8] См.: *Маликов С.В.* Расследование преступлений в боевой обстановке (правовое обеспечение, организация, методика): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998; *Гавето С.Э.* Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в условиях вооруженного конфликта (по материалам работы военной прокуратуры в Чеченской Республике в 1994—1996 гг.): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999; *Винокуров А.Ю.* Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в отношении гражданского населения в районах вооруженного конфликта: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003; *Маликов С.В.* Правовые и организационные основы расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2004; *Баракшин А.А.* Криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006; *Коваль А.В.* Расследование хищений продовольствия и вещевого имущества, совершаемых должностными лицами служб тыла воинских частей ВС РФ в районах вооруженного конфликта: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006; *Шкваренко С.И.* Расследование уклонения от военной службы путем членовредительства, совершаемого военнослужащими в районах вооруженного конфликта: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

Раздел I. Теоретические и правовые основы военно-полевой криминалистики

Глава 1. Вооруженный конфликт как фактор, определяющий специфические закономерности расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта

Закономерность войн и современных вооруженных конфликтов влечет за собой объективную необходимость постоянного совершенствования международно-правовой базы и научного осмысления всех процессов, происходящих не только в международных отношениях, связанных с причинами возникновения войн и вооруженных конфликтов и установлением соответствующих ограничений и запретов, но и на национальном уровне.

Запрещение международным правом агрессивных войн привело к тому, что начиная с 50-х гг. XX в. в юридической литературе термин «вооруженный конфликт» стал употребляться гораздо чаще, чем термин «война». Д. Шиндлер замену терминологии объяснял тем обстоятельством, что объявление войны влекло за собой вполне определенные правовые последствия, в том числе международно-правовую ответственность за развязывание агрессивных войн[1].

В свою очередь, Ф. Оджерс отмечал, что «...сегодня термин "война" вышел из моды, обращение к вооруженному насилию расширяется и вооруженная сила постоянно применяется, но никто не хочет назвать это войной»[2]. Это обстоятельство было обусловлено рядом причин:

1) только после Второй мировой войны произошло более 400 вооруженных столкновений международного и немеждународного характера. При этом, войны не объявлялись в соответствии с действующими законами и обычаями войны, потому что была установлена международно-правовая ответственность за развязывание агрессивных войн. До сих пор считается, что необъявленная война — это не война в юридическом смысле этого слова. Традиционных последствий такая вооруженная борьба не влекла за собой, поэтому дипломатические отношения между воюющими государствами не разрывались, а кратковременные боевые действия прекращались чаще всего средствами коллективной безопасности и с участием ООН;

2) абсолютное большинство вооруженных столкновений происходило внутри государств в виде революционных переворотов, вооруженных мятежей, восстаний, религиозных столкновений и других форм гражданских войн, которые также не укладывались в традиционные рамки войны;

3) в особую группу выделилась национально-освободительная борьба народов против колониализма, сопровождавшаяся вооруженными стол-

---

[1] *Schindler D.* Die Anwendung der Genfer Rotkreuzabkommen seit 1949. Zurich, 1968. S. 75—120.

[2] *Odgers F.J.* The legal effects of war. 4th ed. by lord McNair. Cambridge, 1966. XLIX. P. 476—477.

новениями с представителями метрополий. При этом, борющиеся народы и нации приобрели международную правосубъектность, право получать военную помощь, а национально-освободительные движения стали носить правомерный и международный характер, так как были направлены на освобождение от иностранного ига.

Однако все это не означает, что термин «война» вышел из употребления в юридической литературе или что он потерял свое конкретное содержание. Это особенно видно при рассмотрении позиции нейтральных государств в случае войны, когда должно проводиться четкое различие между состоянием войны (с точки зрения международного права) и положением в иных вооруженных конфликтах.

Впервые термин «вооруженный конфликт» появился в Женевских конвенциях о защите жертв войны (1949). В Дополнительных протоколах (1977) к ним более детально раскрыты понятия вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера, так как они более полно охватывают содержание современной вооруженной борьбы между государствами и внутри их.

Следует иметь в виду, что термины «война» и «вооруженный конфликт» не идентичны. Если каждая война одновременно является и вооруженным конфликтом, то далеко не каждый вооруженный конфликт можно назвать войной. По обычному праву к войнам принято относить крупномасштабные вооруженные столкновения двух и более государств.

Что касается международных вооруженных конфликтов, то их масштабы значительно меньше. Некоторые зарубежные юристы предлагают считать таковыми любые действия с применением военного насилия, в которых участвует значительное число комбатантов с их воинской дисциплиной и организацией, если при этом совершено хотя бы одно из следующих действий: вторжение вооруженных сил одного государства на территорию другого государства; захват в плен или ранение хотя бы одного военнослужащего из состава вооруженных сил другой стороны; интернирование или принудительный захват хотя бы одного гражданского лица другой воюющей стороны[3].

Дополнительный протокол I (1977) в п. 4 ст. I содержит определение международного вооруженного конфликта и относит к международным вооруженным конфликтам такие ситуации, в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации, а также расистских режимов и за осуществление своего права на самоопределение[4].

Учеными-юристами под *международным вооруженным конфликтом* понимается вооруженное столкновение без перехода в состояние войны между двумя или несколькими сторонами, обладающими международной правосубъектностью, а именно между вооруженными силами: а) суверенных государств; б) национально-освободительного движения и метрополии; в) восставшей или воюющей стороны (признанной в этом качестве) и соответствующего государства[5].

В последние годы мировое сообщество все чаще сталкивается с вооруженными конфликтами нового поколения — внутренними воору-

[3] *Schindler D.* Die Anwendung der Genfer Rotkreuzabkommen seit 1949. S. 78.

[4] Основные положения Женевских конвенций и Дополнительных протоколов. М., 1998. С. 8.

[5] См., например: *Арцибасов И.Н.* Международное право: Учебник. М., 1997. С. 232.

женными конфликтами, не носящими международного характера и происходящими на территории какого-либо государства между его вооруженными силами и антиправительственными вооруженными группами, которые находятся под ответственным командованием и осуществляют контроль над определенной территорией. Так, если с 1900 г. по 1941 г. из 24 вооруженных конфликтов 19 были международными и только 5 — внутренними, то в период 1945—1970 гг. это соотношение изменилось: из 97 вооруженных конфликтов 15 были международными, 26 — внутренними, а 50 носили смешанный характер или являлись антиколониальными войнами. Начиная с 90-х гг. XX в. ежегодно происходит 33—37 вооруженных конфликтов, подавляющее большинство которых имеет немеждународный характер[6]. В частности, только на постсоветском пространстве начиная с 1991 г. вооруженные конфликты произошли в Грузии, Нагорном Карабахе, Приднестровье, Таджикистане, Абхазии, Южной Осетии, Чечне.

Вооруженный конфликт немеждународного характера относится к внутренней компетенции самого государства, на территории которого он происходит. Вооруженный конфликт немеждународного характера отличается от международного вооруженного конфликта тем, что одна из участвующих сторон представляет суверенное государство и поэтому в полной мере обладает статусом субъекта международного права, а другая сторона выступает как организованная группа, которая в состоянии вести боевые действия и предложить в определенных рамках гарантированное применение норм международного права и, следовательно, не является полноправным субъектом международного права[7].

Таким образом, к *вооруженным конфликтам немеждународного характера* относятся вооруженные столкновения, происходящие на территории одного государства между двумя сторонами, одна из которых обладает международной правосубъектностью, а именно между вооруженными силами государства или отдельными их частями (группировка, контингент, группа, объединение и др.) и антиправительственными организованными вооруженными группами[8].

Понятие и критерии вооруженного конфликта немеждународного характера закреплены в ст. 1 Дополнительного протокола II (1977), согласно которой под вооруженным конфликтом немеждународного характера понимаются все не подпадающие под действие ст. 1 Дополнительного протокола I вооруженные конфликты, происходящие на территории какого-либо государства между его вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами.

Римский статут международного уголовного суда (1998) впервые четко и ясно определил, что вооруженный конфликт немеждународного характера имеет место только на территории одного из государств-участников, когда идет длительный вооруженный конфликт между правительственными властями и организованными вооруженными группами или между самими такими группами (п. 2е ст. 8). Здесь же подчеркива-

[6] Международная безопасность и разоружение: Ежегодник СИ-ПРИ. М., 1994. С. 57—58.

[7] *Тюркин М.Л., Шаковец О.В.* Правовое регулирование действий воинского контингента РФ в миротворческих операциях. М., 2001. С. 13—14.

[8] *Маликов С.В.* Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта: Монография. М., 2004. С. 14—17.

ется, что не являются вооруженным конфликтом случаи нарушения внутреннего порядка и возникновения напряженности в виде беспорядков, отдельных и спорадических актов насилия и аналогичных им деяний.

Учеными-юристами выделяются следующие критерии вооруженного конфликта немеждународного характера, отличающие его от международного вооруженного конфликта: а) наличие враждебных организованных действий между противоборствующими силами одного и того же государства; б) фактическое участие в боевых действиях вооруженных сил противоборствующих сторон и применение ими оружия; в) коллективный характер выступлений. Это значит, что отдельные, спорадические, анархистские антиправительственные выступления, случаи нарушения внутреннего порядка, возникновение обстановки внутренней напряженности (например, беспорядки) не могут быть отнесены к категории вооруженного конфликта немеждународного характера; г) элемент организации. Это относится в первую очередь к повстанцам, которые должны создать органы власти, ответственные за поведение лиц из числа их вооруженных формирований; д) обладание частью территории соответствующего государства. Повстанцы должны не только обладать частью территории, но и эффективно осуществлять на ней функции власти, в том числе планировать и вести боевые действия[9].

Кроме того, выделяются еще и дополнительные критерии определения вооруженного конфликта немеждународного характера, к которым относятся: интенсивность боевых действий, поддержка населением той или иной противоборствующей стороны, политическая цель борьбы[10].

Правовая оценка вооруженного конфликта меняется в зависимости от объема признания со стороны третьего государства. Если оно признает повстанцев в качестве воюющей стороны и оказывает им помощь, то немеждународный вооруженный конфликт тем самым перерастает в международный вооруженный конфликт. Если же третье государство оказывает помощь законному правительству, то вооруженный конфликт не перерастает в международный[11].

В юридической литературе неоднократно предпринимались попытки объединить все вооруженные конфликты в соответствующие группы. Имеющаяся несогласованность в этом вопросе ведет, с одной стороны, к возникновению различных трактовок одних и тех же явлений, а с другой стороны, к обозначению равнозначными терминами качественно различных феноменов, что затрудняет их правовую квалификацию и осложняет правоприменительную практику[12].

Методически ущербным представляется перенесение понятийного аппарата времен «холодной войны», а следовательно, и соответствующего мировоззрения на совершенно иную современную почву, так как существующие классификации вооруженных конфликтов, как правило, учитывают либо военную (исходное понятие — «военный конфликт»), либо международно-правовую специфику (исходное понятие — «вооруженный конфликт») в зависимости от того, какие цели преследовались авторами при создании указанных классификаций.

---

[9] См., например: *Арцибасов И.Н.* Международное право. С. 233.

[10] *Полторак А.И., Савинский Л.И.* Вооруженные конфликты и международное право. М., 1976. С. 189.

[11] *Арцибасов И.Н.* Право в период вооруженных конфликтов. М., 1978. С. 46.

[12] *Гассер Х.-П.* Международное гуманитарное право. М., 1995. С. 98.

Исходным для построения системы классификации войн и вооруженных конфликтов необходимо избрать понятие *«социальный конфликт»* — наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия.

В соответствии с причинами, породившими социальный конфликт, он может быть политическим, межэтническим, межконфессиональным, межгосударственным и др. Все перечисленные виды социального конфликта способны осуществляться как без применения оружия, так и в вооруженной форме. Поэтому имеется достаточно оснований в качестве следующей ступени классификации выделить понятие *«вооруженный конфликт»* и понимать под ним такой социальный конфликт, в котором противоборствующие стороны для достижения своих целей применяют оружие, вооруженную силу, т. е. основанием для выделения данного социального феномена является факт применения в процессе конфликта оружия.

Таким образом, всякое вооруженное столкновение конфликтующих сторон, носит ли оно политический, религиозный или этнический характер, есть вооруженный конфликт. Именно в таком значении трактуется понятие вооруженного конфликта в международно-правовых актах (Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним 1977 г.).

Однако данное понятие настолько широко применяется для описания столь качественно разнообразных явлений, что требует еще большей детализации. Исследование реальных военных событий, попыток их научной классификации, предпринимавшихся в различное время в нашей стране и за рубежом, позволяет избрать для градации *видов вооруженного конфликта* такое основание, как *вовлеченность в него государства*. Под вовлеченностью государства в вооруженный конфликт понимается: степень представленности национальных интересов в целях действий противоборствующих сторон; наличие или отсутствие четкого правового определения положения участников конфликта как находящихся в состоянии войны; степень участия различных сфер жизнедеятельности общества (политической, экономической, социальной, правовой) и населения страны в разрешении проблем вооруженной борьбы. По этому основанию выделяются: *войны, военные конфликты и вооруженные инциденты*.

Война — это социально-политическое явление, представляющее собой одну из форм разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других проблем, возникающих между государствами, нациями, классами, социальными группами, средствами вооруженного насилия[13]. Наиболее существенной отличительной особенностью войны является то, что она характеризует качественное состояние всего общества и связана с применением всех имеющихся средств борьбы (политических, экономических, идеологических, дипломатических) в интересах достижения военных целей. В зависимости от целей сторон и масштабных показателей (пространственный размах, привлекаемые силы и средства, напряженность вооруженной борьбы) войны могут быть *мировыми, региональными и локальными*.

[13] Советская военная энциклопедия: В 8 т. М., 1989. Т. 2. С. 236.

Война мировая представляет собой вооруженный конфликт между коалициями государств или крупнейшими государствами мирового сообщества, распространившийся на весь мир или охватывающий значительную его часть и затрагивающий интересы большей части мирового сообщества. Ведется с целями, угрожающими существованию государств как субъектов международных отношений или их конституционному строю и общественно-политической системе. При этом, вооруженная борьба ведется на сухопутных и морских театрах военных действий и охватывает несколько континентов.

Война региональная — это вооруженный конфликт с участием нескольких государств (коалиций государств), ограниченный пределами, как правило, одного региона, затрагивающий интересы большинства расположенных в нем стран, в котором военные действия ведутся на двух или более разрозненных фронтах. В крупномасштабной региональной войне вооруженная борьба может распространиться на большую часть континента и прилегающие морские пространства.

Война локальная — это, как правило, ограниченный двухсторонний вооруженный конфликт, в котором военные действия не выходят за пределы территории воюющих стран, а вооруженная борьба ограничивается пределами одного-двух стратегических направлений.

Юридическим признаком любой войны является ее объявление. Взаимоотношения государств с момента объявления между ними войны или фактическое начало военных действий и до их окончания (мир, капитуляция) являются состоянием войны[14]. С момента объявления федеральным законом состояния войны или фактического начала военных действий наступает военное время — период фактического нахождения государства в состоянии войны с другим государством или группой государств, которое истекает с момента объявления о прекращении военных действий, а в случае их продолжения после объявленного срока — не ранее их фактического прекращения[15].

Военный конфликт — родовое понятие, определяющее вооруженные конфликты без перехода в состояние войны и включающее вооруженные конфликты международного характера и вооруженные конфликты немеждународного характера[16]. Военный конфликт в зависимости от количества его участников и пространственной протяженности способен носить как крупномасштабный, так и локальный характер[17]. К первому типу относится, например, военный конфликт в зоне Персидского залива (операция «Буря в пустыне»), в котором приняло участие несколько государств и боевые действия захватили обширную территорию. Ко второму типу — боевые действия федеральных войск в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996).

Понятие *вооруженного инцидента* используется для обозначения вооруженных происшествий, столкновений между группами людей, не принадлежащих к вооруженным силам каких-либо государств (например, события в районе острова Даманский на реке Уссури (март 1969 г.) или у озера Жаланашколь в Казахстане (август 1969 г.). Вооруженные инциденты могут быть как преднамеренными, так и случайны-

[14] Советская военная энциклопедия. Т. 7. С. 454.
[15] Указ соч. Т. 2. С. 210.
[16] *Маликов С.В.* Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта. С. 20.
[17] Советская военная энциклопедия. Т. 2. С. 310.

ми. Они, как правило, быстротечны, но могут принимать и затяжной характер.

Основной формой ведения войн и военных конфликтов является вооруженная борьба, представляющая собой совокупность военных (боевых) действий различного масштаба, проводимых в условиях боевой обстановки на земле, в воздухе, на воде, под водой и в космосе для достижения политических и стратегических целей[18].

Военные действия — это стратегические действия части вооруженных сил (Действующей армии и флота) по разгрому во время войны[19], которые могут вестись в форме стратегических операций: по стратегическому развертыванию вооруженных сил; по отражению воздушно-космического нападения противника; воздушной с применением обычного оружия; наступательной (оборонительной) на театре военных действий; на океанских театрах войны (театрах военных действий); стратегических ядерных сил[20].

Что касается *боевых действий*, то под ними понимается организованное применение сил и средств для выполнения поставленных боевых задач частями, соединениями и объединениями (до армии или корпуса включительно) видов вооруженных сил[21]. Боевые действия могут вестись в форме боев, ударов, сражений, армейских (корпусных) операций.

Иначе говоря, основное отличие понятия «военные действия» от понятия «боевые действия» заключается в том, что военные действия ведутся на стратегическом уровне — фронтами, а боевые действия ведутся на оперативном, оперативно-тактическом и тактическом уровнях — частями, соединениями и объединениями.

Из сказанного следует, что понятие «военные действия» имеет большую степень общности, чем понятие «боевые действия», которое входит в качестве составной части в понятие «военные действия» как одна из форм ведения военных действий. Другими словами, если фронт ведет военные действия в форме стратегической операции, то так или иначе, и объединения, и соединения, и части, входящие в состав фронта, ведут боевые действия в форме боев, сражений, операций и ударов[22].

Ведение военных действий вооруженными силами происходит на определенных пространствах сухопутной, воздушной и морской территории. В юридической литературе по международному гуманитарному праву при рассмотрении пространственных пределов вооруженной борьбы большинство зарубежных ученых-юристов используют три термина («театр войны», «район войны» и «зона боевых действий»), понимая под *районом войны* ту часть земного шара, на которой воюющие стороны могут подготовлять и осуществлять враждебные действия друг против друга, отличая в этом смысле район войны от *театра войны* — тех частей суши, моря и воздушного пространства, в которых фактически происхо-

---

[18] Советская военная энциклопедия. Т. 2. С. 451.

[19] См.: Военный энциклопедический словарь: В 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 127; Словарь основных военных терминов / Под ред. С.Н. Красильникова. М., 1965. С. 47; Советская военная энциклопедия. Т. 2. С. 260.

[20] Советская военная стратегия / Под ред. И.Е. Шаврова. М., 1976. С. 13.

[21] См.: Словарь основных военных терминов. С. 30; Советская военная энциклопедия. Т. 1. С. 539.

[22] Советская военная наука: Военно-теоретический труд Военной академии Генерального штаба. М., 1990. С. 47—48.

дят военные действия[23]. Что касается *зоны боевых действий*, то под ней зарубежные военные юристы понимают передовую часть территории военных действий, на которой развертываются или могут быть развернуты боевые действия сухопутных войск[24].

Российские ученые-юристы для характеристики пространственной протяженности пределов вооруженной борьбы используют пять терминов («театр войны», «театр военных действий (ТВД)», «район вооруженного конфликта», «район военных действий» и «район боевых действий»), понимая, например, под *театром войны* — территорию, где стороны потенциально могут вести военные действия, а под *театром военных действий* — территорию, где фактически происходят боевые столкновения[25]. Другими словами, театр войны — это сухопутная, водная (реки, озера, внутренние морские и территориальные воды) и воздушная территория воюющих государств, а также воды Мирового океана за пределами территориальных вод прибрежных государств и воздушное пространство над ними, в пределах которых воюющие государства фактически ведут или могут вести военные действия. В свою очередь, под *театром военных действий* понимается территория, на которой вооруженные силы противоборствующих сторон фактически ведут боевые действия. При этом, понятие «театр войны» шире понятия «театр военных действий», так как в театр войны может входить несколько театров военных действий[26].

Что касается *района вооруженного конфликта*, то под ним понимается любая территория, на которой происходят вооруженные столкновения конфликтующих сторон[27]. В свою очередь, районы вооруженного конфликта подразделяются на районы военных действий и районы боевых действий. При этом, под *районом военных действий* понимается часть территории (акватории) ТВД с воздушным пространством над ней, на которой определенные группировки (фронты) действующей армии и флота во время войны ведут военные действия в форме стратегических военных операций на ТВД, а под *районом боевых действий* — местность, а также воздушное пространство над ней, на которой части, соединения и объединения ведут боевые действия в период военного конфликта[28].

С понятием «боевые действия» связано обусловленное им понятие «боевая обстановка», а с понятием «военные действия» связано понятие уже большой степени общности — «стратегическая обстановка».

В Словаре основных военных терминов боевая обстановка определяется как совокупность различных факторов и условий, сложившихся к определенному сроку, в которых совершается подготовка и осуществляется ведение боя или операции. К ним относятся: состояние противни-

---

[23] См., например: *Оппенгейм Л.* Международное право. М., 1949. Т. 2. С. 254.

[24] Словарь основных военных терминов. С. 87.

[25] См., например: *Калугин В.Ю., Павлова Л.В., Фисенко И.В.* Международное гуманитарное право. Минск, 1999. С. 82.

[26] См., например: *Алешин В.В.* Актуальные проблемы современного международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов. М., 2001. С. 78.

[27] *Маликов С.В.* Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта. С. 25.

[28] *Маликов С.В.* Указ. соч. С. 25.

ка, своих войск и соседей, степень радиоактивного и химического заражения местности и воздуха, характер местности и состояние дорожной сети, экономическое состояние района действий и морально-психологическое состояние населения, погода, время суток, года и т. д.[29] Советская военная энциклопедия дает в целом аналогичную, однако более точную формулировку понятия «боевая обстановка» — как совокупности факторов и условий, складывающихся в районе ведения боевых действий в определенное время и влияющих на подготовку и выполнение подразделениями, частями и соединениями боевой задачи[30]. Теория военного искусства ограничивает временные рамки боевой обстановки сроками получения боевой задачи на ведение боевых действий подразделениями, частями, соединениями и выполнения ими боевой задачи.

Однако юридическая наука, в отличие от теории военного искусства, вкладывает в содержание понятия «боевая обстановка» несколько иной смысл, который определяется сложившейся в современной юридической литературе практикой словоупотребления и правоприменения.

Так, с точки зрения науки уголовного права понятие «боевая обстановка» выступает квалифицирующим или необходимым признаком составов преступлений против военной службы.

Понятие «боевая обстановка», рассматриваемое в уголовно-правовом аспекте, предполагает, по мнению одних ученых-юристов, нахождение воинской части в непосредственном соприкосновении и близости с неприятельскими войсками. При этом, боевая обстановка может создаваться не только на фронте, но и в тылу и может иметь место не только в военное время, но и в мирное время, когда, например, часть выполняет какое-либо боевое задание. Следовательно, для воинской части существует боевая обстановка, если часть ведет бой (наступательный или оборонительный) или же, получив приказ, приступает к осуществлению боевых действий. В боевой обстановке воинская часть находится и в том случае, когда она, будучи расположенной в глубоком тылу, выполняет боевую задачу, например, в связи с налетом вражеской авиации, нападением с помощью средств дальнего поражения, высадкой десанта. В отдельных случаях боевая обстановка может возникнуть и в мирное время, например, при вторжении на территорию государства вооруженных банд, нападении на пограничную заставу и т. п.[31]

Другие ученые-юристы понимают под боевой обстановкой совокупность факторов и условий, в которых осуществляются подготовка и ведение боя (операции), связанных с вооруженным соприкосновением с противником подразделений и частей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов и ограни-

---

[29] Словарь основных военных терминов. С. 27.

[30] Советская военная энциклопедия. Т. 7. С. 551.

[31] См., например: *Чхиквадзе В.М., Савицкий М.* Положение о воинских преступлениях (комментарий) / Под ред. И.Т. Голякова. Ашхабад, 1943. С. 46; *Ахметшин Х.М., Васильев Н.В., Кудрявцев В.Н., Шанин В.И.* Воинские преступления / Под ред. Н.Ф. Чистякова. М., 1970. С. 55—56; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Под ред. Ю.Д. Северина. М., 1984. С. 487; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.И. Радченко. М., 1994. С. 453.

ченных по времени сроками выполнения боевой задачи[32], т. е. трактуют понятие боевой обстановки с точки зрения теории военного искусства и считают, что боевая обстановка может быть и в условиях мирного времени, например, в связи с локальными вооруженными конфликтами, вторжением на территорию государства воинских подразделений или вооруженных банд сопредельного государства, нарушением неприкосновенности воздушного или морского пространства государства, а также выполнением воинскими частями интернационального долга[33], либо понимают под боевой обстановкой оперативную ситуацию, характеризующуюся вооруженным столкновением или угрозой такого столкновения воинского подразделения с противником, которая может возникнуть как в военное, так и в мирное время. При этом, боевая обстановка мирного времени может возникнуть в случае вооруженных действий негосударственных военных формирований, направленных против целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации[34].

Однако, хотя понятие «боевая обстановка» и было разработано для боевых действий и является одним из понятий теории военного искусства, оно в большей мере выступает фактической (объективной), чем юридической категорией. Поэтому это понятие применимо как к военному времени, так и к мирному, если войска решают в соответствии с боевыми приказами поставленные перед ними оперативные или тактические задачи с использованием имеющихся в их распоряжении сил и средств вооруженной борьбы. Именно такие задачи решались в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996). По этой причине при юридической оценке преступных действий виновных военнослужащих этот квалифицирующий признак должен учитываться[35].

Как правило, боевая обстановка упоминалась в УК РСФСР в качестве квалифицирующего признака составов преступлений наряду с военным временем в одних и тех же статьях (п. «в» ст. 239, п. «в» ст. 240, п. «в» ст. 241 и т. д.). Лишь в составах, предусмотренных ст.ст. 248 и 261 УК РСФСР, боевая обстановка являлась не квалифицирующим, а необходимым признаком состава преступлений[36]. В этих случаях наличие боевой обстановки приобретает самостоятельное правовое значение, влияя на квалификацию, усиливая ответственность за содеянное. Так, например, самовольное оставление части (ст. 246 УК РСФСР), но уже совершенное в боевой обстановке, квалифицировалось по ст. 248 УК РСФСР, предусматривающей более тяжкое наказание. Таким образом, боевая обстановка влияла на применение уголовного закона в плане как ужесточения уголовной ответственности военнослужащих за общеуголовные преступления и преступления против военной службы, совершенные в период ведения боевых действий, так и применения тех составов преступлений против военной службы, где боевая обстановка является квалифицирующим признаком.

---

[32] *Маликов С.В.* Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта. С. 25—28.

[33] См., например: Закон об уголовной ответственности за воинские преступления: Комментарий / Под ред. А.Г. Горного. М., 1986. С. 28.

[34] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 1996. С. 526—527.

[35] *Петухов Н.А.* История военных судов России. М., 2003. С. 321—324.

[36] *Ахметшин Х.М., Васильев Н.В., Кудрявцев В.Н., Шанин В.И.* Указ. соч. С. 56.

В УК РФ (1996) глава о преступлениях против военной службы не содержит составов преступлений, совершенных в военное время и в боевой обстановке. Согласно ч. 3 ст. 331 УК РФ уголовная ответственность за них определяется законодательством Российской Федерации военного времени, которое до сих пор еще не принято[37]. До издания закона, предусмотренного ч. 3 ст. 331 УК РФ, в соответствующих случаях должны применяться нормы гл. 33 и других глав УК РФ, в том числе гл. 34[38].

Что касается криминалистической науки, то здесь боевая обстановка выступает как совокупность условий, складывающихся в районе боевых действий, в которых в данный момент осуществляется расследование преступлений, т. е. та фактическая (объективная) обстановка, в которой протекает процесс доказывания[39].

Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в условиях ведения боевых действий, производится, как правило, в боевой обстановке, которая была вызвана этими боевыми действиями и которая влияет на расследование, определяя специфические устойчивые связи, зависимости, отношения и тенденции в этой сфере человеческой деятельности. При этом, организация расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, затрудняется целым рядом негативных факторов, что существенно влияет на процесс выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, совершаемых военнослужащими.

Существуют два направления влияния негативных факторов (объективного и субъективного характера), вызываемых вооруженным конфликтом, на расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта: во-первых, воздействие через особый характер преступлений, который многие из них приобретают в районах вооруженного конфликта; во-вторых, непосредственное воздействие на организацию и методику расследования преступлений.

Так, воздействие на расследование преступлений через особый их характер, который многие из них приобретают в районах вооруженного конфликта, оказывают следующие *основные негативные факторы*: повышение уровня общественной опасности преступлений, совершаемых военнослужащими; более тяжкие последствия преступлений, совершаемых военнослужащими; появление преступлений, посягающих на специфические воинские правоотношения, возникающие в связи с ведением боевых действий (в боевой обстановке, на поле боя, в районе военных действий); значительное число совершаемых преступлений и неуклонный рост уровня преступности военнослужащих; рост числа преступлений трусливо-малодушной мотивации, основную массу которых составляют различные формы уклонения от военной службы; зависимость уровня преступности военнослужащих от интенсивности боевых действий; реагирование преступности военнослужащих на военные успехи

---

[37] В настоящее время в Комитете Государственной думы Российской Федерации по обороне обсуждается законопроект № 130883-3 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ (в части совершенствования военно-уголовного законодательства)».

[38] Уголовный кодекс РФ: Постатейный комментарий / Под ред. Н.Ф. Кузнецова и Г.М. Миньковского. М., 1997. С. 694.

[39] *Маликов С.В.* Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта. С. 29.

или неудачи; высокий уровень искусственно-латентной преступности военнослужащих и др.

Для устранения или минимизации последствий вышеперечисленных негативных факторов необходимо принятие дополнительных нормативных предпосылок расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, путем внесения изменений в уголовно-процессуальный порядок расследования преступлений, касающихся следующих вопросов: подследственности военных следственных органов; форм расследования преступлений; процессуальной роли командования; сроков расследования преступлений; порядка избрания и применения мер процессуального принуждения; порядка привлечения участников уголовного судопроизводства (защитников, переводчиков, специалистов, понятых) и др.

Непосредственно на организацию и методику расследования преступлений в районах вооруженного конфликта воздействуют следующие *основные негативные факторы объективного характера*: быстрое изменение оперативной обстановки; частая передислокация воинских частей и подразделений; гибель, ранение и пленение свидетелей, потерпевших, подозреваемых в ходе боевых действий; изменение обстановки места происшествия в результате бомбардировки, артиллерийского или минометного обстрела, захвата противником; минирование мест происшествия, обстрелы снайперов, засады на коммуникациях и др.

Здесь резерв улучшения следственных показателей по оперативности и качеству состоит в рационализации порядка производства следственных действий путем: адаптации к условиям вооруженного конфликта удостоверительной стороны собирания доказательств с использованием новейших технологий в области фиксации доказательств; расширения и укрепления экспертной базы; совершенствования форм и методов взаимодействия с другими правоохранительными органами; улучшения качественных характеристик и надежности средств связи и транспорта; создания штатных органов дознания (военной полиции) и др.

Что касается *основных негативных факторов субъективного характера*, влиявших на организацию расследования преступлений в районах вооруженного конфликта, например, в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996), то к ним относятся: комплектование органов военной прокуратуры по «авральной» методике следственными работниками, не имеющими достаточного практического опыта; краткосрочность пребывания следственных работников в районах вооруженного конфликта; некомплект штатного состава следственных работников и др.[40]

Для устранения вышеперечисленных негативных факторов необходимо не только внести организационные коррективы в организацию расследования преступлений в районах вооруженного конфликта, но и разработать новую, адекватную условиям вооруженного конфликта, форму организации расследования преступлений.

В целях нейтрализации действия всех негативных факторов, вызванных вооруженным конфликтом, скорейшей нормализации обстановки, восстановления законности и правопорядка в районах вооруженного конфликта предусмотрены чрезвычайные меры, которые сопровождают-

[40] *Маликов С.В.* Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта. С. 29—31.

ся установлением исключительных (особых) правовых режимов (режим проведения контртеррористической операции, чрезвычайного и военного положения), которые обладают определенной спецификой и отличаются характером и системой предусмотренных мероприятий, сроком действия, строгостью мер, объемом временных ограничений и т. д. Практическая реализация этих правовых режимов должна создавать фактические предпосылки для успешного осуществления своих функций правоохранительными органами, в том числе и при расследовании преступлений, так как в этих условиях они получают дополнительные возможности для привлечения необходимых сил и средств к проведению широкомасштабных тактических операций, что позволит им успешнее преодолевать многочисленные сложности, вызванные негативными факторами вооруженного конфликта.

Таким образом, негативные факторы вооруженного конфликта, определяя специфические условия расследования преступлений в районах вооруженного конфликта, оказывают в конечном счете значительное влияние на правовое обеспечение, организацию и методику расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Глава 2. Возникновение и развитие концепции военно-полевой криминалистики

Реалии современной правоохранительной деятельности в Российской Федерации, к сожалению, демонстрируют невостребованность многого из того положительного опыта, накопленного предшествующими поколениями профессиональных юристов. В данном случае это напрямую относится и к опыту расследования преступлений в районах вооруженного конфликта. Неоднократно апробированный на практике, этот опыт нашел свое отражение в концепции военно-полевой криминалистики.

Научное описание и теоретическое осмысление технологии преодоления трудностей в расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, стало возможным лишь после того, как сложилась в начале второй половины XIX в. в ходе подготовки Судебной реформы 1864 г. достаточно зрелая концепция расследования преступлений в обычных условиях и были разработаны классические положения предварительного следствия розыскного типа. До Судебной реформы 1864 г., в период существования инквизиционного процесса, разрешения дел на основе формальных доказательств, тайного и ревизионного порядка военного судопроизводства, сложной, многоступенчатой системы временных военно-судебных органов проблемам военного судоустройства и судопроизводства были посвящены лишь отдельные немногочисленные публикации военных юристов, касающиеся работы военно-судебных органов в условиях мирного времени[41].

[41] См., например: *Казанский В.* Краткое руководство к познанию правил для производства следствий и военно-судных дел, на существующих узаконениях основанное. СПб., 1832; *Лукин В.* Производство следствий по военному ведомству для военных следователей и депутатов при следствиях. СПб., 1853 (2-е изд. СПб., 1855); *Площинский Л.О.* Русское военное судопроизводство и судоустройство по Своду военных постановлений для практического применения. СПб., 1854; *Бормотов И.* Руководство для военных следователей по Военно-уголовному уставу и Высочайше утвержденной 13 апреля 1861 г. Инструкции для производства следствий в военном ведомстве. СПб., 1862 (2-е изд. СПб., 1864; 3-е изд. СПб., 1866).

История появления и развития концепции расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта (военно-полевой криминалистики), насчитывает около полутора столетий. В ней можно выделить одиннадцать основных этапов.

Первый этап (1859—1880) характеризуется разработкой законодательства о судоустройстве и судопроизводстве в военное время и первой попыткой применения его на практике в период Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Начало процессу теоретического осмысления и проверки на практике нормативных положений, относящихся к расследованию преступлений, совершаемых военнослужащими в военное время, было положено 29 октября 1859 г., когда было объявлено Высочайшее повеление императора Александра II приступить членам комиссии под председательством генерал-аудитора тайного советника В.Д. Философова к разработке Устава военно-уголовного судопроизводства. Разработанные комиссией новые правила о производстве дел в военно-полевых судах были утверждены 2 сентября 1862 г., внесены в Полевое уголовное уложение для Действующей армии (1812) и сразу же проверялись на практике в период подавления польского мятежа (1863—1864).

В апреле 1863 г. особая комиссия Военного и морского ведомства под председательством генерал-адъютанта, генерала от артиллерии Н.А. Крыжановского представила на рассмотрение Особого присутствия проект Основных положений преобразования военно-судной части, который 25 октября 1865 г. был одобрен императором Александром II.

29 марта 1867 г. особый комитет из высших сановников под председательством Великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича представил императору Александру II окончательный вариант Военно-судебного устава и Военно-морского судебного устава, которые и были им утверждены 15 мая 1867 г. Впервые для производства предварительного следствия при военно-окружных судах учреждались должности военных следователей, а для осуществления надзора за судами вводились должности военных прокуроров.

Военно-судебный устав 1867 г. определил, что правила о судоустройстве и судопроизводстве для мирного времени сохраняют свою силу и для военного времени, но с определенными изъятиями (ст.ст. 1192—1238)[42], которые распространялись по особым распоряжениям императора на войска и местности, объявленные на военном положении.

Военно-судебный устав 1867 г. ввел новую систему органов правосудия в армии для военного времени, состоящую как из постоянно действующих (полковых судов, полевых военных судов армий и полевого Главного военного суда), так и временных (временных полевых военных судов и особых кассационных присутствий) военных судов, начинающих функционировать при пересечении Действующей армией границ Российской империи. Если Действующая армия находилась на территории своей страны, то она обслуживалась в судебном отношении военно-окружным судом того военного округа, на территории которого она действовала. При этом, общий надзор за военно-судебными органами и должностными лицами военно-судебного ведомства, находящимися в Дей-

[42] Военно-судебный устав. Раздел 4. «О суде в военное время». СПб., 1867. С. 224—233.

ствующей армии или местности, объявленной на военном положении, переходит от военного министра к Главнокомандующему (ст. 1207).

В соответствии с Военно-судебным уставом 1867 г. подсудность уголовных дел военным судам была дифференцирована относительно мирного и военного времени и значительно расширялась в военное время за счет: лиц, принадлежащих к войску (ст. 1210); лиц гражданского ведомства в местностях, объявленных на военном положении (ст. 1211), и жителей неприятельских областей, армией занимаемых (ст. 1212).

В военное время расширялся и перечень органов дознания: военное начальство, военная полиция, а где это возможно, и местная полиция (ст. 1214 вышеназванного Устава). При этом, «военное начальство заменяет следователя во всех следственных действиях, не требующих отлагательства в тех случаях, когда застигнуто только что совершившееся преступное деяние, а также, когда до начала предварительного следствия следы происшествия могли изгладиться, и самостоятельно проводит осмотры, освидетельствования, обыски и выемки, но формальных допросов ни обвиняемым, ни свидетелям не делает, разве бы кто-либо из них оказался тяжко больным и представилось бы опасение, что он умрет до начала следствия» (ст. 397). В военное время в случае невозможности командировать на место происшествия военного следователя военному начальству разрешалось поручать производство предварительного следствия офицерам, знакомым с судебной частью (ст. 1217).

Помимо вышеизложенного комплекса основных судебно-правовых вопросов, Военно-судебный устав 1867 г. разрешал военному следователю приступить к предварительному следствию только по сообщению военного начальства и с обязательным немедленным уведомлением военного прокурора (ст. 430). При этом, ни для дознания, ни для предварительного следствия никаких ограничений по срокам проведения в военное время не устанавливалось. Для военного времени предусматривалось лишь сокращение сроков применительно к отдельным стадиям судебного производства.

Однако Военно-судебный устав 1867 г. содержал и значительные отступления от общих начал Судебной реформы 1864 г. Так, при утверждении данного Военно-судебного устава порядок, время и условия введения его в действие определены не были, поэтому военно-окружные суды по военным округам создавались более 20 лет (1867—1889). Такое затягивание, наряду с другими причинами, объяснялось тактикой лавирования самодержавия, ожидавшего спада революционного движения в стране и волнений в армии.

В рассматриваемый период появились первые научные публикации по проблемам судопроизводства в военное время А. Анисимова, И. Бормотова, Н. Викторовского, А.И. Малицкого, В. Мартынова, А. Петрова,

В. Савинкова, А.П. Томсена, С. Щербович-Вечора и М. Якубова[43], посвященные разъяснению и комментариям основных положений Военно-судебного устава 1867 г.

Впервые правила судопроизводства для военного времени были реально применены на практике во время Русско-турецкой войны 1877—1878 г., но со значительными отступлениями от требований Военно-судебного устава 1867 г. в силу кадровых, финансовых и организационных причин. Предоставление командирам больших полномочий как по организации военно-полевых судов, так и по совершению действий по своему усмотрению при невозможности их организации зачастую приводило к злоупотреблениям ими со стороны командиров: вместо организации военно-полевых судов создавались временные военно-полевые суды или особые присутствия, в составе которых разрешалось не иметь лиц военно-судебного ведомства (т. е. профессиональных юристов). Кроме того, многие воинские начальники всех рангов часто прибегали к недозволенным мерам расправы над подчиненными без всякого суда[44].

К данному периоду относится и первая попытка обобщения Н. Максимовым в 1880 г. опыта расследования преступлений в Действующей армии в годы Русско-турецкой войны (1877—1878)[45].

Второй этап (1881—1889) характеризуется осознанием необходимости приспособления уголовно-процессуального законодательства к «военным обстоятельствам» с учетом опыта Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и усилением власти «военного начальства» на предварительном следствии. В это время были высказаны, теоретически сформулированы и частично проверены на практике некоторые идеи, относящиеся к расследованию преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Впервые вопрос о необходимости приспособления уголовно-процессуального законодательства к «военным обстоятельствам» подняли в

---

[43] См.: *Бормотов И., Савинков В.* Полковые суды. СПб., 1867; *Петров А.* Сборник правил, определяющих участие полка в отправлении правосудия. СПб., 1867; *Анисимов А., Мартынов В.* Военно-судебный устав (1867 г.), с разъяснениями и дополнениями. Варшава, 1871; *Савинков В.* О дознании, его назначении, производстве, рассмотрении в военном ведомстве и об участии военного начальства в предварительном следствии и предании военному суду. Харьков, 1872; *Якубов М.* Устав военно-судебный. Казань, 1874 (2-е изд. Казань, 1875; 3-е изд. Казань, 1879); *Викторовский Н., Мартынов В.* Военно-судебный устав (1867 г.), с разъяснениями и дополнениями. Варшава. 1875; *Малицкий А.И.* Дознание, порядок, цель и способы производства дознаний в военном ведомстве. Тифлис, 1876 (2-е изд. Тифлис, 1877); *Мартынов В.* Военно-судебный устав. Варшава, 1879; *Томсен А.П.* Правила производства дел в полковых судах по Военно-судебному уставу. СПб., 1879; *Щербович-Вечор С.* Права и обязанности г.г. военных начальников по устройству судов военного ведомства и производству в них военно-судебных дел. М., 1880.

[44] Столетие Военного министерства (1802—1902 гг.). СПб., 1902. Т. 12. Ч. 1. С. 347—349.

[45] *Максимов Н.* Статистический очерк военно-судной части во время войны 1877—78 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1880.

1881 г. А. Анисимов и Н. Мартынов[46], а сама история появления концепции расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта (военно-полевой криминалистики), связана с именем генерал-адъютанта князя А.К. Имеретинского. Назначение в 1881 г. Главным военным прокурором бывшего строевого генерала, прославившегося в Русско-турецкую войну 1877—1878 г., обусловило приближение деятельности Главного военно-судного управления (ГВСУ) к армии. Так, уже 10 марта 1882 г. новый Главный военный прокурор представил Военному министру генерал-адъютанту П.С. Ванновскому первую записку об общих предполагаемых изменениях в действующем военном судоустройстве и судопроизводстве, а в апреле—мае 1882 г. еще пять записок[47], общий замысел которых сводился к тому, что порядок отправления правосудия в армии должен полностью соответствовать требованиям воинской дисциплины и быта; военно-судебный процесс должны отличать простота, скорость и дешевизна; в период военного времени особый порядок судопроизводства должен отвечать исключительным условиям такого периода.

«Недостатки ныне действующего положения в военных судах и военно-прокурорском надзоре, — писал А.К. Имеретинский, — заключаются в медлительности судоотправления, многочисленности персонала военно-судебного ведомства, дороговизне содержания ГВСУ, отсутствии связи между военными судами и войсками, *неудобопримененении судов мирного применения в военное время* (курсив мой. — *С. М.*)»[48]. Подготовленные по его предложениям изменения Военно-судебного устава 1867 г., объявленные приказами по Военному ведомству от 28 марта 1883 г. № 84[49], от 19 марта 1884 г. № 83[50] и от 18 июля 1885 г. № 178[51], повлекли усиление власти военного начальства на предварительном следствии и при отправлении правосудия.

Так, Военно-судебный устав (1883—1885) ввел новую систему органов правосудия в армии для военного времени, состоящую как из подвижных судов (полковых и корпусных судов), следующих за войсками

---

[46] *Анисимов А., Мартынов Н.* Возможны ли изменения в организации нашего военного суда. СПб., 1881.

[47] См.: Записки Главного военного прокурора от 12.04.1882 г. «Об увеличении служебного ценза офицеров, поступающих на службу в военно-судебное ведомство»; от 26.04.1882 г. «О приведении существующей организации военных судов в возможно большее соответствие с потребностями войск»; от 1.05.1882 г. «Об изменении правил ответственности в порядке дисциплинарном председателей военных судов, военных судей и военных следователей по проступкам, не составляющим нарушений по должности, и о предоставлении Главным начальникам военных округов надзора за деятельностью военных судов и лиц военно-судебного ведомства»; от 1.05.1882 г. «О децентрализации военно-прокурорского надзора» и др. (РГВИА. Ф. 801, оп. 61, д. 427).

[48] РГВИА. Ф. 801, оп. 61, д. 427.

[49] Приказ по Военному ведомству от 28 марта 1883 г. № 84 внес изменения в разд. I Военно-судебного устава 1867 г.

[50] Приказ по Военному ведомству от 19 марта 1884 г. № 83 внес изменения в разд. II и III Военно-судебного устава 1867 г.

[51] Приказ по Военному ведомству от 18 июля 1885 г. № 178 внес изменения в разд. IV Военно-судебного устава 1867 г.

при их передислокации, так и из судов стационарного базирования (этапных судов и суда тыла армии)[52].

Полковые суды образуются так же, как и в мирное время, при полках и частях войск, начальники которых пользуются правами полковых командиров, и при тех же условиях[53]. Исключение сделано только в том отношении, что начальник части, при которой учрежден полковой суд, может изменить персональный состав суда до истечения срока полномочий председателя и членов суда (ст. 1283) (здесь и ниже указаны статьи Военно-судебного устава 1883—1885 гг.).

Корпусные суды, являясь судами второй инстанции, подобно военно-окружным судам, учреждаются при каждом корпусе. При корпусном суде состоят прокурор, назначаемый из числа чинов военно-судебного ведомства, секретарь и два кандидата на военно-судебную должность (ст. 1320). Права военных начальников относительно их участия в назначении судей корпусных судов значительно расширились по сравнению с мирным временем. Так, Главнокомандующий приобретает в этом отношении права Военного министра (ст.ст. 1293, 1301—1303), а командир корпуса — главного начальника военного округа (ст.ст. 1291—1292, 1294, 1299—1300).

Чрезвычайная власть относительно образования военного суда предоставляется коменданту осажденной неприятелем крепости и начальнику отряда, лишенного всякого сообщения с другими частями армии, которым при неимении в крепости или отряде постоянного военного суда предоставлено в случаях, не терпящих отлагательства, право учреждать своей властью суд по правилам, установленным для образования корпусных судов, с возложением обязанностей чинов военно-судебного ведомства на офицеров от войск (ст. 1304).

Что касается этапных судов, то они, являясь судами первой инстанции (подобно полковым судам), учреждаются, по мере надобности, при начальниках этапных участков и этапных комендатурах, с соблюдением правил, установленных для полковых судов. В этапные суды могут быть передаваемы дела частей войск, начальники которых не пользуются правами полковых командиров, по распоряжению начальника штаба армии или командующего войсками в тылу армии (ст.ст. 1283—1287). Суд тыла армии, являясь судом второй инстанции, формируется так же, как и военно-окружные суды в мирное время (ст.ст. 1305—1309).

Кассационный суд (кассационное присутствие армии) учреждается один для всей Действующей армии (ст.ст. 1310—1312). При этом, состав кассационного суда в военное время с преобладанием в нем чинов военно-судебного ведомства и порядок назначения входящих в него лиц обеспечивают независимость решения дел от усмотрения военного начальства[54].

В военном судопроизводстве для военного времени, а также войск и местности, объявленных на военном положении, были установлены следующие изъятия:

1) законными поводами к начатию дел признаются также донесения чинов военной полиции, на которых может быть возложено военными

[52] Военно-судебный устав. Раздел IV. «О суде в военное время». СПб., 1885.

[53] Инструкция полковым судам, объявлена Приказом по Военному ведомству 1884 г. № 323. СПб., 1884.

[54] *Шендзиковский И.А.* О военном суде в военное время (полевом военном суде). СПб., 1892. С. 83.

начальниками и производство дознаний по делам, подсудным военным судам (ст. 1344);

2) расширены права военных начальников передавать обвиняемых корпусному суду по данным, заключающимся в дознании, если дело разъяснено с достаточной полнотою и является настолько очевидным, что нет надобности в дальнейшем расследовании его (ст. 1346);

3) по делам, подсудным корпусным судам, предварительное следствие производится по упрощенным формам по сравнению с мирным временем, при этом надзор за его производством принадлежит прокурору корпусного суда и военному начальству (ст. 1349);

4) если военный начальник признает нужным произвести предварительное следствие из-за неполноты дознания, то он поручает производство следствия или тому же лицу, которое производило дознание, или одному из офицеров или гражданских чиновников военного ведомства, или чинам военной полиции (ст. 1347);

5) предварительное следствие производится военными следователями только по делам о преступных деяниях по некоторым особенным родам службы и по управлению и хранению вверенным по службе имуществом, о превышении и бездействии власти и о преступных деяниях, повлекших ущерб и убытки для казны, совершенных военнослужащими совместно с чиновниками гражданского ведомства. Эти дела, ввиду их сложности, были изъяты из ведения корпусных судов и подлежали рассмотрению суда тыла армии, где предварительное следствие производится по общим правилам военными следователями (ст.ст. 1337, 1367).

Таким образом, Военно-судебный устав (1883—1885) предоставил высшим военным начальникам чрезвычайные полномочия ввиду особых исключительных требований военного времени. Производившие следствие лица прямо зависели от военных начальников. Кроме того, предварительное следствие по делам, подсудным корпусным судам, стало производиться не военным следователем, а лицом, не имеющим юридического образования и следственного опыта и при том в большинстве случаев подчиненным начальнику, назначившему следствие. Это отступление от правил судопроизводства мирного времени было мотивировано тем, что производство следствия военными следователями замедляло бы расследование и рассмотрение дел в корпусных судах, так как невозможно назначить достаточное число военных следователей при каждом из этих судов[55].

К рассматриваемому периоду относятся и научные публикации по данной проблематике К. Воздвиженского, Я. Городынского, В. Савинкова,

[55] *Абрамович-Барановский С.С.* Значение военного начальства в военно-уголовном судопроизводстве. СПб., 1896. С. 437—438.

С. Щербакова, И.В. Хабарова[56]. Изучение и систематизация данных публикаций показывают, что наиболее ценными являются следующие содержащиеся в них положения:

1) о необходимости быстроты следствия для обнаружения и сохранения таких следов и признаков преступления, которые могут изгладиться по причине военных обстоятельств (В. Савинков, И.В. Хабаров);

2) о производстве лицом, производящим следствие, осмотров, освидетельствований, обысков и выемок только лишь в месте производства следствия, а в других местах по его сообщению — военной полицией или военным начальством (К. Воздвиженский, С. Щербаков);

3) о вызове к допросу только тех свидетелей, которые имеют пребывание в месте производства следствия, остальные свидетели допрашиваются в местах их пребывания: военнослужащие — через их начальство, а прочие — через военную полицию или местное начальство (Я. Городынский).

Так, И.В. Хабаров отмечал, что «своевременность мер и распоряжений при производстве следствия в военное время имеет весьма важное значение: часто мера, предпринятая сегодня с полным успехом, оказалась бы завтра если и не совершенно бесполезною, то значительно менее полезною»[57].

Я. Городынский указывал, что «в военное время или при объявлении известной части войск на военном положении, при усмирении беспорядков или возмущения внутри империи, вопрос о возможности или невозможности увольнения свидетелей из военнослужащих к следствию или суду, безусловно, предоставляется усмотрению непосредственного их начальства. Свидетели из воинских чинов, состоящих на действительной службе, не получившие, по военным обстоятельствам, разрешения на отлучку из места служения, должны быть допрашиваемы в сем последнем месте»[58].

Третий этап (1890—1899) характеризуется дальнейшим изменением положений Военно-судебного устава 1883—1885 гг. в целях их согласования с требованиями нормативных актов Военного ведомства о полевом управлении войск в военное время.

Принятие Положения о полевом управлении войск в военное время, объявленного приказом по военному ведомству 1890 г. № 62, потребовало внесения изменений в Военно-судебный устав (1883—1885). В целях его согласования с Положением о полевом управлении войск в военное время (1890) в разд. IV Военно-судебного устава (1883—1885) были внесены изменения, объявленные приказом по Военному ведомству от 3 декабря 1899 г. № 370[59].

[56] См.: *Воздвиженский К.* Правила для производства дознаний в войсках. М., 1888; *Городынский Я.* Привлечение к обвинению состоящего на действительной службе офицера // Журнал гражданского и уголовного процесса. 1881. № 5; *Савинков В.* О дознании, его назначении, производстве, рассмотрении в военном ведомстве и об участии военного начальства в предварительном следствии и предании военному суду. Вильно, 1884; *Щербаков С.* Практическое руководство для полковых судов военного ведомства и бригадных судов пограничной стражи. СПб., 1882 (2-е изд. СПб., 1884; 3-е изд. СПб., 1888); *Хабаров И.В.* Отправление правосудия военным начальством. Владикавказ, 1885.

[57] *Хабаров И.В.* Указ. соч. С. 46.

[58] *Городынский Я.* Указ. соч.

[59] Военно-судебный устав. Раздел IV. «О суде в военное время». СПб., 1899.

Так, вводилась новая система органов правосудия в армии в районе театра войны (т. е. в районе, подчиненном Главнокомандующему и командующим армиями), состоящая: из полковых и этапных судов; военно-окружных судов, подчиненных командующим армиями районов театра войны; судов армий и Кассационного присутствия. В случае образования в занятых армией неприятельских областях военного генерал-губернаторства формируется особый военный суд на правах военно-окружного суда, местный военно-окружной суд, продолжающий и впредь свои действия, усиливается необходимым для военного времени количеством чинов военно-судебного ведомства, из числа которых формируется суд армии (по образцу военно-окружного суда), открывающий свои действия со дня объявления мобилизации и постоянно следующий за армией (ст.ст. 1289—1291).

Для рассмотрения дел, возникающих в крепости, объявленной на военном положении, в корпусах и отрядах, выделенных из состава армии для отдельных военных операций вдали от места нахождения военно-окружного суда театра войны и суда армии, формируются временные военные суды (ст. 1295).

В военном судопроизводстве для местностей, объявленных на военном положении, а также после объявления мобилизации во всем районе театра войны были установлены следующие изъятия:

1) предварительное следствие в районе театра войны производится на общих основаниях военными следователями (ст. 1335);

2) до начала следствия военным следователем лицо, производящее дознание по делу, заменяет военного следователя вплоть до его прибытия во всех следственных действиях без изъятий, с соблюдением при этом общих правил для производства предварительного следствия, а по возможности и формы протоколов и постановлений (ст. 1336);

3) осмотры, освидетельствования, обыски и выемки совершаются в месте производства следствия военным следователем, а в других местах или самим военным следователем, или по его сообщению военной полицией и военным начальством (ст. 1338);

4) к допросу вызываются только те свидетели, которые имеют пребывание в месте производства следствия, остальные свидетели допрашиваются в местах их пребывания непосредственно лицом, производящим следствие, военнослужащие — через их начальство, а прочие — через военную полицию или местное начальство (ст.ст. 1345—1346);

5) военный следователь лично выезжает для производства следственных действий только в места, находящиеся на расстоянии не более 100 верст по железным и 30 верст по другим дорогам, на более же далекие расстояния — лишь в случае безусловной в том необходимости (прим. к ст. 1338).

В рассматриваемый период произошло резкое усиление научного внимания к проблемам судопроизводства в районах театра войны со стороны военных ученых-криминалистов С.С. Абрамович-Барановского, К. Александровича, К. Даманского, В. Извекова, Н. Мартынова, С. Мушруб-Шавердова, Д.С. Натиева, М. Огиевского, Д.Ф. Огнева, А. Рагозина, С.А.Федорова, К. Шаврова, П.А. Швейковского и И.А. Шендзиковско-

го[60]. Изучение и систематизация их научных публикаций показывают, что наиболее ценными являются следующие содержащиеся в них положения:

1) о производстве предварительного следствия «со всевозможной скоростью, без остановки в табельные или воскресные дни, если военные обстоятельства того требуют» (К. Александрович, К. Шавров, С.А. Федоров);

2) о проведении следственных действий независимо от времени суток, в случаях, не терпящих отлагательства по причине военных обстоятельств (Д.С. Натиев, С. Мушруб-Шавердов, К. Даманский);

3) об обязанности военного начальника строго следить за тем, чтобы назначенное им лицо приступало к производству дознания немедленно по получении о том предписания и чтобы затем оканчивало его со всевозможной скоростью, без всяких остановок и промедлений собиранием ненужных и бесполезных для дела сведений (П.А. Швейковский).

С.С. Абрамович-Барановский обращал внимание на следующее: «чтобы бороться со всеми невыгодными условиями военных действий, необходимы чрезвычайные меры, чрезвычайные полномочия военной власти, в том числе отступления от общих начал уголовного процесса мирного

[60] См.: *Абрамович-Барановский С.С.* Значение военного начальства в военно-уголовном судопроизводстве. СПб., 1896; *Александрович К.* Правила возбуждения и прекращения уголовных дел в войсках. Производство дознания и обязанности офицера, коему будет поручено в экстренных случаях заменить военного следователя. Седлец, 1891; *Даманский К.* Производство дознаний офицерами и гражданскими чиновниками военного ведомства. Киев, 1897; *Извеков В.* Производство дознаний в войсках. Орел, 1896; *Мартынов Н.* Устав военно-судебный, разъясненный и дополненный мотивами, послужившими его основанием и вызвавшими его последующие изменения, всеми позднейшими узаконениями, решениями Главного военного суда, приказами по Военному ведомству, циркулярами Главного штаба и Главного военно-судного управления, с приложением алфавитного указателя. 1—7-е изд. СПб., 1899; *Мушруб-Шавердов С.* Производство дознаний в военном ведомстве и направление по ним судебных дел. Варшава, 1895; *Натиев Д.С.* Справочная книжка для строевых офицеров о производстве дознаний и следствий в войсках. СПб., 1894; *Огиевский М.* Справочная книга по военно-судебным делам. СПб., 1898; *Огнев Д.Ф.* Судопроизводство в полковых и равных им по власти судах. СПб., 1897 (2-е изд. СПб., 1899); *Рагозин А.* Порядок производства дел в полковых и батальонных суда: Пособие председателю. СПб., 1895; *Федоров С.А.* Справочная книжка по производствам мировых разбирательств и дознаний. Кронштадт, 1890; *Шавров К.* О производстве судебными следователями предварительных следствий о военнослужащих // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 2; *Швейковский П.А.*. Права и обязанности военных начальников по военно-судным делам: Практическое руководство для военных начальников, председателей и делопроизводителей полковых судов и чинов военно-судебного ведомства. 2-е и 3-е изд. СПб., 1895; *Он же.* Военно-судная часть в войсках. (Действующие законоположения со всеми разъяснениями по 15 апреля 1899 г.). С приложением образцов и форм. СПб., 1899; *Шендзиковский И.А.* О военном суде в военное время (полевом военном суде). СПб., 1892.

времени, и в частности, строгая и примерная репрессия преступных деяний»[61].

К указанному периоду относится и первое статистическое исследование деятельности военных судов в русской армии за 25-летний период (1861—1885), в том числе во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., проведенное И. Иллюстровым в 1890 г.[62]

Четвертый этап (1900—1913) характеризуется совершенствованием правил судопроизводства «в районах театра войны» на основе опыта следственно-судебной работы в период Русско-японской войны 1904—1905 гг.

Впервые в XX в. вопрос о необходимости приспособления уголовно-процессуального законодательства и судоустройства к условиям «районов театра войны» поднял в 1900 г. в ряде своих статей Н.П. Хитрово[63].

К данному периоду относятся и научные публикации по данной проблематике И.И. Гинтера, П.Ф. Заустинского, Н.А. Лопатина, А.С. Лыкошина, Н. Мартынова, Г.Г. Попова, А.Н. Рещикова, П.А. Швейковского[64].

Первое обстоятельное научное исследование проблем расследования преступлений в боевой обстановке, в котором были подведены краткие итоги развития концепции расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, провел в 1903 г. военный следователь Приамурского военно-окружного суда полковник И.П. Пеганов, который считал, что «в военное время надлежащая доброкачественность органов дознания и способов отправления правосу-

---

[61] *Абрамович-Барановский С.С.* Указ. соч. С. 424.

[62] *Иллюстров И.* Военные суды в русской армии за 25-ти летие (1861—85 гг.): Обзор статистических сведений по Всеподданнейшим отчетам Военного министерства. М., 1890.

[63] См., например: *Хитрово Н.П.* Русский военно-уголовный процесс. Его возможная реорганизация и возможная реорганизация военной юстиции и Военно-юридической академии. М., 1900.

[64] См.: *Гинтер И.И.* Правила производства дознаний офицерами. Варшава, 1908; *Заустинский П.Ф.* Инструкция полковым судам (Приказ по Военному ведомству 31 декабря 1896 г. № 319, со всеми изменениями, дополнениями и разъяснениями по 15 апреля 1906 г.). СПб., 1906; *Он же.* Инструкция полковым судам и полковое судопроизводство, со всеми дополнениями и изменениями, объявленными в приказах по Военному ведомству и циркулярах Главного штаба по 1 июля 1910 г., и с разъяснениями Главного военного суда по вопросам полкового судопроизводства. 2-е изд. СПб., 1910; *Он же.* Производство дознаний офицерами. 3-е изд. СПб., 1911 (4-е изд. СПб., 1912); *Лопатин Н.А.* Справочник для временных членов военно-окружных и временных военных судов мирного и военного времени. Киев, 1912; *Лыкошин А.С.* Суд в военное время. СПб., 1900; *Мартынов Н.* Устав военно-судебный, разъясненный и дополненный мотивами, послужившими его основанием и вызвавшими его последующие изменения, всеми позднейшими узаконениями, решениями Главного военного суда, приказами по Военному ведомству, циркулярами Главного штаба и Главного военно-судного управления, с приложением алфавитного указателя. 8—11-е изд. СПб., 1902—1913; *Попов Г.Г.* Военно-судная часть в войсках: Справочная книга для строевых офицеров, военных начальников и полковых судов с приложением инструкции полковым судам. 2-е изд. СПб., 1912; *Рещиков А.Н.* Руководство для офицеров, производящих дознание и отдельные следственные действия. Одесса, 1912; *Швейковский П.А.* Права и обязанности военных начальников по военно-судным делам: Практическое руководство для военных начальников, председателей и делопроизводителей полковых судов и чинов военно-судебного ведомства. 4-е изд. СПб., 1906.

ния приобретает особенное значение, потому что требуется крайняя быстрота его, отчетливость, верность, наименьшая вероятность ошибки. Многие преступления должны быть немедленно наказаны и часто такими непоправимыми наказаниями, как смертная казнь. Даже поправимый приговор фактически превращается в непоправимый, так как большинство доказательств вины или невиновности быстро и навсегда пропадает: места меняются, свидетели рассеиваются, все заняты напряженно и заняты не тем. По той же причине, если пропущено время для немедленного расследования и судебного рассмотрения преступления, оно может затянуться на несколько месяцев и почти необходимо делается поверхностным и неудовлетворительным»[65].

Анализируя недостатки проведения дознаний в военное время, И.П. Леганов отмечал, что «руководство проведением дознания в военное время для военачальника, занятого руководством боевыми действиями, помимо крупного боевого вреда от его отвлечения от своего специального дела, приносит вред и дознанию, ибо уголовные дела забрасываются, всеми способами сбываются с рук, кому и как придется. Дознания назначаются иногда не скоро, а их проведение поручается молодым и неопытным офицерам, фактически никем непосредственно не руководимым, поэтому дознание идет медленно, ощупью, иногда по несколько раз дополняется, наконец, через несколько месяцев попадает к военному следователю или военному прокурору, которые только теперь впервые узнают о преступлении, и военной следователь вынужден вновь проводить все следственные действия, чтобы восстановить все обстоятельства преступления; а время идет, доказательства пропадают, свидетели убывают»[66]. При этом, «военачальники, исполняя почти все судебные и судейские функции, не имеют ни в полку, ни в бригаде, ни в дивизии, ни в корпусе, ни даже в округе, ни одного военного юриста, к которому бы они могли обратиться за юридическими советами и указаниями не в виде личной просьбы и одолжения»[67]. И.П. Леганов приходит к выводу, что «дознание, приобретающее такое огромное значение в военное время, производится неохотно и неудовлетворительно: офицеров мало, офицеры и без того завалены работой и нужны для боевых действий»[68].

Для устранения вышеперечисленных недостатков и улучшения организации дознания в военное время И.П. Леганов предложил следующие меры по «ликвидации обременения военачальников работой, требующей специальной юридической подготовки»:

1) в штат дивизий ввести военно-судную часть, в составе: военно-следственного судьи, не подчиненного командиру дивизии, не менее одного кандидата на военно-судебные должности, писаря и посыльного;

2) предварительное следствие должно лишь дополнять и продолжать дознание;

3) никаких обвиняемых в период производства предварительного следствия до издания приказа о предании суду не должно быть, а могут быть только подозреваемые;

---

[65] *Леганов И.П.* Желательные улучшения в постановке военно-следственной части в военное время. Порт-Артур, 1903. С. 19.

[66] Там же. С. 7—8.

[67] Там же. С. 15.

[68] Там же. С. 19.

4) отменить формальный военно-прокурорский надзор по отношению к военным следователям;

5) принять меры для своевременного прибытия и функционирования во вновь сформированных дивизиях действующей армии чинов военно-судебного ведомства[69].

Таким образом, книга И.П. Пеганова «Желательные улучшения в постановке военно-следственной части в военное время», по существу, является первой крупной научной работой в рамках четвертого этапа создания концепции расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, в которой были сформулированы частично апробированные в период Русско-японской войны (1904—1905) важнейшие положения о путях и способах совершенствования технологии расследования преступлений в военное время.

К указанному периоду относится и первая попытка обобщения Н.И. Фалеевым в 1906 г. опыта расследования преступлений в Действующей армии в годы Русско-японской войны (1904—1905)[70].

С приходом в марте 1911 г. к руководству Главного военно-судного управления генерал-лейтенанта А.С. Макаренко центральный аппарат, военные прокуроры и следователи на местах стали больше уделять внимания методике и тактике расследования и предупреждения преступлений, использованию научных познаний, специальных приемов и криминалистических средств для сбора, фиксации и исследования доказательств. С этой же целью впервые в России в Александровской Военно-юридической академии создается кафедра уголовной техники и с 26 сентября 1911 г. начинает преподаваться курс криминалистики («уголовной техники», «научно-технических приемов расследования преступлений») выдающимся русским криминалистом экстраординарным профессором академии, тайным советником С.Н. Трегубовым, написавшим первые в России учебники по криминалистике[71]. В августе 1912 г. в Александровской Военно-юридической академии была создана и одна из первых в России криминалистических лабораторий («кабинет научно-судебной экспертизы»), заведующим которой был назначен коллежский советник С.М. Потапов, работавший по совместительству помощником управляющего Петербургским кабинетом научно-судебной экспертизы[72].

Однако впервые коренное изменение уголовно-процессуального законодательства в сторону упрощения и ускорения проведения дознания и отдельных следственных действий применительно к условиям боевой обстановки «в период военного времени и на театре военных действий» произошло только на *пятом этапе (1914—1917)*, когда появилась в связи с началом Первой мировой войны (1914—1918) насущная по-

---

[69] *Пеганов И.П.* Указ. соч. С. 23—66.

[70] *Фалеев Н.И.* Шесть месяцев военно-полевой юстиции. СПб., 1906.

[71] См.: *Трегубов С.Н.* Научная техника расследования преступлений. СПб., 1912; *Он же.* Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений. Пг., 1915; Научные идеи С.Н. Трегубова и их влияние на развитие современной криминалистической науки в России: Первые межвузовские Трегубовские чтения: Сборник научных статей. М., 2007.

[72] См.: *Маликов С.В.* Становление и развитие криминалистики в системе военно-юридического образования. М., 2002; *Маликов С.В., Винокуров А.Ю., Кузнецов М.С., Шапков С.А.* Развитие криминалистической науки в процессе подготовки военных юристов в России (1859—2006 гг.). М., 2006.

требность в научных изысканиях, связанных с расследованием преступлений в период военных действий, дальнейшем совершенствовании и изменении уголовно-процессуального законодательства применительно к производству дознания и отдельных следственных действий в «период военного времени и на театре военных действий».

В связи с началом Первой мировой войны императором Николаем II была утверждена новая редакция разд. IV «О суде в военное время» Военно-судебного устава (1883—1885), которая была объявлена приказом по Военному ведомству от 31 июля 1914 г. № 464 и согласно которой в Военно-судебный устав были внесены изменения, касающиеся организации производства дознания и отдельных следственных действий «в районе театра военных действий и в местностях, объявленных на военном положении».

Так, вводилась новая система органов правосудия в армии в районе ТВД, состоящая: из полковых, этапных и корпусных судов; военно-окружных судов районов ТВД; Главного военного суда или Кассационного присутствия. В случае образования в занятых армией неприятельских областях военного генерал-губернаторства формируется особый военный суд на правах военно-окружного суда ТВД (ст. 1280).

В районе ТВД и в местностях, объявленных на военном положении, могут учреждаться военно-полевые суды для осуждения военнослужащих в тех случаях, когда учинение преступного деяния является настолько очевидным, что нет надобности в его расследовании (ст. 1281).

При каждом корпусе с объявлением мобилизации учреждается корпусной суд, при котором «впервые состоит» военный следователь (ст. 1294).

Военно-окружные суды района ТВД продолжают свою деятельность и после сформирования корпусных судов (ст. 1300). В отдаленных от военно-окружного суда пунктах открываются временные военные суды (ст. 1301).

Главнокомандующий армиями фронта (командующий отдельной армией) вправе образовать один общий суд на два или несколько корпусов (по образцу военно-окружного суда), а в случае перехода армии за границу откомандировывать в избираемый им пункт один или несколько составов корпусных судов для рассмотрения дел, возникающих в тыловом районе, — в качестве тыловых судов (ст. 1305).

Для рассмотрения дел, возникающих в крепостях, объявленных на военном или осадном положении, в отдельно действующих отрядах вдали от места нахождения корпусного или военно-окружного суда, формируются корпусные суды — в качестве крепостных или отрядных судов (ст. 1307).

В военном судопроизводстве в районе ТВД и в местностях, объявленных на военном положении, были установлены следующие изъятия:

1) в районе ТВД за границей империи дознания производятся военным начальством обо всех преступлениях и проступках, подсудных военному суду (ст. 1346);

2) в районе ТВД за границей империи предварительные следствия производятся военными следователями по всем делам о преступлениях, подсудных военному суду (ст. 1349).

В рассматриваемый период научные исследования по данной проблематике продолжили В. Попов[73], Г.Г. Попов[74], П.Ф. Заустинский[75], П.С. Корейво[76], Н. Мартынов[77], И.И. Снисаренко[78] и П.А. Швейковский[79].

Так, А.В. Попов отмечал необходимость тесной связи военных следователей с органами дознания «в военное время на театре военных действий»[80].

Бывший председатель Иркутского военно-окружного суда генерал-лейтенант П.А. Швейковский обосновал ключевые положения, касающиеся организации производства дознания «в период военного времени и на театре военных действий», которые были частично апробированы в период Первой мировой войны:

1) расширение компетенции органов дознания, вплоть до исполнения обязанностей военного следователя, «в тех случаях, когда застигнуто только что совершившееся преступное деяние, а также, когда нельзя ожидать немедленного прибытия следователя и начатия им следствия, а между тем следы преступления могут изгладиться, и таким образом промедление в принятии тех или других мер (обыска, освидетельствования и др.) может вредно отразиться на успехе следствия»;

2) задача дознания — «достижение возможной быстроты в решении важнейших военно-уголовных дел. Необходимо, чтобы вслед за преступлением следовало возмездие, чтобы кара обрушивалась на виновных немедленно, пока еще не улеглось впечатление, произведенное содеянным преступлением против дисциплины»;

3) скорость дознания — «дознание должно производиться быстро и безотлагательно, по свежим горячим следам и только при скорости производства его можно рассчитывать на дальнейшее успешное движение

---

[73] *Попов В.* Как должны поступать военные начальники при первоначальном обнаружении и расследовании проступков и преступлений их подчиненных и при предании виновных суду. Иркутск, 1914.

[74] *Попов Г.Г.* Справочная книжка по военно-судной части для г.г. офицеров пограничной стражи. 2-е изд. Пг., 1915.

[75] *Заустинский П.Ф.* Производства дознаний офицерами (Извлечение из кн. XXIV СВП 1869 г., изд. 4-е, со всеми изменениями по 1 января 1915 г., дополненное практическими указаниями, основанными на приказах по различным военным округам за 1906—14 гг.). Пг., 1914.

[76] *Корейво П.С.* Сборник образцовых приговоров полкового и военно-полевого суда в военное время. Одесса, 1917.

[77] *Мартынов Н.* Устав военно-судебный, разъясненный и дополненный мотивами, послужившими его основанием и вызвавшими его последующие изменения, всеми позднейшими узаконениями, решениями Главного военного суда, приказами по Военному ведомству, циркулярами Главного штаба и Главного военно-судного управления, с приложением алфавитного указателя. 12-е изд. Пг., 1916.

[78] *Снисаренко И.И.* Руководство для производства дел в полковых судах. Пг, 1917.

[79] См.: *Швейковский П.А.* Руководство для строевых офицеров, производящих дознание и отдельные следственные действия в мирное и военное время. Пг., 1916; *Он же.* Устав военно-судебный с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Главного военного суда, Правительствующего сената, приказами по Военному ведомству, циркулярами Главного штаба и Главного военно-судного управления и проч. СПб., 1914.

[80] *Попов В.* Указ. соч.

дела. Картина преступления тускнеет по мере того, как отдаляется момент судебного расследования»;

4) сроки проведения дознания — «на практике замечается крайняя медлительность в производстве дознания, хотя в большинстве случаев дознание может быть произведено с успехом в одни сутки»;

5) негласность дознания — «условие это заключается в неразглашении цели и повода производства дознания и в несообщении сведений, собранных путем дознания или розыска, никому кроме должностных лиц, участвующих в производстве дознания. Гласность при дознании может только повредить успеху дела: преступник сделается осторожнее и поспешит уничтожить изобличающие его предметы, а свидетели из нежелания быть прикосновенными к делу, в каком бы то ни было качестве из боязни подвергнуться мести преступника, не сообщат нужных для производства дознания сведений»;

6) необходимость обучения и инструктирования дознавателей — «причина не всегда удовлетворительного производства дознания — в личных свойствах строевых офицеров, не подготовленных к производству дознания»[81].

В дальнейшем развитие научных исследований по проблемам расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, пошло довольно необычным путем. Развитие любой юридической концепции предполагает совершенствование законодательства, принятие новых нормативных правовых актов, активизацию теоретических изысканий в этом направлении, обосновывающих необходимость законодательных новелл, содержащих их толкование и анализ практики применения. Однако этому во многом помешали развернувшиеся революционные события (1917), Гражданская война и иностранная военная интервенция (1918—1922).

В рассматриваемый период никакого накопления и обобщения опыта расследования преступлений на фронтах Гражданской войны, не говоря уже о каких-либо научных исследованиях, к сожалению, не велось. Единственными работами, и то публицистическими, по этой проблематике являются мемуары И.М. Калинина о военных прокурорах в русской армии барона П.Н. Врангеля[82].

Впрочем, даже при всем неприятии советской властью буржуазного законодательства и отказе от прежних нормативных правовых актов в советских законодательных актах и нормативных документах, регламентирующих деятельность органов военной юстиции в период Гражданской войны, почти в полном объеме воспроизведены все их идеи, относящиеся к расследованию преступлений в районах военных действий, что является показателем их научно-практической ценности и достоверности. Так, уже в январе 1919 г. в § 6 Инструкции революционным военным трибуналам (РВТ) фронтов и армий указано, что «следствие по преступлениям, подсудным РВТ, должно совершаться в упрощенном порядке и в возможно кратчайший срок, ставя себе задачей по возможно-

[81] *Швейковский П.А.* Руководство для строевых офицеров, производящих дознание и отдельные следственные действия в мирное и военное время. Пг., 1916. С. 61—62, 101, 104—105.

[82] См.: *Калинин И.М.* Под знаменем Врангеля: Записки бывшего военного прокурора. Л., 1925; *Он же.* Русская Вандея. М. ; Л., 1926.

сти приблизить момент наказания к моменту преступления»[83]. Это указание продублировано и в ст. 12 Инструкции военным следователям РВТ, которая требует, чтобы «предварительное следствие производилось со всевозможной скоростью, ставя себе задачу по возможности приблизить момент преступления к моменту наказания»[84]. Кроме того, ст. 7 данной Инструкции требует от военного следователя «принимать своевременные меры, необходимые для собрания доказательств, и в особенности не допускать никакого промедления в обнаружении и сохранении таких следов и признаков преступления, которые могут изгладиться»[85]. Это требование также повторено и в ст. 7 Положения о военных следователях, утвержденного приказом РВСР от 30 сентября 1919 г., в котором впервые были установлены сокращенные сроки предварительного следствия: «предварительное следствие производится с возможной скоростью и должно быть закончено в течение одного месяца» (ст. 21)[86]. Разрешалось проведение, в случае необходимости, осмотров, освидетельствований, обысков и выемок ночью (ст.ст. 28, 49). Арест лиц командного состава и комиссаров в районе боевых действий предписывалось производить военными следователями по соглашению с революционными военными советами или комиссарами, состоящими при начальнике обвиняемого (ст. 80). В ст. 38 Положения о полковых судах, утвержденного декретом СНК от 10 июля 1919 г., впервые были установлены и сокращенные сроки производства дознания в Действующей армии: «дознания производятся непрерывно и с наивозможной быстротой; при условии предварительного ареста обвиняемого производство дознания должно быть закончено не позже истечения двух недель с момента заключения под стражу обвиняемого»[87].

Однако только с образованием военной прокуратуры Верховного трибунала ВЦИК в мае 1922 г.[88] и началом военной реформы (1924—1925) в рамках *шестого этапа (середина 20-х — середина 30-х гг.)* стало уделяться большое внимание разработке теоретических и практических вопросов прокурорско-следственной работы в военное время на всеармейских совещаниях военных прокуроров и в ходе проведения маневров (военных игр).

На данном этапе развития концепции расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, впервые была предпринята попытка обобщения опыта работы РВТ в годы Гражданской войны, когда не было устойчивого и систематизированного законодательства, а был широкий простор импровизациям и творческому опыту.

Так, военный прокурор 1-й отдельной кавалерийской бригады Московского военного округа В.И. Малкис считал, что «недостаточно уделяется внимания опыту работы РВТ в годы гражданской войны, которые тогда в некоторой степени выполняли роль военной прокуратуры и были органами надзора, если не за революционной законностью, то за револю-

[83] Сборник документов по истории советской военной юстиции / Сост. Л.Н. Гусев. М., 1954.
[84] Там же.
[85] Там же.
[86] Там же.
[87] Там же.
[88] Там же.

ционной целесообразностью», отмечая, что «этот опыт нами нигде не зафиксирован и мы можем установить его только из личного опыта»[89].

В период Гражданской войны превалировала революционная целесообразность над революционной законностью и считалось, что закон в боевой обстановке есть все то, что содействует успеху боевой операции. Так, бывший член РВТ армии И.М. Терлецкий вспоминал, что «когда я сказал, что нужно одного командира расстрелять за насилие над местным населением, то мне на это ответили, что если бы было два командира, то мне бы дали одного расстрелять, а так как командир только один, то на войне и он сгодится»[90].

Что касается изучения и обобщения «бухарского опыта» работы военной прокуратуры Туркестанского фронта в ходе боевых действий с басмаческим движением (до сентября 1926 г.), то, по мнению бывшего помощника военного прокурора Туркестанского фронта Ф.Е. Сидорова, «хотя это был и первый опыт работы военной прокуратуры в боевой обстановке, но он явно недостаточен для обобщения, так как на Туркестанском фронте был чисто организационный процесс, чрезвычайно тяжелый, с целым рядом недостатков. Комсостав относился весьма отрицательно к организации военной прокуратуры, считая, что она будет связывать инициативу командира, и даже работники военного трибунала относились к ней как к учреждению совершенно лишнему»[91].

Вначале вопросы прокурорско-следственной работы в военное время изучались и разрабатывались практическими работниками только в рамках мобилизационной работы в отделе военной прокуратуры Верховного Суда СССР, за организацию которой в органах военной прокуратуры отвечали: К.Н. Шрейтерфельд (1923—1924), Б.И. Иевлев (1925—1926), А.С. Гродко (1927—1928), Н.М. Рычков (1929—1930)[92]. При этом, начиная с 1928 г., наряду с вопросами организации мобилизационной работы, в их обязанности входит и разработка вопросов, связанных с работой военной прокуратуры на военное время. Но только с началом военной реформы (1924—1925), переходом военной прокуратуры на бюджет военного ведомства и причислением личного состава военной прокуратуры к военнослужащим, изданием циркуляров военной прокуратуры Верховного Суда СССР «О новом курсе в военной прокуратуре и ее военизации» № 19 и № 53 1926 г. разработка теоретических и практических вопросов, связанных с работой военной прокуратуры на военное время, приняла целенаправленный и системный характер.

Впервые вопросы организационного построения и методов работы военно-судебных органов в военное время с использованием не только

[89] Стенограмма совещания военно-судебных работников МВО // Архив ГВП, 1926. Наряд б/н, с. 93.

[90] Стенограмма III Всеармейского совещания военных прокуроров РККА // Архив ГВП, 1928, оп. 01561, д. б/н, с. 195—199.

[91] Стенограмма совещания военных прокуроров ЛенВО (31.01. — 4.02.1928 г.) // Архив ГВП, 1928, оп. 01561, д. № 09, с. 470—479.

[92] См.: Приказ по военной прокуратуре Верховного Суда РСФСР от 24 октября 1923 г. № 26 // Архив ГВП, 1923. Наряд б/н, оп. 01523, с. 3; приказы по отделу военной прокуратуры Верховного Суда СССР от 28 января 1926 г. № 8, от 24 февраля 1928 г. № 10, от 8 апреля 1929 г. № 7, от 31 мая 1930 г. № 19 // Архив ГВП, 1930. Наряд № 430, с. 3, 7—9, 1—14, 28, 30—31, 35, 74—75, 91—92, 95.

опыта военных игр и маневров, но и опыта работы реввоентрибуналов в период Гражданской войны были обсуждены на совещании военно-судебных работников Московского военного округа (25—29 января 1926 г.), на котором с докладом «О работе военно-судебных органов в военное время» выступил военный прокурор округа С.Н. Орловский[93].

Одним из способов решения задачи подготовки военно-судебного аппарата к работе в условиях военного времени и проверки методов этой работы на практике являлась организация кружков по изучению работы органов военной прокуратуры в военное время и участие (с 1925 г.) в военных играх и маневрах. Так, в 1926 г. в маневрах принимали участие военные прокуратуры шести военных округов (17 человек), в военных играх — восьми военных округов (27 человек), а в 1927 г. соответственно восьми (40 человек) и семи военных округов (43 человека). Таким образом, только в 1927 г. в маневрах и военных играх принимали участие 70 человек военно-прокурорского состава, что составляет 56 % от общего числа работников военной прокуратуры и 123 % по сравнению с 1926 г.[94]

По итогам обобщения опыта работы военной прокуратуры на маневрах и военных играх отделом военной прокуратуры Верховного Суда СССР были разработаны Инструктивные указания о методах и формах работы военной прокуратуры на маневрах и военных играх[95].

Материалы, представленные военными прокуратурами военных округов в результате их работы на маневрах и военных играх (1925—1927), послужили основанием для разработки Центральной военной прокуратурой проектов Тезисов о работе военной прокуратуры на театре военных действий и Положения о военных трибуналах и военных прокуратурах в мирное и военное время, которые обсуждались на III Всеармейском совещании военных прокуроров (15—21 марта 1928 г.). На всеармейском совещании с докладом «Работа военной прокуратуры в военное время на театре военных действий (в местностях, входящих в район фронтов и отдельных армий)» выступил младший помощник прокурора Верховного Суда СССР по военной прокуратуре А.С. Гродко. Однако отсутствие опыта Гражданской войны и недостаточность опыта работы органов военной прокуратуры на маневрах и военных играх не дали возможности участникам совещания с достаточной полнотой и четкостью определить всю совокупность вопросов, связанных с содержанием и методами работы военной прокуратуры на ТВД[96]. Были определены лишь основные направления работы по расследованию преступлений и преданию суду на ТВД:

а) аппарат расследования преступлений (кроме особых отделов ОГПУ) должен быть подчинен военной прокуратуре полностью, не только в оперативном, но и в организационном отношениях;

---

[93] Стенограмма совещания военно-судебных работников МВО // Архив ГВП, 1926. Наряд б/н, с. 182—186.

[94] Отчет о деятельности отдела военной прокуратуры Верховного Суда СССР за 1927 г. // Архив ГВП, 1927. Наряд б/н, с. 127—128.

[95] Циркуляр отдела военной прокуратуры Верховного Суда СССР от 24.01.1927 г. // Архив ГВП, 1927. Наряд № 18, оп. № 1.

[96] Резолюция III Всеармейского совещания военных прокуроров РККА по докладу А.С. Гродко // Архив ГВП, 1928, оп. 01561, д. б/н, с. 24.

б) единственным аппаратом по расследованию преступлений, совершенных военнослужащими (кроме особых отделов ОГПУ), должны быть только военные следователи, которые должны числиться в штатах военных прокуратур и находиться при каждой отдельной воинской части;

в) расследование преступлений должно быть максимально упрощенное (без какого-либо деления на дознание или предварительное следствие) и производиться военными следователями или уполномоченными органов особых отделов ОГПУ (в отдельных случаях — непосредственно военными прокурорами);

г) расследование преступлений должно быть ограничено для военного следователя минимальным сроком, который может увеличиться распоряжением военного прокурора;

д) все права и обязанности в области надзора должны быть переданы на ТВД военным прокурорам фронтов (отдельных армий) и председателям военных трибуналов фронтов (отдельных армий);

е) приговоры военных трибуналов на ТВД кассационному обжалованию подлежать не будут[97].

С 1928 г. военные прокуроры, наряду с участием в военных и военно-политических играх, стали самостоятельно проводить военно-прокурорские игры[98]. Так, по результатам проведенной в сентябре 1929 г. военно-прокурорской игры военной прокуратурой МВО была разработана Инструкция по проведению военно-прокурорских игр и было предложено провести военно-прокурорскую игру при Центральной военной прокуратуре (ЦВП)[99]. В марте 1931 г. ЦВП была проведена такая показательная военно-прокурорская игра, в процессе проведения которой была отработана методика проведения военно-прокурорских игр; проверены организационные формы и штаты военных прокуратур на военное время и организация работы органов военной прокуратуры в военное время.

В сентябре 1930 г. для выяснения наиболее целесообразного способа производства предварительного следствия в обстановке военного времени в одном из участвующих в маневрах полков возложили всю работу по производству дознаний на военного следователя, прикомандированного к полку на время маневров[100]. А уже начиная с 1932 г. под руководством ЦВП начали проводиться и военно-следственные игры, методика проведения которых была обобщена ЦВП в 1933 г.[101]

Что касается практических вопросов организации работы военной прокуратуры в боевой обстановке в новом штатном составе, то они впервые были реально отработаны в ходе советско-китайского военного конфликта на КВЖД (15 июля — 31 декабря 1929 г.). Опыт работы органов военной прокуратуры в ходе военного конфликта на КВЖД показал, что ликвидировать институт военных дознавателей нельзя, так как военные

---

[97] Тезисы III Всеармейского совещания военных прокуроров РККА // Архив ГВП, 1928, оп. 01561, д. б/н, с. 25—35.

[98] Протокол совещания военных прокуроров военных округов (22.03.1928 г.) // Архив ГВП, 1928, д. № 32, с. 3.

[99] Обзор № 0920810 о работе военных прокуратур военных округов в 1929 г. // Архив ГВП, 1930, оп. 01563, д. б/н, с. 1—3.

[100] Циркуляр ЦВП и Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 23.08.1930 г. № 12/15 // Архив ГВП, 1930, оп. 01563, д. № 5, с. 20—24.

[101] Бюллетень ЦВП от 16.06.1933 г. № 9 // Архив ГВП, 1933. Наряд № 70, оп. № 1, с. 186.

следователи в новом штатном составе военных прокуратур просто не справляются сами со всем объемом следственной работы[102].

В январе 1931 г. в ЦВП был образован четвертый сектор военизации, что было продиктовано необходимостью сосредоточить в одном структурном подразделении ЦВП разработку всех вопросов, относящихся к законодательству военного времени, мобилизационным планам, подготовке кадров на военное время, военизации личного состава военных прокуратур и участию военных прокуратур в маневрах и военных играх. Руководство сектором военизации осуществляли Е.В. Стельмах (1931), А.В. Иоссель (1932—1933)[103]. Кроме того, четвертый сектор военизации ЦВП занимался разработкой законов и инструкций на военное время. Так, в 1931 г. сотрудниками сектора был подготовлен окончательный вариант Положения о военном трибунале и военной прокуратуре в военное время, обсуждавшегося еще в 1928 г. на III Всеармейском совещании военных прокуроров, и разработаны штаты военных прокуратур фронта, флота, армии и корпуса на военное время.

В 1931 г. было проведено I Всеармейское совещание военных следователей, на основе решений которого были разработаны: в 1932 г. — Методические указания по расследованию воинских преступлений[104]; в 1933 г. — Методика и техника работы военного следователя (введена циркуляром ЦВП от 4 апреля 1933 г. № 049 и отменена приказом главного военного прокурора от 14 января 1939 г. № 05)[105]. Эти методические работы являются первой попыткой создания методики расследования воинских преступлений (хищений и утраты оружия, хищений военного имущества, должностных и хозяйственных преступлений, самовольных отлучек и дезертирства) и основой методической части Инструкции органам дознания РККА (1933)[106].

Оценивая содержание рассмотренного этапа, необходимо отметить, что, не располагая опытом работы в военное время, практические работники ЦВП стремились до известной степени восполнить этот существенный пробел преимущественно в процессе участия в маневрах, военных, военно-политических и специальных военно-прокурорских играх, обсуждения накопленного опыта на совещаниях военных прокуроров и разработки методических рекомендаций.

Дальнейшей разработке практических вопросов прокурорско-следственной работы в военное время помешала волна массовых репрессий, последовавших после убийства С.М. Кирова в декабре 1934 г. После смерти в апреле 1935 г. главного военного прокурора С.Н. Орловского и назначения на эту должность Н.С. Розовского разработка теоретических и практических вопросов прокурорско-следственной работы в военное вре-

---

[102] Протокол оперативного совещания ГВП от 17.07.1936 г. // Архив ГВП, 1936, оп. № 01571, д. № 2, с. 17.

[103] Приказы по отделу военной прокуратуры Верховного Суда СССР от 25 декабря 1930 г. № 51, от 31 октября 1931 г. № 70 // Архив ГВП, 1931. Наряд № 430с, с. 30—31, 35.

[104] Методические указания от 29.03.1932 г. № 091453 // Архив ГВП, 1932, д. б/н, с. 70—75.

[105] Методика и техника работы военного следователя // Архив ГВП, 1933, д. № 27, с. 17—35.

[106] Циркуляр народного комиссариата по военным и морским делам 1933 г. № 37 // Сборник документов по истории советской военной юстиции. С. 298—308.

ми осталась на уровне 1934 г., а колоссальное увеличение объема работы и разрыв между организационной структурой и практической работой привели к полному развалу и забвению этой работы. Более того, были репрессированы работники ГВП, непосредственно отвечавшие за эту работу (в 1935 г. уволен А.В. Иоссель и арестованы: в 1937 г. — П.И. Павловский, в 1938 г. — А.С. Гродко, в 1939 г. — Л.М. Субоцкий), а разработанные ими нормативные документы были признаны вредительскими и отменены[107]. Организационной перестройкой военных прокуратур в РККА на военное время в ГВП не занимались, схема организации военной прокуратуры, ее организационная слаженность, штаты не были продуманы, а приписной состав в подавляющем большинстве не изучался. Все это привело к неподготовленности органов военной прокуратуры к грядущим военным конфликтам.

И только на *седьмом этапе (1938—1940)* разработка как теоретических, так и практических вопросов, связанных с работой военной прокуратуры в военное время, вновь приняла целенаправленный и системный характер. Причиной этого послужили военные конфликты у озера Хасан (март — июль 1938 г.) и у реки Халхин-Гол (май — сентябрь 1939 г.), освободительный поход в Западную Украину и Западную Белоруссию (сентябрь 1939 г.), советско-финляндская война (ноябрь 1939 г. — март 1940 г.), образование в ноябре 1939 г. Военно-юридической академии РККА (ВЮА), спад волны репрессий и назначение нового главного военного прокурора.

Так, в конце 1938 г. была разработана новая Инструкция по методике работы военного следователя, которая была введена в действие приказом ГВП от 14 января 1939 г. № 05[108], и обобщен опыт работы органов военной прокуратуры в ходе военного конфликта у озера Хасан. Опыт работы органов военной прокуратуры в ходе военного конфликта у озера Хасан показал, что условия боевой обстановки требуют самого решительного сокращения сроков следствия, так как требуется исключительно быстрое, немедленное реагирование на факт совершения преступления, что оказывает непосредственное влияние на политико-моральное состояние личного состава. Но сокращение сроков следствия возможно только при условии одновременного повышения качества следствия, так как ограниченность во времени влияет на возможность исследования фактических обстоятельств дела, собирания и проверки доказательств. При этом, и повышение качества следствия возможно только при условии сокращения сроков следствия, так как с течением времени резко возрастают фактические трудности выяснения в боевой обстановке тех или иных обстоятельств дела (гибель или ранение свидетелей, передислокация частей и т. д.).

Анализ и обобщение опыта работы в боевой обстановке 90-й военной прокуратуры 1-й армейской группы в период военного конфликта у реки Халхин-Гол показали, что «правильная организация дознания играет исключительно большую роль, так как отдаленность ряда отдельных воинских частей от военных прокуратур требовала от дознавателей уме-

---

[107] В 1937—1938 гг. органами НКВД было арестовано 74 работника военных прокуратур, т. е. более $^1/_3$ от общего количества личного состава.

[108] Приказ ГВП от 14.01.1939 г. № 05 // Архив ГВП, 1939, оп. № 1572, д. б/н, с. 4.

ния производить даже сложные следственные действия. По большинству уголовных дел отмечались продолжительные сроки и низкое качество следствия (18 % дел было возвращено на доследование либо изменена квалификация военными трибуналами), а также поверхностность и неполнота расследования. Имело место и неосновательное прекращение явно не расследованных дел. По ряду уголовных дел военные следователи вместо того, чтобы допросить свидетелей, давали им бланки протоколов допросов и свидетели «сами себя допрашивали», при этом, как правило, военный следователь никаких дополнительных вопросов им не ставил»[109].

Во время советско-финляндской войны (1939—1940) впервые удалось добиться резкого сокращения сроков следствия. Так, на Северо-Западном фронте многие уголовные дела расследовались в течение одного дня, и даже в течение нескольких часов[110]. Однако при этом качество следствия резко снизилось (более 16 % дел направлено военными трибуналами на доследование), хотя в дальнейшем качество следствия за счет удлинения сроков удалось повысить (на доследование направлялось только 4 % дел).

Не решен был вопрос и о порядке применения законов военного времени. Так, во время освободительного похода в Западную Украину и Западную Белоруссию (1939) военная прокуратура Украинского фронта была вынуждена брать на себя задачу «объявления начсоставу, что с такого-то времени применяются законы военного времени». Что касается Северо-Западного фронта, то там положение было еще более неопределенным: в отношении одних военнослужащих, совершивших преступления, применялись законы военного времени, а в отношении других — нет[111].

Впервые обобщение и обсуждение практического опыта работы военной прокуратуры в районах военных конфликтов (1938—1940) были сделаны на Всеармейском совещании военных прокуроров военных округов (13—16 июня 1940 г.), на котором с докладом «Работа военной прокуратуры в боевой обстановке» выступил военный прокурор Киевского особого военного округа диввоенюрист В.И. Носов[112]. Он оценил «задачу своего доклада как чрезвычайно тяжелую, так как, с одной стороны, далеко не по всем вопросам работы военной прокуратуры в боевой обстановке есть нормативные правовые акты, а с другой — *совершенно нет никакой литературы, никаких пособий, чтобы положить их в основу обобщения того опыта, который накоплен за последний период времени* (курсив мой. — *С. М.*), начиная с Хасана и заканчивая боевыми действиями на Северо-Западном фронте»[113].

В докладе В.И. Носова и выступлениях на Всеармейском совещании были выявлены и следующие особенности работы военной прокуратуры в боевой обстановке:

---

[109] Докладная записка о результатах обследования работы 90-й военной прокуратуры 1-й армейской группы // Архив ГВП, 1940, д. № 5, т. 2, с. 2—36.

[110] Стенограмма Всеармейского совещания военных прокуроров военных округов // Архив ГВП, 1940. Наряд б/н, т. 1, с. 31.

[111] Там же, т. 3, с. 79—103.

[112] Там же, т. 1, с. 15—72.

[113] Там же, с. 15.

1) расширение объема и разнообразия работы вследствие увеличения численности воинских контингентов за счет приписного состава и возрастания текучести личного состава воинских частей;

2) необходимость строгого соблюдения уголовно-процессуальных норм при расследовании преступлений;

3) необходимость резкого сокращения сроков следствия при условии одновременного повышения качества следствия;

4) усиление надзора за следствием в особых отделах НКВД;

5) тыловое и транспортное обеспечение воинских частей приобретает особо важное значение в надзорной работе военной прокуратуры, так как в условиях боевой обстановки до крайности осложняются вопросы снабжения и обслуживания войск;

6) несравненно увеличивается значение элемента устрашения в целях профилактики преступлений;

7) появляется новое направление деятельности органов военной прокуратуры — борьба с насильственными преступлениями в отношении гражданского населения ТВД;

8) меняются в худшую сторону бытовые условия работы органов военной прокуратуры.

В целях подведения итогов и обобщения опыта работы военной прокуратуры Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) в ходе советско-финляндской войны 20—23 июня 1940 г. Главной прокуратурой ВМФ было проведено 1-е совещание военных прокуроров флотов и флотилий, на котором с докладом «О работе военной прокуратуры КБФ в предвоенный, военный и послевоенный периоды времени» выступил исполняющий обязанности военного прокурора КБФ военюрист 1-го ранга Ф.Г. Макухин[114].

В результате изучения и обсуждения опыта работы военной прокуратуры в боевой обстановке в ноябре 1940 г. ГВП было разработано Наставление о работе военной прокуратуры в военное время и в боевой обстановке и составлен информационный бюллетень «Опыт работы военной прокуратуры на ТВД».

Кроме того, в течение 1940 г. ГВП выпустила директивные указания: о надзоре военной прокуратуры за службой тыла на фронте и активной помощи командованию воинских частей в борьбе с недочетами; о работе военных прокуроров в воинских частях, формирующихся для отправки на фронт; о работе военных прокуроров с органами дознания; новую Инструкцию органам дознания РККА (введена в действие приказом НКО от 5 февраля 1940 г. № 32), а Военная прокуратура ВМФ — Инструкцию по производству дознания в ВМФ СССР (введена в действие приказом НК ВМФ от 9 июля 1940 г. № 370)[115].

Кроме того, в апреле 1941 г. был составлен Обзор ГВП о работе военной прокуратуры Красной армии в военное время и в боевой обстановке[116] и издана монография В.Ф. Червакова[117].

---

[114] Стенограмма 1-го совещания военных прокуроров флотов и флотилий // Архив ГВП, 1940, д. б/н, с. 200—215.

[115] Докладная записка о работе ГВП РККА прокурору СССР от 15.08.1940 г. // Архив ГВП, 1940, д. б/н, с. 16.

[116] Директива ГВП от 7.04.1941 г. № 058/1-Д // Архив ГВП, 1941, оп. № 01712, д. 7, т. 1, с. 168.

[117] *Червяков В.Ф.* Судебная экспертиза по делам о членовредительстве. М., 1940.

Первым в тот период фундаментальным научным исследованием проблем методики расследования воинских преступлений на основе обобщения опыта работы военной прокуратуры в районах военных конфликтов (1938—1940) является написанный А.И. Винбергом, А.Г. Рахлиным и С.Я. Розенблитом учебник (в двух частях) «Криминалистика (Руководство для военных юристов)»[118].

Подытоживая сказанное, следует отметить, что именно начавшаяся полоса войн и военных конфликтов (1938—1940) заставила практических и научных работников заняться на основе анализа и обобщения опыта работы органов военной прокуратуры, накопленного за этот период, систематическим и интенсивным исследованием проблем расследования преступлений в районах вооруженных конфликтов, что в конечном итоге привело к появлению нового направления научных исследований в ВЮА КА.

На *восьмом этапе (1941—1945)* происходило накопление и осмысливание практического опыта расследования преступлений в Действующей армии в период Великой Отечественной войны.

В период Великой Отечественной войны требования к организации работы военной прокуратуры неизмеримо возросли. Это вызывалось обстановкой военного времени, ее быстрыми изменениями, значительным расширением сферы деятельности военной прокуратуры, необходимостью решения важных задач, стоящих перед военной прокуратурой, в сжатые сроки; приходом в органы военной прокуратуры значительного числа работников, не имевших достаточной профессиональной подготовки и опыта работы. На организацию работы оказывали влияние также трудности с материально-техническим обеспечением органов военной прокуратуры.

Специфика организации работы военной прокуратуры в военное время нашла отражение в Положении о военной прокуратуре на военное время и в местностях, объявленных на военном положении[119], во Временном Наставлении по работе военных прокуроров РККА (утвержденном Прокурором СССР 6 августа 1941 г. и введенном в действие приказом главного военного прокурора от 15 сентября 1941 г. № 53), в Наставлении по работе военного следователя (введенном в действие приказом главного военного прокурора от 19 октября 1942 г. № 1/32)[120].

Опыт Великой Отечественной войны показал, что в военное время, и особенно в боевой обстановке, существенно видоизменяются направления и методы работы военного следователя при расследовании преступлений. В боевой обстановке военные следователи строили свою работу с учетом конкретной обстановки, складывающейся на фронте. В условиях большой подвижности войск военным следователям очень часто приходилось выполнять следственные действия на переднем крае, в траншеях, под неприятельским огнем. Активная оборона или наступление, ведение боевых действий на территории СССР или на занятой терри-

---

[118] *Винберг А.И., Рахлин А.Г., Розенблит С.Я.* Криминалистика (Руководство для военных юристов): Учебник. М., 1941. Ч. 1, 2.

[119] Представление Вышинскому А.Я. от 16.07.1941 г. № 47831 // Архив ГВП, 1941, д. 249, с. 15—29.

[120] Деятельность органов военной юстиции в условиях войны: Учебное пособие / Под ред. В.Ф. Новикова. М., 1983. С. 23—27.

рии противника неизбежно сказывались на объеме и характере деятельности военных следователей.

Несмотря на специфические условия боевой обстановки, требования относительно сроков расследования были самые жесткие. Боевая обстановка требовала быстроты действий. Следствие велось иногда часы, но, как правило, заканчивалось в суточный срок. Часто применялся групповой метод расследования. В расследовании актуальных дел участвовали дознаватели, военные следователи, а возглавлял его военный прокурор дивизии или корпуса. Во время войны около 70 % уголовных дел было расследовано в срок до пяти суток, причем большинство из них в одни — трое суток, при надлежащем качестве следствия[121]. Уголовные дела о должностных, хозяйственных и других наиболее сложных преступлениях военная прокуратура фронта принимала к своему производству, высвобождая военных следователей армий, корпусов и дивизий для расследования дел, непосредственно влияющих на боевые действия воинских частей и соединений. Следствие было максимально приближено к передовой линии воинских частей, ведущих бой, и было сопряжено с исключительными трудностями и большим риском для жизни. Расследование уголовных дел приходилось выполнять в сложных полевых условиях при постоянной потере людей, необходимых для установления истины по делу, и практическом отсутствии возможности для криминалистических исследований, так как в распоряжении военной прокуратуры не было никаких технико-криминалистических средств.

Военные следователи в боевой обстановке обычно сами определяли свое место нахождения в зависимости от вида боя с тем, чтобы своевременно получать информацию о нарушениях законности, совершенных преступлениях, быстро включаться в их расследование, в кратчайший срок заканчивать следствие, и принимать меры к устранению выявленных нарушений законности. Опыт Великой Отечественной войны показал, что когда ведутся тяжелые бои при прорыве обороны противника, то на первых порах имеются большие потери и появляются членовредители. Военный следователь в это время, как правило, находился в медсанбате. Здесь он получал данные о подозреваемых в членовредительстве, расследовал дела, с попутным санитарным транспортом добирался в воинские части, где проходили службу подозреваемые, для проверки их показаний на месте и сбора характеризующих данных. Когда же войска, прорвав оборону, преследовали отступающего противника, то военный следователь обычно находился на КП дивизии, куда поступала вся информация, в том числе о преступлениях и происшествиях. При нахождении войск в длительной обороне военные следователи, как правило, находились в тыловых службах. При отводе войск во второй эшелон на отдых и переформирование работа военного следователя значительно облегчалась. Военная прокуратура в этих условиях располагалась, как правило, вместе со штабом дивизии, где была установлена хорошая телефонная связь со всеми частями. Наряду с работой непосредственно в частях, военный следователь нередко выполнял следственные действия и в военной прокуратуре. Менялся и характер дел. Почти исчезали дела о членовредительстве, больше появлялось дел о хищениях государственного имущества, главным образом продовольствия.

---

[121] *Горный А.Г.* Военная прокуратура в годы Великой Отечественной войны // Социалистическая законность. 1975. № 4. С. 32.

В годы Великой Отечественной войны расследованием уголовных дел занимались и органы дознания, процессуальные права которых были значительно расширены приказом НКО от 12 ноября 1942 г. № 357, которым была утверждена и введена в действие Инструкция органам дознания Красной Армии, и приказом НК ВМФ от 24 сентября 1942 г. № 262, которым была утверждена и введена в действие Инструкция по производству дознания в ВМФ СССР. Расширение процессуальных прав органов дознания в военное время было обусловлено «увеличением объема следственной работы и трудностью для военно-следственного аппарата в условиях разбросанности воинских частей и подразделений Красной Армии производить предварительное следствие по всем без исключения преступлениям, где бы они ни совершались»[122].

Таким образом, эффективная борьба с преступлениями в военное время стала возможной потому, что была улучшена организация расследования преступлений, усилена связь военных следователей и военных прокуроров с командованием воинских частей и расширена компетенция органов дознания.

В начале Великой Отечественной войны, в связи с эвакуацией в 1941 г. ВЮА в г. Ашхабад, несколько замедлилась теоретическая разработка проблем методики расследования воинских преступлений. Как отметил капитан юстиции С. Пономарев в одном из номеров выходившего в ВЮА в годы войны журнала-газеты «Военный юрист», «...пребывание в Ашхабаде тяжело отразилось на качестве печатной продукции. Отрыв от практики, от архивов, от книгохранилища, от фронта наложил специфический отпечаток на все труды ВЮА. Особенно сказался отрыв от практики на "Библиотеке военного юриста"»[123]. Тем не менее, в годы войны ведущие военные ученые-юристы ВЮА, Военно-юридической секции Института права АН СССР и практические работники ГВП С.А. Голунский[124], С.Я. Розенблит[125], М.С. Строгович[126], В.М. Никифоров[127], Ю.М. Кубицкий[128], М.Г. Богатырев[129], М.И. Авдеев[130] постоянно наращивали свои усилия по разработке отдельных вопросов концепции расследования преступлений в районах вооруженного конфликта. Их немногочисленные работы публиковались в научных сборниках «Труды

---

[122] Деятельность органов военной юстиции в условиях войны: Учебное пособие / Под ред. В.Ф. Новикова. М., 1983. С. 45—61.

[123] Военный юрист: Журнал-газета ВЮА. 1943. № 11. С. 13.

[124] *Голунский С.А.* Допрос на предварительном следствии. Ашхабад, 1942. (Библиотека военного юриста).

[125] См.: *Розенблит С.Я.* Сборник следственных упражнений. М., 1941. № 1; *Он же.* Расследование летных происшествий. М., 1944; *Он же.* Расследование дел о невыполнении боевых приказов. М., 1945; *Он же.* Методика расследования дел о дезертирстве из Красной Армии. М., 1945.

[126] *Строгович М.С.* Гарантии установления материальной истины по уголовным делам в боевой обстановке // Труды ВЮА. Вып. 3. Ашхабад, 1943.

[127] *Никифоров В.М.* Обыск. Ашхабад, 1943.

[128] См.: *Кубицкий Ю.М.* Осмотр места происшествия по уголовным делам. Ашхабад, 1942; *Он же.* Криминалистическая и судебно-медицинская экспертиза. Ашхабад, 1943.

[129] *Богатырев М.Г.* Следы от автотранспорта и следы с места происшествия на нем. Ашхабад, 1942.

[130] См.: *Авдеев М.И.* Членовредительство. Ашхабад, 1942; *Он же.* Пособие по судебной медицине для следователей и врачей. Ашхабад, 1943.

ВЮА»[131] и издавались довольно большими тиражами в серии «Библиотека военного юриста», оказывая большую помощь дознавателям и военным следователям при расследовании преступлений, совершенных в условиях ведения боевых действий. К числу таких работ можно отнести и книгу С.М. Потапова и А.А. Эйсмана «Борьба с диверсантами»[132].

В 1942 г. была опубликована обстоятельная работа С.Я. Розенблита «Дознание в Красной Армии. Руководство для дознавателей»[133], в которой, помимо вопросов организации дознания, рассмотрены многие стержневые вопросы методики расследования преступлений (общие принципы производства дознания, собирание доказательств с помощью осмотра, допросов, очных ставок, обысков и других следственных действий, даны конкретные методические рекомендации по расследованию дел о побеге с поля боя, членовредительстве, кражах и т. д.). При этом, обращают на себя внимание обоснованные методы расследования, базирующиеся на знании способов совершения преступлений, а установленные С.Я. Розенблитом закономерности расследования имеют основополагающее значение для развития методики и в настоящее время[134].

Большое значение имело и направление в 1942—1943 гг. военных ученых-юристов М.С. Строговича, В.М. Чхиквадзе, В.М. Никифорова и Ю.М. Кубицкого в Действующую армию, где они оказывали помощь практическим работникам военной прокуратуры и собирали материал для научных исследований[135].

В работе «Военный следователь на фронте»[136], изданной в 1943 г., содержались важные методические указания о планировании, оперативности, устранении излишних следственных действий, предупреждении преступлений в районах вооруженных конфликтов.

Нельзя не упомянуть и о деятельности во время войны Чрезвычайной государственной комиссии, образованной Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников» от 2 ноября 1942 г. Задачей комиссии были собирание и проверка документальных данных о злодеяниях гитлеровцев и причиненном ими материальном ущербе, для чего ей было предоставлено право поручать правоохранительным органам производить расследование, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и другие документальные данные о преступлениях гитлеровских оккупантов и их пособников[137]. В разработанной Прокуратурой СССР для членов Чрезвычайной государственной комиссии Инструкции содержались подробные методические указания о фактах и обстоя-

---

[131] Труды ВЮА. Вып. 2. Ашхабад, 1942; вып. 3. Ашхабад, 1943; вып. 4. М., 1945.

[132] *Потапов С.М., Эйсман А.А.* Борьба с диверсантами. М., 1941.

[133] *Розенблит С.Я.* Дознание в Красной Армии: Руководство для дознавателей / Под ред. В.И. Носова. М., 1942.

[134] *Гавло В.К.* О развитии методики расследования отдельных видов преступлений в военный и послевоенный период (1941—1945 гг.) // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1984. С. 239—245.

[135] *Маликов С.В.* Становление и развитие криминалистики в системе военно-юридического образования. М., 2002. С. 11.

[136] Военный следователь на фронте. М., 1943.

[137] Приказ Прокурора СССР от 12.06.1942 г. № 60 // Архив ГВП, 1942, оп. № 1713, д. 3, с. 81—82.

тельствах, подлежащих установлению и учету, приемах их выявления, регулировался порядок их установления и процессуального оформления. Важные методические указания содержались в этой Инструкции и относительно ряда элементов криминалистической характеристики преступлений, совершаемых в районах вооруженного конфликта.

В рассматриваемый же период издавались Прокуратурой СССР, Главной военной прокуратурой и военными прокуратурами фронтов приказы и директивы по результатам проверок военных прокуратур фронтов[138], обзоры и обобщения следственной практики, в которых давались методические указания по вопросам возбуждения уголовных дел, производства первоначальных и неотложных следственных действий, определения предмета доказывания, выбора приемов и методов обнаружения и фиксации доказательств.

На созываемых военными прокурорами армий и фронтов совещаниях анализировалась деятельность военных следователей, разбирались недостатки в их работе, обсуждались вопросы методики расследования отдельных видов преступлений. Для повышения уровня квалификации оперативного состава военных прокуратур по методике расследования преступлений начиная с июня 1942 г. в системе командирской учебы в военных прокуратурах фронтов стали проводиться семинары по обмену опытом лучших военных следователей. Первым был обобщен передовой опыт по расследованию должностных и хозяйственных преступлений военного следователя военной прокуратуры 59-й армии Волховского направления военюриста 2-го ранга А. Бару[139].

Издаваемые ГВП информационные письма давали картину состояния следственной работы в военных прокуратурах Действующей армии. Итоги этой работы были впервые обобщены и обсуждены в декабре 1943 г. на II совещании военных прокуроров и председателей военных трибуналов ВМФ, на котором с докладом «Некоторые итоги работы военных прокуратур ВМФ за время Отечественной войны и задачи на ближайший период» выступил заместитель главного прокурора ВМФ генерал-майор юстиции А.П. Вавилов[140], и Всеармейском совещании военных следователей, проведенном в марте 1944 г.

В 1944 г. военной прокуратурой Закавказского фронта был обобщен опыт по расследованию дезертирства и Л.Г. Крахмальником подготовлено пособие для военных следователей[141], а в начале 1945 г. ГВП, обобщив весь накопленный за годы войны опыт расследования преступле-

[138] См.: директивы Прокурора СССР от 1.07.1941 г. № 1/31936, от 11.07.1941 г. № 3/33056 // Архив ГВП, 1941, оп. № 1712. д. 3. с. 22—23, 26; директивы ГВП от 29.05.1941 г. № 88/1-Д // Архив ГВП, 1941, оп. № 1712, д. 7, т. 1, с. 246—249; от 18.07.1942 г. № 110/1-Д; от 26.09.1942 г. № 123/1-Д; от 28.09.1942 г. № 124/1-Д // Архив ГВП, 1942, оп. № 01713, с. 214—219, 242, 243; приказы ГВП от 26.06.1941 г. № 70, от 4.08.1941 г. № 86, от 29.08.1941 г. № 113, от 22.09.1941 г. № 119, от 12.12.1941 г. № 145 // Архив ГВП, 1941, оп. № 1712, д. 6, т. 1; от 5.12.1942 г. № 1/101 // Архив ГВП, 1942, д. б/н, с. 162 и др.

[139] Директива ГВП от 13.06.1942 г. № 92/1-Д // Архив ГВП, 1942, оп. № 1713, с. 162—169.

[140] Стенограмма II совещания военных прокуроров и председателей военных трибуналов ВМФ // Архив ГВП, 1943. Наряд б/н, с. 1—261.

[141] *Крахмальник Л.Г.* Подложные документы дезертиров (из опыта работы военных прокуратур Закавказского фронта) / Под ред. А.И. Панфиленко. Штаб Закавказского фронта, 1944.

ний в боевой обстановке, издала 1-й выпуск «Следственной практики военных прокуратур Красной Армии»[142].

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что в рамках восьмого этапа развития концепции расследования преступлений в районах вооруженного конфликта происходило накопление и обобщение практического опыта расследования преступлений в Действующей армии в период Великой Отечественной войны и продолжалась активная разработка отдельных вопросов методики расследования воинских преступлений.

На *девятом этапе (1946—1979)* происходило дальнейшее осмысливание и обобщение практического опыта расследования преступлений в Действующей армии в период Великой Отечественной войны.

В 1954 г. преподавателем кафедры судебного права ВЮА В.М. Никифоровым был написан учебник по методике расследования воинских преступлений для слушателей ВЮА и военных следователей[143]. К этому периоду относятся научные труды С.Я. Розенблита[144] и В.М. Никифорова[145] по методике расследования уголовных дел, в том числе и в боевой обстановке, и кандидатская диссертация В.М. Чарикова[146], основанная, в частности, и на опыте работы военной прокуратуры в период Великой Отечественной войны. Однако продолжению научных исследований в этом направлении помешало расформирование в 1956 г. ВЮА.

Во второй половине 50-х гг. XX в. в Военно-политической академии им. В.И. Ленина П.П. Гуреевым[147], Л.Н. Гусевым[148], Д.С. Каревым[149] были продолжены научные исследования в рассматриваемом направлении, однако они затрагивали уже главным образом организационно-исторические аспекты развития органов военной прокуратуры, и только В.М. Никифоровым было опубликовано одно учебное пособие по методике расследования воинских преступлений[150].

И лишь в середине 60-х гг. XX в. произошло некоторое оживление научного интереса к проблемам расследования преступлений в боевой

[142] Следственная практика военных прокуратур Красной Армии. М., 1945. Вып. 1.

[143] *Никифоров В.М.* Методика расследования преступлений: Учебник. М., 1954.

[144] См.: *Розенблит С.Я.* Методика расследования летных происшествий. М., 1948; *Он же.* Расследование дел о нарушении уставных правил караульной службы. М., 1948; *Он же.* Расследование дел о хищении и разбазаривании военного имущества. М., 1948; *Он же.* Расследование дел о «несчастных случаях». М., 1948.

[145] *Никифоров В.М.* Методика расследования дел об уклонении от несения обязанностей военной службы путем членовредительства. М., 1951.

[146] *Чариков В.М.* Расследование уголовных дел о дезертирстве военнослужащих: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1956.

[147] *Гуреев П.П.* Создание и развитие советской прокуратуры. М., 1957. С. 15—18.

[148] *Гусев Л.Н.* Сорок лет советской военной юстиции // Труды ВПА. Т. 16. М., 1957. С. 464—531.

[149] См.: *Карев Д.С., Савицкий Н.И.* Очерки истории советской военной прокуратуры. / Под ред. Н.П. Афанасьева. М., 1948; *Карев Д.С.* Военные суды и военная прокуратура: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1951.

[150] *Никифоров В.М.* Расследование дел о дезертирстве, самовольном оставлении части и самовольных отлучках. М., 1959.

обстановке[151]. В начале 70-х гг. XX в. преподавателями кафедры криминалистики военно-юридического факультета Военно-политической академии было подготовлено учебное пособие по методике расследования воинских преступлений[152], а практическими работниками ГВП А.Г. Горным, В.С. Жабиным, П.К. Карамушкой и А.Н. Полевым[153] были предприняты серьезные научные исследования по обобщению опыта работы военной прокуратуры дивизионного, корпусного, армейского и фронтового звена и созданию на этой основе методических рекомендаций по его творческому использованию в мирное время.

С середины 70-х гг. XX в. издавались главным образом воспоминания и мемуары военных юристов, принимавших непосредственное участие в расследовании преступлений в боевой обстановке в годы войны, которые были приурочены к юбилейным датам победы Советского Союза в Великой Отечественной войне[154].

Оценивая содержание рассмотренного этапа, необходимо отметить, что хотя и происходил процесс дальнейшего осмысливания и обобщения практического опыта расследования преступлений в Действующей армии в период Великой Отечественной войны, однако уже к середине 70-х гг. XX в. фактически прекратились все научные исследования по проблемам расследования преступлений в районах вооруженного конфликта.

К сожалению, как показывает предпринятое исследование, опыт расследования преступлений в районах вооруженного конфликта на *десятом этапе (1980—1998)* в период нахождения Ограниченного контингента советских войск в Афганистане (1979—1989) почти не получил никакого отражения в теории[155], а аналогичный опыт работы во время вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) представлен лишь одной монографией С.Э. Гавето[156].

Научные исследования, проведенные в начале 80-х гг. XX в. преподавателями военно-юридического факультета Военного Краснознаменно-

---

[151] См.: *Абрамин В.Н.* Расследование преступлений против порядка прохождения службы в ВС СССР. М., 1964; Дознание в Вооруженных Силах СССР: Пособие для органов дознания и дознавателей / Под ред. А.Н. Полева. М., 1965.

[152] Расследование воинских преступлений: Учебное пособие / Под ред. А.Н. Полева. М., 1973.

[153] См.: *Горный А.Г.* Принципы организации и деятельности военной прокуратуры в годы Великой Отечественной войны и их развитие в послевоенное время // Опыт работы органов военной юстиции в годы войны и его творческое использование в мирное время. М., 1975; *Жабин В.С.* Особенности организации и деятельности военной прокуратуры фронта // Там же; *Карамушка П.К.* Работа военной прокуратуры соединения действующей армии в период Великой Отечественной войны // Там же; *Полев А.Н.* Организация работы военной прокуратуры армии // Там же.

[154] См.: *Кольнер М.И.* Из практики следователя. М., 1971; *Бушуев Ф.А.* Воспоминания военного следователя // Социалистическая законность. 1975. № 5. С. 23—24; *Сумароков П.* Боевые дни военного следователя // Там же. № 6. С. 46; *Чистяков Н.Ф.* По закону и совести. Военная прокуратура в 1941—45 гг.: Военные мемуары. М., 1979; *Ушаков С.Ю., Стукалов А.А.* Фронт военных прокуроров. М., 2000 и др.

[155] Особенности осмотра места происшествия на территории, контролируемой противником // Следственная практика ГВП. 1989. № 45.

[156] *Гавето С.Э.* Особенности расследования преступлений против военной службы в условиях чеченского конфликта. М., 1997.

го института, которыми подготовлены учебник по криминалистике (методика расследования отдельных видов преступлений)[157] и учебное пособие «Деятельность органов военной юстиции в условиях войны»[158], основывались только на фактическом материале периода Великой Отечественной войны. Некоторые отдельные вопросы по данной проблематике затрагивались и в диссертационных исследованиях Г.И. Загорского[159] и В.П. Шупленкова[160].

В начале 90-х гг. XX в. было проведено лишь одно историко-правовое исследование, основанное на материале Великой Отечественной войны, — кандидатская диссертация А.М. Рубана[161] и преподавателями кафедры криминалистики Военной академии экономики, финансов и права подготовлено 2-е издание учебника по криминалистике (методика расследования отдельных видов преступлений)[162].

В конце 80-х гг. XX в. в Академии управления МВД СССР начались научные исследования по вопросам расследования преступлений, совершаемых в ходе массовых беспорядков, возникших на почве межнациональной розни, на основе обобщения опыта работы специализированных следственных групп МВД, расследовавших массовые беспорядки на территории бывшего СССР в 1986—1991 гг. (Алма-Ата, Сумгаит, Нагорный Карабах, Тбилиси, Фергана, Баку, Душанбе и т. д.). Так, в 1989 г. В.Н. Григорьев разработал методическое пособие по первоначальным действиям следственной группы в условиях особого положения[163]. Затем, в 1990 г., Главное следственное управление МВД СССР выпустило Бюллетень ГСУ МВД СССР, содержащий подборку нормативных правовых актов и методических рекомендаций по вопросам раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в ходе массовых беспорядков, возникших на почве межнациональной розни[164]. В 1991 г. на основе анализа и обобщения опыта работы следственных групп МВД в ряде регионов Закавказья и Средней Азии В.Н. Григорьевым было выпущено первое учебное пособие по организации следственной работы в условиях чрезвычайного положения[165]. В дальнейшем вышли в свет еще ряд публикаций, в которых анализировались различные стороны следственной работы в чрезвычайных условиях[166]. А в 1993 г. В.Н. Григорьевым была защищена докторская диссертация на тему: «Расследование пре-

---

[157] Криминалистика: Учебник. М., 1983.

[158] Деятельность органов военной юстиции в условиях войны: Учебное пособие / Под ред. В.Ф. Новикова. М., 1983.

[159] *Загорский Г.И.* Уголовно-правовая борьба с преступлениями против обороны страны в военное время: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1986.

[160] *Шупленков В.П.* Осуществление правосудия в Вооруженных Силах СССР в период Великой Отечественной войны: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1986.

[161] *Рубан А.М.* Прокурорский надзор за исполнением законов при осуществлении уголовного судопроизводства в Действующей армии: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1993.

[162] Криминалистика: Учебник. М., 1993.

[163] *Григорьев В.Н.* Первоначальные действия следственной группы в условиях особого положения. Ташкент, 1989.

[164] Бюллетень ГСУ МВД СССР. 1990. № 6.

[165] *Григорьев В.Н.* Организация следственной работы в условиях чрезвычайного положения. Ташкент, 1991.

ступлений в чрезвычайных условиях»[167], которая послужила основой для разработки в Академии управления МВД России кандидатских диссертаций по данной проблематике[168].

Что же касается разработки в рамках десятого этапа вопросов организации расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, и создания на этой основе цельной концепции, то она характеризуется, в отличие от научных исследований в системе МВД, крайней скудостью публикаций на эту тему и полным отсутствием каких-либо научных исследований в данном направлении.

Более того, при оценке периодичности научных исследований по рассматриваемой проблематике есть все основания утверждать, что развитие концепции расследования преступлений в районах вооруженного конфликта (военно-полевой криминалистики) не представляет собой последовательного процесса научных исследований, этапы которых сменяют друг друга. Судя по содержанию и научному аппарату имеющихся в нашем распоряжении источников их авторы обычно не использовали труды своих предшественников. Объектом анализа, как правило, служил только современный материал. Это исключало преемственность исследований, использование предшествующего опыта. В результате многие последующие научные работы не стали более зрелыми и содержательными в научном отношении по сравнению с предыдущими. Ценность их определяется главным образом талантом исследователя и степенью знания фактического материала

И только в рамках *одиннадцатого этапа,* начиная с 1998 г., в юридической литературе начинается более интенсивное и систематическое исследование проблем правового обеспечения, организации и методики расследования преступлений в боевой обстановке в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007), предпринимается целенаправленная попытка создать с использованием опубликованных в разное время научных работ и накопленного практического опыта расследования преступлений в боевой обстановке целостную концепцию расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта[169]. В 2000 г. ГВП

---

[166] См.: *Григорьев В.Н.* Прокурорский надзор за расследованием преступлений в условиях чрезвычайного положения // Социалистическая законность. 1991. № 9. С. 33—36; *Чуглазов Г.* Как расследовать массовые беспорядки // Там же. 1991. № 12. С. 27—29; *Петелин Б.Я.* Управление следственными аппаратами в особых (экстремальных) условиях оперативной обстановки // Совершенствование управления органами внутренних дел в особых условиях: Сборник научных трудов. М., 1992. С. 48—52 и др.

[167] *Григорьев В.Н.* Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика): Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1993.

[168] См.: *Шаталов А.С.* Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в условиях массовых беспорядков: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1993; *Образцов А.В.* Организация работы следователя по собиранию доказательств в условиях чрезвычайного положения: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1993 и др.

[169] См.: *Маликов С.В.* Расследование преступлений в боевой обстановке (правовое обеспечение, организация, методика): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998; *Гавето С.Э.* Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в условиях вооруженного конфликта (по материалам работы военной прокуратуры в Чеченской Республике в 1994—96 гг.): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999; *Ушаков С. Ю., Стукалов А.А.* Указ. соч.

были разработаны два методических пособия — «Организация работы военной прокуратуры гарнизона (объединения)» и «Организация работы военной прокуратуры окружного звена»[170], в которых А.С. Дзадзиевым были рассмотрены общие вопросы организации работы военной прокуратуры в условиях боевых действий, участия поднадзорных воинских частей в урегулировании межнациональных конфликтов, миротворческих миссиях, а также военной прокуратуры, дислоцированной за пределами Российской Федерации. В 2004 г. были изданы первые монографические исследования проблем правового обеспечения, организации и методики расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта[171], а в 2005 г. защищена первая докторская диссертация по данной проблематике[172].

Начиная с 2001 г. в ГВП и Военном университете идут активные научные исследования в рамках кандидатских диссертаций по разработке частных криминалистических методик расследования преступлений военнослужащих, совершаемых в районах вооруженного конфликта: хищений военного имущества; хищений оружия и боеприпасов; членовредительства; дезертирства и самовольного оставления части или места службы; добровольной сдачи в плен; оставления противнику сил и средств ведения войны; насильственных преступлений в отношении гражданского населения и др.[173] Параллельно ведутся и научные исследования проблем прокурорского надзора за расследованием преступлений в районах вооруженного конфликта[174] и проблем криминалистического обеспечения предупреждения преступлений в районах вооруженного конфликта[175]. Профессорско-преподавательским составом кафедры криминалистики Военного университета изданы два учебника криминалистики, в которых разработана методика расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конф-

---

[170] Введены в действие приказом главного военного прокурора от 1 июня 2000 г. № 166.

[171] См.: *Маликов С.В.* Правовое обеспечение, организация и методика расследования преступлений в боевой обстановке: Монография. М., 2004; *Он же.* Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

[172] *Маликов С.В.* Правовые и организационные основы расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2004.

[173] См.: *Винокуров А.Ю.* Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в отношении гражданского населения в районах вооруженного конфликта: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., , 2003; *Коваль А.В.* Расследование хищений продовольствия и вещевого имущества, совершаемых должностными лицами служб тыла воинских частей ВС РФ в районах вооруженного конфликта: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006; *Шкваренко С.И.* Расследование уклонения от военной службы путем членовредительства, совершаемого военнослужащими в районах вооруженного конфликта: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

[174] *Вишня Г.И.* Особенности правового обеспечения деятельности по выявлению и раскрытию преступлений в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера (по материалам деятельности военных прокуратур в Чеченской Республике): Дисс. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2003.

[175] *Баракшин А.А.* Криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

ликта[176]. В настоящее время потребность в этих научных исследованиях обусловлена как результатами проведенного исследования современной социальной практики, так и убежденностью автора в том, что военные следственные органы должны постоянно поддерживать оптимальный уровень готовности к расследованию преступлений в боевой обстановке в районах вооруженного конфликта, содержать для этого специальную систему, одним из элементов которой является теоретическое обоснование концепции расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта (военно-полевой криминалистики).

Глава 3. Объект, система и значение концепции военно-полевой криминалистики для теории и практики следственной работы

В содержание любой концепции, в том числе и концепции расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта (военно-полевой криминалистики), входят идеи и теоретические положения об объекте исследования, системе концепции, содержании ее отдельных элементов, месте в системе научного знания, значении для теории и практики следственной работы, задачах дальнейшего научного исследования[177].

Объектом концепции военно-полевой криминалистики в самом общем виде являются закономерности расследования преступлений. В юридической литературе различаются общие закономерности расследования преступлений, закономерности расследования групп криминалистически сходных видов преступлений и отдельных видов преступлений[178]. В данном случае речь идет о закономерностях расследования групп криминалистически сходных видов преступлений — тех, которые совершаются в районах вооруженного конфликта. Причем объектом концепции военно-полевой криминалистики являются лишь специфические закономерности, вызванные чрезвычайными условиями расследования в районах вооруженного конфликта. Аналогично в криминалистике выделяются, например, закономерности расследования преступле-

[176] См.: *Маликов С.В., Балашов Д.Н., Балашов Н.М.* Криминалистика: Учебник. М., 2005; Криминалистика: Методика расследования преступлений, совершаемых военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации: Учебник / Под ред. А.Н. Савенкова. М., 2007.

[177] *Кохановский В.П.* Философия и методология науки: Учебник. М., 1999. С. 22—34, 142—155.

[178] *Возгрин И.А.* Криминалистическая методика расследования преступлений. Минск, 1983. С. 51.

ний по «горячим следам»[179]; преступлений организованных преступных сообществ[180]; преступлений, совершаемых иностранцами[181]; преступлений, совершаемых осужденными в ИТУ[182]; преступлений, совершаемых невменяемыми и лицами с дефектами психики[183], и т. п.

При этом, в зависимости от конкретной стороны деятельности различают специфические закономерности правового обеспечения, организации и методики расследования преступлений в районах вооруженного конфликта. Что касается психологических закономерностей расследования преступлений в районах вооруженного конфликта, то они составляют объект более общей концепции о психологии деятельности в экстремальных ситуациях, а невысокий уровень научной организации труда даже в обычных условиях не позволил проявиться каким-то особым ее закономерностям при расследовании преступлений в районах вооруженного конфликта.

Таким образом, объектом концепции военно-полевой криминалистики являются вызванные чрезвычайными условиями боевой обстановки специфические закономерности правового обеспечения, организации и методики расследования преступлений в районах вооруженного конфликта, причиной особенностей которых послужили именно эти условия.

Объект концепции в определенной степени определяет и ее систему. Основное содержание системы расследования преступлений составляют научно обоснованные и апробированные на практике криминалистические положения и рекомендации, касающиеся организации расследования, выбора и применения технико-криминалистических средств и криминалистических приемов, с учетом специфических условий деятельности[184]. В таком понимании она подходит под определение частной криминалистической методики и составляет ее основу[185].

Однако содержание концепции военно-полевой криминалистики значительно шире и криминалистическая методика является лишь одной из ее составляющих частей. Кроме методики, в ее содержание входят

[179] См.: *Илларионова Р.К.* Раскрытие преступления по «горячим» следам // Об опыте расследования умышленных убийств и изнасилований. М., 1968. С. 95—99; *Хохряков Г.В., Голощапов М.С.* Раскрытие преступлений по «горячим следам»: состояние исследований, актуальные проблемы, некоторые результаты и перспективы // Труды ВНИИ МВД. 1978. № 47. С. 32—45; *Салтевский М.В.* Раскрытие преступлений по «горячим следам» (понятие, содержание, структура) // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1989. Вып. 38. С. 37—41 и др.

[180] См.: *Быков В.М.* Криминалистическая характеристика преступных групп. Ташкент, 1986; *Миньковский Г.М.* Организованная преступность: проблемы теории и практики // Борьба с организованной преступностью: проблемы теории и практики. М., 1990 и др.

[181] *Дергай Б.И.* Особенности расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных иностранцами и в отношении иностранных граждан. Минск, 1979 и др.

[182] *Шурухнов Н.Г.* Расследование преступлений, совершенных осужденными в ИТУ. М., 1992.

[183] См.: *Радаев В.В.* Расследование преступлений, совершенных лицами с психическими недостатками. Волгоград, 1987; *Дергай Б.И.* Особенности расследования по делам невменяемых. Волгоград, 1976 и др.

[184] *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М., 1988. С. 170.

[185] *Чурилов С. Н.* Проблемы общего метода расследования преступлений. М., 1993. С. 182—223.

научные положения о правовом обеспечении и организации расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, занимающие самостоятельное место.

В юридической литературе право, наряду с наукой и следственной практикой, рассматривается не только как источник, но и как определяющий фактор методических рекомендаций криминалистики[186]. Связь выражается в том, что криминалистика использует разрабатываемые в уголовном праве характеристики отражаемого объекта, пользуясь ими как данными. Так, нормы особенной части уголовного права, помимо своей классификационной роли, наполняют необходимым содержанием общую формулу предмета доказывания и определяют цели процесса расследования. Нормы уголовно-процессуального права как в системе, так и в отдельности в буквальном смысле слова определяют криминалистические методические рекомендации и являются их источником. Эта их роль проявляется в том, что уголовно-процессуальный закон:

1) устанавливает общую процедуру расследования преступлений, на которой основывается структура частных криминалистических методик, отражающая последовательность действий следователя и содержание этих действий на каждом этапе расследования, и изъятия из этой процедуры;

2) исчерпывающим образом определяет круг следственных действий, с помощью которых осуществляется процесс доказывания;

3) содержит общую формулу предмета доказывания, на базе которой криминалистическая методика разрабатывает круг обстоятельств, подлежащих выяснению по каждой категории уголовных дел, являющийся элементом криминалистической характеристики преступлений;

4) содержит требование о быстром и полном раскрытии преступлений, о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела[187].

В концепции военно-полевой криминалистики право, наряду с методикой, является самостоятельным элементом. Это отнюдь не означает попытку лишить самостоятельности криминалистическую науку, включая в ее содержание право или приписывая ей аннексию правовых норм. Здесь налицо обычный процесс взаимопроникновения научных знаний в целях их обогащения и развития. В концепции военно-полевой криминалистики это обусловлено тем, что расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, наряду с обычным законодательным регулированием, нуждается в особом, адекватном чрезвычайным условиям боевой обстановки, правовом обеспечении.

Что касается вопроса о связи организации и методики расследования преступлений, то вначале необходимо правильно определить понятие организации расследования преступлений, для чего следует четко разграничить четыре уровня этой деятельности:

Первый, высший, наиболее общий уровень организации расследования имеет своим объектом расследование как специфическую форму деятельности органов предварительного следствия и дознания всех ведомств и определяется в виде системы мер, обеспечивающих эффективность

---

[186] *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: В 3 т. М., 1997. Т. 3. С. 342.
[187] Там же. С. 343—348.

функционирования элементов системы и достижение поставленных перед ними целей.

Второй, «управленческий», уровень организации расследования наполнен конкретным содержанием, является основной функцией следственного аппарата и подразделений дознания одного ведомства и определяется как комплекс мер, обеспечивающих оптимальную структуру этих органов, необходимый уровень управления ими, эффективность их деятельности и совершенствование ее средств и методов.

Третий уровень организации расследования — уровень криминалистической методики, т. е. организация конкретного акта расследования (расследования конкретного преступления), и он определяется как комплекс мер по созданию оптимальных условий для определения и применения наиболее эффективных и целесообразных в конкретной следственной ситуации рекомендаций криминалистической методики в целях достижения максимальных результатов при минимальных затратах времени, сил и средств.

Четвертый уровень организации расследования — тактический уровень организации расследования, т. е. организация проведения отдельного следственного действия или организационно-технического мероприятия в рамках конкретного акта расследования, определяется как комплекс мер, обеспечивающих выбор и применение в конкретной следственной ситуации наиболее эффективных и целесообразных технико-криминалистических и тактических средств и приемов для достижения целей этого следственного действия[188].

Вопросы организации расследования преступлений на уровне криминалистической методики как раздела науки должны составлять органическую часть всех ее составных элементов, но не выделяться из них в самостоятельный раздел или теорию,[189] т. е. на уровне криминалистической методики — организации расследования конкретного преступления (на третьем уровне понятия организации расследования) организация расследования является составной частью криминалистической методики. При этом, в организацию расследования включаются традиционные мероприятия, выполняемые в рамках отдельного уголовного дела и направленные на создание оптимальных условий для определения и применения наиболее эффективных в конкретной следственной ситуации рекомендаций криминалистической методики в целях достижения максимальных результатов при минимальных затратах времени, сил и средств.

Однако при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, приходится предпринимать и иного рода организационные меры, выходящие уже за рамки отдельных уголовных дел. Как показал опыт работы органов военной прокуратуры в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) — это формирование самих военных следственных органов, их материально-техническое снабжение, организация взаимодействия с более широким кругом правоохранительных органов, имеющих различные задачи и подчиненность, и т. д. Данные организационные меры, выходящие за рамки расследования отдельного уголов-

[188] *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. Т. 2. С. 449—452.
[189] Там же. С. 455.

ного дела, по своей сущности, не укладываются в криминалистическую методику. Они в большей степени тяготеют к управленческой деятельности в сфере охраны правопорядка и борьбы с преступностью (т. е. ко второму, «управленческому», уровню понятия организации расследования), которая оформилась в самостоятельную отрасль теории управления в сфере правоохранительной деятельности. Следовательно, одна часть научных положений об организации расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, а именно организация расследования конкретных преступлений, входит в содержание криминалистической методики, а другая часть, касающаяся вопросов организации следственной работы, составляет самостоятельный, «управленческий», элемент концепции военно-полевой криминалистики, существующий наряду с правовым обеспечением и методикой. Другими словами, в концепции военно-полевой криминалистики выделяется уголовно-процессуальный, управленческий и криминалистический аспекты.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, в содержание концепции военно-полевой криминалистики входят теоретические положения:

1) о правовом обеспечении расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта;

2) об организации следственной работы военных следственных органов в районах вооруженного конфликта;

3) о методике расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

При этом, правовое обеспечение как элемент концепции военно-полевой криминалистики предполагает, прежде всего, адекватное разрешение на основе ретроспективного анализа следственной практики военных следственных органов уголовно-процессуальных проблем, возникающих при применении в районах вооруженного конфликта обычного порядка расследования. Однако его нельзя отождествлять с установлением особых форм следственной деятельности. Речь может идти лишь о некоторых изменениях и дополнениях отдельных элементов существующего уголовно-процессуального порядка расследования, не затрагивающих его основ, но, однако, учитывающих чрезвычайные условия деятельности в районах вооруженного конфликта.

Правовое обеспечение, наряду с особенностями уголовно-процессуального порядка, включает в себя и исключительный (особый) правовой режим, который вводится в районах вооруженного конфликта. На практике это обычно режимы проведения контртеррористической операции, военного и чрезвычайного положения. Основное их назначение — создание необходимых условий для стабилизации обстановки, восстановления законности и правопорядка. Введение исключительного (особого) правового режима способствует и проведению надлежащего расследования преступлений.

Кроме исключительного (особого) правового режима, существует потребность и в специальных нормативных предпосылках расследования преступлений в районах вооруженного конфликта. Так, в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) отдельные командиры воинских частей и подразделений воспринимали свое пребывание на территории Чеченской Республики как выход за пределы правового поля Российской Федерации. Зачастую

стремление оправдать незаконные действия «боевой обстановкой» способствовало формированию устойчивой круговой поруки не только среди военнослужащих-сослуживцев, но и между командирами и их подчиненными, что приводило к активным попыткам противодействия проведению надлежащего расследования. Поэтому необходимо предусмотреть ряд дополнительных нормативных предпосылок расследования, которые содержали бы правовой механизм, обеспечивающий проведение надлежащего расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Как следует из вышесказанного, правовое обеспечение складывается из адекватного регулирования отношений, возникающих в районах вооруженного конфликта в связи с расследованием преступлений, нормами различных отраслей права. Поэтому было бы неточным говорить о правовом регулировании расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта. Во-первых, единого такого регулирования просто не существует. Во-вторых, правовые нормы касаются не столько самого расследования, сколько преимущественно иных возникающих в связи с ним отношений. Следовательно, применительно к расследованию преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, представляется более точным говорить о его правовом обеспечении.

Организация расследования преступлений как отрасль науки управления в сфере правопорядка включает в себя вопросы управленческого характера, касающиеся системы расследования преступлений, его ресурсного, информационного обеспечения, организации расследования отдельных видов преступлений в особых ситуациях[190]. Однако в условиях боевой обстановки в районах вооруженного конфликта все эти вопросы организации следственной работы военных следственных органов обладают определенной спецификой, более того, среди этих вопросов можно выделить ряд концептуальных, без решения которых нельзя провести расследование. Они касаются формирования и обеспечения работы военных следственных органов и характеризуют: специальное следственное подразделение оперативного реагирования Военного следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации как основу системы организации расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта; порядок создания оперативной прокурорско-следственной группы, материально-технического и тылового обеспечения ее деятельности, организации взаимодействия с другими правоохранительными органами; использование специальных знаний в «полевых» условиях и т. д. Совокупность теоретических положений по этим вопросам представляет собой управленческий элемент концепции военно-полевой криминалистики. Иные управленческого уровня вопросы организации расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, касающиеся информационно-аналитической работы, организации контроля, учета, отчетности и т. д., являются производными от указанных выше концептуальных вопросов. Успешное решение последних во многом предопределяет успех расследования в целом. Все же то, что

[190] *Петелин Б.Я.* Криминалистика и организация расследования преступлений // Предмет и система криминалистики в свете современных исследований: Сборник научных трудов. М., 1988. С. 65.

касается деятельности следователя по конкретному уголовному делу, включая и организационные вопросы методического уровня, относится к предмету криминалистической методики.

Методика как составной элемент концепции военно-полевой криминалистики должна состоять из двух компонентов:

— во-первых, из обычной методики расследования отдельных видов преступлений (например, нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, убийств, уклонений от военной службы, грабежей и т. д.);

— во-вторых, из нетрадиционной методики большой степени общности, в основе которой лежит специфика ситуации, выражающаяся в том, что расследование проводится в районах вооруженного конфликта групповым (бригадным) методом по «горячим следам» в особых условиях производства следственных действий, связанных с ведением боевых действий.

Данная методика относится к числу новых методик, которые Р.С. Белкин охарактеризовал как комплекс частнометодических криминалистических рекомендаций большой степени общности, охватывающих несколько видов и даже родов преступных посягательств, но совершаемых не вообще, а в специальных условиях места, времени либо лицами, характеризуемыми тем или иным общим для них отличительным признаком. В качестве примера подобного рода методик он называл методики расследования преступлений, совершенных рецидивистами, женщинами, невменяемыми, осужденными в ИТУ, иностранцами, в экстремальных климатических, природных, территориальных, производственных условиях и т. п.[191]

В данном случае речь идет о комплексе частнометодических криминалистических рекомендаций по осуществлению расследования в условиях боевой обстановки, сложившихся в районах вооруженного конфликта: о методике расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Приоритет в постановке данного вопроса принадлежит И.М. Лузгину, который, говоря о перспективах развития методики расследования, высказал суждение о целесообразности выделения в этом разделе криминалистики направления, посвященного выявлению общих закономерностей в расследовании нескольких видов преступлений и разработке на этой основе ситуационных моделей расследования[192]. Эта идея нашла поддержку и развитие в трудах других ученых-криминалистов[193].

В.А. Образцов обоснованно определяет такого рода методики как новое перспективное направление в криминалистике, источник конструктивного методического и общепредпосылочного научного знания, используемого при решении конкретных вопросов теории и практики рассле-

---

[191] *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. Т. 3. С. 340.

[192] См.: *Лузгин И.М.* Проблемы развития методики расследования отдельных видов преступлений // Методика расследования преступлений. М., 1976. С. 32—33; *Он же.* Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение. 1977. № 2. С. 65.

[193] См., например: *Белкин Р.С.* Курс советской криминалистики: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 211—214.

дования, научных исследований в области методики расследования, ее преподавания и изучения»[194].

Характеризуя подобные методики как комплексы частнометодических криминалистических рекомендаций более высокого уровня обобщения, Р.С. Белкин полагал, что такие комплексы отличаются от традиционных частных криминалистических методик и своей структурой, и своим содержанием. В сущности, они должны состоять из характеристики основания формирования комплекса (условий преступного посягательства, группы субъектов преступлений и т. п.) и раскрытия тех особенностей методики расследования, которые обусловлены данной характеристикой и в которых она проявляется[195]. С.Н. Чурилов, развивая мысль Р.С. Белкина, говорит только об одном основании выделения комплекса методических рекомендаций, а именно о специфических условиях деятельности[196], которые выше были охарактеризованы в качестве фактора, определяющего специфические закономерности расследования преступлений.

Обладает спецификой и собственно методика расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, отличаясь от традиционных методик как по своей структуре, так и по содержанию. В структуре этой методики по сравнению с традиционной отсутствует отмеченная С.Н. Чуриловым характеристика основания данного комплекса методических рекомендаций. Условия расследования, складывающиеся в районах вооруженного конфликта, как основание выделения комплекса методических рекомендаций составляют теоретическую основу и других составных частей концепции расследования преступлений — правового обеспечения и организации деятельности. Поэтому характеристика условий расследования, порожденных вооруженным конфликтом, и вынесена нами за рамки методики. Ее целесообразнее предпослать всем трем частям концепции военно-полевой криминалистики, исходя из чего она помещена в главу, посвященную теоретическим и правовым основам военно-полевой криминалистики. Эти же доводы относятся и к общей криминалистической характеристике преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта, которая также в равной мере относится ко всем трем составным частям концепции военно-полевой криминалистики.

Должны измениться и отдельные элементы методики расследования преступлений в районах вооруженного конфликта по сравнению с традиционными методиками. Комплекс частнометодических криминалистических рекомендаций большой степени общности, охватывающих несколько видов и даже родов преступлений, должен содержать описание частных проявлений общих закономерностей из числа тех, которые изучает криминалистическая наука в целом. В криминалистической методике частными проявлениями являются закономерности функционирования общего метода расследования преступлений как метода практической деятельности.

---

[194] *Образцов В.А.* Проблемы совершенствования научных основ методики расследования преступлений: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1985. С. 21.

[195] *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. Т. 3. С. 340.

[196] *Чурилов С.Н.* Принципы разработки и построения частных криминалистических методик: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М.,1981.

С.Н. Чурилов, развивая идею данного метода, высказанную Р.С. Белкиным, создал концептуальное учение, которое синтезирует теоретические знания, накопленные в рамках системы научных положений криминалистической методики, с учетом потребностей практики раскрытия, расследования и предупреждения преступлений[197]. Использование учения об общем методе расследования преступлений дает возможность максимально адаптировать научные положения и рекомендации криминалистической методики к особенностям и условиям раскрытия и расследования преступлений. Данное учение служит методологической и теоретической основой и для разработки концепции военно-полевой криминалистики.

В структуру общего метода расследования входят три элемента: 1) криминалистический анализ исходной и дополнительной информации о преступлении; 2) адаптация в соответствии с ней конкретной частной криминалистической методики; 3) реализация адаптированной типовой программы[198]. Первый элемент основывается на идее А.В. Дулова о криминалистическом анализе преступления как практической деятельности по его расследованию, осуществляемой на основе результатов изучения общих закономерностей криминалистически сходных видов преступлений[199]. Второй элемент этого метода заключается в учете ситуационных особенностей расследования и соответствующей корректировке типовых методических рекомендаций, осуществляемых на всем протяжении расследования. Практический смысл и значение адаптации, приспособления частной криминалистической методики к особенностям и условиям конкретного акта расследования состоит в обеспечении максимального использования фактора внезапности, динамичности и непрерывности расследования, оптимального и строгого соответствия закону сочетания единоличного и коллективного труда всех участников доказывания, экономии их сил и средств, ситуационного характера применения тактических приемов и технических средств при расследовании[200]. Все вышесказанное как нельзя лучше относится к структуре и содержанию методики, отражающей особенности расследования преступлений в районах вооруженного конфликта.

Так, в структуру нетрадиционной методики большой степени общности, в основе которой лежит специфика ситуации — проведение расследования в районах вооруженного конфликта, входят:

1) характеристика групп типичных следственных ситуаций, складывающихся при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, в зависимости от вида боевых действий и условий конкретной боевой обстановки;

2) планирование расследования преступлений следственно-оперативными группами (звеньями) «по горячим следам» в различных типичных следственных ситуациях, складывающихся при расследовании преступ-

---

[197] *Чурилов С.Н.* Криминалистическое учение об общем методе расследования преступлений: Дисс. ... докт. юрид. наук. М.,1995.

[198] *Чурилов С.Н.* Там же. С. 89.

[199] *Дулов А.В.* К вопросу о криминалистическом анализе преступлений // Сборник рефератов научных сообщений на теоретическом семинаре — криминалистических чтениях ВНИИСЭ. М., 1977. Вып. 19. С. 3—9.

[200] См.: *Белкин Р.С.* Курс советской криминалистики. Т. 3. С. 282—283; *Он же.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. М., 1988. С. 250—260.

лений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта;

3) особенности организации и тактики производства отдельных следственных и иных действий в районах вооруженного конфликта.

Специфика содержания методики расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, определяется преимущественно групповым (бригадным) методом расследования[201], расследованием по «горячим следам» и особыми условиями производства следственных действий в районах вооруженного конфликта, связанными с ведением боевых действий. Она касается как традиционных следственных действий (допрос, обыск, осмотр места происшествия и т. д.), так и новых для криминалистики приемов, получивших распространение на практике лишь в районах вооруженного конфликта (например, действия следователей при проведении специальных операций подразделениями и частями внутренних войск МВД России).

Важное место в повседневной работе военных следственных органов в районах вооруженного конфликта занимает деятельность по криминалистическому обеспечению предупреждения преступлений военнослужащих. Именно быстрота предварительного расследования, расследование преступлений следственно-оперативной группой по «горячим следам» должны обеспечивать высокое качество следствия, а сокращение времени между совершением преступления и вынесением приговора в конечном итоге способствует предупреждению преступлений военнослужащих в районах вооруженного конфликта[202]. В криминалистике в общую систему предупредительных мер по искоренению преступности включаются систему чисто криминалистические (технические и тактические) меры выявления и устранения обстоятельств, способствующих совершению отдельных видов преступлений, разработкой которых криминология не занимается. При этом, задача криминалистического обеспечения предупреждения преступлений военнослужащих обязательно должна учитываться при планировании расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Теоретической предпосылкой для научно-эмпирического обоснования криминалистических частнометодических рекомендаций большой степени общности, а следовательно, и методики расследования преступлений в районах вооруженного конфликта в целом является ретроспективный криминалистический анализ криминалистически сходных видов преступлений и деятельности по расследованию преступлений как в научном, так и в прикладном аспектах. Теоретическая модель ретроспективного криминалистического анализа играет роль своего рода исследовательской программы, обеспечивающей постановку теоретических и практических задач по исследованию области противоправной деятельности и в области раскрытия, расследования и предупреждения преступлений[203], в том числе и в районах вооруженного конфликта. Таким образом, она становится адаптированной к соответствующему эмпири-

[201] См.: *Герасун А.А.* Бригадный метод расследования в советском уголовном процессе: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1968; *Тарасов А.А.* Процессуальные и тактико-психологические проблемы расследования преступлений группой следователей: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 1990.

[202] *Баракшин А.А.* Указ. соч.

[203] *Чурилов С.Н.* Криминалистическая методика: история и современность. М., 2002. С. 49—50.

ческому материалу и криминалистическим частнометодическим рекомендациям большой степени общности.

Что касается содержания ретроспективного криминалистического анализа сходных видов преступлений, то С.Н. Чурилов определил его как путь познания их криминалистической характеристики, сущность которого заключается в выявлении корреляционных зависимостей между фактическими данными криминалистически сходных видов преступлений, выраженных количественными показателями и имеющих эвристическое значение при расследовании аналогичных преступлений[204].

Суммируя изложенное выше, можно заключить, что объединенные одним объектом теоретические положения о правовом обеспечении, организации и методике расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, представляют собой целостную самостоятельную концепцию военно-полевой криминалистики. Концепция военно-полевой криминалистики имеет как научное, так и практическое значение. Она позволяет объединить научные положения о деятельности военных следственных органов в районах вооруженного конфликта в единую систему, что, в свою очередь, позволяет выявить неисследованные вопросы и системно разрешать возникающие проблемы. Для практики концепция военно-полевой криминалистики важна в связи с тем, что она вооружает следователей военных следственных органов научно обоснованными рекомендациями об организации следственной работы в районах вооруженного конфликта, а также методикой ее проведения.

Таким образом, концепцию военно-полевой криминалистики можно определить как имеющую важное научное и практическое значение комплексную частную криминалистическую теорию большой степени общности, объединяющую совокупность теоретических положений о специфических закономерностях, проявляющихся в сфере правового обеспечения, организации и методики расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Глава 4. Правовое обеспечение и уголовно-процессуальный порядок расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта

В обычных мирных условиях нормативно-правовые основы и предпосылки расследования преступлений, совершаемых военнослужащими, прямо установлены законом и являются достаточно очевидными. Уголовное законодательство России, в частности, устанавливает, какие действия военнослужащих являются преступными и когда они общественно опасно посягают на воинский правопорядок. В УПК РФ определены поводы и основания к возбуждению уголовного дела и началу предварительного расследования, перечислены органы и должностные лица, полномочные производить это расследование, установлена их компетенция. Эти зако-

[204] *Чурилов С.Н.* Криминалистическая методика: история и современность. С. 147—148.

нодательные положения имеют необходимое организационное, кадровое и материально-техническое обеспечение и реализуются на практике.

В районах вооруженного конфликта в условиях боевой обстановки ситуация в корне меняется. Ряд существующих нормативных предпосылок расследования преступлений в силу некоторых объективных и субъективных обстоятельств перестает работать. И для того чтобы привести систему расследования преступлений в действие, требуются дополнительные нормативные предпосылки.

Так, опыт Великой Отечественной войны показал, что обстоятельства военного времени потребовали, наряду с изменениями в структуре и формах деятельности государственного аппарата (включая и правоохранительные органы), внести значительные изменения в систему правового регулирования общественных отношений практически во всех сферах жизни страны. Реализация таких конституционных прав, как свобода слова, печати, собраний, митингов, шествий и демонстраций, неприкосновенности жилища и тайна переписки, осуществлялась с учетом условий военного времени. Для граждан были введены некоторые ограничения в порядке пользования правами и исполнения обязанностей в области труда и его оплаты, отдыха и образования, материального обеспечения по инвалидности и временной нетрудоспособности. Изменения в системе высших органов государственной власти привели к появлению нового органа государственной власти — Государственного Комитета Обороны, сосредоточившего всю полноту власти в стране и правомочного издавать нормативные правовые акты (решения и распоряжения) высшей юридической силы[205]. Были введены в действие и нормативные правовые акты, направленные на превращение страны в единый боевой лагерь: условия введения и режим военного (в отдельных местностях — осадного) положения, создание системы чрезвычайных органов, проведение всеобщей мобилизации военнообязанных, введение трудовой повинности, новые условия поставок для действующей армии[206]. Был принят ряд законодательных актов, в которых содержались правовые нормы, возлагающие на граждан дополнительные (по сравнению с мирным временем) обязанности: мобилизация автомобильного и гужевого транспорта, обязательное всеобщее обучение военному делу, мобилизация трудоспособного городского населения для работ на производстве и строительстве[207] и т. д.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 г. были расширены полномочия органов военного управления — военных советов фронтов, армий, военных округов, а там, где не было военных советов, — высшего командования войсковых соединений, с предоставлением им права принимать общеобязательные решения (постановления, распоряжения, приказы) в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности в местностях, объявленных на военном положении.

---

[205] Решение Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об образовании Государственного Комитета Обороны» от 30 июня 1941 г.

[206] *Власов В.А.* Законодательные и административно-правовые акты военного времени (с 22.06.1941 г. по 22.03.1942 г.). М., 1942.

[207] См., например: Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и в строительстве» от 13 февраля 1942 г.

В местностях, объявленных на военном положении, юрисдикции органов военного управления и военной юстиции подлежали все уголовные дела о преступлениях, направленных против обороны страны, общественного порядка и государственной безопасности, при этом виновные подлежали уголовной ответственности по законам военного времени, которые отличались более строгими санкциями. Характерной тенденцией изменения правового регулирования общественных отношений в период Великой Отечественной войны было расширение действия законов военного времени по кругу лиц. Законы военного времени были распространены на значительные контингенты гражданских лиц в местностях, объявленных на военном положении, а также на работников особо важных отраслей народного хозяйства (оборонной, угольной, нефтяной промышленности; железнодорожного, речного и морского транспорта) на всей территории страны, которые объявлялись мобилизованными и подпадали на весь период войны под военную юрисдикцию[208].

Нахождение контингентов войск за пределами страны в послевоенный период потребовало и адекватного их правового обеспечения, отличного как по масштабу, так и по структуре от правового обеспечения в период ведения военных действий. Так, после ввода советских войск на территорию Демократической Республики Афганистан (ДРА) в 1979 г. и последующего размещения на ее территории девяти военных прокуратур руководство Главной военной прокуратуры приняло необходимые меры, направленные на правовое обеспечение их деятельности, заключив следующие соглашения: Соглашение между правительствами СССР и ДРА об оказании взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием советских войск на территории ДРА; Соглашение о порядке расчетов и условиях пользования советскими войсками, временно находящимися на территории ДРА, различного рода объектами и услугами, предоставляемыми афганской стороной; Протокол о пунктах и порядке пересечения советско-афганской государственной границы советскими воинскими частями, лицами, входящими в состав советских войск, временно находящихся на территории ДРА, и членами их семей, о способах контроля и перечне документов на право пересечения границы; Протокол о воинских перевозках по автомобильным, воздушным и водным путям сообщения ДРА для советских войск, временно находящихся на территории ДРА, включая порядок перевозок через границу ДРА; Соглашение об условиях использования средств государственной сети связи ДРА советскими войсками, временно находящимися на территории ДРА; Положение о деятельности Уполномоченных правительств СССР и ДРА по делам временного пребывания советских войск в ДРА; Положение об использовании сил и средств ПВО советских войск, временно находящихся на территории ДРА, для действий по иностранным самолетам (летательным аппаратам) — нарушителям воздушного пространства ДРА; Правила о порядке полетов над территорией ДРА советской военной авиации при выполнении задач боевой подготовки и воздушных перевозок в интересах советских войск, временно находящихся в ДРА, а также о порядке перелетов из ДРА в СССР и обратно[209].

---

[208] Деятельность органов военной юстиции в условиях войны. С. 16—22.
[209] Архив ГВП, 19 ... . Наряд № 62, с. 158—160.

Кроме того, в марте 1980 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Постановление «О предоставлении права применять нормы уголовного законодательства военного времени военным трибуналам, действующим в составе ограниченного контингента советских войск, находящихся на территории ДРА». Мотивировалось принятие такого решения тем обстоятельством, что ОКСВ, находящийся на территории ДРА, оказывая помощь афганскому правительству в отражении агрессии извне, выполняет боевые задачи, поэтому в интересах поддержания высокого уровня воинской дисциплины требуется более быстрое и строгое реагирование военно-судебных органов на преступные проявления со стороны отдельных советских военнослужащих, подрывающих боевую готовность и наносящих ущерб престижу советских войск среди афганских граждан[210].

Исходя из данного политического решения, Военная коллегия Верховного Суда СССР признала, например, правильной квалификацию преступных действий офицера Игнатенко, осужденного военным трибуналом ТуркВО по п. «в» ст. 260 УК РСФСР за превышение власти в боевой обстановке, повлекшее тяжкие последствия. Игнатенко, участвуя в боевой операции по ликвидации баз мятежников, обнаружил в одном из кишлаков оружие и боеприпасы, а также нескольких местных жителей. Полагая, что они являются мятежниками, Игнатенко, превышая предоставленную ему власть, приказал подчиненным военнослужащим расстрелять их, что и было ими исполнено. В 1980—1988 гг. имели место и другие случаи осуждения военным трибуналом ТуркВО военнослужащих за преступления, совершенные в боевой обстановке на территории ДРА, с применением данного квалифицирующего признака[211].

В целом принятые меры по правовому обеспечению боевых действий ОКСВ и расследованию преступлений, совершенных советскими военнослужащими на территории ДРА, оказались довольно результативными и дали ожидаемый положительный эффект.

В настоящее время Россия испытывает на себе воздействие вооруженных конфликтов, происходящих не только в непосредственной близости от нее, но и на территории самой Российской Федерации. Правовая основа для привлечения Президентом Российской Федерации отдельных формирований Вооруженных Сил Российской Федерации к выполнению задач с использованием вооружения не по их предназначению заложена в п. «м» ст. 71, ч. 4 ст. 78, ч. 2 ст. 80, ст. 82, ч. 1 ст. 87, ч. 3 ст. 90 Конституции Российской Федерации, согласно которой Президент Российской Федерации обязан принимать меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости, безопасности и целостности государства. Законодательное регулирование допускает использование Вооруженных Сил Российской Федерации для защиты государства не только от внешних угроз, но и от внутренних угроз, направленных против личности, общества и государства, включая его конституционный строй, суверенитет и территориальную целостность (ст. 1 Закона Российской Федерации «О безопасности» от 5 марта 1992 г. № 2446-I, более того, в п. 2 ст. 4 Федерального закона «Об обороне» от

[210] Там же, с. 173.

[211] См.: *Шупленков В.П.* Некоторые особенности борьбы с воинскими преступлениями, совершаемыми в боевой обстановке // БВК ВС и УВТ МЮ. 1987. № 1 (127). С. 77—82; *Петухов Н.А.* Указ. соч. С. 321—322.

31 мая 1996 г. определены полномочия Президента Российской Федерации в области обороны, согласно которым он принимает в соответствии с федеральными законами решение о привлечении Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов к выполнению задач с использованием вооружения не по их предназначению. В частности, в Основных положениях военной доктрины Российской Федерации, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 21 апреля 2000 г. № 706, предусматривается возможность использования Вооруженных Сил Российской Федерации для разрешения конфликтов внутренней жизни российского общества и государства (внутренних военных угроз). И наконец, постановление Конституционного суда Российской Федерации от 31 июля 1995 г. по делу о проверке конституционности указов Президента Российской Федерации «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики» от 30 ноября 1994 г. № 2137, «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» от 8 декабря 1994 г. № 2166, Постановления Правительства Российской Федерации «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа» от 8 декабря 1994 г. № 1360, Указа Президента Российской Федерации «Об основных положениях Военной доктрины Российской Федерации» от 2 ноября 1993 г. № 1833, в котором подтверждено соответствие указанных мероприятий Конституции Российской Федерации в части, касающейся использования Вооруженных Сил Российской Федерации при разрешении вооруженных конфликтов немеждународного характера.

В декабре 1994 г. перед органами государственной власти Российской Федерации встал вопрос о целесообразности объявления территории Чеченской Республики зоной (районом) вооруженного конфликта на период проведения в ней мероприятий по защите территориальной целостности и безопасности Российской Федерации, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований[212]. Суть проблемы сводилась к тому, что в случае признания Чеченской Республики зоной (районом) вооруженного конфликта на Российскую Федерацию была бы возложена обязанность по применению норм международного гуманитарного права (права войны), а незаконные вооруженные формирования приобретали бы статус антиправительственных вооруженных сил, находящихся под ответственным командованием и осуществляющих определенный контроль над частью территории Российской Федерации. Безусловно, для Российской Федерации было бы проще отнести чеченскую проблему в тот период к случаям нарушения внутреннего порядка или к обстановке внутренней напряженности, которые в соответствии с п. 2 ст. 1 Дополнительного протокола II к Женевским кон-

[212] Постановление Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации «О положении в Чеченской Республике» от 17 декабря 1994 г. № 307-1СФ.

[213] Постановление Правительства Российской Федерации «Об определении зоны вооруженного конфликта в Чеченской Республике» от 11 декабря 1995 г. № 1210.

венциям о защите жертв войны (1949) не являются вооруженными конфликтами и в этих случаях Протокол не применяется. Поэтому вначале и использовалась довольно туманная формулировка «восстановление конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», хотя при этом велись широкомасштабные боевые действия с применением авиации и тяжелого вооружения. И лишь спустя год после начала боевых действий в Чеченской Республике, в декабре 1995 г., эта проблема была разрешена и на законодательном уровне, когда впервые была определена зона (район) вооруженного конфликта в Чеченской Республике[213]. Являясь членом мирового сообщества, Российская Федерация признает входящие в ее правовую систему общепризнанные принципы и нормы международного права и свои международные договоры. Поэтому после официального объявления территории Чеченской Республики зоной (районом) вооруженного конфликта Российская Федерация взяла на себя обязанность строго следовать нормам международного гуманитарного права при урегулировании возникшей кризисной ситуации[214].

В период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) именно отсутствие должной правовой основы участия воинских частей и подразделений в боевых действиях, непонимание военнослужащими цели и характера вооруженного конфликта и неподготовленность их к выполнению задач в боевой обстановке явились основанием для не применения военными судами этого квалифицирующего признака состава воинских преступлений. Достаточно лояльное отношение к военнослужащим, совершившим воинские преступления во время пребывания в Чечне, проявляли и военные суды, которые «были поставлены в сложные условия осуществления правосудия в обстановке ведения боевых действий, но по законам мирного времени»[215].

Потребность в дополнительных нормативных предпосылках со стороны Главной военной прокуратуры, Министерства обороны Российской Федерации, Главного командования внутренних войск, вызванная особенностями расследования в боевой обстановке, в последние годы существенно обострилась дезинтеграционными процессами в Российской Федерации.

Так, в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) пришлось столкнуться с фактом, что практически все гражданское население открыто вооружилось. Военнослужащие в ходе вооруженного конфликта в условиях боевой обстановки утрачивали оружие, приобретали трофейное, пользовались оружием и боеприпасами погибших либо раненых сослуживцев. Учет боеприпасов и порядок их расходования были существенно упрощены. Трудности в работе военных прокуроров создавали отдельные командиры воинских частей и подразделений, стремившиеся оправдать незаконные действия «боевой обстановкой», способствовавшие формированию устойчивой круговой поруки среди военнослужащих. Трагическая гибель военнослужащих, напря-

---

[214] *Тараненко В.В.* Юридический справочник военнослужащих — участников вооруженного конфликта и контртеррористических операций на территории Чеченской Республики. М., 2003. С. 15—17.

[215] Информационная справка Управления военных судов о судимости в войсках, дислоцированных в зоне вооруженных конфликтов в 1996 году // Архив военного суда СКВО.

женная морально-психологическая обстановка часто вызывали у командования тактического звена крайне негативное отношение к гражданскому населению, что приводило к активным попыткам противодействия проведению надлежащего расследования преступлений, совершенных военнослужащими в отношении гражданского населения. С подобными попытками следователям военных следственных органов приходится очень редко сталкиваться в обычных мирных условиях, и их сравнительно легко можно преодолеть, в том числе с помощью мер процессуального принуждения. В районах же вооруженного конфликта немеждународного характера они несоизмеримо более масштабны и изощренны, поэтому требуются дополнительные правовые инструменты.

Практика расследования преступлений, совершенных военнослужащими в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996), показывает, что в большинстве случаев расследование преступлений, помимо сложной оперативной обстановки, затрудняется национальными традициями и религиозными обычаями: захоронение погибших и умерших осуществляется в кратчайшие сроки после наступления смерти; категорический отказ от судебно-медицинского исследования трупов или их эксгумации; распространенность кровной мести, когда родственники погибших осуществляют самосуд в отношении виновного и его родственников и т. п. И это далеко не полный перечень доводов в защиту необходимости принятия соответствующей правовой базы для действий в районе вооруженного конфликта немеждународного характера.

Учет вышеизложенных факторов, немаловажных для успешного раскрытия и результативного расследования преступлений, в каждом случае требует от следователей военных следственных органов вдумчивого и творческого подхода к решению возложенных задач, поиска альтернативных законных способов достижения целей уголовного судопроизводства.

Для действий в экстремальных условиях, складывающихся в районе вооруженного конфликта, необходима и соответствующая правовая база. Этот вопрос стал особенно актуальным в августе 1999 г., после вторжения вооруженных террористических формирований с территории Чеченской Республики на территорию Республики Дагестан. При этом, зоной вооруженного конфликта Северо-Кавказский регион больше не объявлялся, так как Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» позволил определить данный регион зоной (районом) проведения контртеррористических операций. Правовую базу проведения контртеррористических специальных операций составляют Конституция Российской Федерации, общепринятые принципы и нормы международного гуманитарного права, Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ (с изменениями от 7 августа 2000 г., 21 ноября 2002 г., 30 июня 2003 г.), Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ, другие федеральные законы, Указ Президента Российской Федерации «О мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» от 23 сентября 1999 г. № 1255с (с изменениями, внесенными Указом Президента Российской Федерации от 22 января 2001 г. № 61), Постановление Правительства Российской Федерации «О мерах по противодействию терроризму» от 15 октября 1999 г. № 1040, Постановление Правительства Российской Федерации от 27 февраля 2001 г.

№ 135-9, распоряжения Правительства Российской Федерации, а также принимаемые на их основе иные нормативные акты.

То обстоятельство, что антитеррористическое законодательство вынужденно ограничивает права человека и демократические нормы жизни общества, особенно в районах вооруженного конфликта немеждународного характера, налагает на правоохранительные органы государства, ведущего борьбу с терроризмом, особую обязанность: не только ограждать гражданское население от террористов, но и всеми законными способами содействовать восстановлению нарушенных прав и возмещению причиненного вреда гражданам при проведении контртеррористических операций.[216] Однако только в 2001 г. было утверждено Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации [217], которое, к сожалению, до сих пор не нашло своего отражения в боевых уставах видов и родов войск.

Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при проведении спецмероприятий в период проведения контртеррористической операции на территории Чеченской Республики регламентирован требованиями приказа Генерального прокурора Российской Федерации «Об усилении надзора за соблюдением прав граждан при проведении проверок их регистрации по месту жительства и по месту пребывания в Чеченской Республике» от 25 июля 2001 г. № 46.

В августе 2001 г. прокуратурой Чеченской Республики разработана Инструкция о порядке взаимодействия военных и территориальных прокуроров с Федеральными силами при проведении проверок соблюдения правил регистрации граждан в Чеченской Республике, а командующим ОГВ (с) издан приказ «О мерах по повышению активности местных органов власти, населения, правоохранительных органов Российской Федерации в борьбе с нарушениями законности и ответственности должностных лиц за нарушение законности и правопорядка при проведении специальных операций и адресных мероприятий в населенных пунктах Чеченской Республики» от 27 марта 2002 г. № 80, предусматривающие меры по повышению активности местных органов власти и населения Чеченской Республики, правоохранительных органов Российской Федерации в борьбе с нарушениями законности при проведении спецопераций. Впоследствии командующий ОГВ (с) в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации издал приказ «О внесении изменений в приказ командующего ОГВ (с) от 27 марта 2002 г. № 80 "О мерах по повышению активности местных органов власти, населения, правоохранительных органов Российской Федерации в борьбе с нарушениями законности и ответственности должностных лиц за нарушения законности и правопорядка при проведении специальных операций и адресных мероприятий в населенных пунктах Чеченской Республики"» от 10 апреля 2002 г. № 95, в котором уточнены функции органов прокуратуры и ее должностных лиц, а также должностных лиц органов государственной власти, местного самоуправления и федеральных сил в ходе проведения

[216] *Савенков А.Н.* О деятельности органов военной прокуратуры по противодействию терроризму на территории Чеченской Республики // Терроризм и безопасность на транспорте: Материалы международной научно-практической конференции. М., 2002.

[217] Приказ министра обороны Российской Федерации «О введении в действие Наставления по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации» от 8 августа 2001 г. № 360.

специальных операций и адресных мероприятий по борьбе с незаконными вооруженными формированиями, политическим и религиозным экстремизмом и уголовным бандитизмом на территории Чеченской Республики.

Военной прокуратурой ОГВ (с) для поддержания правопорядка, определения персональной ответственности должностных лиц в ходе проведения спецопераций в ноябре 2002 г. разработана Временная инструкция о действиях военнослужащих ОГВ (с) по задержанию граждан во время проведения спецопераций в Чеченской Республике, разрешению сигналов о совершенных преступлениях и взаимодействию с органами военной прокуратуры[218], которая была утверждена совместным приказом заместителя министра внутренних дел Российской Федерации — руководителя Регионального оперативного штаба (РОШ) по проведению контртеррористических операций (КТО) на территории СКР РФ и военного прокурора ОГВ (с) от 14 июня 2005 г. № 1/155[219].

Кроме того, в ноябре 2005 г. был издан совместный приказ заместителя министра внутренних дел Российской Федерации — руководителя РОШ по проведению КТО на территории СКР РФ и военного прокурора ОГВ (с), которым были утверждены Инструкция по взаимодействию военнослужащих ОГВ (с), должностных лиц органов ФСБ и специальных сил с органами военной прокуратуры во время проведения КТО на территории СКР РФ в случаях боестолкновений, в ходе которых были ликвидированы (уничтожены) члены НВФ либо лица, оказавшие вооруженное сопротивление, и Инструкция по взаимодействию военнослужащих ОГВ (с), должностных лиц органов ФСБ и специальных сил с органами военной прокуратуры во время проведения КТО на территории СКР РФ в случаях обнаружения тайников с оружием, боеприпасами и снаряжением, заложенными членами НВФ «схронов», установленных ими фугасов и взрывных устройств.

К сожалению, в УК РФ 1996 г. законодатель оставил недопустимо большой пробел в праве. В отличие от прежнего законодательства, которое устанавливало ответственность за преступления против военной службы, совершенные как в мирное, так и военное время и в условиях боевой обстановки, нормы УК РФ 1996 г. предусматривают ответственность только за преступления против военной службы, совершаемые в условиях мирного времени. В ч. 3 ст. 331 УК РФ указывается, что уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени. Кроме того, ст. 1 УК РФ требует, чтобы новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежали включению в данный Кодекс. Законо-

---

[218] *Мокрицкий А.В.* Прокурорский надзор в ходе проведения контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона // Ведомости Главной военной прокуратуры. 2002. № 1. С. 35—37.

[219] Совместный приказ заместителя министра внутренних дел Российской Федерации — руководителя Регионального оперативного штаба (РОШ) по проведению КТО на территории СКР РФ и военного прокурора ОГВ (с) «Об утверждении Инструкции по взаимодействию должностных лиц органов внутренних дел, ФСБ и военнослужащих ОГВ (с), специальных сил с органами военной прокуратуры во время проведения специальных мероприятий в Чеченской Республике, при задержании граждан и разрешении сигналов о совершенных преступлениях» от 14 июня 2005 г. № 1/155.

дитель просто не успеет адекватно отреагировать на стремительно развивающийся вооруженный конфликт.

В целях устранения нелогичности, незавершенности и слабой системности военно-уголовного законодательства возникла необходимость восстановления в УК РФ норм об ответственности за преступления, совершенные в военное время и в боевой обстановке. Однако даже если законодательство военного времени и было бы принято, то именно отсутствие должной правовой основы участия воинских формирований в боевых действиях в период вооруженных конфликтов немеждународного характера явилось бы причиной не применения законодательства военного времени, которое устанавливает уголовную ответственность военнослужащих за совершение преступлений в военное время и в боевой обстановке.

Именно неурегулированность вопроса о привлечении к уголовной ответственности военнослужащих за совершение преступлений в районах вооруженного конфликта немеждународного характера нормами национального законодательства привела к тому, что Бюро Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) продолжает настаивать на создании международного трибунала по военным преступлениям и преступлениям против человечности в Чеченской Республике.

В целях нормализации обстановки, восстановления законности и правопорядка в районах вооруженного конфликта предусмотрены особые (чрезвычайные) меры, которые сопровождаются установлением исключительного (особого) правового режима, практическая реализация которого, в свою очередь, создает фактические предпосылки для успешного проведения расследования преступлений.

Исключительные (особые) правовые режимы — это специальные правовые режимы деятельности органов власти и управления, допускающие ограничения правосубъектности физических и юридических лиц, вводимые в качестве временной социально-объективной и правовой меры обеспечения безопасности личности, общества и государства, определяемой сложившимися конкретными чрезвычайными обстоятельствами[220].

Исключительные (особые) правовые режимы могут быть различными по своему содержанию и подразделяются, в зависимости от вида и характера применяемых чрезвычайных мер, на правовой режим чрезвычайного, военного, особого, исключительного, осадного положения. Выбор того или иного особого правового режима зависит от остроты сложившегося положения, степени кризисности ситуации. Выделяют следующие критерии выбора: степень интенсивности воздействия угрозы на безопасность; временной аспект протекания чрезвычайных процессов; масштабность; комплексность угрожающей опасности, ее влияние на различные сферы общественной жизни; цепной характер негативных последствий.

В настоящее время законодательство Российской Федерации предусматривает три чрезвычайные меры: правовой режим проведения контртер-

[220] *Исмагилов Р.Ф., Карагодин А.В., Сальников В.П.* Межнациональный конфликт: понятия, динамика, механизм разрешения. СПб., 2003. С. 116—117.

рористической операции[221], чрезвычайное положение[222] и военное положение[223].

При этом, наиболее распространенным среди чрезвычайных мер является чрезвычайное положение — особое правовое положение в стране, вводимое на определенный период в силу исключительных обстоятельств и допускающее применение особых мер для поддержания правопорядка[224]. С чрезвычайным положением обычно связано учреждение специальных органов, наделенных особыми полномочиями, введение чрезвычайных мер охраны, расширение компетенции органов административной власти, вплоть до права отменять законодательные акты.

Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ определяет чрезвычайное положение как особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, вводимый на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях на определенный период в силу исключительных обстоятельств и допускающий отдельные ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей.

Чрезвычайное положение как одно из крайних институционных средств разрешения социальных конфликтов вводится в Российской Федерации лишь при наличии обстоятельств, достигших стадии эскалации, которые могут быть разделены на следующие две категории:

1) политического содержания (угрожающие в первую очередь конституционному строю государства, а затем уже безопасности граждан);

2) техногенно-экологического происхождения (угрожающие первоначально и в большей степени безопасности населения, но факультативным объектом которых является и государственная безопасность).

При этом, к первой категории относятся попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, захвата или присвоения власти; вооруженные мятежи; массовые беспорядки; террористические акты; блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей; подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований; межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающими непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. Первая категория чрезвычайных обстоятельств требует принятия жестких мер по наведению общественного порядка, применению строгих санкций, серьезных и разумно широких ограничений социально-экономических, политических и личных прав и свобод граждан, т. е. введения чрезвычайного положения.

---

[221] Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ (с изменениями от 7 августа 2000 г., 21 ноября 2002 г., 30 июня 2003 г.).

[222] Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ.

[223] Федеральный конституционный закон «О военном положении» от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ.

[224] Большая советская энциклопедия. М., 1978. Т. 29. С. 235.

Ко второй категории относятся чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных или иных бедствий, повлекшие человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ. Вторая категория чрезвычайных обстоятельств характеризуется тем, что государство оказывает пострадавшим гражданам быструю и эффективную помощь, организует аварийно-спасательные работы, обеспечивает порядок и дисциплину, прибегая с этой целью к минимальным ограничениям и санкциям, т. е. вводит состояние национального или регионального бедствия[225].

Для обеспечения режима чрезвычайного положения используются силы и средства органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы, ФСБ России, внутренних войск МВД России. В исключительных случаях, в целях разъединения противоборствующих сторон, участвующих в конфликтах, сопровождающихся насильственными действиями с применением оружия, боевой и специальной техники, а также участия в пресечении деятельности незаконных вооруженных формирований, могут привлекаться и Вооруженные Силы Российской Федерации. Для осуществления единого управления силами и средствами, обеспечивающими режим чрезвычайного положения, назначается комендант территории, на которой введено чрезвычайное положение, который осуществляет руководство комендатурой указанной территории. Для координации действий сил и средств, обеспечивающих режим чрезвычайного положения, в составе комендатуры территории, на которой введено чрезвычайное положение, может быть создан объединенный оперативный штаб из представителей органов, обеспечивающих режим чрезвычайного положения. На территории, на которой введено чрезвычайное положение, может вводиться особое управление этой территорией путем создания временного специального органа управления либо федерального органа управления данной территорией.

Сущность режима чрезвычайного положения составляет реализация специальных мер и временных ограничений, применяемых в период его действия, которые могут быть дифференцированы на следующие группы:

1) относящиеся в основном к непосредственной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления (их дополнительные полномочия и обязанности);

2) непосредственно или косвенно ограничивающие права и свободы граждан.

Всю совокупность мер и временных ограничений, применение которых возможно при введении чрезвычайного положения после возникновения чрезвычайных ситуаций социально-политического характера, дифференцируют по следующим функциям:

1) *правоустановительная* — вводятся императивы, закрепляющие дополнительные права, входящие в компетенцию органов государственной власти и местного самоуправления, а именно: усиление охраны об-

[225] *Петрухин И.Л.* Правовой режим в условиях социального бедствия // Государство и право. 1993. № 2. С. 14.

щественного порядка, объектов, подлежащих государственной охране, и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и функционирование транспорта;

2) *правоограничительная* — прямое ограничение прав и свобод граждан, приостановление полномочий органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, в том числе: особый режим въезда и выезда, а также ограничение свободы передвижения; ограничение движения транспортных средств и осуществление их досмотра; ограничение свободы печати и других средств массовой информации путем введения предварительной цензуры, а также временное изъятие или арест печатной продукции, радиопередающих, звукоусиливающих технических средств, множительной техники, установление особого порядка аккредитации журналистов; ограничение или запрещение продажи оружия, боеприпасов, взрывчатых и ядовитых веществ, установление особого режима оборота лекарственных средств и препаратов, содержащих наркотические средства, психотропные вещества, спиртных напитков; в исключительных случаях допускается временное изъятие у граждан оружия и боеприпасов, ядовитых веществ, а у организаций — временное изъятие также боевой и учебной военной техники, взрывчатых и радиоактивных веществ; продление срока содержания под стражей лиц, задержанных по подозрению в совершении актов терроризма и других особо тяжких преступлений, на весь период действия чрезвычайного положения, но не более чем на три месяца; приостановление деятельности политических партий и иных общественных объединений, которые препятствуют устранению обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения; полное или частичное приостановление полномочий органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления; приостановление действия правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и актов органов местного самоуправления в случае противоречия их указу Президента Российской Федерации о введении на данной территории чрезвычайного положения;

3) *правозапретительная* — установление запретов на реализацию отдельных прав и свобод граждан, а именно: запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий; запрещение забастовок и иных способов приостановления или прекращения деятельности организаций; отмена выборов и референдумов; введение комендантского часа; выдворение лиц, нарушающих режим чрезвычайного положения и не проживающих на территории, на которой введено чрезвычайное положение, за ее пределы;

4) *регулятивная* — реорганизация некоторых сфер общественной жизни, перемещение и перераспределение населения и материальных ценностей, в том числе: приостановление деятельности опасных производств и организаций, в которых используются взрывчатые, радиоактивные, а также химически и биологически опасные вещества; эвакуация материальных и культурных ценностей в безопасные районы в случае, если существует реальная угроза их уничтожения, похищения или повреждения в связи с чрезвычайными обстоятельствами; установление ограничений на осуществление отдельных видов финансово-экономической деятельности, включая перемещение товаров, услуг и финансо-

ных средств; установление особого порядка продажи, приобретения и распределения продовольствия и предметов первой необходимости.

Правосудие на территории, на которой введено чрезвычайное положение, осуществляется только судом; при этом, учреждение каких-либо форм или видов чрезвычайных судов, а равно применение любых форм и видов ускоренного или чрезвычайного судопроизводства не допускается. В случае невозможности осуществления правосудия судами, действующими на территории, на которой введено чрезвычайное положение, может быть изменена территориальная подсудность дел, рассматриваемых в судах. Что касается органов прокуратуры Российской Федерации (в том числе и Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации), то их деятельность должна осуществляться в порядке, установленном Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации»[226], Указом Президента Российской Федерации «Вопросы Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации» от 1 августа 2007 г. № 1004, с одним лишь дополнением: при введении чрезвычайного положения на территориях нескольких субъектов может быть создана межрегиональная прокуратура территории, на которой введено чрезвычайное положение.

В целях выявления нарушений общественного порядка и режима чрезвычайного положения работники правоохранительных органов могут использовать все свои полномочия, предусмотренные законодательными актами для обычных ситуаций, а также наделяются с введением чрезвычайного положения такими дополнительными полномочиями, как: досмотр транспортных средств; проверка документов, удостоверяющих личность граждан, а в исключительных случаях, при имеющихся данных о наличии у граждан оружия, — личный досмотр, досмотр жилища, вещей и транспортных средств; задержание граждан, нарушивших правила комендантского часа, до окончания комендантского часа, а граждан, не имеющих при себе документов, удостоверяющих их личность, — до выяснения их личности, но не более чем на трое суток (по решению суда срок может быть продлен не более чем на десять суток) и досмотр задержанных за нарушение правил комендантского часа граждан и находящихся при них вещей.

Однако в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996), когда велись длительное время (в течение примерно шести месяцев) крупномасштабные боевые действия с применением авиации и тяжелого вооружения, активного огневого противодействия со стороны незаконно созданных регулярных вооруженных формирований Чечни, полностью контролирующих определенную территорию, режим чрезвычайного положения так и не был введен. Причиной этого является то обстоятельство, что по своему содержанию и срокам действия (не более 60 суток в отдельных местностях Российской Федерации, в противном случае эти сроки необходимо было бы постоянно продлевать), он не рассчитан на подобные экстраординарные ситуации, а также ввиду отсутствия необходимых сил и средств для обеспечения режима чрезвычайного положения. Поэтому органам военной прокуратуры приходилось строго руководствоваться нормами Конституции Российской Федерации и уголовно-процессуального законодательства Российской

[226] Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О прокуратуре Российской Федерации"» от 18 октября 1995 г. № 168-ФЗ.

Федерации в полном объеме, без всяких нормативных поправок на боевую обстановку, и работать в ситуации отсутствия правового режима чрезвычайного положения, практическая реализация которого, в свою очередь, создавала бы фактические предпосылки для успешного проведения расследования преступлений.

В связи с вышесказанным обращает на себя внимание особое мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации Н.В. Витрука, высказанное им 31 июля 1995 г. на заседании Конституционного суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности указов Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 и от 8 декабря 1994 г. № 2166 в части, касающейся использования Вооруженных Сил Российской Федерации при разрешении вооруженного конфликта немеждународного характера. Н.В. Витрук, считая, что использование Вооруженных Сил Российской Федерации допускается лишь в рамках санкционированного Советом Федерации Федерального собрания Российской Федерации военного или чрезвычайного положения, но в связи с невозможностью введения на территории Чечни режима чрезвычайного положения, предлагает законодателю оформить специальный (особый) правовой режим для подобных экстраординарных ситуаций — «режим восстановления основ конституционного строя, конституционной законности и правопорядка на территории субъекта Российской Федерации». При этом, Н.В. Витрук выделяет следующие особенности такого режима: а) крупномасштабное использование Вооруженных Сил, внутренних войск, специальных подразделений ФСБ для разрешения конфликта между федеральными властями и властями Чеченской Республики, приведшего к вооруженному конфликту немеждународного характера; б) существенное ограничение основных прав и свобод человека[227].

В определенной мере недостатки содержания режима чрезвычайного положения были учтены при разработке правового режима в зоне проведения контртеррористических операций. Поддержание данного режима предусматривает следующие временные запреты и ограничения, налагаемые на граждан и организации:

1) временное ограничение или запрещение движения транспортных средств и пешеходов на улицах и дорогах, недопущение и удаление транспортных средств и граждан с отдельных участков местности и объектов;

2) проверка у граждан и должностных лиц документов, удостоверяющих их личность, а в случае их отсутствия задержание указанных лиц для установления личности;

3) задержание лиц, совершивших (совершающих) правонарушения, а также действия, связанные с несанкционированным проникновением или попыткой проникновения в зону проведения контртеррористической операции;

4) беспрепятственное вхождение (проникновение) в принадлежащие гражданам или организациям помещения, земельные участки и транспортные средства при пресечении террористической акции;

5) проведение при проходе или выходе (проезде или выезде) с зоны проведения контртеррористической операции личного досмотра граждан, их вещей и транспортных средств;

[227] Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1995. № 5. С. 21—28.

б) использование в служебных целях принадлежащих гражданам или организациям средств связи и транспортных средств для пресечения террористической акции.

Однако современные реалии и анализ работы по предупреждению, выявлению и пресечению террористической деятельности на территории Северо-Кавказского региона (1999—2007) показывают, что это только половинчатые меры. Необходима разработка нового правового режима — «особого положения», занимающего промежуточное место между режимами чрезвычайного положения и военного положения. При этом, правовой режим «особого положения» должен обладать определенной спецификой и допускать более существенное ограничение прав граждан и организаций, а также возлагать на них дополнительные обязанности по сравнению с правовым режимом чрезвычайного положения, но в то же время быть более мягким по сравнению с правовым режимом военного положения. За основу правового режима «особого положения» можно взять правовой режим чрезвычайного положения с учетом содержания правового режима в зоне проведения контртеррористической операции, определенного в ст. 13 Федерального закона «О борьбе с терроризмом», дополнить его, увеличив срок действия до шести месяцев в отдельных местностях Российской Федерации и ограничив его временными рамками ведения широкомасштабных боевых действий в районе вооруженного конфликта, исходя из того, что широкомасштабные боевые действия в ходе вооруженного конфликта в Чеченской Республике велись около шести месяцев (11 декабря 1994 г. — 14 июня 1995 г.) и в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе — с перерывами более шести месяцев (октябрь 1999 г. — 1 июня 2000 г.).

Что же касается правового режима военного положения, то изучение опыта правового регулирования в период Великой Отечественной войны показывает, что применялись два вида самостоятельных особых правовых режимов, которые были обусловлены характером и особенностями военных действий и увязаны с динамикой передислокаций принимающих в них участие войсковых группировок. Это режимы военного положения и района военных действий. Так, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 г. все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности принадлежали военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где нет военных советов, — высшему командованию войсковых соединений. В местностях, объявленных на военном положении, военным властям предоставлялось право: устанавливать военно-квартирную обязанность для расквартирования воинских частей и учреждений; объявлять трудовую и автогужевую повинность для военных надобностей; производить изъятие транспортных средств и иного необходимого для нужд обороны имущества как у государственных, общественных, кооперативных предприятий и организаций, так и у отдельных граждан; выселять в административном порядке из пределов местности, объявленной на военном положении, или из отдельных ее пунктов лиц, признанных социально опасными как по своей преступной деятельности, так и по связям с преступной средой. Режим чрезвычайного положения не содержит подобных норм. Специфична и ответственность за правонарушения в условиях военного положения. За неподчинение приказам

и распоряжениям военных властей, а также за преступления, совершенные в местностях, объявленных на военном положении, все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, передавались на рассмотрение военных трибуналов. Если в условиях чрезвычайного положения по решению Верховного суда Российской Федерации может быть изменена только территориальная подсудность уголовных и гражданских дел, то в период военного положения военным властям, кроме того, предоставлялось право передавать на рассмотрение военных судов дела о спекуляции, злостном хулиганстве и иных преступлениях, предусмотренных уголовным законодательством, если командование признает это необходимым по обстоятельствам военного положения. Более того, приговоры военных трибуналов кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены лишь в порядке надзора.

В советской юридической практике режим районов военных действий был впервые официально выделен в 1941 г. в Положении о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий[228]. Законодатель, декларировав данный режим, фактически уравнял его с режимом военного положения, употребив при этом данные правовые категории в синонимическом значении, хотя они далеко не адекватны друг другу. В тот период в теории военного искусства под районом военных действий понималась территория, занимаемая Действующей армией во время проведения военных операций, а также водное или воздушное пространство в пределах от линии боевого соприкосновения с противником до расположения тыловых подразделений фронта включительно. В таких районах происходят существенные социально-экономические изменения: эвакуируется значительная часть населения, демонтируются объекты и инфраструктура промышленности, энергетики, транспорта и связи. В отличие от местностей, объявленных на военном положении, зачастую прекращают свою деятельность органы местного самоуправления. В таких случаях их властные полномочия переходят к военным советам объединений и командованию соединений. Данная территория ввиду особых условий передается под исключительную юрисдикцию органов военной юстиции. Территориальные правоохранительные органы прекращают свою деятельность либо военизируются. Функции органов дознания могут полностью переходить к командованию частей, а также к руководителям подразделений армейской контрразведки, с расширением их процессуальных полномочий и получением права проводить расследования преступлений в полном объеме. Особые условия влекут существенное упрощение уголовно-процессуальных и административных процедур[229].

В условиях войны необходимо осуществление нескольких взаимосвязанных правовых режимов. В законодательных актах, с нашей точки зрения, целесообразно выделить самостоятельные режимы военного положения и районов военных действий. Условно можно ввести понятие «общего» режима военного времени, который осуществляется на той части территории государства, которая не объявлена на военном поло-

[228] Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» от 22 июня 1941 г.

[229] *Рубан А.М.* Особенности правового регулирования уголовного правоприменения в военное время // Сборник статей ВКИ. 1992. № 28. С. 167—168.

ции. При формировании концепции правового регулирования в военное время следует иметь в виду, что главными тенденциями при переходе от «общего» режима к последующим, более приближенным к театру военных действий, являются постепенное упрощение процессуальных процедур и последовательное перераспределение властных полномочий, их поэтапный переход к военному командованию. Одновременно должны вводиться дополнительные блоки процессуальных гарантий, обеспечивающих соблюдение в особых условиях прав мирного населения и военнослужащих.

Следовательно, законодательный акт, регламентирующий специфику уголовного судопроизводства военного времени, должен содержать особенности правового регулирования дознания, предварительного следствия и судебной стадии разрешения уголовных дел применительно к каждому из вышеназванных правовых режимов.

В военном и в конституционном праве Российской Федерации военное положение рассматривается как один из видов особого правового режима деятельности органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления и организаций в исключительных для государства обстоятельствах. Так, согласно Федеральному конституционному закону «О военном положении» от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ под военным положением понимается особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии, в целях создания условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации.

Основаниями объявления военного положения в Российской Федерации в современных условиях, исходя из смысла ст. 87 Конституции Российской Федерации, могут являться только причины внешнего характера, представляющие опасность для национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности государства, поскольку иные обстоятельства исключительного характера, обусловленные внутренними причинами, могут рассматриваться только в качестве оснований введения в Российской Федерации чрезвычайного положения. Поэтому основной целью введения военного положения должно являться создание условий для отражения агрессии против Российской Федерации или предотвращение непосредственной угрозы агрессии. Режим военного положения должен включать осуществление органами государственной власти различных уровней и органами местного самоуправления комплекса всесторонних мер специального характера, направленных на создание наиболее оптимальных условий для отражения агрессии против Российской Федерации или предотвращение непосредственной угрозы агрессии.

Правовой режим военного положения имеет следующие основные признаки:

1) перевод Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов (или их части) на организацию и состав, предусмотренные для военного времени, органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного положения, а также создание и подготовка специальных формирований;

2) перевод экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований на работу в условиях военного положения;

3) использование запасов материальных средств мобилизационного и государственного резервов, запасов продовольственных товаров и нефтепродуктов;

4) введение в действие и использование запасных пунктов управления Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления и организаций;

5) усиление охраны общественного порядка и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения;

6) установление особого режима работы средств транспорта и связи;

7) организация гражданской и территориальной обороны;

8) эвакуация населения, объектов хозяйственного, социального и культурного назначения, временное переселение граждан и других лиц из районов, опасных для проживания, с обязательным предоставлением им жилых помещений для временного или постоянного проживания;

9) установление и обеспечение особого режима въезда и выезда, а также ограничение свободы передвижения по территории, на которой введено военное положение;

10) ограничение отдельных прав граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства[230].

Каждый из видов исключительного (особого) правового режима обладает определенной спецификой и отличается характером и системой предусмотренных мероприятий, степенью изъятий, строгостью ограничений и т. д. Так, правовой режим военного положения предусматривает целый комплекс мер и ограничений отдельных прав и свобод граждан во время военного положения, которые можно разделить на две группы и которые позволяют повысить в этих условиях эффективность работы прокурорско-следственного состава органов военной прокуратуры.

К первой группе по аналогии с соответствующими положениями Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ отнесены следующие меры:

1) усиление охраны общественного порядка, военных, государственных и специальных объектов, объектов, обеспечивающих функционирование транспорта, коммуникаций и связи, и объектов энергетики;

2) введение и обеспечение особого режима въезда на территорию, на которой введено военное положение, и выезда с нее, а также ограничение свободы передвижения по ней;

3) запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий;

4) ограничение движения транспортных средств и осуществление их досмотра;

5) введение комендантского часа;

6) запрещение продажи оружия, боеприпасов, взрывчатых и ядовитых веществ, установление особого режима оборота лекарственных средств и препаратов, содержащих наркотические средства, психотропные вещества, спиртных напитков;

[230] *Пчелинцев С.В.* Правовое регулирование военного положения в Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

7) изъятие у граждан оружия, боеприпасов, взрывчатых и ядовитых веществ, а у организаций — изъятие также боевой и учебной военной техники, взрывчатых и радиоактивных веществ;

8) осуществление проверки документов, удостоверяющих личность граждан, личного досмотра, досмотра их вещей, жилища и транспортных средств.

Ко второй группе ограничений (новых) относятся следующие меры:

1) введение военной цензуры за почтовыми отправлениями и сообщениями, передаваемыми с помощью телекоммуникационных систем;

2) запрещение или ограничение выезда граждан за пределы территории Российской Федерации;

3) установление запретов и ограничений на выбор места пребывания либо места жительства;

4) задержание граждан и транспортных средств на срок до 30 суток.

Таким образом, исключительные (особые) правовые режимы (чрезвычайного и военного положения) непосредственным образом сказываются на организации работы следователей военной прокуратуры, так как в условиях чрезвычайного или военного положения они получают дополнительные возможности для привлечения необходимых сил и средств, проведения широкомасштабных операций. Различные ограничения, налагаемые на граждан, упрощают их поиск и вызов для проведения следственных действий. Комендантский час позволяет беспрепятственно проводить следственные эксперименты, проверки показаний на месте и другие следственные действия на местности, не опасаясь противодействия местного населения, столкновений и других эксцессов. Дополнительные возможности, которые получают следователи с введением чрезвычайного или военного положения, позволяют им успешнее преодолевать многочисленные сложности, вызванные боевой обстановкой в районах вооруженного конфликта.

Во многих развитых государствах законодательство, рассчитанное на чрезвычайные ситуации, в целях повышения эффективности защиты прав граждан содержит ряд исключений из общего порядка расследования преступлений, которые обычно выражаются в расширении оснований и упрощении процедуры проведения следственных действий, затрагивающих неприкосновенность личности и жилища граждан (задержаний, арестов, обысков, выемок), а также в расширении полномочий административных органов на производство различных уголовно-процессуальных действий.

Современное уголовно-процессуальное законодательство России таких норм не предусматривает. Однако в ситуации, когда в мире все большее распространение получают вооруженные конфликты немеждународного характера и, в частности, активизируется в Российской Федерации террористическая деятельность НВФ, потребность в этих нормативных предпосылках, вызванная особенностями расследования преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта, существенно увеличилась. Такая ситуация является неадекватной современному состоянию общественных отношений, так как именно отсутствие ясно выраженной воли законодателя о мере дозволенного при расследовании преступлений в районах вооруженного конфликта немеждународного характера, по существу, оставляет решение практических вопросов на усмотрение исполнителей, неизбежно влечет множество проблем, порождает предпосылки для различных нарушений за-

конов, злоупотреблений, бездействия власти и других неблагоприятных последствий.

Для того чтобы оценить возможность внесения изменений в порядок расследования преступлений в районах вооруженного конфликта, касающихся подследственности, сроков и возможных форм расследования преступлений, особенностей применения мер процессуального принуждения, полномочий защитников и т. д., необходимо сформулировать общие условия допустимости тех или иных отступлений от обычного порядка расследования.

Во-первых, изъятия из обычного порядка уголовного судопроизводства должны зависеть от характера чрезвычайных условий (массовые беспорядки, вооруженный конфликт международного или немеждународного характера, война) и соответствовать виду исключительного (особого) правового режима (режимы проведения контртеррористической операции, военного или чрезвычайного положения). Не все меры, возможные в условиях военного положения, могут быть допущены при чрезвычайном положении, а некоторые просто нецелесообразны.

Во-вторых, вводимые изъятия должны отражать целевое назначение различных видов особого правового режима.

Так, например, если изъятия из общего порядка, диктуемые «необходимостью обеспечить быструю и решительную борьбу со всеми преступлениями против обороны страны», в большей степени отражают назначение правового режима военного положения, то целью изъятий из общего порядка расследования преступлений в условиях чрезвычайного положения является повышение возможностей правоохранительных органов в установлении и полной доказанности всех обстоятельств совершения преступлений в районах вооруженного конфликта. Но достижение этой цели возможно только лишь при условии, что те или иные изменения не лишают участников уголовного процесса достаточных правовых средств для защиты своих прав и законных интересов и сохраняют необходимые гарантии установления истины по уголовным делам.

В-третьих, при определении конкретных отступлений от обычного порядка расследования преступлений необходимо основываться на объективных факторах изменения самой обстановки, приобретших закономерный характер под воздействием чрезвычайных обстоятельств.

В-четвертых, на практике могут реализовываться лишь те изъятия из общих правил расследования, которые внесены в них в установленном законом порядке. Необходимость этого достаточно очевидного условия диктуется тем, что в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) иногда у отдельных органов дознания, следователей или прокурорских работников появлялось желание «явочным порядком» упростить установленный порядок расследования.

С учетом вышеизложенных общих условий и опыта расследования преступлений в районах вооруженного конфликта рассмотрим ряд конкретных предложений, касающихся изменения уголовно-процессуального порядка расследования преступлений, применительно к районам вооруженного конфликта.

О подследственности уголовных дел. Расширение в условиях вооруженных конфликтов подследственности военных следственных органов за счет сокращения подследственности территориальных следственных органов и органов внутренних дел возможно лишь примени-

ельно к военному времени, так как даже в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) оно было неприемлемым, поскольку не отражало ни действующей в Российской Федерации системы правоохранительных органов, ни их численности, ни специализации, ни характера расследуемых преступлений, а самое главное — не отвечало действующему законодательству Российской Федерации.

Так, особенностью разграничения подследственности в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) явилось то обстоятельство, что в нем принимали участие не только военнослужащие Министерства обороны Российской Федерации, внутренних войск МВД России и Федеральной пограничной службы, которые являются субъектами преступлений против военной службы и подследственны военной прокуратуре, но и специальные подразделения органов внутренних дел — СОБР, ОМОН и т. п. Все они выполняли боевые задачи практически в одинаковом полевом камуфлированном обмундировании и имели однотипное личное стрелковое оружие и боевую технику. В случае не установления конкретных лиц, причастных к совершению преступления, возникали трудности в определении подследственности — военной прокуратуре или территориальным органам. Кроме того, и представители НВФ также использовали камуфлированное обмундирование и аналогичное оружие. С учетом данной специфики по инициативе ГВП Генеральным прокурором Российской Федерации было принято решение[231] о передаче в военную прокуратуру уголовных дел лишь после установления факта принадлежности виновных к конкретной воинской части Вооруженных Сил Российской Федерации, Федеральной пограничной службе или внутренних войск МВД России. Этим же решением территориальным органам прокуратуры была вменена обязанность незамедлительно принимать к производству поступающие от военных прокуроров или командиров воинских частей уголовные дела, возбужденные в связи с нападениями и другими противоправными действиями в отношении военнослужащих, а также сопряженные с посягательствами на военное имущество, технику, оружие и боеприпасы. В целях более оперативного и полного расследования преступлений, совершаемых лицами в камуфлированном обмундировании, этим же решением была образована постоянно действующая следственная группа из следователей Кавказской межрегиональной прокуратуры и следователей военных прокуратур, так как органы военной прокуратуры до сих пор лишены поднадзорного оперативно-розыскного аппарата, а все законопроекты о военной полиции уже более 10 лет проходят различные этапы согласований в различных государственных органах, правоохранительных и силовых ведомствах. С учетом специфики условий вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) такое решение хотя и запоздало, но, безусловно, было правильным, и оно положительно сказалось на организации и результатах следственной работы в районах вооруженного конфликта.

О формах расследования преступлений. Замена в районах вооруженного конфликта обязательного производства предварительного след-

[231] Указание Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации расследования преступлений на территории Чеченской республики» от 22 мая 1996 г. № 29/15.

ствия протокольной формой досудебной подготовки материалов хотя и весьма привлекательна и имеет под собой определенные основания (продолжительность уголовного судопроизводства в обычных формах, негативные последствия длительного производства по делу, выражающиеся в утрате актуальности дела, отказе свидетелей от показаний, гибели некоторых причастных к событиям лиц в ходе боевых действий и т. д.), однако она неприемлема для установления истины в районах вооруженного конфликта.

Прежде всего, протокольная форма всегда была связана лишь с преступлениями, не представляющими большой общественной опасности, в районах вооруженного конфликта совершаются более тяжкие преступления, доказывание вины в совершении которых, даже при ее очевидности, представляет сложность и является очень трудоемкой работой (например, для расследования уголовных дел о совершении воинских должностных преступлений, связанных с организацией и ведением боевых действий, повлекших значительные людские и материальные потери).

В основу обвинения по преступлениям, совершенным в районах вооруженного конфликта, должна быть положена такая совокупность доказательств, которую не смогут поколебать ни время, ни изменение политической конъюнктуры. Арсенал процессуальных средств, которыми располагала протокольная форма, для нее явно недостаточен, поэтому протокольная форма подготовки материалов не может быть альтернативой обычным формам судопроизводства в районах вооруженного конфликта.

Действующий УПК РФ значительно расширяет возможности по скорейшему судебному рассмотрению уголовных дел, в том числе и в районах вооруженного конфликта, так как в гл. 40 УПК РФ предусмотрен особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Обвиняемый вправе при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые, предусмотренное УК РФ, не превышает 10 лет лишения свободы[232].

Что касается расширения в районах вооруженного конфликта полномочия органов дознания, то, действительно, расширение процессуальных прав органов дознания в военное время, в период Великой Отечественной войны (1941—1945), предоставило возможность органам дознания производить расследование по менее важным делам в полном объеме, включая и составление обвинительного заключения. Эффективная борьба с преступлениями в военное время стала возможной потому, что была улучшена сама организация следственной работы, усилена связь военных следователей и военных прокуроров с командирами частей, а также расширена компетенция органов дознания, которые возбуждали и расследовали до 40 % уголовных дел[233]. Опыт Великой Отечественной войны показал, что в тех воинских соединениях, где военные прокуроры и военные следователи уделяли достаточное внимание обучению и инструкти-

[232] *Бирюков Ю.С.* Расследование уголовных дел о незаконных вооруженных формированиях. М., 2002. С. 33—34.

[233] *Горный А.Г.* Военная прокуратура в годы Великой Отечественной войны // Социалистическая законность. 1975. № 4. С. 32.

ванию дознавателей, они с успехом справлялись с расследованием в полном объеме дел о менее важных преступлениях. Это дало возможность не только своевременно реагировать на каждый факт преступления, совершенного в воинской части, путем назначения дознания, но и быстрее заканчивать расследование по делу[234]. Таким образом, опыт Великой Отечественной войны подтверждает необходимость расширения процессуальных прав органов дознания в боевой обстановке.

Однако, будучи практически полностью идентичным по своему процессуальному режиму предварительному следствию, дознание имеет существенный недостаток — довольно низкое качество расследования. Более того, командиры, обладающие полномочиями органов дознания (п. 17 ст. 5, ст.ст. 40—41 УПК РФ) и сами непосредственно ведущие боевые действия, почти всегда были заинтересованы в той или иной степени в судьбе уголовного дела и оказывали давление на дознавателей.

Устранить вышеуказанные недостатки в работе органов дознания возможно только путем введения института штатных военных дознавателей, независимых от органов военного управления и входящих в состав военной полиции. Никакие другие половинчатые меры не приведут к положительным результатам.

Так, например, в 1998 г. в 46-й отдельной бригаде оперативного назначения (оброн) отдельной дивизии оперативного назначения (одон) были созданы шесть штатных групп дознания из расчета по одной группе дознания на каждый батальон оперативного назначения, дислоцированный в Чеченской Республике. Каждая группа дознания состояла из трех офицеров, имеющих высшее юридическое образование. Всего в 46-м оброн было 18 штатных должностей дознавателей, полностью укомплектованных. Только за 2001 г. они провели дознания по 59 уголовным делам. Анализ работы института штатных дознавателей показал, что основная цель их введения была достигнута, повысились как эффективность и результативность их деятельности, так и качество первичных материалов о преступлениях военнослужащих, поступающих в военную прокуратуру. Так, в 46-й оброн к 2001 г. удалось добиться стабилизации криминогенной обстановки и уменьшить количество тяжких преступлений, а уже в 2002 г. наметилась тенденция снижения общего количества правонарушений и их тяжести[235]. Вместе с тем, находясь в подчинении органов военного управления, штатные органы дознания зачастую оказывали и квалифицированное противодействие военно-следственным органам в расследовании преступлений военнослужащих. Поэтому решение проблемы сокращения сроков расследования одновременно с повышением качества следствия возможно за счет создания штатных, профессионально подготовленных, органов дознания.

До тех пор пока не будет принят федеральный закон об особом порядке расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, необходимо строго руководствоваться

[234] Деятельность органов военной юстиции в условиях войны. С. 59—60.

[235] *Дадонов В.А.* Взаимодействие с органами военной юстиции, совершенствование нормативно-правовой базы укрепления законности во Внутренних войсках МВД РФ в условиях их реформирования // Проблемы укрепления законности в ВС РФ, других войсках и вооруженных формированиях РФ в период военной реформы: Материалы научно-практической конференции в ГВП 30 мая 2002 г. М., 2002.

существующими законодательными требованиями. И как показала практика, даже в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера в принципе это возможно путем внесения определенных организационных корректив в работу военных следственных органов с учетом специфики ситуации. Что же касается резерва улучшения следственных показателей по оперативности и качеству расследования, то заключаются они, прежде всего: в расширении и укреплении экспертной базы; совершенствовании форм и методов взаимодействия с различными правоохранительными органами, действующими в районах вооруженного конфликта; улучшении качественных характеристик и повышении надежности средств связи и транспорта; создании штатных органов дознания и своего поднадзорного оперативно-розыскного аппарата (военной полиции).

О процессуальной роли командования. Правовое регулирование в районах военных действий во многом определяется объемом полномочий военного командования в уголовном судопроизводстве и порядком его взаимодействия с органами военной юстиции. Специфика этих отношений связана с сущностными особенностями правосудия, отправляемого в боевых условиях. До последнего времени в юридической литературе отстаивалась точка зрения о том, что «неотвратимое наказание виновных и оправдание невиновных образуют существо правосудия и в военное время»[236]. Представляется, что эта точка зрения справедлива лишь отчасти. Проблема состоит в том, что провозглашенный в законе принцип неотвратимости наказания виновных в боевой обстановке вступает в противоречие с принципом оперативной целесообразности[237].

Исторический опыт развития правовых систем различных государств показывает, что указанная проблема разрешается по-разному. Рассмотрим ее в диахроническом аспекте.

В допетровской России возможность реализации принципа оперативной целесообразности при привлечении военнослужащих к уголовной ответственности была законодательно закреплена в форме института утверждения приговора — конфирмации, право которой принадлежало большому полковому воеводе. Петр I, решая вопросы военно-уголовного судопроизводства в рамках судебной реформы, воспринял западные тенденции, которые сводились к предоставлению командиру права формирования органов расследования и военного суда, утверждения приговора. По этим канонам развивалась военная юстиция России до 1917 г. Такие же теоретические подходы определяли особенности военно-уголовного судопроизводства большинства западноевропейских государств до окончания Второй мировой войны. Данная система позволяла командованию в боевой обстановке гармонично сочетать интересы правосудия с задачей обеспечения боеспособности войск. Однако она имела и ряд существенных недостатков, делая командование во многом бесконт-

---

[236] Опыт работы органов военной юстиции в годы войны и его творческое использование в мирное время. М., 1975. С. 53.

[237] Под оперативной целесообразностью в данном контексте следует понимать совокупность свойств конкретной ситуации, позволяющих предполагать, что привлечение к уголовной ответственности лица, принимающего участие в боевых действиях, если это участие необходимо для поддержания боеспособности войск, принесет более существенный вред, чем прекращение уголовного преследования.

рольным, порождая произвол и злоупотребления, которые в мирное время несовместимы с демократическими институтами судопроизводства.

После революции 1917 г. в России была предпринята попытка создания самостоятельной военной юстиции, входящей в состав общих судебной и прокурорской систем государства. Это позволило в определенной степени устранить недостатки буржуазной системы, но породило противоречие между задачами уголовного судопроизводства и интересами боеспособности войск. Для мирного времени это противоречие не являлось актуальным, но в условиях войны требовало разрешения. В связи с этим в предвоенные годы был введен институт согласования с вышестоящим командованием вопросов привлечения военнослужащих к уголовной ответственности, а при конструировании норм военно-уголовного процесса в начале Великой Отечественной войны был также введен институт утверждения командованием приговоров к высшей мере наказания в случаях, когда по условиям боевой обстановки невозможно соблюдение надзорной процедуры. Кроме того, командованию было предоставлено право проводить расследование преступлений в полном объеме. Данная правоприменительная практика в годы Великой Отечественной войны подтвердила разумность подобных подходов, и при конструировании современного законодательства военного времени следует ввести аналогичные нормы.

В отдельных случаях при осуществлении уголовного судопроизводства командование играет еще более существенную роль. Это может иметь место, когда значительные воинские контингенты (партизанские отряды, разведформирования, морские эскадры) в течение значительного времени ведут боевые действия вне пределов деятельности органов военной юстиции. При законодательном регулировании правовых основ отправления правосудия в таких условиях можно предложить закрепить в законе традиционные права командования по производству расследования, формированию военного суда и утверждению приговора.

Предоставление командованию весьма широких полномочий в уголовном судопроизводстве составляет одну из самых существенных особенностей уголовного процесса в органах военной юстиции. В основе взаимоотношений между военным командованием и органами военной юстиции лежат два принципа: принцип независимости органов военной юстиции от командования и подчинения их только закону и принцип тесного взаимодействия органов военной юстиции с командованием, согласованности их деятельности по укреплению законности в войсках. Именно эти принципы определяют характер полномочий командования в уголовном судопроизводстве как в мирное, так и в военное время.

В районах вооруженного конфликта должна быть повышена активная процессуальная роль командира как органа дознания, а деятельность военных следственных органов должна быть согласована с деятельностью командования. Без этого немыслимы как строгое соблюдение принципа законности, так и повышение организованности и боеспособности войск. При этом, должны быть обеспечены, с одной стороны, полное соблюдение принципа единоначалия в армии, а с другой стороны, необходимая независимость органов военной прокуратуры. Командование воинской части, которое зачастую прямо или косвенно заинтересовано в сокрытии отрицательных явлений, ни в коей мере не может препятствовать органам военной прокуратуры как органам надзора за законностью

права реагировать на те или иные преступные действия в воинской части без согласия командования.

Практически нецелесообразно восстанавливать в настоящее время для районов вооруженного конфликта институт согласования с командованием вопросов привлечения офицеров к уголовной ответственности. Тем не менее, существует категория дел (например, неисполнение боевого приказания, самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений и т. п.), по которым решение вопроса о целесообразности дисциплинарного или уголовного преследования принадлежит и всегда будет принадлежать не военным следственным органам, а командованию, так как никому, кроме соответствующих командиров, нельзя правильно решить вопрос о необходимости привлечения военнослужащего к уголовной ответственности. Организация работы военных следственных органов в районах вооруженного конфликта немыслима без знания того, какие боевые операции проводятся в данный момент теми или иными соединением или частью, что мешает проведению этих операций, какая боевая обстановка сложилась в определенном районе вооруженного конфликта и т. д. Все это известно в полной мере только командованию.

О сроках расследования. Весьма важным и актуальным является вопрос о сроках расследования в районах вооруженного конфликта. Противники сокращения сроков расследования считают, что срок расследования не может устанавливаться произвольно, он обусловлен общим режимом расследования, а сокращение срока возможно только за счет устранения каких-то процедур, в противном случае следователи в районах вооруженного конфликта просто вынуждены будут эти «сокращенные» сроки регулярно продлевать, «бороться» за сроки за счет качества предварительного следствия либо становиться на путь фальсификаций результатов следствия, т. е. фактически совершать должностные преступления.

Однако сокращение сроков расследования в районе вооруженного конфликта необходимо и возможно только за счет улучшения качества расследования, и наоборот: улучшение качества расследования возможно только за счет сокращения сроков расследования.

Как свидетельствует опыт боевых действий у реки Халхин-Гол (1939), советско-финляндской (1939—1940) и Великой Отечественной (1941—1945) войн, военного конфликта в Афганистане (1979—1989), боевая обстановка требовала, чтобы расследование преступлений заканчивалось, как правило, в срок, не превышающий суток, а порой измеряющийся часами. За сравнительно короткое время на фронте нередко коренным образом менялась обстановка, менялось расположение воинских частей и подразделений, происходили изменения в личном составе. И подобно тому как промедление командира с принятием решения сказывалось на ходе боевой операции, так и промедление военного прокурора или военного следователя сказывалось на ходе и качестве следствия. Во время Великой Отечественной войны (1941—1945) около 70 % уголовных дел расследовалось в срок до пяти суток, причем большинство из них в течение одних-трех суток, при надлежащем качестве следствия. Это стало возможным в результате улучшения качества следственной работы[238].

[238] *Горный А.Г.* Военная прокуратура в годы Великой Отечественной войны // Социалистическая законность. 1970. № 5. С. 5—6; № 4. С. 32.

Конечно, в период Великой Отечественной войны порядок уголовного судопроизводства был иной, и современное уголовно-процессуальное законодательство не позволяет работать так, как в годы Великой Отечественной войны. Тем не менее, анализ следственной практики в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) показывает, что наиболее плохо расследованными оказываются зачастую именно те уголовные дела, по которым следствие велось вяло, медленно, т. е. происходило «умышленное заволокичивание» расследования уголовных дел. И наоборот, именно быстрота следствия, его решительность и сосредоточенность очень часто дают возможность в короткий срок «по горячим следам» раскрыть преступление.

Например, по имевшему большой общественный резонанс уголовному делу о гибели 17 июня 1995 г. на блокпосту в г. Буденновске Ставропольского края корреспондента Н. Алякиной и ранении ее мужа журналиста Мрозек в результате неосторожного обращения с пулеметом БМП рядового Ф. группа сослуживцев обвиняемого, являвшихся свидетелями по делу, продолжала участвовать в боевых действиях в составе своего подразделения и некоторые из них погибли.

Однако, разумеется, быстрота следствия имеет свои пределы, иначе быстрота перейдет в торопливость, поспешность и поверхностность следствия, что ни в каких условиях недопустимо, и особенно в районах вооруженного конфликта.

С учетом вышеизложенного представляется, что срок предварительного следствия в районах вооруженного конфликта может и должен быть сокращен вдвое, с двух месяцев до одного месяца (п. 1 ст. 162 УПК РФ).

О порядке избрания и применения мер процессуального принуждения. Что касается вопроса правового регулирования порядка избрания и применения мер процессуального принуждения в ходе расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта, то представляется излишним обязательное применение в чрезвычайных условиях, каковым является и вооруженный конфликт, в качестве меры пресечения заключения под стражу. В районах вооруженного конфликта объективно может и не быть надлежащих условий для содержания под стражей всех обвиняемых по уголовным делам, находящимся в производстве военных следственных органов. Так, в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) некоторые командиры воинских частей содержали арестованных в цистернах или в вырытых в земле глубоких ямах («зинданах»), тем самым подвергая их опасности гибели вследствие обвала или недостатка воздуха. При наличии достаточных оснований и необходимости избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу следователи военных следственных органов возбуждают перед военным судом соответствующее ходатайство в рамках обычной процедуры (ст. 108 УПК РФ). Условия вооруженного конфликта не порождают каких-то особенностей. Наоборот, в числе преступлений, распространенных в условиях конфликта, имеется много неосторожных преступлений (например, нарушение правил вождения и эксплуатации военной техники, транспортных средств, нарушение правил обращения с оружием и т. п.). Совершают их зачастую положительно характеризующиеся военнослужащие, которые принимали непосредственное участие в боевых

действиях, награжденные государственными наградами. Как показал анализ судебной практики военных судов, многие из них в дальнейшем были амнистированы как лица, совершившие преступления по неосторожности. Применение к таким преступникам «огульно» в ходе предварительного следствия меры пресечения в виде заключения под стражу весьма сомнительно, правильнее будет избрание в качестве меры пресечения наблюдения за подозреваемым или обвиняемым военнослужащим командования воинской части (ст. 104 УПК РФ) или оформление личного поручительства (ст. 103 УПК РФ).

Требует уточнения и дополнения и ст. 114 УПК РФ о порядке применения в районах вооруженного конфликта такой меры процессуального принуждения, как временное отстранение военнослужащего от должности. Необходимо предусмотреть расширение полномочий командования при принятии решения о временном отстранении от должности военнослужащего, принимающего участие в боевых действиях.

Еще более актуален на практике вопрос о порядке применения мер процессуального принуждения, в частности, о санкционировании заключения под стражу, продления срока содержания под стражей, производства обыска или выемки в жилище, наложении ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, временном отстранении обвиняемого от должности, контроле и записи телефонных и иных переговоров и других ограничений конституционной неприкосновенности частной жизни, в свете требований ст. 165 УПК РФ. Как показал опыт работы военных прокуратур в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007), следователи военных прокуратур не испытывали острой потребности в отмене такой гарантии обоснованности обысков, арестов, как санкционирование их военным прокурором. Более того, для военной прокуратуры такой проблемы вообще не существовало, поскольку удалось даже в этих крайне сложных условиях правильно организовать расследование преступлений и прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью. За все время функционирования военной прокуратуры в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007), с одной стороны, не было ни одного случая отказа в даче санкции на применение мер процессуального принуждения и, с другой стороны, не было фактов необоснованного применения таких мер.

Законодательство многих стран устанавливает исключения, предусматривающие на чрезвычайные случаи несудебный (административный) порядок решения вопросов о задержании, аресте, обысках, изъятии имущества и т. п. Однако, хотя судебный порядок получения санкций реально и является более трудоемким, вместе с тем, он предоставляет дополнительные гарантии обоснованности принимаемых органами расследования действий в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений (как правило, представляющих повышенную общественную опасность). Опыт работы военной прокуратуры в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) наглядно продемонстрировал, что при надлежащей организации система получения санкций в судебном порядке функционирует без серьезных сбоев, тем более, что в исключительных случаях, когда производство следственных действий не терпит отлагательства, они мо-

гут быть произведены на основании постановления следователя без получения судебного решения (ст. 165 УПК РФ).

Об участии защитника и понятых. Опыт расследования преступлений в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) показал, что требует правовой регламентации и вопрос об обеспечении участия защитника в ходе предварительного следствия в районах вооруженного конфликта.

Предложение ограничить участие защитника при расследовании преступлений в районах вооруженного конфликта хотя и выглядят довольно привлекательно, поскольку значительно упрощает производство предварительного следствия не с точки зрения умышленного ущемления прав подозреваемых (обвиняемых), а именно преследуя цель наиболее оперативного установления виновных и привлечения их к ответственности, однако оно существенно уменьшит правовые возможности подозреваемого (обвиняемого) для защиты своих прав и законных интересов, создаст предпосылки для их нарушения и уменьшит гарантии установления истины по уголовным делам.

Права подозреваемых (обвиняемых) в достаточной степени ограничены самим фактом задержания, заключения под стражу, применения других мер пресечения или привлечения к уголовной ответственности. Еще большее их ограничение может привести к переходу той грани, за которой на смену упрощаемому уголовно-процессуальному праву приходит произвол. При этом, исключить необоснованный арест или привлечение к уголовной ответственности, что является наиболее серьезными нарушениями, уже крайне сложно. Именно ограничение участия защитника при расследовании преступлений в районах вооруженного конфликта будет главным аргументом в попытках опорочить результаты как предварительного, так и судебного следствия, а также вынесенное судебное решение.

В ст. 49 УПК РФ установлено, что защитник допускается к участию в уголовном деле с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, либо с момента возбуждения уголовного дела (в случаях, предусмотренных ст.ст. 223 и 318 УПК РФ), либо с момента объявления подозреваемому в совершении преступления постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы, либо с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы подозреваемого в совершении преступления, а также с момента фактического задержания подозреваемого в совершении преступления. К сожалению, реализация вышеуказанных требований УПК РФ даже в обычных мирных условиях, не говоря уже о районах вооруженного конфликта, вызывает сложности из-за нехватки адвокатов, удаленности юридических консультаций, адвокатских кабинетов и контор, неурегулированности проблемы привлечения адвокатов в неурочное время и т. п.

Опыт работы органов военной прокуратуры в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) показывает, что проблема обеспечения участия защитника на ранних стадиях предварительного следствия состоит не в законодательном ограничении этого участия, а в необходимости принятия организационных мер для реализации этого права. Именно разноплановые организацион-

ные трудности стоят на пути практической реализации этого конституционного права. Парадокс заключается в том, что органам военной прокуратуры приходилось самим заниматься обеспечением «своих» же подозреваемых (обвиняемых) адвокатами. И этих усилий было затрачено даже гораздо больше, чем непосредственно для организации работы по расследованию преступлений, совершенных военнослужащими, т. е. выполнения своей прямой обязанности.

В период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) наиболее ярким проявлением именно местных особенностей явились уклонение и прямой отказ адвокатов из числа жителей этой республики из-за боязни расправы со стороны представителей НВФ от выполнения своих обязанностей по защите интересов военнослужащих федеральных войск, особенно при совершении ими преступлений в отношении гражданского населения. При этом, на них не оказывали воздействия ни материальный стимул — возможность получить оплачиваемую работу в такой сложный период, ни морально-этическая обязанность адвоката оказать квалифицированную помощь гражданам.

В то же время и военнослужащие наотрез отказывались от услуг адвокатов из числа жителей Чеченской Республики. Как показала практика допросов подозреваемых (обвиняемых) следователями военной прокуратуры в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996), по 99 % уголовных дел допросы подозреваемых (обвиняемых) военнослужащих проводились без адвоката и иных представителей стороны защиты, так как, узнав о том, что их защиту будут осуществлять адвокаты из числа местных жителей чеченской национальности, подозреваемые (обвиняемые) наотрез отказывались от их участия, требуя обеспечить участие в деле адвокатов иных национальностей и не из местных адвокатских коллегий. Однако не было никакой возможности удовлетворить их требования, так как по соответствующим запросам адвокаты из других регионов не прибывали в районы вооруженного конфликта. Поэтому подозреваемые (обвиняемые) были вынуждены осуществлять свое право на защиту в ходе предварительного следствия самостоятельно, добровольно отказавшись от участия защитников из числа местных жителей.

С законностью проведенных таким образом следственных и иных действий едва ли можно согласиться, поэтому практически все адвокаты привлекались к участию в уголовном судопроизводстве через юридические консультации ближайших к Чеченской Республике регионов, что было крайне неудобно и сложно в реализации.

В период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) была предпринята попытка возвращения к опыту расследования преступлений в боевой обстановке, который был накоплен в период пребывания ОКСВ в ДРА, т. е. использование адвокатов из числа офицеров, имеющих высшее юридическое образование и проходящих службу в системе Управления военных судов Министерства юстиции Российской Федерации, однако из-за организационных трудностей (практического отсутствия штатных адвокатов в Управлении военных судов из-за ненадобности их в мирное время) этот вариант также оказался нежизнеспособным.

Что касается участия понятых при производстве следственных действий в районах вооруженного конфликта, то оно затруднено объективными обстоятельствами: обеспечить их участие в следственных действиях практически невозможно, или же это небезопасно для жизни и здоровья понятых. В юридической науке неоднократно высказывалось положение о том, что когда невозможно или небезопасно участие понятых в следственном действии, то в производстве следственного действия участвует прокурор либо его заместитель (помощник) и проводится полная видеозапись[239]. Это мнение было учтено при разработке нового уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Так, в п. 3 ст. 170 УПК РФ разрешено в труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения или если производство следственных действий связано с опасностью для жизни и здоровья людей, производить следственные действия (осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов, трупа; эксгумацию; следственный эксперимент; обыск; выемку; осмотр, выемку и снятие копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений; осмотр и прослушивание фонограмм; предъявление для опознания; проверку показаний на месте; наложение ареста на имущество) без участия понятых. В этом случае должны применяться технические средства фиксации хода и результатов следственных действий.

Таким образом, опыт работы военной прокуратуры в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) показал, что в государстве для таких чрезвычайных ситуаций должно быть разработано законодательство, регламентирующее весь комплекс вышеназванных проблем, должно быть четко указано, кто из должностных лиц какие обязанности выполняет, способ исполнения, механизм, финансирование и т. п. Именно в этом и заключается законный способ организации расследования преступлений в районах вооруженного конфликта: не в произвольном ограничении прав участников процесса или упрощении процедур (хотя некоторые особенности вполне допустимы, о чем говорилось выше), а в основанном на законе решении организационных проблем.

Необходимо уже в мирное время теоретически разрабатывать и законодательно принимать такие правовые нормы, которые обеспечивали бы реализацию всего комплекса механизмов расследования преступлений в районах вооруженного конфликта.

В современной ситуации при подготовке и принятии законодательных актов об уголовном судопроизводстве необходимо учитывать изменившиеся условия его функционирования, когда наряду с обычной объективной реальностью стали реальностью и чрезвычайные обстоятельства, вплоть до вооруженных конфликтов, что должно находить адекватное отражение в законодательстве.

[239] Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М., 1996. С. 272.

Раздел II. Организация следственной работы в районах вооруженного конфликта

Глава 1. Ретроспективный анализ системы организационных мер по обеспечению расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта

Впервые положения Военно-судебного устава 1867 г. были реально применены на практике во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В связи с началом войны отдельные местности Кавказского наместничества, Бессарабская губерния, приморские уезды Херсонской и Таврической губерний и Крымский полуостров были объявлены на военном положении. Были образованы Действующая и Кавказская армии, которые также были объявлены на военном положении. На время войны в Действующей армии были сформированы постоянный полевой военный суд и шесть временных полевых военных судов. Однако военные суды в Действующей армии функционировали не в таком составе, как это предусматривалось Военно-судебным уставом 1867 г. Уже в самом начале войны Главнокомандующий Действующей армией распорядился сократить временных членов временных полевых военных судов с шести до трех офицеров для каждого суда[1]. Кроме того, в Кавказской армии (в отличие от Действующей армии) полевые военные суды не учреждались вовсе, а войска армии обслуживались, как и в мирное время, Кавказским военно-окружным судом, с тем лишь различием, что при рассмотрении дел суд руководствовался процессуальным законодательством, установленным Военно-судебным уставом 1867 г. для войск и местностей, объявленных на военном положении. В Действующей и Кавказской армиях функционировали также полковые суды, учрежденные на основании Военно-судебного устава 1867 г., которые являлись, наряду с полевыми военными судами, судами первой инстанции. В соответствии с Военно-судебным уставом 1867 г. в Действующей и Кавказской армиях в качестве суда второй инстанции должны были также образовываться полевые главные военные суды. Однако этого не было сделано в силу кадровых, финансовых и организационных причин. Вместо них были образованы кассационные присутствия, в составе которых разрешалось не иметь лиц военно-судебного ведомства (т. е. профессиональных военных юристов), но которые, тем не менее, наделялись правами Полевого главного военного суда. Кроме того, многие воинские начальники всех рангов часто прибегали к недозволенным мерам расправы над подчиненными без всякого суда[2].

---

[1] *Баишев М.И.* Военно-судебная реформа в царской армии 60—70-х гг. XIX в. М., 1955. С. 75; *Максимов Н.* Статистический очерк военно-судной части во время войны 1877—1878 гг. Ч. 1. СПб., 1879. С. 1—2.

[2] Столетие Военного министерства. 1802—1902. Т. 12. Ч. 1. СПб., 1902. С. 347—349.

Таким образом, на практике в период Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. положения Военно-судебного устава 1867 г. о создании органов военной юстиции были реализованы со значительными нарушениями и отклонениями.

В период Русско-японской войны 1904—1905 г. для обслуживания Действующей русской армии в Маньчжурии в феврале 1904 г. был сформирован Военный суд Маньчжурской армии. В октябре 1904 г. Маньчжурская армия была развернута в 1-ю, 2-ю и 3-ю маньчжурские армии. Военный суд Маньчжурской армии был преобразован в Военный суд 1-й Маньчжурской армии, а в ноябре 1904 г. были сформированы военные суды 2-й и 3-й маньчжурских армий. В 1904 г. из состава Военного суда 1-й Маньчжурской армии были выделены временные военные суды в Северной Маньчжурии (г. Харбин и г. Мукден), которые в феврале 1905 г. были объединены и переименованы в Военный суд тыла маньчжурских армий. Эти военные суды действовали на ТВД в течение всей войны и были расформированы в ноябре 1905 г., после отхода Действующей армии в район зимнего расположения вдоль линии КВЖД.

Для проведения предварительного следствия к каждому корпусу, входящему в состав маньчжурских армий, было прикомандировано по одному военному следователю из состава Военного суда маньчжурских армий, в военно-следственный участок (камеру) которого входил район, занятый частями корпуса и отрядами, состоящими при корпусе. Военные следователи должны постоянно находиться при штабах корпусов, к которым они прикомандированы, а военный следователь по тыловым учреждениям армии — при штабе армии.

В целом следственная практика периода Русско-японской войны 1904—1905 гг. показала, что если в мирное время распределение военных следователей по определенным территориальным следственным участкам в соответствии с численностью и расположением войск представлялось наиболее удобным, то в военное время необходимо распределять военных следователей по определенным частям армии — по армейским корпусам. Кроме того, целесообразно наиболее сложные хозяйственные дела, возникающие во всей армии, сосредоточивать для расследования у одного военного следователя, а именно у военного следователя по тыловым учреждениям армии. Для увеличения скорости расследования военно-судных дел необходимо в помощь военным следователям командировать кандидатов на военно-судебные должности или офицеров, имеющих военно-юридическое образование и состоящих при военных прокурорах армий. Впервые в тот период прибегли и к такой не предусмотренной Военно-судебным уставом (1883—1885 гг., в редакции 1899 г.) мере, как соединение военно-следственных участков. Пришло понимание того, что «...при разнообразии условий военного времени, еще чаще может встречаться надобность в принятии той или иной меры, не предусмотренной законом для достижения быстроты и успешности производства предварительного следствия. Одна чрезвычайная подвижность войск и важность совершающихся преступлений требуют и соответственной организации следственной части, которая не может оставаться в одной неизменной форме, указываемой законом лишь примерно, но не исчерпывающей всех средств, в каких может встретиться надобность в военное время, лишь бы средства эти удовлетворяли главным условиям производства предварительного следствия»[3].

[3] РГВИА. Ф. 14998, оп. 1, д. 15, с. 79.

В период Первой мировой войны (1914—1918) в Действующей армии впервые были учреждены корпусные и дивизионные военные суды. Во время войны были сформированы и общие военные суды корпусов 12 армий, входящих в состав Северного, Западного, Юго-Западного, Румынского и Кавказского фронтов. В условиях начала военных действий неизмеримо возросло значение и расширились полномочия органов дознания.

Пришедшее к власти в результате Февральской буржуазной революции 1917 г. Временное правительство России вынуждено было в условиях жесточайшего системного кризиса, двоевластия, дефицита времени и продолжающихся военных действий реформировать органы военной юстиции для согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве. Причем инициатива сохранения, демократизации и гуманизации органов военной юстиции принадлежала не столько правительству, сколько самим военнослужащим и военным юристам, которые в период ведения военных действий не раз убеждались в пагубности для армии беззакония, недисциплинированности и анархии. Так, в рамках реформы военной юстиции постановлением Временного правительства от 25 марта 1917 г. был учрежден Временный высший дисциплинарный суд; приказом по Военному ведомству от 12 апреля 1917 г. № 213 было введено в действие Положение о дисциплинарных судах; приказом по Военному ведомству от 21 апреля 1917 г. № 233 вводились Временные правила об устройстве полковых судов в мирное и военное время; приказом по Военному ведомству от 6 июня 1917 г. № 336 вводилось в действие постановление Временного правительства «О новом устройстве военно-окружных и корпусных судов и производстве в них дел», постановлением Временного правительства от 13 июня 1917 г. № 814 упразднены военно-полевые суды с передачей их подсудности военно-окружным и корпусным судам. Однако затем, в условиях непрекращающегося падения воинской дисциплины и массового дезертирства, приказом по Военному ведомству от 14 июля 1917 г. № 441 было объявлено постановление Временного правительства «О введении военно-революционных судов» от 12 июля 1917 г., которые фактически действовали в режиме ускоренных (чрезвычайных) судов, и восстановлена смертная казнь, отмененная в первые дни Февральской революции[4].

Октябрьская революция 1917 г., коренным образом изменив общественно-экономический строй России в XX в., уничтожила и прежние судебные учреждения. Декретом Совета народных комиссаров РСФСР № 1 «О суде» от 23 ноября 1917 г. были упразднены как все общие судебные установления, так и военные суды всех наименований. Первыми декретами советской власти не предусматривалось создание специальных судов для вооруженных сил, так как Народным комиссариатом юстиции проводилась линия на создание единого народного суда. Так, в соответствии с Декретом № 1 в России создавались фактически две системы гражданских судов: местные народные суды и рабоче-крестьянские революционные трибуналы, а декретом Совнаркома от 13 января 1918 г. все дела бывших военных судов были переданы на рассмотрение местных народных судов и революционных трибуналов[5]. Для разрешения уголовных дел на фронтах должны были создаваться местные суды, избираемые полковыми Советами народных депутатов, а где их

[4] *Петухов Н.А.* История военных судов России. М., 2003. С. 303—304.
[5] Там же. С. 171.

не было — полковыми комитетами. Во исполнение Декрета № 1 23 июля 1918 г. приказом Народного комиссариата по военным и морским делам было утверждено Положение о специальных органах военной юстиции, которое включало Положение о фронтовых, полковых (отрядных) местных судах и Положение о ротных товарищеских судах[6], согласно которому в прифронтовой полосе учреждаются фронтовые, полковые (отрядные) местные суды, которые решали все уголовные дела, по которым обвиняемому грозит до пяти лет лишения свободы. В состав суда входили один постоянный судья и два очередных заседателя, избираемых на трехмесячный срок. Для производства предварительного следствия при фронтовом местном суде учреждалась следственная комиссия в составе трех членов, которые назначались комиссарами дивизий с учетом мнения постоянного судьи. Дела, превышающие подсудность фронтовых местных судов, должны были передаваться в рабоче-крестьянские революционные трибуналы или народные окружные суды, при которых создавались особые следственные комиссии.

Однако из-за того, что деятельность фронтовых местных судов фактически сводилась к рассмотрению мелких преступлений и проступков, они оказались недостаточно действенными для борьбы с тяжкими преступлениями, подрывающими дисциплину и боеспособность Красной армии и абсолютно непригодными для обезвреживания контрреволюционеров, предателей, шпионов, мародеров и т. п. Что касается рабоче-крестьянских революционных трибуналов и народных окружных судов, которые должны рассматривать эти преступления военнослужащих, то они редко учитывали специфические условия военной службы, общественную опасность преступлений военнослужащих при исполнении своих обязанностей и не обладали той мобильностью, которая была необходима для обслуживания постоянно перемещающихся частей и соединений Красной армии. Поэтому в период создания регулярной Красной армии, с учетом отмеченных обстоятельств, на отдельных фронтах и в армиях Советской России по инициативе революционных военных советов (РВС) стали возникать военно-революционные трибуналы, которые имели различные наименования (военно-полевой трибунал, военно-уголовные суды, революционный полевой трибунал, военно-полевой революционный суд, революционный военный трибунал, военно-полевая сессия и чрезвычайная тройка)[7]. Неодинаковыми были их состав и порядок деятельности. Первый военно-полевой трибунал армии был создан в конце июня 1918 г. РВС 1-й армии на Восточном фронте. В начале октября 1918 г. РВС Южного (Царицынского) фронта был организован первый трибунал фронта, а к концу 1918 г. реввоентрибуналы (РВТ) были учреждены при всех фронтах и действующих армиях[8]. Для объединения и руководства всей деятельностью реввоентрибуналов приказом № 94 РВС Республики от 14 октября 1918 г. при РВС был учрежден Революционный военный трибунал Республики[9].

---

[6] РГВА. Ф. 8, оп. 1, д. 50, л. 126; Ф.157, оп. 2, д. 6.

[7] *Кошкин А.В.* Деятельность революционных военных трибуналов в первые годы Советской власти на территории Среднего Поволжья: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

[8] РГВА. Ф. 157, оп. 5, д. 3, с. 11.

[9] *Петухов Н.А.* Становление и развитие военных судов как органов осуществления судебной власти в условиях военной службы // Информационный бюллетень военных судов. 1998. № 171. С. 9—15.

19 декабря 1918 г. Реввоентрибунал Республики разработал Инструкцию революционным военным трибуналам фронтов и армий, которая была введена в действие 8 января 1919 г. и действовала до принятия Положения о революционных военных трибуналах, принятого РВС Республики 4 февраля 1919 г. и введенного его приказом от 13 февраля 1919 г. № 227. В соответствии с Инструкцией и Положением система реввоентрибуналов состояла из Реввоентрибунала Республики, реввоентрибуналов фронтов, армий и отделов армий при дивизиях и отдельных бригадах. Реввоентрибуналы рассматривали уголовные дела обо всех контрреволюционных, должностных и воинских преступлениях.

Предварительное следствие по уголовным делам, подсудным реввоентрибуналам, производили состоящие при них следователи или должностные лица других следственных учреждений (чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией или Военного контроля). Порядок расследования дел следователями при РВТ определялся Инструкцией военным следователям революционных военных трибуналов, принятой Реввоентрибуналом Республики 1 февраля 1919 г.[10]

4 мая 1920 г. было принято новое Положение о революционных военных трибуналах[11], которое устанавливало, что реввоентрибуналы в стране состоят: при РВС Республики — Реввоентрибунал Республики; РВС фронта — Реввоентрибунал фронта; РВС армии — Реввоентрибунал армии; дивизиях — отдел Реввоентрибунала армии. Положение регламентировало, что предварительное следствие по делам, подсудным реввоентрибуналам, должно было производиться особыми отделами и военными следователями, состоящими при реввоентрибуналах. Реввоентрибуналам принадлежало право проверки следственных действий по всем уголовным делам, как поступившим к ним, так и находившимся в производстве особых отделов и чрезвычайных комиссий, розыскные действия по которым были закончены. Постановления военного следователя об арестах, обысках, выемках и изменении меры пресечения подлежали обязательному утверждению председателем реввоентрибунала.

Таким образом, с принятием названных выше положений о реввоентрибуналах в 1919—1920 гг. в Красной армии была создана стройная система реввоентрибуналов, отличительной чертой деятельности которых в период Гражданской войны были мобильность, гибкость и оперативность при расследовании и рассмотрении уголовных дел.

С окончанием Гражданской войны ВЦИК РСФСР были приняты меры к установлению прочной связи между общей и военной юстицией путем создания объединяющего их высшего органа. Декретом ВЦИК РСФСР «Об объединении всех революционных трибуналов Республики» от 23 июня 1921 г. учреждается Верховный трибунал при ВЦИК, который стал единым кассационным органом и органом надзора для всех ревтрибуналов, а также судом первой инстанции для дел особой важности[12].

Декретом от 23 июня 1921 г. в связи с уменьшением нагрузки и отпадением в них необходимости были упразднены с 1 августа 1921 г. все реввоентрибуналы фронтов, армий и дивизий, за исключением тех местностей, где их немедленное упразднение явилось бы преждевремен-

[10] Сборник документов по истории советской военной юстиции / Сост. Л.Н. Гусев. М., 1954. С. 32—35.
[11] Там же. С. 101—110.
[12] Там же. С. 113—119.

ным (реввоентрибуналы Западного и Туркестанского фронтов)[13]. При всех губернских ревтрибуналах в качестве постоянно действующих были созданы «отделения по военным и крупным служебным должностным преступлениям», которым предоставили права реввоентрибуналов.

Однако уже в 1922 г. военное командование РККА добилось восстановления реввоентрибуналов с передачей им в обслуживание частей Красной армии. С принятием 31 октября 1922 г. Положения о судоустройстве РСФСР реввоентрибуналы стали называться военными трибуналами. Данное Положение определяло, что наряду с единой системой народных судов РСФСР временно действует следующая система специальных судов в Красной армии: военные трибуналы военных округов или фронтов — при РВС военных округов или фронтов; военные трибуналы корпусов — при корпусах; дивизионные отделы окружных трибуналов — при дивизиях. В военное время или в боевой обстановке сверх того могли учреждаться военные трибуналы армий или укрепрайона и отделы корпусного военного трибунала при действующих дивизиях. К началу 1923 г. действовало 11 военных трибуналов округов, 17 военных трибуналов корпусов, 18 военных трибуналов дивизий и 2 морских военных трибунала[14].

28 мая 1922 г. было принято III сессией ВЦИК 9-го созыва Положение о прокурорском надзоре, в соответствии с которым одновременно с созданием Прокуратуры Республики была образована военная прокуратура. Организационно военные прокуроры в отличие от территориальных, существовавших как самостоятельные органы, состояли при реввоентрибуналах (военных трибуналах). В 1924 г. уже функционировало 9 прокуратур военных округов, 2 прокуратуры флотов, 19 прокуратур корпусов и 24 прокуратуры дивизий[15].

20 августа 1926 г. ЦИК и СНК СССР утвердили Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре, согласно которому военная прокуратура была выделена в самостоятельный орган, а военные прокуроры стали состоять не при военных трибуналах, а при военных округах, корпусах, дивизиях, где имелись военные трибуналы. Такая организационная структура приближала военные прокуратуры к войскам.

В январе 1926 г. на совещании военно-судебных работников Московского военного округа были впервые обсуждены вопросы организационного построения и методы работы военно-судебных органов в военное время. На совещании было принято решение о дивизионном построении военно-судебного аппарата в военное время, который в отличие от корпусного был направлен на всемерное приближение низовых военно-судебных органов к воинским частям и был обусловлен невозможностью при маневрировании воинских частей обслуживать их из корпусного центра.

Материалы, представленные военными прокуратурами военных округов в результате их работы на маневрах и военных играх (1925—1927), послужили основанием для разработки Центральной военной прокуратурой Положения о военных трибуналах и военных прокуратурах в мирное и военное время[16]. В марте 1931 г. была проведена показатель-

[13] *Власов А.Н.* В годы гражданской войны и иностранной военной интервенции // Информационный бюллетень военных судов. 2001. № 3 (183). С. 3.

[14] *Смирнов Н.Г.* Высшие суды революции. М., 1990. С. 52—53.

[15] Приказ РВСР от 4 января 1923 г. № 41.

[16] Протокол совещания военных прокуроров военных округов (22.03.1928 г.) // Архив ГВП, 1928, д. № 32, с. 3.

ная военно-прокурорская игра с участием работников военных прокуратур Белорусского, Ленинградского и Украинского военных округов, в процессе проведения которой были проверены организационные формы и штаты военных прокуратур на военное время и организация работы органов военной прокуратуры в военное время[17].

Таким образом, не располагая опытом работы в военное время, военные прокуратуры стремились до известной степени восполнить этот существенный пробел преимущественно в процессе участия в маневрах, военных, военно-политических и специальных военно-прокурорских играх.

В январе 1929 г. ЦИК и СНК принимают постановление «Об изменении и дополнении Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре», согласно которому аппарат военных следователей передавался в подчинение военных прокуроров и было упразднено административное подчинение следственного аппарата военным трибуналам. А уже в мае 1929 г. были введены новые штаты военных прокуратур военных округов (флотов), корпусов, дивизий и бригад на военное время[18].

Что касается практических вопросов организации работы военной прокуратуры в боевой обстановке в новом штатном составе, то они впервые были реально отработаны в ходе военного конфликта на КВЖД (1929)[19]. В 1931 г., с учетом опыта работы военной прокуратуры в ходе военного конфликта на КВЖД, Главной военной прокуратурой было подготовлено новое Положение о военном трибунале и военной прокуратуре в военное время и разработаны новые штаты военных прокуратур фронта, флота, армии и корпуса на военное время.

Дальнейшей разработке вопросов организационной перестройки военных прокуратур в Красной армии на военное время помешала волна массовых репрессий, что привело к неподготовленности органов военной прокуратуры к грядущим военным конфликтам. И только начиная с 1938 г. разработка теоретических и практических вопросов, связанных с работой военной прокуратуры на военное время, вновь приняла целенаправленный и системный характер. Причиной этому послужили военные конфликты на озере Хасан (1938) и реке Халхин-Гол (1939), освободительный поход в Западную Украину и Белоруссию (1939), советско-финляндская война (1939—1940).

Так, обобщение опыта работы органов военной прокуратуры в ходе военных конфликтов в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол показало, что условия боевой обстановки требуют самого решительного сокращения сроков следствия при условии одновременного повышения качества следствия, однако организационная структура и штаты органов военной прокуратуры не обеспечивали полного охвата всех отраслей военно-прокурорской работы в боевой обстановке из-за несовершенства структуры и малочисленности штатов.

Во время советско-финляндской войны возникали определенные трудности при комплектовании военных прокуратур по штатам военного времени. На Северо-Западном фронте применялась практика комплек-

[17] Работа сектора военизации ЦВП в 1931г. // Архив ГВП, 1931, д. б/н, с. 59—64.

[18] Приказ РВС, Прокурора Верховного Суда СССР и Председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР от 29.05.1929 г. № 132.

[19] Протокол оперативного совещания ГВП от 17.07.1936 г. // Архив ГВП, 1936, оп. № 01571, д. № 2, с. 17.

вования военных прокуратур за счет работников ближайших территориальных гражданских прокуратур. В результате этого некоторые районные прокуратуры прекратили свое существование. Более того, учет кадров юридического состава прокуратуры Карельской Республики был поставлен таким образом, что более 50 % народных следователей были призваны в Красную армию в качестве рядовых красноармейцев[20].

Впервые обобщение и обсуждение практического опыта работы военной прокуратуры в районах военных конфликтов (1938—1940) были сделаны на Всеармейском совещании военных прокуроров военных округов в июне 1940 г.[21], на котором были проанализированы следующие основные проблемы, стоявшие перед органами военной прокуратуры в боевой обстановке, и пути их решения: недостаточная подготовка военной прокуратуры в организационном отношении к работе в условиях боевой обстановки; трудности комплектования военных прокуратур по штатам военного времени; недостаточная подготовка приписного состава в военном отношении; отсутствие нормативных правовых актов, регулирующих работу органов военной прокуратуры в боевой обстановке; недостаточно четкое определение места военного прокурора и военного следователя в условиях боевой обстановки. В результате изучения и обсуждения опыта работы военной прокуратуры в боевой обстановке в ноябре 1940 г. было разработано Наставление о работе военной прокуратуры в военное время и в боевой обстановке.

В период Великой Отечественной войны требования к организации работы военной прокуратуры неизмеримо возросли. Великая Отечественная война внесла существенные коррективы в систему и структуру органов военной прокуратуры. Помимо военных прокуратур, действовавших в мирное время и переведенных на штаты военного времени, был создан ряд новых военных прокуратур. Многие военные прокуратуры, созданные в начале Великой Отечественной войны, просуществовали до ее окончания, а некоторые военные прокуратуры вследствие расформирования соединений, которые они обслуживали, или в силу того, что оказались нежизненными, были ликвидированы.

Так, в ноябре 1941 г. были созданы военные прокуратуры при саперных армиях и саперных бригадах, а в августе — сентябре 1942 г. они были ликвидированы в связи с расформированием указанных соединений и частей. В апреле 1943 г. были ликвидированы военные прокуратуры районов авиационного базирования (РАБ), действовавшие с октября 1941 г. и подчинявшиеся военным прокуратурам фронтов, так как после образования в мае 1942 г. военных прокуратур воздушных армий дальнейшее существование их было признано нецелесообразным. В течение 1941—1944 гг. дважды создавались военные прокуратуры стрелковых корпусов и дважды расформировались как не оправдавшие себя.

Такое же положение было и со специализированными военными прокуратурами. Например, до июня 1943 г. существовали военные прокуратуры железнодорожных бригад, которые затем были расформированы, а вместо них созданы военные прокуратуры железнодорожных войск фронтов. В 1944 г. военные прокуратуры при железнодорожных бригадах были образованы вновь. В ноябре 1941 г. были созданы военные проку-

[20] Стенограмма Всеармейского совещания военных прокуроров военных округов // Архив ГВП, 1940. Наряд б/н, т. 3, с. 79—103.

[21] Там же, т. 1, с. 15—72.

ратуры войск НКВД по охране тыла армий, а в апреле 1942 г. расформированы.

И только к началу 1943 г. уже сложилась более или менее определенная система органов военной прокуратуры, которая выглядела следующим образом. В Действующей армии имелись военные прокуратуры фронтов в составе: военного прокурора, двух заместителей, от пяти до девяти помощников (один из них по кадрам), от двух до четырех старших военных следователей (в зависимости от количества обслуживаемых войск), старшего секретаря и необходимого количества других технических работников. С августа 1944 г. в целях лучшего обслуживания управлений тыла фронта и подчиненных им воинских частей и соединений были образованы военные прокуратуры тыла фронта, которые по существу, являлись частью военных прокуратур фронтов. В ноябре 1944 г. вместо помощника военного прокурора по кадрам был введен в штат заместитель военного прокурора фронта по кадрам.

В подчинении военных прокуратур фронтов находились военные прокуратуры армий в составе: военного прокурора, заместителя, двух помощников, двух военных следователей, секретаря и необходимого количества других технических работников. Этим военным прокуратурам, в свою очередь, подчинялись военные прокуратуры стрелковых дивизий в составе: военного прокурора и военного следователя.

Военным прокуратурам фронтов также подчинялись военные прокуратуры танковых и воздушных армий; военные прокуратуры отдельных танковых, механизированных и кавалерийских корпусов; военные прокуратуры артиллерийских дивизий резерва главного командования (РГК) и воздушно-десантных бригад.

В состав военных прокуратур танковых армий входили: военный прокурор, заместитель, помощник, военный следователь, секретарь и два других технических работника. Военным прокуратурам танковых армий подчинялись военные прокуратуры танковых корпусов в составе: военного прокурора, двух военных следователей и секретаря.

В состав военных прокуратур воздушных армий входили: военный прокурор, заместитель, три помощника, три военных следователя, секретарь и два других технических работника. Военные прокуратуры воздушных армий военных прокуратур в своем подчинении не имели.

В состав военных прокуратур кавалерийских корпусов входили: военный прокурор, заместитель, военный следователь и секретарь. Военным прокуратурам кавалерийских корпусов подчинялись военные прокуратуры кавалерийских дивизий, в состав которых входили: военный прокурор, военный следователь и секретарь.

Военные прокуратуры отдельных танковых и механизированных корпусов состояли из военного прокурора, двух военных следователей и секретаря. Военные прокуратуры артиллерийских дивизий РГК состояли из военного прокурора и военного следователя, а военные прокуратуры воздушно-десантных бригад только из военного прокурора и секретаря.

Кроме того, отдельные специализированные военные прокуратуры подчинялись военным прокуратурам фронтов в оперативном отношении. К ним относились: военные прокуратуры войск НКВД по охране тыла фронта и военные прокуратуры железнодорожных войск фронтов. Военные прокуратуры войск НКВД по охране тыла фронта состояли: из военного прокурора, помощника, военного следователя и секретаря.

В состав военных прокуратур железнодорожных войск фронтов до начала 1944 г. входили: военный прокурор, заместитель, три помощника, два военных следователя, секретарь и нескольких технических работников. Затем штат их был сокращен до военного прокурора, помощника, военного следователя и секретаря. Военным прокуратурам железнодорожных войск фронтов подчинялись военные прокуратуры железнодорожных бригад в составе одного военного прокурора. С переходом Красной армии на территории иностранных государств в системе военных прокуратур железнодорожных войск дополнительно были образованы военные прокуратуры эксплуатационных управлений и военные прокуратуры эксплуатационных отделений.

К военным прокуратурам Действующей армии относились также военные прокуратуры фронтов ПВО и Авиации Дальнего Действия (АДД). Эти прокуратуры, как и военные прокуратуры фронтов, подчинялись непосредственно Главной военной прокуратуре.

В состав военной прокуратуры фронта ПВО входили: военный прокурор, заместитель, пять помощников (один по кадрам), два военных следователя, секретарь и необходимое количество других технических работников. В подчинении военных прокуратур фронтов ПВО находились военные прокуратуры корпусного района ПВО, в состав которых входили: военный прокурор, военный следователь, секретарь и один технический работник. Военным прокуратурам корпусного района ПВО подчинялись военные прокуратуры дивизионного района ПВО, в состав которых входили: военный прокурор, военный следователь и секретарь.

В состав военной прокуратуры Авиации Дальнего Действия входили: военный прокурор, заместитель, три помощника, семь военных следователей, секретарь и другие технические работники. Военной прокуратуре Авиации Дальнего Действия подчинялись военные прокуратуры корпусов Авиации Дальнего Действия, в состав которых входили: военный прокурор, два военных следователя и секретарь.

Исключение в 1943 г. из штата военных прокуратур дивизий должности секретаря было ошибочным, так как в результате этого оперативные работники указанных прокуратур должны были тратить много времени на выполнение технической работы в ущерб работе оперативной, и к тому же при выездах в части им не на кого было оставлять документацию военных прокуратур. Поэтому по просьбе военных прокуроров дивизий к ним для выполнения обязанностей секретарей командованием прикомандировывались военнослужащие рядового или сержантского состава. Такое положение ставило военных прокуроров дивизий в зависимость от командования дивизий и в связи с этим не позволяло им в ряде случаев более остро реагировать на нарушения законности в частях.

На первом этапе войны многие военные прокуроры вместе с военными следователями находились во втором эшелоне управления дивизии. Это практиковалось и в 1942 г., независимо от того, вела ли дивизия наступательные бои или находилась в обороне. Командование некоторых объединений и соединений уже в 1943 г. потребовало, чтобы военные прокуратуры, военные трибуналы и особые отделы размещались вместе с заградительными отрядами. Однако эта установка на практике почти не применялась, так как она ориентировала военные прокуратуры не на активное выявление и профилактику преступлений, а на пассивное ожидание правонарушителей в тылу.

Опыт Великой Отечественной войны показал два возможных варианта решения вышеназванной проблемы. В 1941—1942 гг., когда в штате военных прокуратур дивизии состояли три военных следователя, два из них закреплялись за действующими частями и подразделениями, а третий вместе с канцелярией оставался во втором эшелоне управления дивизии для обслуживания подразделений и служб тыла. Сам военный прокурор находился в первом эшелоне, на командном пункте командира дивизии. При этом, военный прокурор регулярно посещал, при необходимости, действующие и тыловые части и подразделения и всегда имел возможность руководить своими оперативными работниками, направлять их деятельность в соответствии с боевой обстановкой и задачами дивизии. Такая расстановка сил позволяла военному прокурору иметь повседневную связь с командованием, политическими органами и различными службами управления и тыла дивизии, с командирами и политработниками частей и подразделений.

В конце 1942 г. штат военной прокуратуры дивизии был сокращен. Вместо трех военных следователей оставлен один, а несколько позднее была упразднена и должность секретаря прокуратуры. В связи с этим военным прокурорам пришлось вновь перестроить свою работу. С 1943 г. большинство военных прокуроров и следователей стали дислоцироваться при первом эшелоне управления дивизии. Опыт показал, что наиболее правильным местом дислокации военной прокуратуры дивизии является первый эшелон управления дивизии. При этих условиях обеспечивалась лучшая связь военных прокуроров и следователей с командованием и политорганами, своевременная информация их о чрезвычайных происшествиях в частях.

Таким образом, система органов военной прокуратуры, существовавшая в период Великой Отечественной войны, приближала Главную военную прокуратуру, военные прокуратуры фронтов непосредственно к обслуживаемым войскам на фронте и давала возможность своевременно вскрывать и пресекать нарушения законности в них, более эффективно оказывать командованию помощь в поддержании порядка и дисциплины в войсках, в повышении их боеспособности. Эта система полностью оправдала себя и позволила органам военной прокуратуры успешно выполнить стоявшие перед ними задачи.

Что касается, формы организации работы военных прокуратур во время нахождения ОКСВ в Афганистане, то она основывалась, в отличие от периода Великой Отечественной войны, на формировании постоянно дислоцированных военных прокуратур гарнизонов в непосредственном контакте с поднадзорными войсками.

Так, на территории ДРА были дислоцированы военные прокуратуры: 40-й армии в г. Кабуле (8 офицеров, 1 переводчик, 1 водитель и 2 служащих) и 9 военных прокуратур гарнизонов в городах Кабул, Джелалабад, Гардез, Хайратон, Шинданд, Кандагар, Пули-Хумри, Баграм и Кундуз в составе: 2—12 офицеров, 1 переводчика, 1—2 водителей, 2—5 служащих. Итого 60 человек прокурорско-следственного состава, 10 переводчиков, 15 водителей, 28 служащих (технический персонал).

Такая форма организации работы военной прокуратуры обусловлена была следующими факторами: нахождением группировки войск за пределами своего государства; территориальным размещением частей 40-й армии; решаемыми боевыми задачами; значительностью этого контингента (до 118 тыс. человек в 1988 г.), продолжительностью всей «кампа-

нии» (1979—1989)[22]. Прокурорско-следственные работники проходили службу в ДРА сроком до двух лет. После сформирования и укомплектования военных прокуратур они работали в обычном режиме с учетом специфики, обусловленной ведением боевых действий и пребыванием за границей.

Однако особые условия работы военных прокуратур в ДРА по обслуживанию войск, участвовавших в боевых действиях, вызывали необходимость изменения существующего порядка их подчиненности и руководства в целях оперативного решения вопросов, возникавших в деятельности военных прокуратур указанного региона. Так, приказом главного военного прокурора 1983 г. № 02 военной прокуратуре объединения (40-й армии) были подчинены все прокуратуры гарнизонов в ДРА и на нее возложено руководство военными прокуратурами гарнизонов в полном объеме с правом дачи обязательных указаний и проверки состояния работы. Вместе с тем, прокуратуры гарнизонов из подчинения военной прокуратуры ТуркВО не были выведены. Поэтому военная прокуратура объединения не выполняла и не могла выполнить своих организационно-контрольных функций. Она не оказывала в должной степени практической и методической помощи военным прокуратурам гарнизонов, не осуществляла в полной мере контроль и проверку исполнения поставленных задач. По существу, военная прокуратура 40-й армии превратилась в орган, дублирующий военную прокуратуру округа. Более того, из-за двойного прохождения заданий (из военной прокуратуры округа они поступали в военную прокуратуру объединения, а уже оттуда — в военные прокуратуры гарнизонов) систематически допускалась волокита в их исполнении. Руководство военными прокуратурами региона было в основном «бумажно-кабинетное». Об этом свидетельствовали серьезные недостатки в следствии, в работе по учету преступлений, сигналов о преступлениях, общему надзору. В соответствии с приказом ГВП перед направлением в военную прокуратуру округа ходатайств о продлении сроков, справок о согласовании вопроса об ответственности офицеров, подсудных военному трибуналу округа дел они должны были представляться прокурору объединения. Однако прохождение уголовных дел, материалов, жалоб, заданий через военную прокуратуру объединения было неэффективным, а для военных прокуратур гарнизонов в связи с дублированием возникала дополнительная нагрузка по представлению всей документации в два адреса. Поэтому для достижения максимально эффективных результатов работы в 1986 г. руководство военной прокуратуры 40-й армии с учетом мнения военных прокуроров гарнизонов выдвинуло инициативу реорганизации военной прокуратуры объединения с возможными следующими тремя вариантами:

а) создание на базе военной прокуратуры объединения постоянно действующей оперативной группы прокуратуры округа в составе двух военных прокуроров следственного отдела и по одному из других отделов. Руководство группой может осуществлять один из заместителей прокурора округа, выезжая в ДРА на 10—15 дней. При этом, продление

[22] Части 40-й армии размещались более чем в 200 больших и малых гарнизонах, на 534 сторожевых постах и 424 боевых постах, в 65 гарнизонах насосных станций. Более 30 % сил 40-й армии было задействовано для охраны коммуникаций и 40 % для охраны режимных зон // Архив ПУ ТуркВО, 1989, д. 89, т. 1, с. 119.

процессуальных сроков, утверждение обвинительных заключений будет осуществляться на месте, что значительно сократит сроки;

б) при сохранении нынешних штатов предоставление военному прокурору объединения полномочий прокурора области с полным подчинением ему прокуратур гарнизонов и возложением на него ответственности за все отрасли работы всех военных прокуратур гарнизонов и постановкой под контроль непосредственно ГВП. В округ в таком случае подается только необходимая информация по преступности. Это приблизило бы руководство работой на местах к подчиненным и способствовало повышению оперативности и качества во всех сферах деятельности;

в) дать в обслуживание военной прокуратуры определенные части и возложить на нее все обязанности, решаемые прокуратурой объединения (гарнизона) с подчинением прокуратуре округа. При этом, продление процессуальных сроков, утверждение обвинительных заключений будет осуществляться на месте, что значительно сократит сроки.

Однако даже поддержанный ГВП, с учетом особых условий работы военных прокуратур, обеспечивающих ОКСВ в ДРА, вариант с предоставлением военному прокурору объединения процессуальных полномочий прокурора области (военного округа) и права продлевать, в пределах его компетенции, сроки следствия и содержания обвиняемых под стражей по делам, расследуемым следователями военных прокуратур в ДРА, был отвергнут Генеральным прокурором СССР по формальным основаниям, так как якобы к тому времени уже начался вывод части советских войск с территории ДРА.

Начиная со второй половины 80-х гг. XX в. массовые беспорядки и вооруженные столкновения на межнациональной почве на территории бывшего СССР, а затем и вооруженные конфликты немеждународного характера в некоторых регионах Российской Федерации вновь остро поставили перед органами военной прокуратуры вопрос о том, как организовать расследование преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта немеждународного характера.

Изучение имеющегося опыта дает основание выделить пять встречающихся на практике форм организации расследования преступлений в районах вооруженного конфликта немеждународного характера: использование обычного порядка организации расследования преступлений; задействование следственных сил и средств центрального аппарата ГВП (Приднестровье, Владикавказ и др.); привлечение сил низовых подразделений из различных местностей по «авральной» методике (Чеченская Республика); формирование нового прокурорско-следственного органа (Чеченская Республика); создание специальных следственных подразделений оперативного реагирования (Сумгаит, Ош, Тбилиси).

Каждая из указанных форм организации расследования преступлений в районах вооруженного конфликта прошла апробацию во всех правоохранительных органах, поэтому имеются объективные основания судить об их достоинствах и недостатках, приемлемости и эффективности в районах вооруженного конфликта.

Так, достоинством обычного порядка, когда расследованием занимаются местные правоохранительные органы, является их постоянная готовность, сравнительная быстрота реагирования, отсутствие надобности в дополнительных организационных мерах; в свою очередь, к недостаткам относятся небольшая численность местного следственного аппарата,

длительная парализованность его деятельности произошедшими чрезвычайными обстоятельствами, отсутствие необходимой квалификации и профессиональной подготовки личного состава. Однако в «чистом» виде такой способ организации расследования преступлений в районах вооруженного конфликта немеждународного характера никогда не применялся.

В тех случаях, когда местные следственные подразделения не справлялись со своей работой, на практике было принято использовать следственные силы центрального аппарата правоохранительных органов, когда работники центрального аппарата полностью заменяли местных следователей и принимали уголовные дела к своему производству.

Такая форма организации расследования преступлений свободна от многих недостатков, присущих обычному порядку, и в районах вооруженного конфликта достаточно успешно себя зарекомендовала. Однако военной прокуратурой в полном объеме и этот способ не применялся и в настоящее время не может быть применен, поскольку в распоряжении ГВП нет достаточной численности следственного состава, который мог бы оперативно выехать в районы вооруженного конфликта и принять к своему производству весь объем следственной работы либо хотя бы значительную ее часть. При расследовании наиболее актуальных уголовных дел руководство ГВП в каждом индивидуальном случае изыскивало возможность освобождения того или иного следователя или нескольких следователей и прокурорских работников и направления их к месту событий для принятия к производству уголовного дела[23].

В частности, С.Э. Гавето считает, что в идеальном варианте именно указанный выше способ организации расследования преступлений военнослужащих и работы следственных подразделений в районах вооруженного конфликта является самым предпочтительным. Наличие в центральных аппаратах достаточно большой группы хорошо подготовленных, технически оснащенных и незагруженных уголовными делами следователей позволит решать задачи более оперативно и с наилучшим качеством. Однако реалии сегодняшнего дня не позволяют говорить о жизнеспособности и такого способа организации расследования, во всяком случае для военных прокуратур.

Наибольшее распространение на практике в системе военных прокуратур получил «авральный» способ, суть которого состоит в одновременной мобилизации по команде центра всех имеющихся ресурсов следственных сил.

Однако данный способ имеет множество недостатков, связанных как с процессом формирования «сборной» следственной группы, обеспечения ее финансирования, материально-технического обеспечения, так и со степенью готовности командированных следователей к работе в районах вооруженного конфликта. Практика показала, что время, необходимое на полное комплектование следственной бригады, всегда больше, чем этого требует бурно развивающаяся обстановка. Кроме того, руководство нижестоящих военных прокуратур, несмотря на категорические запреты, нередко старается направить в длительные командировки лиц, которые по каким-либо причинам не настроены на плодотворную работу. К сожалению, на практике, при всех недостатках, указанный способ

[23] *Маликов С.В.* Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта: Монография. М., 2004. С. 276—278.

является наиболее распространенным и в ближайшем будущем наиболее широко применимым.

В свое время еще Прокуратурой СССР была предпринята попытка усовершенствовать «авральную» методику[24], предписав прокурорам субъектов до 1 января 1990 г. сформировать резервные следственные группы из расчета 5 % штатной численности следственного аппарата и использовать их для оказания помощи в расследовании преступлений в регионах со сложной криминогенной обстановкой. Однако эта идея не получила необходимого организационного и материального обеспечения. В регионы с чрезвычайным положением продолжали направляться не резервные группы, а отдельные следователи из разных мест, и по-прежнему мало подготовленные к предстоящей работе. Что же касается ГВП, то там ограничились лишь изданием приказа с указанием фамилий и должностей прокурорско-следственных работников, включаемых во временные следственные подразделения на случай чрезвычайных обстоятельств. Через некоторое время личный состав фактически менялся, а небольшой резерв криминалистической техники и расходных материалов использовался на неотложные текущие нужды.

В ходе вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) использовалось сочетание двух форм организации расследования преступлений — формирование нового прокурорско-следственного органа, но по «авральной» методике (т. е. с привлечением сил низовых подразделений из различных местностей). Однако попытка перенести на российскую почву в целом положительный «афганский» опыт по формированию постоянно дислоцированных военных прокуратур в непосредственном контакте с поднадзорными войсками успеха не имела, так как краткосрочность пребывания следственных работников в Чеченской Республике (от трех до шести месяцев), комплектование военной прокуратуры по «авральной» методике, нередко лицами, по какой-либо причине не настроенными на плодотворную работу, не говоря уже о специальной подготовке этих кадров вообще[25], существенно затрудняли организацию расследования в районах вооруженного конфликта, а порой сводили ее на нет. Весьма значительной оказалась и доля молодых, не имеющих достаточного практического опыта, следственных работников. Так, по состоянию на 8 августа 1996 г. 30 % следователей военной прокуратуры (войсковая часть 44662) имели стаж работы до одного года, четыре офицера не имели законченного высшего юридического образования, некомплект составлял пять офицеров, а четыре офицера по указаниям руководства Генеральной прокуратуры были откомандированы на постоянной основе в различные органы власти Чеченской Республики и следственные бригады Генеральной прокуратуры Российской Федерации[26].

В период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) в основу организации органов военной прокуратуры в этой республике была положена структура и организация работы крупной воен-

[24] Приказ Генерального прокурора СССР «Об организационных мерах по обеспечению расследования преступлений следственными группами органов прокуратуры» от 22 ноября 1989 г. № 25.

[25] *Гавето С.Э.* Особенности расследования преступлений против военной службы в условиях чеченского конфликта. М., 1997. С. 77—78.

[26] Справка для членов коллегии Главной военной прокуратуры к оперативному совещанию 15 августа 1996 г.

ной прокуратуры гарнизонного звена в обычных условиях (военный прокурор, первый заместитель, два заместителя, являвшихся начальниками двух следственных отделов). Кроме следственных отделов, на которые возлагалась обязанность непосредственного расследования уголовных дел, были созданы группа работы с органами дознания, группа поддержания государственного обвинения в военных судах. Два следователя-криминалиста, входившие в состав военной прокуратуры, практически не были освобождены полностью от расследования уголовных дел, и в их задачу входило оказание помощи следователям в применении научно-технических средств при осмотре мест происшествий, в работе со следами и вещественными доказательствами, при назначении и проведении экспертиз, применении видеозаписи и поисковых средств.

Работа следственных отделов по расследованию преступлений была организована по зональному принципу. За каждым отделом закреплялись определенные воинские части и подразделения различной подчиненности. Одной из особенностей работы в Чеченской Республике явилось и то обстоятельство, что в проведении войсковых операций и их обеспечении участвовали части и подразделения нескольких министерств и ведомств, имевших различную подчиненность и выполнявших различные боевые и служебно-боевые задачи.

Однако боевая обстановка существенно затрудняла организацию деятельности военной прокуратуры, что непосредственно сказывалось и на эффективности расследования преступлений. С.Э. Гавето был вынужден признать, что в Чеченской Республике буквально на ходу приходилось в чрезвычайных условиях менять организацию работы военной прокуратуры, принципы ее комплектования, порядок прохождения службы[27].

При принятии решения о создании органов военной прокуратуры в Чеченской Республике рассматривалось несколько вариантов ее комплектования и организационно-процессуального положения. Целесообразным было признано создание военной прокуратуры гарнизонного, т. е. низового уровня, с обычным порядком подчинения (военная прокуратура Северо-Кавказского военного округа (СКВО) — Главная военная прокуратура — Генеральная прокуратура Российской Федерации). При этом, было принято во внимание, что при таком принципе организации органов военной прокуратуры возможно наиболее полно использовать организационные и процессуальные возможности второй инстанции (военной прокуратуры СКВО), хотя и в ущерб оперативности решения вопросов, так как в случае центрального подчинения военной прокуратуры, дислоцированной в Чеченской Республике, непосредственно ГВП военная прокуратура СКВО фактически устраняется от участия в работе. Это было бы неверным по целому ряду причин: во-первых, все события развивались на территории СКВО, причем не только на территории Чеченской Республики, но и во всех сопредельных с ней регионах; во-вторых, командование федеральной группировки в большой степени находилось в СКВО, большая часть снабжения проходила через него, задействовались транспортная авиация, медицинские, экспертные учреждения и т. п.; в-третьих, в самом вооруженном конфликте принимало участие большое количество войск, дислоцированных в СКВО, которые после вывода из района вооруженного конфликта возвращались

[27] *Гавето С.Э.* Особенности расследования преступлений против военной службы в условиях чеченского конфликта. С. 13.

к местам постоянной службы, и в них продолжалась необходимая следственная работа.

Военная прокуратура СКВО, осуществляя надзорные и контрольные функции в полном объеме, принимала решение об усилении некоторых следственных групп по сложным делам своими прокурорско-следственными кадрами, оказывала содействие в проведении наиболее сложных следственных и иных действий, назначении и проведении судебных экспертиз, заседаний военно-врачебных комиссий, материально-техническом снабжении. Ряд сложных уголовных дел после выполнения необходимых следственных действий на территории Чеченской Республики оперативно принимался к производству следователями военной прокуратуры СКВО. Комплектование же военной прокуратуры, дислоцированной в г. Грозном, происходило через кадровые органы ГВП за счет военных прокуратур всех военных округов и флотов, а также самой ГВП. Вызвано это было тем, что военная прокуратура СКВО не обладала возможностями в полном объеме обеспечить прокурорско-следственными кадрами вновь созданную военную прокуратуру. При этом, необходимо отметить, что в первый состав органов военной прокуратуры в Чеченской Республике было откомандировано большое количество прокурорско-следственных работников из военной прокуратуры СКВО и они практически первыми прибыли к месту командировки и приступили к исполнению своих обязанностей. Способствовало этому, помимо территориальной близости, подчинение одному военному прокурору округа, который обладал всей полнотой полномочий по этому вопросу. С.Э. Гавето считает, что именно такой подход послужил основанием для того, чтобы вопрос обеспечения режима законности в войсках и расследования преступлений, совершенных военнослужащими, был решен оптимально и достаточно активно[28].

Что касается количественного состава прокурорско-следственных работников органов военной прокуратуры в Чеченской Республике, то им оперативно варьировали в зависимости от складывающейся оперативной обстановки. Так, первоначально состав военной прокуратуры в Чеченской Республике был определен в 25 прокурорско-следственных работников[29], затем увеличен до 35[30], а с возрастанием следственной нагрузки и изменением оперативной обстановки доведен до 53 работников[31]. По мере вывода войск, передачи уголовных дел по подследственности и уменьшения следственной нагрузки штатная численность органов военной прокуратуры в Чеченской Республике сокращалась. К моменту вывода военной прокуратуры из Чеченской Республики к месту новой постоянной дислокации в г. Буйнакск (Дагестан) ее штатная численность составила восемь прокурорско-следственных работников. В служебных командировках в Чеченской Республике в первые месяцы постоянно находились заместители главного военного прокурора, затем

[28] См. более подробно: *Гавето С.Э.* Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в условиях вооруженного конфликта (по материалам практики работы военной прокуратуры в Чеченской Республике в 1994—1996 гг.): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 76—102.

[29] Директива начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации от 7 января 1995 г. № 314/61258.

[30] Директива начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации от 2 июля 1995 г.

[31] Директива начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации от 9 февраля 1996 г. № 314/6/281.

не менее месяца начальники ведущих управлений и группы прокурорских работников в количестве пяти человек, периодически заменяя друг друга.

Свое дальнейшее развитие и апробацию опыт организации работы военной прокуратуры в районах вооруженного конфликта получил в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007). Органами военной прокуратуры с самого начала их проведения в августе 1999 г. сначала в Республике Дагестан, а в последующем и в Чеченской Республике было обеспечено в максимально сжатые сроки необходимое надзорное сопровождение подразделений ОГВ (с) на Северном Кавказе.

На первоначальном этапе надзор за исполнением законов в воинских частях и подразделениях, привлеченных к участию в контртеррористических операциях, возлагался на военные прокуратуры гарнизонов СКВО, дислоцированные в непосредственной близости от происходящих событий: военная прокуратура (войсковая часть 44662 — г. Буйнакск), военные прокуратуры Махачкалинского и Владикавказского гарнизонов. При этом, с учетом территориального расположения основной объем работы выпал на прокурорско-следственный участок военной прокуратуры Владикавказского гарнизона в г. Моздоке Республики Северная Осетия — Алания. Так, например, в 1999 г. в военной прокуратуре Владикавказского гарнизона принято к производству свыше 1 000 уголовных дел о происшествиях и преступлениях различных категорий (затем на ее базе сформирована в г. Моздоке 59-я гарнизонная военная прокуратура внутренних войск МВД России в составе 15 офицеров).

С учетом перемещения места проведения контртеррористических операций на территорию Чеченской Республики в январе 2000 г. в составе военной прокуратуры СКВО была образована 201-я военная прокуратура (42 офицера), которая дислоцируется в п. Ханкала Чеченской Республики. В составе 201-й военной прокуратуры были образованы следующие структурные подразделения: три следственных отдела, отдел общего надзора, группа надзора за законностью судебных постановлений и группа материально-технического обеспечения. Прокурорско-следственным составом этой прокуратуры в течение всего 2000 г., т. е. в период активной фазы контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе, осуществлялись надзор за исполнением законов и расследование преступлений, совершенных военнослужащими в Чеченской Республике.

Вместе с тем, постепенное восстановление в Чеченской Республике институтов государственной власти и местного самоуправления и переход контртеррористических операций к стадии проведения локальных спецопераций по установлению местонахождения и задержанию участников НВФ обусловили необходимость максимального приближения органов военной прокуратуры к поднадзорным частям и соединениям ОГВ (с). В связи с этим в январе 2001 г. на территории Чеченской Республики были образованы еще три военные прокуратуры гарнизонного звена в составе восьми офицеров каждая: 202-я военная прокуратура (п. Калиновская Наурского района), 203-я военная прокуратура (п. Шали Шатойского района) и 205-я военная прокуратура (п. Борзой Шатойского района). В том же 2001 г. в п. Тусхорой Итум-Калинского района для осуществления прокурорского надзора за пограничными подразделениями, защищающими российскую границу от незаконного про-

никновения на территорию России из Грузии НВФ, сформирована в составе пяти офицеров военная прокуратура органов и войск ФПС России в Чеченской Республике. В целях координации деятельности военных прокуратур и обеспечения надзора и контроля со стороны военной прокуратуры СКВО в августе 2001 г. в п. Ханкала создан прокурорско-следственный участок военной прокуратуры СКВО (20 офицеров) во главе с заместителем военного прокурора СКВО, в составе которого были образованы восемь отделов (организационно-аналитический, организационно-мобилизационный и кадров, надзора за исполнением законодательства органами военного управления и воинскими должностными лицами; надзора за исполнением законодательства при расследовании преступлений; надзора за исполнением законодательства органами ФСБ России; следственный — по расследованию преступлений против местного населения в Чеченской Республике; криминалистический; обеспечения участия военной прокуратуры в рассмотрении дел в судах).

В целях дальнейшего совершенствования надзорного сопровождения в сентябре 2002 г. на базе прокурорско-следственного участка военной прокуратуры СКВО была образована военная прокуратура ОГВ (с) по проведению контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе со штатной численностью в 37 офицеров, в состав которой вошли вышеуказанные пять военных прокуратур на территории Чеченской Республики, 59-я военная прокуратура гарнизона в г. Моздоке (Республика Северная Осетия — Алания) и военная прокуратура гарнизона в станице Троицкой (Республика Ингушетия). В составе военной прокуратуры ОГВ (с) были образованы следующие структурные подразделения: организационно-аналитическое отделение; отдел надзора за исполнением законодательства органами военного управления и воинскими должностными лицами; отдел надзора за исполнением законодательства при расследовании преступлений; отдел надзора за исполнением законодательства органами ФСБ России; следственный отдел; отдел обеспечения участия военной прокуратуры в рассмотрении дел в судах; криминалистическая группа.

В аппарате ГВП в ноябре 2002 г. введена должность помощника главного военного прокурора по особым поручениям, в обязанности которого входит организационное и методическое обеспечение работы военной прокуратуры ОГВ (с) и подчиненных ей военных прокуратур, координация деятельности в этом направлении структурных подразделений ГВП, взаимодействие по вопросам компетенции органов военной прокуратуры с органами, организациями и учреждениями, занимающимися проблемами обеспечения законности и правопорядка, соблюдения прав и свобод человека и гражданина на территории Чеченской Республики, другие вопросы, связанные с надзорным сопровождением контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе. Принятые меры позволили в целом обеспечить поддержание законности и правопорядка в войсках и оперативное расследование преступлений в районах вооруженного конфликта.

Однако всегда существует определенный предел приспособления старой организационной структуры к изменившимся условиям обстановки, своего рода ресурс приспособляемости. И как показал опыт работы органов военной прокуратуры в Чеченской Республике, этот ресурс на сегодняшний день, применительно к районам вооруженного конфликта немеждународного характера, выработан почти до конца. Поэтому необходимо в корне менять не только структуру органов военной прокура-

туры, но и сам принцип организации их работы в районах вооруженного конфликта немеждународного характера, и в первую очередь в плане повышения гибкости, мобильности и автономности функционирования органов военной прокуратуры.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о необходимости коренной реорганизации сложившейся в настоящее время в Российской Федерации системы организации расследования преступлений в районах вооруженного конфликта, создания в этих целях специализированной системы, существующей в значительной мере автономно от обычной и функционирующей на базе специального следственного подразделения оперативного реагирования, структура и организация которой максимально отвечали бы требованиям боевой обстановки, складывающейся в районах вооруженного конфликта.

Глава 2. Специальное следственное подразделение оперативного реагирования Военного следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации как основа системы организации следственной работы в районах вооруженного конфликта

Коренная реформа сложившейся в настоящее время в Российской Федерации системы организации расследования преступлений в районах вооруженного конфликта позволит успешно решить множество возникающих на практике острых проблем. Задача такой реформы состоит в создании постоянно действующей, самостоятельной специализированной системы, предназначенной для расследования преступлений в любых чрезвычайных условиях, в том числе и в районах вооруженного конфликта.

В юридической литературе по данному вопросу высказаны некоторые предложения. Так, Б.Я. Петелин представляет указанную специализированную систему в виде всевозможных комбинаций следственно-оперативных групп различных ведомств и обосновывает необходимость формирования временных следственных подразделений[32]. Однако эту систему нельзя принять за основу, так как следственно-оперативные группы предназначены для работы в обычных условиях, а специализированные следственные группы из-за своего временного характера не в состоянии обеспечить решение всех возникающих проблем.

Для того чтобы создать необходимую основу для реализации всех возможностей указанной специализированной системы на практике, В.Н. Григорьевым было предложено образовать постоянно действующие специальные следственные подразделения оперативного реагирования в виде штатных структур центрального подчинения с постоянным составом высококвалифицированных следователей, имеющих опыт работы в экстремальных ситуациях, прошедших необходимую подготовку и имеющих особое криминалистическое, материально-техническое и финансовое обеспечение[33].

[32] *Петелин Б.Я.* Следственно-оперативные группы (вопросы организации и деятельности). М., 1986. С. 50.

[33] *Григорьев В.Н.* Организация следственной работы в условиях чрезвычайного положения: Учебное пособие для вузов МВД. Ташкент, 1991. С. 35.

Впервые нечто подобное было апробировано в период Великой Отечественной войны, когда в зависимости от боевой обстановки и характера выполняемых войсками задач военные прокуроры армий создавали оперативные прокурорско-следственные группы для обслуживания специальных войсковых групп. Так, например, военный прокурор 20-й армии в июле 1942 г. создавал при группе танковых частей армии на все время активных боевых действий оперативную группу военной прокуратуры в составе прокурора (своего заместителя) и трех военных следователей.

В системе МВД такие подразделения были впервые созданы в конце 80-х гг. XX в. и получили апробацию на практике, а уже 14 января 1990 г. на базе 5-го отдела Главного следственного управления МВД СССР был создан 4-й отдел (вскоре переименованный в следственную группу[34] и получивший статус управления в составе главка[35]), предназначенный специально для организации расследования преступлений на почве межнациональных отношений и массовых беспорядков.

В системе Прокуратуры СССР данная идея получила развитие во второй половине 1990 г., когда 17 апреля 1991 г. Верховный Совет СССР принял Постановление «О неотложных мерах по повышению роли прокуратуры в укреплении законности в стране», в котором предусмотрел создание в Прокуратуре СССР специального подразделения оперативного реагирования на межнациональные конфликты и нарушения прав человека на этой почве. В структуре Управления по расследованию дел особой важности Прокуратуры СССР был создан отдел оперативного реагирования. Следователи отдела, будучи включены в штаты центрального аппарата Прокуратуры СССР, продолжали работать в территориальных органах по месту жительства, а в случае возникновения в каком-то регионе чрезвычайной ситуации направлялись туда для проведения расследования. Этим достигалось главное — следствие вела постоянная стабильная группа, имеющая опыт расследования преступлений в экстремальных условиях.

Однако такая система просуществовала недолго. В конце 1991 г., в связи с развалом СССР и якобы в связи с этим решением всех межнациональных проблем, созданная система организации расследования преступлений в чрезвычайных условиях была фактически полностью разрушена. В итоге в преддверии прогнозируемого вооруженного конфликта на Северном Кавказе предыдущий шестилетний опыт оказался невостребованным и пришлось вновь организовывать расследование в Чеченской Республике, в том числе и органами военной прокуратуры, по известной «авральной» методике.

Что же касается ГВП, то С.Э. Гавето считает, что к военным прокуратурам указанный выше способ не применим по финансово-материальным и кадровым причинам и что в условиях постоянного сокращения и реформирования Вооруженных Сил Российской Федерации реально прогнозировать возможность создания дополнительных специальных подразделений не приходится. Однако он и не отрицает необходимость создания постоянного специализированного следственного подразделения

[34] Приказ министра внутренних дел «О создании следственно-оперативной группы МВД СССР» от 13 мая 1991 г. № 159.

[35] Приказ министра внутренних дел от 31 июля 1991 г. № 261.

ГВП для расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженных конфликтов немеждународного характера[36].

Однако опыт организации следственной работы в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) свидетельствует, что промедление с созданием такой специализированной системы чревато слишком большими издержками для следственной работы в районах вооруженного конфликта. Поэтому необходимо в срочном порядке создать отдельную специализированную систему расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, существующую в значительной мере автономно от обычной и функционирующую на базе специального следственного подразделения оперативного реагирования.

С учетом опыта, накопленного в МВД России и Генеральной прокуратуре Российской Федерации, специальное следственное подразделение оперативного реагирования[37] может быть создано в форме отдела по расследованию преступлений в районах вооруженного конфликта в структуре Военного следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации.

Численность отдела должна быть такой, которая позволяла бы проводить расследование преступлений в районах вооруженного конфликта преимущественно только его силами. Оптимальная численность личного состава отдела должна быть около 40 штатных единиц. При создании отдела в центральном аппарате Военного следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации возникает проблема изменения его штатного расписания и значительного увеличения его штатной численности, обеспечения жильем личного состава отдела и т. д., что нереально в нынешней ситуации. Для устранения этих трудностей необходимо включить в штатное расписание отдела следователей из других регионов, предусмотрев при этом, что они будут там проживать, а при получении команды непосредственно с места своего проживания выезжать в регион возникновения вооруженного конфликта. При этом, число таких иногородних сотрудников отдела может составлять до 75 % штатной численности отдела (до 30 офицеров).

В целях обеспечения резерва следователей на случай нехватки штатного состава отдела, а также для его пополнения по мере высвобождения штатных должностей необходимо создать в военно-следственных отделах гарнизонов резервный состав следователей для работы в районах вооруженного конфликта (его оптимальная численность примерно до 100 человек). В обычных ситуациях эти следователи находятся в штатном расписании военно-следственных отделов гарнизонов. В отделе по расследованию преступлений в районах вооруженного конфликта Военного следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации ведется их списочный учет, организуется обучение, прохождение стажировок, повышение квалификации. По мере необходимости они по согласованию с руководителями военно-следственных отделов гарнизонов привлекаются к расследованию преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

---

[36] *Гаврето С.Э.* Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в условиях вооруженного конфликта (по материалам практики работы военной прокуратуры в Чеченской Республике в 1994—1996 гг.). С. 80—81.

[37] *Григорьев В.Н.* Организация следственной работы в условиях чрезвычайного положения. С. 32—47.

Таким образом, в районах вооруженного конфликта будут работать как штатные сотрудники отдела по расследованию преступлений в районах вооруженного конфликта Военного следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации, проживающие как по месту его нахождения в столичном регионе, так и иногородние, а также внештатные офицеры резервного состава, привлекаемые к расследованию по мере необходимости.

Кандидатов в данное спецподразделение следует отбирать по специально разработанной системе психологических тестов и методике, обеспечивающих определение лиц, пригодных по своим психофизиологическим данным к работе в районах вооруженного конфликта. Они должны иметь достаточный опыт следственной работы, хорошее состояние здоровья и устойчивую психику, возможность длительное время находиться в командировке, способность переносить значительные психические и физические перегрузки, бытовую неустроенность.

В структуре отдела по расследованию преступлений в районах вооруженного конфликта Военного следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации, помимо начальника (он же старший помощник руководителя Военного следственного управления) и его заместителя, представляется необходимым предусмотреть: 1) организационно-аналитическое отделение; 2) следственное отделение; 3) научно-техническую группу; 4) группу тылового обеспечения.

При этом, в задачу *организационно-аналитического отделения* входит: слежение за оперативной обстановкой в Российской Федерации и определение вероятных мест приложения усилий офицеров отдела; предварительное изучение условий для работы с выездом в районы вероятного вооруженного конфликта; планирование и организация на месте приема личного состава отдела, его обеспечение и задействование в работе по расследованию преступлений, совершаемых военнослужащими; анализ и обобщение хода и результатов расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта; подготовка предложений по совершенствованию деятельности отдела; организация внедрения и распространения передового опыта работы, обучения и повышения квалификации личного состава; учет работы и индивидуальной нагрузки следователей.

Следственное отделение является базой для формирования оперативной прокурорско-следственной группы (ОПСГ) для следственной работы в районах вооруженного конфликта, в задачу которого входит: организация расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта; комплектование ОПСГ и руководство ее работой; непосредственное участие в расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими, с принятием уголовных дел к своему производству.

В задачу *научно-технической группы* входит: обеспечение ОПСГ технико-криминалистическими средствами и расходными материалами; организация и обеспечение работы информационного центра ОПСГ и центрального информационного центра всего отдела на базе применения компьютерной техники.

Группа тылового обеспечения занимается снабжением личного состава отдела имуществом по установленным нормам довольствия: обеспечивает немедленную доставку в место работы ОПСГ требуемой тех-

ния, имущества и других средств; организует в месте работы ОПСГ бытовое, материально-техническое и медицинское обеспечение личного состава ОПСГ.

Система функционирования отдела по расследованию преступлений в районах вооруженного конфликта Военного следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации должна включать определенный алгоритм работы на этапах: 1) обострения оперативной обстановки и угрозы начала вооруженного конфликта в определенном регионе; 2) принятия решения о привлечении сил отдела; 3) организации и проведения расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, личным составом ОПСГ; 4) завершения деятельности ОПСГ.

При поступлении сведений о резком обострении обстановки в определенном регионе начальник отдела командирует туда сотрудника организационно-аналитического отделения, который собирает необходимую информацию, передает ее руководству отдела, заблаговременно извещает о признаках реальной угрозы начала вооруженного конфликта, устанавливает контакты с местными следственными подразделениями.

Если в регионе начался вооруженный конфликт, принимается решение о привлечении сил отдела для расследования преступлений, совершаемых военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации, внутренних войск МВД России и Пограничных войск ФСБ России в районах вооруженного конфликта. Данное решение принимает руководитель Военного следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации, согласовывая его с главным военным прокурором, а определение формы привлечения дополнительных сил составляет компетенцию руководства отдела.

В зависимости от имеющейся информации в район вооруженного конфликта направляются либо только отдельные сотрудники отдела в качестве консультантов или руководителей расследования, либо весь личный состав отдела для работы по расследованию всех преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

В случае принятия решения о расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, силами отдела из его личного состава формируется ОПСГ.

По прибытии на место руководитель ОПСГ определяет ее структуру, планирует работу, организует взаимодействие с органами внутренних дел, территориальной прокуратуры, органами безопасности в войсках и органами военного управления воинских частей, входящих в состав ОГВ (с). При этом, основной задачей ОПСГ является расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Многие вопросы теории и практики создания следственных групп применительно к обычным условиям деятельности были предметом научных исследований[38]. Однако при формировании следственных групп

[38] См.: *Герасун А.А.* Бригадный метод расследования в советском уголовном процессе: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1968; *Балашов А.Н.* Взаимодействие следователей и органов дознания при расследовании преступлений. М., 1979; *Дубинский А.А., Шостак Ю.И.* Организация и деятельность следственно-оперативных групп. Киев, 1981; *Петелин Б.Я.* Указ. соч.; *Подопрелов А.М.* Создание и деятельность следственно-оперативной группы: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Киев, 1991 и др.

для работы в районах вооруженного конфликта возникает множество специфических проблем, касающихся статуса следственных групп, порядка формирования и взаимодействия, состава, структуры и т. д., которые не нашли отражения в указанных научных исследованиях. Это создает на практике непреодолимые сложности и непосредственно сказывается на эффективности расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Для расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, необходимо, чтобы структура ОПСГ максимально отвечала требованиям боевой обстановки, складывающейся в районах вооруженного конфликта.

В целом процесс создания ОПСГ включает в себя следующие стадии: а) изучение и анализ общей общественно-политической ситуации в регионе, а также предполагаемого количества войск и их подчиненности; б) ознакомление с обстановкой на месте событий или в непосредственной близости к нему; в) уяснение порядка взаимодействия с местными органами власти, правоохранительными органами, органами военного управления и представителями силовых структур; г) принятие решения руководителем Военного следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации о создании ОПСГ для расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта; д) доведение решения до исполнителей и организация контроля за исполнением этого решения; е) прибытие на место и сбор штатных сотрудников отдела и внештатных следственных работников резервного состава; ж) процессуальное оформление создания ОПСГ; з) образование структурных подразделений в составе ОПСГ; и) распределение следователей по структурным подразделениям ОПСГ; к) определение каждому следователю конкретного участка или направления работы.

Одним из условий успешной работы ОПСГ является своевременное образование в ней структурных подразделений. Виды, назначение и размеры подразделений зависят от численности ОПСГ, характера, масштабов, локализации совершаемых преступлений и других конкретных обстоятельств. Обобщение следственной практики позволяет выделить следующие типичные структурные подразделения ОПСГ: руководство; отдельные следственно-оперативные группы (звенья); криминалистическая группа и информационный центр.

Во главе ОПСГ стоит руководитель, на которого возлагается общее руководство, подбор и расстановка кадров, контроль за ходом расследования, его организационное обеспечение и который несет персональную ответственность за работу всей ОПСГ.

Заместитель руководителя ОПСГ координирует деятельность отдельных следственно-оперативных групп (звеньев), руководит работой по сбору оперативной и следственной информации, обобщает итоги работы ОПСГ, готовит аналитические данные о результатах расследования, рассматривает поступающие в группу уголовные дела, материалы и т. д.

На помощников и старших помощников руководителя ОПСГ возлагается учет совершенных преступлений; контроль за движением уголовных дел; ведение статистического учета лиц, проходящих по уголовным делам в качестве подозреваемых (обвиняемых, подсудимых); контроль за работой с ними в СИЗО и фильтрационном пункте; контроль за работой транспортных средств, обслуживающих группу; осуществление

оперативного учета личного состава группы, контроль за его перемещением и т. д. В зависимости от конкретной ситуации руководитель ОПСГ может сужать или расширять их функции.

В целях наиболее целесообразной организации следственной работы руководитель ОПСГ образует в составе ОПСГ отдельные *следственно-оперативные группы (звенья)*. На практике за основу при создании отдельных следственно-оперативных групп (звеньев) обычно берут предметный, территориальный или персональный признаки. Образованные таким образом отдельные следственно-оперативные группы (звенья) предназначены соответственно для расследования преступлений какого-то одного вида либо для расследования преступлений всех видов, совершенных на отдельной территории или в воинской части, или преступлений, совершенных какой-то категорией лиц. По мере изменения криминогенной ситуации в объединенной группировке войск могут меняться число, характер следственно-оперативных групп (звеньев) и их конкретные задачи.

Криминалистическая группа состоит из прокуроров-криминалистов и старших прокуроров-криминалистов, задачами которых является оказание помощи следователям в применении технико-криминалистических средств при осмотре мест происшествия, в работе со следами и вещественными доказательствами; при назначении судебных экспертиз; использовании видеозаписи и т. д. При этом, оптимальное число прокуроров-криминалистов в составе криминалистической группы зависит от количества следственно-оперативных групп (звеньев) в ОПСГ.

Информационный центр обеспечивает использование компьютерной техники в расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта. Первый опыт использования ПЭВМ в следственной работе военной прокуратуры в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) оказался положительным и весьма перспективным. В задачу сотрудников (референтов и старших референтов ОПСГ) информационного центра, в частности, входит сбор информации о совершенных преступлениях и о работе следственно-оперативных групп (звеньев), ее обработка, введение в память ПЭВМ, обобщение и анализ, использование автоматизированных информационных систем и программных разработок для оказания помощи следователям в раскрытии преступлений, организация работы по статистическому учету и т. д.[39] Кроме того, применение ПЭВМ позволяет существенно экономить время на технических операциях, связанных с дополнением и уточнением имеющейся информации, изготовлением сводок и других документов.

К ОПСГ прикомандировываются прокурорские работники органов военной прокуратуры, которые образуют при ОПСГ *отделение прокурорского надзора,* на начальника которого возлагается организация работы по общему надзору и профилактике правонарушений; непосредственное разрешение жалоб общенадзорного характера, анализ работы с ними; разработка предложений по вопросам общего надзора и т. д.[40], а на сотрудников отделения — работа в пределах закрепленных за ними

[39] *Ненашев В., Карахьян А.* Компьютеры — следствию // Социалистическая законность. 1988. № 11. С. 28—30.

[40] Организация работы военной прокуратуры гарнизона (объединения): Методическое пособие. М., 2000. С. 39—44.

отдельных отраслей прокурорского надзора и поддержание государственного обвинения в военных судах [41].

При этом, надзорные мероприятия должны быть в первую очередь направлены на обеспечение высокой боевой готовности воинских частей и подразделений, сохранности военного имущества, оружия и боеприпасов; выявление незаконных приказов органов военного управления, не обеспечивающих максимальную безопасность военнослужащих; создание личному составу материально-бытовых условий, максимально соответствующих уставным требованиям и нормам санитарно-эпидемической безопасности; обеспечение своевременного снабжения воинских частей и подразделений необходимым количеством боеприпасов и продовольствия, оказание медицинской помощи, эвакуацию раненых, снабжение полевых медицинских учреждений необходимым количеством медикаментов и диагностической аппаратуры; обеспечение военнослужащих положенным вещевым имуществом, полным комплектом экипировки и исправной боевой техникой и оружием; надлежащее оборудование блокпостов и постов охраняемых объектов; исполнение законодательства Российской Федерации о борьбе с пьянством и наркоманией и т. д.[42]

Наряду со своей основной задачей — поддержанием государственного обвинения в военном суде и внесением протестов на незаконные или необоснованные судебные решения, сотрудники отделения прокурорского надзора оказывают помощь военному суду в организации и проведении судебного процесса (консультирование состава военного суда об оперативной обстановке в районах вооруженного конфликта, оптимальном месте и времени судебного разбирательства, возможности и целесообразности проведения по тем или иным уголовным делам выездного судебного заседания и т. п.).

Завершая работу, сотрудники ОПСГ обеспечивают направление расследованных уголовных дел в военный суд, прекращенные уголовные дела сдают в архив, организуют работу военно-следственных отделов гарнизонов по приостановленным делам и нераскрытым эпизодам преступлений. Наблюдательные производства, информационно-справочные материалы, копии основных следственных документов передаются в архив отдела по расследованию преступлений в районах вооруженного конфликта Военного следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации.

Сравнительно большие размеры ОПСГ, продолжительность функционирования, особые условия деятельности порождают множество проблем тылового обеспечения. В районах вооруженного конфликта ОПСГ вынуждена действовать в отрыве от своих базовых органов снабжения. Поэтому для районов вооруженного конфликта требуется специализированная, в достаточной мере автономная система. Это касается и нормативной основы тылового обеспечения, и занимающихся им органов, и его источников, а также основных направлений этого обеспечения. Не имея собственного обеспечения и не получая его в необходимой мере со стороны, сотрудники ОПСГ попадут в районах вооруженного конфликта в полную зависимость от командования воинских частей и соединений, у которых они стоят на довольствии. Представляется, что

[41] Организация работы военной прокуратуры гарнизона (объединения). С. 50—51.
[42] Там же. С. 49—51.

некоторые командиры не упустят такую возможность для воздействия на сотрудников ОПСГ путем снятия охраны с помещений военной прокуратуры, непредоставления транспортных средств для нужд ОПСГ и т. д.

Определенные трудности возникают в районах вооруженного конфликта и по процессуальным организационным проблемам — привлечению необходимых участников процесса. В районах вооруженного конфликта в большой мере утрачивают свое значение те факторы, которые использует следователь в обычной ситуации для привлечения необходимых участников процесса: авторитет закона, служебные и личные связи, опыт, знание государственных структур, местного населения. Данное обстоятельство существенно осложняет расследование, а во многих случаях делает его невозможным.

Как показал опыт следственной практики в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996), в начальные периоды расследования преступлений, а также сразу же после сформирования военной прокуратуры приходится проводить большое число осмотров мест происшествий, трупов, а также других следственных и иных действий, требующих участия *специалистов-криминалистов*. Однако органы военной прокуратуры в тот период штатных специалистов-криминалистов не имели. Поэтому на практике вся работа по документированию результатов осмотров мест происшествий, следственных экспериментов и других следственных действий проводилась силами следователей и частично дознавателями воинских частей, которые владели навыками судебной фотографии, видеосъемки, поиска и фиксации следов преступления. Осмотры трупов, особенно на начальном этапе формирования военной прокуратуры в Чеченской Республике (1994—1996) или же в местах, отдаленных от нахождения штатного судебно-медицинского эксперта, проводились с привлечением медицинского персонала воинских частей Министерства обороны Российской Федерации или внутренних войск МВД России. Для разгрузки следователей от такого рода работы, повышения ее оперативности и качественного уровня и необходима в структуре ОПСГ криминалистическая группа со штатными прокурорами-криминалистами.

В период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) практически не возникало проблем с привлечением *переводчиков*. Воинский контингент в настоящее время достаточно хорошо владеет русским языком, а представители местного населения, привлекавшиеся в качестве участников уголовного судопроизводства, в редких случаях действительно плохо знали русский язык либо умышленно это скрывали. Однако в будущем привлечение необходимого количества подготовленных переводчиков будет представлять довольно большую проблему. Решать ее необходимо заблаговременно, путем принятия соответствующих нормативных правовых актов. В юридической литературе высказывались предложения о создании в органах юстиции бюро переводов по уголовным и гражданским делам[43]. Но пока эти предложения не реализованы, следователям приходится самостоятельно искать переводчиков. Чтобы облегчить поиск переводчиков, спе-

[43] *Джафаркулиев М.А.* Принцип национального языка в судопроизводстве. Баку, 1989. С. 113.

циально назначенные сотрудники ОПСГ должны подбирать с помощью местных органов юстиции, образования и командования воинских частей лиц, которые могут осуществлять функции переводчиков, и составлять списки возможных кандидатур для передачи в каждую следственно-оперативную группу (звено). Следователь на основании полученного списка подбирает конкретную кандидатуру.

Определенную сложность в районах вооруженного конфликта представляет подбор *понятых*. По опыту вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996), эта проблема решалась привлечением понятых, как правило, из числа военнослужащих. При этом, для обеспечения объективности необходимо исключить возможность привлечения понятых, которые находятся в отношениях подчиненности с участниками уголовного судопроизводства, состоят с ними в дружеских отношениях либо по иным причинам могут быть заинтересованы в исходе дела, а также соблюсти принцип субординации.

Одним из путей улучшения следственной работы в районах вооруженного конфликта является введение в штат военной прокуратуры необходимого количества *технических работников* (секретарей, делопроизводителей, операторов множительной техники и ПЭВМ и т. п.). Однако даже в обычных условиях это остается пока только благим пожеланием.

Принятие всех вышеуказанных организационных мер по привлечению необходимых участников уголовного судопроизводства и технических работников позволит значительно высвободить непосредственно следственный аппарат и максимально сосредоточиться на вопросах проведения следственных действий и будет способствовать как успешной работе в целом по более оперативному раскрытию, так и качественному расследованию преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

В настоящее время принято решение о разделении с 7 сентября 2007 г. надзорных и следственных функций прокуратуры путем передачи следствия под юрисдикцию Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации и оставлении за прокуратурой только надзорных функций и поддержания государственного обвинения в судах[44]. Действительно, ведомственное рассредоточение следственного аппарата по различным правоохранительным органам, при котором одни и те же органы отвечают за выявление и регистрацию преступлений, за фиксацию первичной информации о преступлениях, за решение вопросов о возбуждении уголовных дел и их расследовании и за результаты расследования, ведет к многочисленным попыткам уклонения от регистрации преступлений, от возбуждения тех уголовных дел, которые кажутся «бесперспективными» для раскрытия преступления или просто «малозначительными» и «нецелесообразными». Создание единого следственного аппарата для всей страны позволит собрать все следственные силы в один отряд с подлинной централизацией управления им, позволит сократить численность кадров при повышении их профессионального мастерства и уровня материально-технического обеспечения, позволит не только вскрыть, но и использовать все скрытые сейчас возможности для интенсификации следственной деятельности за счет лучшего ис-

[44] Указ Президента Российской Федерации «Вопросы Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации» от 1 августа 2007 г. № 1004.

пользования сил и средств, а в итоге приведет к искоренению нарушений законности в стадии возбуждения и предварительного расследования уголовного дела, так как почти все нарушения объясняются неумением, бессилием плохо обученных и неопытных следователей, не способных добиться успеха законными методами.

Однако при всей привлекательности данного варианта реформы следственного аппарата представляется, что он неприемлем при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта. Гораздо больший положительный эффект имеет апробированное временем и следственной практикой в районах вооруженного конфликта соединение надзорных и следственных функций в одном прокурорско-следственном органе, чем достигается оперативность, мобильность и автономность работы и что максимально отвечало бы требованиям боевой обстановки, складывающейся в районах вооруженного конфликта.

Глава 3. Организация взаимодействия военных следственных органов с органами внутренних дел, территориальной прокуратуры, органами безопасности в войсках, командирами воинских частей в районах вооруженного конфликта

Успешная борьба с преступностью в Вооруженных Силах Российской Федерации, в том числе и в районах вооруженного конфликта, возможна лишь при условии комплексного и рационального использования усилий различных правоохранительных органов, когда каждый действует с максимальной отдачей в рамках предоставленных законом полномочий и возможности одного органа сочетаются с возможностями других органов и дополняются ими. Это комплексное объединение усилий реализуется путем взаимодействия правоохранительных органов, и в первую очередь органов предварительного следствия и дознания.

Понятие «взаимодействие» может рассматриваться с двух позиций: в широком смысле слова — как объединенные согласованные усилия субъектов; в узком смысле слова — как связь действий субъектов, обеспечивающая их согласованный характер. Важным качеством взаимодействия является и то, что в ходе него обязательно координируются разные виды деятельности. Лишь при этом условии возможны качественные изменения предпринимаемых усилий.

Взаимодействие представляет собой согласованные усилия субъектов, объединенных в систему, в рамках которой объединяются различные виды предпринимаемых усилий. При этом, системообразующими элементами выступают единство цели и наличие связей между субъектами, которые являются необходимым условием согласованности их усилий. Взаимодействовать могут субъекты одного иерархического уровня, т. е. равные по своему положению и не находящиеся в отношениях подчиненности.

Наибольшее распространение при рассмотрении вопросов социальной деятельности получило понятие взаимодействия в широком смысле слова (социальное взаимодействие), которое можно определить как со-

гласованные усилия объединенных в систему различных по своим функциям субъектов одного иерархического уровня, направленные на достижение единой цели.

В юридической литературе содержится несколько различных определений понятия «взаимодействие» при расследовании преступлений, которые в значительной мере отличаются друг от друга. Однако имеющиеся различия, как правило, касаются лишь отдельных сторон рассматриваемого понятия и не затрагивают его сущности[45], а их многообразие обусловлено не принципиальными различиями в позициях авторов, а гносеологическими трудностями изучаемого объекта и касаются большей или меньшей степени конкретизации целей взаимодействия, а также выделения тех или иных его принципов. Отличаясь в деталях, предлагаемые различными авторами определения сводятся к пониманию взаимодействия как совместной, согласованной по целям и задачам, а также по времени и месту деятельности работников различных органов, возможности комплексного использования этими органами всех предоставленных им средств в интересах раскрытия и расследования преступлений.

Исходя из вышеизложенного взаимодействие военного прокурора с командирами воинских частей, органами внутренних дел, территориальной прокуратуры и органами безопасности в войсках — это основанная на законе, согласованная по месту, целям и времени деятельность военного прокурора, командиров воинских частей, органов внутренних дел, территориальной прокуратуры и органов безопасности в войсках по раскрытию и расследованию преступлений.

Взаимодействие различных правоохранительных органов при расследовании преступлений как любое социальное явление представляет собой систему связей между указанными субъектами, которые находят свое выражение в конкретных согласованных действиях участников взаимодействия. Совокупность таких действий образует содержание взаимодействия. Всякое содержание проявляется вовне в определенных формах. Проявление содержания в той или иной форме обусловливается в первую очередь воздействием внешних факторов. Применительно к расследованию преступлений таким внешним фактором выступает сложившаяся на определенный момент следственная ситуация[46]. Именно она и будет предполагать выбор следователем той или иной формы взаимодействия.

---

[45] См., например: *Ратинов А.Р., Якубович Н.А.* Взаимодействие следователей прокуратуры и органов милиции при расследовании и предупреждении преступлений. М., 1964. С. 5; *Бердичевский Ф.Ю.* Взаимодействие органов следствия и дознания как организационная система // Советское государство и право. 1973. № 12. С. 106—110; *Сидоров В.Е.* Начальный этап расследования. Организация, взаимодействие, тактика. М., 1992. С. 43; *Гапанович Н.Н., Мартинович И.И.* Основы взаимодействия следователя и органа дознания при расследовании преступлений. Минск, 1983. С. 10—11; *Дроздов Г.В., Зиновкин А.И.* Взаимодействие следователя военной прокуратуры с милицией при расследовании преступлений. М., 1990. С. 10; *Гуткин И.М.* Органы дознания и предварительного следствия системы МВД и их взаимодействие. М., 1973. С. 70 и др.

[46] *Кузнецов М.С.* Взаимодействие следователя военной прокуратуры с органами дознания при расследовании преступлений: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 52.

Что касается классификации форм взаимодействия, то они подразделяются на формы организации взаимодействия и формы осуществления взаимодействия.

Так, к формам организации взаимодействия, показывающим, каким образом следователь побуждает орган дознания к выполнению тех действий, которые необходимы в интересах расследования уголовного дела, относятся: а) доведение до органа дознания требования об оказании содействия при производстве отдельных следственных действий; б) направление следователем органу дознания поручений и указаний о производстве розыскных и следственных действий; в) поручение ему производства розыска скрывшегося обвиняемого; г) поручение органу дознания принять меры к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого по делам, предварительное следствие по которым приостановлено на указанном основании.

В свою очередь, к формам осуществления взаимодействия, показывающим, каким образом его участники решают стоящие перед ними задачи, относятся: а) оказание органом дознания содействия следователю при производстве отдельных следственных действий; б) самостоятельное выполнение субъектами взаимодействия согласованных по цели действий; в) совместное выполнение участниками взаимодействия согласованных по цели, месту, времени действий (осуществление тактических операций)[47].

М.С. Кузнецов в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации (ст.ст. 38, 208—210 УПК РФ) выделяет следующие критерии классификации форм взаимодействия:

1. Формы организации взаимодействия:

— *формы побуждения к желаемой деятельности*: а) направление поручений; б) вынесение постановлений; решение суда (при необходимости контроля и записи телефонных или иных переговоров);

— *формы организации субъектного состава участников взаимодействия* (тесно связаны с длительностью взаимодействия): а) создание постоянно действующих следственно-оперативных групп; б) создание временных групп (привлечение одного или нескольких сотрудников органа дознания к работе следственной группы или следователя); в) эпизодическое взаимодействие.

2. Формы осуществления взаимодействия:

— *в рамках комплекса действий:* а) самостоятельное выполнение субъектами взаимодействия согласованных по цели действий; б) тактическая операция;

— *в рамках одного следственного действия:* а) оказание органом дознания содействия при осуществлении следователем следственного или иного процессуального действия; б) тактическая комбинация[48].

Взаимодействие правоохранительных органов в районах вооруженного конфликта обладает определенной существенной спецификой, отличаясь от взаимодействия в обычных мирных условиях по субъектам, основным направлениям и ряду конкретных форм. Так, в обычных мирных условиях субъектами взаимодействия являются следователь и органы дознания. Применительно к районам вооруженного конфликта субъек-

[47] *Дроздов Г.В., Зиновкин А.И.* Взаимодействие следователя военной прокуратуры с милицией при расследовании преступлений. М., 1990.

[48] *Кузнецов М.С.* Указ. соч. С. 60—61.

тами взаимодействия выступают уже не только отдельные следователи но и военная прокуратура в целом, руководитель которой вынужден уделять много внимания налаживанию совместной работы своего подразделения с другими правоохранительными органами. При этом, свои полномочия военные прокуроры осуществляют в тесном взаимодействии с представителями федеральных органов власти и управления и местной администрации.

Кроме того, военная прокуратура имеет дело уже не только с местными органами внутренних дел, но и с другими подразделениями правоохранительных органов, которые начинают функционировать в районах вооруженного конфликта[49].

Так, например, субъектами взаимодействия в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) являлись: собственно сама военная прокуратура гарнизонного звена (войсковая часть 44662), военная прокуратура СКВО и ГВП, с одной стороны; а с другой — Кавказская межрегиональная прокуратура, специализированные следственные бригады Генеральной прокуратуры Российской Федерации, специализированные оперативные группы центрального подчинения МВД России, органы ФСБ России, командиры воинских частей. Что касается круга субъектов взаимодействия в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007), то он был еще более расширен: военная прокуратура ОГВ (с), военные прокуратуры гарнизонного звена, военная прокуратура СКВО и ГВП, с одной стороны; а с другой — Главное управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации на Северном Кавказе (г. Ессентуки), специализированные следственные бригады Генеральной прокуратуры, специализированные оперативные группы центрального подчинения МВД России, органы безопасности в войсках, командиры воинских частей, местные органы внутренних дел (временные и постоянные).

В обычных мирных условиях взаимодействие следователей с другими правоохранительными органами осуществляется в рамках традиционных форм, прямо предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством (ст.ст. 38, 208—210 УПК РФ). Все эти формы взаимодействия приемлемы в целом и в районах вооруженного конфликта. Однако взаимодействие при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, осуществляет более широкий круг правоохранительных органов, имеющих различные задачи и подчиненность. Сказывается и экстремальность ситуации. Данные обстоятельства обусловливают существенную специфику и содержания, и организации взаимодействия, которые не укладываются в традиционные рамки.

Более того, в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) прокурорско-следственным работникам военной прокуратуры приходилось в интересах расследования преступлений, совершаемых военнослужащими, вступать в неформальные контакты с представителями противоборствующей стороны (участниками НВФ).

---

[49] *Маликов С.В.* К вопросу о взаимодействии органов военной прокуратуры с войсковыми подразделениями при проведении войсковых операций в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике в 1994—1996 гг. // Сборник научных трудов Гуманитарного института. 2001. № 1.

[50] *Маликов С.В.* Расследование преступлений в боевой обстановке (правовое обеспечение, организация, методика): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 99—107.

С учетом вышесказанного выделяются следующие основные направления и конкретные формы взаимодействия применительно к каждому из взаимодействующих подразделений в отдельности[50].

Взаимодействие с местными органами внутренних дел. Местные органы внутренних дел могут оказать существенную помощь военно-следственным органам сведениями о преступной среде и ее авторитетах, сложившихся преступных группировках, оперативных подходах к интересующим лицам и т. д. Организуя взаимодействие с местными органами внутренних дел, необходимо учитывать специфику условий вооруженного конфликта — дезорганизацию прежней системы органов внутренних дел и взаимодействие с органами внутренних дел, находящимися в стадии становления и формирования.

Организация взаимодействия с органами внутренних дел обычно включает в себя следующие элементы: а) выяснение ситуации и установление взаимопонимания с руководством и личным составом органов внутренних дел; б) определение основных направлений взаимодействия с ними; в) определение тактики реализации достигнутых договоренностей на практике; г) принятие мер к предотвращению случаев нежелательной утечки информации о ходе и результатах расследования преступлений.

Конкретные направления и формы взаимодействия военных следственных органов с местными органами внутренних дел включают:

1) материально-техническое обеспечение работы военных следственных органов;

2) организационное обеспечение работы военных следственных органов: а) выделение работников местных органов внутренних дел для включения в состав следственно-оперативных групп; б) ориентирование работников следственно-оперативных групп на местности; в) введение их в оперативную обстановку; г) помощь в организации и проведении различных следственных и иных действий; д) организацию экспертных исследований;

3) информационное обеспечение военных следственных органов: предоставление возможностей беспрепятственно знакомиться с данными различных учетов и картотек, материалами прекращенных и приостановленных уголовных дел, отказными материалами, административными производствами;

4) оперативное обеспечение военных следственных органов: а) снабжение оперативной информацией; б) непосредственный вывод на ее источники; в) выполнение оперативно-розыскных мероприятий; г) ознакомление с материалами дел оперативного учета[51].

В свою очередь, военные следственные органы могут снабжать местные органы внутренних дел информацией, необходимой для раскрытия особо тяжких насильственных преступлений, связанных с посягательствами на жизнь и здоровье граждан, постоянно или временно прожива-

---

[51] *Григорьев В.Н.* Расследование преступлений в чрезвычайных условиях: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1993. С. 245—246.

ющих в районах вооруженного конфликта, по находящимся в их производстве уголовным делам[52].

Взаимодействие с оперативной группой центрального подчинения МВД России (Оперативно-розыскным бюро-2 Северо-Кавказского оперативного управления ГУ МВД России по Южному федеральному округу). Наибольшую сложность представляет на практике организация взаимодействия на уровне создания адекватных организационных форм их совместной деятельности. В обычных мирных условиях оно осуществляется путем привлечения должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, к работе следственной группы (п. 2 ст. 163 УПК РФ). Однако в районах вооруженного конфликта нигде таких объединений не было и везде наблюдалось четкое разграничение следственной и оперативной групп по всей иерархии. Руководители оперативной группы сохраняли независимость от руководителей следственной группы и занимались своими задачами, а взаимодействие сводилось к решению лишь некоторых общих оперативно-следственных задач, проведению изредка рабочих встреч и совещаний.

Опыт работы в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) впервые продемонстрировал необходимость создания специального органа в Вооруженных Силах Российской Федерации, наделенного оперативно-розыскными полномочиями (военной полиции), который должен иметь для всех воинских формирований общую юрисдикцию, независимо от подчиненности или ведомственной принадлежности воинской части или подразделения. «Необходимость создания этого органа настолько очевидна, что никакого разумного объяснения вывода такой огромной сферы социальной жизни, как Вооруженные Силы, из зоны действия криминальной милиции и соответствующих служб по организованной преступности нет. Материальные затраты на создание в войсках указанной структуры давно бы уже многократно окупились пресечением беспрецедентного разворовывания армии»[53].

До создания аналога такого органа необходимо выделять часть сотрудников оперативной группы МВД для работы в интересах военных следственных органов и включать их в состав отдельных предметных, территориальных и персональных следственно-оперативных групп. Работая в непосредственном контакте с оперативной группой, нацеленной на раскрытие преступлений в воинских формированиях, следователи военных следственных органов смогли бы все силы направлять непосредственно на исполнение своих прямых служебных обязанностей — производство следственных действий. Существенную помощь может оказать экспертное подразделение МВД и при проведении некоторых видов наиболее сложных судебных экспертиз.

---

[52] Совместный приказ прокурора Чеченской Республики, военного прокурора ОГВ (с), начальника УФСБ РФ по Чеченской Республике, министра внутренних дел Чеченской Республики, начальника ВОГ УВКР ФСБ РФ, заместителя командующего ОГВ (с) МВД РФ и внутренних войск МВД РФ «О введении в действие Инструкции по взаимодействию правоохранительных органов на территории Северо-Кавказского региона при расследовании особо тяжких насильственных преступлений, связанных с посягательствами на жизнь и здоровье граждан, постоянно или временно проживающих на территории Чеченской Республики» № 8/7/257/10/25/397/113.

[53] *Иншаков С.М.* Военная криминология: Учебник: В 2 кн. М., 2001. Кн. 1. С. 349—350.

Для оперативного расследования преступлений в районах вооруженного конфликта необходимы устойчивая связь с информационным центром МВД России либо создание мобильного филиала этого центра для получения оперативной информации. Так, например, в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) все необходимые справки и информацию следователи военной прокуратуры получали кружным путем через военную прокуратуру СКВО или ГВП, которые, в свою очередь, обращались к военным прокурорам по месту источника информации в различных регионах страны, а они — в органы МВД, непосредственно владеющие этой информацией[54].

Взаимодействие со следственными бригадами Генеральной прокуратуры Российской Федерации (Управлением Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Южном федеральном округе) и органами территориальной прокуратуры. В период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) никаких проблем во взаимодействии со следственными бригадами Генеральной прокуратуры, а также с Кавказской межрегиональной прокуратурой не возникало. При этом, например, только в 1996 г. более 7,5 % офицеров военной прокуратуры были непосредственно включены в состав этих следственных бригад. Часть уголовных дел возбуждалась военными прокурорами и впоследствии принималась к производству этими следственными бригадами. Главной военной прокуратурой был решен и вопрос о производстве в интересах этих следственных групп значительного количества судебных экспертиз силами дислоцированных на территории СКВО судебно-медицинских лабораторий.

В период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) было издано совместное распоряжение прокуратуры Чеченской Республики и военной прокуратуры ОГВ (с) «О создании совместных следственных групп» от 30 ноября 2002 г. № 15, регламентирующее порядок и методы взаимодействия на начальном этапе расследования уголовных дел, возбужденных по фактам незаконного задержания и похищения людей. В соответствии с данным распоряжением в каждом административно-территориальном образовании Чеченской Республики создавались постоянно действующие следственные группы, состоящие из следователей и прокуроров-криминалистов территориальной и военной прокуратур. Уголовные дела указанной категории возбуждались следователями территориальной прокуратуры и расследовались совместно со следователями военной прокуратуры. При установлении факта совершения преступления военнослужащими уголовное дело передавалось для дальнейшего расследования в органы военной прокуратуры по месту совершения преступления.

Кроме того, был отработан и механизм оперативного взаимодействия военной прокуратуры ОГВ (с) с прокуратурой и Правительством Чеченской Республики путем создания совместной рабочей группы, оперативно реагирующей на сигналы о противоправных действиях, совершаемых военнослужащими. Работниками аппарата военной прокуратуры ОГВ (с) еженедельно совместно с прокурором Чеченской Республики и

[54] *Гаветo С.Э.* Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в условиях вооруженного конфликта (по материалам практики работы военной прокуратуры в Чеченской Республике в 1994—1996 гг.). С. 110.

представителями Правительства Чеченской Республики проводился прием граждан[55].

Взаимодействие с органами безопасности в войсках[56]. Приоритетными направлениями взаимодействия военных следственных органов и органов безопасности в войсках является борьба со следующими преступлениями: присвоением или растратой чужого имущества, злоупотреблением должностными полномочиями, получением или дачей взятки (ст.ст. 160, 285, 290, 291 УК РФ); терроризмом (ст. 205 УК РФ); политическим, национальным и религиозным экстремизмом (ст.ст. 280, 282 УК РФ); незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ (ст.ст. 222, 223, 225, 226 УК РФ); вовлечением военнослужащих в деятельность организованных преступных групп (ст. 210 УК РФ) и наемничеством (ст. 359 УК РФ).

Как показал опыт следственной работы в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007), взаимодействие органов военной прокуратуры с органами безопасности в войсках на стадии предварительного следствия осуществлялось по следующим двум направлениям:

1) оперативно-розыскное обеспечение предварительного следствия по уголовным делам с момента их возбуждения (принятия к производству) до окончания расследования;

2) совместная работа по производству розыскных и следственных действий.

К основным формам организации взаимодействия следователей военных следственных органов и органов безопасности в войсках, способам его осуществления, а также условиям, способствующим эффективности взаимодействия, относятся: а) ориентирование следователей военных следственных органов в расстановке сил и общественно-политической ситуации в регионе; б) представление в военные следственные органы результатов оперативно-розыскной деятельности[57]; в) содействие военным следственным органам оперативно-техническими средствами; г) уведомление в установленном порядке о преступлениях и происшествиях; д) разработка согласованных планов; е) проведение совместных совещаний; ж) создание следственно-оперативных групп для расследования преступлений и проведения оперативно-розыскных мероприятий и т. п.[58]

---

[55] *Хубиев Б.М., Мишин А.Г.* Некоторые вопросы организации работы органов военной прокуратуры в Чеченской Республике // Ведомости Главной военной прокуратуры. 2003. № 2. С. 20—24.

[56] Под органами безопасности в войсках понимаются: Управление военной контрразведки ФСБ России, управления (отделы) ФСБ России по округам, флотам и объединениям центрального подчинения.

[57] Совместный приказ МВД РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, ФТС, СВР РФ, ФСИН РФ, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков и МО РФ «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд» от 17 апреля 2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147.

[58] Совместный приказ ГП РФ и ФСБ РФ «Об утверждении Инструкции о порядке осуществления взаимодействия органов военной прокуратуры и органов безопасности в войсках в борьбе с преступностью и укреплением законности в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских формированиях и органах» от 6 октября 1999 г. № 233/522.

Взаимодействие с командирами воинских частей. От своевременности, организованности и многообразия форм взаимодействия военных следственных органов с командирами воинских частей как органами дознания и военного управления в значительной мере зависит успех различных следственных мероприятий, работа военных следственных органов в целом.

На основе обобщения опыта следственной работы в районах вооруженного конфликта выделяются следующие основные направления взаимодействия:

1) проведение неотложных следственных действий[59];

2) выделение для военных следственных органов оружия, боеприпасов, бронетехники, средств защиты, организация охраны, питания, размещения, медицинского и бытового обеспечения;

3) обмен информацией о состоянии и тенденциях развития оперативной обстановки в регионе, дислокации, численности, вооружении и боевых возможностях НВФ;

4) привлечение военнослужащих в качестве понятых и статистов;

5) оказание технической помощи в проведении некоторых следственных действий;

6) участие следователей военных следственных органов в мероприятиях по обеспечению проведения войсковых операций по ликвидации НВФ в населенных пунктах в целях оперативного расследования преступлений, связанных с гибелью или причинением вреда гражданскому населению в результате применения средств поражения;

7) участие следователей военных следственных органов в мероприятиях по обеспечению проведения локальных (адресных) специальных операций по установлению местонахождения и задержанию отдельных участников НВФ («зачисток») в целях оперативного расследования преступлений, совершаемых военнослужащими, привлекаемыми к специальным мероприятиям в отношении гражданского населения (похищения, грабежи, разбои и т. п.).

Наибольший эффект взаимодействия достигается в том случае, когда воинское подразделение постоянно придано военно-следственному органу на длительный срок. Это дает возможность военнослужащим освоить непривычные функции, а следователям научиться использовать их помощь. В конечном итоге появляется возможность для формирования мобильных и автономно действующих в боевых порядках войск следственно-оперативных групп (звеньев), что имеет немаловажное значение для сокращения сроков и повышения качества расследования преступлений в районах вооруженного конфликта.

Одним из новых направлений взаимодействия военных следственных органов с командирами воинских частей в районах вооруженного конфликта является участие следственно-оперативных групп (звеньев) в мероприятиях по обеспечению проведения войсковых операций по ликвидации НВФ в населенных пунктах, в рамках активной фазы вооруженного конфликта немеждународного характера. При расследовании уголовных дел о гибели и причинении вреда гражданскому населению в результате применения средств поражения юридической оценке подле-

[59] Приказ министра обороны Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Инструкцию органам дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба» от 19 декабря 2003 г. № 446.

жат не только действия военнослужащих или иных представителей фе
деральных сил, но и обусловившие их преступные деяния участников
НВФ, так как в ряде случаев вред причиняется гражданскому населе
нию при открытии огня (зачастую ответного) военнослужащими феде
ральных сил по установленным координатам нахождения участников
НВФ. При установлении факта причинения вреда охраняемым уголов
ным законом интересам гражданского населения военнослужащими в
состоянии крайней необходимости (ст. 39 УК РФ) уголовное дело по
сле принятия решения о прекращении в отношении их уголовного пре
следования подлежит направлению по подследственности в территори
альные правоохранительные органы для дальнейшего расследования и
привлечения виновных — участников НВФ к уголовной ответственно
сти. В условиях вооруженного конфликта немеждународного характера
любые акции, связанные с применением силы в населенных пунктах,
должны по возможности тщательно документироваться, что позволит
сохранить доказательства, а в случае предъявления претензий — на
глядно обосновать правомерность предпринятых действий.

Так, в средствах массовой информации широко освещался и коммен
тировался представителями неправительственных правозащитных орга
низаций случай гибели в декабре 2000 г., в ходе проведения контртерро
ристических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007), в ре
зультате минометного обстрела со стороны федеральных войск студен
тов Грозненского университета. В ходе предварительного расследова
ния достоверно установлено, что вначале обстрелу со стороны участни
ков НВФ подверглись саперы, проводившие инженерную разведку мест
ности, в результате чего один военнослужащий погиб. Ответным миномет
ным огнем часть боевиков НВФ была уничтожена. Однако в результате
разлета осколков погибли также и студенты, находившиеся во время пере
рыва между занятиями на улице в непосредственной близости от места
происшествия. Уголовное дело после принятия соответствующего процес
суального решения в отношении военнослужащих было направлено для
дальнейшего расследования в органы территориальной прокуратуры.

Важное значение для документирования противоправных действий
конфликтующих сторон имеет своевременный осмотр места боя после
проведения войсковой операции. Так, 16 апреля 1996 г. при получении
сигнала о гибели колонны 245-го и 324-го мотострелковых полков в
Аргунском ущелье вблизи с. Ярышмарды незамедлительно было воз
буждено уголовное дело и для осмотра места происшествия и выполне
ния других следственных действий на вертолете направлена следствен
ная группа. Оперативно прибыв на место происшествия, члены след
ственной группы фактически застали окончание боевых действий по
вытеснению боевиков НВФ и только после их завершения приступили
к выполнению своих обязанностей. Параллельно с проведением осмот
ра места происшествия соответствующими службами оказывалась по
мощь раненым и эвакуировались тела погибших военнослужащих. Вся
работа проводилась в тесном контакте с воинскими подразделениями и
при непосредственном участии офицеров военной прокуратуры в войс
ковой операции. По данному уголовному делу был проведен осмотр
заранее подготовленных боевиками НВФ огневых позиций засады, из
которых они вели стрельбу по колонне[60].

[60] *Гавето С.Э.* Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в условиях вооруженного конфликта (по материалам практики работы военной прокуратуры в Чеченской Республике в 1994—1996 гг.). С. 111.

Следственные действия на месте происшествия по уголовному делу о гибели военнослужащих в результате неправильного применения капитаном К. установки разминирования УР-77[61] также проводились фактически с участием офицеров военной прокуратуры в войсковой операции по установлению контроля над с. Алды, на окраинах которого в результате взрыва удлиненного заряда разминирования погибли 26 и получили ранения 23 военнослужащих отряда спецназначения ОДОН и сотрудников сводного отряда ОМОН УВД Кемеровской области. Следственные действия проводились одновременно с разминированием территории и под прикрытием групп защиты от снайперов[62].

Другим новым направлением взаимодействия военных следственных органов с командирами воинских частей в районах вооруженного конфликта немеждународного характера является участие сотрудников военных следственных органов и военной прокуратуры в мероприятиях по обеспечению проведения локальных (адресных) специальных операций по установлению местонахождения и задержанию отдельных участников НВФ («зачистках») в рамках пассивной фазы вооруженного конфликта немеждународного характера.

Однако, несмотря на то, что контртеррористические операции проводятся на основе принципов законности, приоритета защиты прав лиц, подвергающихся опасности в результате террористической акции, отдельные представители силовых структур, входящих в состав ОГВ (с) в Северо-Кавказском регионе, допускают превышения предоставленных им полномочий и злоупотребления ими. Расследование преступлений, совершенных лицами, привлекаемыми к специальным мероприятиям, на начальном этапе расследования связано с определенными сложностями по установлению этих лиц. Это обусловлено привлечением к проведению контртеррористических операций значительного количества сил и средств различных силовых структур, большого количества людей и техники, засекреченностью сведений о проведении специальных мероприятий.

Так, согласно приказу командующего ОГВ (с) «Об утверждении Инструкции по взаимодействию должностных лиц при проведении специальных операций на территории Чеченской Республики» от 1 февраля 2003 г. № 34, которая детально регламентирует взаимодействие должностных лиц и военнослужащих ОГВ (с) с работниками органов военной прокуратуры во время проведения специальных операций на территории республики, начальник оперативного отдела штаба ОГВ (с) отвечает за организацию и ведение в ОГВ (с) автоматизированного учета сведений обо всех проведенных контртеррористических (специальных) операциях, об участвующих в них подразделениях, количестве задержанных лиц (с указанием их анкетных данных, сведений о результатах проверки на причастность к НВФ или совершении ими каких-либо правонарушений, а также данных об их местонахождении на момент окончания спецоперации и последующей передачи должностным лицам правоохранительных органов либо другим лицам), количестве и серийном номере (маркировке) изъятого оружия, данных о поступивших жалобах граждан и результатах их разрешения, данных об уничтоженных в ходе

[61] Уголовное дело 14/21/0046-95 // Архив военной прокуратуры в/ч 44662.

[62] *Гавето С.Э.* Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в условиях вооруженного конфликта (по материалам практики работы военной прокуратуры в Чеченской Республике в 1994—1996 гг.). С. 111—112.

спецопераций участниках НВФ, в том числе неопознанных; за своевременное уведомление военного прокурора ОГВ (с) о поступлении приказа о планировании специальной операции.

В свою очередь, руководитель специальной операции отвечает за обеспечение условий для осуществления прокурорского надзора в ходе операции и обязан:

1) заблаговременно проинформировать дежурного офицера военной прокуратуры ОГВ (с) о дате начала операции и сроках ее проведения, месте и времени проведения инструктажа командиров воинских частей (подразделений), привлекаемых к проведению операции;

2) обеспечить своевременное поступление боевых распоряжений о проведении спецопераций в военную прокуратуру ОГВ (с) и присутствие военного прокурора при проведении инструктажа командиров воинских частей (подразделений), привлекаемых к специальной операции;

3) проинструктировать командиров воинских частей (подразделений) о порядке связи с военным прокурором;

4) проверить знание командирами воинских частей обязанностей начальника органа дознания и готовность к их выполнению в ходе спецоперации;

5) обеспечить офицера военной прокуратуры на время проведения спецоперации рабочим местом, охраной и средствами связи;

6) во время спецоперации ежедневно с участием военного прокурора проводить совещания, на которых рассматривать вопросы о законности действий военнослужащих в ходе спецоперации, а также информировать военного прокурора о совершенных преступлениях и происшествиях;

7) при поступлении жалоб от местного населения на действия военнослужащих принимать меры к их оперативному разрешению, о содержании жалоб и результатах их разрешения информировать военного прокурора;

8) обеспечивать военного прокурора транспортом, охраной и средствами связи при выездах на места происшествия;

9) в течение пяти суток направить в военную прокуратуру ОГВ (с) копии отчета о проведении спецоперации и актов об отсутствии претензий со стороны местных жителей в населенных пунктах, где проводились операции.

В частности, начальник штаба спецоперации обязан обеспечить сбор всей информации по составу досмотровых и разведывательных групп (списки), зонах, в которых ими выполняются задачи, задержанию граждан и применению оружия, представлять данную информацию военному прокурору, осуществляющему надзор при проведении спецоперации;

Командир воинской части, привлекаемой к проведению специальной операции, обязан:

1) назначить дознавателей из числа наиболее подготовленных офицеров из расчета не менее двух дознавателей от каждой воинской части;

2) проверить знание дознавателями своих обязанностей и их подготовку к участию в спецоперации;

3) обеспечить предварительную стажировку и инструктаж дознавателей в военных прокуратурах гарнизонов по месту дислокации воинской части на территории Чеченской Республики;

4) проверить знание командирами воинских подразделений порядка связи с военным прокурором;

5) обеспечить проведение неотложных следственных действий по фактам применения военнослужащими оружия, физической силы, с получе-

ием письменных объяснений. Материалы расследований представлять военному прокурору, осуществляющему надзор за спецоперацией.

Командир воинского подразделения, привлекаемого к проведению спецоперации, обязан незамедлительно уведомлять военного прокурора обо всех правонарушениях, в течение суток проводить административные расследования и представлять письменные материалы начальнику штаба спецоперации для последующего направления военному прокурору.

Начальник фильтрационного пункта несет личную ответственность за соблюдение законности при проведении проверок в отношении задержанных лиц, в связи с чем он обязан:

1) получить инструктаж у руководителя специальной операции в присутствии военного прокурора;

2) исключить допуск к проверяемым лицам любых лиц, в том числе должностных, за исключением военного прокурора и лиц, назначенных письменным приказом руководителя спецоперации;

3) в любое время обеспечить беспрепятственный допуск к проверяемым лицам военного прокурора для проверки законности задержания граждан;

4) обо всех происшествиях и преступлениях, совершенных на фильтрационном пункте, незамедлительно уведомлять военного прокурора;

5) обо всех жалобах и заявлениях проверяемых лиц безотлагательно уведомлять военного прокурора;

6) по окончании спецоперации и прибытии в штаб ОГВ (с) в течение пяти суток представить офицеру военной прокуратуры, принимавшему участие в спецоперации, отчет с указанием общего количества доставленных на фильтрационный пункт, количества задержанных лиц с указанием должностных лиц правоохранительных органов, которым они были переданы.

Во всех случаях, когда в ходе специальной операции уничтожаются члены НВФ либо лица, оказывающие военнослужащим вооруженное сопротивление[63], командир воинской части (подразделения), военнослужащие которого привлекаются к проведению специального мероприятия, обязан:

1) о происшествии незамедлительно, используя все возможные каналы связи, доложить в военную прокуратуру гарнизонного звена либо в военную прокуратуру ОГВ (с);

2) назначить служебное (административное) расследование по данному факту, определив конкретного военного дознавателя, отвечающего за сбор, оформление и передачу в военную прокуратуру необходимых документов;

3) обеспечить передачу в трехдневный срок в военную прокуратуру материалов расследования;

4) в соответствии с требованиями Федерального закона «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ (с изменениями от 7 августа 2000 г., 21 ноября 2002 г., 30 июня 2003 г.) организовать захоронение уничтоженного боевика.

[63] Совместный приказ заместителя министра внутренних дел РФ — руководителя РОШ по проведению КТО на территории СКР РФ и военного прокурора ОГВ (с) «Об утверждении Инструкции по взаимодействию военнослужащих ОГВ (с), должностных лиц органов ФСБ и специальных сил с органами военной прокуратуры во время проведения КТО на территории СКР РФ в случаях боестолкновений, в ходе которых были ликвидированы (уничтожены) члены НВФ либо лица, оказавшие вооруженное сопротивление» 2005 г.

Руководитель специального мероприятия, в ходе которого были ли видированы член НВФ либо лица, оказывавшие военнослужащим во оруженное сопротивление, обязан:

1) о происшествии незамедлительно, используя все возможные кана лы связи, доложить непосредственному командованию и уведомить бли жайший военный либо территориальный правоохранительный орган;

2) организовать охрану места происшествия и сохранность веществен ных доказательств до прибытия следственно-оперативной группы (СОГ);

3) по прибытии членов СОГ оказать им содействие в установлении истинных обстоятельств происшедшего, свидетелей, обеспечить безопас ность работы членов группы, предварительно проверив местность на пред мет отсутствия взрывных устройств и выставив посты наблюдения;

4) в случае невозможности оперативного прибытия СОГ силами наи более подготовленных военных дознавателей подразделения в соответ ствии с требованиями ст.ст. 144—145 УПК РФ организовать осмотр места происшествия (трупа) по возможности с применением фото-, ви деосъемки, организовать изъятие с места происшествия вещественных доказательств и правильно их упаковать;

5) получить и представить в военную прокуратуру объяснения лиц, непосредственно участвовавших в боестолкновении, в результате кото рого был уничтожен член НВФ, а в случае, когда свидетелями боестол кновения являлись местные жители, — анкетные данные свидетелей с указанием их адресов, документов, удостоверяющих их личность, с ука занием, кем и когда эти документы выданы;

6) в случае, если боестолкновение произошло в населенном пункте, получить от руководителя администрации указанного населенного пун кта справку о наличии (отсутствии) претензий к военнослужащим, уча ствовавшим в операции, с указанием, какие именно претензии имеются и к кому;

7) по прибытии к месту постоянной дислокации представить командо ванию воинской части (подразделения) рапорт о происшествии и доку менты, составленные на месте происшествия.

Военный дознаватель обязан:

1) по указанию руководителя специального мероприятия провести осмотр места происшествия (трупа) в соответствии с требованиями УПК РФ и методическими рекомендациями;

2) по указанию командира воинской части (подразделения) в течение трех суток провести служебное расследование, материалы которого пе редать в военную прокуратуру для решения вопроса о правомерности применения оружия.

Военные прокуроры гарнизонов ОГВ (с), получив сообщение, в соот ветствии с требованиями приказа главного военного прокурора 2002 г. № 180 должны незамедлительно доложить о происшествии дежурному по военной прокуратуре ОГВ (с), поставить в известность руководителей территориальных правоохранительных органов, согласовав состав след ственно-оперативной группы и время выезда на место происшествия.

Таким образом, исходя из вышеизложенного организация взаимодей ствия военных следственных органов с органами внутренних дел, терри ториальной прокуратуры, органами безопасности в войсках, командира ми воинских частей в районах вооруженного конфликта требует про фессионального подхода и является реальным резервом повышения эф фективности раскрытия и расследования преступлений.

Раздел III. Технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений в районах вооруженного конфликта

Глава 1. Использование специальных знаний в «полевых» условиях в районах вооруженного конфликта

Впервые научное осмысление термина «полевая криминалистика» дал в конце 70-х гг. прошлого века Р.С. Белкин[1]. И хотя он постоянно отмечал, что этот термин отсутствует в языке криминалистической науки, потому что не существует такого научного понятия, которое обозначалось бы этим термином, тем не менее, во всех своих фундаментальных работах по криминалистике он вновь и вновь обращался к возможному варианту решения проблем «полевой криминалистики»[2]. Под этим условным названием он подразумевал те технико-криминалистические средства и методы работы с доказательствами, которые используются или могут быть использованы не в кабинете следователя или в лаборатории эксперта, а непосредственно в «полевых» условиях — на месте происшествия при его осмотре или при производстве на этом месте иных следственных действий или исследовательских экспертных операций[3].

К сожалению, за прошедшие четверть века лишь только один из ученых-криминалистов взялся за разработку рассматриваемой проблемы[4], хотя многие вопросы, относящиеся к «полевой криминалистике», давно перестали быть дискуссионными. Возникает резонный вопрос: почему сложилось такое отношение к этой важной проблеме? Представляется, что содержание указанного выше понятия несколько заужено и разработка данной проблемы в полном объеме возможна только в рамках концепции расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, когда не только производство отдельных следственных действий, но и все расследование в целом происходит в «полевых» условиях. И в этом случае речь должна идти уже не столько о проблеме «полевой криминалистики», сколько о проблеме «военно-полевой криминалистики». Ранее подобный термин, но относящийся к медицине, был введен в научный оборот в период Крымской войны (1853—1856) великим русским хирургом Н.И. Пироговым, который под «военно-полевой хирургией» как раз и понимал производство хирургических операций в полевых условиях в районе военных действий. И этот термин оказался настолько удачен, что до сих пор широко используется военными медиками.

---

[1] *Белкин Р.С.* Курс советской криминалистики: В 3 т. М., 1979. Т. 3. С. 41—64.

[2] См., например: *Белкин Р.С.* Криминалистика: Проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. М., 1988. С. 37—62; *Он же.* Курс криминалистики: В 3 т. М., 1997. Т. 3. С. 6—31.

[3] *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. Т. 3. С. 6.

[4] См.: *Чижиков И.С.* Проблемы полевой криминалистики: Дисс. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004; *Турчин Д.А., Чижиков И.С.* Полевая криминалистика и ее практическое применение. М., 2006.

Р.С. Белкин, исходя из сложившегося у него представления о пробле мах «полевой криминалистики», правомерно объединил их в следующие группы:

1) *проблемы технического характера:* принципы комплектования наборов технико-криминалистических средств; пределы технического оснащения следователя и специалиста для работы в «полевых» условиях; информационное обеспечение следственно-оперативной группы в «полевых» условиях;

2) *проблемы организационного характера:* централизация или де централизация средств «полевой криминалистики» и выбор оптимального решения о субъекте применения этих средств;

3) *проблемы методического характера:* определение принципиальной возможности проведения криминалистических экспертиз на месте происшествия; выявление круга задач, доступных для экспертного решения в «полевых» условиях[5].

Рассмотрим возможные варианты решения данных проблем, но применительно к районам вооруженного конфликта, т. е. к «военно-полевой криминалистике».

Принципы комплектования наборов технико-криминалистических средств. Основными задачами, которые решаются следователем в «полевых» условиях, являются поиск объектов, имеющих доказательственное значение, исследование обстановки того или иного места происшествия и запечатление обнаруженного.

Применительно к задаче поиска актуальны совершенствование существующих и разработка новых наборов технико-криминалистических средств для работы в «полевых» условиях, которые идут двумя путями: создание наборов универсального типа (общего назначения) и комплектование специализированных наборов.

В годы Великой Отечественной войны, как вспоминал бывший следователь военной прокуратуры 176-й стрелковой дивизии А.Д. Чернявский, «...у следователей, кроме командирской сумки, в которой были карандаши, ручка, пузырек с чернилами, бумага и огарок свечи, ничего не было. У нас не было магнитофонов, фотоаппаратов "Зоркий", приборов и химикалий для дактилоскопирования, но отпечатки пальцев мы проявляли пылью, пеплом, фотографировали стареньким фотоаппаратом "Фотокар", который был в редакции дивизионной газеты один, а вместо звукозаписи мы применяли воспроизводство обстановки происшествия. Причем воспроизводили в присутствии понятых и эксперта, который давал при этом соответствующее заключение. Не всегда и не всеми это одобрялось, были отдельные прокуроры, которые скептически относились к этим новшествам. Так, на Совещании лучших следователей в 1944 г. меня назвали "фоторепортером", а планы и схемы, которыми я часто иллюстрировал показания обвиняемого и свидетелей — "излишней роскошью"»[6].

Первыми наборами технико-криминалистических средств, которые стали в середине 40-х гг. прошлого века поступать на вооружение следователей и оперативных работников, были наборы универсального характера типа следственного чемодана (следственного вьюка, следственного портфеля) и оперативной сумки. Содержимое этих наборов группиро-

[5] *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. Т. 3. С. 7.

[6] *Чернявский А.Д.* Эти непоседливые юристы // Воспоминания военных прокуроров и военных следователей о Великой Отечественной войне. М., 1975. С. 538—539.

лось в четыре отдела: фотоотдел; отдел составления плана; отдел работы со следами; отдел подсобных технических средств[7]. По мере возрастания уровня технической оснащенности органов следствия расширился ассортимент технико-криминалистических средств, входящих в соответствующие наборы общего назначения. В дополнение к ним практические работники получили фотокомплект и специальный набор химических реактивов, также предназначенных для работы на месте происшествия.

С введением должностей прокуроров-криминалистов в ноябре 1954 г. в органах прокуратуры СССР для них был разработан специальный комплект технико-криминалистических средств, который «был задуман как дополняющий следственный комплект и расширяющий возможности последнего, за счет включения в него средств не только фиксирующей, но и поисковой и аналитической техники»[8]. Для экспертов органов внутренних дел были разработаны специальные комплекты, размещенные в так называемых экспертном чемодане и фоточемоданах. Однако эффективное применение технико-криминалистических средств на месте происшествия требовало некоторых дополнительных устройств и приспособлений, которые в комплекты не включались, так как были достаточно громоздки, и которые нередко не удавалось изыскать на месте происшествия. Их доставка и применение потребовали некоторых конструктивных переделок и приспособлений обычных транспортных средств, имеющихся в распоряжении органов прокуратуры, экспертно-криминалистической или дежурной службы органов внутренних дел.

В конце 60-х гг. прошлого века Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР и ОТУ МВД СССР разработали образец передвижной криминалистической лаборатории (ПКЛ) на шасси автомашины УАЗ-452а. Подобные лаборатории, но уже на шасси микроавтобуса РАФ-2203 (УАЗ-3741) используются на практике и в настоящее время. ПКЛ состоит из основного салона, используемого для перевозки людей, выполнения процессуальных и технических действий, и фотоотсека. Технико-криминалистические средства ПКЛ подразделяются на электротехническое оборудование; средства связи и сигнализации; средства для обнаружения, закрепления, изъятия, сохранения и предварительного исследования доказательств; фотопринадлежности и вспомогательные технические средства.

В настоящее время существуют три принципа комплектования наборов технико-криминалистических средств «полевой криминалистики»:

1) принцип универсализма, который предполагает только количественные отличия между различными наборами, зависящие от функциональных обязанностей субъекта правоохранительной деятельности (например, следственный набор, набор прокурора-криминалиста, набор эксперта-криминалиста и т. п.);

2) принцип специализации, согласно которому комплектуются экспертные наборы для работы с различными видами следов и иных вещественных доказательств (например, набор для работы со следами рук,

---

[7] Настольная книга следователя / Под ред. Г.Н. Сафонова. М., 1949. С. 332—336.

[8] *Селиванов Н.А., Сорокин В.С., Юрин Г.С.* Применение научно-технических средств, сосредоточенных в комплекте для прокурора-криминалиста. М., 1967. С. 4.

ног, транспорта, микрочастицами, документами, биологическими объектами и трупом).

Наборы, комплектуемые по одному из указанных двух принципов, по своим параметрам (размерам, весу, форме оболочки — сумка, кейс) рассчитаны на мускульную силу человека и приспособлены к ручной переноске, что, естественно, ограничивает ассортимент технико-криминалистических средств, входящих в эти наборы;

3) смешанный принцип. Комплексы технико-криминалистических средств, составляемые по этому принципу, могут быть трех типов: наборы универсального типа или специализированного типа с дополнительным лабораторно-техническим оборудованием либо наборы со сменным содержимым.

Комплекс технико-криминалистических средств указанных трех типов предполагает наличие автомобиля либо общего назначения, используемого только для транспортировки комплекса к месту его использования, либо специализированного — передвижной криминалистической лаборатории (ПКЛ).

Что касается набора со сменным содержимым, то сущность этой идеи заключается в следующем: при органе, ведущем расследование, имеется значительный по объему комплекс научно-технических средств, заранее не разложенных по наборам. Нужный набор формируется непосредственно перед выполнением следственного действия, в зависимости от характера последнего. Такая система использования техники обеспечивает возможность широкого выбора приборов и инструментов при сохранении относительной портативности выездного набора[9].

Решение вопроса о том, какому принципу комплектования технико-криминалистических средств для расследования преступлений в районах вооруженного конфликта следует отдать предпочтение, лежит уже не в технической, а в организационной плоскости, и на нем мы остановимся ниже.

В органах военной прокуратуры нормы снабжения технико-криминалистическими средствами и комплектация в целом не отличались от норм снабжения территориальных органов Прокуратуры СССР (Генеральной прокуратуры Российской Федерации), за исключением того, что на обеспечение военных прокуратур поступали передвижные криминалистические лаборатории (ПКЛ-72М), которые в 1972—1991 гг. монтировалась на шасси автомобиля повышенной проходимости ГАЗ-66. В целом это было правильное решение, так как большое количество обслуживаемых воинских частей и подразделений находилось на большом расстоянии от гарнизонных военных прокуратур, в местностях со слабо развитой инфраструктурой и тяжелыми климатическими условиями. Однако в условиях ведения боевых действий в период нахождения ОКСВ в Афганистане (1979—1989) этот фактор сыграл и отрицательную роль, так как при нападении на армейскую колонну, в составе которой находилась ПКЛ-72М, мятежники в первую очередь старались обстрелять и уничтожить именно ПКЛ-72М из-за ее сходства с командно-штабной машиной (КШМ), в которой находились командование, рация и авианаводчик.

---

[9] *Селиванов Н.А.* Современное состояние криминалистической техники и пути ее развития // Вопросы криминалистики. М., 1962. Вып. 5. С. 108.

Кроме того, органами военной прокуратуры активно использовалось и оборудование, находящееся на вооружении в поднадзорных частях, в плане возможности его применения при производстве следственных действий. Например, находящиеся на вооружении инженерных войск — миноискатели типа ИМП, искатели металлических боеприпасов (ИМБ), искатели мин с неконтактными взрывателями (радиофугасов) типа ИНМ; пограничных войск ФСБ России — приборы отбора запаха «Шершень» и т. д.

Что касается криминалистической службы органов военной прокуратуры, то она берет свое начало с ноября 1954 г., когда были введены по одной должности военных прокуроров-криминалистов в ГВП, военных округах (флотах), группах войск, а в военных прокуратурах объединений и гарнизонов — должности следователей — начальников ПКЛ. Вскоре в целях координации и организации методического руководства ее работой в составе Следственного управления ГВП был образован отдел внедрения научно-технических средств криминалистики в следственную практику, преобразованный в отдел криминалистики и методики 2-го управления надзора за исполнением законов органами предварительного следствия, дознания и оперативно-розыскной работы, а затем 4-е управление надзора за исполнением законов при расследовании преступлений, в состав которого входила криминалистическая группа.

Сложная криминогенная обстановка в Российской Федерации в 90-х гг. прошлого века, задачи усиления борьбы с преступностью, повышения роли следственного аппарата прокуратуры в раскрытии и расследовании тяжких преступлений, в том числе и совершенных в районах вооруженного конфликта, потребовали как максимального и целенаправленного использования криминалистических подразделений органов прокуратуры, так и организации криминалистической службы на принципиально новом уровне. В 1997 г. ГВП, реализуя приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об улучшении организации работы прокуроров-криминалистов» от 27 января 1997 г. № 4, начала реорганизацию системы криминалистического обеспечения работы органов военной прокуратуры и формирование криминалистической службы в органах военной прокуратуры. В результате проделанной работы главным военным прокурором был издан приказ «Об организации криминалистической службы в органах военной прокуратуры, совершенствовании работы по раскрытию преступлений, розыску похищенного и утраченного оружия и боеприпасов» от 14 октября 1997 г. № 175, которым были введены Инструктивно-методические указания СУ-426 «Об организации нештатных криминалистических подразделений, работе по делам о нераскрытых преступлениях в органах военной прокуратуры». В результате проведенной организационно-штатной работы в настоящее время во всех военных прокуратурах окружного звена функционируют криминалистические отделы или группы. Кроме того, в 2002 г. создана криминалистическая группа в военной прокуратуре ОГВ (с) на Северном Кавказе. В военных прокуратурах крупных гарнизонов (объединений) успешно работают 34 отдела и группы раскрытия тяжких преступлений, а в остальных военных прокуратурах, где это позволяет штатная численность, действуют нештатные группы раскрытия тяжких преступлений. Если на момент создания криминалистической службы в конце 1997 г. в штатах органов военной прокуратуры в 248 военных прокуратурах находилось 23 военных прокурора-криминалиста и 157 следова-

телей — начальников ПКЛ (7 % от общей численности офицеров органов военной прокуратуры), то уже в 2000 г. штатная численность офицеров криминалистической службы органов военной прокуратуры всех звеньев составила 216 человек, в 2001 г. — 396 человек (+54 %), в 2002 г. — 397 человек (+0,3 %), в том числе: 8 человек — в ГВП, 39 человек — в военных прокуратурах окружного звена, 350 человек — в военных прокуратурах гарнизонов и объединений, а удельный вес офицеров-криминалистов на 31 декабря 2002 г. составил 11,4 % от общей численности офицеров органов военной прокуратуры (2,3 % прокурорских работников и 9,1 % следователей). Офицерами криминалистической службы органов военной прокуратуры всех звеньев за последние три года обеспечивается раскрытие свыше 40 % преступлений, в том числе: более 50 % убийств, свыше половины случаев хищений оружия и боеприпасов. При этом, с увеличением их штатной численности эти показатели ежегодно улучшаются.

В результате деятельности криминалистической службы органов военной прокуратуры удалось, наряду с повышением уровня раскрываемости преступлений, повысить и качественный уровень технико-криминалистического обеспечения органов военной прокуратуры.

Так, например, в 2002 г. по сравнению с 2001 г. по расследованным преступлениям около 14 тыс. (73 %) и 15,5 тыс. (65 %) раз применялись технико-криминалистические средства, в том числе: судебная фотография — 12 572 (13 705) раз; видеозапись — 571 (682) раз; звукозапись — 279 (330) раз; дактилоскопические порошки и поисковые приборы — более 500 (более 700) раз[10].

Впервые в 1997 г. были утверждены отдельным ведомственным актом нормы снабжения криминалистической и организационной техникой органов военной прокуратуры, которые предусматривают пять вариантов обеспечения, отличающихся количеством технико-криминалистических средств и организационной техники в зависимости от численности оперативного состава: норма № 1 (для ГВП); № 2 (для военной прокуратуры округа, флота, вида войск); № 3 (для военной прокуратуры гарнизона со штатной численностью более 16 офицеров); № 4 (для военной прокуратуры гарнизона со штатной численностью от 8 до 15 офицеров); № 5 (для военной прокуратуры гарнизона со штатной численностью менее 8 офицеров)[11].

Впервые с 2001 г. в государственный оборонный заказ стали включаться потребности органов военной прокуратуры в технико-криминалистических средствах. Так, в 2001 г. были реализованы контракты на сумму более 26,8 млн руб., в 2002 г. — на сумму около 25 млн руб., и были направлены в военные прокуратуры соответственно 32 и 30 подвижных криминалистических лабораторий (ПКЛ) на базе автомобиля УАЗ-3909, а также 500 и 771 криминалистический комплект различного назначения.

---

[10] См.: Обзор раскрываемости преступлений, состояния криминалистического обеспечения предварительного следствия в органах военной прокуратуры в 2001 г. (№ 3У-135 от 19 февраля 2002 г.); Обзор раскрываемости преступлений, состояния криминалистического обеспечения предварительного следствия в органах военной прокуратуры в 2002 г. (№ 3У-328 от 19 марта 2003 г.).

[11] Приказ министра обороны Российской Федерации «О введении в действие Норм снабжения криминалистической и организационной техникой военных прокуратур» от 21 декабря 1997 г. № 477.

В 2001 г. по заказу ГВП и с учетом требуемой комплектации наборов ...нико-криминалистических средств «полевой криминалистики», в связи ... спецификой расследования преступлений органами военной прокуратуры, ГУП «Союзспецоснащение» разработало для работы в «полевых» условиях: унифицированный криминалистический комплект для работы на месте происшествия прокурора-криминалиста (сумка № 1) и ...дователя (сумка № 2); криминалистический комплект № 1 для макси... и микрофотосъемки; криминалистический комплект № 2 для работы со следами наложения в виде микрочастиц; криминалистический ...мплект № 3 для работы с биологическими объектами и трупом; криминалистический комплект № 4 для работы со следами пальцев рук; криминалистический комплект № 5 для работы со следами ног и транспорта; криминалистический комплект № 6 для работы с документами (рис. 1).

Рис. 1. Унифицированные криминалистические комплекты для работы на месте происшествия

Для работы в «полевых» условиях в районах вооруженного конфликта в целях выявления следов и иных вещественных доказательств, необходимых для раскрытия преступлений, для следователей военной прокуратуры был разработан не имеющий аналогов не только в Российской Федерации, но и за рубежом унифицированный облегченный криминалистический комплект на базе разгрузочного жилета (рис. 2), в состав которого входят: фотоаппарат, диктофон, фонарь, лупа с подсветкой, металлоискатель, ультрафиолетовый осветитель, микроскоп портативный 30-кратный, пробник электрический, калькулятор, компас, линейки, рулетка, набор слесарного инструмента, пинцет, скальпель, резиновые перчатки. Этот комплект может располагаться в одной сумке.

Рис. 2. Унифицированный облегченный криминалистический комплект на базе разгрузочного жилета

Рис. 3. Передвижная криминалистическая лаборатория (ПКЛ) на базе шасси КАМАЗ-43101

Кроме того, для работы в районах вооруженного конфликта был создан новый образец ПКЛ на базе шасси КАМАЗ-43101 с колесной формулой 6 х 6 для криминалистического обеспечения следственно-оперативной группы (звена) в составе четырех человек в «полевых» условиях при автономном режиме работы (рис. 3).

В комплектацию ПКЛ входят все вышеперечисленные криминалистические комплекты; магнитный искатель-подъемник (МОС-70); магнитный трал (МТ-1); выносные галогеновые осветители-прожектора; автономный бензиновый электрогенератор; автономный дизельный отопитель; холодильник и кондиционер автомобильный; преобразователь напряжения, стабилизированный для работы с компьютером; шанцевый инструмент, газовая плита, выносная складная мебель, боковой тент. На крыше кузова ПКЛ оборудована площадка для фото- и видеосъемки с верхней точки.

Представляется, что базовую комплектацию ПКЛ необходимо пополнить двумя персональными компьютерами типа IBM PC (защищенными промышленными ноутбуками повышенной прочности в металлическом корпусе TS Strong@Master 7020T)[12] (рис. 4) с защитными контейнерами для транспортировки[13] (рис. 5), пятью малогабаритными карманными компьютерами (защищенными промышленными карманными компьютерами повышенной прочности в металлическом корпусе «Кулон»[14] (рис. 6), лазерным фотопринтером, планшетным сканером, источником бесперебойного питания (ИБП), ксероксом, цифровой видеокамерой, видеомагнитофоном (DVD-плеером), цифровыми фотоаппаратами, фотограмметрической стереокамерой, радиосвязным оборудованием, портативным газоанализатором для поиска трупов или его частей (ПГИ-1), электронно-оптическим преобразователем (прибором ночного видения – ПНВ), универсальным компьютерным полиграфом (КИ-2002) (рис. 7), компьютеризированным металлоискателем «Стерх мастер» (рис. 8),а также переносной ширмой для проведения опознания (рис. 9).

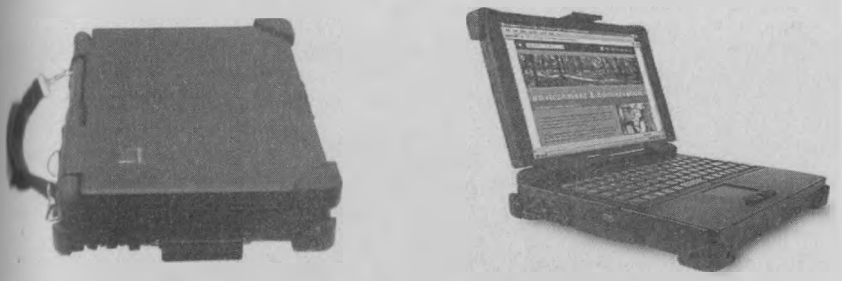


Рис. 4. Защищенный промышленный ноутбук повышенной прочности в металлическом корпусе TS Strong@Master 7020T

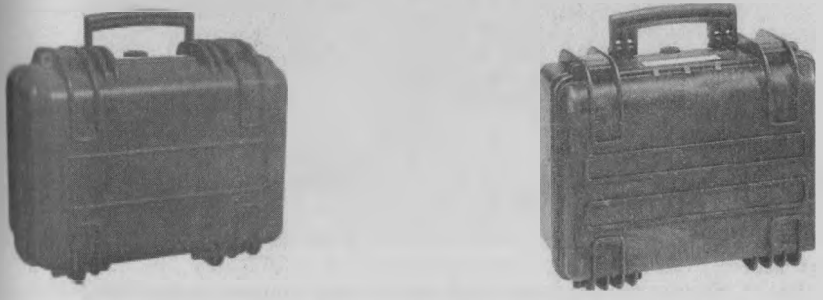


Рис. 5. Герметичные транспортные чемоданы-контейнеры для защиты оборудования от агрессивных внешних воздействий (модели 3317 и 3818)

[12] Промышленные ноутбуки 7020T успешно прошли испытания на устойчивость к одиночным (120 g) и многократным ударам (15 g), вибрационным нагрузкам (6 g), воздействию соляного тумана, электромагнитным полям до 30 В/м (4 ГГц), другим внешним воздействующим факторам (более 30).

[13] Имеющими влагоизоляцию и клапан давления.

[14] Имеет размеры 90 х 150 х 33 мм и весит 450 г.

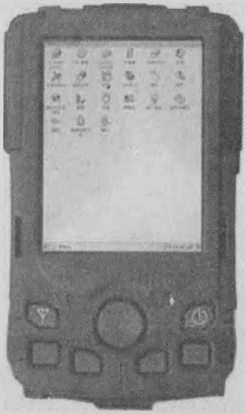


Рис. 6. Промышленный защищенный карманный компьютер «КУЛОН»

Рис. 7. Комплект универсального компьютерного полиграфа (КИ-2002) для осуществления психофизиологического метода «детекции лжи» в полевых условиях

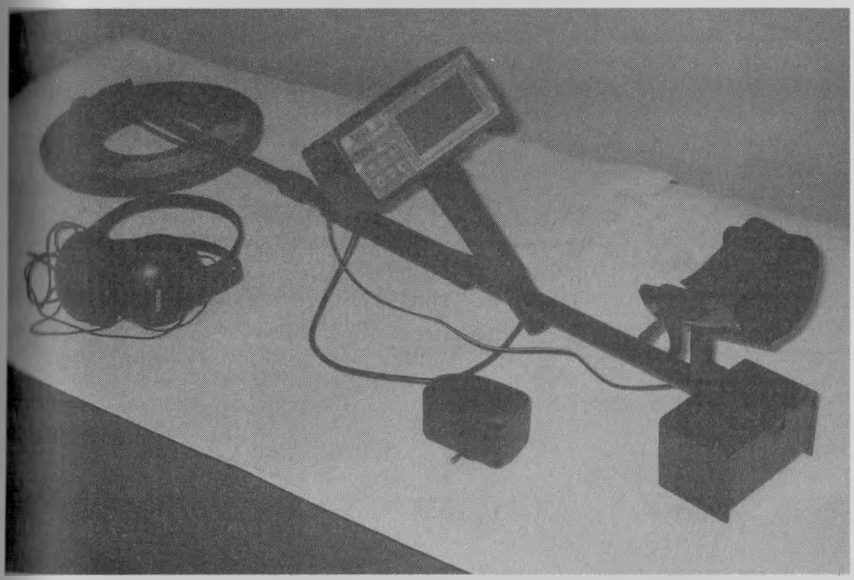


Рис. 8. Компьютеризированный металлоискатель «Стерх мастер»

Пределы технического оснащения следователя и специалиста для работы в «полевых» условиях определяются их процессуальными функциями, объемом их профессиональных знаний в области применения технико-криминалистических средств и реальными возможностями доставки и развертывания необходимого оборудования по месту его использования. Исходя из этих критериев «нижним» пределом технического оснащения указанных субъектов можно признать наборы универсального типа.

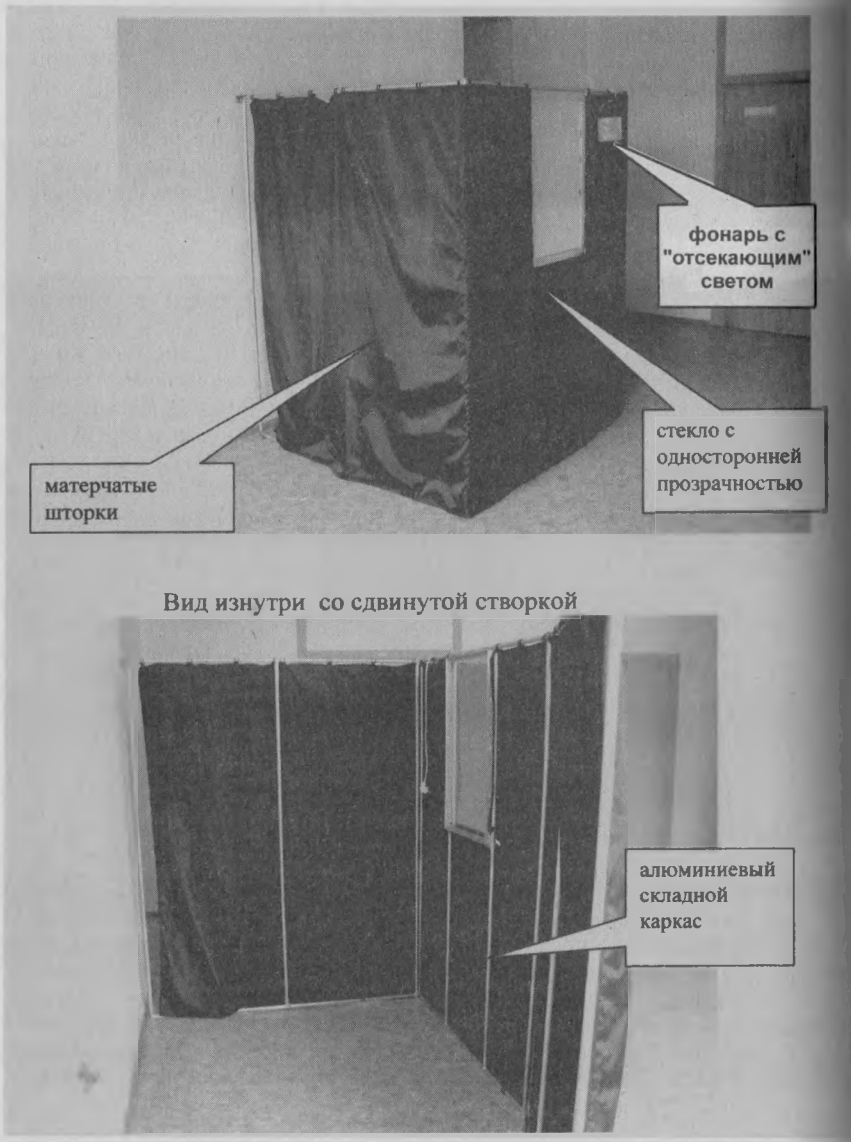


Рис. 9. Переносная ширма для проведения опознания

Их применение обеспечивает выполнение основных операций по работе с доказательствами в «полевых» условиях. В настоящее время «верхним» пределом можно считать передвижную криминалистическую лабораторию (ПКЛ), в салоне которой имеются условия не только для предварительного исследования вещественных доказательств, но и для необходимых процессуальных действий.

При отборе технико-криминалистических средств для укомплектования передвижной криминалистической лаборатории следует, на наш взгляд, исходить из максимального варианта, при котором лаборатория будет использоваться в «полевых» условиях не только следователем и специалистом, но и экспертом для производства экспертиз непосредственно на месте происшествия. На наш взгляд, вполне реальна задача создания специальной передвижной экспертной криминалистической лаборатории, оборудованной широким ассортиментом экспертной криминалистической техники, включая аппаратуру для экспресс-анализов, сравнительных исследований и т. п.

Так, опыт совместной работы судебных медиков и патологоанатомов с автомашиной «Сумпал-01» (на базе ГАЗ-66 с одноосным прицепом) в ходе тактико-специальных исследовательских учений в сентябре 1991 г. и использование ее в качестве судебно-медицинской лаборатории в г. Грозном в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) показал, что она не отвечает современным условиям функционирования в боевой обстановке и требует полной реконструкции. В настоящее время сотрудниками ЦСМКЭ МО РФ и НИИ экстремальной медицины, полевой фармации и медицинской техники проведена научно-исследовательская работа по созданию подвижной судебно-медицинской и патолого-анатомической лаборатории «Поляна» на базе шасси автомобиля КАМАЗ-43101 с удлиненным «кунгом» и двухосного прицепа, предназначенной для производства личным составом подвижных судебно-медицинских отделений судебно-медицинских и криминалистических экспертиз (рис. 10).

Рис. 10. Подвижная судебно-медицинская и патолого-анатомическая лаборатория «Поляна»

Подвижная судебно-медицинская и патолого-анатомическая лаборатория «Поляна» состоит из четырех отделений: лабораторного, фотолабораторного и отдыха личного состава, секционного и энергетического. Лабораторное отделение размещается в кузове-контейнере постоянного объема на шасси многоцелевого автомобиля повышенной проходимости КАМАЗ 43101; фотолабораторное и отдыха личного состава отделение располагается в кузове-контейнере постоянного объема на шасси двухосного низкорамного прицепа; секционное отделение размещается в кузове-контейнере переменного объема; энергетическое отделение располагается на одноосном прицепе. Комплекс обеспечивает возможность

его подключения к промышленным энергосетям. С учетом длительности работы на одном месте «Поляна» в полевых условиях может развертываться со снятием кузовов-контейнеров с транспортных баз и установкой их на грунт.

Основные характеристики патолого-анатомической лаборатории «Поляна»:

1) производительность при работе судебно-медицинского отделения — не менее 30 исследований трупов в месяц; освидетельствование живых лиц — не менее 300 человек в месяц; производство криминалистических исследований — 50 исследований в месяц; 2) время развертывания — не более 40 минут; 3) время свертывания с санитарной уборкой — не более 2 часов; 4) обслуживающий персонал — 7 человек, в том числе врачей — 2—3 человека; 5) общая продолжительность работы — не менее 30 суток[15].

Представляется, что такой полностью автономный и мобильный комплекс позволит при введении его в штаты подвижных судебно-медицинских патолого-анатомических отделений военных округов и расположении на каждом направлении эвакуации раненых и больных военнослужащих при медицинских отрядах специального назначения (МОСН) на достаточно высоком уровне решать задачи по обеспечению в судебно-медицинском отношении военных следственных органов в районах вооруженного конфликта любой интенсивности.

В январе 2000 г. на заседании коллегии ГВП были рассмотрены вопросы экспертного обеспечения предварительного следствия, организации взаимодействия с экспертными учреждениями и приняты меры по оптимизации структуры экспертного сопровождения раскрытия и расследования преступлений. В результате система экспертных учреждений Министерства обороны Российской Федерации стала реформироваться, организационно адаптируясь к задачам, стоящим в настоящее время перед органами военной прокуратуры. Так, с 1 февраля 2002 г. начал свою работу 111-й Центр судебно-медицинских и криминалистических экспертиз (ЦСМКЭ) Министерства обороны Российской Федерации, преобразованный из Центральной судебно-медицинской лаборатории (ЦСМЛ), с соответствующим расширением штатов (шесть отделов и молекулярно-генетическая лаборатория). На базе 113-й СМЛ МВО создан отдел биологических экспертиз ЦСМКЭ и начата работа дежурного судебно-медицинского эксперта для осмотра мест происшествий в ночное время в Московском регионе. Экспертами ЦСМКЭ освоены методики производства психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа.

Было впервые обеспечено и экспертное сопровождение следствия на территории Чеченской Республики. Так, с 1 июня 2002 г. в п. Ханкала работает передвижное отделение 111-й ЦСМКЭ, которым только с сентября по декабрь 2002 г. выполнено 407 экспертиз, из них 35 криминалистических и 372 судебно-медицинских. Однако представляется, что в районах вооруженного конфликта (в настоящее время — в Северо-Кавказском регионе) необходимо создавать такой же ЦСМКЭ, так как

[15] *Гаветo С.Э.* Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в условиях вооруженного конфликта (по материалам работы военной прокуратуры в Чеченской Республике в 1994—1996 гг.): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 224—226.

передвижное отделение 111-й ЦСМКЭ не в состоянии выполнить весь объем экспертных исследований как в количественном, так и в качественном отношениях из-за узкого профиля экспертных исследований и большой экспертной нагрузки.

Информационное обеспечение оперативно-следственной группы (звена) в «полевых» условиях. Это проблема включает две составляющие: обеспечение группы информацией, хранящейся в стационарных информационных центрах, и оснащение оперативно-следственной группы (звена) «носимыми» хранилищами информации.

Задача получения информации из стационарных ее хранилищ сводится в конечном счете к обеспечению военных следственных органов соответствующими каналами приема-передачи информации, т. е. необходимыми техническими средствами связи (сотовая, пейджинговая и модемная связь; радио; компьютерные сети). В «полевых» условиях это возможно при наличии защищенного промышленного ноутбука повышенной прочности (TS Strong@Master 7020T), установленного в ПКЛ и связанного по компьютерной сети с федеральными и региональными банками криминалистической информации (ГИЦ МВД РФ, ФЦ СЭ МЮ и т. д.), что позволит осуществить получение информации по криминалистическим учетам прямо на месте проведения следственного действия, быстро составить и отпечатать необходимые процессуальные документы, прибегнуть к помощи системы поддержки принятия решений для следователя и прокурора-криминалиста. Так, например, в июне 2001 г. в ходе проведения учений «Рубеж-2001» в г. Красное Село была впервые испытана телекоммуникационная система связи между экспертами 111-го ЦСМКЭ и следственно-оперативной группой, находящейся на месте происшествия.

Что касается «носимых» хранилищ информации для работы в «полевых» условиях, то под ними нами понимаются эталоны, определители и справочники, служащие целям выделения значимых объектов из окружающей среды, их определения, классификации, а также для получения представления об их свойствах и признаках в целях правильного обращения с ними, надлежащей упаковки, хранения и транспортировки. Другая разновидность справочников предназначена для правильного описания объектов, а не для классификационных или поисковых целей. В качестве «носимых» источников информации могут быть использованы защищенные промышленные карманные компьютеры повышенной прочности в металлическом корпусе («Кулон») и защищенные промышленные ноутбуки повышенной прочности в металлическом корпусе (TS Strong@Master 7020T).

Принципы распределения средств «полевой» криминалистики и вопрос о субъекте их применения. В следственной практике наметились два пути решения вопроса о распределении средств «полевой» криминалистики: основная масса этих технико-криминалистических средств находится на вооружении следователя, а наиболее сложные из них — у лиц, исполняющих процессуальные обязанности специалиста-криминалиста при производстве следственных действий.

Такое распределение технико-криминалистических средств «полевой» криминалистики обеспечивает повседневную готовность следователя к их использованию, однако на деле следователи зачастую не обладают необходимыми знаниями и умениями, а иногда и желанием использовать технико-криминалистические средства ввиду значительного удоро-

жания технико-криминалистического оснащения следователя, что приводит к распылению технико-криминалистических средств между отдельными пользователями. Кроме того, практически невозможна специализация в применении технико-криминалистических средств, и в силу этого следователь вынужден распределять свое внимание между техникой и тактикой, как правило, в ущерб последней и в ущерб самому процессу организации расследования.

Р.С. Белкин предлагает следующее решение данной проблемы:

1) все технико-криминалистические средства «полевой» криминалистики, сосредоточиваются в «депо технических средств», образуемом в органах прокуратуры — по месту нахождения следственного подразделения и находящемся в ведении специалиста-криминалиста, а в его отсутствие доступ к технико-криминалистическим средствам имеют все следователи;

2) применение средств «полевой» криминалистики — функциональная обязанность специалиста-криминалиста, а следователь освобождается от этой обязанности и выступает лишь в роли организатора и руководителя применения этих технико-криминалистических средств;

3) создание «депо технических средств» позволит существенно ограничить количество комплектов технико-криминалистических средств «полевой» криминалистики и в то же время сделает доступным для каждого следователя дорогостоящие технико-криминалистические средства, которые не могут находиться в индивидуальном пользовании[16].

Применительно к районам вооруженного конфликта представляется, что основная масса технико-криминалистических средств и расходных материалов должна находиться в месте расположения военно-следственного органа в распоряжении начальника криминалистической группы. При выезде на место происшествия следственно-оперативной группы (звена) специалист-криминалист, входящий в ее состав, дополняет базовую комплектацию ПКЛ такими технико-криминалистическими средствами, которые будут необходимы при собирании следов в ходе проведения следственных действий и предварительного исследования материальных следов на месте происшествия при совершении определенных видов преступлений.

Проведение криминалистических экспертиз в «полевых» условиях. Представляется, что понятие «полевой» криминалистики не исчерпывается только применением средств «полевой» криминалистики следователем и специалистом-криминалистом. В содержание данного понятия входит и вопрос о принципиальной возможности проведения в «полевых» условиях криминалистических экспертиз и выяснение круга задач, доступных в этих случаях для экспертного решения.

Впервые вопрос о проведении криминалистических экспертиз на месте происшествия поставил в 1964 г. Б.М. Комаринец[17]. До него некоторые авторы[18] лишь отмечали необходимость в определенных случаях,

---

[16] *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. Т. 3. С. 20.

[17] *Комаринец Б.М.* Участие экспертов-криминалистов в проведении следственных действий по особо опасным преступлениям против личности // Теория и практика судебной экспертизы. М., 1964. Вып. 1 (11). С. 21—24.

[18] См., например: *Дулов А.В.* Вопросы теории судебной экспертизы. Минск, 1957; *Рахунов Р.Д.* Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1953; *Терзиев Н.В.* Некоторые вопросы следственного осмотра места происшествия. М., 1955 и др.

целях непосредственного восприятия места происшествия для получения более объективного заключения, участия эксперта-криминалиста в осмотре места происшествия, но рассматривали такое участие как экспертный осмотр, т. е. начальную стадию экспертного исследования, завершающегося затем в лабораторных условиях.

Б.М. Комаринец же выдвинул идею проводить на месте происшествия все экспертные исследования, включая составление заключения, т. е. практически «узаконить» то, что нередко проводилось в боевой обстановке в период Великой Отечественной войны. Так, сравнивая процесс экспертизы на месте происшествия с процессом лабораторной экспертизы, он отметил следующие особенности первого, обусловливающие его повышенную сложность: исследованию подлежит не один какой-либо объект, а вся материальная обстановка места происшествия; условия исследования нередко неблагоприятные; исследование выполняется непрерывно в сжатые сроки пребывания эксперта на месте происшествия; эксперт не имеет возможности получить консультацию других специалистов и привлечь для производства экспертизы справочные материалы; эксперт ограничен техническими средствами для производства необходимых исследований[19].

Б.М. Комаринец не отрицал возможности экспертизы на месте происшествия, производимой спустя несколько дней или даже недель после следственного осмотра, но подчеркивал, «что она в такой же мере может оказаться затрудненной или, возможно, безрезультатной, как и запоздалый или повторный следственный осмотр места происшествия»[20]. Признавая принципиальную возможность проведения на месте происшествия криминалистической экспертизы любого вида, Б.М. Комаринец отдавал предпочтение судебно-баллистической и трасологической экспертизам, для которых данные, полученные на месте происшествия, имеют наибольшее значение.

Однако хотя концепция о проведении криминалистической экспертизы в «полевых» условиях возражений в юридической литературе и не вызвала, но и не получила дальнейшего развития, так как либо роль криминалиста по-прежнему ограничивали исполнением при осмотре места происшествия функций специалиста[21], либо экспертное исследование места происшествия не связывали по времени с осмотром места происшествия[22].

Представляется, что проведение криминалистических экспертиз на месте происшествия на начальном этапе расследования, иногда параллельно с осмотром места происшествия, в котором криминалист будет принимать участие именно как эксперт, а не как специалист, должно найти свое обоснование в процессуальном акте назначения экспертизы и будет полностью соответствовать закону, предоставляющему именно эксперту такое право (ст. 57 УПК РФ). Тем более что в настоящее время легче могут быть преодолены трудности при проведении экспертизы на месте происшествия, так как передвижные криминалистические лабора-

[19] *Комаринец Б.М.* Указ. соч. С. 24.

[20] Там же. С. 23.

[21] *Зуйков Г.Г.* Установление способа совершения преступления. М., 1970. С. 33.

[22] *Самарина Т.М.* Значение экспертного осмотра места происшествия и вещественных доказательств // Проблемы и практика трасологических и баллистических исследований: Сборник научных трудов ВНИИСЭ. 1976. № 17.

тории (ПКЛ), оснащенные современными средствами связи, компьютерным и исследовательским оборудованием, наличие «носимых» компьютерных хранилищ справочной информации, которая может потребоваться эксперту для дачи заключения, развитие системы «экспресс-методов» исследования создают необходимые условия для проведения экспертизы в «полевых» условиях. В сущности, в районах вооруженного конфликта даже лабораторные исследования становятся «полевыми», поскольку сама лаборатория находится в «поле», не говоря уже о том, насколько существенными при этом оказываются выигрыш во времени, возможность оперативно использовать результаты экспертизы для раскрытия преступления по «горячим следам».

Возможность проведения экспертных исследований в «полевых» условиях не обесценивается и в тех случаях, когда осмотр места происшествия проводится до возбуждения уголовного дела. Разумеется, что тогда проводится не экспертиза, а предварительное исследование объектов, представляющих оперативный интерес, результаты такого исследования носят характер ориентирующей информации, что не препятствует их активному использованию при раскрытии преступлений[23].

До принятия нового УПК РФ проведение экспертизы на месте происшествия параллельно с его осмотром было невозможно по причинам процессуального характера, так как осмотр места происшествия как первоначальное следственное действие проводился в случаях, не терпящих отлагательства, до возбуждения уголовного дела, что не позволяло следователю до окончания осмотра места происшествия и принятия решения о возбуждении уголовного дела назначить экспертизу (ст.ст. 178, 184 УПК РСФСР). Между тем, помимо того значения, которое может иметь проведение экспертизы на месте происшествия для раскрытия преступления по «горячим следам», порой выявление признаков преступления вообще невозможно без проведения экспертного исследования. Все это послужило основанием для постановки в процессуальной и криминалистической литературе вопроса о возможности назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела. Тем более что в Российской Федерации в 1997 г. была попытка введения системы мер по борьбе с бандитизмом и иными тяжкими преступлениями, которые позволяли по согласованию с прокурором проводить экспертизы, результаты которых должны были рассматриваться в качестве доказательств, и задержание подозреваемого (до 30 суток) до возбуждения уголовного дела[24].

В настоящее время, исходя из реальностей следственной практики, в том числе и в районах вооруженного конфликта, и особенно в области проведения судебно-медицинских исследований до возбуждения уголовного дела, ныне действующий УПК РФ разрешает, наряду с осмотром места происшествия, назначение судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела. Тем более что производством экспертизы до возбуждения уголовного дела права и интересы заинтересованных в исходе дела лиц (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего) не ограничиваются, так как на этой стадии еще нет ни подозреваемого, ни обвиняемого,

---

[23] *Корухов Ю.Г.* Организация и нормативное регулирование криминалистических исследований в деятельности правоохранительных и правоприменительных органов: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1978. С. 24.

[24] Указ Президента Российской Федерации «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности» от 14 июня 1997 г. № 1226.

потерпевший (который также не получил своего процессуального статуса), как правило, сам заинтересован в проведении экспертизы.

Представляется, что действительно нет никаких сколько-нибудь серьезных препятствий для производства экспертизы до возбуждения уголовного дела, так как без этого практически невозможно реализовать рекомендации о производстве в районах вооруженного конфликта экспертизы на месте происшествия параллельно с его осмотром, применение в тех же целях «экспресс-методов» исследования, эффективное использование передвижных криминалистических лабораторий и др. Более того, без этого не может быть объектом экспертного исследования и обстановка места происшествия, когда условием достоверности заключения является исследование ее в первоначальном, неизменном состоянии.

Таким образом, исходя из изложенного использование специальных знаний в «полевых» условиях в районах вооруженного конфликта возможно по двум взаимосвязанным направлениям: во-первых, оснащение данных следственных органов новейшими технико-криминалистическими средствами и мобильными средствами их доставки к месту происшествия; во-вторых, создание условий и возможности проведения криминалистических экспертиз на месте происшествия в «полевых» условиях.

Глава 2. Технико-криминалистические средства и методы, применяемые при работе со следами преступления в режиме «экспресс-анализа» в районах вооруженного конфликта

В криминалистической науке понятие *следа*, понимаемого в узком смысле слова как любое материально фиксированное отражение в материальной среде события преступления, занимает в системе криминалистических категорий особое положение, которое обусловлено его значением и для теории криминалистики, и для практики расследования преступлений.

При этом, объектом криминалистического исследования являются не всякие следы, а только те из них, которые порождены преступлением и в силу этого являются результатом отпечатка процесса совершения преступления. Поэтому первым криминалистически значимым свойством следов является их генетическое единство, обусловленное единым источником происхождения — событием преступления.

Вторым общим для всех следов свойством является их информационное единство, т. е. способность любого следа в силу единства источника происхождения быть носителем информации о той или иной стороне события преступления, а всей совокупности следов — о преступлении в целом.

Процессуальное значение следа состоит в том, что информация, полученная с его помощью, используется для формирования доказательственной базы уголовного дела и находит свое отражение в процессуальных документах.

Криминалистическое понимание следа более широкое и включает в себя всю совокупность получаемой информации, используемой для розыскных действий, выдвижения поисковых версий, определения направ-

ления действий следователя. След в широком смысле слова — это не только остаточное явление в виде материально фиксированных отображений одного объекта на другом, а равно и идеальные, мысленные образы, зафиксированные в памяти человека.

Для систематизации знаний о следах преступления, усвоения техники и тактики работы с ними криминалистической наукой разработаны различные классификации следов, имеющие теоретическое и практическое значение.

Так, следы преступления принято делить на идеальные и материальные, которые, будучи результатом единого процесса криминального события, являются источниками доказательственной информации о преступлении.

Идеальные следы преступления отображают событие в сознании человека, и знания об их свойствах заимствуются из наук психологии, социологии (следы в «широком смысле слова»).

Материальные следы преступления являются традиционным объектом криминалистического исследования и составляют содержание учения о следах (трасологии).

В зависимости от характера образования материальные следы делятся на следы-отображения, следы-предметы и следы-вещества:

1. *Следы-отображения* — это вызванные событием преступления отображения внешнего строения одного объекта — объекта, оставляющего след (следообразующего), на другом — объекте-носителе следа (следовоспринимающем), на котором могут отобразиться форма, размер, частные признаки поверхности следообразующего объекта. Это свойство следа-отображения позволяет осуществить индивидуальную идентификацию предмета по оставленному им следу или же установить групповую принадлежность предмета. Следы-отображения зачастую образуют следовые системы: они могут быть одновременно объемными и окрашенными, плоскостными и невидимыми.

2. *Следы-предметы (части предметов)* — это материальные объекты, возникновение, изменение положения или состояния которых находятся в связи с событием преступления и которые отражают материальные изменения в обстановке места происшествия. К ним относятся орудия преступления, объекты преступного воздействия, части предметов, похищенные вещи и т. п.

3. *Следы веществ и материалов*. К ним относится определенное количество жидких, твердых, сыпучих материалов, отображающих особенности внутреннего строения следообразующего объекта (химический состав, физическая структура вещества, материала или объекта).

По объектам следообразования следы преступления подразделяются следующим образом: 1) следы человека: а) следы рук (пальцев, ладоней, ногтей); б) следы ног (босых, обутых, носков, чулок); в) следы зубов (одонтология); г) следы губ; д) следы перчаток; е) следы крови; ж) следы слюны; з) следы запаха; и) следы других частей тела (носа, ушей, лба и т. п.); к) следы одежды; 2) следы животных; 3) следы орудий и инструментов; 4) следы транспортных, боевых и специальных средств.

По механизму следообразования следы подразделяются следующим образом: 1) механические следы: а) следы удара; б) следы резания; в) следы сверления; г) следы нажима; д) следы качения; е) следы трения; ж) следы скольжения; з) следы разреза; и) следы разруба; к) сле-

распила; 2) химические следы (например, запаховые следы); 3) термические следы: а) следы оплавления; б) следы окопчения.

В зависимости от условий формообразования следы подразделяются следующим образом: 1) статические следы; 2) динамические следы: а) следы торможения в виде качения колеса автомобиля; б) следы скольжения (юза) колеса автомобиля; 3) локальные следы; 4) периферийные следы; 5) объемные следы; 6) поверхностные следы: а) следы-наслоения, б) следы-отслоения.

По степени видимости материальные следы преступления делятся: 1) на видимые следы (например, объемный след орудия взлома на преграде, след шины колеса автомобиля, пятно крови и т. п.); 2) на маловидимые следы (например, следы рук на твердых или гладких поверхностях, следы-наложения волокон ткани и т. п.); 3) на невидимые или латентные следы (например, следы рук на бумаге, тканях и т. п.).

Заключенная в механизме совершения преступления система действий преступника закономерно отражается в системе оставленных им следов. Следовательно, знание механизма преступления позволяет уяснить систему следов, что, в свою очередь, определяет выбор криминалистических методов их обнаружения, фиксации и исследования, а также комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, проведение которых позволит проверить версии о механизме преступления, о материальных следах преступления, обнаружить, собрать и процессуально закрепить доказательственную информацию.

Путь познания истины при расследовании преступлений идет от представления о механизме преступления к предположению о системе следов преступления, а от суждения о ней через систему версий к выбору необходимых для данного случая криминалистических методов и средств обнаружения, фиксации, исследования и использования содержащейся в системе следов преступления доказательственной информации, и этот путь представляется наиболее эффективным, так как истинность метода предопределяет истинность результата.

Таким образом, криминалистическое исследование систем следов преступления на разных уровнях и различными технико-криминалистическими средствами имеет особо важное значение: в криминалистической технике — для решения классификационных, диагностических и идентификационных задач, в криминалистической тактике — при работе с идеальными следами, в криминалистической методике расследования — для конструирования алгоритмов расследования преступлений.

В виде своеобразного криминалистического алгоритма деятельность следователя военных следственных органов по работе со следами преступления можно представить как ряд необходимых, последовательных, логически обусловленных этапов реализации задачи преобразования криминалистически значимой информации в доказательственную базу уголовного дела.

Этапами работы со следами преступления (ОЗИСИ) являются их: 1) обнаружение; 2) закрепление; 3) изъятие, 4) принятие мер по сохранению; 5) исследование (предварительное, а затем экспертное).

Сущность указанных этапов можно определить следующим образом:

— *обнаружение* — поисковая деятельность, включающая в себя логические и технические приемы и средства выявления и обнаружения следов преступления;

— *закрепление* — деятельность по отражению факта обнаружения следа преступления, его вида и особенностей и способов работы с ним в материалах уголовного дела, состоящая из фотографирования, измерений, описания в протоколе следственных действий и составления планов и схем;

— *изъятие* — деятельность по обеспечению возможности приобщения следа преступления к уголовному делу для последующего изучения и исследования. Вещественные доказательства изымаются целиком в натуре, а следы в зависимости от их видов — вместе с объектом-носителем или его частью. В случае невозможности изъять вместе след и объект-носитель (часть его) изымаются копии следа или его модели (слепки);

— *сохранение* — деятельность по обеспечению неизменяемости следа преступления в процессе транспортировки и хранения при уголовном деле, заключающаяся в использовании специальных приемов и средств упаковки и консервации следов;

— *исследование* — деятельность по изучению и извлечению информации. Исследование следов может быть предварительное (доэкспертное), которое осуществляется следователем и специалистом-криминалистом при производстве следственных действий, и экспертное, проводимое экспертами по постановлению о назначении экспертизы.

Технико-криминалистические средства и методы, используемые для *обнаружения* следов преступления в районах вооруженного конфликта, довольно разнообразны. Наиболее распространенные из них могут быть подразделены на следующие группы:

1. *Средства освещения* — это разнообразные осветительные приборы, позволяющие создать различные режимы освещения: общее, рассеянное, направленное, моно- и полихроматическое.

В качестве источников света используются выносные галогеновые осветители-прожектора ПКЛ и бытовые галогеновые фонарики фирмы «Mag», входящие в состав унифицированного облегченного криминалистического комплекта на базе разгрузочного жилета.

К специальным источникам относятся ультрафиолетовые осветители (УФО), входящие в состав унифицированного облегченного криминалистического комплекта на базе разгрузочного жилета и позволяющие обнаружить слабовидимые или невидимые следы крови, спермы, пота и других выделений человека, а также некоторых химических веществ (нефтепродуктов, клея и пр.).

2. *Оптические приборы* — это увеличительные приспособления, позволяющие расширить диапазон чувствительности глаза и применяющиеся для обнаружения и осмотра незначительных по размеру объектов или их деталей. К ним относятся лупы с подсветкой, входящие в состав унифицированного облегченного криминалистического комплекта на базе разгрузочного жилета.

3. Невидимые и слабовидимые следы рук выявляются с помощью различных мелкодисперсных магнитных и немагнитных *порошков* (окиси меди, окиси свинца, и т. д., в том числе люминесцирующих в УФ-лучах), которые наносятся с помощью специальных кисточек («Марабу», «Зефир» (стекловолокнистых), флейцевых или магнитных), пульверизаторов или аэрозольных распылителей.

4. Для обнаружения *металлических объектов* используются компьютеризированный металлодетектор «Стерх мастер» и специально изготов-

ные для криминалистических целей магнитный искатель-подъемник (МОС-70) и магнитный трал (МТ-1), которыми укомплектованы ПКЛ.

6. Поиск *тайников* производится путем простукивания молотками, а также с использованием щупов, буров и компьютеризированных металлодетекторов «Стерх мастер».

6. *Трупы и их части* обнаруживают с помощью портативного газоанализатора (ПГИ-1), которым укомплектован ПКЛ и принцип действия которого основан на измерении концентрации в почве и в воздухе сероводорода, возрастающей вблизи трупа. Поиск трупов в водоемах осуществляют с помощью крючьев или багров.

7. Для выявления объектов *биологической природы* (крови, спермы, слюны и пр.) используются лупы с подсветкой, осветительные приборы, ультрафиолетовые осветители (УФО), источник экспертного света (ALS-5000). Выявление следов крови возможно в режиме «экспресс-анализа» путем применения реактивов (например, реакции с гемоФАном или реактивом Воскобойникова), а следов спермы — с помощью специальной подложки, пропитанной реагентом «Фосфотест». Следы крови в труднодоступных местах, больших помещениях, подвалах, на чердаках выявляют опрыскиванием подозрительных поверхностей люминолом, вызывающим при попадании на кровь кратковременное свечение. Кроме того, используются различные «экспресс-тесты» для выявления наличия взрывчатых или наркотических веществ.

8. Для обнаружения *микрообъектов* (микрочастиц, микроследов) используются лупы с подсветкой, ультрафиолетовые осветители (УФО), электронно-оптические преобразователи (ПНВ). Металлические микрочастицы обнаруживают с помощью небольших магнитов.

Целью криминалистического *закрепления* является как можно точнее, объективнее и нагляднее запечатлеть, закрепить факты, события, материальные следы преступления и другие объекты, имеющие значение для установления истины по уголовному делу. Используются следующие формы фиксации:

1) вербальная, т. е. протоколирование и звукозапись;

2) графическая — графическое изображение (схематические и масштабные планы, чертежи, кроки, рисунки);

3) предметная — изъятие предмета в натуре, изготовление материальных моделей (реконструкция, в том числе макетирование, копирование, получение слепков и оттисков);

4) наглядно-образная — фотографирование (в видимых и невидимых лучах), видеомагнитофонная запись.

В зависимости от характера изымаемого объекта средства *изъятия* можно подразделить на средства изъятия твердых объектов, сыпучих, жидких и газообразных веществ, макро- и микрообъектов.

1. *Микрообъекты,* как и другие следы, предпочтительнее изымать вместе с объектом-носителем. Для изъятия микрообъектов применяются пленки с химически липким неактивным покрытием, микропылесборники. Отдельные микрообъекты (фрагменты волос, ворсинки, волокна и т. д.) изымают с помощью наэлектризованных эбонитовых или стеклянных палочек, пинцетов.

2. Для изъятия следов *пальцев рук и босых ног,* выявленных с помощью дактилоскопических порошков либо образованных пылью, применяются специальные дактилоскопические пленки с прозрачным защитным слоем. Поверхностные следы *обуви и транспортных средств* изы-

мают с помощью листа резины, контактирующая поверхность которой предварительно обработана наждачной бумагой.

3. Образцы *запаха* отбираются на лоскуты (салфетки) выстиранной хлопчатобумажной байки (хлопчатобумажная фланель, стерильные марлевые салфетки) размерами 10 х 15 см, упакованные в три-четыре слоя бытовой алюминиевой фольги или чистые стеклянные банки со стеклянными крышками.

В предварительных и экспертных исследованиях вещественных доказательств, помимо общенаучных методов, используются и специальные, которые можно, в свою очередь, подразделить на общеэкспертные, используемые в большинстве классов судебных экспертиз и исследований, и частноэкспертные, используемые только в данном конкретном роде (виде) судебных экспертиз и исследований.

Система *общеэкспертных методов исследования* вещественных доказательств включает: а) методы анализа изображений; б) методы морфологического анализа; в) методы анализа состава; г) методы анализа структуры; д) методы изучения физических, химических и других свойств.

Методы анализа изображений используются для исследования традиционных криминалистических объектов — следов человека, орудий и инструментов, транспортных средств, а также документов, фото- и видеоматериалов и пр.

К технико-криминалистическим средствам, используемым для анализа изображений в районах вооруженного конфликта, относятся: переносная система бескраскового дактилоскопирования «Папилон» на базе карманного персонального компьютера (рис. 11), сравнительные компараторы (FX-8B, FC-281) (рис. 12), переносной прибор для выявления путем окуривания следов рук PUM-100 (рис. 13), вакуумные камеры (DFC-200) для выявления следов пальцев рук большой давности на бумаге с помощью паров йода, ДФО, раствора нингидрина в ацетоне или цианакрилата (объемом 24 х 40 см (рис. 14) и на длинноствольном стрелковом оружии (рис. 15), источник экспертного света (FLS-5000)[25].

[25] Визуализация невидимых следов рук производится при воздействии на них лазерного излучения, которое возбуждает флуоресценцию потожирового вещества, образующего след.

Рис. 11. Переносная система бескраскового дактилоскопирования «Папилон» на базе карманного персонального компьютера

Рис. 12. Сравнительный компаратор (FX-8B)

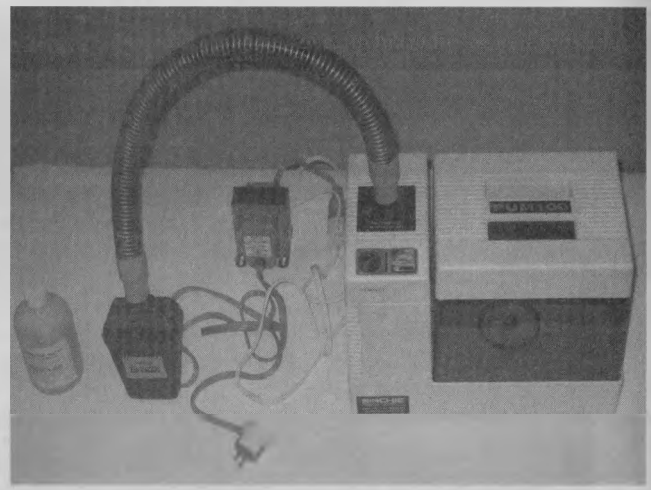


Рис. 13. Переносной прибор для выявления путем окуривания следов рук PUM-100

Рис. 14. Вакуумная камера (DFC-200) для выявления следов пальцев рук большой давности на бумаге с помощью паров йода, ДФО, раствора нингидрина в ацетоне или цианакрилата (объемом 24 х 40 см)

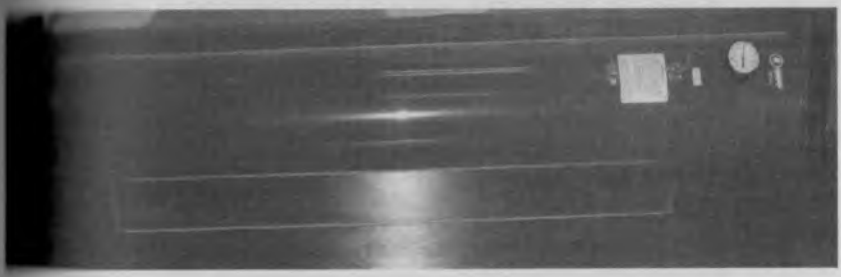


Рис. 15. Вакуумная камера для выявления следов пальцев рук на длинноствольном стрелковом оружии с помощью паров цианакрилата

Наиболее распространенными методами морфологического анализа являются: оптическая микроскопия — совокупность методов наблюдения и исследования с помощью оптического микроскопа; ультрафиолетовая микроскопия — применяется для исследования биологических объектов (например, следы крови, спермы и т. п.), инфракрасная микроскопия — дает возможность изучать внутреннюю структуру объектов, непрозрачных в видимом свете (например, следы выстрела, залитые или выжженные тексты и т. п.).

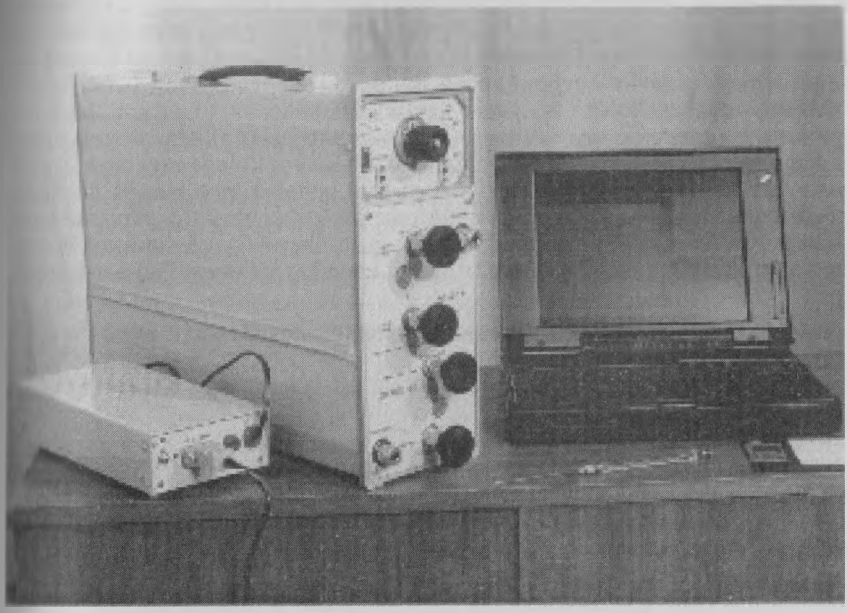


Рис. 16. Портативный экспрессный газовый хроматограф «ЭХО-EW-ПИД»

Методы элементного анализа используются для установления элементного состава, т. е. качественного или количественного содержания определенных химических элементов в данном веществе или материале. С этой целью в районах вооруженного конфликта широко используются портативные экспрессные газовые хроматографы «ЭХО-EW-ПИД» (рис. 16), предназначенные для поиска трупов или их частей, а также проведения оперативных качественных и количественных анализов

широкого класса органических веществ в газообразных или жидких пробах в лабораторных и полевых условиях, с отображением и обработкой информации на персональных компьютерах типа IBM PC.

Глава 3. Криминалистическое исследование следов преступлений

§ 1. Следы рук

Криминалистическое значение следов рук

Следы пальцев рук человека по своему криминалистическому значению занимают первое место в группе следов-отображений, что объясняется не только частотой их обнаружения на месте происшествия, но и тем обстоятельством, что с их помощью удается более коротким путем прийти к розыску и изобличению преступника. Подобная возможность обусловлена строением кожи на пальцах рук и особыми свойствами папиллярных узоров, имеющихся на конечных фалангах пальцев рук.

Обнаруженные в ходе осмотра места происшествия следы пальцев, частей ладони или всей кисти в зависимости от их полноты и четкости дают возможность: 1) идентифицировать человека по отображениям папиллярных линий; 2) ограничить круг подозреваемых при явном несовпадении общего строения папиллярного узора рук у лиц, ранее присутствовавших на месте происшествия или касавшихся предметов, на которых обнаружены следы, и выделить след, оставленный преступником; 3) установить особенности руки, оставившей след (отсутствие пальцев, уродство кисти, наличие шрамов, бородавок, ожогов и иных повреждений поверхности кисти); 4) приблизительно определить возраст человека, оставившего след; 5) приблизительно определить пол и рост человека по размерам частей кисти; 6) на основании анализа расположения следов рук, в том числе не содержащих четкого отображения папиллярных линий, определить некоторые элементы механизма совершения преступления (как преступник касался каких-либо предметов, как держал оружие и т. п.).

Общие сведения о строении ладонной поверхности руки

Научное обоснование идентификации человека по следам рук непосредственно связано с анатомическими особенностями строения кожного покрова человека.

Кожный покров человека включает три основных слоя: верхний — эпидермис (от греч. *epi* — над, поверх; *derma* — кожа); дерму (собственно кожу) и подкожную жировую клетчатку.

Эпидермис кожи снаружи представляет собой слой мертвых, ороговевших клеток, которые постоянно слущиваются в виде чешуек, отделяются и заменяются новыми. Эпидермис обеспечивает эластичность, упругость и быстрое восстановление поверхностного слоя кожи при ее повреждениях.

Дерма кожи имеет два слоя: сетчатый и сосочковый. Первый слой состоит из плотной ткани, второй слой составлен из разнообразных по форме и величине возвышений (сосочков), или папиллей (от лат. *papilla* — сосок). Сосочки расположены парами в виде линейных рядов, перемежающихся бороздками, более глубокими по сравнению с межсосочковыми углублениями. Эпидермис с точностью копирует рельеф сосочкового слоя дермы, образуя линии в виде валикообразных выступов,

разделенных бороздками (папиллярные линии). Папиллярные линии отделены одна от другой бороздками (углублениями). Располагаясь в виде потоков, папиллярные линии и бороздки образуют узоры различной формы и сложности, получившие название папиллярных узоров.

На гребнях папиллярных линий между сосочками располагаются воронкообразные протоки потовых желез — поры. На папиллярной линии длиной около одного сантиметра находится от 9 до 18 пор. Потожировое вещество, проникающее через поры на поверхность кожного покрова, при контактировании с различными поверхностями (следовоспринимающими) образует потожировые следы папиллярных узоров (рис.17).

Рис. 17. Строение кожи человека

Папиллярные узоры рук обладают рядом свойств, которые позволяют успешно использовать их для решения идентификационных задач в процессе раскрытия и расследования преступлений. К основным из них относят такие свойства, как *индивидуальность, относительная неизменяемость и восстанавливаемость, способность отпечатываться на предметах, возможность классификации папиллярных узоров,* которые позволяют отождествлять конкретного человека по следам его рук. Наличие этих свойств объясняется тем, что, окончательно сформировавшись у трехмесячного эмбриона, папиллярные узоры не изменяются, как правило, до смерти человека. Лишь некоторые заболевания (третичный сифилис, склеродермия и др.), а также тяжелые ожоги и порезы (в зависимости от глубины повреждения) могут привести к необратимым изменениям или уничтожению папиллярных узоров. Однако образующиеся при этом шрамы и рубцы, представляющие собой повреждения кожного покрова в виде выступов и углублений различной глубины и конфигурации, в свою очередь, являются индивидуализирующими признаками, которые используют для идентификации человека.

В практике расследования преступлений встречались случаи, когда преступники пытались хирургическим путем удалить папиллярные узоры с частью кожи ногтевых фаланг пальцев рук, однако папиллярные узоры, как правило, восстанавливались. При удалении более глубокого слоя кожи эти узоры могут и не восстановиться, но их отсутствие будет являться признаком, который может в совокупности с другими фактами и обстоятельствами помочь в установлении личности преступника.

Индивидуальность обусловливает неповторимость следов рук конкретного человека. Даже у однояйцевых близнецов совокупность деталей в строении кожных узоров никогда не повторяется. За сто последних лет в мировой практике не выявлено ни одного случая совпадения кожных узоров у разных людей. Более того, мелкие особенности папиллярных узоров в совокупности создают комбинации — макроструктуру, неповторимую даже на разных пальцах одного человека. Поэтому при идентификации эксперты активно используют не только макроструктуру папиллярного узора, но и микроструктуру, выражающиеся в особенностях строения папиллярных линий (эджескопия) и пор (пороскопия).

Еще одно свойство кожи пальцев и ладоней рук заключается в способности отпечатываться на тех предметах, к которым прикасались руки человека. Причем образование отпечатков происходит независимо от желания и воли человека, что обусловлено физиологическими свойствами кожи — тем, что поверхность кожи всегда покрыта выделениями пота и жира. Переходя при прикосновении на предмет, они образуют на нем отпечатки, копирующие папиллярные узоры.

Кроме морфологической информации, обусловленной особенностями строения кожного покрова ладонной поверхности, в следах рук человека отображается не менее важная информация о человеке, оставившем след, материальным носителем которой является потожировое вещество.

Типы и виды папиллярных узоров

Наиболее часто в следственной практике следы рук встречаются в виде следов различных участков кожного рельефа пальцев и ладоней рук. В трасологии изучением строения кожных узоров пальцев и ладоней рук в целях их использования для идентификации человека, розыска, регистрации преступников, решения других задач занимается специальная отрасль криминалистики, называемая *дактилоскопией* (от греч. *daktylos* — палец и *skopeo* — смотрю, что в буквальном переводе означает «пальцесмотрение»).

В дактилоскопии выделяется отдельный раздел, изучающий следы ладоней рук человека, получивший название *пальмоскопия* (от лат. *palma* — ладонь и греч. *skopeo* — смотрю).

Возможность классификации папиллярных узоров послужила основой для теоретических и практических разработок, успешно используемых в борьбе с преступностью.

Рис. 18. Строение папиллярного узора:
1 — базисный поток; 2 — наружный поток;
3 — внутренний (центральный) поток; 4 — дельта

Большинство папиллярных узоров на ногтевых фалангах пальцев рук состоят из трех потоков линий. Один находится в центральной части узора и образует внутренний рисунок (центр). Два других потока — *верхний* (наружный) и *нижний* (базисный) огибают внутренний рисунок сверху и снизу (рис. 18). Участок узора, где эти потоки сближаются, напоминает букву «дельта» греческого алфавита, в результате чего этот участок узора получил название *дельта*.

В зависимости от количества потоков папиллярных линий, формы внутреннего рисунка по принятой в России классификационной системе папиллярные узоры пальцев рук делятся на три типа: *дуговые, петлевые и завитковые* с дополнительным делением каждого типа на виды в соответствии с особенностями строения узора.

Дуговые узоры наиболее простые по своему строению и по частоте встречаемости составляют примерно 5 %. Они состоят из не более двух потоков папиллярных линий, которые берут начало у одного бокового края пальца и идут к другому, образуя в средней части узора дугообразные фигуры, которые выгибаются в сторону верхнего потока. В дуговых узорах отсутствуют внутренний рисунок и дельта. Среди них выделяют следующие виды: *простой, шатровый и пирамидальный* (рис. 19).

Петлевые узоры встречаются примерно в 60 % случаев. Они образуются не менее чем из трех потоков линий, центральный рисунок состоит из одной или нескольких петель, линии которых начинаются у края узора и, поднимаясь вверх, возвращаются к тому же краю. Петля имеет головку, ножки и открытую часть. В зависимости от формы и количества петель, взаиморасположения начала и окончания их ножек петлевые узоры подразделяются на *простые, изогнутые и замкнутые (петли-ракетки)* (рис. 20).

Направление ножек петель является основанием для выделения среди петлевых узоров *ульнарных* (ножки петель направлены в сторону мизинца) и *радиальных* (ножки петель направлены в сторону большого пальца).

Завитковые узоры разнообразны по строению, но встречаются несколько реже, чем петлевые, примерно в 30 % случаев. Их внутренний рисунок может быть образован папиллярными линиями в виде овалов, кругов, спиралей, петель или их сочетанием. Характерной для завиткового узора особенностью является наличие в нем не менее двух дельт, одна из которых расположена слева, а другая — справа от внутренней части узора. Среди этого разнообразия можно выделить следующие основные виды завитковых узоров: *простой, спираль и петля-улитка* (рис. 21).

В некоторых классификациях среди завитковых узоров выделяют также и другие их виды, например, *круговой, петля-спираль, петля-клубок, сложный, неполный* и т. д., а среди петлевых узоров — *половинчатые, параллельные и встречные*.

Кроме того, встречаются папиллярные узоры ногтевых фаланг пальцев, которые нельзя отнести ни к одной из трех классификационных групп, так называемые переходные узоры — *ложные* (ложно-петлевые и ложно-завитковые).

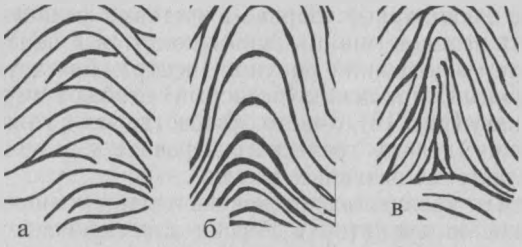


Рис. 19. Виды дуговых узоров:
а) простой; б) пирамидальный; в) шатровый

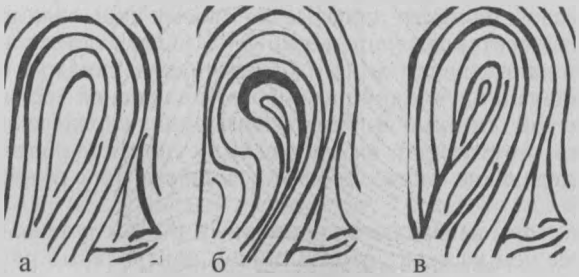


Рис. 20. Виды петлевых узоров:
а) простой; б) изогнутый; в) замкнутый

Рис. 21. Виды завитковых узоров:
а) простой; б) петля-улитка; в) спираль

Идентификационные признаки строения папиллярных узоров принято подразделять на общие и частные. К общим признакам относят: тип и вид папиллярного узора; направление и крутизну потоков папиллярных линий; строение центрального рисунка узора; строение дельты; количество папиллярных линий между центром и дельтой; взаиморасположение дельт и др.

К частным признакам (рис. 22) относят детали папиллярных узоров (начало и окончание, слияние и разветвление папиллярных линий, островок (глазок), мостик, крючок, фрагмент, точка, тонкая папиллярная линия, встречное положение папиллярных линий) и папиллярных линий (перерывы, изломы, изгибы, утолщения, конфигурация краев папиллярных линий).

Рис. 22. Частные признаки папиллярных узоров:
1 — начало линии; 2 — поры; 3 — разветвление линий; 4 — изгиб; 5 — мостик; 6 — встречная линия; 7— глазок; 8 — слияние линий; 9 — межпапиллярные линии (гребешки); 10 — короткая линия; 11 — окончание линии; 12 — крючок; 13 — островок; 14 — обрыв линии; 15 — утолщение линии

Что касается кожного рельефа ладонной поверхности, то он состоит из папиллярных линий, кожных складок, межфаланговых складок (на пальцах) и флексорных линий (на ладони).

На ладонной поверхности выделяют два основных участка, папиллярные узоры которых отличаются друг от друга направлением, крутизной потоков папиллярных линий и формой образуемых ими узоров: *тенар* — участок, расположенный вокруг основания большого пальца; *гипотенар* — участок, расположенный против мизинца у наружного края ладони (рис. 23).

Рис. 23. Строение кисти руки человека

Виды следов рук

Следы рук в зависимости от механизма образования могут быть объемными и поверхностными, окрашенными и бесцветными, маловидимыми и невидимыми. *Объемные* следы образуются в результате соприкосновения рук с пластичной поверхностью (на масле, свежей краске, пластилине, обледенелых поверхностях и т. п.). *Поверхностные* следы образуются на твердых поверхностях за счет отслоения или наслоения следообразующего вещества. *Следы-отслоения* образуются в результате прилипания частиц следоносителя к рукам, *следы-наслоения* — в результате прилипания к следовоспринимающей поверхности частиц вещества, имеющегося на руках (потожировое вещество, чернила, кровь, краска и т. п.). Поверхностные следы могут быть *бесцветными,* возникающими в результате наслоения на следовоспринимающую поверхность бесцветного потожирового вещества, и *окрашенными*, образованными руками, покрытыми кровью, чернилами, жидкой краской и т. п. *Маловидимые* следы рук образуются на гладких непористых поверхностях (стекле; предметах, покрытых лаком, эмалью; пластмассе и т. п.), *невидимые* — возникают на пористых поверхностях (бумаге, картоне, фанере, необработанном дереве и т. п.).

Работа следователя со следами рук

Обнаружение следов рук. В жилом или ином помещении следует обследовать все поверхности, к которым могли прикасаться преступники, особенно ровные, гладкие (стеклянные, полированные и др.). Прежде

ого, необходимо осмотреть ручки дверей, створки шкафов, посуду и столовые приборы, которыми могли пользоваться преступники, электровыключатели (если преступление совершено в темное время суток), а также предметы, оставленные на месте происшествия (орудия преступления, расческа и т. д.). Не следует упускать из виду возможность обнаружения не только потожировых, но и окрашенных отпечатков, оставленных, например, окровавленной рукой. Для обнаружения следов рук в салоне автомашины следует осмотреть внутренние и наружные ручки дверей, поверхности дверей и стекол, рукоятку рычага переключения передач, металлические детали салона, зеркало заднего вида и др. Не исключена возможность обнаружения объемных следов рук на каком-либо пластичном материале. Возможно обнаружение потожировых отпечатков пальцев на кожных покровах трупов и некоторых видах ткани одежды. В состоянии, пригодном для идентификации, эти следы сохраняются на наиболее плотных тканях. Невидимые следы рук нередко оказываются на различных предметах из бумаги, имеющей достаточно плотный поверхностный слой.

Существует возможность обнаружения при осмотре не только следов открытых ладоней и пальцев, но и *перчаток*, которыми пользуются преступники во избежание оставления отпечатков папиллярных узоров. Наиболее отчетливые их следы образуются на гладкой поверхности, например стекле. Кожаные и нитяные перчатки способны оставлять следы благодаря тому, что при пользовании ими они постепенно покрываются грязью и жиром. Некоторое количество жира изначально содержится в самом материале перчаток. На поверхности многих перчаток имеются характерные признаки в виде повреждений, морщин, швов, пор, рисунка переплетений нитей.

Современные методы обнаружения следов на исследуемых объектах можно подразделить на три основные группы: *визуальные, физические и химические*. Выбор метода осуществляется с учетом физических свойств образующего след вещества, времени его возникновения, а также характера (структуры, окраски) поверхности объекта-следоносителя.

К *визуальным методам* обнаружения следов рук относят: осмотр объектов «невооруженным глазом» либо с помощью оптических приборов увеличения (лупа, микроскоп), а также средств освещения. При этом, выявляются объемные и поверхностные следы рук, образованные потожировым или красящим веществом и расположенные на гладких поверхностях. Этот метод основан на различии в отражающих способностях поверхности объекта-следоносителя и самого следа.

Прозрачные предметы рассматриваются на просвет, при направлении потока лучей прямо в глаз наблюдателя или несколько в сторону и одновременном изменении положения самого предмета. Все предметы (прозрачные и непрозрачные) рассматриваются в различных условиях освещения, последовательно изменяя угол падения лучей до самого малого (косопадающий свет). При этом, за прозрачными предметами устанавливают какой-либо непрозрачный фон.

Физические методы выявления следов папиллярных узоров основаны на способности вещества следа удерживать внедрившиеся в него частицы других веществ, не вступая с ними в химическую реакцию, а также возможности его собственной люминесценции. К подобным методам относятся: обработка (опыление) дактилоскопическими порошками (магнитными, немагнитными, люминесцентными); окуривание па-

рами йода; обработка парами цианакрилата или йода; возбуждение люминесценции вещества предполагаемого следа лазерным излучением с помощью источника экспертного света.

В ряде случаев для выявления потожировых следов целесообразно использовать источники ультрафиолетовых и инфракрасных лучей — ультрафиолетовый осветитель и электронно-оптический преобразователь. Этот метод применяется для обнаружения следов, с момента образования которых прошло много времени, а также невидимых следов на многоцветных объектах. Для выявления следов папиллярных узоров *парами йода* используется йодная трубка. Чтобы окрасить потожировой след парами йода, стеклянную трубку, в которой помещены кристаллы йода, зажимают в руке. Под действием температуры тела йод возгоняется и его пары резиновой грушей выталкиваются из трубки. Внедряясь в вещество следа, мельчайшие кристаллики йода окрашивают его в коричневый цвет. Поскольку эта окраска исчезает через некоторое время, выявленные следы следует зафиксировать одним из следующих способов: порошком железа, восстановленного водородом, или раствором крахмала.

В следственной практике используется и такой физический способ выявления и фиксации следов рук, как опыление дактилоскопическими порошками: *немагнитными* (окись цинка, окись свинца, окись меди и др., а также их смеси — универсальная белая, универсальная черная, смесь окиси меди с сажей и др.); *магнитными* («Топаз», «Рубин», «Малахит», «Агат», «Сапфир», «Опал» и др.); *флуоресцирующими* (родамин, сульфид цинка, антрацен, хризан и др.).

Порошки наносятся на поверхность исследуемого объекта следующим образом: путем насыпания и перекатывания порошка по обрабатываемой поверхности; с помощью дактилоскопической кисти (флейцевой или магнитной); с помощью пульверизаторов, аэрозолей и иных распылителей.

Химические методы обнаружения следов рук используются, как правило, в экспертной практике и позволяют выявлять следы большой давности. Эти способы основаны на химической реакции между компонентами потожирового вещества следа и специальными химическими реактивами.

Закрепление следов рук. Выявленные следы папиллярных узоров могут быть зафиксированы следующими способами: фотосъемкой, измерением размеров, изготовлением масштабных схем или рисунков, описанием в протоколе следственного действия.

В протоколе описываются все следы и в той последовательности, в какой они обнаружены. При этом, указываются: а) на каком предмете обнаружен след; б) характеристика данного предмета; в) место расположения следа на предмете; г) размер следа; д) вид следа; е) тип папиллярного узора; ж) цвет следа, если он был окрашенным; з) способ обнаружения, закрепления и изъятия.

Изъятие следов рук. Обнаруженные и зафиксированные следы могут быть изъяты следователем следующими способами:

1) со следом-носителем или его частью (по возможности);

2) копированием поверхностных следов на специальную пленку (дактилоскопическую пленку или липкую склеивающую ленту на полиэтиленовой основе (типа «скотч»);

3) изготовлением слепков с объемных следов рук с использованием различных слепочных материалов и компаундов (гипс, силиконовые пасты К, У-1, КЛТ-3О; низкомолекулярные каучуки СКТН, СКТН-1; слепочные массы ВГО, ВГО-4; следокопирующие составы «Копия-1», «Копия-2» и др.);

4) непосредственным закреплением следов на объектах физическими или химическими методами, а также покрытием их предохранительной пленкой или стеклом.

Предварительное исследование следов рук. Предварительное исследование следов рук на месте происшествия позволяет: 1) приблизительно определить возраст лица, оставившего след; 2) сделать предположение о социальной среде, сформировавшей оставившего этот след человека; 3) установить особенности руки, оставившей след; 4) приблизительно определить рост и пол человека, оставившего след.

Приблизительное определение возраста. По отпечаткам ладоней и ногтевых фаланг пальцев можно составить приблизительное представление о возрасте лица, оставившего след. Отпечатки флексорных складок ладони (поперечных и продольных) у лиц в возрасте до 25 лет выражены слабо и сравнительно коротки (значительно не доходят до краев ладони); у лиц старше 25 лет, но моложе 60 имеют среднюю длину, немного не доходя до краев ладони, а у лиц старше 60 достигают этих краев. В отпечатках пожилых и старых людей много отображений мелких борозд, складок, морщин, белых линий (пробелов). Отображения линий их папиллярных узоров менее отчетливы, имеют значительное число перерывов. От возраста зависит количество папиллярных линий, приходящихся на единицу длины. На отрезок линии длиной 0,5 см применительно к лицам различных возрастных групп приходится: 12—13 линий — лица 8—12 лет; 10—12 линий — подростки; 9—10 линий — взрослые. Это не распространяется на очень полных людей, у которых на отрезке 0,5 см размещается 7—8 линий.

След ладони может иметь ориентирующее значение для *предположения о социальной среде, сформировавшей оставившего этот след человека.* Ладонь представителя физического труда, особенно занимающегося им с детства, как правило, более широкая, квадратной формы по сравнению с более узкой, прямоугольной или овальной ладонью представителя интеллигенции.

Установление особенностей руки, оставившей след. Определенное поисковое значение имеют любые аномалии, отобразившиеся в следах рук. Это, например, возвышение указательного пальца над безымянным, необычная длина, искривление, утолщение в суставах, сращение некоторых пальцев, мозоли, рубцы, шрамы, полное или частичное отсутствие папиллярных линий ногтевых фаланг, которое может быть результатом намеренного их уничтожения.

Приблизительное определение роста и пола человека. Для этого используются специальные таблицы, применяя которые можно установить примерный рост или пол человека по длине и ширине ладони или по длине и ширине различных пальцев рук.

Экспертное исследование следов рук

Следы папиллярных узоров рук поступают на исследование вместе с объектом или его частью, на специальной пленке, в виде слепков объемных следов или фотоснимков, помещенных в фототаблицы (приложение

к протоколу осмотра места происшествия, к первичному заключению эксперта).

В качестве сравнительного материала представляются экспериментальные отпечатки папиллярных узоров рук проверяемых на бланках дактилоскопических карт или листах писчей бумаги (их ксерокопии, фоторепродукции).

Наиболее часто при назначении дактилоскопических экспертиз перед экспертом ставятся вопросы по установлению руки и пальцев, оставивших следы, определению пригодности следов рук для идентификации личности и установлению конкретного лица (лиц), оставившего следы.

Решение вопроса о пригодности следов папиллярных узоров рук для идентификации зависит от их качества.

При наличии четких и значительных по размеру участков папиллярных узоров с большим количеством различаемых деталей строения (как правило, не менее восьми) следы признаются пригодными для идентификации личности.

Если поступивший на экспертизу след содержит ограниченное количество четко выраженных признаков строения узора (2—3), но приблизительно определяется *тип* папиллярного узора, эксперт делает вывод о том, что решить вопрос о пригодности следа для идентификации личности можно лишь при его сравнительном исследовании с отпечатками рук конкретного проверяемого лица. Как правило, такие следы рук расположены на шероховатых рельефных, загрязненных поверхностях.

Оценка выявленных при сравнительном исследовании совпадающих и различающихся признаков осуществляется на основе определения идентификационной значимости каждого из них, а также всей их совокупности. Критерием для этого является частота встречаемости признаков.

Совокупность из восьми частных признаков папиллярного узора можно считать достаточной для отождествления; это позволяет сделать надежный и аргументированный вывод. Однако необходимо учитывать и условность указанного количества, так как такая совокупность оценивается не только по количеству признаков, но и по их качественным характеристикам (в том числе по идентификационной значимости, взаиморасположению в узоре и т. п.).

Если установлено совпадение по общим признакам, а также по ряду частных признаков (не менее восьми), необходимо определить, является ли совокупность этих совпадающих признаков индивидуальной (неповторимой).

Вывод о невозможности решения вопроса о тождестве делается в случае непригодности следов для идентификации или отсутствия надлежащих сравнительных образцов. Результаты исследования оформляются в виде заключения эксперта и фототаблиц.

§ 2. Следы ног (обуви)

Криминалистическое значение следов ног (обуви)

Следы ног (обуви) человека относятся к числу наиболее часто встречающихся на месте происшествия, и их изучение позволяет: а) установить обстановку в момент преступления и способ его совершения; б) определить число лиц, участвовавших в преступлении; в) составить представление об анатомических признаках преступника (пол, пример-

ный рост, возраст, вес, походка, физические недостатки) и времени совершения преступления; г) определить направление, скорость и характер движения преступника (бежал он или шел, где останавливался, нес ли он тяжелый груз); д) установить, каким способом он проник в помещение, в какой был обуви и ее характерные признаки.

Общие сведения о строении подошвы обуви и подошвы стопы ноги человека

В подошве обуви различают следующие части: подметочную, промежуточную и каблук (рис. 24). Если обувь не имеет каблука, то задняя часть подошвы называется пяточной частью. Края подошвы называются: внутренним (обращен к другой ноге), внешним, задним и передним. Те же названия употребляются для обозначения краев отдельных частей подошвы: подметки, промежуточной части и каблука.

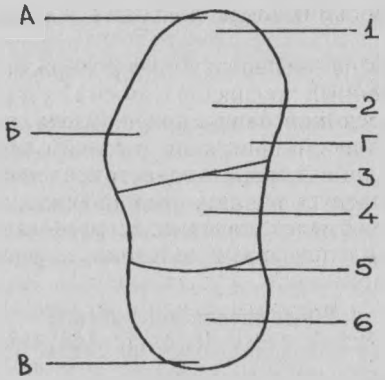


Рис. 24. Подошва обуви:
1 — носок; 2 — подметка; 3 — задний край подметки; 4 — промежуточная часть; 5 — передний край каблука; 6 — каблук. А — передний край подошвы; Б — наружный край подошвы; В — задний край подошвы; Г — внутренний край подошвы

Подошва обуви и ее части характеризуются с точки зрения формы и размеров. Форма подметочной части зависит от формы носка и заднего края. Различают следующие типовые формы носков: острый, прямоугольный удлиненный, прямоугольный широкий и круглый широкий. Задний край подметки может быть: прямым; скошенным; вогнутым; фигурным. Передний край каблука по форме бывает: прямой; вогнутый; выпуклый; фигурный. Каблуки делятся на низкие, средние и высокие.

В подошве стопы ноги человека различают следующие части: пальцевая, плюсневая, свод и пятка (рис. 25). Контур стопы делят на линии: внутреннюю; внешнюю; заднюю (область пятки); переднюю (граница ногтевых фаланг пальцев).

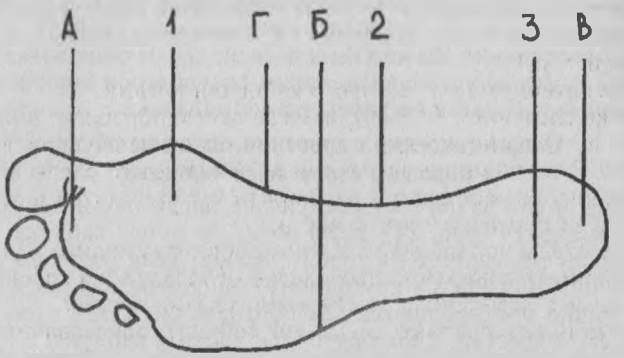


Рис. 25. Подошва стопы ноги человека:
1 — плюсневая часть; 2 — промежуточная часть; 3 — пяточная часть. А — передний край; Б — внешний край; В — задний край; Г — внутренний край

По ширине промежуточной части судят о высоте свода стопы (подъеме). В поверхностном следе стопы с очень высоким сводом отпечаток промежуточной части либо совсем отсутствует, либо имеет вид узкой полоски. В следе стопы с низким сводом (плоская стопа) отпечаток промежуточной части бывает широким. В строении подошвы стопы особое значение для идентификации человека, оставившего след, имеют папиллярные узоры.

Виды следов ног (обуви)

Следы ног человека подразделяются на следы босых ног; следы ног, одетых в носки (чулки), и следы обуви.

В зависимости от механизма следообразования возникают статические или динамические следы ног (обуви). Статические следы образуются, когда человек стоит, идет или бежит, а динамические — когда он скользит.

Следы ног (обуви) могут быть объемными, если они образуются на пластичной поверхности (песок, рыхлая земля, грязь, мягкая глина, снег и т. п.), либо поверхностными, когда они оставлены на твердой поверхности (твердый грунт, пол, паркет и т. п.) за счет отслоения или наслоения пыли, грязи, красящих веществ, крови и т. п. Поверхностные следы ног (обуви) могут быть видимыми и невидимыми. Поверхностные следы видимы, если они сами одного цвета, а их фон другого цвета, и соответственно невидимы, если они того же цвета, что и фон, так как они сливаются со своим фоном. К невидимым относятся и следы, оставленные чистой подошвой обуви на чистой гладкой поверхности. Босая нога также может оставить невидимый поверхностный след, состоящий из потовых выделений, обычно смешанных с частицами пыли и грязи.

Работа следователя со следами ног (обуви)

Обнаружение следов ног (обуви). В целях обнаружения следов ног (обуви) на месте происшествия рекомендуется осмотреть:

1) поверхность земли (пола), лежащие на земле (полу) предметы;

2) предметы обстановки, которыми мог пользоваться преступник (столы, стулья, скамейки, табуреты и т. п.), доставая какие-либо вещи со шкафов, полок, снимая со стен висящие на них предметы;

3) предметы и поверхности по пути следования преступника (заборы, перлаки, крыши, лестницы, подоконники, гладкие резиновые коврики перед дверью и т. п.);

4) одежду потерпевшего, которого избивали ногами.

При поиске следов ног (обуви), прежде всего, обращают внимание на возможные пути проникновения преступника на место происшествия и ухода с него. Если на месте, подвергающемся осмотру, следы ног (обуви) не обнаружены, то необходимо расширить место осмотра и попытаться найти следы за пределами этого места.

Объемные следы ног (обуви) обычно хорошо различимы. Для выявления слабовидимых поверхностных следов используются косонаправленное освещение и осмотр под различными углами зрения.

Невидимые поверхностные следы ног (обуви), образованные за счет отслоения или наслоения пылеобразных веществ, особенно на различных тканях (обивке мебели, коврах и т. п.), удается выявить лишь с помощью дактилоскопической пленки, скотча, увлажненной фотобумаги, шероховатой поверхности резины, путем наложения и прижатия их к следу.

Невидимые следы, оставленные чистой подошвой резиновой обуви (на линолеуме, крашенном и струганном дереве, бумаге, керамических плитках пола), выявляются путем обработки поверхности магнитными порошками с помощью магнитной кисти и затем могут быть откопированы на дактилоскопическую пленку (скотч). Подобные следы, выявленные на неровных поверхностях, копируются с помощью силиконовых компаундов так же, как это делается с аналогичными следами рук.

Следы подошв резиновой обуви, выявленные порошком восстановленного водородом железа на пористых поверхностях, можно закрепить посредством интенсивного окуривания парами йода с помощью йодной трубки.

Свежие кровяные следы, сливающиеся с фоном, можно увидеть, подождав несколько часов, так как с течением времени они меняют свою окраску и выделяются на том фоне, с которым ранее сливались.

Сохранение следов ног (обуви). Следы ног (обуви) легко подвергаются разрушению, поэтому с момента их обнаружения должны быть приняты меры к их сохранению.

Следы на открытой местности необходимо оградить, а при неблагоприятных атмосферных условиях (дождь, снег и т. п.) прикрыть водонепроницаемым предметом (ящиком, коробкой, листом железа или фанеры), однако так, чтобы прикрывающий предмет не касался следа. Кроме того, водонепроницаемый предмет не должен быть загрязненным и обладать резким запахом. Если имеется опасность размыва следа водой, то его необходимо не только накрыть, но и сделать вокруг него водоотводную канавку.

Для сохранения объемных следов в песке от повреждения ветром и засыпания песком необходимо прикрыть их ящиком или тазом и поставить ветровой заслон в виде щита из досок или ветвей.

Для сохранения объемных следов в снегу от деформации в результате таяния снега необходимо прикрыть след чем-то теплонепроницаемым (укрепленной на подпорках зимней верхней одеждой, толстым деревянным ящиком и т. п.) либо тазом или другой посудой, которую затем засыпать снегом.

Закрепление следов ног (обуви). Любые обнаруженные на месте происшествия следы ног (обуви), прежде всего, фотографируются и только затем измеряются и описываются в протоколе осмотра места происшествия.

Видимые следы ног (обуви) необходимо фотографировать непосредственно после обнаружения, а невидимые — после их проявления. Следы ног (обуви) фотографируются в максимально крупном масштабе по правилам масштабной фотосъемки. При этом, фотоаппарат располагается так, чтобы плоскость кадра была строго параллельна плоскости расположения следа; масштабная линейка кладется в плоскости следа.

Объемные следы ног (обуви) лучше фотографировать при двустороннем освещении: основным светом и дополнительным теневым (рис. 26). Угол теневого освещения зависит от величины рельефа следа. Чем крупнее рельеф, тем больше должен быть угол теневого освещения, и наоборот. Неглубокие следы обуви на пыльной дороге также фотографируют при двустороннем освещении: верхнем — рассеянном и боковом — направленном. В солнечную погоду в полуденные часы такое освещение можно создать с помощью белого экрана или зеркала. Поверхностные следы ног (обуви), т. е. следы отслоения или наслоения пыли и грязи, необходимо фотографировать при боковом и верхнем освещении.

Следы ног (обуви) на снежном покрове при дневном освещении фотографируются с применением желтого или оранжевого светофильтров, которые ослабляют действие отраженных снегом ультрафиолетовых лучей и улучшают качество изображения.

Поверхностные окрашенные следы ног (например, кровяные), желательно фотографировать на цветные фотоматериалы, а на черно-белые — с применением светофильтра, учитывая цвет поверхности, на которой они расположены.

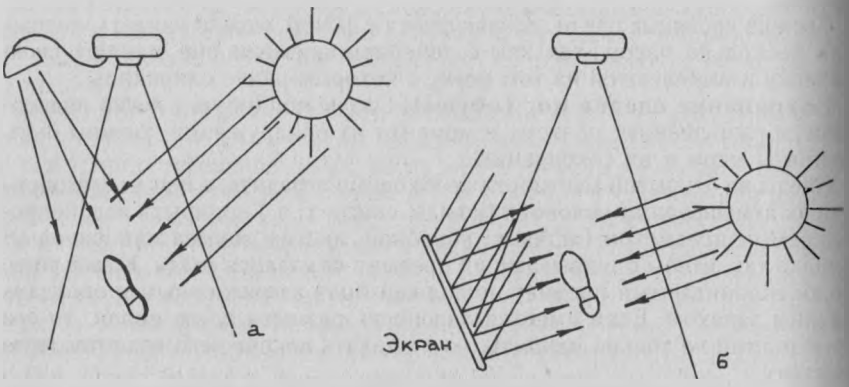


Рис. 26. Расположение источников освещения при фотографировании объемных следов обуви

Дорожка следов ног (обуви), если она короткая, фотографируется целиком на один кадр сбоку. Более длинную дорожку следов ног (обуви) лучше фотографировать сбоку линейным панорамным способом. При съемке необходимо следить за тем, чтобы фотоаппарат перемещался строго параллельно линии направления движения, причем точки съемки должны находиться на равном расстоянии от дорожки следов. Эти точ-

ки намечаются заранее с таким расчетом, чтобы они перекрывались каждым последующим кадром. Если в намеченных точках съемки отсутствуют естественные ориентиры, их можно заменить колышками. Если в дорожке следов запечатлелись особенности походки, целесообразно производить съемку сверху с масштабной линейкой.

Изготовленные фотоснимки следов ног (обуви) приобщаются к делу в качестве приложения к протоколу осмотра (ст. 180 УПК РФ).

В следах, оставленных обувью, измеряются (рис. 27): а) общая длина следа обуви — по линии от середины заднего края каблука до середины переднего края носка; б) длина подметки — по оси следа; в) ширина подметки — в самом широком месте; г) ширина промежуточной части — в наиболее узком месте; д) длина промежуточной части; е) ширина каблука и длина каблука — по оси; ж) глубина отпечатка каблука.

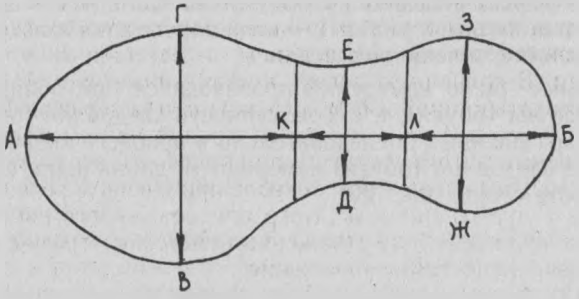


Рис. 27. Измерение следа обуви:
АБ — длина следа; АК — длина отпечатка подметки; ВГ — ширина отпечатка подметки; ДЕ — ширина отпечатка промежуточной части; КЛ — длина отпечатка промежуточной части; ЛБ — длина отпечатка каблука; ЖЗ — ширина отпечатка каблука

В объемном следе обуви отдельные части измеряются не по горизонтали, а по кривой линии его поверхности, так как отпечатки пятки и носка в таком следе более углублены по сравнению со средней частью отпечатка подошвы.

В следе босой ноги измеряются: общая длина подошвы; ширина плюсневой части; ширина пяточной части; ширина промежуточной части (свода); длина и ширина пальцев (рис. 28).

Длину следа босой ноги измеряют по осевой линии, проведенной от заднего края пятки и проходящей между первым и вторым пальцами до перпендикуляра к осевой линии, проходящего касательно к переднему краю первого пальца. Ширину плюсневой и пяточной частей босой ноги измеряют по линиям, перпендикулярным к серединной линии подошвы в наиболее широком месте, а промежуточной части — в наиболее узком месте. Длину и ширину пальцев босой ноги измеряют по прямым линиям, соединяющим наиболее удаленные точки.

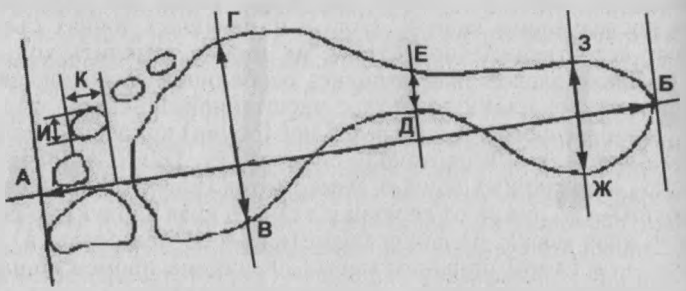


Рис. 28. Измерение следа босой ноги:
АБ — длина следа; ВГ — ширина отпечатка плюсневой части; ДЕ — ширина отпечатка промежуточной части; ЖЗ — ширина отпечатка пяточной части; И — ширина отпечатка пальца ноги; К — длина отпечатка пальца ноги

Значительное число измерений производится при обнаружении дорожки следов ног (обуви), т. е. совокупности следов ног (обуви) одного человека, образованных последовательно в процессе ходьбы или бега.

В дорожке следов ног (обуви) измеряются: длина шага, его ширина и угол разворота стопы (рис. 29).

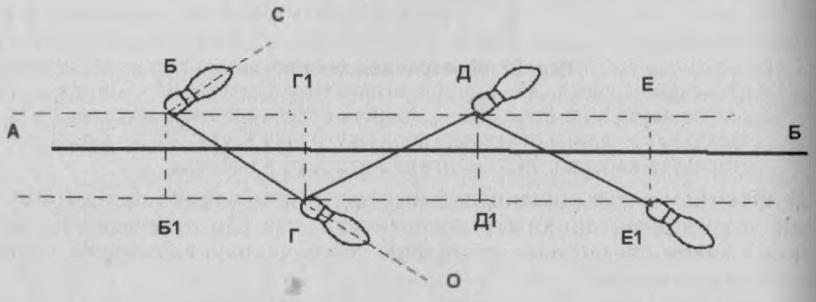


Рис. 29. Дорожка следов:
АБ — линия направления движения; $БГДЕ_1$ — линия ходьбы; $Б_1Г$ — длина шага правой ноги; $Г_1Д$ — длина шага левой ноги; $Г_1Г$ — ширина шага; $ОГД_1$ — угол разворота правой стопы; $СБГ_1$ — угол разворота левой стопы

Основой для расчета служит линия направления движения, представляющая собой прямую, проведенную посередине между следами правой и левой ноги.

Длина шага определяется расстоянием между двумя однозначными точками отпечатков, последовательно оставленных правой и левой ногой.

Ширина шага представляет собой поперечное расстояние между следами от середины задней части каблуков правой и левой ноги. У разных лиц она колеблется от 6 до 12 см.

Угол разворота стопы измеряется с помощью транспортира в месте пересечения линии, соединяющей наиболее удаленные точки пятки и

носка каждой стопы с линией направления движения. Образуемый угол может быть положительным, отрицательным и нулевым.

Измерение элементов дорожки правой и левой ноги необходимо производить в нескольких местах, так как они могут иметь некоторые различия.

Результаты осмотра и измерения следов ног (обуви) заносятся в протокол осмотра места происшествия, где должно быть указано: 1) место, время обнаружения следов ног (обуви) и на какой поверхности они находятся (песок, глина, снег, асфальт, деревянный или цементный пол и т. д.); 2) вид следа (объемный, поверхностный); 3) форма (следы ботинок, туфель, сапог, кроссовок, босой ноги); 4) размеры следа; 5) индивидуальные особенности подошвы обуви (набойки, заплаты, подковы, головки гвоздей и шурупов и т. д.); 6) данные измерений элементов походки (длина и ширина шага, угол разворота стопы, иные особенности) и их ориентация относительно площади места происшествия в целом; 7) способ обнаружения и закрепления следа (обработка поверхности дактилоскопическим порошком, перенос на липкую пленку (скотч), фотографирование, зарисовка, изготовление копий); 8) способ изъятия следов и их упаковка.

Рекомендуется делать зарисовки (схемы) как отдельных следов ног (обуви), так и их дорожек. На таких схемах указывают результаты полученных измерений.

Изъятие следов ног (обуви). Следы ног (обуви) по возможности изымаются в натуре вместе с предметом — носителем следа. Если существует опасность деформации следа, то след изымают путем изготовления слепка следа. При этом, способ изъятия следов ног (обуви) зависит от их вида.

Поверхностные следы ног (обуви) или их фрагменты, образованные за счет наслоения или отслоения пыли или иных порошкообразных веществ на гладкой поверхности, могут быть изъяты путем непосредственного переноса частиц, образовавших следы, на крупноформатную дактилоскопическую пленку, либо на листовую резину, поверхность которой должна быть предварительно зачищена наждачной бумагой, либо на листы увлажненной глянцевой фотобумаги размером 24 х 30 или 30 х 40 см. При этом, светлые частицы веществ переносятся на бумагу черного цвета (засвеченную, проявленную и отфиксированную), темные — на бумагу белого цвета (отфиксированную и промытую). Фрагменты следов хорошо переносятся на светлую или темную дактилоскопическую пленку.

Для изготовления копий с объемных следов ног (обуви) применяют гипс, пасты К, СКТН.

С объемных следов ног (обуви) на плотном грунте изготавливаются гипсовые слепки. В зависимости от состояния грунта применяются различные способы изготовления слепков — наливной, насыпной и комбинированный способы.

Наливной способ применяется для получения слепков со следов ног (обуви) в плотном, влажном грунте.

Насыпной способ применяется в тех случаях, когда дно следа покрыто водой или мокрым снегом, при удалении которых можно повредить отпечаток подошвы обуви. В этом случае сухой гипсовый порошок высыпается через сито непосредственно на поверхность воды, оставшейся в следе обуви. После того как гипс пропитается влагой, насыпают новый

слой, укладывают каркас и опять наносят слой гипса. При изготовлении слепка со следа обуви, запорошенного мокрым снегом, его увлажняют охлажденной водой с помощью пульверизатора, а затем наносят слоями просеянный сухой гипс, как указывалось выше.

При комбинированном способе первоначально применяют насыпной, а затем, после образования плотной корки из гипса, ее смачивают водой, укладывают каркас и заливают сметанообразным раствором гипса.

Предварительное исследование следов ног (обуви). Предварительное исследование следов ног (обуви) позволяет: 1) определить размер (номер) обуви по следу; 2) определить соответствие размера обуви длине стопы; 3) определить вид и фасон обуви; 4) сделать предположительное суждение о росте человека, оставившего следы; 5) предположительно определить пол человека, оставившего следы; 6) определить скорость движения человека, оставившего следы; 7) определить состояние человека, оставившего следы; 8) установить профессию человека, оставившего следы; 9) установить направление, в котором двигался преступник; 10) определить время возникновения следов.

Определение размера (номера) обуви по следу. Размеры основных видов обуви в России принято выражать в условных единицах — штихмассах. Один штихмасс равен 6,6 мм. Размер обуви — это размер колодки. Поэтому, измерив след обуви, сначала уменьшают полученное число на единицу (обычно след длиннее колодки примерно на 1 см), затем полученное число делят на 6,6.

Например, длина следа — 28 см. Требуется определить размер обуви, которой оставлен след. Для этого от 28 отнимем единицу, получаем 27 см (или 270 мм); затем 270 (мм) делим на 6,6 и получаем 41 (приближенно). Следовательно, размер обуви в штихмассах равен 41.

В случае нечеткого отображения в следе обуви контуров подошвы на участках измерения длины подошвы либо ширины ее частей, а также при наличии лишь фрагментов следа (каблука, подметочной части) для получения данных о полной длине следа или его ширине необходимо воспользоваться данными, основанными на антропометрической зависимости размеров частей стопы (рис. 30).

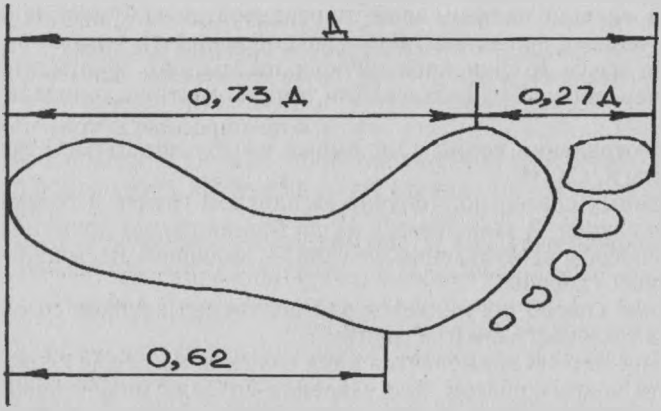


Рис. 30. Среднетипичная связь размеров стопы и ее отдельных частей (Д — длина стопы)

Определение соответствия размера обуви длине стопы. В объемном следе обуви приподнятость в центре подметки свидетельствует о сношивании средней части подметки, что характерно для обуви, соответствующей размеру ступни. Если след износа приходится на заднюю часть подметки, то обувь велика, а если на переднюю часть, то обувь мала. Непропечатывание носка в поверхностном следе обуви дает основание предположить, что носок загнут кверху, т. е. обувь велика.

Определение вида и фасона обуви. Характеристика фасона обуви складывается из следующих признаков: форма носка; ширина и кривизна внутреннего и внешнего краев подметки; ширина и высота каблука; расстояние между каблуком и подметкой.

Так, наличие отпечатков крупного рельефа рисунка характерно для ботинок и полуботинок на формованной резиновой подошве; округлая форма следов, имеющих нечеткие края, — для валенок; малые размеры отпечатка каблука, отстоящего на значительном расстоянии от подметки, при малых размерах всего следа, — для женских туфель; наличие отпечатков фигурного крупного рельефа рисунка — для кроссовок и т. д.

Предположительное суждение о росте человека. Предположительный вывод о росте человека по следу обуви делают, пользуясь следующей таблицей, основанной на средних данных о соотношении роста человека и длины следа обуви:

Длина следа обутой ноги (в мм)	Число, на которое следует умножить длину следа обуви, чтобы получить данные о росте	Длина следа обутой ноги (в мм)	Число, на которое следует умножить длину следа обуви, чтобы получить данные о росте
До 219	7,17	260—269	6,328
220—229	6,84	270—279	6,254
230—239	6,61	280—289	6,12
240—249	6,505	290—299	6,08
250—259	6,407		

Предположительный вывод о росте человека по следу ноги делают с помощью той же таблицы. Например, прибавив к длине следа обутой ноги (275 мм) 20 (мм), получаем 295 (мм). Число 295 приходится на последнюю строку таблицы (290—299). Следовательно, примерный рост человека: 295 х 6,08 = 179 см.

Необходимо иметь в виду, что вышеуказанные соотношения размеров роста и длины стопы ноги выведены как средние. Поэтому у отдельных людей соотношения могут быть и иными — как меньшими, так и большими.

Зная длину следа ноги (обуви), можно определить примерный рост человека (V) и по следующей формуле:

$$V = 3{,}1\ Dп + 4Sп + 53,$$

где Dп — длина подошвы (стопы) в см;

Sп — ширина подошвы (стопы) в см.

Данная формула дает наибольшее приближение к достоверности определения примерного роста человека по следам ног (обуви), так как отклонение составляет всего ± 1—3 см.

Предположительное определение пола человека, оставившего следы ног (обуви), производится на основании длины и угла разворота стопы. Длина обычного шага мужчины среднего роста равна 70—90 см, а женщины среднего роста — 50—70 см. Угол разворота стопы у мужчин

колеблется в пределах 18—25°, у женщин — в пределах 12—20°. Это данные также являются средними и от них возможны отклонения.

Определение скорости движения. Длина шага человека в дорожке следов ног (обуви) характеризует скорость его движения. Человек среднего роста, идя медленно, делает шаги длиной 25—30 см каждый, при беге или при очень быстрой ходьбе образуются следы длиной 80—100 см и больше, при прочих скоростях движения, в пределах между тихой ходьбой и бегом, длина шага соответственно варьируется. При ходьбе человек оставляет полные оттиски подошв обуви, а во время бега остаются только следы носков обуви, притом глубоко вдавленные.

Остановки в движении человека характеризуются скоплением беспорядочно расположенных следов ног (обуви) и перерывами в их дорожке.

Определение состояния человека, оставившего следы ног (обуви). О болезненном или утомленном состоянии свидетельствует неоднородность элементов дорожки следов ног (обуви), выражающаяся в значительном различии между длиной, шириной или углом разворота стопы и теми же элементами другого шага. Для хромого характерно то, что длина и угол разворота стопы ноги, на которую он хромает, меньше, чем здоровой ноги. Иногда след больной ноги имеет признак волочения.

По направлению следов ног (обуви) иногда удается определить, насколько скоординированы движения человека. В случаях когда линия ходьбы путанно-ломанная, причем это не вызвано особенностями обстановки осматриваемого места, есть основание думать, что это результат расстройства психических или физических функций человеческого организма (состояние алкогольного или наркотического опьянения, болезненное состояние, близкое к потере сознания — от удара по голове, от теплового удара, от сильной потери крови, от внезапного заболевания и т. д.).

По следам ног (обуви) можно установить, шел ли человек нагруженный или налегке. Человек, обремененный тяжестью, передвигается медленно, короткими шагами, широко расставляя ноги, для того чтобы увеличить свою устойчивость; его ступни в мягкий грунт вдавливаются очень сильно, а угол разворота стопы уменьшается.

Для очень толстого человека или старика характерны несколько увеличенная ширина шага, уменьшенная длина и уменьшенный угол разворота стопы. У левшей левый шаг длиннее правого, а у женщин на последних месяцах беременности увеличиваются ширина и угол разворота стопы.

Установление профессии. По углу разворота стопы можно предположительно определить профессию человека, оставившего следы. Например, моряки, грузчики, верхолазы, штукатуры и плотники ставят стопы не под углом к оси туловища, а параллельно друг другу, что придает туловищу в сочетании с широкой расстановкой ног наибольшую устойчивость. У людей названных профессий к тому же очень короткий шаг — результат длительной привычки передвигаться по узким настилам, балкам, стропилам, рельсам и т. д.

Установление направления, в котором двигался преступник. Необходимо учитывать возможность фальсификации преступником направления движения. Для этой цели преступники иногда двигаются задом наперед: подвязывают обувь к ногам каблуками вперед; пятясь, вторично становятся в свои следы, оставленные при движении лицом вперед. В первом случае отмечается неравномерность линии направления движе-

ния, наличие следов скольжения, направленных в сторону отпечатков каблуков обуви, малая длина шага, иногда отрицательный угол разворота стопы, иногда очень большая ширина шага при малом угле разворота стопы, необычное расположение углубленных частей в следе — более глубоким является отпечаток носка, а не каблука обуви. При подвязывании обуви к ногам каблуками вперед могут быть видны отпечатки подвязки (веревки, ремней, проволоки и т. д.), четкий отпечаток носка и смазанный отпечаток каблука обуви, иногда резко отрицательный угол разворота стопы, различие в длине и ширине шагов, иногда двойной контур — от носка своей обуви и каблука подвязанной обуви. Если человек пятился и вторично становился в свои следы, то могут наблюдаться нарушение их обычной формы, сдвоенность контуров, следы скольжения в области каблука обуви.

Для сокрытия количества проследовавших людей преступники используют прием «волчий след», т. е. преступники идут «гуськом» и каждый идущий сзади старается наступать в след впереди идущего. «Колонну» обычно замыкает наиболее рослый преступник, покрывающий все следы своей обувью большого размера. Признаками «волчьего следа» являются значительная глубина следов, их расплывчатость, осыпание краев следов, сдвоение следов.

Определение времени возникновения следов. Это возможно только в тех случаях, когда произошли изменения погоды. Если был дождь и обнаруженные следы ног (обуви) — глубокие, то оставивший следы человек шел во время дождя или после, по размягченной от дождя почве. Если точно известно время, когда шел дождь, и как долго он продолжался, и в помещении найдены на полу следы от мокрых и грязных ног (обуви), то оставивший их человек, очевидно, появился в помещении не раньше того времени, когда начался дождь. Если известно, когда выпал снег или как долго он шел, можно определить время образования следов обуви, обнаруженных на снегу, так как очевидно, что человек шел тогда, когда перестал идти снег, потому что в противном случае его следы обуви были бы занесены снегом. Если следы неизвестного человека перекрыты сверху следами другого лица, установить личность которого, равно как и время оставления им следов обуви, вполне возможно, то, очевидно, что неизвестный шел ранее этого времени. Если, наоборот, неизвестные следы обуви перекрывают следы, ранее оставленные известным лицом, то они, очевидно, более позднего происхождения.

Экспертное исследование следов ног (обуви)

Предметом трасологической экспертизы следов ног (обуви) является установление на основе специальных знаний конкретного лица (экземпляра обуви, чулка, носка), оставившего следы на месте происшествия, а также времени и условий следообразования.

Изучение следов ног позволяет решить ряд идентификационных и неидентификационных задач. Наиболее часто перед экспертами-трасологами ставятся идентификационные задачи, к числу которых относятся: а) идентификация человека по отображению папиллярного узора в следах босых ног; б) идентификация человека по отображению строения подошвенной части стопы в следах босых ног, папиллярный узор в которых не отобразился, либо в следах ног в носках (чулках); в) определение принадлежности обуви конкретному лицу по отобразившимся внутри нее индивидуальным особенностям стопы и признакам износа

отдельных частей обуви; г) идентификация конкретного экземпляра обуви по ее следам.

К неидентификационным (диагностическим) задачам, решаемым в ходе экспертного исследования, относятся: а) определение размера (номера) обуви по следу; б) установление вида, фасона, артикула обуви по отображению деталей ее подошвы; в) установление физических признаков человека, оставившего следы ног (обуви) (пол, примерный рост, возраст, особенности походки и т. п.); г) выявление свойств уничтоженной обуви по металлической и пластмассовой фурнитуре, обнаруженной на месте происшествия; д) определение половозрастных групп потребителей обуви; е) установление условий образования следов ног (обуви); ж) установление направления движения и способа передвижения человека на месте происшествия; з) установление давности оставления следов ног (обуви).

В зависимости от конкретной следственной ситуации в ходе проведения трасологической экспертизы могут решаться и другие задачи как идентификационного, так и неидентификационного (диагностического) характера.

В числе идентификационных вопросов большую группу составляют вопросы, связанные с установлением родового тождества (групповой принадлежности). К числу таких вопросов относятся: 1) оставлены ли представленные на экспертизу следы ногами человека; 2) принадлежат ли следы мужской или женской обуви; 3) обувью какого вида и размера оставлены следы; 4) не оставлены ли обнаруженные следы ногами человека, обутыми в чулки (носки).

В целях установления конкретного тождества эксперту могут быть поставлены следующие вопросы: 1) не принадлежат ли следы босых ног, обнаруженные на месте происшествия подозреваемому; 2) не оставлены ли следы ног, обнаруженные на месте происшествия, обувью, изъятой у подозреваемого в ходе проведения обыска; 3) не оставлены ли следы ног, обнаруженные на месте происшествия, чулками (носками), изъятыми у обвиняемого в ходе выемки.

Объектами судебно-трасологической экспертизы следов ног являются: а) поверхностные следы ног, отображенные на каких-либо предметах, изъятых с места происшествия, либо перекопированные на дактилопленку (фотобумагу); б) слепки с объемных следов ног, изготовленные из гипса, пасты К и др.; в) масштабные фотоснимки следов, произведенные на месте происшествия; г) материалы уголовного дела в части, касающейся предмета экспертизы (например, протоколы осмотра места происшествия, обыска, выемки, следственного эксперимента, осмотра вещественных доказательств, протоколы допросов участвующих в деле лиц и т. п.). Материалы уголовного дела должны содержать сведения о времени и условиях обнаружения следов, способах их фиксации и механизме события происшествия.

§ 3. Следы зубов

Криминалистическое значение следов зубов

Следы зубов в следственной практике встречаются сравнительно редко. Изучение следов зубов нередко позволяет идентифицировать человека, оставившего следы, а также приблизительно определить его возраст, установить пол и высказать предположение о некоторых чертах

ния лица, профессии, а также какими болезнями страдал человек. По следам зубов можно судить и о некоторых обстоятельствах происшествия (например, о механизме образования следов, о взаимном положении преступника и потерпевшего, о характере борьбы потерпевшего с преступником и т. д.).

Общие сведения о строении зубного аппарата человека

При нормальном развитии у человека вырастает 32 постоянных зуба, равномерно распределенных между верхней и нижней челюстями. В каждой из них укреплено: 4 резца, 2 клыка, 4 малых коренных зуба и 6 больших коренных зубов (рис. 31).

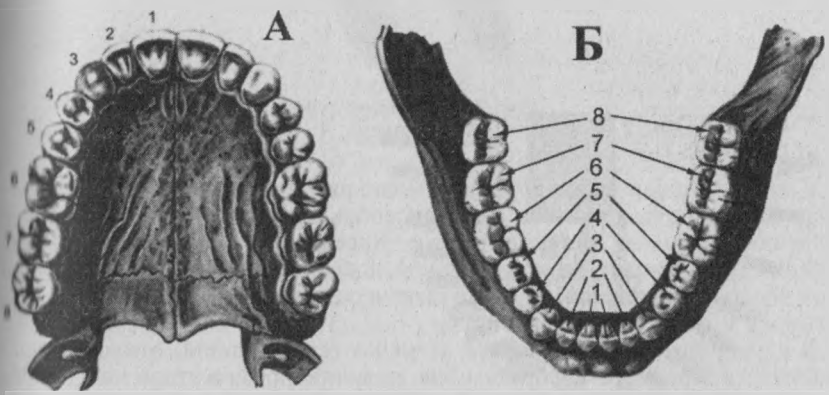


Рис. 31. Строение зубного аппарата человека:
А — верхняя челюсть; Б — нижняя челюсть; 1 — резец медиальный; 2 — резец латеральный; 3 — клык; 4 и 5 — премоляр (малый коренной) I и II; 6, 7, 8 — моляр (большой коренной) I, II, III (зуб мудрости). Верхняя челюсть: 1 — семь-восемь лет; 2 — восемь-девять лет; 3 — одиннадцать-двенадцать лет; 4 — десять-одиннадцать лет; 5 — десять-двенадцать лет; 6 — шесть-восемь лет; 7 — двенадцать-тринадцать лет; 8 — семнадцать-двадцать один год. Нижняя челюсть: 1 — шесть-семь лет; 2 — семь-восемь лет; 3 — девять-десять лет; 4 — девять-двенадцать лет; 5 — одиннадцать-двенадцать лет; 6 — пять-семь лет; 7 — одиннадцать-тринадцать лет; 8 — двенадцать-двадцать шесть лет

В строении каждого зуба принято различать корень (опорная часть зуба) и коронку (наружная часть зуба). Границу между ними называют шейкой. Корень состоит из твердого костного вещества (дентина), покрытого снаружи цементом. Поверхность коронки покрыта слоем эмали, а внутренняя часть заполнена зубной мякотью (пульпой) (рис. 32).

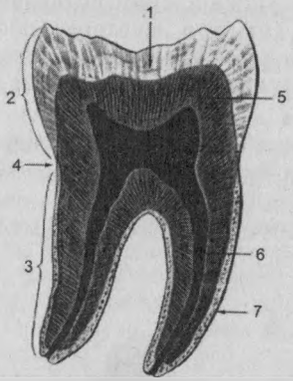


Рис. 32. Строение зуба:
1 — эмаль; 2 — коронка; 3 — корень; 4 — шейка; 5 — дентин; 6 — пульпа; 7 — цемент

У каждого вида зубов коронки имеют различную форму: у резцов — лопатообразную, у клыков — конусообразную, а у малых и больших коренных зубов — цилиндрическую. Кроме того, большие и малые коренные зубы имеют на жевательной поверхности коронки определенное число бугорков, клыки различаются по заостренности, а резцы — по размеру и форме режущего края.

В строении зубного аппарата встречаются аномалии, относящиеся к количеству, размерам, форме зубов, наличию промежутков между зубами (диастем). Различают еще и аномалии прикуса, т. е. случаи неправильного положения зубов верхней и нижней челюстей при их сжатии (прогнатия, прогения, прямой и открытый прикус).

Виды следов зубов

Исходя из принятой в трасологии классификации механизма формирования следов, следы зубов бывают двух видов — откуса и надкуса. Первые чаще оставляют передние зубы, вторые могут быть образованы любыми зубами. Откусы может произвести лишь человек, не пораженный пародонтозом (при котором наблюдается расшатанность зубов, их определенная подвижность). Надкусы подразделяются на простые и сложные. Первые образуются вертикальным движением челюсти, а вторые — при одновременном движении челюсти в сторону, что влияет на четкость отображения идентификационных признаков.

Работа следователя со следами зубов

Обнаружение следов зубов. Следы зубов удается обнаружить в следующих случаях: когда они оставлены преступником на теле потерпевшего; на пластичных пищевых продуктах (масло, сыр, фрукты, шоколад и т. п.) или иных предметах (на окурках, пломбах, бутылочных колпачках и т. п.) и когда они оставлены потерпевшим на теле самого преступника.

Сохранение следов зубов. При обнаружении следов зубов на продуктах питания необходимо принять меры к их сохранению. Скоропортящиеся продукты помещают в стеклянную посуду так, чтобы они в ней не передвигались и место со следами ни с чем не соприкасалось. Банку

закрывают крышкой и помещают в холодильник, а при транспортировке — в ящик с сухим льдом. Фрукты и овощи со следами зубов следует обернуть в чистую хлопчатобумажную ткань и уложить в сосуд, наполненный 40%-ным раствором спирта.

Закрепление следов зубов. При обнаружении следов зубов они фотографируются, измеряются и описываются в протоколе следственного действия, чаще всего в протоколе осмотра места происшествия, и составляется схема.

Фотографирование следов зубов на теле живого человека или на трупе осуществляют на цветную фотопленку. При фотосъемке следов зубов на легкоплавких пищевых продуктах (масло, сыр, сало и т. п.) осветители следует располагать на таком расстоянии, чтобы тепло от них не разрушило след.

При описании следов зубов в протоколе осмотра места происшествия необходимо указывать: 1) на каком предмете (веществе) обнаружены следы зубов; 2) вид объекта и состояние поверхности, на которой находятся следы зубов; 3) место расположения следов на объекте; 4) вид следа и количество следов; 5) форму и размеры следа в целом; 6) количество зубов, которые отобразились в следе; 7) форму, размеры и взаиморасположение следов каждого зуба; 8) характерные особенности следа; 9) способы фиксации и изъятия следов; 10) способ упаковки объектов со следами зубов или их копий; 11) какие надписи сделаны на упаковке.

Изъятие следов зубов. Следы на продуктах питания и других предметах изымаются непосредственно с этими предметами. Если предмет со следами зубов или его часть изъять невозможно, то со следов изготовляются слепки из силиконового компаунда К-1-18 с наполнителем в виде 15%-ной окиси цинка или из раствора гипса.

Следы зубов на теле человека фиксируются и изымаются с помощью специалиста в области судебной медицины. Следы зубов на трупе изымают с участком кожи в морге, перед вскрытием трупа. Участок кожи трупа со следами зубов хранят в уксусно-спиртовом растворе (1 часть ледяной уксусной кислоты, 2 части спирта и 7 частей воды).

Изъятие и упаковку окурков производят с помощью пинцета, так как, кроме следов зубов, на окурках остается слюна, которая может служить предметом самостоятельного исследования.

Предварительное исследование следов зубов. Предварительное исследование следов зубов позволяет: 1) определить возраст человека; 2) определить пол человека; 3) определить профессию; 4) сделать предположение о чертах лица; 5) сделать предположение об особенностях дикции (произношения).

Определение возраста человека. Основными признаками определения возраста человека, оставившего следы зубов, являются: прорезывание молочных зубов, смена их постоянными; стирание зубов, возникшее в процессе износа; заболевание зубов; старческие изменения зубов. У детей зубная дуга малая и нередко наряду с молочными зубами имеются кончики постоянных зубов. Немаловажное значение имеет и такой признак, как стирание жевательной поверхности, которое начинается после 18 лет.

Определение пола человека. При определении пола необходимо учитывать следующие признаки, характерные для мужчин и женщин: у женщин челюсти тоньше и меньше, чем у мужчин. Клиновидный тип коронки чаще встречается у мужчин. Для женщин характерен низкий,

прямоугольный тип коронки. Клыки у женщин меньше. Центральные и боковые резцы у женщин уже (меньше по ширине), чем у мужчин.

Определение профессии. В настоящее время очень редко встречаются профессии, ранее вызывавшие механические повреждения зубов (профессия сапожника, стеклодува и др.). Чаще можно встретить значительные профессиональные изменения зубов и слизистой рта, вызываемые химическими веществами. К ним относятся кислоты и производные таких металлов, как медь, свинец и ртуть. Так, например, при работе с медью на зубах появляются резко очерченные зеленоватые пятна, с ртутью — зубы окрашиваются в черный цвет.

Предположительное суждение о чертах лица. Размеры, количество, форма и расположение зубов оказывают влияние на черты лица человека. Так, большие длинные зубы бывают обычно у людей с удлиненными лицами. При отсутствии передних зубов около рта образуются морщины. Если зубы имеются только с одной стороны рта, то лицо становится ассиметричным. Неплотно смыкающиеся передние зубы заставляют человека держать рот полуоткрытым. Аномалия прикуса (прогнатия, прогения) вызывает соответствующее расположение челюсти.

Предположительное суждение об особенностях дикции (произношения). При отсутствии передних зубов человек шепелявит, а если нет только одного переднего зуба — произношение получается с присвистом.

Экспертное исследование следов зубов

Предметом судебно-трасологической экспертизы следов зубов человека является установление лица, оставившего следы зубов, а также условий, при которых образовались следы.

Исследование следов зубов позволяет экспертам решить вопросы идентификационного характера: 1) оставлены ли зубами следы, представленные на экспертизу; 2) не принадлежат ли следы зубному аппарату конкретного человека; 3) зубами верхней или нижней челюсти оставлены следы; 4) какими конкретно зубами оставлены следы; 5) каковы особенности строения зубного аппарата человека, оставившего следы; 6) не оставлены ли следы зубными протезами, в частности протезом, представленным на экспертизу.

Если установлено, что следы оставлены зубами человека, перед экспертом могут быть поставлены неидентификационные вопросы: о механизме образования следов и взаимном положении потерпевшего и преступника и др.

Перед экспертом могут быть поставлены диагностические задачи, такие как: определение возраста, пола и профессии человека, оставившего следы зубов.

Для судебно-трасологической экспертизы следов зубов должны представляться: 1) предметы со следами зубов, а если предмет большой — часть его со следом; 2) слепки со следов зубов (гипсовые, из силиконовой пасты и др.); 3) фотографические снимки следов зубов, полученные по правилам масштабной съемки. Целесообразно изготовить и представить эксперту два-три снимка каждого следа; 4) материалы уголовного дела — протоколы осмотра места происшествия, судебно-медицинского исследования трупа, судебно-медицинского освидетельствования живого лица, протоколы изъятия, осмотра и приобщения к уголовному делу вещественных доказательств; заключения первичных судебно-медицин

ских и трасологических экспертиз и другие документы, содержащие информацию о предмете исследования; 5) образцы для сравнительного исследования: а) экспериментальные оттиски зубов подозреваемого лица. Получение данных оттисков производится при участии специалиста: врача-стоматолога, зубного техника или криминалиста; б) гипсовые и иные модели челюстей подозреваемого лица. Для их изготовления привлекается зубной техник.

§ 4. Следы ногтей

Криминалистическое значение следов ногтей

Следы ногтей, как правило, встречаются при расследовании преступлений, связанных с насилием над личностью, реже — при расследовании хищений и иных преступлений. Их изучение позволяет установить: а) механизм и условия следообразования; б) особенности кисти руки лица, оставившего след (толщина и длина пальцев, величина и сила кисти и т. д.); в) количество лиц, оставивших следы; г) конкретное лицо, оставившее след; д) конкретный ноготь (палец, кисть, стопа), отобразившийся в следе; е) имела ли место борьба преступника и жертвы; ж) их взаиморасположение при удушении и механизм удушения.

Фрагменты ногтевых пластинок позволяют проводить идентификационные и диагностические исследования. В частности, по ним можно идентифицировать лицо (в том числе и неопознанный труп), конкретный палец кисти руки (стопы ноги). По фрагментам ногтей можно предположительно судить о поле, возрасте, профессии лица, наличии у него некоторых нервных и кожных заболеваний.

Общие сведения о строении ногтей

Ногти (рис. 33) представляют собой плотные роговые четырехугольные пластины, расположенные на тыльной поверхности концов пальцев рук и ног. Они защищают концевые фаланги от механических повреждений. Ногтевая пластина — видимая часть ногтя — является неживой тканью. Она состоит из кератина (рогового слоя) и покоится на ногтевом ложе. Образуется ногтевая пластина из матрикса — клеточного материала в основании ногтевого ложа. Ногтевое ложе защищено от возможных повреждений и инфекций ногтевыми валиками и кожным валиком — кутикулой.

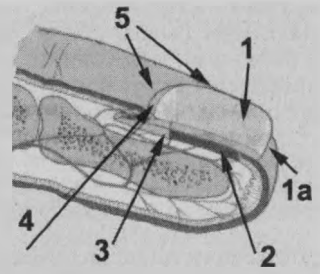


Рис. 33. Строение ногтя:
1 — ногтевая пластина; 1а — передний (дистальный) край ногтевой пластины; 2 — ногтевое ложе; 3 — матрикс; 4 — кутикула; 5 — ногтевые валики

Ногтевое ложе в местах сочленения с ногтевой пластиной в районе кутикулы имеет неровную поверхность и представляет собой ряд бороздок и гребешков (рис. 34).

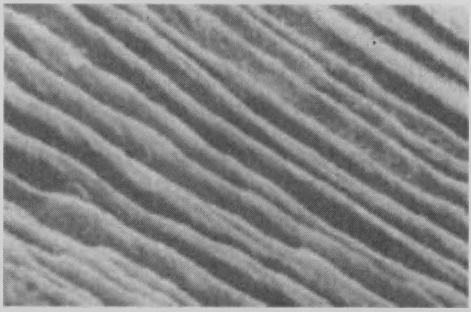


Рис. 34. Продольные гребешки ногтевого ложа (электронная микрофотография)

По мере роста, который происходит со скоростью 2—5 мм в месяц[26], ногтевая пластина как бы скользит по гребешкам ложа, повторяя его рельеф в виде заметных на поверхности ногтя невооруженным глазом продольных валиков и бороздок. Поэтому на всей протяженности ногтя и на его обрезках сохраняется одинаковый рельеф.

Рельеф ногтевой пластины индивидуален для ногтя каждого пальца руки (ноги) человека, не повторяется у разных людей, относительно устойчив на протяжении всей жизни[27] и обладает способностью к следообразованию. Данные его свойства позволяют по фрагменту ногтевой пластины или ее объемному следу идентифицировать конкретное лицо, оставившее след.

Однако чаще всего следы ногтей образуются их передними (дистальными) краями. Форма таких краев непостоянна (они растут, подрезаются, обкусываются и т. д.), в силу чего криминалистическое исследование следов ногтей позволяет получить сведения об особенностях кисти руки лица, оставившего след, механизме следообразования и динамике расследуемого события.

Также следует учитывать, что на поверхности ногтевых пластин могут быть различные неровности, образованные механическими травмами, термическими, химическими и радиоактивными воздействиями, косметической обработкой и возрастными изменениями.

По форме ногтевые пластины бывают более или менее выпуклыми, иногда почти плоскими; широкими или узкими, а в зависимости от формы переднего края — прямыми, закругленными или острыми. Эти признаки иногда оказываются хорошо выраженными в следах ногтей.

[26] У молодых людей ногти растут быстрее, чем у пожилых, у мужчин быстрее, чем у женщин, летом быстрее, чем зимой. А у лиц, страдающих некоторыми кожными заболеваниями (чешуйчатый лишай, нейродермит), рост ногтей замедляется.

[27] Следует иметь в виду способность ногтя регенерировать. Полная замена ногтевой пластины (или ее восстановление) происходит в среднем в течение 170 суток. В то же время некоторые нервные заболевания могут повлечь изменения ногтей. При этом уменьшаются их размеры (микроонизия), изменяются толщина, рельеф, цвет и форма ногтевой пластины.

К общим признакам ногтей относят форму и размеры, а частные признаки ногтей выражаются в виде рельефа и дефектов поверхности ногтевой пластины, а также неровностей ее переднего края.

Виды следов ногтей

Следы ногтей могут быть классифицированы по целому ряду признаков. В зависимости от характера образования они подразделяются на следы-предметы (ногтевые пластины и их фрагменты) и следы-отображения. Последние, в свою очередь, подразделяются по способу следообразования на статические и динамические. В зависимости от характера следовоспринимающей поверхности следы-отображения ногтей бывают поверхностные и объемные, а в зависимости от следообразующего объекта они подразделяются на оставленные передним краем ногтевой пластины или ее поверхностью.

Статические следы ногтей, образованные передним краем ногтевой пластины на теле человека, возникают как негативные следы, но оказываются представленными как позитивные (кровоподтечные) отпечатки. Динамическое взаимодействие указанных следовоспринимающей и следообразующей поверхностей приводит к образованию царапин.

Знание закономерностей образования следов ногтей и правильное определение вида обнаруженных следов позволяет следователю избрать наиболее эффективные методы работы по приданию им доказательственного значения, а также решить вопрос о возможных направлениях их исследования.

Работа следователя со следами ногтей

Обнаружение фрагментов и следов ногтей. Фрагменты ногтей могут быть обнаружены в ходе осмотра места происшествия на месте совершения убийств, грабежей, разбойных нападений, изнасилований и иных преступлений, связанных с насильственными посягательствами на личность. Обычно это обломки ногтевых пластин, свидетельствующие об интенсивном сопротивлении жертвы. В подобных случаях следует выяснить состояние ногтей потерпевшего.

Фрагменты ногтей необходимо искать не только по месту обнаружения трупа, но и по месту прежнего проживания или пребывания погибшего, т. е. в его квартире, на рабочем месте и т. п.

При производстве осмотра места жительства или работы без вести пропавшего должны тщательно изучаться места наиболее вероятного нахождения обрезков ногтей пропавшего и иных лиц. Экспертное исследование данных объектов позволяет установить принадлежность обнаруженных обрезков родным или близким отсутствующего лица и тем самым исключить или, наоборот, усилить их значение в деле. Если пропавшее без вести лицо погибло, то по обнаруженным фрагментам ногтевых пластин его труп может быть идентифицирован.

Гораздо сложнее обнаружить следы ногтей. Они образуются при соприкосновении пальцев рук с предметами и веществами, имеющими мягкую поверхность (пластилин, глина, оконная замазка, масло, шоколад и т. п.), на которой отображается рельеф ногтевой пластины, что позволяет впоследствии идентифицировать человека.

Такие следы удается обнаружить на месте совершения краж, грабежей и разбоев в помещении. Они могут находиться на печати из пластичных материалов или на продуктах питания. Осмотр производится с

применением косонаправленного освещения и лупы 2—4-кратного увеличения.

При расследовании насильственных преступлений следы ногтей (точнее, передних краев ногтевой пластины) могут быть обнаружены как на жертве преступления, так и на самом преступнике. Если имела место борьба преступника и жертвы, следы ногтей чаще всего остаются на лице и на руках, при изнасиловании — на бедрах жертвы, а при задушении — на шее.

Закрепление следов ногтей. При обнаружении следов ногтей они фотографируются, измеряются и описываются в протоколе следственного действия с составлением схемы. При обнаружении ногтевых пластин или их фрагментов в протоколе следственного действия также указывается место их нахождения.

Изъятие следов ногтей. Для проведения исследования необходимо изымать предмет (или часть его) вместе со следом. В исключительных случаях для этого могут применяться слепочные материалы типа пасты К, У, СКТН. Правила упаковки и хранения объекта-следоносителя зависят от характера конкретного объекта. Но в любом случае необходимо исключить его свободное перемещение и повреждение.

Обнаруженные фрагменты ногтей помещаются с помощью пинцета в бумажные пакетики или пробирки с точным указанием на упаковке места обнаружения. Эти действия обязательно отражаются в протоколе следственного действия.

Сохранение следов ногтей. Упакованные ногтевые пластины или их фрагменты до направления на исследование хранятся в затемненном прохладном месте, так как на свету и в тепле они высыхают и легко ломаются.

Предварительное исследование следов ногтей. Возможности предварительного исследования зависят от вида следа. Наибольшей информативностью обладают следы-предметы, т. е. ногтевые пластины (их фрагменты), а также объемные статические следы, оставленные указанными объектами. Детальное исследование данных следов осуществляется в рамках трасологической экспертизы. Динамические следы, оставляемые поверхностью ногтевых пластин, обладают минимальной информативностью и могут свидетельствовать лишь о факте скользящего контакта со следовоспринимающим объектом.

Статические объемные следы, оставляемые передним краем ногтевой пластины, несут в себе информацию о частных признаках этой части ногтя. В течение относительно небольшого промежутка времени (пока данные признаки следообразующего объекта остаются неизменными) такой след пригоден для идентификации.

Статические поверхностные следы ногтей (отпечатки) образуются на мягких упругих поверхностях (например, теле человека) в результате давления, что чаще всего бывает при удушении руками, щипках, сильном схватывании. По расположению отпечатков на шее жертвы удается сделать вывод о том, одной или двумя руками и какими именно проводилось удушение, проводилось оно однократным движением или несколькими повторными движениями, каково было взаимное расположение преступника и жертвы. По величине оттисков ногтей и расстоянию их друг от друга можно судить о толщине и длине пальцев, величине и силе кисти руки преступника.

Наиболее часто встречаются динамические поверхностные следы, оставляемые в результате скользящего контакта переднего края ногтевой пластины со следовоспринимающей поверхностью (царапины). Анализ их локализации, взаиморасположения, направления и степени выраженности трас царапин позволяет судить о механизме совершения или сокрытия преступления, особенностях строения кисти руки, физических данных и анатомических признаках лица, оставившего след.

При определении человека, оставившего царапины или отпечатки ногтей, следует учитывать виды форм, которые могут быть приданы ногтям:

1) удлиненная форма с заостренным передним краем. Данную форму чаще всего придают ногтям женщины. Может она встречаться на ногтях отдельных пальцев (чаще мизинцев) и у мужчин. Лица, играющие на щипковых музыкальных инструментах, также могут придавать ногтям на правой кисти удлиненную и слегка заостренную форму. Такая форма ногтей оставляет, как правило, сильно выраженные царапины или оттиски в форме более или менее коротких (в зависимости от заостренности) дуг;

2) ногти с коротко обрезанным передним краем. Такая форма ногтей более свойственна мужчинам или лицам, деятельность которых связана с риском механического травмирования ногтей. Царапины, оставляемые ногтями данной формы, выражены существенно слабее. В случае когда ногти обрезаны очень коротко, царапин может и не остаться. Оттиски ногтей такой формы остаются в форме дуг или отрезков, длина которых соответствует ширине ногтевой пластины.

Экспертное исследование следов ногтей

По следам ногтей могут быть проведены трасологическая экспертиза фрагментов ногтей и трасологическая экспертиза следов ногтей.

Трасологическая экспертиза фрагментов ногтей проводится в целях установления их принадлежности единому целому. Для этого выявляется тождество рельефов исследуемых ногтей.

Объектами исследования трасологической экспертизы являются обрезки (отломки) ногтей, обнаруженные и изъятые в ходе расследования; образцы для сравнения (ногтевые пластины (или их обрезки) пальцев рук (ног) проверяемых лиц или трупов), а также материалы дела, в которых зафиксированы сроки и место обнаружения ногтевых пластин (их фрагментов), условия получения образцов и др. Для проведения исследования достаточно иметь обрезки ногтей шириной около 1 мм.

Возможность назначения данной экспертизы должна учитываться следователем еще на месте происшествия. Так, если личность трупа не установлена, то по завершении осмотра с каждого ногтя срезают по фрагменту ногтевой пластины, которые строго раздельно упаковываются в бумажные пакеты (или пробирки) с указанием наименования пальца и руки. Подобная процедура выполняется и при обнаружении частей расчлененного трупа.

Если под ногтями обнаружены кровь, лимфа или пропитанный ими конгломерат, то пластины должны быть отделены от подногтевого вещества. Последнее в индивидуальной упаковке направляется на самостоятельное экспертное исследование.

Если труп скелетирован, мацерирован или мумифицирован, то на экспертизу могут направляться целиком обрезанные кисти рук (стопы ног) либо извлеченные и индивидуально упакованные ногтевые пластины.

Обрезанные кисти помещаются в стеклянную банку с чистой холодной водой или физраствором, с плотно закрывающейся крышкой и немедленно направляются на экспертизу.

На разрешение данной экспертизы могут быть поставлены следующие вопросы: не составляли ли ранее единое целое фрагмент ногтевой пластины, обнаруженный в..., и ногтевые пластины, обрезанные с пальцев рук А. (трупа А.)? Если да, то ногтевой пластине какого пальца и какой руки принадлежал обнаруженный участок ногтя?

Трасологическая экспертиза следов ногтей человека позволяет установить следующее: конкретный ноготь (палец, кисть, стопу), отобразившийся в следе; количество лиц (если следов несколько), оставивших следы; механизм и условия следообразования (характер выполнявшихся действий, вид образовавшихся следов и т. п.).

Если в следе обнаружены мелкие пластинки отделившегося лакового покрытия ногтя, то они в последующем могут использоваться для идентификации человека посредством установления их принадлежности по признакам внешнего строения к единому целому оставшегося слоя на ногтях проверяемых лиц (трупов), т. е. проведения трасологической экспертизы установления целого по частям, либо назначения экспертизы лакокрасочных покрытий для определения типа и состава красителя по обнаруженному участку и установления единой принадлежности с лаком, который использовался проверяемым лицом.

На трасологическую экспертизу следов ногтей человека могут направляться: следы на предмете-следоносителе или полимерные слепки с них; масштабные фотоснимки следов (при невозможности их изъятия); образцы для сравнения; материалы дела, содержащие сведения о времени, месте и условиях обнаружения следов, способе получения образцов и т. п.

Главная особенность подготовки данной экспертизы касается получения образцов сравнения. В качестве таких образцов могут выступать как экспериментальные отпечатки ногтей проверяемых лиц (трупов), так и обрезанные у них фрагменты ногтевых пластин. Оптимальный вариант, когда на экспертизу направляется и то и другое.

Отпечатки ногтей проверяемых лиц (образцы для сравнения) должны изготавливаться в условиях, максимально приближенных к условиям следообразования, т. е. на таком же материале, с той же силой нажима и т. п. Неплохие результаты могут быть получены на пластилине. Для этого он тщательно разминается и раскатывается в виде пластины, соответствующей по толщине предмету, на котором обнаружены следы. На подготовленной таким образом поверхности путем давления или скольжения (в зависимости от вида следов) выступающими участками ногтей пальцев попеременно правой и левой руки получают соответствующие отпечатки. Каждый палец должен быть помечен на пластилине условным знаком (если для различия отпечатков это необходимо), о чем делается отметка в протоколе получения образцов. Пластина с отпечатками упаковывается в коробку с крышкой и закрепляется в ней с целью исключить перемещение при транспортировке. При наличии статических объемных следов эксперту должна предоставляться информация о том, когда последний раз проверяемый обрезал ногти (в других случаях в следах отображается рельеф наружной поверхности ногтя, одинаковый на всем протяжении, и предоставление такой информации не обязательно). Для получения фрагментов ногтевых пластин каждого ногтя

рук проверяемого лица поочередно обрезаются полоски шириной не более 0,5—1 мм (они должны быть целыми), которые индивидуально упаковываются с указанием наименования ногтя, с которого они срезаны. Если по каким-либо причинам не удается изготовить отпечатки рельефа ногтей, то на экспертизу могут быть представлены только обрезки.

Перед экспертом могут быть поставлены следующие вопросы: имеются ли на представленном предмете следы ногтей человека; если да, то пригодны ли они для идентификации личности; одним или несколькими лицами они оставлены; каков механизм образования данных следов; не оставлены ли данные следы ногтями пальцев рук потерпевшего А.; не оставлены ли данные следы ногтями пальцев рук подозреваемого (обвиняемого) Б.; если да, то каким конкретно участком ногтя, какого пальца и какой руки.

§ 5. Следы губ

Криминалистическое значение следов губ

Следы губ довольно редко встречаются в практике расследования преступлений. В основном они обнаруживаются при расследовании насильственных преступлений.

Следы губ занимают специфическое место среди следов тела человека. Обусловлено это тем, что в следах губ содержится комплекс признаков, позволяющих идентифицировать конкретного человека. К этим признакам относятся морфологические особенности строения рельефа губ, а также следы-вещества (слюна, эпителиальные клетки слизистой полости рта и др.).

Отождествление конкретного человека по следам губ так же достоверно, как и по папиллярному узору пальцев рук. Но следы губ в биологическом отношении более информативны. При их исследовании может быть определена группа крови, а при проведении судебного цитологического исследования — и пол человека, оставившего след.

Общие сведения о строении губ

Красная наружная кайма губ имеет сложный рельеф, представленный в виде разнообразных по величине, форме и взаиморасположению складок. При движении губ их рельеф в какой-то мере изменяется, но при этом остается достаточная совокупность устойчивых признаков, которые позволяют успешно осуществить идентификацию.

Наибольшее идентификационное значение в следах красной каймы губ имеет центральная зона нижней губы, которая граничит с кожей, так как именно ей присущ наиболее сложный сетчатый рисунок рельефа. Данный участок чаще других отображается в следах губ. На нем сосредоточивается некоторый объем микроколичеств слюны и клеток эпителия слизистой оболочки полости рта, которые могут быть использованы при комплексной судебно-медицинской экспертизе. Помимо сетчатого рельефа губ, к трасологическим признакам относятся горизонтальные

борозды, расположенные в зонах, граничащих со слизистой оболочкой полости рта.

Следует отметить, что область красной наружной каймы губ содержит сальные железы. Через их протоки губы покрываются кожным жиром. В процессе приема пищи губы дополнительно покрываются пищевыми жирами. Физиологической особенностью человека является потребность многократно смачивать губы слюной. Женщины, а иногда и мужчины наносят на губы крем и помаду. Все это создает благоприятные условия для образования следов губ.

Виды следов губ

В следах губ, отобразившихся на различных предметах, можно обнаружить не только общие и частные признаки строения самих губ, в них отображается также мимика человека, оставившего эти следы. Так, в спокойном состоянии губы не деформируются и между ними существует небольшой зазор. Во время крика губы изменяют свою форму и зазор между ними резко увеличивается, в этот момент нижняя губа слегка прогибается вниз, а верхняя принимает форму полуовала. Во время резкого вдоха взаимное расположение губ напоминает овал, зазор между губами не такой большой, как во время крика. Во время поцелуя верхняя и нижняя губы резко уменьшаются в длине и увеличиваются в ширине, зазор между ними либо уменьшается, либо остается прежним. В этом случае наиболее четко видны все детали строения губ (рис. 35).

В спокойном состоянии

При поцелуе

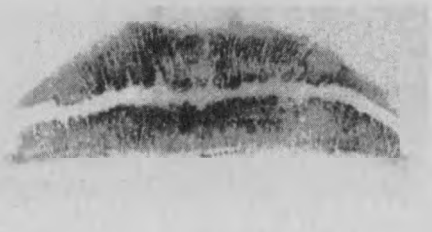
В спокойном состоянии

При поцелуе

При крике

Плотно сжатые

При резком вздохе



При вздохе

Рис. 35. Особенности отражения в следах линий смыкания губ

Работа следователя со следами губ

Обнаружение следов губ. Поиск следов губ производится по следующей криминалистической схеме: анализ события преступления и обстановки его совершения, планомерность и тщательность работы с объектами, с которыми человек мог контактировать.

На губах человека нет пор, через которые выделяется пот, что затрудняет обнаружение данного вида следов. В то же время на губах присутствуют слюна, остатки пищи (соус, жиры и т. д.), губная помада, выполняющие в данном случае роль следового вещества.

В основном следы губ можно обнаружить на чашках, стаканах, рюмках и других предметах, из которых человек пьет. Эти следы можно обнаружить визуально: если предмет-следоноситель прозрачный, то на просвет, а если непрозрачный, то в косонаправленных лучах света с помощью электрического фонарика или лупы с подсветкой.

Наиболее часто встречающиеся следы губ — это окрашенные следы, где в качестве красителя выступает губная помада. Эти следы легко можно обнаружить на различных предметах. Так, если преступник пьет, то эти следы хорошо видны на любом сосуде или на теле при поцелуе. Если же в ходе борьбы лицо прижимают к одежде, то эти следы хорошо видны и на одежде.

Закрепление следов губ. Описание в протоколе следственного действия и фотографирование следов губ не отличаются от работы по фиксации других следов. При фотографировании следов губ производится масштабная съемка, так как одним из признаков следов губ являются их размеры. Для фотографирования следов губ лучше использовать цветную фотосъемку, чтобы подчеркнуть контрастность съемки.

К обработке следов губ дактопорошками следует подходить осторожно. Так как следы складчатого рельефа красной каймы губ могут явиться объектом комплексного экспертного исследования (трасологического, цитологического и серологического), объект с обнаруженными следами должен быть упакован и направлен на экспертизу по правилам работы с потожировыми следами пальцев рук.

Составляя протокол, следователь должен в нем отобразить: 1) место нахождение следа; 2) поверхность, на которой обнаружен след; 3) с помощью чего обнаружен след; 4) цвет следа; 5) форму и размеры верхней и нижней губы; 6) форму линии смыкания верхней и нижней губы; 7) взаиморасположение складок на губе; 8) форму и размеры складок; 9) наличие, форму и размеры шрамов, трещин.

Изъятие и сохранение следов губ. Сохранение следа с самого начала осмотра достигается путем ограждения места происшествия, что позволяет предостеречь его неосторожное уничтожение посторонними лицами.

При изъятии следов губ след изымается вместе с предметом-носителем целиком. Если нельзя изъять предмет целиком, то изымается часть предмета со следом, если же невозможно изъять ни предмет, ни часть предмета, то изымается копия следа.

На месте происшествия не рекомендуется обрабатывать следы губ дактопорошками ввиду засорения на следе его особенностей, поэтому следы губ изымаются с предметом-носителем. В качестве этих предметов часто выступают столовые принадлежности. Следы губ, откопированные на дактопленку, должны быть доставлены в экспертное учреждение не позднее двух недель, так как позже двух недель липкое вещество дактопленки вступает в реакцию с помадой, и следы становятся расплывчатыми.

При копировании следов и упаковке пленки должны соблюдаться условия, исключающие возможность попадания на следы, а также на липкий слой и внутреннюю поверхность дублирующего слоя потовых выделений рук лица, изымающего след, или мельчайших капель его слюны, что может быть источником ошибок.

Экспертное исследование следов губ

Экспертизу следов губ необходимо проводить комплексно, так как, наряду с исследованием рельефа губ, в следах губ исследуется состав вещества следа (слюна, выделения сальных желез, помада и т. п.).

Для установления биологических свойств вещества следа губ достаточно небольших его фрагментов. Следы губ могут быть нативные (т. е. не подвергнутые проявлению) и обработанные большинством препаратов, применяемых для выявления следов рук. Исключение составляют пары йода, раствор нингидрина, аллоксана и другие реагенты, проявляющее действие которых основано на химическом взаимодействии с потожировым веществом.

При производстве трасологической экспертизы следов губ человека обычно устанавливается групповая принадлежность, реже проводится индивидуальная идентификация.

Классификация признаков губ может быть представлена в следующем виде:

1. Общие признаки: а) форма и размеры верхней и нижней губ; б) форма наружного контура красной каймы верхней губы; в) форма линии

смыкания верхней и нижней губ; г) форма изгиба контура нижней губы; д) наличие губного валика в середине каймы верхней губы.

2. Частные признаки: а) взаиморасположение складок на губах относительно линии каймы; б) взаиморасположение складок на губах относительно друг друга; в) форма и размеры складок; г) наличие, форма и размеры шрамов, трещин и других особенностей; д) локализация приобретенных признаков (шрамов и т. п.) относительно каймы и складок на губах.

Губная поверхность обладает не только комплексом частных признаков, но и очень часто индивидуальными особенностями (шрамы, трещины и т. п.), отображающимися в следах. Важно соблюдать правила предосторожности при транспортировке следов и при работе с ними. Не рекомендуется на месте происшествия (либо сразу после изъятия) обрабатывать следы порошком. Как правило, при этом микропризнаки «забиваются». Поэтому обработку объектов лучше производить в лабораторных условиях, найдя необходимый по цвету и консистенции красителя.

Проведение исследований начинается с определения возможности использования следов губ для трасологической идентификации. Экспертиза должна осуществляться специалистом, владеющим методиками судебно-медицинского и криминалистического трасологического исследования.

При обнаружении в следах губ слюны и эпителиальных клеток возможно установление группы крови и половой принадлежности человека.

На разрешение экспертизы следов губ могут быть поставлены следующие вопросы: имеются ли на представленных объектах следы губ и если да, то пригодны ли они для идентификации; оставлены ли следы губ лицами, образцы отпечатков губ которых представлены эксперту.

При назначении данной экспертизы эксперту сообщаются сведения и передаются материалы такие же, как и при назначении экспертизы папиллярных линий следов человека.

Процесс криминалистической экспертизы следов губ состоит из четырех основных стадий.

На подготовительной стадии осуществляется ознакомление с материалами, представленными на экспертизу, осмотр следов либо их выявление. На этой стадии используются следующие технические средства: порошки, с помощью которых опыляется поверхность, фотосъемка. Решается вопрос о возможном механизме образования следов, поскольку эксперту необходимо разработать программу получения экспериментальных отпечатков. Существенным является получение таких отпечатков в приближенных к механизму формирования следов условиях и на аналогичных поверхностях. Если следы окрашены губной помадой, то привлекаются специалисты для последующего ее исследования.

При установлении в следах признаков, свидетельствующих о заболевании, необходимо запросить данные о перенесенных болезнях перед событием происшествия и после него. Это связано с тем, что даже при таких заболеваниях, как ОРЗ и грипп, на губах может какое-то время наблюдаться «лихорадка» в виде вздутия кожи или корочки. Такое временное изменение кожного покрова может не отобразиться в экспериментальных или, наоборот, в исследуемых следах и повлиять на выводы эксперта.

На раздельной стадии происходит раздельное исследование следов, выделение в процессе изучения их идентификационных и диагностических признаков. Определяется пригодность следов губ для идентификации и при положительном выводе выделяются частные признаки. Устанавливается взаимосвязь идентификационных и диагностических признаков, их устойчивость в отображении. На этой стадии используются методы наблюдения, измерения и фотосъемки.

На сравнительной стадии проводится сопоставление идентификационных признаков, выявленных при раздельном исследовании. Вначале сравнивают общие, затем частные признаки (форма, взаиморасположение складок, линий, шрамов, трещин и др.).

Следует учитывать, что губы являются подвижной частью тела, и в следах могут не отобразиться все признаки. Сравнительное исследование сопровождается наложением и сопоставлением фотоснимков. Выявленным различиям необходимо дать научно обоснованное объяснение.

На оценочной стадии определяется значимость результатов исследования. Эксперт оценивает все выявленные признаки и формулирует выводы.

§ 6. Следы орудий взлома и инструментов

Криминалистическое значение следов орудий взлома и инструментов

Целенаправленное и тщательное изучение следов орудий взлома и инструментов, обнаруженных на месте происшествия, позволяет: уяснить сущность и обстоятельства преступления; определить способ взлома и сторону, с которой произведен взлом; определить количество преступников и последовательность их действий по преодолению преграды, определить последовательность образования следов взлома; определить примерное время, необходимое для совершения взлома; определить количество использованных орудий и инструментов, их групповую принадлежность и особенности; предположительно определить рост преступника и его комплекцию; определить силу и профессиональные навыки преступника; выдвинуть предположение, что преступник был знаком с объектом преступного посягательства, изучал его и заранее готовился к совершению преступления; выдвинуть предположение об инсценировке взлома в целях сокрытия другого преступления.

Общие сведения об объектах, способах и орудиях взлома

Следы орудий и инструментов образуются в результате воздействия используемого преступником орудия на объекты взлома. Способы преодоления преград в криминалистике объединяются термином *взлом,* под которым подразумевается полное или частичное разрушение или повреждение материала преград, обеспечивающее возможность проникновения преступника в помещение или хранилище. К взлому принято также относить и случаи проникновения в помещения путем подбора ключей, отмычек и иных устройств, не приводящих к разрушению преград. В этом случае запирающие устройства остаются целыми, однако на их внутренних частях остаются специфические следы, свидетельствующие о том, что замок открывался не «своим» ключом.

Совершая преступления, преступники нередко прибегают к полному или частичному разрушению стоящей на их пути преграды. Выбор способа взлома преграды обусловливается, с одной стороны, стремлением

преступников проникнуть к объекту преступного посягательства наиболее безопасным (скрытым) путем, с другой — самой преградой (материалом, из которого она изготовлена). Выбираются места и конструкции объекта, взломать которые можно с наименьшими затратами времени и сил. Прежде всего, это окна и двери с оборудованными на них запирающими устройствами и решетками. Среди способов их преодоления можно назвать отжим полотен дверей, отжим и перепиливание дверных запоров, снятие дверей с петель (перепиливание петель), пролом деревянных полотен дверей, перепиливание и отгибание прутьев решеток, укрепленных на дверях и окнах. Деревянные стены, полы, потолки ломаются путем вскрытия (выбивания) слабо закрепленных досок или бревен, просверливания в них отверстий с последующим перепиливанием.

Наиболее частыми объектами взлома выступают замки и другие запирающие устройства. Способ взлома замков в основном обусловливается конструктивными особенностями замка.

Конструкции замков многообразны, обычно их классифицируют по назначению, способу крепления к преграде и по устройству механизма.

По назначению замки делятся на общего (дверные и мебельные) и специального назначения (например, сейфовые). Последние устанавливаются в сейфах, несгораемых шкафах, хранилищах. *По способу крепления* замки бывают врезные, накладные и навесные. *По устройству механизма* замки подразделяются на пружинные (ригель удерживается пружиной), сувальдные (ригель фиксируется с помощью металлических пластинок), цилиндровые (движение ригеля осуществляется поворотом цилиндра, вставленного в неподвижный патрон, — рис. 36), реечные (ригель с возвратной пружиной и расположенными на ней пазами и промежутками перемещается с помощью определенной комбинации пазов и промежутков на стержне ключа). Выделяют также кодовые, винтовые (функцию ригеля выполняет ввинчивающийся в отверстие короба винт) и магнитные (отпирание происходит с помощью ключа с магнитным шифром) замки.

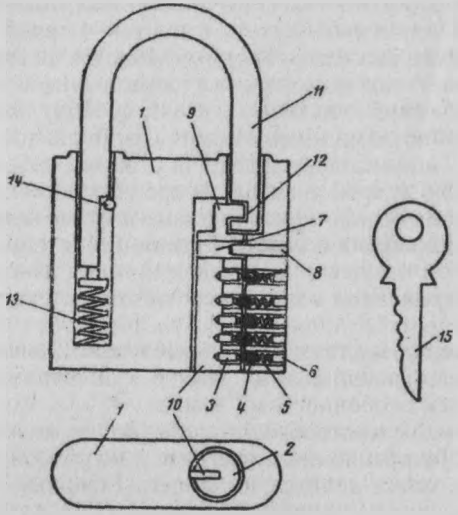


Рис. 36. Устройство навесного цилиндрового замка:
1 — корпус замка; 2 — цилиндр; 3 — штифты цилиндра; 4 — штифты корпуса (патрона); 5 — пружины штифтов; 6 — заглушка; 7 — вырез в цилиндре для упорного штифта; 8 — упорный штифт цилиндра; 9 — ригель; 10 — скважина для ключа; 11 — дужка; 12 — вырез в дужке для запирания; 13 — пружина дужки; 14 — упорный штифт дужки; 15 — ключ

Преступники используют различные способы взлома замков: вырывание, сворачивание, перерезание или перепиливание дужки замка, приспособлений для навешивания замка, разрушение его короба, отжим ригеля и др.

Наряду с замками, на двери складов и хранилищ, железнодорожных вагонов, на створки контейнеров навешивают стандартные пломбы и слепки печатей. Пломбы изготавливаются из различных материалов, чаще всего из металла или синтетических масс. Они навешиваются на объекты таким образом, чтобы последние нельзя было открыть без нарушения целостности пломбы.

Для навешивания пломбы используют бечеву или проволоку, концы которой завязываются в узел и протягиваются в отверстие пломбы. Сжатие пломбы осуществляется специальными тисками, называемыми пломбиром. На тисках имеются две матрицы с негативным изображением текста. При сжатии пломбир оставляет на пломбе рельефный оттиск соответствующего цифрового или буквенного текста.

Нарушение пломб преступниками маскируется различными способами. Наиболее простой способ — разрезание пломбировочной бечевы (проволоки) при снятии пломбы и связывание ее концов при повторном навешивании пломбы. При более тщательной маскировке срезают один конец бечевы, который после совершения хищения вставляют во вновь проделанное сквозное или несквозное отверстие и зажимают. Часто преступники стараются не нарушать целостность бечевы (проволоки). Для этого с помощью острых предметов (шила, лезвия ножа, гвоздя) предварительно разжимают сквозное отверстие пломбы и вытягивают

один конец бечевы (проволоки). После совершения преступления вытянутый конец бечевы (проволоки) вновь вставляют в прежнее отверстие и зажимают по краям пломбы. Используются также поддельные пломбировочные тиски.

Под *орудиями взлома* понимают любые инструменты, технические средства и предметы, используемые преступниками для преодоления преград.

Орудия взлома могут быть классифицированы по нескольким основаниям. *По природе воздействия* они делятся на орудия механического воздействия, орудия термического воздействия и орудия, действие которых основано на энергии взрыва. *По способу изготовления* орудия взлома бывают самодельные, промышленные и изготовленные в небольших мастерских. *По источнику появления на месте преступления* — случайно оказавшиеся на месте преступления и принесенные преступником. *По назначению (происхождению)* — инструменты и механизмы производственного и бытового назначения (пила, лом, отвертка, нож, долото, стамеска и пр.), специально изготовленные для целей взлома («гусиная лапа», «балерина», «фомка»), части (детали) строительных и иных технических конструкций (металлические прутья, куски труб, арматуры и т. п.), предметы естественного происхождения (камни, ветки дерева и пр.).

Чаще всего орудиями взлома выступают слесарные и столярные инструменты (молоток, топор, зубило, кусачки, ножовка, отвертка и т. д.). Однако нередки случаи, когда преступники применяют орудия, специально предназначенные для целей взлома. В качестве таковых выступают небольшие ломики, «фомки», один конец которых заострен, а другой расплющен. Они могут быть как цельные, так и сборные, как прямые, так и изогнутые.

Другой разновидностью орудий, специально предназначенных для взлома, являются приспособления, действующие по принципу консервного ножа (рис. 37). К таковым относится «гусиная лапа», состоящая из ножа, упора и рычага. Она применяется для вскрытия металлических преград (металлических дверей, шкафов, сейфов).

Рис. 37. Инструменты, изготовленные по типу консервного ножа

При взломах металлических ящиков, шкафов и сейфов иногда используют домкрат. Его с помощью металлического троса закрепляют на месте расположения замка, после чего происходит вдавливание этой

части хранилища внутрь. Металлические преграды разрезают с помощью электроинструментов, например электрического молотка.

Для вырывания дужки замков применяются ломики, металлического прутья, обрезки труб, которыми действуют как рычагом. Дужки навесных замков перекусывают саперными или гидравлическими ножницами, кусачками либо перепиливают ножовкой или напильником. Известен и такой способ, как развальцовка замочной скважины. В качестве орудия используются ломики с заостренным концом, отвертки или специально заточенные металлические стержни. Заостренный рабочий конец орудия вводится под давлением в скважину для ключа, в результате чего весь пакет сувальд отжимается в сторону. Ригель освобождается и легко перемещается, отпирая замок.

К орудиям взлома относят и предметы, специально предназначенные для отпирания замков без их разрушения или повреждения. Это подобранные к отпираемым замкам ключи, отмычки, иные предметы (гвозди, булавки, шпильки, куски проволоки).

Для вскрытия замков подобранными ключами преступники собирают ключи от различных конструкций замков, приобретают заготовки для ключей, изготавливают копии ключей. Для изготовления копии штатного ключа преступник должен обладать необходимой информацией о конструкции и размерах штатного ключа.

Если в запертом изнутри помещения замке оставлен ключ, для открывания замка преступники используют специальные щипцы («уистити») с длинными тонкими концами с насечкой. Замок открывается путем захватывания щипцами и поворачивания ключа.

К орудиям термического воздействия относят аппараты газокислородной или электродуговой резки металла. В аппаратах газокислородной резки в качестве горючего используется ацетилен или пропан-бутан. Они состоят из резака или сварочной горелки, гибкого соединительного рукава и газовых баллонов. Аппараты электродуговой резки обычно состоят из электросварочного трансформатора переменного тока, электропроводов, электродов и электрододержателей.

Случаи взлома преград с помощью энергии взрыва встречаются не так часто. Взрывные устройства для целей взлома могут основываться на использовании энергии взрыва газовой смеси или конденсированного (твердого, порошкообразного, жидкого) взрывчатого вещества. Поскольку взрыв газовой смеси происходит в условиях замкнутого объема, обычно он используется для взлома металлических хранилищ. В качестве топлива в газовой смеси используется горючий газ (пропан, бутан, метан и т. п.), в качестве окислителя — кислород воздуха. Топливо преступники приносят с собой в стандартных емкостях (портативных баллонах или баллончиках). Поскольку давление сжатых газов при взрыве внутри металлического хранилища происходит равномерно во все стороны, а наиболее слабым местом оказывается дверца, вскрытие хранилища обычно происходит выбиванием дверцы изнутри.

Виды следов орудий взлома и инструментов

Следы орудий взлома и инструментов являются одними из наиболее доступных для обнаружения, поскольку представляют собой визуально легко наблюдаемые повреждения или разрушения материальных преград, стоящих на пути преступников. Необходимо различать следы взлома и следы орудий и инструментов. «Следы взлома» — более широкое

понятие, включающее в себя как сами следы отображения орудий и инструментов, так и все прочие следы, возникающие в процессе взлома с применением орудий и без них. К последним относятся трещины, отколы и отщепы древесного материалы преграды, повреждения филенки двери при ударе ногой, срывание навесного замка руками.

В зависимости от механизма воздействия орудия на объект взлома следы орудий и инструментов делятся на вдавленные следы (объемные), следы трения (скольжения) и следы резания (сверления, распила).

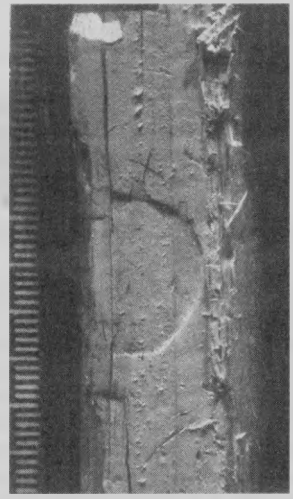


Рис. 38. След отжима

Рис. 39. След перекусывания дужки навесного замка

Вдавленные (объемные) следы образуются в результате встречного (прямого) взаимодействия следообразующего и следовоспринимающего объектов (рис. 38). Они образуются в результате удара или давящего усилия при отжиме или нажиме орудием взлома на преграду. В них отображаются как общие признаки использованного орудия (форма и размеры), так и частные (детали контактной поверхности орудия взлома в виде различного рода дефектов, неровностей, выступов и углублений). Совокупность таких признаков позволяет идентифицировать орудие взлома. Если орудие взлома при воздействии на преграду проходит сквозь него, образуется след, именуемый пробоиной. Криминалистическое значение такого следа менее велико, поскольку в нем отображаются только внешние контуры рабочей части орудия.

В ряде случаев при использовании орудий взлома образуются поверхностные следы в виде частичек краски, смазки и прочих веществ, перенесенных с орудия взлома на взламываемую преграду (следы-наслоения) либо, наоборот, — с материала преграды на орудие взлома (следы отслоения).

Следы трения (скольжения) образуются в результате воздействия орудия взлома на преграду под острым углом. При этом, орудие взлома не углубляется в материал преграды и происходит смещение частиц материала преграды в направлении движения орудия взлома. Наблюдаемые в следах трения (скольжения) бороздки и валики характеризуют детали рельефа контактной части орудия взлома (их форму, размеры и расположение) и могут быть одиночными (царапины) и групповыми (линейными и плоскостными). Одиночные следы, как правило, не пригодны для идентификации. Из групповых следов трения для идентифи-

ниями чаще всего используются линейные следы, поскольку они образуются в результате воздействия на поверхность преграды четко обозначенной линии рельефных точек контактной части орудия взлома.

Следы резания (сверления, распила) образуются в результате воздействия режущей кромки инструмента (ножницы по металлу, ножовка, сверло, пила и т. п.) на преграду. В зависимости от орудия резания различают следы простого резания и следы встречного резания. Первые образуются при использовании топоров, ножей, стамесок. Топор оставляет след большой ширины и толстую щепу. По оставленному им следу иногда можно судить о ширине его лезвия. Нож оставляет меньшую щепу и не дает возможности по оставленным следам говорить о размерах его лезвия. По следам стамески или долота можно делать выводы о размерах режущей кромки этих инструментов, а по неглубокому следу — узнать угол заточки. Встречный разрез характерен для орудий, имеющих два режущих лезвия (слесарные ножницы, кусачки, бассатижи). Следы встречного резания образуются при перерезании (перекусывании) дужек замков (рис. 39), гвоздей, листового железа. На торцах разреза образуются следы в виде трасс из параллельных валиков и бороздок, которые позволяют идентифицировать режущий инструмент.

Следы распила, как правило, обнаруживаются на деревянных и металлических преградах. Они образуются при использовании пил, ножовок по металлу, напильников, надфилей.

Взлом металлических хранилищ с использованием аппаратов газокислородной резки сопровождается характерными следами. На торцевой поверхности разреза металлической преграды наблюдается чередование валиков и борозд, на нижней кромке разреза и внутри хранилища присутствуют наплывы металла и шлаков. Возле взломанной преграды обнаруживаются частички карбида кальция, термическое повреждение покрытия пола, обгоревшие спички.

Работа следователя со следами орудий взлома и инструментов

Обнаружение следов орудий взлома и инструментов. Как правило, следы взлома на месте происшествия обнаруживаются сразу при визуальном осмотре взломанной преграды. По отдельным следам, выявленным в ходе первичного обследования места взлома, следователь строит примерную картину происшедшего, что, в свою очередь, помогает ему производить поиск и обнаруживать новые следы орудий и инструментов и в конечном итоге составить полное представление о механизме преступного события. Для уяснения способа совершения взлома, установления групповой принадлежности использованных преступником технических средств необходимо произвести детальный осмотр повреждений на взломанной преграде при косопадающем освещении с использованием в необходимых случаях лупы и других оптических приборов. Направленность осмотра в целях обнаружения следов определяется характером разрушенной преграды и способом ее взлома.

При обнаружении следов от орудий взлома необходимо выяснить их происхождение. С этой целью изучаются форма и размеры следов, производится их сопоставление с обнаруженными ранее повреждениями преграды и орудиями, предположительно использованными для взлома. Отделившиеся частицы преграды тщательно осматриваются и сопоставляются с местом их отделения. Следы орудий и инструментов необхо-

димо искать не только в месте, где преграда была взломана, но и в иных местах, где могла быть совершена попытка взлома. С этой целью должны быть осмотрены двери, окна, пол, потолок, стены хранилища, прилегающая к нему территория.

При осмотре места пролома преграды тщательно исследуются края проделанного отверстия в целях обнаружения на них следов отжима, резания, распила, наслоений частиц краски или смазки с орудия взлома, точно фиксируются место расположения, форма и размеры пролома. На полу под проломом ведется поиск стружек, щеп, опилок от материала преграды.

При обнаружении взломанного замка без признаков его деформации необходимо искать на краях замочной скважины царапины, оставленные подобранным ключом или отмычкой, обломки частей ключей или отмычек возле двери или внутри замка. Так как следы взлома внутри замка недоступны визуальному наблюдению, замок, подвергшийся воздействию отмычек или других орудий, необходимо изымать целиком и направлять впоследствии на криминалистическую экспертизу.

Если дверь была взломана путем отжима ригеля врезного замка, на ригеле необходимо искать царапины, а на соприкасающихся торцах двери и ее коробки вдавленные следы от контактной части орудия взлома. При обнаружении взлома навесного замка путем перепиливания возле двери необходимо искать опилки и обломавшиеся зубья ножовки либо частички режущей части другого режущего инструмента.

Закрепление следов орудий взлома и инструментов. Способы фиксации следов орудий взлома и инструментов аналогичны тем способам, которые используются при обнаружении других следов преступления. Их выбор зависит как от характера самих следов, так и от характера носителей этих следов.

При описании следов взлома в протоколе осмотра места происшествия необходимо указывать следующие сведения: место обнаружения следов (вид, размеры, материал преграды, его свойства и состояние); количество следов, их форма (круглая, овальная, квадратная, прямоугольная), размеры (длина, ширина, глубина), размещение на преграде и взаимное расположение; вид следа, механизм его образования; рельеф следа, характерные особенности, признаки орудия взлома, их форма, размеры, расположение; состояние поверхности следа, наличие в следе отложений частиц посторонних веществ (краски, смазки, ржавчины и т. д.), способы фиксации и изъятия обнаруженных следов.

В протоколе осмотра орудий, предположительно использованных для целей взлома, указывается: место обнаружения орудия взлома (инструмента); его наименование, вид, форма, размеры, особенности следообразующей (рабочей) части; состояние поверхности орудия взлома, наличие на нем заводских меток, клейма и т. п.; наличие на поверхности орудия частиц посторонних веществ (их форма, расположение).

В протоколе осмотра взломанного замка обычно указывается: местонахождение замка (укреплен на двери, лежит на полу); вид замка и способ его крепления к двери; вид запирающего устройства замка (пружинный, сувальдный, цилиндровый); маркировка (наименование заводских знаков, дата выпуска); цвет, форма и размеры; состояние замка, наличие на нем повреждений (исправный, неисправный, разрушен короб, перекусана или перепилена дужка замка, поврежден ригель); видимые следы отпирания замка подобранными ключами или отмычкой на за-

личной скважине и внутренней поверхности короба; следы от орудия взлома, их вид, форма, размеры, характерные признаки; следы пальцев рук, частицы посторонних веществ; способ упаковки замка.

Описание следов орудий и инструментов в протоколе осмотра необходимо сочетать с их фиксацией с помощью научно-технических средств, позволяющих более точно запечатлевать все особенности следообразования. К таким средствам фиксации, прежде всего, относятся моделирование и фотографирование.

Изъятие следов орудий взлома и инструментов. Если имеется возможность изъять след орудия взлома вместе с предметом-носителем, на котором он отобразился, именно так и следует поступить, поскольку никакой способ копирования или описания следа не может заменить сам оригинал. Перед этим след тщательно осматривается, описывается в протоколе, фотографируется.

Моделирование при осмотре места взлома применяется в тех случаях, когда изъять обнаруженные следы без их повреждения не представляется возможным. Для изготовления слепков со следов взлома наряду с традиционным гипсом и пластилином применяется силиконовая паста К, паста СКТН, пасты У-1 или У-4, а также слепочные массы, предназначенные для зубоврачебных работ.

Поверхностные следы орудий взлома и инструментов, представляющие собой наслоения красящих и иных веществ, копируются с помощью дактилоскопической пленки.

Предварительное исследование следов орудий взлома и инструментов. Предварительное исследование следов орудий взлома и инструментов позволяет: 1) определить способ взлома и сторону, с которой произведен взлом; 2) предположительно определить рост преступника и его комплекцию; 3) сделать предположение о том, что преступник был знаком с объектом преступного посягательства, изучал его и заранее готовился к совершению преступления; 4) определить силу и профессиональные навыки преступника; 5) выдвинуть предположение об инсценировке взлома в целях сокрытия другого преступления.

Определение способа взлома и стороны, с которой произведен взлом. О том, с какой стороны было выбито оконное стекло, можно сделать вывод по расположению осколков стекла: их всегда будет больше со стороны, противоположной приложенному усилию. На этот же вопрос позволяет дать ответ исследование самих осколков стекла. Известно, что от удара или нажима на стекле образуются радиальные и концентрические трещины, рельеф граней которых представляет собой дуги, сходящиеся к одному краю и расходящиеся к другому. На радиальных трещинах пучки дуг рельефа сходятся на стороне приложения силы, а на концентрических — на противоположной.

Сторона, с которой произведен взлом, может быть определена по следам сверления и распила. При сверлении стружка накапливается в большем количестве с той стороны, откуда начали сверлить. При пилении, наоборот, опилок окажется больше со стороны, противоположной расположению пилы. С этой же стороны образуются большие по размеру заусенцы на торцевых краях распиленной преграды. На торцах разреза образуются уступы, крутые склоны которых обращены в сторону, противоположную движению инструмента.

Предположительное определение роста преступника и его комплекции. Исходя из места расположения следов сверления или распила

на вертикальной поверхности, можно говорить о росте преступника. Размеры пролома в стене хранилища, через который было вынесено похищенное имущество, могут свидетельствовать о комплекции преступника.

Предположительное суждение о том, что преступник был знаком с объектом преступного посягательства, изучал его и заранее готовился к совершению преступления. Совершение взлома в наиболее уязвимом с точки зрения возможности проникновения на объект преступного посягательства месте позволяет выдвинуть предположение, что преступник был знаком с этим объектом, изучал его и заранее готовился к совершению преступления.

Определение силы и профессиональных навыков преступника. Использованное орудие взлома, способ взлома, характер и степень повреждений преграды позволяют судить о силе и профессиональных навыках преступника.

Выдвижение предположения об инсценировке взлома в целях сокрытия другого преступления. Следы орудий и инструментов могут свидетельствовать об инсценировке взлома в целях сокрытия другого преступления. Чаще всего инсценировка взлома встречается при совершении хищений имущества должностными лицами. Следующие признаки могут говорить об инсценировке: наличие следов, указывающих на совершение взлома преграды изнутри помещения; расположение пролома в месте, недоступном для взломщика; обнаружение с внешней стороны объекта посягательства следов от орудий взлома, свидетельствующих о применении орудия, которое находилось внутри хранилища и не могло быть использовано преступником; наличие на взломанной преграде повреждений, не позволяющих совершить действия, которые якобы совершил преступник (к примеру, размеры пролома не позволяют проникнуть в него или протащить похищенное имущество).

Экспертное исследование следов орудий взлома и инструментов

Основным видом криминалистической экспертизы, исследующим следы орудий взлома и инструментов, является трасологическая экспертиза. Ее главная задача — установление конкретного орудия, которым оставлены следы-отображения на взломанной преграде.

Обобщение практики назначения криминалистических экспертиз следов орудий взлома и инструментов позволяет сделать вывод о том, что все разрешаемые в ходе экспертизы вопросы могут быть объединены в три основные группы: об установлении групповой принадлежности орудия взлома; об отождествлении конкретного орудия по его следам на преграде; об установлении механизма образования следов взлома.

Чаще других встречаются при назначении данной экспертизы следующие вопросы: пригоден ли след взлома для идентификации орудия; какие признаки в следе могут быть использованы для розыска орудия взлома; какого вида орудием оставлены следы, обнаруженные на месте происшествия; не оставлены ли следы взлома, обнаруженные на месте происшествия, данным конкретным орудием; не оставлены ли следы взлома, обнаруженные на разных преградах и в разных местах, одним и тем же орудием; каким способом произведен взлом преграды; каков механизм образования следов, обнаруженных на месте происшествия.

При направлении на экспертизу взломанных замков на разрешение экспертов обычно ставятся следующие вопросы: исправен ли механизм

данного замка; если нет, то каковы причины его неисправности; каким способом и каким орудием произведен взлом замка; одним ли способом взломаны представленные на экспертизу замки; данным ли орудием взломан замок; в запертом или незапертом состоянии нанесены замку повреждения.

Если объектами экспертного исследования становятся пломбы, эксперты решают такие вопросы: не оставлен ли оттиск на исследуемой пломбе данным конкретным пломбиром; одним ли пломбиром оставлены оттиски на данных пломбах; подвергалась ли пломба вторичному воздействию пломбира; имеются ли на пломбе или внутри ее следы воздействия, свидетельствующие о вскрытии ее посторонними предметами; не повреждена ли бечева (или проволока), находящаяся внутри пломбы; можно ли извлечь бечеву (проволоку) из данной пломбы, не нарушая ее целостности.

§ 7. Следы транспортных средств

Криминалистическое значение следов транспортных средств

Криминалистическое значение следов транспортных средств состоит в возможности установления важных обстоятельств дорожно-транспортного преступления, преступления против личности, против чужой собственности — в случаях, когда используется транспорт.

Изучение следов транспортных средств позволяет: а) выяснить механизм дорожно-транспортного происшествия как в целом, так и отдельные его элементы; б) определить скорость движения автомобиля перед началом торможения, его тормозной и полный остановочный путь; в) установить модель шины автомобиля по следу, оставленному на дорожном покрытии; г) идентифицировать транспортное средство по его следам; д) определить техническое состояние некоторых агрегатов транспортного средства; е) определить вид и марку автомобиля по ширине колеи и размерам базы; ж) установить направление движения транспорта; з) установить наличие в кузове автомобиля груза и его характер.

Общие сведения о строении шины автомобиля

Наибольшую информацию для установления обстоятельств дорожно-транспортного происшествия содержат следы шин на дороге и иных объектах.

Шиной автомобиля называется комплект, включающий покрышку с протектором, камеру и прокладку между камерой и диском колеса (рис. 35). Распространены также и бескамерные шины.

Все шины имеют идентификационные признаки, которые образуются при производстве и эксплуатации шин, а также обязательно маркируются в виде цифровых и буквенных обозначений.

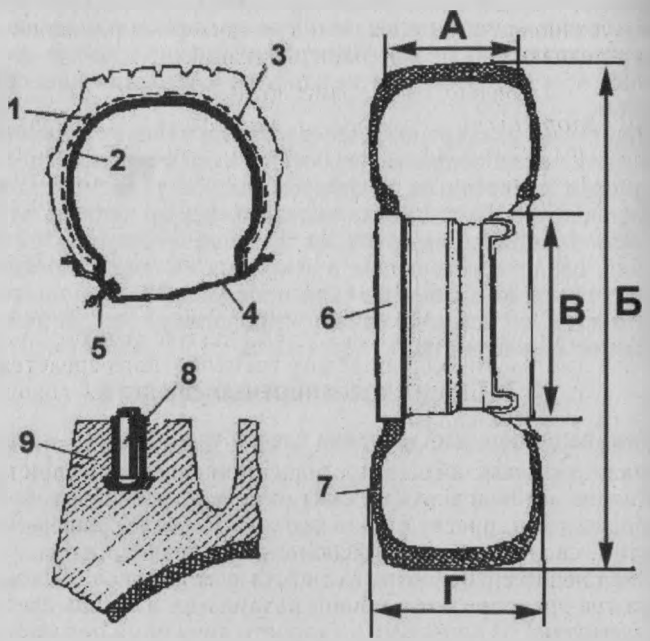


Рис. 40. Шина автомобиля:
1 — покрышка; 2 — ездовая камера; 3 — корд; 4 — лента обода; 5 — вентиль ездовой камеры; 6 — обод; 7 — покрышка; 8 — шип противоскольжения; 9 — шипованная шина. А — ширина протектора; Б — наружный диаметр; В — внутренний диаметр; Г — ширина профиля

На покрышке шины указывается: а) обозначение размеров (например, 175/70 R-13, где 175 — ширина профиля баллона, 70 — серия шины, R — радиальная, 13 — монтажный размер обода в дюймах); б) наименование или товарный знак предприятия-изготовителя; в) год и месяц изготовления; г) серийный номер покрышки; д) знак направления движения; е) номер ГОСТа или технических условий; ж) стандарт безопасности (DOT — американский, Е в кружочке — европейский); з) норма слойности (например, НС-12 или 12 РК), которая условно обозначает прочность каркаса шины; и) модель шины, размер радиуса, высота и ширина протектора покрышки; к) наименование предприятия-изготовителя, месяц и год выпуска, серийный номер покрышки в виде рельефных надписей.

Протектор шины — это часть покрышки, которая представляет собой массивную резиновую полосу, имеющую в беговой части шины узорчатую форму. На наружной поверхности протектора имеется рельефный рисунок, состоящий из продольных и поперечных канавок, выступов и углублений различной формы, усиливающих сцепление транспортного средства с дорогой, предохраняющих от боковых заносов. При движении автомобиля протектор соприкасается с дорогой и оставляет на ней

ред в виде беговой дорожки или скольжения (юза). След можно использовать для установления модели шины, а также — при наличии индивидуальных признаков — для ее идентификации.

Виды следов транспортных средств

Под *транспортными средствами передвижения* подразумеваются различные типы автомобилей, гусеничная техника, самоходные машины и механизмы (автокраны, комбайны, карьерная техника), мотоциклы, мотороллеры, мопеды, велосипеды, городской электротранспорт (трамваи, троллейбусы), аэросани, гужевой транспорт. В практике расследования преступлений наиболее часто используются следы автомобилей, мотоциклов, тракторов, гужевых повозок, саней.

Под *следами транспортных средств* подразумеваются следы контактного воздействия ходовых и неходовых частей транспортных средств, следы на предметах, отделившихся от транспортного средства, а также различные материально фиксированные изменения на дороге, связанные с движением транспорта.

Следы-отображения образуются в виде следов качения или скольжения колес, возникающих в заторможенном состоянии (при юзе), отпечатков (объемных и поверхностных) рисунка протектора, траков гусеницы на покрытии дороги, на одежде и теле потерпевшего, а также в виде вмятин, сколов, царапин, выбоин на преградах (деревьях, зданиях и т. п.), остающихся на покрытии дороги от деталей кузова, ходовой части или трансмиссии автомобиля, разрушившегося вследствие удара при происшествии.

Следы-предметы остаются на месте дорожно-транспортного происшествия в виде деталей автомобиля: колес, ободков фар, осколков лобового стекла и стекол фар, щепок от кузова, элементов одежды потерпевшего, части груза, перевозимого в кузове транспорта.

Следы-вещества на месте дорожно-транспортного происшествия представляют собой лужицы и брызги горюче-смазочных материалов, охлаждающей и тормозной жидкости, а также объекты биологического происхождения (кровь, волосы, мозговое вещество). К следам-веществам относится и частицы лакокрасочного покрытия, которые взаимно переносятся с одного транспортного средства на другое при их взаимодействии в процессе столкновения. К следам-веществам относят, кроме того, скопления частиц грязи, пыли, земли, осыпавшихся с нижних частей автомобиля при столкновении с преградой.

В зависимости от характера дорожного покрытия следы транспортных средств делятся на объемные и поверхностные. *Объемные следы* представляют собой углубления, которые транспорт оставляет при движении по дороге с мягким покрытием (земля, глина, снег, песок). *Поверхностные следы* образуются на дорогах с твердым покрытием (бетон, асфальт), на плоских предметах, лежавших на дороге, на одежде потерпевшего.

Поверхностные следы, в свою очередь, подразделяются на следы наслоения и следы отслоения. *Следы наслоения* образуются, когда следообразующее вещество переносится с колеса на дорогу. Такие следы образуются при выезде транспортного средства с обочин, проселочных дорог на дорогу с твердым покрытием. *Следы отслоения* образуются при переносе следообразующего вещества с поверхности дороги на колесо. Подобные следы остаются после соприкосновения шины колеса с разлитым красящим веществом на дороге.

Поверхностные следы могут быть также классифицированы на позитивные и негативные. В *позитивных следах* отображаются только выступающие части рисунка протектора. Эти следы образуются на твердом покрытии дороги после того, как колеса проехали участок дороги, покрытый пылью, грязью, водой и т. п. В *негативных следах* отображаются углубленные места протектора шины, а рельефные части образуют пробелы. Обычно это явление можно наблюдать в следах шин с мелким рисунком протектора, когда следообразующее вещество, выпадая из углубленных участков протектора, отображает их строение.

По степени видимости следы транспортных средств подразделяются на *видимые, маловидимые и невидимые.* В зависимости от расположения изменений на следовоспринимающем объекте следы могут подразделяться на локальные и периферические. *Локальный след* возникает в результате изменений следовоспринимающего объекта в пределах его контакта со следообразующим объектом. Покрышка колеса оставляет след, изменяя грунт в пределах нажима на него, а остальная поверхность грунта остается в прежнем состоянии. *Периферический след* образуется при изменениях, которые происходят за пределами соприкосновения колеса и дороги. Так, за пределами соприкосновения может наслаиваться какое-либо вещество или, наоборот, отслаиваться часть вещества.

В зависимости от механизма следообразования следы можно разделить на статические и динамические. *Статическим следом* является след качения, представляющий собой ряд оттисков покрышки колеса, расположенных рядом и образующих в целом один непрерывный оттиск следообразующей поверхности в развернутом виде. *Динамический след* образуется в результате торможения, заноса, пробуксовки колеса. Следы торможения отличаются от статических следов качения тем, что они растянуты, смазаны элементы рисунка протектора, что вызвано замедлением скорости вращения колеса при торможении. Если колеса совсем перестают вращаться до полной остановки транспортного средства (блокировка колес), то следы торможения превращаются в следы скольжения (юза), т. е. сплошные смазанные следы, где отдельные элементы уже неразличимы.

Работа следователя со следами транспортных средств

Обнаружение следов транспортных средств начинается с визуального осмотра места происшествия. Обнаружение следов транспортного средства требует внимательного осмотра значительных по размерам участков местности. Мысленно сконструировав модель механизма дорожно-транспортного и иного преступления, следователь сможет правильно определить границы осмотра места происшествия, объекты, подлежащие исследованию. Для выявления маловидимых и невидимых следов используется набор луп НДЛ-3 и прибор ОЛД-41.

Следы транспортных средств остаются на поверхности дорожного покрытия, в обочине, кювете, на местности, прилегающей дороге, на сооружениях, строениях, деревьях, находящихся в зоне происшествия, на теле и одежде пострадавшего человека, на автомобиле, с которым произошло столкновение или соприкосновение в ходе события.

Фиксация следов транспортных средств осуществляется путем описания в протоколе, изготовления схем или планов, фотографирования, видеосъемки, а также путем изготовления слепков и копий следов шин.

Прежде всего, еще до начала осмотра места происшествия и в ходе его должна быть произведена его *фотосъемка*. В зависимости от характера происшествия и обстоятельств дела могут фотографироваться участок дороги, где произошло дорожно-транспортное происшествие, общий вид центра места происшествия (машина, труп), следы колес, грузы.

С помощью *ориентирующей и обзорной фотосъемки* производится фотографирование общего вида места происшествия и его окружающей обстановки. Данная съемка производится обычно с двух противоположных или большего числа сторон.

Панорамная фотосъемка применяется при необходимости запечатлеть дорожный участок, ширина которого более 10—15 м. В этом случае место происшествия фотографируют по частям, а полученные отпечатки монтируют (склеивают) в один снимок (панораму). Во избежание пропусков фотосъемку следует производить с таким расчетом, чтобы каждый последующий кадр включал в себя 10—15 % предыдущего кадра и тем самым частично перекрывал предыдущий.

Узловая фотосъемка применяется для фотографирования в крупном масштабе отдельных участков места дорожно-транспортного происшествия, на которых сосредоточено наибольшее количество материальных признаков преступления (например, транспортное средство, труп).

Способом *детальной фотосъемки* фотографируются отдельные следы и предметы на месте происшествия. *Измерительная фотосъемка* применяется в целях последующего определения размеров самих предметов и следов. Она бывает метрической и масштабной. *Метрическая фотосъемка* производится с глубинным масштабом (шкалой удалений) в виде ленты с хорошо заметными делениями через 10 или 20 см. Лента укладывается на дороге вдоль следов в направлении от фотоаппарата параллельно оптической оси. *Масштабная фотосъемка* применяется для фотографирования небольших плоских следов или мелких предметов в целях запечатления их характерных особенностей и размеров. В этом случае масштабная линейка кладется в одной плоскости со снимаемым объектом, а оптическая ось объектива должна быть перпендикулярна данной плоскости.

В протоколе осмотра места ДТП и приложениях к нему подлежат фиксации следующие элементы: дорога, участки места происшествия и объекты, на которых обнаружены следы транспортных средств, с точным описанием их места нахождения и особенностей; транспортное средство; следы транспортного средства; признаки, свидетельствующие о направлении движения автомобиля; труп.

При описании *участка дороги* (рис. 41), где произошло дорожно-транспортное происшествие, в протоколе осмотра места происшествия указывается рельеф дороги, поперечный и продольный уклоны, состояние обочин, кюветов, дорожного полотна, повороты и закругления, а также фиксируются следы смазки и жидкостей, применяемых для транспортных средств, детали транспортного средства, обнаруженные на участке места происшествия, отпечатки номеров и агрегатов транспортного средства на различных объектах.

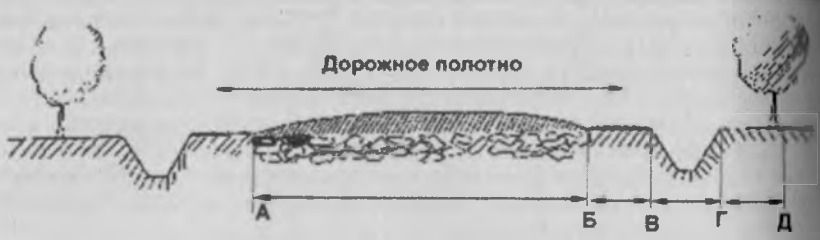


Рис. 41. Элементы дороги:
А — Б — проезжая часть; Б — В — обочина; В — Г — кювет; Г — Д — отвод

Описание в протоколе *транспортного средства* предполагает отражение в нем следующих элементов: 1) положение транспортного средства относительно проезжей части дороги, неподвижных ориентиров, других средств, участвовавших в происшествии, трупа; 2) марка, модель машины, год выпуска, государственный номер, цвет кузова и кабины, модель шины, тип рисунка, остаточная глубина протектора; 3) техническое состояние транспорта (определяется «экспресс-методом» при помощи специалиста-автотехника): а) тормозная система; б) рулевое управление; в) ходовая часть; г) электрооборудование; д) показания приборов; е) положение клавиш переключателей света; ж) положение рычагов коробки передач; з) включение переднего моста; и) положение главного фрикциона (у гусеничной техники); к) состояние лобового стекла и зеркала заднего вида; 4) повреждения, имеющиеся на транспортном средстве, их характер и локализация; 5) наличие и локализация инородных следов наложений и их характеристика (отслоения лакокрасочного покрытия другого автомобиля и объекты биологического происхождения: кровь, мозговое вещество, волосы и т. п.); 6) груз (наличие, характер, положение); 7) место хранения транспортного средства после ДТП (с указанием лица, ответственного за его хранение).

При описании в протоколе осмотра места происшествия *следов шин* транспортного средства следует зафиксировать: а) вид и состояние покрытия дороги; б) место расположения следов относительно неподвижных ориентиров; в) вид и количество следов; г) ширину каждой беговой дорожки; д) глубину объемных следов; е) размер колеи; ж) строение рисунка протектора, характер отпечатков особенностей поверхности шины; з) базу автомобиля; и) длину следа торможения; к) признаки направления движения; л) способ фиксации, изъятия и упаковки следа.

Длина тормозного следа измеряется рулеткой. При этом, начало следа определяется по маловидимым признакам, оставляемым шиной автомобиля в начальной стадии торможения.

Следует иметь в виду, что частицы резины протектора и иные элементы, образующие след юза на покрытии дороги, со временем смываются дождем либо выветриваются, вследствие чего длина следа торможения уменьшается. Так, за 1—2 часа след торможения на асфальтобетонном покрытии может стать короче на 0,2—0,3 м.

Ширина беговой дорожки измеряется по перпендикуляру к ее продольной оси и по дну следа, если он объемный. Возможны незначительные различия (10—15 мм) между шириной беговой дорожки и шириной протектора шины, что зависит от давления в шине и нагрузки автомобиля.

Колея — это следы, оставленные на дороге шинами правых и левых колес. Между центрами следов производятся измерения, результаты которых подлежат внесению в протокол осмотра.

База автомобиля — это расстояние между его передней и задней осями, которое измеряется по достаточно отчетливым следам, образовавшимся во время остановки, пробуксовки или разворота, произведенного с применением заднего хода (рис. 42).

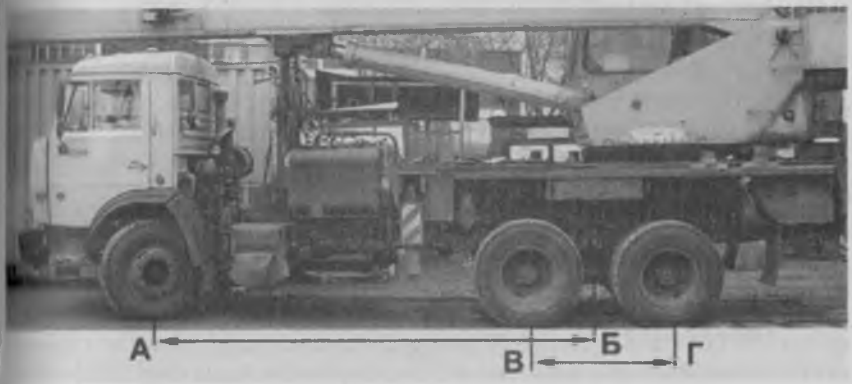


Рис. 42. Измерение ширины колеи и базы автомобиля:
А — Б — база автомобиля; В — Г — база тележки

Длина следа оборота колеса определяется измерением расстояния между двумя соседними отпечатками в следе какой-либо одной особенности шины в виде выбоины, трещины или наличия в ней посторонних предметов (гвоздя, камня и т. п.) (рис. 43).

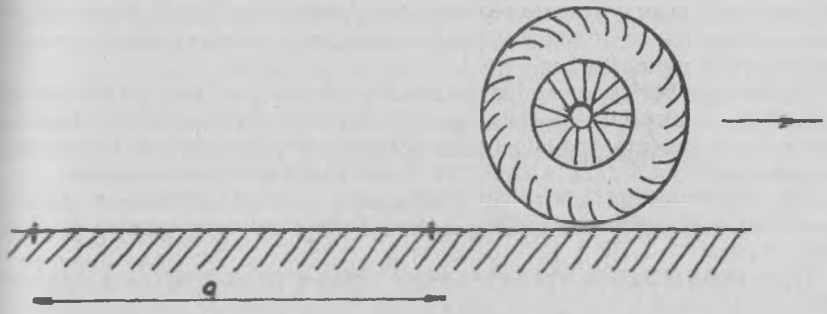


Рис. 43. Определение длины следа оборота колеса
(а — длина следа одного оборота колеса)

Фиксация хода и результатов осмотра места ДТП осуществляется также путем составления схемы, которая является приложением к протоколу осмотра, но, вместе с тем, позволяет более наглядно представить обстановку происшествия.

Ход и результаты осмотра места ДТП рекомендуется фиксировать с помощью видеосъемки с изготовлением видеофильма. Видеосъемка по-

зволяет не только показать форму, размеры, относительное расположение и другие признаки объектов, но и воспроизвести те или иные действия следователя. Видеосъемку предпочтительней применять в тех случаях, когда место ДТП представляет собой значительную по размерам территорию, а также для фиксации каких-либо событий, связанных с ДТП (например, тушение загоревшейся машины, подъем опрокинутой машины).

Изъятие следов транспортных средств. Основным приемом изъятия следов-отображений транспортных средств является моделирование путем изготовления слепков из гипса, силиконовой пасты К и пасты У-1.

Если на месте ДТП имеются объемные следы, в которых отобразились особенности следообразующего объекта, то с них снимаются гипсовые слепки заливным способом. Для изготовления гипсовых слепков со следов в снегу, со следов, залитых водой, со следов с хрупкой поверхностью используется насыпной или комбинированный способы.

Закрепление следов на сыпучем грунте, в песке производится с помощью скрепляющих веществ. В практике в этих целях широко используются синтетические смолы, которые смешиваются с быстро улетучивающимися растворителями и путем пульверизации наносятся на след, за счет чего последний, получая достаточную прочность, может быть изъят из грунта без повреждений. К таким составам можно отнести 6%-ный раствор перхлорвиниловой смолы, растворенной в ацетоне. Эффективным средством закрепления следов в сыпучих веществах является лак для волос в аэрозольных баллончиках.

Поверхностные следы транспорта фиксируются посредством их перенесения на липкую подложку, например, большого формата листы глянцевой фотобумаги, которая увлажняется и эмульсионной поверхностью накладывается на след и плотно к нему прижимается.

Следы-наложения, возникающие на транспортном средстве или оставленные транспортным средством на других объектах в результате происшествия, изымаются, по возможности, вместе со следоносителем или же отделяются от объекта и упаковываются в соответствии с правилами изъятия микрочастиц.

Следы-предметы с отобразившимися на них следами транспортного средства, а также предметы, отделившиеся от транспортного средства, изымаются с места происшествия целиком, перечисляются в протоколе и приобщаются к делу в качестве вещественных доказательств.

При наличии на месте происшествия *следов горюче-смазочных средств* изымаются их пробы и помещаются в герметичные стеклянные сосуды.

Предварительное исследование следов транспортных средств. Предварительное исследование следов транспортных средств позволяет: 1) определить скорость движения автомобиля перед началом торможения, его тормозной и полный остановочный путь; 2) установить модель шины по следу; 3) идентифицировать транспортное средство, 4) определить техническое состояние некоторых агрегатов транспортного средства; 5) определить вид и марку автомобиля; 6) определить направление движения и место стоянки автомобиля; 7) установить факт наличия в кузове автомобиля груза и его характер.

Определение скорости движения автомобиля перед началом торможения, его тормозного и полного остановочного пути по длине тормозного следа. Следователь, располагая данными о длине следа торможения, коэффициенте сцепления, состоянии и характере дорожного покрытия, может их использовать для предварительного установления скорости движения автомобиля непосредственно перед применением торможения.

Примерную скорость движения автомобиля перед торможением по дороге без продольного уклона можно определить по следующей формуле:

$$V = \sqrt{254 \times f \times St}$$

где V — скорость автомобиля;

f — коэффициент сцепления шин с дорогой (в расчетах обычно принимается 0,6);

St — длина тормозного пути;

254 — условная математическая единица.

Основой для определения скорости движения транспортного средства перед началом его торможения в ходе дорожно-транспортного происшествия является след скольжения (юза) на дорожном покрытии. Такой след образуется при полной блокировке колес автомобиля, не имеющего противоблокировочных устройств и регуляторов в тормозной системе. Наибольший же тормозной эффект создает колесо, не двигающееся юзом, а катящееся и находящееся на грани скольжения. Следы скольжения остаются на сухом асфальто- или цементобетонном покрытии, на влажных покрытиях они обычно малозаметны, а на обледенелой или укатанной заснеженной дороге могут быть невидны совсем. Поэтому при расчетах учитывается коэффициент продольного сцепления шин с дорогой, значение которого эксперт, основываясь на сведениях, содержащихся в протоколе осмотра места происшествия, выбирает в зависимости от состояния опорной поверхности по научно разработанной методике. При этом, используются следующие данные:

Покрытие дороги	Коэффициент сцепления шин с дорогой	
	(сухое покрытие)	(влажное покрытие)
Асфальтобетонное или цементобетонное	0,7—0,8	0,35—0,45
Щебеночное	0,6—0,7	0,3—0,4
Грунтовая дорога	0,5—0,6	0,2—0,4
Дорога, покрытая укатанным снегом	0,2—0,3	0,2—0,3
Обледенелая дорога	0,1—0,2	0,1—0,2

В криминалистике различаются понятия «тормозной путь автомобиля» и «полный остановочный путь».

Под *тормозным путем* понимается расстояние, на которое автомобиль перемещается с момента нажатия на педаль тормоза до полной остановки.

Полный остановочный путь — путь, пройденный автомобилем с момента начала реагирования водителя на опасность до полной остановки.

Остановочный путь определяется по формуле:

$$S_{ост.} = (t_1 + t_2) \times \frac{V}{3{,}6} + \frac{Кэ \times V^2}{254 \times f},$$

где t_1 — время реакции водителя на опасность — интервал с момента появления сигнала об опасности до начала воздействия на педаль тормоза автомобиля. Это время зависит от квалификации, опыта, возраста, состояния здоровья водителя и других факторов.

Дифференцированные значения времени реакции водителя разработаны научными методами, являются обобщенными результатами многочисленных исследований, приводятся в соответствующих таблицах. Так, например, в опасной ситуации (начало движения пешехода, особенно ребенка, находящегося на проезжей части в поле зрения водителя, когда от водителя требуется предельное внимание к обстановке, он должен постоянно наблюдать за местом вероятного возникновения препятствия и быть готовым к принятию мер по предотвращению ДТП) время реакции водителя принимается в пределах 0,6 секунд.

Если вне населенного пункта на проезжей части дороги из-за объекта, ограничивающего обзорность, внезапно появляется пешеход или мотоциклист, а предшествующая происшествию ситуация свидетельствовала о минимальной вероятности его возникновения, то время реакции водителя принимается 1,4 секунды;

t_2 — время запаздывания срабатывания тормозного привода. В течение этого времени давление от главного тормозного цилиндра (или крана) передается колесным цилиндрам (тормозным камерам) и происходит выборка зазора в деталях тормозного привода. По истечении времени $t_1 + t_2$ тормоза включаются, и скорость автомобиля начинает снижаться. Время t_2 принимают в расчетах для транспортных средств с гидравлическим тормозным приводом 0,2 секунды, с пневматическим приводом 0,8 секунды.

Время нарастания замедления зависит от типа тормозного привода, состояния дороги и массы автомобиля. Оно возрастает при увеличении коэффициента сцепления и массы автомобиля;

Кэ — коэффициент эксплуатации транспортного средства (изношенность систем автомобиля, качество регулировки и т. д.). Принимается: для грузовых автомобилей — 1,4; для легковых — 1,0;

V — скорость автомобиля;

f — коэффициент сцепления шин с дорогой.

Установление модели шины по следу, оставленному на дорожном покрытии шиной автомобиля (рисунку протектора, ширине беговой дорожки).

Идентификация транспортного средства по его следам. К ним относятся признаки, обусловленные дефектом протектора; признаки, связанные с производством шин, с использованием средств противоскольжения (шипов, цепей, траков), а также случайные признаки (посторонние предметы, застрявшие в углублениях протектора или внедрившиеся в резину).

Определение технического состояния некоторых агрегатов транспортного средства по оставленным на месте происшествия (например, на месте стоянки) следам моторного масла, тормозной жидкости и т. п.

Определение вида и марки автомобиля по ширине колеи и размерам его базы.

Определение направления движения и места стоянки автомобиля производится по следующим признакам в следах колес и на дороге: 1) при движении по сыпучему грунту по краям следа колеса образуется вал из частиц грунта, острый угол которого направлен в сторону движения; 2) при переезде через лужи, грязь следы будут ослабевать и исчезнут по мере движения, а брызги воды и грязи располагаются веерообразно в сторону движения; 3) капли жидкости, падающие с транспортного средства, имеют вытянутую форму (круглую с сужением), острый конец которой направлен в сторону движения; 4) при движении по высокой траве стебли ее наклоняются в сторону движения, а при движении по низкой траве при пробуксовке стебли наклоняются в сторону, обратную движению; 5) при переезде ветка, палка ломаются, образуя угол, открытый в сторону движения; 6) при движении по грунту камень сдвигается в сторону движения, а выемка от камня остается в стороне, противоположной движению; 7) при торможении и юзе на мягком грунте почва сдвигается в сторону движения; 8) острый угол рисунка протектора шин повышенной проходимости направлен в сторону, противоположную направлению движения; 9) угол расхождения передних и задних колес в начале поворота больше угла схождения в конце поворота; 10) при торможении след юза резко усиливается по ходу движения и резко обрывается; 11) разрывы на одежде потерпевшего от протектора направлены в противоположную движению сторону; 12) место стоянки автомобиля, помимо других признаков, можно определить по следам-пятнам горюче-смазочных материалов, воды, тормозной и охлаждающей жидкости.

Установление факта наличия в кузове автомобиля груза и его характера. Об этом может свидетельствовать часть груза или его фрагментов, оставшаяся при столкновении или наезде на месте происшествия.

Экспертное исследование следов транспортных средств

Предметом транспортно-трасологической экспертизы является установление обстоятельств дела, связанных с идентификацией транспортного средства, участвовавшего в дорожно-транспортном происшествии, и механизма происшествия в целом на основе специальных познаний в области судебной трасологии и судебной автотехники.

На разрешение транспортно-трасологической экспертизы могут быть поставлены вопросы неидентификационного характера, связанные с механизмом происшествия и образованием следов от воздействия транспортного средства: 1) каково место столкновения транспортных средств, каков угол их столкновения; 2) каково направление движения транспортных средств; 3) каково взаимное расположение транспортного средства и пешехода в момент наезда; 4) образованы ли следы в результате столкновения, наезда или переезда; 5) какова последовательность образования повреждений; 6) каков механизм дорожно-транспортного происшествия в целом.

С помощью транспортно-трасологической экспертизы может быть идентифицировано конкретное транспортное средство. Для этого эксперту ставятся следующие вопросы: 1) не оставлены ли следы на месте происшествия данным транспортным средством; 2) не составляют ли осколки стекла (частицы краски и т. п.), обнаруженные на месте дорожно-транспортного происшествия, единого целого с осколками фар (лакокрасочным покрытием транспортного средства), представленными на экспертизу; 3) не образованы ли следы на транспортном средстве (одежде потерпевшего) частью другого транспортного средства.

§ 8. Следы-наложения веществ и материалов

Криминалистическое значение следов-наложений веществ и материалов

Исследование следов-веществ позволяет получать информацию об объектах следообразования, механизме, времени и особых условиях их взаимодействия, а равно иных обстоятельствах, имеющих значение для расследования преступлений.

Общие сведения о следах-наложениях веществ и материалов

Одной из разновидностей материально фиксированных следов, которые отображают внутреннее строение вещества следообразующего объекта, являются следы-вещества.

Следы-вещества могут быть самыми разнообразными. Их вид, природа, состояние и другие признаки зависят от того, какие вещества (материалы) оставили след; от того, при каком взаимодействии они возникли, и иных условий следообразования.

Если вещество, составляющее один объект, вступает в химическую реакцию с веществом другого, то возникают *следы-вещества химического взаимодействия* в виде образования некоторого количества нового вещества в результате этой химической реакции (такие следы, например, возникают при травлении текста документа. Исследуя вновь образовавшееся вещество следа, можно установить вещество, которое применялось для травления).

Другие вещества при взаимодействии могут смешиваться, растворяя или разбавляя друг друга, но не вступая в химическую реакцию, что приводит к возникновению *следов-веществ в виде примесей и смесей* одного вещества в другом (например, при разбавлении водой спиртных напитков в целях обмана покупателей).

Наиболее распространенными среди следов-веществ являются следы-наложения веществ и материалов, когда частицы вещества одного объекта отделяются от его общей массы и переносятся на другой объект, образуя на его поверхности *след-наложение*, т. е. инородное поверхностное вещественное образование, состоящее из микро- или макроколичества вещества (материала), отделившегося от общей массы следообразующего объекта (например, на орудии взлома остаются частицы материала разрушенной преграды) и т. д.

Возникновение следов-наложений связано с такими взаимодействиями, в результате которых происходит отделение части вещества одного объекта и перенос ее на поверхность другого объекта, где она механически закрепляется и может быть обнаружена как инородное поверхностное вещественное образование. Так, например, при контакте предме-

тов одежды разных людей может произойти перенос текстильных волокон, отделившихся от одежды одного лица, на одежду другого, где они фиксируются в неровностях ткани и могут быть выявлены при осмотре как инородные, не входящие в состав одежды, на которой их обнаружили.

Для следа-наложения характерно отсутствие общей линии разделения с массой вещества объекта, от которой он отделился. Однако, несмотря на это, такой след продолжает сохранять свойства вещества.

Обязательным условием образования следа-наложения является разородность веществ, из которых состоят взаимодействующие объекты. Иначе отделившаяся часть вещества не будет инородной для воспринявшего ее объекта и ее нельзя будет выделить на его поверхности.

Другим условием является химическая нейтральность веществ взаимодействующих объектов, так как в противном случае произойдет химическое взаимодействие и возникновение следов веществ и материалов другого вида (следов химического взаимодействия).

Не может также произойти образования следов-наложений при взаимодействии объектов, вещества которых растворяют или разбавляют друг друга (например, если оба объекта — жидкости). В этом случае возникают следы веществ и материалов в виде следов примеси инородного вещества.

Жидкие вещества оставляют следы-наложения в том случае, если они не переходят полностью в газообразное состояние (испаряются, улетучиваются) после попадания на поверхность объекта-носителя. Следы-наложения жидких веществ обычно выглядят как пятна, мазки, потеки, впитавшиеся в поверхность объекта-носителя, или, если впитывания не происходит, то как высохшие поверхностные корочки, пленки, наплывы и т. п.

Следы-наложения твердых веществ имеют вид частиц, осколков, опилок, волокон, обломков, пыли и т. п.

Виды следов-наложений веществ и материалов

В зависимости от природы вещества следы-наложения можно разделить на органические и неорганические.

Следы-наложения органических веществ оставляют объекты живой природы: люди, животные, растения (кровь, элементы органов и тканей организма, волосы, пот, сперма, слюна, части растений, их сок, семена, споры, пыльца, изделия из материалов животного происхождения, такие как шерстяные и растительные волокна текстиля, пищевые продукты и пр.).

Следы-наложения неорганических веществ образуются от объектов неживой природы и искусственно созданных материалов. Ими могут быть краски, лаки, различные минералы, искусственные и химические текстильные волокна, металлы, строительные материалы и пр.

Некоторые следы-наложения могут состоять из частиц органического и неорганического происхождения, смешанных между собой. Примером такого следа может служить наложение частиц почвы на одежду.

По своим размерам следы-наложения могут быть видимыми при визуальном наблюдении (макроскопическими) и невидимыми невооруженным зрением, различимыми только при применении микроскопов или иных лабораторных приборов (микроскопическими).

Работа следователя со следами-наложениями веществ и материалов

Обнаружение следов-наложений веществ и материалов. Работа следователя по обнаружению следов-наложений состоит из следующего: 1) ознакомление с начальными имеющимися данными о преступлении, обстановкой места происшествия, общим видом вещественного доказательства, на котором предполагается наличие следов-наложений; 2) построение версий о местах возможного нахождения следов-наложений в конкретных условиях обстановки или на конкретном объекте; 3) проверка версий путем непосредственного поиска и выявления объектов-носителей и следов-наложений на них; 4) закрепление данных, полученных в результате этой проверки.

Объектами-носителями следов-наложений наиболее часто служат: орудия преступления, в том числе орудия травмы, орудия и инструменты взлома, огнестрельное оружие и его снаряды; транспортные средства; предметы одежды пострадавшего и преступника; тело преступника и его жертвы; предметы обстановки места преступления; похищенные предметы, а также сумки, портфели, чемоданы и другая тара; в которой они переносились и хранились; предметы, утерянные или оставленные преступником на месте преступления (окурки, бумага, предметы одежды, носовые платки, расческа и т. п.). Объектами-носителями следов-наложений могут быть и другие предметы, что в каждом конкретном случае зависит от особенностей расследуемого преступления.

Для обнаружения следов-наложений используются лупы, бинокулярные микроскопы, светофильтры. Поиск инородных текстильных волокон на предметах одежды будет результативнее при осмотре в ультрафиолетовом освещении.

Закрепление следов-наложений веществ и материалов. Способы закрепления следов-наложений веществ и материалов аналогичны тем способам, которые используются при закреплении других следов преступлений. При этом, описание следов-наложений веществ и материалов в протоколе осмотра необходимо сочетать с их закреплением с помощью фотосъемки.

Изъятие и сохранение следов-наложений веществ и материалов. Наилучшим способом изъятия следов-наложений является их изъятие вместе с предметом-носителем или с его частью. Наряду с этим способом, существуют следующие способы изъятия и сохранения следов-наложений веществ и материалов:

1) *способ снятия* — используется для изъятия видимых инородных частиц, легко отделяемых от объекта-носителя (например, обрывки ниток, крупные текстильные волокна, отдельные волосы, твердые видимые частицы других веществ и т. п.). Такие видимые инородные частицы снимают с объекта-носителя с помощью пинцета с гладкими концами или резиновыми наконечниками, переносят в пакетик из целлофана (гладкой бумаги) или стеклянную пробирку, которые затем упаковываются, опечатываются и соответствующим образом надписываются.

Железные опилки и иные частицы магнитных металлов можно снимать с объектов-носителей с помощью магнита, обернутого чистой белой гладкой бумагой. Притянутые магнитом частицы затем отделяются от бумаги в подставленную упаковку. Видимые инородные частицы с предметов одежды можно изъять на увлажненную чистую поролоновую губку;

2) *способ соскоба* — рекомендуется для изъятия таких следов-наложений (например, высохшие загрязнения глиной, пятна крови, краски и т. п.), частицы которых плотно прикрепились к поверхности предмета, снять который целиком нельзя. Соскоб делается лезвием чистого скальпеля или ножа в подставленный пакет из упаковочного материала;

3) *способ смыва* — применяется для изъятия следов-наложений, состоящих из инородных веществ биологического характера (например, кровь, семенная жидкость, смола и др.) с различных поверхностей. Для смыва необходимы тампоны из стерильной марли (ваты) и физиологический раствор (0,9%-ный раствор поваренной соли в дистиллированной воде). В случае отсутствия физиологического раствора можно использовать дистиллированную воду.

Смыв производится следующим образом: тампон смачивается раствором и прижимается к поверхности, где обнаружено инородное вещество или предполагается его нахождение. Инородное вещество растворяется и целиком или частично впитывается в тампон, который затем помещается в стерильную пробирку и упаковывается;

4) *способ отпечатков на липкую ленту и предметные стекла* — применяется для изъятия различных частиц инородных веществ с поверхностей объектов-носителей. Для извлечения частиц из труднодоступных мест (пазов, щелей, подногтевых пространств и т. п.) пленку перегибают на лезвии ножа липкой стороной вверх и вводят в щель. После этого ленту прижимают к поверхности чистого предметного стекла клейкой стороной вниз.

Если изымаются предметы одежды разных лиц и предполагается образование на них взаимных микроналожений волокон и других частиц, то особое внимание необходимо уделить тому, чтобы не произошло их случайного контакта между собой. Поэтому после осмотра и изъятия каждый предмет одежды (даже одного лица) следует сразу упаковать и надписать. Если при этом необходимо сохранить локализацию микрочастиц на предмете одежды, то лучше всего упаковать предмет одежды, переложив его сверху и снизу листами упаковочного материала и свернув в рулон.

Экспертное исследование следов-наложений веществ и материалов

Для исследования следов-наложений веществ и материалов в зависимости от природы их происхождения могут быть назначены следующие экспертизы: судебно-медицинская; судебно-биологическая; экспертиза материалов, веществ и изделий; почвоведческая и другие виды судебных экспертиз.

Наиболее часто назначается криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий (КЭМВИ), которая предполагает комплексное исследование определенного рода объектов, постоянно встречающихся в следственно-судебной практике: микрочастиц, малых количеств (объемов) материалов (веществ). В зависимости от объектов и решаемых задач различают следующие разновидности этой экспертизы: 1) экспертиза волокнистых материалов и изделий из них; 2) экспертиза лакокрасочных материалов и покрытий (ЛКМ и ЛКП); 3) экспертиза нефтепродуктов, горюче-смазочных материалов и легко воспламеняющихся жидкостей; 4) экспертиза наркотических средств и сильно действующих веществ; 5) экспертиза металлов и сплавов; 6) экспертиза стекла, полимеров и изделий из них; 7) экспертиза продуктов выстрела и взрыва и др.

§ 9. Запаховые следы

Криминалистическое значение запаховых следов

Запаховые следы в первую очередь используются для розыска преступника «по горячим следам», а после их изъятия в ходе следственных и оперативно-розыскных действий запаховые следы могут служить решению следующих задач: а) установлению наличия (или отсутствия) в целом запаха человека в изъятых с места происшествия запаховых следах; б) выяснению общей обстановки на месте происшествия, обнаружению в ходе следственных действий вещественных доказательств, имеющих значение для дела и находящихся в контакте с преступником (иными лицами); в) выяснению принадлежности изъятых предметов проверяемому лицу; г) установлению механизма совершенного преступления, действий его участников и иных лиц, находившихся на месте происшествия или вблизи его (в том числе размещение лиц в автотранспортном средстве в момент аварии); д) проверке их версий об обстоятельствах преступления; е) установлению индивидуального запаха лиц, причастных к преступлению, на вещественных доказательствах, выброшенных (подброшенных) ими на месте происшествия в момент задержания; ж) выявлению общности первичного источника запаховых следов, собранных в разных местах в разное время, а также первичных источников волос, следов крови, различных выделений человеческого организма.

Научные основы криминалистической одорологии

Криминалистическая одорология (от лат. *odor* — запах и греч. *logos* — учение) представляет собой совокупность приемов и технических средств, обеспечивающих решение в процессе расследования преступления задач, связанных с установлением по запаховым следам искомых лиц, предметов и иных объектов.

Предмет обладает запахом, если он из твердого или жидкого агрегатного состояния переходит в газообразное. С поверхности пахучего объекта непрерывно отделяются его частицы, которые вместе с воздухом попадают в обонятельный орган человека и, воздействуя на него, вызывают субъективное восприятие определенного запаха.

Запах человека представляет собой сложный комплекс различных пахучих веществ физиологического, бытового, а также профессионального происхождения. Пахучие вещества физиологического происхождения выделяются соответствующими железами человека (потовыми, жировыми), источниками их служат выделения из организма человека (кровь, моча и т. д.). В состав этих веществ входят многочисленные органические соединения: аммиак, метан, ацетон и другие химические соединения. Выделение у человека интенсивного индивидуального запаха начинается на 10-м месяце жизни, до этого момента у него сохраняется материнский запах.

Пахучие вещества бытового и профессионального происхождения сопутствуют человеку в его обыденной жизни (запахи продуктов, костра, окружающих пахучих растений и т. п.), а также представляют собой результат взаимодействия тела и одежды человека с запаховыми веществами, обусловленными профессиональной деятельностью лица (запах ГСМ, краски, лекарств и иных химических соединений, сопутствующих профессии и роду деятельности человека).

При соприкосновении или длительном контакте части тела человека, его одежды с окружающими его предметами пахучие вещества переходят на поверхность этих предметов или непосредственно находятся над ними в течение определенного времени.

Запаховые вещества, источником которых служит тело (организм) человека, обладают стабильностью и индивидуальностью, т. е. комплекс пахучих веществ практически не претерпевает изменений на протяжении длительного времени и сохраняет только ему присущие, индивидуальные свойства.

Пахучие вещества, имеющиеся на следах-предметах, в следах-веществах и в следах-отображениях, обнаруженные в связи с событием преступления, называются *запаховыми следами*. Запаховые следы — это особый вид следов в криминалистике, значительно отличающихся от традиционных, и прежде всего тем, что они невидимые, а приемы и средства обнаружения их весьма специфичны.

Виды запаховых следов

В криминалистике все следы по устойчивости подразделяют на изменяемые и относительно неизменяемые. В естественных условиях запаховые следы подвержены изменениям. Так, запаховое вещество в следе обуви изменяется и спустя некоторое время вообще исчезает, рассеиваясь в окружающей среде. Если же запаховый след законсервирован (например, помещен в специальную металлическую либо стеклянную флягу, банку), он становится относительно неизменяемым и длительное время пригоден для исследований.

По механизму образования запаховые следы условно можно разделить на следы-источники запаха и следы-запахи.

Следы-источники запаха — это следы людей, животных, насекомых, растений, предметов и тел органического и неорганического происхождения, т. е. твердых, жидких, сыпучих объектов. Такие следы одновременно являются и следами в трасологическом плане (например, след обуви человека либо невидимые следы рук на орудии преступления одновременно несут трасологическую и одорологическую информацию).

Следы-запахи представляют собой газообразную смесь воздуха с молекулами пахучего вещества, т. е. сам источник запаха (объект) отсутствует, а запах его остался. Следы-запахи несут качественную информацию об источнике и поэтому сходны со следами-веществами, но отличаются от них тем, что в месте обнаружения запахового следа отсутствует его источник. Следы-запахи очень неустойчивы, они непрерывно рассеиваются в пространстве и практически исчезают. Поэтому на месте обнаружения их необходимо быстро изымать и консервировать.

Следы-источники запаха делятся на две подгруппы: следы-источники запаха человека и следы-источники собственного запаха.

В следственной и оперативной практике наиболее распространены *следы-источники запаха человека*.

Запаховую информацию о человеке могут нести различные материальные объекты:

а) отделившиеся от тела человека твердые и жидкие частицы — кусочки ткани, волосы, кровь, потожировое вещество, сперма, слюна и другие выделения, связанные с его физиологической деятельностью;

б) предметы, находящиеся в постоянном контакте с человеком, — одежда, обувь, личные вещи, например, очки, кошелек, портмоне, ключи от кварти-

ры, зажигалка, ручка, спички, портфель, дамская сумочка; предметы туалета — расческа, носовой платок, заколки для волос; сопутствующие предметы — костыль, трость, зонтик и т. п.;

в) объекты временного контакта с телом человека — орудия совершения преступления, предметы труда и инструменты; вещи материальной обстановки и почва, которых касался человек непосредственно либо опосредствованно в процессе совершения преступления. Например, запаховые следы человека образуются при непосредственном касании предмета босой ногой либо опосредствованно, когда человек идет в обуви.

Следы-источники собственного запаха — это все материальные предметы, которые в той или иной степени обладают свойством летучести и поэтому являются источниками запаха, т. е. пахнут. Необходимо иметь в виду, что собственный запах предмета может быть сильнее, чем запах человека, оставленный на нем: иногда такие предметы нельзя использовать для работы розыскной собаки, поскольку собственный запах предмета-носителя сильнее, чем запах, оставленный человеком.

На сохранность запаховых следов и возможность решения с их помощью указанных задач влияют многие причины: свойства объекта-носителя запахового следа, атмосферные факторы, физиологическое состояние человека.

С учетом указанных факторов время удержания запаховых следов в следах крови, на волосах составит от нескольких месяцев до нескольких лет; на одежде и личных вещах, бывших в длительном употреблении (использовании) человеком, — от нескольких дней до нескольких месяцев; на предметах, находившихся в контакте с человеком продолжительностью свыше получаса, — до трех суток; а в минутном контакте — до 1—2 часов; в следах ног (обуви) — от нескольких часов до суток.

С учетом непродолжительной сохранности запаховых следов они подлежат немедленному изъятию и тщательной упаковке, исключающей их утрату.

Работа следователя с запаховыми следами

Обнаружение запаховых следов производится в ходе осмотра места происшествия и в результате производства иных следственных действий (следственного эксперимента, обыска).

В ходе осмотра места происшествия в целях обнаружения запаховых следов следователь:

1) изучает обстановку на месте происшествия с выявлением возможных мест нахождения запаховых следов;

2) выдвигает следственные версии о происшедшем событии в целом или об отдельных его обстоятельствах, а на их основе выявляет объекты, на которых могли сохраниться запаховые следы.

Запаховые следы являются латентными по своему характеру и не могут быть обнаружены без логической реконструкции действий участников происшествия на основе анализа механизма происшествия. В этом проявляется особенность работы с запаховым следом на этапе обнаружения по сравнению с работой с иными видами следов, являющимися объектами изучения в криминалистике.

В ходе следственного эксперимента, часто проводимого с участием лиц, причастных к преступлению, участники данного следственного действия могут давать показания о механизме совершенного преступления, действиях его участников, их месторасположении, путях отхода, остав-

денных (брошенных) ими предметах, в том числе орудиях преступления. Кроме того, выявляются некоторые дополнительные следы, не обнаруженные при осмотре места происшествия или ранее признанные следователем не относящимися к расследуемому событию. Со всех обнаруженных предметов (следов) необходимо изъять запаховые вещества.

В ходе производства обыска следователь, обнаружив находящиеся в помещении, на местности предметы, следы, имеющие значение для дела, обязан работать с ними осторожно, исключая утрату запаховых следов.

Часто преступники, желая уклониться от ответственности, заявляют, что разыскиваемые предметы они в руках не держали, не прятали и что найденные вещественные доказательства им кем-то подброшены. Это касается и предметов, хотя и не относящихся к расследуемому событию, но хранение которых у частных лиц запрещено или требует специального разрешения (наркотики, оружие и т. п.).

Предметы — источники запаха в исключительных случаях могут быть обнаружены с помощью специальных приспособлений (приборов). Например, подвергаясь гнилостному разложению, органические вещества выделяют запах, который при взаимодействии с соответствующим химическим реагентом вызывает изменение цвета последнего. Это явление используется, например, для поиска трупов с помощью специальных приборов — трупоискателей (портативного газоанализатора (ПГИ-1) или портативного экспрессного газового хроматографа «Эхо-EW-ПИД»).

После обнаружения в ходе следственных действий предметов (следов), несущих на себе запаховую информацию, следователь в первую очередь применяет розыскную собаку для поиска (преследования) преступника, брошенных или спрятанных им предметов, имеющих запаховые следы, а также производит изъятие запаховых проб с данных предметов (следов).

Закрепление запаховых следов. На стадии закрепления обнаруженных запаховых следов следователь военных следственных органов обязан отразить в протоколе следственного действия:

1) местонахождение предметов (следов), на которых предполагается нахождение запаховых следов, их взаимное расположение, характер поверхности, особенности материала объекта-носителя;

2) действия следователя военных следственных органов по изъятию и упаковке запаховых следов (объектов-носителей следа), а именно: а) способ изъятия запахового следа (изъятие объекта-носителя следа); б) отбор запахового вещества со следа-носителя; в) применяемые средства изъятия запаховых следов, их состояние, подтверждение запаховой чистоты; г) используемые упаковочные материалы, их состояние, подтверждение запаховой чистоты.

К протоколу следственного действия могут прилагаться фототаблицы с фотоснимками взаимного расположения объектов-носителей запаховых следов, непосредственно самих объектов-носителей запахового следа. Кроме того, к протоколу могут быть приложены планы и схемы местности, помещений, где проводилось следственное действие, с указанием на них расположения мест изъятия запаховых следов.

Изъятие и сохранение запаховых следов с предмета-носителя следа должно предшествовать какому-либо иному воздействию на обнаруженный объект. Если на обнаруженном объекте имеются иные следы (кроме запаховых), работа с ними до изъятия следов запаха нецелесообразна, так как это может повлечь утрату запаховых веществ с объекта

или внесение в них нежелательных запаховых примесей. Поэтому в случае обнаружения на объекте-носителе запаха, например, рук, ног и т. п. надлежит изымать объект целиком, сохраняя тем самым всю совокупность следов для комплексного исследования. В случае если объект-запахоноситель невозможно изъять целиком из-за его больших размеров, а иных следов (кроме запаховых) на нем не имеется, то используются следующие способы работы:

1) *контактный способ* (рис. 44—45):

а) подготовленным стерильным марлевым тампоном, с использованием пинцета, протереть поверхность объекта-носителя запахового следа. Затем тампон упаковывается в пробирку, стеклянный сосуд, которые плотно закрываются;

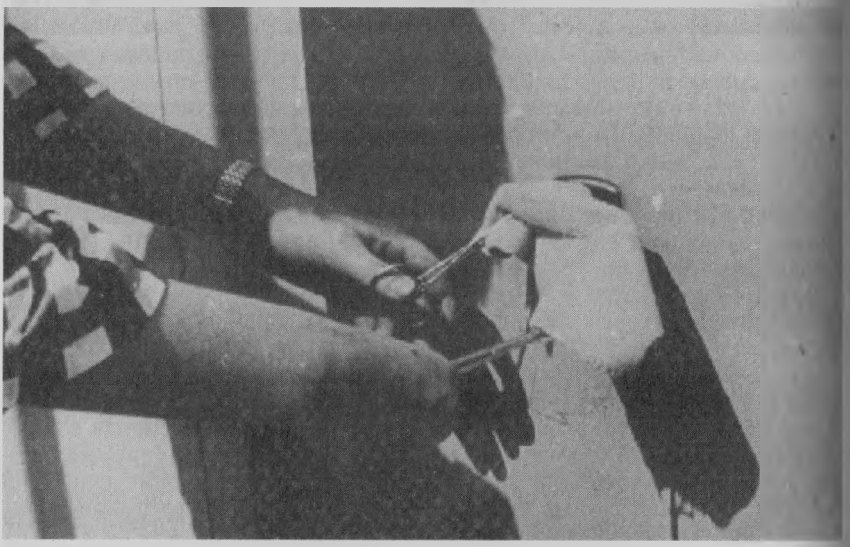


Рис. 44. Сбор запаха с дверной ручки

Рис. 45. Сбор запаха с сиденья автомобиля

б) для получения запаховой пробы сухой носитель следа необходимо увлажнить из пульверизатора (распылять воду следует 1—2 раза над предметом), затем накрыть его лоскутом чистой байки размером примерно 10 х 15 мм, а сверху — алюминиевой фольгой в два слоя, тщательно прижимая к объекту-носителю следа. Вместо байки можно использовать стерильные марлевые салфетки.

При получении запаховой пробы с предмета одежды лоскут байки помещают на одежду, совместно их плотно свертывают, тщательно упаковывают в бумагу, которую плотно связывают бечевкой. К внутренним поверхностям обуви лоскуты байки, покрытые фольгой, прижимают, набивая обувь смятой чистой бумагой.

Для накопления необходимого для исследования количества запаховых веществ контакт объекта-носителя следа с лоскутом байки должен быть не менее одного часа.

Запаховые пробы из следов крови получают лишь в лабораторных условиях по правилам работы с объектами судебно-медицинской экспертизы, т. е. в этом случае изъятие производится на марлевый тампон с последующим высушиванием при комнатной температуре.

При упаковке собранных запаховых проб (рис. 46) лоскуты байки снимают с объектов-носителей запахового следа, упаковывают раздельно или заворачивая в 3—4 слоя алюминиевой фольги, края которой плотно обжимают, или помещают в чистые стеклянные банки, которые закрывают стеклянными (металлическими) крышками;

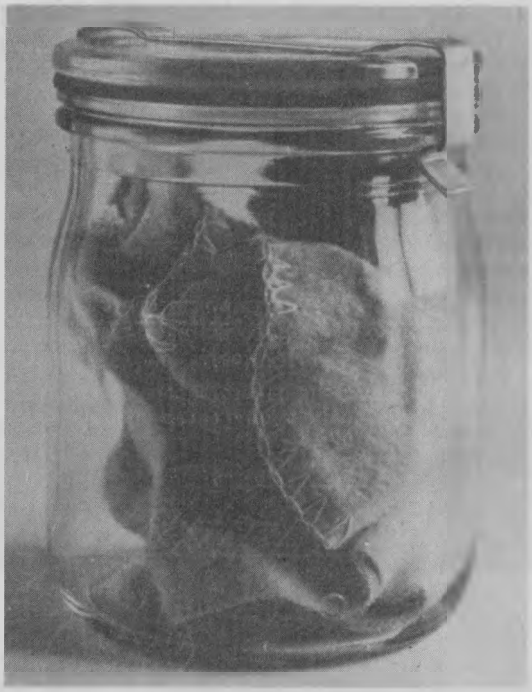


Рис. 46. Консервация запаха в стеклянной банке

2) *неконтактный способ* работы применяется в случаях, если объект-носитель следа имеет на себе, кроме запаховых, иные следы, однако: 1) у следователя отсутствуют необходимые технические средства изъятия следов; 2) он имеет незначительный опыт работы со следами; 3) отсутствует возможность работы с данным следом в данных условиях, и во всех этих случаях объект-носитель следа не может быть перемещен с места обнаружения или его перемещение к месту дальнейшей работы с ним займет много времени и приведет к утрате следа-запаха.

В указанном случае используются специальные приспособления: прибор для отбора запаха типа «Шершень», медицинские шприцы, в том числе шприц Жэнэ. С помощью этих приспособлений происходит закачивание пробы воздуха с поверхности объекта-носителя в стеклянный сосуд. При этом, рекомендуется закачивать не менее пяти объемов емкости того сосуда, который будет использоваться для хранения запаховых следов. Сбор и упаковка запаховых следов осуществляются только в резиновых перчатках, исключая загрязнение запаховых проб посторонними запаховыми веществами. Для увеличения длительности хранения запаховых следов на дно сосуда помещаются стерильные ватные или марлевые тампоны, активированный уголь, которые обладают хорошими адсорбирующими свойствами. На упаковку прикрепляются бирки, на которых делаются пояснительные надписи (о характере следственного действия, времени, месте изъятия запахового следа, объекте-носителе следа) и удостоверяющие подписи следователя, понятых, специалиста и иных лиц, участвующих при производстве следственного действия.

Полиэтиленовые пакеты и крышки для банок при упаковке использовать нельзя, так как они пропускают пахучие вещества. Последние могут использоваться в связи с этим только временно, в течение нескольких суток, при этом обязательна прокладка из фольги между банкой и крышкой.

Когда на месте производства следственного действия присутствует посторонний запах, то в целях контроля при дальнейших исследованиях необходимо изъять пахучие вещества с их объекта-носителя по правилам, предусмотренным для изъятия запаховых проб.

Отмеченные средства, способы изъятия и упаковки запаховых следов позволяют сохранять для дальнейшего исследования пахучие вещества: в упаковке из фольги — до полугода; в плотно закрытых банках — в течение многих лет. С этой целью в органах МВД России созданы банки данных и в случае необходимости (например, при установлении подозреваемого в совершении преступления) могут быть проведены необходимые исследования.

Предварительное исследование запаховых следов осуществляется с помощью биологических детекторов (собак). Применение собак позволяет: а) организовать преследование преступника, скрывшегося с места происшествия, по его запаховым следам; б) установить давность следов; в) выявить наличие взрывчатых или наркотических веществ; г) выделить запах однояйцевых близнецов; д) установить на месте взрыва тип взрывчатого вещества, используемого при проведении террористического акта; е) определить запах лица, устроившего взрыв, по запаховым следам, оставшимся на остатках взрывного устройства; ж) установить преступника по запаховым следам его крови (в том числе засохшим), оставшимся на месте происшествия; з) определить пол преступника; и) выделить больного человека (шизофрения, онкологические заболевания, воспаление легких и т. д.) среди здоровых.

Запаховые следы, изъятые в процессе производства следственных действий, могут применяться для проведения *одорологической выборки*, которая заключается в узнавании служебно-розыскной собакой искомого запаха на объектах, ей предъявляемых. На основании постановления следователя специалист-кинолог осуществляет восприятие собакой образца запаха. К носу собаки для этого подносят объект-носитель запаха, кусок байки, марлевый тампон и т. п. с запаховыми следами или же выкачивают ей в нос запах из банки, где он упакован. Собака затем выбирает источник того же запаха среди предъявленных ей людей (объектов), показывая своим поведением узнанный запах. Необходимым условием производства одорологической выборки является неоднократность ее проведения с использованием нескольких собак и при изменении взаиморасположения людей (объектов), предъявленных на выборку.

Факт, содержание и результаты выборки оформляются следователем путем составления протокола в соответствии с нормами УПК РФ. К протоколу прилагается служебный документ — акт о производстве выборки, составляемый специалистом-кинологом.

Экспертное исследование запаховых следов

Исследование запаховых следов осуществляется с помощью технических детекторов: масспектрометров, хроматографов, газовых анализаторов. Данные приборы позволяют идентифицировать не только запах человека, но и запаховые вещества иной природы. Однако для целей идентификации с использованием этих приборов требуется представле-

ние на экспертизу значительного количества запахового вещества. Это не всегда осуществимо, так как при производстве следственных действий часто не удается собрать необходимое количество запаховых веществ из-за непродолжительного контакта человека с определенным исследуемым объектом; несвоевременного изъятия пахучих веществ, утраты значительного количества пахучих веществ из-за длительного воздействия атмосферных явлений и т. п.

Применение технических детекторов, однако, эффективно при положительном результате применения биодетектора, и в этом случае полученный результат обладает значительной доказательственной силой.

В случае необходимости производства одорологического лабораторного исследования следователь выносит постановление о назначении экспертизы.

Для проведения сравнительного исследования запаховых следов, изъятых при производстве следственных действий, с запахом проверяемого лица следователю необходимо предварительно отобрать образцы запаха для сравнительного исследования.

В зависимости от обстоятельств исследуемого события следователем перед экспертом могут быть поставлены следующие вопросы: происходят ли запаховые следы с данного объекта от конкретного проверяемого лица; происходят ли, судя по запаху, данные пятна крови, пота от конкретного лица; имеется ли индивидуальный запах данного лица в пробах со следов рук, ног, выявленных на месте происшествия; кем из подозреваемых, чьи сравнительные запаховые образцы представлены на исследование, оставлены запаховые следы на изъятых предметах-запахоносителях; происходят ли запаховые следы человека с разных предметов или с фрагментов одного предмета от проверяемого лица; на какой из вещей, представленных на исследование, имеются запаховые следы проверяемого лица; имеются ли в представленных пробах (или на предметах) запаховые следы человека; от одного или нескольких лиц (вариант: от мужчины или от женщины) происходит запаховый комплекс человека, имеющийся на представленном предмете.

Глава 4. Криминалистическое исследование оружия, взрывных устройств, взрывчатых веществ и следов их применения

§ 1. Криминалистическое исследование огнестрельного оружия

Криминалистическое значение следов применения огнестрельного оружия

Установление и изучение следов применения огнестрельного оружия (т. е. явлений, наблюдаемых в области пулевого отверстия и на участках, к нему прилегающих) имеет существенное криминалистическое значение.

Так, по следам применения огнестрельного оружия можно определить: а) входное и выходное пулевые отверстия; б) дистанцию выстрела; в) давность выстрела; г) типы применявшегося оружия и боеприпасов; д) линию полета пули; е) количество и очередность выстрелов; ж) местонахождение стрелявшего. По следам, образовавшимся на стреляных пулях и гильзах, можно определить, из оружия какой системы (модели,

образца) произведен выстрел, и идентифицировать конкретный экземпляр оружия.

Краткие сведения об огнестрельном оружии и боеприпасах

Криминалистическая баллистика (от греч. *ballo* — бросать) — отрасль криминалистической техники, которая разрабатывает средства и методы обнаружения, закрепления, изъятия, сохранения и исследования огнестрельного оружия, боеприпасов и следов их применения в целях разрешения вопросов, возникающих при расследовании уголовных дел.

Криминалистическая баллистика решает три группы задач: 1) определение свойств огнестрельного оружия и боеприпасов, приобщенных к делу в качестве вещественных доказательств; 2) идентификация оружия по следам выстрела; 3) установление обстоятельств применения огнестрельного оружия.

Основными объектами баллистических исследований являются огнестрельное оружие, боеприпасы, а также следы выстрела на оружии, пораженных преградах и на стрелявшем.

Под *огнестрельным оружием* понимается метательное оружие, в котором снаряд получает направленное движение за счет энергии взрывчатого разложения пороха. Основным признаком огнестрельного оружия является присутствие в нем основных составных частей, без которых невозможно производство выстрела. К основным составным частям относятся: ствол, запирающий механизм и ударно-спусковой механизм.

Огнестрельное оружие классифицируется по следующим основаниям: а) *по назначению* — боевое, учебное, спортивное, охотничье; б) *по степени автоматизации* — неавтоматическое, автоматическое, самозарядное; в) *по калибру* — малого (3—6,5 мм), нормального (7—9 мм) и крупного (9,65—11,65 мм) калибра; г) *по числу стволов* — одноствольное, двуствольное и многоствольное; д) *по конструктивным особенностям канала ствола* — нарезное и гладкоствольное; е) *по способу управления и удержания* — пистолет (рис. 43), револьвер, пистолет-пулемет, винтовка, снайперская винтовка, карабин, автомат, пулемет; ж) *по количеству зарядов* — однозарядное и многозарядное; з) *по длине ствола* — короткоствольное (длина ствола до 16 см), среднествольное (до 55 см) и длинноствольное.

Рис. 47. Автоматический пистолет Стечкина (АПС), калибр 9-мм: 1 — рукоятка с щечками; 2 — защелка магазина; 3 — боевая пружина; 4 — ударник; 5 — затвор (кожух-затвор); 6 — курок; 7 — шептало; 8 — мушка; 9 — возвратная пружина; 10 — ствол; 11 — окно затвора (кожух-затвора); 12 — выбрасыватель; 13 — стопор с пружиной; 14 — спусковая тяга; 15 — спусковой крючок; 16 — спусковая скоба; 17 — переводчик-предохранитель; 18 — разобщитель; 19 — толкатель; 20 — магазин; 21 — вырез для выступа затворной задержки; 22 — прицельная планка; 23 — насечка для отведения затвора (кожух затвора); 24 — рамка; 25 — затворная задержка

Во всех системах современного огнестрельного оружия применяется *унитарный патрон*, под которым понимается совокупность снаряда (пули), порохового заряда, капсюля-воспламенителя, соединенных в единое целое с помощью гильзы.

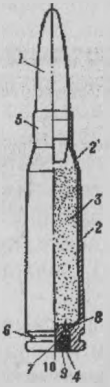


Рис. 48. Боевой унитарный патрон к нарезному оружию:
1 — пуля; 2 — корпус гильзы; 2 — скат; 3 — пороховой заряд; 4 — капсюль; 5 — дульце; 6 — проточка; 7 — наковальня; 8 — затравочное отверстие; 9 — ударный состав; 10 — шляпка (донышко)

В соответствии с назначением выделяются патроны, предназначенные для отстрела в нарезном оружии (рис. 48) и в гладкоствольном охотничьем оружии (рис. 49). В свою очередь, патроны для нарезного оружия подразделяются также по назначению (боевые и холостые) и по виду используемого оружия (для пистолетов, револьверов, винтовок и автоматов).

Кроме того, патроны для нарезного и гладкоствольного оружия различаются по калибру (стандартные калибры для нарезного оружия — 5,45, 5,6, 6,35, 7,62, 7,65, 8, 9, 11,45 и 11,56 мм, для гладкоствольного — 12-й калибр (18,2—18,7 мм), 16-й калибр (17—17,25 мм), 20-й калибр (15,7—15,95 мм), 28-й калибр (14—14,25 мм), 32-й калибр (12,5—12,75 мм).

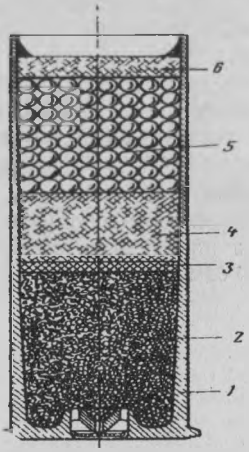


Рис. 49. Унитарный патрон к гладкоствольному оружию:
1 — гильза; 2 — пороховой заряд; 3 — прокладка под порох; 4 — пыж войлочный; 5 — дробь (картечь); 6 — прокладка под снаряд

Под *пулей* понимается снаряд, предназначенный для стрельбы из стрелкового оружия. Пули к патронам различаются: по калибру (от 5,45 до 14,5 мм); по наличию оболочки (оболочечные, полуоболочечные, безоболочечные); по материалу оболочки; по форме головной части (с острой, закругленной и плоской вершиной); по применению (обычные, бронебойные, трассирующие, пристрелочные, зажигательные); по поражающему действию (экспансивные и неэкспансивные).

Пули для гладкоствольных охотничьих ружей (безоболочечные и свинцовые) подразделяются на следующие типы: круглые (калиберные и подкалиберные); турбинные («Идеал», пуля Штендебаха); стреловидные (пули Якана, Бреннеке, Ильина); дваждытурбинные (пуля Майера 1-го образца); турбостреловидные.

Кроме заводских, применяются и самодельные заряды. Как дробь, так и картечь изготавливают литьем и резанием («сечка»).

Пыжи делаются из войлока, шерстяных материалов, а прокладки — из картона. Самодельные пыжи иногда изготавливаются из спрессованной в комок газеты, иной бумаги или ткани, что может быть использовано в процессе идентификации.

Пороха, применяемые в качестве заряда в современном огнестрельном оружии, подразделяются на бездымные (пироксилиновые, баллиститы), применяемые чаще всего, а также дымные (редко встречающиеся в настоящее время).

Капсюли являются частью патронов центрального воспламенения и служат источником возгорания пороха в гильзе. Они различны по конструкции и содержат инициирующее вещество, взрывающееся при ударе бойка по поверхности капсюля.

Следы применения огнестрельного оружия

При производстве выстрела боек ударника накалывает капсюль гильзы, находящейся в патроннике. Увеличение объема газов, образующихся при сгорании порохового заряда, приводит к выталкиванию заряда из гильзы и движению его по каналу ствола. Снаряд при этом развивает очень высокую скорость и выстреливается из ствола оружия.

Следами применения огнестрельного оружия являются: 1) следы-предметы (оружие и его части, стреляные гильзы, выстрелянные пули, дробь, картечь, пыжи, прокладки, контейнеры); 2) следы-отображения (результаты контактного воздействия частей и деталей оружия на снаряды и гильзы, а также следы механических взаимодействий с преградами); 3) следы-вещества (копоть выстрела на преградах и иных объектах, следы смазки, несгоревшие порошинки и др.).

Кроме вышеназванных, следами выстрела в широком смысле слова являются звук и пламя.

Следы-отображения на пулях и гильзах образуются при заряжании оружия, при собственно выстреле и выбрасывании (эжекции) стреляной гильзы (рис. 50).

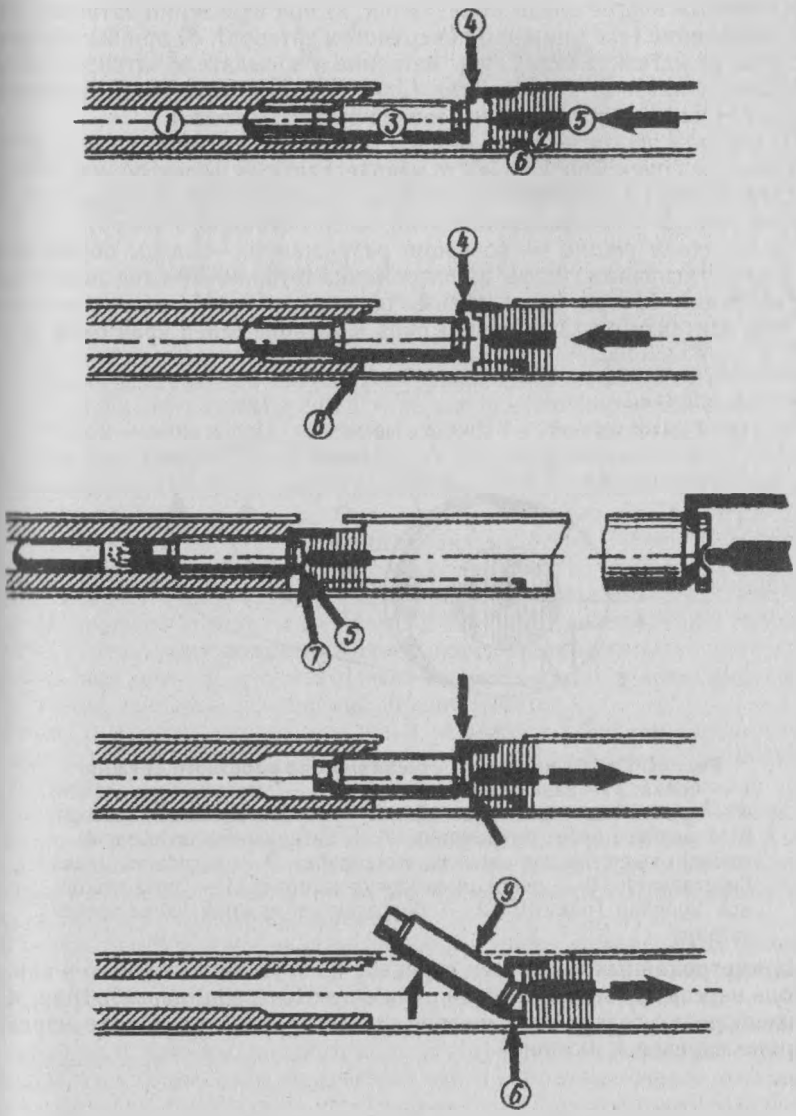


Рис. 50. Механизм образования следов на гильзе при досылании патрона в патронник, выстреле и выбрасывании гильзы из оружия:
1 — канал ствола; 2 — затвор; 3 — патронник; 4 — досылатель, зацеп выбрасывателя; 5 — ударник; 6 — отражатель; 7 — патронный упор; 8 — задний срез патронника; 9 — гильза

Механизм образования следов на гильзе (рис. 51) включает три этапа.

На *первом этапе* следы образуются: а) при отведении затвора в заднее положение (след нижней поверхности затвора); б) при выдвижении патрона из магазина (след губы магазина и досылателя затвора); в) при досылании патрона в патронник (след досылателя затвора, казенного среза патрона, первичный след зацепа выбрасывателя).

На *втором этапе* — в момент выстрела — следы образуются: а) при нажиме на спусковой крючок и наколе капсюля (след бойка); б) при воспламенении пороха (следы копоти на поверхности гильзы); в) при отдаче гильзы и выталкивании пули (след патронного упора).

На *третьем этапе* — во время разряжания — следы образуются: а) при вытягивании гильзы из патронника (вторичный след зацепа выбрасывателя); б) при ударе гильзы об отражатель (след отражателя); в) при контакте гильзы с краем окна в затворе (след края окна затвора).

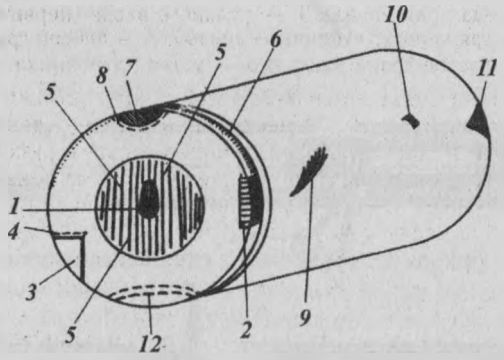


Рис. 51. Следы на гильзе, стрелянной из нарезного оружия:
1 — бойка; 2 — зацепа выбрасывателя; 3 — выступа отражателя; 4 — граней паза для отражателя; 5 — обработки чашки затвора; 6 — заднего среза патронника; 7 — сигнального штифта; 8 — граней отверстия для сигнального штифта; 9 — загиба магазина («метелка»); 10 — ребра окна кожух-затвора; 11 — паза стволь-ной коробки (рамки); 12 — бороздок от нижней части чашки затвора

На выстрелянных пулях при стрельбе из оружия, имеющего в канале ствола нарезы, на ведущей части пули остаются следы нарезов (рис. 48). В этих следах содержится информация о количестве и шаге нарезов, ширине нарезов и их полей.

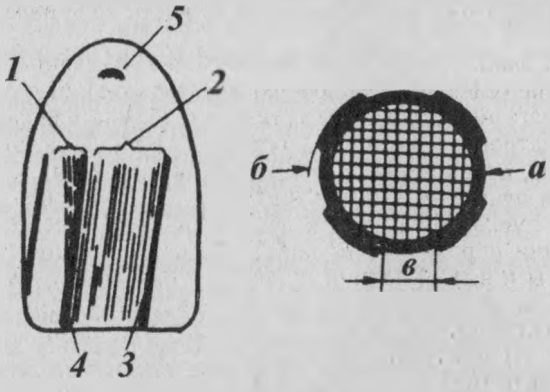


Рис. 52. Следы на пуле, выстрелянной из нарезного оружия:
а — дно следа поля нареза, б — глубина следа поля нареза, в — ширина следа поля нареза; 1 — пульного входа (первичные следы); 2 — поля нареза (вторичные следы); 3 — боевой грани нареза; 4 — холостой грани нареза; 5 — устья патронника

Следы механических взаимодействий с преградами являются результатом действия снаряда. Огнестрельные повреждения могут быть сквозными, слепыми, касательными, а также следами рикошета. На некоторых объектах (стекло) снаряд оставляет не только локальный след, но и повреждения в виде трещин (радиальных и периферических), выходящих за пределы контактного воздействия. Многоэлементные снаряды (дробь, картечь) при выстреле подвергаются рассеиванию, в полете приобретая вид конуса, в связи с чем диаметр осыпи в зависимости от расстояния выстрела постепенно увеличивается.

Форма и размеры входных пулевых отверстий зависят от вида и наибольшего диаметра пули, физических свойств преграды и угла встречи ее с пулей.

Одним из важных признаков входного пулевого отверстия является *дефект ткани* (минус-ткань). Пуля, обладая большой скоростью, а следовательно, и значительной кинетической энергией, при воздействии на преграду выбивает в ней участок материала, унося его в направлении своего поступательного движения.

В результате действия ряда факторов выстрела, помимо чисто механических повреждений от огнестрельного снаряда (пули), на преградах образуются дополнительные следы — *следы-вещества*.

По краям входного отверстия обычно остается *поясок обтирания* в виде черного или темно-серого кольца шириной 1—2 мм. Наличие его обусловлено отложением на преграде частиц копоти выстрела, смазки, а также металла, из которого изготовлена пуля, при трении поверхности пули о края входного отверстия. Поясок обтирания при повреждении хрупких преград (стекло и пр.) не образуется, так как периферическая часть входного отверстия подвергается разрушению.

Дефект ткани и поясок обтирания характеризуют входное огнестрельное отверстие, образованное снарядом. Кроме этих следов, обнаруживается целый комплекс дополнительных следов, возникновение которых обусловлено характеристиками поверхности преграды (предмета-носи-

теля) и расстоянием выстрела. Эти следы называют следами близкого выстрела. К ним относятся: результаты действия предпулевого воздуха, газов выстрела, копоть, порошинки, смазка, отпечатки дульной части оружия.

При движении по каналу ствола пуля толкает впереди себя столбик сжатого воздуха (предпулевой воздух), который вылетает из ствола с огромной скоростью и на небольших расстояниях действует на мягкие и хрупкие преграды подобно пробойнику. Пуля вылетает вместе с раскаленными газами, копотью, частицами смазки и несгоревшими порошинками.

Газы выстрела на малых дистанциях оказывают механическое действие, особенно заметное на тканых материалах, коже (разрывы крестообразной или звездчатой формы). *Термическое действие газов* заключается в опалении поверхности преграды. Использование дымного пороха может привести даже к возгоранию промасленных или легковоспламеняемых предметов на расстоянии выстрела до 1 м.

Химическое действие газов, содержащих окислы азота, приводит к обесцвечиванию или побурению волокнистых (особенно шерстяных) тканей.

Копоть представляет из себя часть газопороховой струи, состоящей исключительно из металлов (при использовании бездымного пороха). Это как окислы металлов, входящих в состав оболочки пули, капсюля, капсюльного состава, так и мельчайшие частицы наружной поверхности пули, образующиеся при прохождении снарядом нарезов канала ствола. Порошинки, сгоревшие полностью или несгоревшие, при выбросе из канала ствола действуют на преграду как мелкие снаряды. Они, в зависимости от материала поверхности предмета-носителя, либо пробивают или внедряются в него, либо лишь ударяются и отпадают, оставляя следы в виде мелких точек.

Смазка обнаруживается на преграде в зоне входного отверстия в тех случаях, когда выстрелы производятся из оружия со смазанным каналом ствола.

Отпечаток дульной части оружия («штанц-марка») образуется на эластичных материалах преграды при выстреле в упор.

Принято различать три основных параметра, характеризующих расстояние от дульной части оружия до преграды. Это выстрел в упор (касание дульной части оружия преграды или плотный упор в преграду); близкий выстрел (действие снаряда, газов, копоти выстрела, частиц смазки), дальний выстрел (действие исключительно снаряда).

Выходное огнестрельное отверстие отличается от входного тем, что не имеет пояска обтирания, дефекта ткани, а также дополнительных следов выстрела, Размеры его, как правило, больше, чем размеры входного отверстия, форма — различна (от округлой с неровными краями до щелевидной или звездчатой).

Следует отметить, что следообразование на преградах может существенно видоизменяться и даже сводиться к минимуму при выстрелах через преграды, в том числе при стрельбе через «прокладки — поглотители следов близкого выстрела», используемые преступниками в целях инсценировок различных обстоятельств при членовредительстве с применением огнестрельного оружия.

Холостые патроны не имеют снаряда, поэтому на поражаемых преградах при выстрелах в упор и с близкого расстояния обнаруживаются лишь дополнительные следы выстрела.

Работа следователя со следами применения огнестрельного оружия

Обнаружение пуль на месте происшествия может представлять значительные трудности в тех случаях, когда оружие при выстреле было направленно параллельно поверхности земли или под углом к ней, а преступление совершено на открытой местности. Во всех других вариантах пули обнаруживаются по их следам на преградах; обращается внимание на отверстия, вмятины, царапины на предметах, находящихся в направлении выстрела.

При поиске следов близкого выстрела на предметах одежды следует учитывать тот факт, что эти следы могут быть залиты кровью либо одежда в области входного огнестрельного отверстия может быть загрязнена. Визуальное обнаружение признаков близкого выстрела, в частности копоти, бывает затруднительно тогда, когда выстрел производится в ткань черного или серого цвета. В необходимых случаях исследование области входного огнестрельного отверстия производят, применяя приборы, имеющие в основе своей конструкции электронно-оптические преобразователи (ЭОП).

Закрепление следов применения огнестрельного оружия. При осмотре оружия необходимо иметь в виду, что его части могут находиться в таком положении, при котором неосторожное обращение с ним может повлечь выстрел даже без нажатия на спусковой крючок. Чтобы избежать несчастного случая, до разряжания оружия нельзя направлять его дульный конец на себя и на окружающих. Не следует поднимать оружие, вставляя какой-либо стержень в ствол или в предохранительную скобу. Такие действия могут привести к уничтожению ценных следов в канале ствола (копоть, кровь, волосы и др.), а также могут быть причиной «случайного» выстрела. Оружие следует брать лишь за рифленые поверхности ремня либо за другие части оружия, на которых не предполагается наличие следов пальцев рук.

После внешнего осмотра оружия и фиксации положения его частей, а также следов на нем оружие переносят на место, удобное для его детального осмотра (например, на стол или иную ровную горизонтальную поверхность, покрытую чистой гладкой белой бумагой). Оружие осторожно кладут на бумагу и осматривают в целях отыскания на нем следов пальцев рук, крови, волос и т. д. После этого отделяют магазин, отводят назад затвор и осматривают патронник. Имеющийся в патроннике патрон извлекают. Если патрон по каким-то причинам не извлекается, то между донышком гильзы и чашкой затвора помещают прокладку из плотного картона или другого аналогичного материала; после этого осторожно приводят затвор в переднее положение. После разряжания оружия устанавливают маркировочные обозначения его частей, количество патронов в магазине, а также определяют наличие (отсутствие) запаха сгоревшего пороха из канала ствола. Затем осматривают канал ствола, отмечая наличие порохового нагара, следов ржавчины и иные особенности.

При осмотре оружия в протоколе необходимо отразить следующие данные: а) вид, систему, модель и калибр оружия; б) месторасположение оружия относительно других предметов (в необходимых случаях —

§ 2. Криминалистическое исследование холодного оружия

Криминалистическое значение следов применения холодного оружия

Следы применения холодного оружия имеют существенное криминалистическое значение, а их изучение позволяет определить: а) механизм образования следов, в том числе в каком положении находился пострадавший в момент удара; б) направление, последовательность и силу удара; в) телосложение и рост преступника, наличие у него криминальных навыков; г) технические характеристики холодного оружия (вид холодного оружия; длина, ширина и форма поперечного сечения клинка; одно- или двухсторонняя заточка клинка; острота лезвия при рубящем ударе) и др.

Научные основы учения о холодном оружии

Холодное оружие — это оружие, предназначенное для поражения цели с помощью мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения.

К холодному оружию относят кинжалы, финские ножи, кортики, кастеты, стилеты, сабли, шашки, боевые топоры, копья, алебарды, кистени, дубинки, нунчаки и другие предметы, специально предназначенные или приспособленные для поражения живой цели. Разновидностью холодного оружия является холодное метательное оружие (лук, арбалет, дротик и др.).

Принадлежность к холодному оружию устанавливается по наличию у исследуемого объекта совокупности двух основных групп признаков: 1) группы признаков, определяющих предназначенность предмета для лишения жизни или нанесения тяжких телесных повреждений, опасных для жизни и здоровья человека; поражения и добивания зверя, а также для защиты при его нападении (т. е. для поражения цели); 2) группы признаков, определяющих пригодность данного предмета для поражения цели, что обеспечивается его устройством и свойствами.

У специальных средств и изделий хозяйственно-бытового назначения, имеющих сходство по внешнему строению с холодным оружием, указанные группы признаков частично либо полностью отсутствуют.

В зависимости от конструкции поражающих качеств, назначения и других признаков холодное оружие может быть классифицировано по следующим основаниям:

1) *по назначению:* а) боевое (военное, гражданское, милицейское), б) охотничье; в) криминальное;

2) *по способу изготовления:* а) заводское (фирменное, фабричное), б) кустарное; в) самодельное;

3) *по месту изготовления:* а) отечественное; б) иностранное; в) национальное;

4) *по общей конструкции:* а) стандартное; б) нестандартное;

5) *по принципу поражающего действия:* а) ударно-раздробляющее; б) режущее; в) рубящее; г) колющее; д) колюще-режущее; е) колюще-рубящее; ж) рубяще-режущее; з) колюще-рубяще-режущее;

6) *по устройству оружия, способу удержания, управления и действия:* а) клинковое; б) неклинковое; в) комбинированное.

Особый класс оружия представляет собой комбинированное — холодное оружие с огнестрельным (револьвер-нож, пистолет-кастет и др.)

Клинковое холодное оружие

Подавляющее большинство клинкового холодного оружия, встречающееся в судебной практике, составляет холодное оружие с рукояткой, которое по длине клинка можно разделить на три вида: а) длинноклинковое (сабли, шашки, палаши, шпаги, мечи, ятаганы); б) среднеклинковое (полусабли, тесаки, штыки-шпаги, штыки-тесаки, кинжалы с длиной клинка более 400 мм); в) короткоклинковое (стилеты, кортики, кинжалы, штыки, штыки-ножи, ножи) (рис. 53).

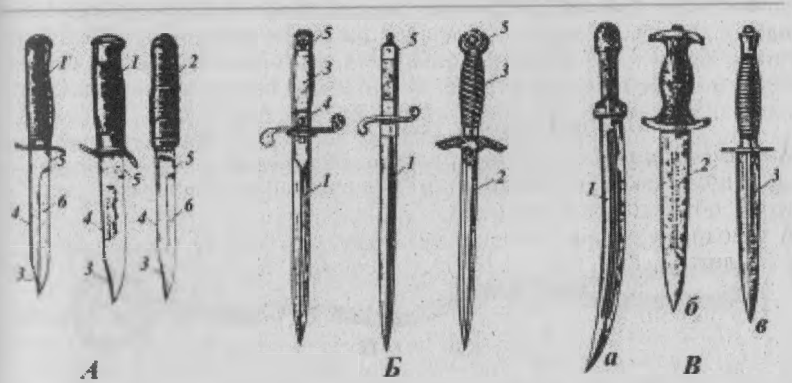


Рис. 53. Клинковое оружие с коротким клинком:

А. Ножи военного образца:
1 — рукоять с перекрестием; 2 — рукоять без перекрестия; 3 — скос обушка; 4 — обушок; 5 — пятка; 6 — заточка лезвия.
Б. Кортики:
1 — клинок с ребром жесткости; 2 — клинок с гранями; 3 — рукоять с символикой на навершии (головке) и перекрестии; 4 — защелка; 5 — навершие (головка, наконечник).
В. Кинжалы военного образца: а — с изогнутым клинком (бебут); б, в — с прямым клинком:
1 — клинок со сдвоенными долами и ребром жесткости; 2 — клинок с веретенообразным поперечным сечением; 3 — клинок с ребром жесткости и неглубоким долом

Наиболее часто по уголовным делам исследуются ножи.

Нож как разновидность короткоклинкового холодного оружия состоит из двух основных частей — клинка и рукоятки; некоторые разновидности имеют ограничитель. К ножам, являющимся холодным оружием, относятся только ножи колюще-режущего действия — все боевые ножи (военные и ряд гражданских), многие разновидности охотничьих. Туристические ножи по своим характеристикам близки к охотничьим, но их клинки не имеют фиксатора в открытом положении и острие находится ниже средней линии рукоятки. Они не предназначены для нанесения колюще-режущих ударов и холодным оружием не являются.

Неклинковое холодное оружие

Поражающий эффект неклинкового холодного оружия достигается тем, что человек, используя свою мускульную силу, наносит удар твердой и прочной частью этого оружия, при этом размозжаются мягкие ткани тела поражаемого объекта и раздробляются кости и хрящи. Как для любого холодного оружия, для неклинкового одним из главных яв-

ляется признак отсутствия у него прямого производственного и хозяйственно-бытового назначения.

По конструкции, размерам и характеру применения ударно-раздробляющее неклинковое оружие можно разделить на три группы:

1) холодное оружие, имеющее прямой длинный стержень с утяжеленным концом (или без него), в котором при ударе используются масса и радиус размаха за счет мускульной силы человека (палицы, булавы, дубинки, битки, шестоперы);

2) холодное оружие, имеющее произвольный по длине стержень или петлю, к которым прикреплен на специальном подвесе ударный груз, и, таким образом, при ударе используется не только мускульная сила человека, но и сила инерции груза, достигаемая при взмахе рукой (кистени всех разновидностей, боевые плети и боевые бичи) (рис. 54);

3) холодное оружие, увеличивающее силу удара кистью руки, открытой или сжатой в кулак (наладонники, кастеты и ударные перстни) (рис. 55).

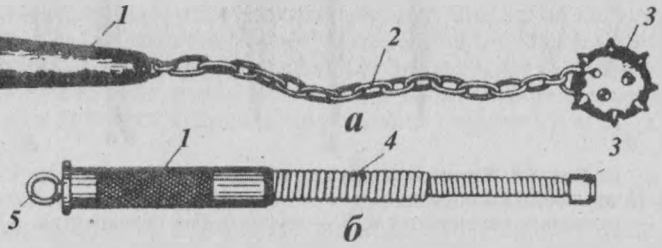


Рис. 54. Ударное оружие (кистени):
а — обыкновенный; б — складной (раздвижной)

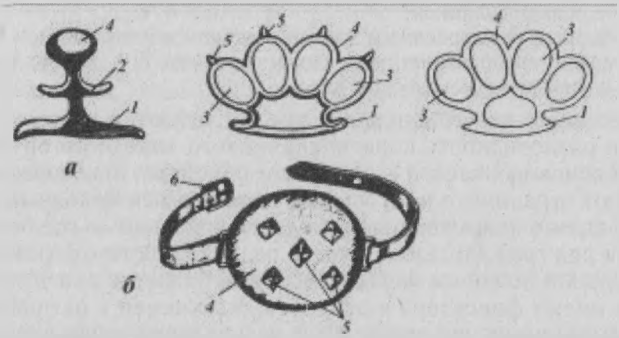


Рис. 55. Ударное оружие (а — кастеты; б — наладонники):
1 — ладонный упор; 2 — упор для пальцев; 3 — проем для пальцев; 4 — боевая часть; 5 — шип; 6 — темляк

Следственный осмотр холодного оружия

При обнаружении холодного оружия на месте происшествия необходимо сначала зафиксировать его положение в обстановке места происшествия. Это лучше всего сделать путем фотографирования или съемки видеокамерой и измерительной привязки к местности или помеще-

нию, где оно было обнаружено. После этого следует сделать детальный масштабный фотоснимок и приступить к осмотру, измерениям и описанию непосредственно самого холодного оружия.

Если это орудие убийства или нанесения телесных повреждений, на его поверхности могут остаться следы крови, наложения микрочастиц живой ткани человека, волосы, элементы ткани одежды. При использовании холодного оружия в качестве орудия взлома на нем могут оказаться следы-наложения частиц древесных волокон, краски и др. Кроме того, на гладких поверхностях холодного оружия могут сохраниться следы пальцев и ладоней рук человека.

При описании клинкового холодного оружия в протоколе должно быть указано следующее: а) общая характеристика; б) характеристика клинка; в) характеристика рукоятки; г) характеристика ограничителя-упора; д) отсутствие деталей (поломки и иные дефекты).

Неклинковое (ударно-раздробляющее) холодное оружие измеряется и описывается в следующем порядке: а) общая характеристика; б) бьющая (ударная) часть; в) рукоятка или иное устройство для кисти руки; г) маркировочные знаки (их содержание, рисунок, расположение).

Криминалистическая экспертиза холодного оружия

Решая основной вопрос криминалистической экспертизы холодного оружия об отнесении того или иного предмета к разновидности холодного оружия и изучая его признаки, эксперт-криминалист решает ряд специальных вопросов, в результате чего формулирует выводы: а) о способе его изготовления (промышленный, кустарный или самодельного изготовления); б) о наличии необходимой и достаточной совокупности признаков, позволяющей отнести его к определенным виду и типу холодного оружия; в) о принадлежности исследуемого объекта к холодному оружию.

При отсутствии необходимой и достаточной совокупности признаков, характерных для холодного оружия, формулируется вывод о принадлежности исследуемого объекта к определенным группам специальных средств или к предметам хозяйственно-бытового назначения, имеющим сходство по внешнему строению с холодным оружием.

§ 3. Криминалистическое исследование взрывных устройств, взрывчатых веществ и следов их применения

Криминалистическое значение следов применения взрывных устройств

В настоящее время в следственной практике военных следственных органов, особенно в районах вооруженного конфликта, стали довольно часто встречаться следы применения взрывных устройств.

Изучение следов применения взрывных устройств позволяет определить: а) вид взрывного устройства; б) тип взрывчатого вещества; в) массу взрывного устройства и его мощность в тротиловом эквиваленте; г) способ взрывания; д) конструкцию взрывного устройства; е) форму, размер и материал корпуса взрывного устройства; ж) состав поражающих элементов взрывного устройства; з) эпицентр взрыва; и) имеет ли лицо, изготовившее взрывное устройство, специальные познания или профессиональные навыки в области взрывного дела либо в других областях техники и др.

Научные основы криминалистической взрывотехники

Криминалистическая взрывотехника — это отрасль криминалистической техники, изучающая закономерности использования при совершении преступлений энергии химического взрыва в целях получения криминалистически значимой информации о взрывчатых веществах (ВВ), средствах взрывания, взрывных устройствах (ВУ) и следах их применения, а также разрабатывающая научно-технические приемы, методы и средства их обнаружения, сохранения, фиксации, изъятия и использования.

Объектами криминалистической взрывотехники являются: а) ВУ и отдельные элементы, входящие в их состав (заряд ВВ, средства взрывания и др.); б) следы изготовления, владения и применения ВВ, средств взрывания и ВУ; в) материалы, вещества, инструменты и приспособления, применяемые для изготовления или ремонта ВВ и ВУ.

ВУ становятся объектом криминалистического исследования в двух основных ситуациях: во-первых, когда необходимо решить вопрос, является ли изъятый по делу предмет ВВ, средством взрывания или ВУ; во-вторых, когда в ходе расследования преступления по следам взрыва и объектам, пораженным взрывом, необходимо установить некоторые обстоятельства, а по следам, имеющимся на ВУ либо на его остатках, факт изготовления или применения ВУ конкретным лицом.

Под *взрывным устройством* понимается техническое устройство одноразового применения, обладающее способностью взрываться, специально предназначенное (изготовленное) для поражения людей или уничтожения, повреждения различного рода объектов и состоящее из заряда ВВ, объединенного со средством его взрывания.

Для ВУ характерны следующие *отличительные признаки*: а) одноразовость действия, т. е. после срабатывания ВУ разрушается и не подлежит повторному применению; б) использование энергии взрыва, так как для производства взрыва используются химические соединения, смеси или иные вещества, способные к взрыву под воздействием внешних импульсов; в) ВУ может быть изготовлено как промышленным, так и самодельным (кустарным) способом; г) предназначенность для поражения людей или уничтожения, повреждения различного рода объектов в преступных целях; д) заряд ВВ и средства его взрывания должны быть объединены конструктивно между собой в одно техническое устройство, пригодное для взрыва.

Любое ВУ состоит из основных элементов (заряд ВВ и средство инициирования), без которых невозможно осуществить взрыв, и дополнительных (механизм приведения в действие ВУ, оболочка (корпус) ВУ, дополнительные поражающие элементы, предметы маскировки и т. д.), которые могут присутствовать либо отсутствовать в ВУ в зависимости от его назначения и принципа действия. Устройство признается взрывным, если оно соответственно содержит все перечисленные признаки.

При совершении преступлений преступники применяют ВУ как промышленного, так и самодельного изготовления. ВУ *промышленного изготовления* подразделяются на ВУ военного и хозяйственного назначения.

Основными видами ВУ военного назначения являются боеприпасы и имитационные средства.

Из всего разнообразия *боеприпасов* наибольший криминалистический интерес представляют средства ближнего боя (ручные и реактивные гранаты, гранатометы), так как они чаще всего используются при совершении преступлений

Имитационные средства — это устройства, имитирующие действие (взрыв, выстрел) различных боеприпасов и предназначенные для обучения личного состава войсковых соединений и создания имитации боевой обстановки. Имитационные средства снаряжаются ВВ метательного действия, пиротехническими составами, а нередко и бризантными ВВ, что дает им возможность наносить телесные повреждения различной степени тяжести. Чаще всего при совершении преступлений применяются взрывпакеты, электровзрывпакеты, имитационные патроны и др.

ВУ *хозяйственного назначения* чаще всего используются в горнодобывающей, нефтяной и газовой промышленности, в строительстве, при проведении киносъемок фильмов и т. д. и представляют собой конструктивно оформленные заряды ВВ, т. е. заряды, выпускаемые промышленностью в определенных объеме и массе. Эти заряды готовы к применению, однако для их взрыва требуется наличие средств взрывания.

Самодельное взрывное устройство (СВУ) — это такое устройство, в котором использован хотя бы один из элементов конструкции самодельного или кустарного изготовления. СВУ можно классифицировать на следующие виды: а) по типу «ручной гранаты»; б) по типу «мины»; в) по типу «мины-ловушки» (имеет маскировочный корпус); г) по типу «подрывного заряда со средством взрывания»; д) по типу «взрывпакета».

По мощности ВУ подразделяются на ВУ: а) большой мощности (с зарядами массой более 250 г в тротиловом эквиваленте); б) средней мощности (с зарядами массой от 100 до 250 г); в) малой мощности (с зарядами массой до 50—100 г).

В зависимости от *механизма приведения ВУ в действие* различают тип устройства: а) механический; б) электрический; в) огневой; г) химический; д) комбинированный.

По *срокам действия* все ВУ подразделяются следующим образом: а) замедленного действия (срабатывает по истечении заранее установленного промежутка времени — от нескольких минут до нескольких часов); б) короткозамедленного действия (время замедления составляет от 3 до 10 секунд); в) мгновенного действия (срабатывает от различного рода внешних воздействий, мгновенно, например, при нажатии, натяжении или обрыве проволоки и т. д.); г) смешанного действия (срабатывает при попадании в преграду или на землю, а также через несколько секунд после срабатывания накольного механизма в случае, если удара ВУ с чем-либо не произошло).

Кроме того, все ВУ можно подразделить на две группы по *степени управляемости*: а) управляемые (по проводам, радиосигнал); б) неуправляемые (срабатывающие при воздействии на чувствительный элемент).

Неуправляемые ВУ, в свою очередь, могут быть: а) контактными (срабатывают при соприкосновении с целью); б) неконтактными (срабатывают на траектории полета без воздействия с целью по истечении определенного времени).

Общие сведения об элементах и поражающем воздействии взрывного устройства

Основными элементами любого ВУ являются заряд ВВ и средство инициирования, которые должны быть конструктивно объединены друг с другом, так как без этого не может быть взрыва массы ВВ. При этом составные части ВУ могут быть размещены в какой-либо оболочке или корпусе.

При взрыве ВУ корпус дробится на осколки, размер и форма которых зависят от конкретного вида ВУ. Так, корпуса противопехотных гранат изготавливаются с расчетом дробления их при взрыве на осколки различной массы и величины в зависимости от их целевого назначения и условий применения. Гранаты, дающие мелкие осколки, поражают человека в радиусе до 25 м и называются наступательными (РГ-42, РГД-5, РГН); гранаты, дающие крупные осколки и поражающие человека в радиусе до 100—200 м, называются оборонительными (Ф-1, РГО) (рис. 56).

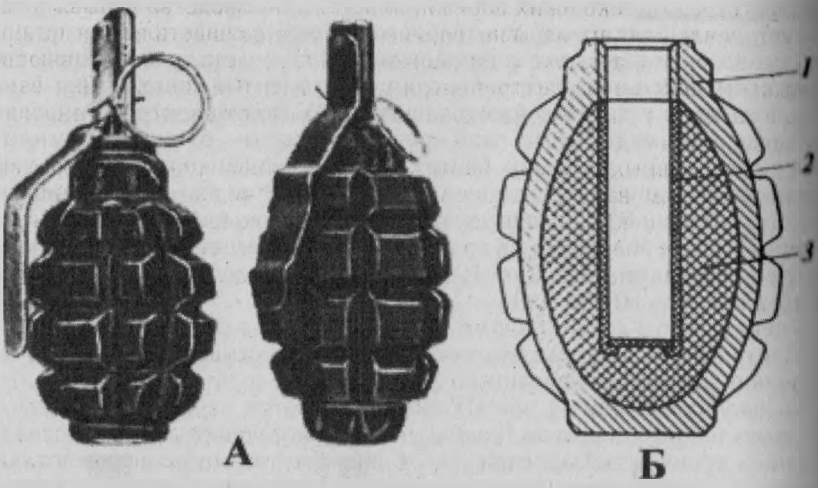


Рис. 56. Ручная граната Ф-1:
А — с взрывателями (запалами) различных модификаций; Б — устройство: 1 — корпус; 2 — гильза; 3 — взрывчатое вещество — тротил

В качестве корпусов СВУ применяются: а) баллоны углекислотных огнетушителей и другие газовые баллоны малой емкости (до пяти литров); б) предохранительные колпаки баллонов высокого давления; в) баллончики к бытовому автосифону; г) корпуса плавких предохранителей типа ПР-2; д) отрезки стальных или чугунных труб с заглушками на концах; е) корпуса, выточенные на токарном станке; ж) стеклянные бутылки; з) консервные банки; и) металлические, пластмассовые коробки; к) деревянные ящики; л) кузов автомобиля и т. п.

Нередко для увеличения поражающей способности СВУ на поверхности его корпуса делают продольные и поперечные насечки (на токарном или фрезерном станке, вручную ножовкой или напильником, с помощью электродуговой сварки), облегчающие образование осколков определенных размеров. Некоторым ВУ в целях маскировки придается вид

различных бытовых предметов (почтовых посылок, бандеролей, портфелей, электробритв, радиоприемников, кошельков, книг и т. п.). Для усиления поражающего действия СВУ преступники используют мелкие металлические предметы (гвозди, шарики, болты, гайки и т. п.), которые перемешивают с зарядом ВВ либо прикрепляют на его поверхности.

Для взрывания зарядов ВВ применяются следующие способы:

1) *огневой способ* взрывания, который требует наличия капсюля-детонатора, огнепроводного шнура и источника огня.

Среди самодельных средств воспламенения наиболее часто используются спички, прикрепленные к поверхности корпуса ВУ, примыкающие друг к другу. Для этих же целей преступники используют самодельные огнепроводные шнуры в виде трубок из различных материалов (например, стержень от шариковой авторучки), снаряженных порохом, зажигательной массой спичечных головок и другими пиротехническими составами;

2) *электрический способ* взрывания, который применяется при одновременном взрыве нескольких зарядов или для производства взрыва в точно установленное время. Управление взрывом осуществляется по проводам, по радио, а также с помощью других средств, обеспечивающих замыкание взрывной электрической цепи в нужный момент. Для взрывания зарядов электрическим способом применяют электродетонаторы, провода, источники тока.

Из самодельных средств инициирования наиболее распространены электровоспламенители в виде двух электропроводов, соединенных на концах нитью накаливания из нихромовой проволоки или от электролампочки. В последнее время участились случаи применения самодельных радиовзрывателей. Для их изготовления используются передатчик и приемник радиоуправляемых игрушек, авиамоделей, автомобильных сигнализаций;

3) *механический способ* взрывания, который осуществляется с помощью механического взрывателя, состоящего из корпуса, ударника с бойком, пружины и чеки.

Простейший самодельный механический взрыватель состоит из капсюля и гвоздя, иглы или канцелярской кнопки. Изготавливаются также и более сложные накольные механизмы, аналогичные минным взрывателям типа МУВ или взрывателям УЗПГМ гранат.

Взрыв любого ВУ характеризуется комплексом повреждающих факторов, которые остаются в виде следов на объектах, окружающих эпицентр взрыва. Такими следами являются локальные повреждения предметов окружающей обстановки в виде воронки, выбоин, сколов, пробоин, опалений и окопчений, а также осколки ВУ.

К повреждающим факторам взрыва относятся: 1) продукты детонации ВВ (продукты взрыва); 2) ударная и звуковая волна окружающей среды (взрыв может произойти при расположении ВУ в воздухе, на поверхности земли, под землей и под водой); 3) осколки и части ВУ (осколки и части взрывателя, осколки оболочки ВУ); 4) вторичные снаряды (осколки разрушенных преград, окружающие предметы).

Для каждого из перечисленных поражающих факторов характерны повреждения или комбинации повреждений, особенности которых зависят от мощности ВУ, его конструкции и дистанции взрыва.

При взрыве ВУ в непосредственной близости от объекта преступного посягательства либо при контакте с объектом проявляются следы про-

дуктов взрыва — бризантное, фугасное действие взрыва, кусочки ВВ, копоть. Причем газы производят механическое (проявляется на расстояниях, превышающих в 10—20 раз размер заряда ВВ), термическое и химическое воздействие.

Бризантное действие взрыва проявляется в ближней зоне (в среднем до 3—4 радиусов заряда ВУ) и заключается в «дробящем воздействии» продуктов взрыва на предметы окружающей обстановки. Такое действие характерно для зарядов ВВ, имеющих большую скорость детонации и относительно большую плотность. У человека происходит интенсивное разрушение тела (частей тела) с разрывами мягких тканей и переломами костей, отрывом конечностей.

Фугасное действие взрыва заключается в поражении людей или разрушении сооружений продуктами взрыва и образующейся ударной волной, представляющей собой резкий скачок давления среды, которая может распространяться как в воздухе — воздушная ударная волна, так и в различных плотных средах (грунт, элементы строительных конструкций, броня). Ударная волна имеет больший радиус действия и вызывает полное или частичное разрушение предметов окружающей обстановки, перемещение (отбрасывание) их на значительное расстояние. Характерными повреждениями человека под воздействием ударной волны являются значительные деформации наружных покровов тела, костей черепа, стенок брюшной и грудной полостей.

Термическое действие взрывных газов возможно только при ближнем взрыве и проявляется в виде опаления волос, одежды, ее возгорания и ожогов кожи человека.

Кусочки непрореагировавшего ВВ, разлетающиеся с поверхности заряда (их особенно много образуется в тех случаях, когда ВУ без оболочки), внедряются в тело, причиняя мелкие слепые раны, ожоги и закопчение.

Копоть взрыва, состоящая из мельчайших частиц ВВ и металлической пыли, оседает в глубине ран, на коже вокруг них, иногда вдали от ран, располагаясь между слоями одежды, между одеждой и телом. По следам копоти можно установить вид ВВ, примененного в ВУ. Так, например, интенсивное окопчение характерно для использования заряда тротила. Слабое закопчение свидетельствует об использовании тротила в смеси с аммиачной селитрой. В ряде случаев окопчение практически не образуется; например, при использовании гексогена, октогена или незначительного количества (менее 20 %) тротила в смеси с аммиачной селитрой.

Если ВУ имеет оболочку, образующую фрагменты (осколки) при взрыве, то эти осколки разлетаются в стороны в виде мелких снарядов (первичные осколки), поражая людей при проникновении в их тело и внедряясь в предметы окружающей обстановки. Чем больше масса осколков, обладающих кинетической энергией за счет действия продуктов взрыва ВУ, тем сильнее их поражающее действие и больше дистанция, на которую они летят. Считается, что осколки стальной оболочки сохраняют поражающую силу на дистанции, превышающей их размер в 8 000 раз (алюминиевой — в 2 500 раз). Это составляет расстояние до 150—250 м от центра взрыва. Минимальной массой осколков, которые способны поражать кожу человека, является 0,1 г. Основная же масса осколков оболочки наиболее распространенных ВУ имеет массу от 3,5 до 8,0 г и размеры от 1 х 2 до 2 х 3 см. Эти осколки имеют характерную форму и

другие признаки, по которым можно судить, какое именно устройство взорвалось. Поэтому очень важно при осмотре места происшествия и исследовании пострадавшего обнаружить и изъять, по возможности, все осколки.

Поражение человека и окружающих предметов может быть и от вторичных осколков (куски грунта, обломки зданий, сооружений, мебели, транспортных средств и пр.; оторванные части тела), которые образуются под действием ударной волны на предметы, окружающие место взрыва. При этом, характерными повреждениями человека являются ушибы, переломы костей, наиболее выраженные в области контакта с вторичными осколками, а также повреждения внутренних органов и головного мозга.

Если взрыв ВУ происходит на поверхности грунта (пола, асфальта и т. д.), то его действие распространяется главным образом над поверхностью. При взрыве ВУ в глубине грунта происходит его выброс и образуется воронка, размер которой зависит от плотности грунта, глубины помещения ВУ и его мощности.

Среди условий, влияющих на характер взрывных повреждений, наиболее важными являются: а) расстояние от человека до эпицентра взрыва, б) особенность рельефа места взрыва (открытое пространство, замкнутый объем, воздействие через преграду); в) воздействие одиночных или множественных взрывов; г) ориентация тела по отношению к фронту ударной волны.

Существуют следующие расстояния взрыва: а) соприкосновение ВУ с телом; б) близкое расстояние (в пределах действия продуктов взрыва); в) относительно близкое расстояние (в пределах действия ударной волны окружающей среды); г) неблизкое расстояние (при поражении только осколками ВУ за пределами действия ударной волны).

Работа следователя со следами и вещественными доказательствами по делам, связанным с применением взрывных устройств

Задачи обнаружения, фиксации и изъятия вещественных доказательств по уголовным делам о криминальных взрывах имеют свои особенности и решаются в основном в ходе осмотра места происшествия.

Основными задачами осмотра являются: а) установление факта взрыва, его характера и причины; б) предупреждение опасных последствий взрыва; в) выяснение личности потерпевшего и оказание помощи раненым; г) определение времени, обстановки, способа и средств совершения преступления; д) выявление данных, характеризующих личность преступника, и мотива совершения преступления.

Специфика осмотра места происшествия по данной категории дел свидетельствует о необходимости незамедлительного выезда следователя, обязательно со специалистами-взрывотехниками, на место взрыва, так как эффективность изъятия следов некоторых ВВ (легколетучих, газообразных) значительно уменьшается с течением времени.

При помощи специалиста-взрывотехника следователь военных следственных органов выясняет: 1) наличие (отсутствие) на месте взрыва невзорвавшихся ВУ, в том числе замаскированных, оголенных электропроводов, поврежденных газовых коммуникаций и т. п.; 2) наличие (отсутствие) конструкций, строений и т. п., грозящих обрушением.

Кроме того, специалист-взрывотехник поможет следователю установить признаки взрыва, эпицентр взрыва, какое ВВ было применено, вид ВУ, его особенности и принцип действия.

После опроса очевидцев следователь военных следственных органов приступает к исследовательскому этапу осмотра места происшествия, который начинается со стадии общего осмотра, основными задачами которой являются обзор места происшествия, выяснение его характера, расположения и нахождения относительно других объектов. Важной задачей является также определение границ места происшествия, которые охватывают следы взрывного воздействия на объекты окружающей обстановки и другие объекты, имеющие значение для выявления обстоятельств взрыва, а также установление точки начала работы. На этой же стадии производится ориентирующая и обзорная фото- или видеосъемка.

Если взрыв произошел на открытой местности, то границы осмотра определяются пределами разлета осколков или отдельных элементов конструкции ВУ (первичное осколочное действие), а также вторичного осколочного действия, вызванного метанием окружающих объектов или их частей с последующим ударным взаимодействием с другими объектами окружающей обстановки. К следам, характеризующим первичное осколочное действие, относятся кратеры и трассы (царапины) на высокопрочных объектах, пробоины от глубокого внедрения прочных осколков в менее прочные материалы. Размеры разлета осколков ВУ зависят от конструкции устройства, вида используемого ВВ и условий взрыва (в помещении, на местности, в автомашине).

Затем проводится *детальный осмотр,* целью которого является тщательное исследование всех объектов, расположенных на месте происшествия, отыскание следов и вещественных доказательств.

При наличии на месте происшествия воронки (эпицентр взрыва) следует замерить и отразить в протоколе и на схеме ее форму, размеры (углубления, отверстия или разлом), указать вид грунта или другого материала, на котором произошел взрыв.

Затем изучению подвергаются грунт гребня воронки, поверхность грунта самой воронки и грунт на дне воронки. В этих местах могут находиться следы окопчения грунта, остатки ВУ и ВВ, следы оплавлений на предметах.

Из эпицентра взрыва для дальнейшего экспертного исследования берутся пробы грунта, снега или воды со дна и с гребня воронки. Проба должна содержать не менее 1 кг грунта. Каждая проба упаковывается отдельно в полиэтиленовые пакеты, а на бирках к ним указывают порядковый номер, место и время изъятия образца. Берется также контрольный образец грунта, воды или растительности в местах, куда исключается попадание остатков примененного ВВ (из-за преграды, из-под камня и т. п.).

После этого следователь приступает к просеиванию грунта с поверхности воронки через сито, так как в нем могут быть не обнаруженные ранее мелкие предметы ВУ или частицы ВВ. Для поиска металлических остатков ВУ следователь должен использовать сильный магнит или металлоискатель.

Далее следователь переходит к осмотру первой зоны (радиус 2—5 м). В этой зоне проводится поиск предметов с бризантным и термическим действием взрыва, следов разлета осколков ВУ и предметов окружающей обстановки, собираются частицы непрореагировавшего ВВ и его упаковки.

На второй зоне (радиус 10—20 м) необходимо искать предметы со следами фугасного действия взрыва (перенос предметов, разрушение остекления домов и т. д.), следы разлета осколков ВУ и предметов окружающей обстановки со следами осколочного действия. В этой зоне могут находиться следующие остатки ВУ: а) обрывки огнепроводного шнура; б) остатки проводов; в) цоколи электролампочек; г) детали источников электропитания; д) части замедлителей (ударно-спускового устройства) в виде осколков корпуса, пружин, чеки, бойка, деталей от часового механизма; е) остатки зажигательных трубок; ж) другие остатки корпуса, упаковки или камуфляжа ВУ.

В третьей зоне (радиус 100—200 м) проводится поиск предметов со следами фугасного действия взрыва, собираются осколки ВУ более крупного размера (металлические осколки корпуса ВУ, болты, гайки, шарики, картечь и т. п.). Наличие металлических осколков в данной зоне позволяет сделать вывод о применении ВУ с металлическим корпусом. Фугасное действие взрыва проявляется также в разрушении стекол в окнах.

Более тщательному осмотру следует подвергнуть местность в направлении действия ударной волны, куда отбрасываются остатки ВУ и другие предметы, имеющие отношение к взрыву. Направление ударной волны определяется визуально по форме воронки, выбросу грунта, изгибам металлических конструкций и т. п.

Эпицентр взрыва в помещении устанавливается по характеру разрушений, которые выражены более интенсивно в том месте, где располагался заряд ВВ: как правило, углубление или отверстие в полу, а также более мелкое дробление окружающих предметов и наличие мельчайших осколков ВУ.

Для взрыва в помещении характерно радиальное распространение ударной волны во всех направлениях. В связи с этим незакрепленные объекты опрокидываются по центробежным направлениям.

При осмотре помещения, в котором произошел взрыв, тщательному исследованию подлежат поврежденные взрывом предметы: мебель, окна, двери, стены. В них могут быть обнаружены внедрившиеся частицы ВВ и осколки ВУ.

Прежде чем приступить к извлечению осколков из преград, необходимо описать в протоколе, из какого материала состоит преграда. Данные сведения в совокупности с глубиной проникновения осколка имеют важное значение для определения веса примененного ВВ.

Для отыскании металлических осколков ВУ среди обломков предметов, строительных конструкций, мусора необходимо использовать сильный магнит. Остатки штукатурки, побелки, пыли и т. д. просеиваются через сито.

Серьезное внимание следует уделить осмотру пострадавших. Первоначально необходимо описать позу трупа и расположение его отдельных частей тела относительно неподвижных ориентиров и очага взрыва. Если от взрыва погибло несколько человек, то точно фиксируется положение каждого трупа по отношению к эпицентру взрыва. Это в дальнейшем поможет определить их взаимное положение в момент взрыва. Затем тщательно фиксируется одежда на трупе, ее состояние и положение. При осмотре одежды обращают внимание на имеющиеся повреждения, опаления или окопчения.

Иногда вследствие взрыва большой мощности от трупа остаются лишь отдельные части, которые под действием взрывной волны разбрасываются в разные стороны. Положение всех этих объектов должно быть точно зафиксировано. Обязательно составляется план-схема, на которой обозначаются эпицентр взрыва (воронка), положение трупа и оторванных частей его тела.

Описание осколочных ранений производится по той же схеме, что и огнестрельных пулевых ран (локализация, форма, наличие дефекта ткани, размеры, особенности краев, наличие осаднения и загрязнения краев).

После завершения детального осмотра места взрыва участники данного следственного действия переходят к *заключительному этапу*, на котором подводится итог всей работе. Цель этого этапа — фиксация результатов осмотра, следов и предметов, изымаемых с места взрыва.

На данном этапе производится также изъятие следов и вещественных доказательств. При изъятии осколков ВУ следует их сортировать и упаковывать отдельно: осколки корпуса, остатки взрывателя, камуфляжа и иные предметы. Такая сортировка предварительная, но она позволяет определить недостающие предметы и возобновить их поиск.

Назначение взрывотехнической экспертизы

При расследовании преступлений, связанных со взрывами, возникают вопросы, для разрешения которых необходимы специальные знания. В таких случаях следователь военных следственных органов назначает взрывотехническую экспертизу.

Взрывотехническая экспертиза — это производимые в установленном законом порядке исследования, осуществляемые экспертом для установления обстоятельств подготавливаемого или произведенного взрыва по данным о его последствиях и разрушающему действию, примененных взрывчатых веществах и взрывных устройствах.

Предмет взрывотехнической экспертизы в каждом конкретном случае определяется следователем и зависит от обстоятельств расследуемого уголовного дела.

Объектами взрывотехнической экспертизы могут быть предметы, относящиеся к расследуемому событию и являющиеся материальными носителями информации о готовящемся или произведенном взрыве, а также источниками получения фактических данных. Конкретными объектами являются: ВВ и ВУ промышленного и самодельного производства, их остатки после взрыва, изъятые с места происшествия; следы взрыва на окружающих предметах, а также само место происшествия, зафиксированное в материалах уголовного дела (в протоколах осмотра места происшествия и вещественных доказательств, допросов свидетелей, потерпевших и подозреваемых; в планах, схемах и фототаблицах; видео- и звукозаписях).

Для того чтобы следователь мог получить максимальное количество информации из экспертизы, в распоряжение эксперта необходимо также предоставить протокол осмотра места происшествия или его копию, планы, схемы, фототаблицы с пояснительными надписями и видеозаписи места происшествия, а также акт судебно-медицинского исследования трупа или освидетельствования потерпевшего.

При назначении взрывотехнической экспертизы большое значение имеет правильная формулировка и последовательность вопросов, кото-

ставятся на разрешение экспертизы. При экспертном исследовании объектов взрывотехнической экспертизы могут быть разрешены следующие основные вопросы: произошел ли в данном случае взрыв взрывного устройства; имеются ли на представленных на исследование объектах следы взрывчатых веществ; являются ли представленные на исследование осколки частями корпуса взрывного устройства; являются ли представленные на исследование предметы частями конструкции взрывного устройства; каковы были конструкция взрывного устройства, форма, размеры, материал корпуса, примененное средство взрывания, вид и масса использованного взрывчатого вещества; какова последовательность осуществления подрыва данного взрывного устройства; каким способом изготовлено взрывное устройство; если взрывное устройство промышленного изготовления, то какова его видовая принадлежность; относится ли примененное в данном случае взрывное устройство к категории боеприпасов; на каком расстоянии от места взрыва данного взрывного устройства существует опасность для жизни и здоровья людей; имеет ли лицо, изготовившее взрывное устройство, специальные познания и профессиональные навыки в области взрывного дела либо в других областях техники.

Оценка заключения эксперта осуществляется с учетом его полноты, научной обоснованности и соответствия другим доказательствам.

Глава 5. Криминалистическое исследование почерка, письма и документов

Одним из важнейших разделов криминалистики и распространенным способом раскрытия многих видов преступлений является криминалистическое исследование документов.

Документ (от лат. *dokumentum* — все, что может служить свидетельством, уроком, примером) — это материальный объект, на котором с помощью знаков, символов и т. п. элементов естественного или искусственного языка зафиксированы сведения о фактах. В юриспруденции под документом понимают материально фиксированное, отображенное сообщение человека о юридически значимых фактах.

С процессуальной точки зрения все документы подразделяются на три группы: 1) документы — вещественные доказательства; 2) документы — письменные доказательства; 3) документы — образцы для сравнительного исследования.

Криминалистическому исследованию подвергаются главным образом документы — вещественные доказательства, которые содержат в себе материальные признаки преступления. В свою очередь, документы как вещественные доказательства могут быть сведены к следующим видам: 1) документы как средство совершения преступления (поддельные накладные, расписки, наряды, счета, квитанции и т. п.); 2) документы как средство сокрытия преступлений («предсмертная» записка якобы от имени самоубийцы и т. п.); 3) документы как средство, способствующее раскрытию преступления и установлению существенных обстоятельств дела.

По источнику происхождения письменные документы подразделяются на официальные (от юридических лиц) и частные (от физических лиц). Официальные документы должны быть выполнены по установленной форме и иметь определенные реквизиты.

В криминалистике особое значение имеет классификация документов по юридической природе — на подлинные и подложные. *Подлинным* является документ, изготовленный надлежащим должностным лицом, по установленной форме, содержание которого соответствует действительности. Надлежаще изготовленный документ, содержащий ложные сведения и (или) реквизиты, не соответствующие действительности, называется *подложным*.

Различают два вида подлога: интеллектуальный и материальный. Интеллектуальный подлог выражается в составлении документа, правильного с формальной стороны (наличие и правильность всех реквизитов), но содержащего заведомо ложные сведения.

При материальном подлоге изменено содержание подлинного документа, т. е. внесены ложные сведения вместо содержавшихся правильных (подчистки, исправления, дописки и т. п.). Документы со следами материального подлога в криминалистике принято называть *поддельными*. Они подразделяются на две группы: документы, поддельные частично; документы, поддельные целиком.

Интеллектуальный подлог устанавливается следователем путем различных следственных действий: допроса, осмотра документов и т. д., а материальный, как правило, путем криминалистического исследования.

В зависимости от характера документов и решаемых задач криминалистические исследования документов подразделяются на три категории: 1) установление исполнителя документов (судебное почерковедение); 2) установление автора текста (судебное автороведение); 3) технико-криминалистическое исследование документов.

Таким образом, *криминалистическое исследование документов* — это отрасль криминалистической техники, изучающая закономерности возникновения, развития и становления особенностей письменной речи и почерка, а также следов изготовления и изменения документов и разрабатывающая на этой основе средства, приемы и методики обнаружения, изъятия и исследования указанных следов и признаков.

§ 1. Криминалистическое исследование почерка

Одним из видов криминалистического исследования письма в целях идентификации личности является криминалистическое почерковедение.

Письмо — это средство запечатления мысли человека с помощью языка и специально созданной системы условных обозначений (письменности).

В письме различаются смысловая и графическая стороны. К смысловой стороне относятся содержание, стиль, манера изложения, лексика и другие особенности, а к графической стороне относится почерк (система выработанных движений, служащая для изображения букв, слов, цифр, знаков).

Систематические упражнения в начертании букв приводят к выработке и закреплению у обучающихся следующих письменно-двигательных навыков (т. е. умения фиксировать мысль в рукописи с помощью специально приспособленной для этой цели системы движений): 1) технических навыков (держание пишущего прибора, расположение листа бумаги, посадка человека при письме); 2) графических навыков (воспроизведение письменных знаков); 3) навыков письменной речи (определение буквенного состава слов, словарный состав и т. д.).

Для идентификации пишущего по почерку наибольшее значение имеют графические и технические навыки в силу их яркой выраженности, значительной устойчивости и индивидуальности.

Присущая каждому пишущему индивидуальная и динамическая устойчивая совокупность графических и технических навыков, отображенная в рукописях, называется *почерком* данного лица.

Если в условиях письма возникает какое-либо новое, непривычное обстоятельство, почерк перестраивается, приспосабливаясь к изменившейся обстановке. Причинами такой перестройки могут быть: а) непривычные внешние условия письма (необычная поза, материал письма, пишущий прибор); б) нарушение функций кожно-мышечного или нервного аппарата (травма руки, болезнь глаз, нервное заболевание и т. д.); в) необычное психическое и физиологическое состояние пишущего (возбуждение, опьянение и т. п.); г) специальная целевая установка (искажение (маскировка) письма, подражание письму другого (имитация).

Известны три основных способа умышленного искажения (маскировки) почерка: а) скорописный; б) печатными буквами; в) левой рукой.

Признаки, характеризующие двигательно-начертательную сторону письменной речи, делятся на общие и частные.

Под общими признаками понимается отображение в рукописи информации об общих свойствах письменно-двигательного навыка, проявляющихся в целостной системе письменных движений.

К частным признакам, характеризующим отдельные стороны, особенности письменно-двигательного навыка, проявляющимся при выполнении отдельных букв и их сочетаний, относятся:

1) признаки, отражающие пространственную ориентацию движений:

а) относительное размещение заголовков, обращений, дат, резолюций;

б) наличие, ширина, форма и направление линии поля;

в) размер интервала между абзацами, строками, предложениями, словами и буквами;

г) форма и направление линии основания строк (линии письма) и др.

2) признаки, отражающие степень и характер сформированности письменно-двигательного навыка:

а) степень выработанности движений (рис. 57);

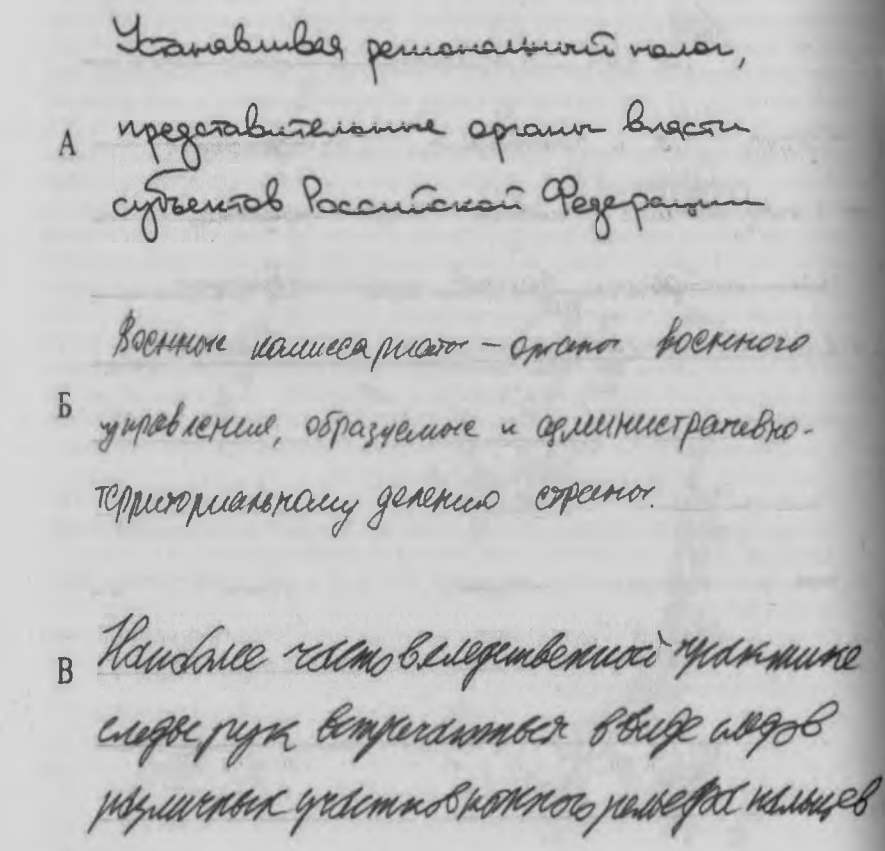


Рис. 57. Степень выработанности почерка:
А — высоковыработанный; Б — средний по степени выработанности; В — маловыработанный

б) общая сложность движений (рис. 58);

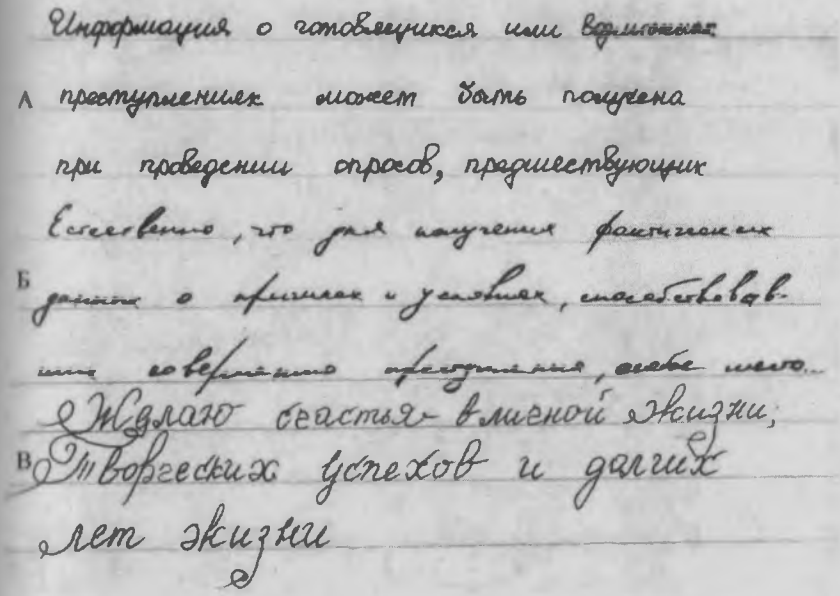


Рис. 58. Сложность почерка:
А — простой; Б — упрощенный; В — усложненный

3) признаки, отражающие структурные характеристики движений по их траектории (рис. 59);

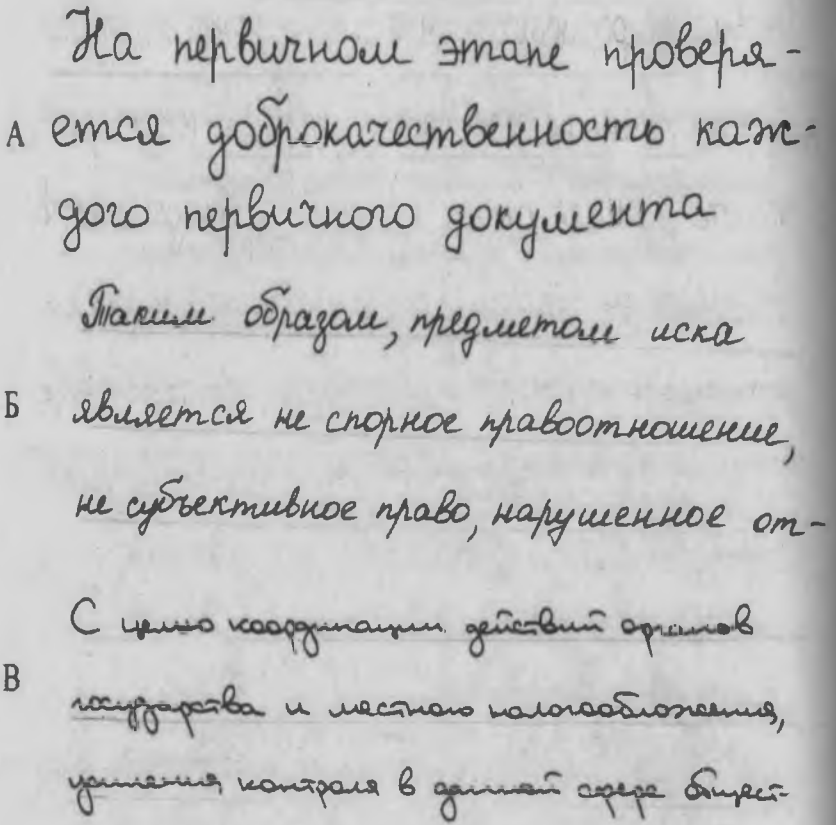


Рис. 59. Размер букв почерка:
А — большой; Б — средний; В — малый

а) общая протяженность движений по горизонтали (разгон) (рис. 60);

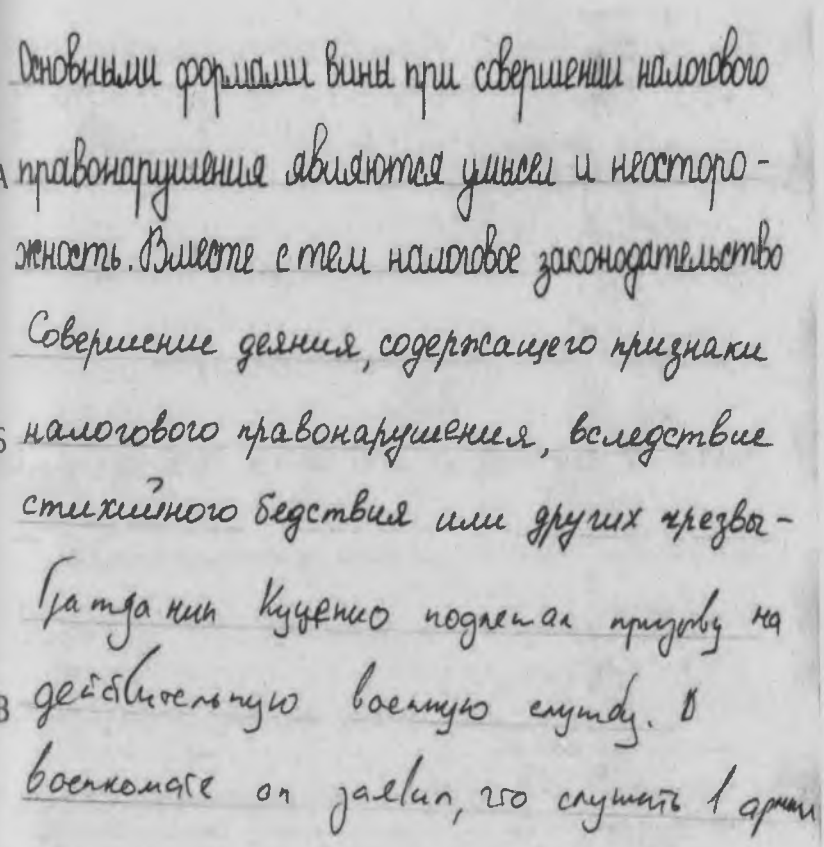


Рис. 60. Разгон почерка:
А — почерк сжатый; Б — почерк средний по разгону; В — почерк размашистый

б) степень непрерывности движений (рис. 61);

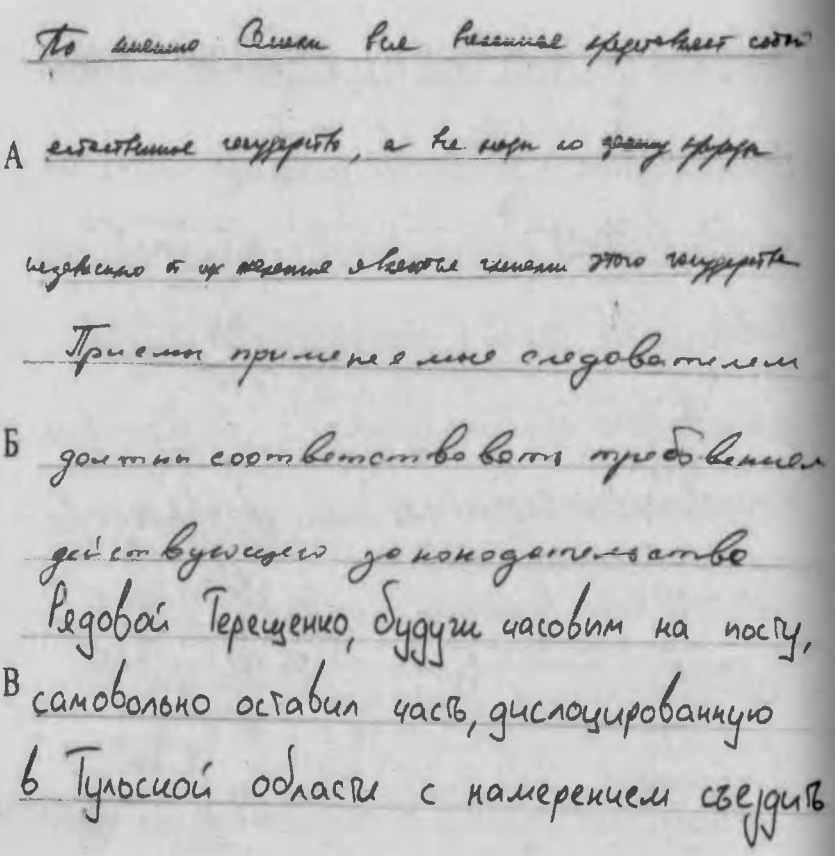


Рис. 61. Связность почерка:
А — высокосвязный; Б — средний по степени связанности; В — отрывистый

и) общее направление сгибательных движений (общий наклон движений) (рис.62);

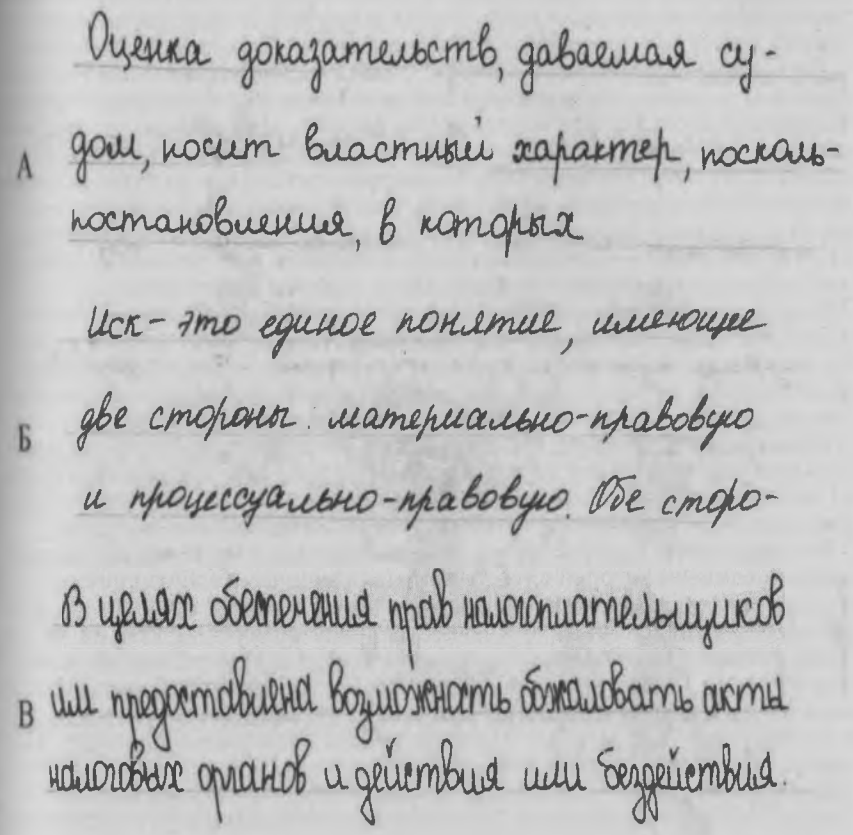


Рис. 62. Наклон букв почерка:
А — прямой; Б — правонаклонный; В — левонаклонный

г) степень и характер затрачиваемых усилий в процессе сгибательно-разгибательных движений (степень и характер нажима).

По сравнению с общими частные признаки почерка более устойчивы и труднее поддаются умышленным искажениям. Кроме того, в частных признаках в большей мере проявляются индивидуальные особенности письменно-двигательного навыка, поэтому частные признаки особенно ценны для идентификации.

К наиболее характерным частным признакам почерка относятся: а) структурная сложность движений при выполнении отдельных письменных знаков; б) форма движений при выполнении букв и их элементов; в) форма движений при соединении букв и их элементов; г) направление движений при выполнении букв и их элементов; д) относительное направление сгибательных движений (соотношение наклона); е) относительная протяженность движений по вертикали; ж) относительная протяженность движений по горизонтали; з) вид соединения

движений; и) количество движений; к) последовательность движений; л) относительное размещение движений по вертикали и горизонтали при выполнении письменных знаков и их элементов; м) относительное размещение точек начала (окончания) движений и соединений (пересечений) движений при выполнении письменных знаков и их элементов.

Подпись — особый вид рукописи, отражающий фамилию лица в виде букв или условных письменных знаков и имеющий удостоверительное назначение. Подписи по своему составу бывают: а) буквенные — подпись состоит только из букв; б) штриховые — подпись состоит из штрихов, не образующих букв; в) смешанные — подпись состоит как из букв, так и из безбуквенных элементов. Кроме того, подписи могут быть: а) полные — когда в подписи присутствуют все буквы фамилии; б) сокращенные; в) усложненные — при добавлении инициалов или условных сочетаний штрихов, а в заключительной части подписи — росчерк.

К графическим признакам подписи относятся: а) росчерк — направление заключительного штриха; б) соотношение линий основания письма и верхних окончаний штрихов; в) гладиолаж — уменьшение размера штрихов к концу подписи; г) положение подписи относительно текста документа и линовки на бумаге (топографический признак).

Намеренное изменение собственной подписи в целях отказа от нее в дальнейшем называется *автоподлогом*. Видами автоподлога являются: а) искажение признаков подписного почерка; б) обводка подписи карандашом или чернилами; в) выработка нового варианта подписи.

Почерковедческая экспертиза — вид криминалистической экспертизы, предметом которой служат факты, связанные с исполнением рукописных текстов, подписей, цифровых записей, и которая решает следующие идентификационные и диагностические задачи: 1) кем из числа проверяемых лиц выполнен рукописный текст (фрагмент текста, запись, подпись и пр.) в исследуемом документе; 2) одним или разными лицами выполнены рукописные тексты (фрагменты текста, записи, подписи и пр.) в исследуемых документах; 3) лицом какого пола выполнен текст; 4) к какой возрастной группе относится исполнитель рукописного текста исследуемого документа; 5) при каком психофизиологическом состоянии писавшего (нормальном, болезненном, возбужденном, в состоянии аффекта, физической усталости, алкогольного или наркотического опьянения и пр.) выполнен рукописный текст документа; 6) в какой позе писавшего (стоя, сидя, лежа и пр.) выполнена исследуемая рукопись; 7) не выполнен ли текст (подпись, запись и пр.) с подражанием почерку конкретного лица; 8) не выполнен ли рукописный текст (подпись и пр.) намеренно измененным почерком; 9) не выполнен ли рукописный текст (подпись) непривычно пишущей ручкой и какой именно; 10) какова давность выполнения исследуемой рукописи; 11) одновременно или с разрывом во времени выполнены фрагменты исследуемой рукописи; 12) пригодна ли подпись (запись, надпись) для идентификации личности.

Объектами почерковедческого исследования являются различные рукописи, тексты, записи (надписи), подписи, выполненные неизвестными (устанавливаемыми) лицами, и образцы — рукописи, выполненные известными (проверяемыми) лицами и отобранные в качестве материала.

Помимо рукописи, исполнитель которой должен быть установлен, на экспертизу представляют следующие образцы почерка предполагаемых исполнителей: а) свободный (рукопись выполнена до возбуждения уголовного дела, вне связи с расследуемым событием); б) условно-свобод-

ный (рукопись, выполнена после возбуждения уголовного дела, но не специально для экспертизы); в) экспериментальный (рукописи заранее определенного содержания, выполненные по предложению следователя предполагаемым исполнителем специально для экспертизы).

§ 2. Криминалистическое исследование письма

Криминалистическое автороведение предназначено для решения задач как идентификационного характера (установление автора текста определенного документа), так и диагностического характера: а) установление факта намеренного искажения письменной речи; б) установление фактов, относящихся к условиям создания текста документа; в) определение образовательного уровня и групповой принадлежности автора.

Предметом автороведческой экспертизы является установление фактических данных о личности автора при исследовании текста документа и иных материалов уголовного дела.

В качестве непосредственного объекта экспертного исследования выступает письменная речь и проявляющиеся в ней общие языковые навыки (лексико-фразеологические, синтаксические, стилистические, орфографические, пунктуационные и частные языковые навыки) и частные языковые навыки (устойчивые нарушения речи, использование определенных языковых средств и др.).

Смысловую сторону письма характеризуют следующие основные признаки, указывающие на автора текста:

1) семантические признаки: а) тема документа; б) лейтмотив — основная мысль, выраженная в документе; в) фактический материал документа — факты, знанием которых характеризуется выбор документа; г) архитектоника — построение документа (вступление, разделы, их расположение, заключение и т. п.);

2) стилистические признаки: а) фразеологические; б) лексические;

3) грамматические признаки;

4) топографические признаки;

5) мелкие привычки письменной речи.

Объект автороведческой экспертизы — текст документа (т. е. совокупность предложений, связанных единством смысла). Исследуемый текст должен быть объемом не менее 500 слов, включающих самостоятельные части речи, предлоги, союзы, междометия. Это могут быть объяснительные записки, частные письма, рапорты, жалобы, автобиографии, статьи, доклады и т. п.

Успех автороведческой экспертизы во многом зависит от качества и объема сравнительного материала — свободных, экспериментальных и условно-свободных образцов письменной речи, т. е. текстов, автором которых является проверяемое лицо. Необходим связанный текст значительного объема и определенной направленности. Примерный объем сравнительного материала, представляемого на экспертизу: 25—30 страниц свободных образцов и 25—30 — экспериментальных. Экспериментальные образцы письменной речи в отличие от образцов для исследования почерка выполняются проверяемым лицом в форме самостоятельного сочинения на определенную тему, а не под диктовку или путем списывания, чтобы в них проявились индивидуальные привычки пишущего.

§ 3. Технико-криминалистическое исследование документов

Технико-криминалистическое исследование документов (предварительное, осуществляемое следователем и в рамках судебно-технической экспертизы документов) — вид криминалистического исследования, которое производится для установления способа изготовления документа, наличия в нем изменений и способов их внесения, для выявления необходимых записей, идентификации предметов и материалов, использовавшихся для изготовления документа или внесения в него изменений.

Задачи исследования — выявление подделки документов, идентификация печатных форм, печатей и штампов, пишущих машин и иной множительной техники, кассовых аппаратов, исследование повреждений документов (истлевших, сгоревших, разорванных и т. п.), выявление первоначального текста и др.

При технико-криминалистическом исследовании документов в первую очередь исследованию подлежат реквизиты письменных документов (записи, оттиски печатей и штампов, машинописные тексты, пометки и пр.); материалы, из которых они выполнены (бумага, краски, клей и пр.); следы, оставленные орудиями письма и иными приспособлениями (печатями, штампами и пр.); остатки травящих веществ, использованных для удаления текста и др.

Существуют следующие способы технической подделки подписи (т. е. исполнение подписи от имени другого лица): а) срисовывание подписи с последующей обводкой; б) копирование подписи на просвет через стекло; в) копирование подписи через копировальную бумагу; г) копирование путем передавливания подлинной подписи по штрихам; д) фотопроекционный способ копирования; е) нанесение изображений подписи с помощью клише (факсимиле); ж) ксерокопирование; з) перенесение красителя с помощью оригинала на поддельный документ с помощью веществ, обладающих повышенной копировальной способностью (эмульсионный слой фотобумаги, белок сваренного вкрутую яйца).

Для выяснения признаков технической подделки подписей используются: а) микроскопическое исследование; б) фотосъемка в видимой и инфракрасной зонах спектра; в) исследование подписей на просвет; г) исследование в ультрафиолетовых лучах.

Печатью (штампом) называют специальное клише, используемое при нанесении оттисков на бумаге для удостоверения, засвидетельствования документов.

Известны следующие способы подделки оттисков печатей и штампов: а) рисование оттиска непосредственно на документе; б) копирование оттиска с одного документа на другой; в) нанесение оттисков печатей с помощью предметов, имеющих иное значение; г) нанесение оттисков с помощью плоских печатных форм или самодельных рельефных печатных форм.

Замена фотоснимка является распространенным способом подделки документов (водительских документов, паспортов). Как правило, имеющийся в документах фотоснимок удаляется, а на его место вклеивается новый, на котором воспроизводят оттиск печати, либо оттиск печати на вклеенном фотоснимке совмещают с оттиском печати на документе. Иногда заменяют лишь часть фотоснимка (с изображением лица), а фрагмент с оттиском печати остается на документе, либо на фотосни-

мок наклеивают фрагмент эмульсионного слоя удаленного фотоснимка с оттиском печати.

Признаки замены фотоснимка могут быть обнаружены при осмотре документа при рассеянном и косопадающем освещении, исследовании с помощью микроскопа.

Виды подделок документов, признаки подчистки, травления, дописки, допечатывания на пишущей машинке

Подделка документов осуществляется путем дописки, дорисовки, допечатки, подчистки, травления и смывания.

Дописка и допечатка — это изменение первоначального содержания документа путем внесения на свободные места между строками, словами или знаками новых записей (слов, знаков).

Основные признаки, указывающие на дописку: а) наличие противоречий в содержании документа; б) иное, чем в основном тексте, размещение внесенных записей (увеличенные или сжатые промежутки между словами и знаками, смещение линии строки вверх или вниз, сокращение слов, различный наклон продольных осей букв, различное размещение знаков относительно краев документа и линий графления); в) различие признаков почерка в основном документе и во внесенном тексте; г) отличие условий выполнения текста (сила нажима, вид подложки, замедленность темпа движения, угол наклона пишущего предмета); д) различие в цвете и оттенке красящего вещества штрихов, которыми выполнен текст; е) различие в люминесценции штрихов; ж) различие в поглощении инфракрасных и ультрафиолетовых лучей штрихами; з) различия копирующая способность штрихов; и) различие в микроструктуре штрихов.

Для выявления дописок используется следующий комплекс методов: а) осмотр документа при различных условиях освещения; б) микроскопическое исследование; в) цветоделение; г) исследование в отраженных инфракрасных лучах; д) исследование люминесценции штрихов в отраженных инфракрасных лучах; е) метод влажного копирования.

Основные признаки, указывающие на допечатку: а) иное, чем в основном тексте, размещение допечатанного текста (несовпадение линий строк, вертикальных столбцов, знаков, полей); б) наличие «слепых» оттисков букв; в) различие в оттенке красящего вещества; г) различная микроструктура ткани машинописной ленты; д) различие в цвете откопировавшегося текста (при использовании разных лент); е) различие в размещении и конфигурации машинописного шрифта (при допечатке на другой пишущей машине); ж) различные межстрочные интервалы (признак может проявиться как при допечатке на разных пишущих машинах, так и при допечатке на той же машине, что и основной текст, но с использованием иного количества закладок); з) различие в расположении текстов в документах, выполненных через копировальную бумагу в нескольких экземплярах.

Для установления факта допечатки используются следующие методы: а) осмотр при различных условиях освещения; б) микроскопическое исследование; в) исследование с помощью измерительных приборов; г) копирование органическими растворителями; д) метод оптического наложения.

Подчистка — это механическое удаление знаков документа в целях изменения его первоначального содержания. Для этого могут быть использованы резинка либо острые предметы (лезвие, нож и т. п.).

Признаки подчистки могут быть обнаружены при изучении документа при косопадающем освещении, исследовании на просвет и микроскопическом исследовании. При этом, обнаруживаются следующие признаки: а) нарушение поверхностного слоя бумаги; б) приподнятость волокон бумаги; в) повреждение линий защитной сетки или линовки; г) потеря глянца бумаги; д) наличие красителя штрихов первоначальных записей; е) утоньшение бумаги; ж) наличие рельефа штрихов от удаленных записей; з) расплывы красящего вещества записей, выполненных на месте подчистки; и) следы давления и трассы (при приглаживании волокон бумаги предметом с гладкой поверхностью для маскировки подчистки).

Для выявления первоначальных записей, удаленных подчисткой, используется комплекс методов: а) фотосъемка в косопадающем и проходящем свете; б) цветоделение (для выявления окрашенных штрихов); в) съемка в отраженных ультрафиолетовых и инфракрасных лучах (для выявления записей, выполненных чернилами и цветными карандашами); г) исследование в инфракрасных лучах (для выявления текстов, выполненных черной типографской краской, черной тушью, и текстов, отпечатанных на пишущих машинах через черную машинописную ленту и черную копировальную бумагу); д) адсорбционно-люминесцентный метод (для выявления текстов, выполненных пастой шариковой ручки, черной тушью, типографской краской); е) диффузно-копировальный метод (для выявления текстов, выполненных анилиновыми чернилами, пастой шариковой ручки).

Травление — это обесцвечивание и разрушение красящего вещества штрихов текста под действием химических реактивов (кислот, щелочей, окислителей, восстановителей).

Основные признаки, указывающие на травление: а) нарушение проклейки бумаги (при отражении света эти участки становятся матовыми); б) изменение цвета бумаги; в) хрупкость, ломкость бумаги; г) обесцвечивание или изменение цвета защитной сетки, линовки документа, записей, расположенных вблизи от удаленных текстов; д) расплывы красящего вещества в штрихах, внесенных после травления записей; е) остатки штрихов первоначального текста; ж) отличие цвета видимой люминесценции бумаги.

Для выявления признаков травления используются следующие методы: а) осмотр документа с обеих сторон при различных условиях освещения (рассеянном, косопадающем, проходящем свете); б) микроскопическое исследование (увеличение в 3—40 раз); в) изучение люминесценции в видимой и инфракрасной зонах спектра; г) фотосъемка в ультрафиолетовых лучах.

Для выявления содержания записей, удаленных травлением, используются следующие методы: а) контрастирующая фотосъемка; б) цветоделение; в) фотосъемка в отраженных ультрафиолетовых лучах; г) фотосъемка люминесценции в видимой и инфракрасной зонах спектра; д) диффузно-копировальный метод.

Для выявления залитых и зачеркнутых текстов используются главным образом исследование обеих сторон документа при различных условиях освещения (в косопадающем, проходящем, рассеянном свете) и

исследование с помощью электронно-оптического преобразователя (ЭОП) и светофильтров.

Исследование полиграфической продукции

Бланками (от франц. *blank* — белый) называют листы бумаги с напечатанным (типографским способом) названием и частично напечатанным текстом, предназначенные для составления документов по определенной форме (накладные, квитанции, паспорта, водительские удостоверения и т. д.).

Подделка документов, удостоверяющих личность и правовое положение граждан, осуществляется либо путем удаления (полностью или частично) его реквизитов и внесения новых, либо путем изготовления бланка документа и внесения в него необходимых записей, подписей, оттисков печатей и штампов и т. д.

Изготовление поддельных бланков документов производится как вручную методом рисовки, так и получившими наибольшее распространение полиграфическими способами: а) печатание с изготовленных гравированием клише; б) печатание с фотоцинкографических клише; в) печатание с набора типографского шрифта; г) печатание с помощью копиров и принтеров.

Для бланков, подделанных рисовкой, характерны нестандартность шрифта, неровность линий строки, неравномерность интервалов между строками, словами и буквами. В штрихах (при увеличении) видны следы пишущего прибора (в виде бороздок от кончика пера), имеются и грамматические ошибки. В отличие от красителей, которые обычно используются преступниками, типографская краска не растворяется в воде. Поэтому один из способов проверки бланков — растворение красителя штрихов.

Для бланков, подделанных с помощью клише, характерны следующие признаки:

1) типографский набор: а) нарушение технических правил набора в виде неправильности выключек (обеспечивающих нужную длину строки за счет увеличения пробелов между словами); б) неравномерность строк, интервалов между строками, словами, буквами; в) наличие в словах букв, разных по размеру и графическому начертанию; г) замена одних букв другими, наличие грамматических ошибок и перевернутых знаков;

2) клише, гравированное вручную: а) нестандартность шрифта, наличие изломов в овальных элементах знаков; б) извилистость строк; в) наличие зеркальных букв, отклонение букв от вертикали или неравномерный их наклон; г) несоответствие межбуквенных и междусловных пробелов размерам знаков; д) характерные «натеки» красителя по краям штрихов;

3) фотоцинкографическое клише: а) совпадение с подлинными бланками по содержанию, размещению частей документа; б) различие с подлинником в абсолютных размерах и совпадении всех пропорций; в) наличие дефектов, свойственных цинкографии (прерывистость тонких штрихов, неровность краев штрихов, загрязнения между штрихами); г) непропечатываемость отдельных элементов знаков ввиду их разрушения при травлении клише в кустарных условиях;

4) бланки, напечатанные с помощью копиров и принтеров (матричных, струйных, лазерных): а) неровные и нечеткие края штрихов; б) неравномерное, поверхностное наложение слоя красителя в штрихах; в) отсут-

ствие отдельных элементов в знаках; г) зернистость структуры штрихов; д) загрязненный фон изображения; е) изменение цвета красителей при воздействии на них органическими растворителями.

Перечисленные признаки могут быть установлены в ходе визуального осмотра с применением 4—7-кратной лупы.

Подделка бланков с помощью клише или копиров (принтеров) бывает в ряде случаев настолько квалифицированной, что установить ее можно только путем сравнения с бланками, подлинность которых несомненна. Сравнение производится по материалу документов, их размеру, наличию водяных знаков, начертанию шрифта, цвету защитной сетки и т. д.

Если на разрешение экспертизы ставится вопрос: «На одном и том же копире (принтере) напечатаны бланки документов?», то решение этого вопроса основано на анализе конструктивных и технологических особенностей копиров (принтеров) и знании признаков, отображающихся на воспринимающем материале при копировании (распечатке) документа. К таким характеристикам и признакам относятся: а) тип бумаги; б) тип электрографического проявителя; в) способность к уменьшению и увеличению изображения, способ подачи бумаги, идентификационные метки; г) способ плавления; д) красящая способность; е) степень магнетизма; ж) использование лазера; з) возможность редактирования.

Исследование разорванных и сожженных документов

При восстановлении *разорванных* документов главная задача, стоящая перед следователем, — не допустить дальнейшего повреждения. Клочки документов отделяются от грязи и сортируются на однородные группы по наличию текста на одной или обеих сторонах; цвету и структуре бумаги; цвету и рисунку линовки и защитной сетки; типу красителя штрихов (карандаш, чернила, паста и т. п.) и его цвету.

Затем в каждой из указанных выше однородных групп клочки разделяются на два вида: 1) имеющие хотя бы один отрезанный край, 2) не имеющие отрезанных краев (т. е. оторванные клочки).

Клочки с обрезанными краями, в свою очередь, делят на группы. В первую группу войдут те, у которых обрез слева, во вторую группу те, у которых обрез справа, в третью группу — имеющие обрез наверху, в четвертую группу — имеющие обрез внизу и в пятую группу те, у которых обрез образует угол документа (например, обрывок документа имеет обрез сверху и справа и т. п.).

Обрывки документа, имеющие отрезанные края, складываются так, чтобы они составили границы документа. При этом, используются их общая форма, а также строение тех краев, которые были оторваны. После этого подбираются клочки, имеющие только оторванные края, также по общей их форме и строению этих краев. При этом каждый из соседних клочков подбирается так, чтобы содержание имеющегося на нем текста было связано с текстом других клочков.

Прочтение документов, подвергшихся *сожжению,* представляет значительную трудность. Разрушающее действие высокой температуры на бумагу тем больше, чем меньше минеральных веществ входит в состав бумажной массы. Под действием высокой температуры изменяется также состояние красителя штрихов текста документа.

Различают три стадии изменения бумаги: а) высушивание; б) обугливание; в) испепеление.

На первой стадии бумага теряет влагу, желтеет и начинает коробиться. Обугливание происходит при температуре +150—200 °С. Бумага

становится черной, сворачивается и уменьшается в размерах. Далее — истление, в процессе которого бумага светлеет, становится белой и разрушается от малейшего прикосновения. Чаще всего объектами криминалистического исследования становятся документы, находящиеся в стадии обугливания.

По своей способности противостоять действию высокой температуры красители штрихов в зависимости от химического состава распределяются в следующей последовательности (начиная с наиболее стойких): а) типографская краска; б) краситель машинописной ленты; в) краситель черного графитного карандаша; г) паста; д) тушь; е) краситель копировального карандаша; ж) анилиновые чернила.

При сгорании документа подвергаются изменению как бумага, так и краситель штрихов текста. Однако в зависимости от состава бумаги и красителя сохраняется более или менее значительное различие в цвете, оттенке, степени отражения света и т. п., что позволяет выявить штрихи текста. Успешность восстановления текста сожженного документа в значительной степени зависит от того, в каком состоянии сожженный документ был изъят и прислан на исследование.

Изъятие таких документов следует поручать специалисту. Перемещение их возможно с помощью либо стеклянной трубочки, соединенной с резиновой грушей, либо наэлектризованного путем трения о мех (шерстяную ткань) листа целлулоида.

Восстановлению текста обуглившегося документа должна предшествовать предварительная его обработка. Большая хрупкость не позволяет расправить обуглившийся документ: бумага крошится на мелкие части. Для уменьшения хрупкости производится увлажнение бумаги. Документ помещается на чистую стеклянную пластинку и затем опрыскивается из пульверизатора 15—20%-ным раствором глицерина в воде. При опрыскивании необходимо следить за тем, чтобы струя воды была направлена не непосредственно на документ, а несколько выше его, тогда документ не разрушится, а вода мелкими каплями осядет на его поверхности. В том случае, если документ обуглился не очень сильно, достаточно опрыскать его простой водяной пылью без глицерина.

После того как документ приобретет эластичность, его следует аккуратно расправить на стекле, прикрыть сверху другим чистым стеклом и окантовать липкой лентой. Если документ не очень сильно обуглен и не очень хрупкий, ему можно придать эластичность, опуская непосредственно в воду или раствор глицерина с водой. После размачивания, когда обугленная бумага начнет погружаться на дно сосуда, под нее подводится чистая стеклянная пластинка, вместе с пластинкой документ извлекается из раствора и расправляется на этой стеклянной пластинке.

При значительном обугливании бумагу желательно увлажнять водяным паром. Для этого в сосуд помещается подставка с чистой стеклянной пластинкой, на которую кладется обуглившийся документ. Под подставкой, на дно сосуда помещается меньший сосуд с кипятком. После того как документ достаточно увлажнится и приобретет упругость, его расправляют на стекле.

Документ, обуглившийся в сложенном виде, разделяется с помощью скальпеля на несколько крупных частей. Каждая часть обрабатывается отдельно и помещается на отдельное стекло. Если сгоревший документ состоит из нескольких листов, которые в результате горения слиплись между со-

бой, производят более сильное увлажнение, а затем листы разъединяют, используя при этом легкий поток горячего воздуха.

Документы, подвергшиеся испепелению, увлажнять не следует. Части испепеленного документа помещаются между двумя чистыми стеклами и окантовываются.

Выявляют содержание сгоревших документов путем фотографирования в ИК- и УФ-лучах, а также методами химического анализа.

Глава 6. Криминалистическое исследование признаков внешнего облика человека (словесный портрет)

Научные основы криминалистического учения о признаках внешнего облика человека

Раздел криминалистической техники, изучающий закономерности и описание внешнего облика человека, именуется *габитоскопией* (от лат. *habitus* — внешность, наружность и *skopeo* — рассматриваю).

Данные о внешнем облике человека активно используются правоохранительными органами в розыске лиц, скрывшихся от суда и следствия, без вести пропавших, лиц, не могущих сообщить о себе, и в установлении личности обнаруженных неопознанных трупов, а также установлении факта принадлежности документов их владельцам.

Основными принципами, на которых строится возможность отождествления внешнего облика человека в следственной и экспертной практике, являются положения теории криминалистической идентификации: а) индивидуальность (неповторимость) внешнего облика каждого человека; б) относительная устойчивость, т. е. неизменяемость внешности; в) рефлекторность, т. е. способность запечатлеваться в различных материальных отображениях (частный случай рефлекторности — наглядность, свойство восприниматься человеческим сознанием).

Габитоскопия вобрала в себя сведения и методы, применяемые в других отраслях научного знания: анатомия, антропология, психология, физиология и т. д. Кроме применения общенаучных методов, в габитоскопии сформированы и собственные методы изучения внешнего облика человека. Собственные методы предназначены для познания закономерностей возникновения, изменения и преобразования признаков внешнего облика человека и закономерностей его отображения в различных объектах. Самым значимым методом габитоскопии является метод криминалистического описания внешнего облика человека, т. е. словесный портрет.

Структура внешнего облика человека

Внешний облик одного человека отличается от внешнего облика другого признаками внешности — отдельными характеристиками внешнего облика в целом или его элементов. В габитоскопии признаки внешности или признаки внешнего облика человека определяются как заметные характеристики внешнего облика в целом или его частей.

Различают две большие группы элементов и их признаков: собственные и сопутствующие элементы и признаки внешнего облика человека. Собственные — элементы и признаки внешнего облика человека, которые принадлежат непосредственно самому человеку. Сопутствующими

называют те элементы и признаки внешнего облика, которые не входят в структуру человеческого внешнего облика, но позволяют судить о некоторых других его частях или элементах.

К *собственным* относятся следующие элементы и признаки внешнего облика человека: а) общефизические — характеризующие человека в целом (пол, возраст, этноантропологический тип и др.); б) функциональные — доступные зрительному восприятию проявления жизнедеятельности человека, в основном его движения; в) анатомические (морфологические) — характеризующие наружное строение тела человека, его частей и покровов.

Общефизические элементы — это признаки пола, возраста, этноантропологического типа, конституция тела (или телосложение).

К *функциональным элементам* относят следующие:

а) поза — статическое расположение частей тела в различных положениях;

б) походка: длина и ширина шага; постановка и разворот стоп; движения головы, плеч, рук и корпуса в процессе движения;

в) мимика — динамическая совокупность мышц лица, которая выражает психофизиологическое состояние человека, эмоции. Выражение лица является продолжением настроения, показателем эмоций (грустное, удивленное, строгое, злое, веселое);

г) артикуляция — движения губ при производстве звуков. Выделяют сильную выраженность (заметное движение губ) и слабую выраженность (движения губ незначительны) артикуляции;

д) жестикуляция — сопровождающая произношение речи совокупность движений отдельных частей тела. В процессе жестикуляции принимают участие многие части тела, однако основное внимание наблюдателя концентрируется на движениях головы, плеч и рук;

е) голова. Во время беседы может подниматься вверх, наклоняться, покачиваться;

ж) плечи. Характерные движения могут выражаться в пожимании или подергивании;

з) движение рук. В ходе общения могут содержать весьма характерные признаки: потирания друг о друга, покачивания, размахивания двумя или одной рукой в различных направлениях, прикладывания к разным частям тела;

и) привычки, навыки — характерные движения, сопутствующие выполнению действий в процессе удовлетворения потребностей или осуществления профессиональной деятельности.

Анатомические элементы характеризуются формой, величиной, положением, цветом, количеством, наличием, степенью симметрии и степенью выраженности конкретных элементов внешности. К ним относятся:

1) фигура. Характеризуется по критериям относительной величины (соотношение размеров), элементов фигуры (головы, конечностей, корпуса), а также по степени ее полноты (полная, средняя по полноте фигура, худощавая);

2) рост. Может отображаться в абсолютных и соответствующих относительных величинах: а) низкий — до 160 см; б) ниже среднего — от 160 до 165 см; в) средний — от 166 до 170 см; г) выше среднего — от 171 до 175 см; д) высокий — от 176 до 185 см; е) очень высокий — свыше 186 см;

3) кожа. Различают по виду (гладкая, морщинистая), по цвету (желтая, темная, белая, красная), по состоянию (жирная, сухая, воспаленная, угревая и т. д.). Кроме того, кожа может иметь образования различного происхождения (веснушки, родинки, бородавки, татуировки);

4) татуировки. Являются редким элементом кожи и изучаются по содержанию рисунка, надписи, почерковым признакам письменных знаков, положению, месту расположения, цвету, размеру, структуре штрихов;

5) голова. Выделяется относительная величина головы (большая, средняя, малая), форма (прямоугольная, ромбовидная, килевидная, трапециевидная и т. д.) (рис. 63);

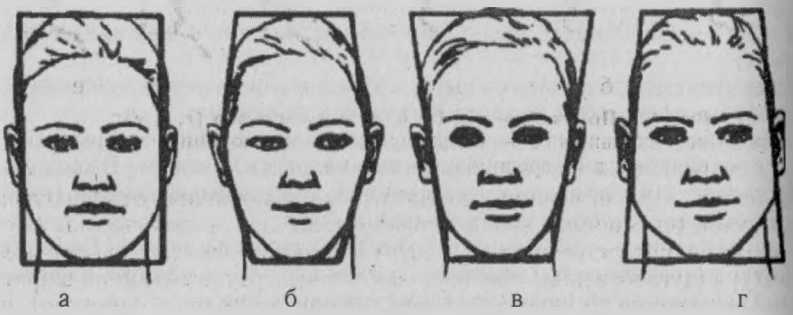


Рис. 63. Форма головы:
а — прямоугольная; б — ромбовидная; в — килевидная; г — трапециевидная

6) лицо в целом. Отмечаются его форма (треугольная, прямоугольная, круглая, овальная и т. д.), пропорции ширины и высоты лица (широкое, среднее, узкое), степень полноты лица (полное, среднее по полноте, худощавое) (рис. 64);

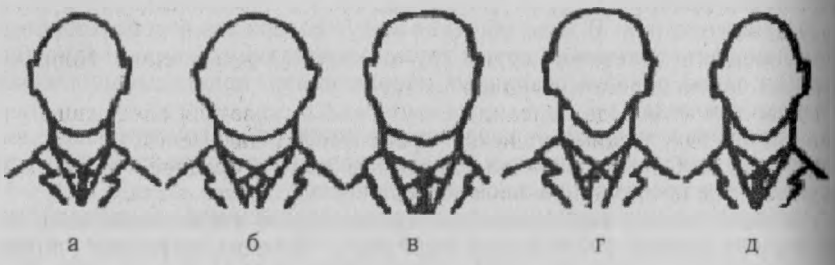


Рис. 64. Форма лица:
а — овальное; б — круглое; в — прямоугольное; г — треугольное; д — ромбовидное

7) волосяной покров на голове. Наиболее заметные признаки волос — их общий тон (темные, светлые), цвет (светло-русые, русые, темно-русые, рыжие, цвета соломы, седые и т. д.), конфигурация (прямые, волнистые, курчавые, вьющиеся), наличие и величина лысины (большая, средняя, малая) и ее местонахождение (лобная, теменная, затылочная), густота (густые, жидкие, средние) и длина волос (длинные, средние, короткие), вид прически (с правым, средним, левым пробором; волосы зачесаны

назад, набок, опускаются на лоб и др.) и стрижки («полька», «молодежная» и др.);

8) растительность на лице — усы, борода, бакенбарды;

9) лоб. При описании различают: наблюдаемое в профиль положение (лоб вертикальный, скошенный назад, редко — наклоненный вперед); относительная высота лба (высокий, средний, низкий); ширина лба (широкий, средний, узкий); форма лба (выпуклый, вогнутый, плоский) (рис. 65);

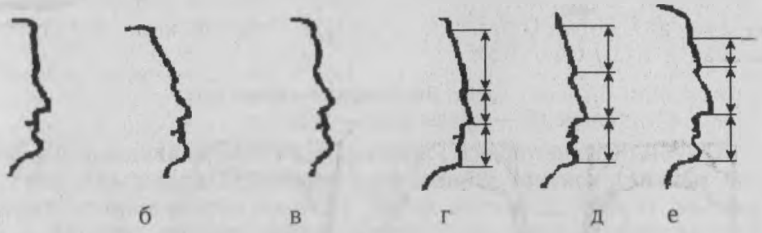


Рис. 65. Положение лба (а, б, в) и высота лба (г, д, е):
а — вертикальный; б — скошенный; в — наклоненный вперед;
г — высокий; д — средний; е — низкий

10) брови. При описании различают: по положению относительно горизонтали (скошенные внутрь, горизонтальные, скошенные наружу); расположению относительно друг друга (близко, далеко расставленные); по контуру (дугообразные, прямые, извилистые, треугольные); по ширине (широкие, средние, тонкие); по длине (длинные, средние, короткие); по цвету; по высоте (высокие, средние, низкие); по особенностям (сросшиеся, с большими кустистыми головками, со следами удаления волос, асимметрии по перечисленным признакам);

11) глаза. Чаще всего отмечают: тон и цвет радужины (светлые, темные, серые, голубые и т. д.); положение глаз (скошенные, внутрь, наружу; далеко, близко расставленные); выступание глазных яблок (выпуклые, впалые); контур (округлые, круглые, щелевидные, треугольные, миндалевидные); степень раскрытия (широко раскрытие, средне раскрытые, узко раскрытые);

12) веки. Различаются по положению неподвижной части. Подглазные мешки по форме и выраженности;

13) ресницы. В ходе описания могут просматриваться следующие варианты: густые, редкие, пушистые, крашеные, накладные и т. д.;

14) скулы. Обычно определяют контур лица в средней его части и различаются по степени выраженности (сильно, слабо выражены);

15) нос. В целом характеризуется следующими признаками: высотой (большая, средняя, малая), шириной (узкий, средний по ширине, широкий); степенью выступания (мало, средне, сильно выступающий нос);

16) рот. Отмечаются размеры рта (малый, средний, большой), контур ротовой щели (прямой, волнистый, ломаный), положение углов рта (приподнятые, опущенные, горизонтальные). Особо выделяются следующие типы ртов: приоткрытый, открытый, поджатый;

17) губы. В общем описании отмечают выступание губ (большое, среднее, отсутствует), высоту верхней губы (малая, средняя, большая), контур верхней губы (дугообразный, извилистый, прямой, нечеткий) и ширину каймы каждой из губ (суммарная или по соотношению ширины верхней и нижней губ — тонкие, средние, широкие губы) (рис. 66);

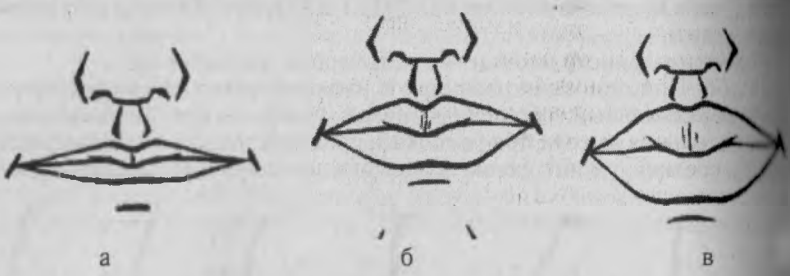


Рис. 66. Ширина каймы губ:
а — тонкие; б — средние; в — толстые

18) зубы переднего ряда. Рассматриваются по величине (большие, средние, мелкие), контуру зубного ряда (ровный, извилистый), цвету (белые, желтые, серые), дефектам зубов, наличию коронок (металлических — желтых, белых), расстоянию между зубами (частые, редкие);

19) подбородок. Изучается по высоте (малый, средний, большой), ширине (узкий, средний, широкий), контуру свободного края (круглый, квадратный, треугольный и т. д.), особенностям строения (раздвоенность, наличие и конфигурация ямки, складки). Положение подбородка наиболее наглядно при наблюдении в профиль (выступающий, вертикальный, скошенный);

20) ушные раковины. Отмечаются общие признаки — относительная величина (большие, средние, малые), положение (оттопыренные уши, средние по прилеганию, прилегающие), контур (круглые, треугольные, прямоугольные и т. д.);

21) шея. Характеризуется толщиной (толстая, средняя, тонкая), длиной (короткая, средняя, длинная) и некоторыми особенностями: степенью выраженности и относительным расположением складок кожи на шее (большая, малая); степенью выступания или выраженности «адамова яблока» (большой кадык, малый, незаметный);

22) плечи. Главными признаками плеч являются их относительная величина, или ширина (широкие, средние, узкие), форма (прямые, круглые), положение (приподнятые, горизонтальные, покатые), а также асимметрия перечисленных признаков;

23) туловище. Основной характеристикой туловища является его длина. Выделяют длинное, среднее, короткое туловище. Могут быть выделены особенности;

24) грудь. При наблюдении человека в профиль может быть отмечена форма груди (выпуклая, плоская). Также выделяют грудь по ширине (широкая, средняя, узкая);

25) живот. Описывают относительно уровня груди в профиль (средний — не выступает, большой — выступает);

26) спина. При наблюдении человека в профиль могут быть изучены форма спины (плоская, выпуклая) и ее положение (наклоненная вперед, вертикальная, отклоненная назад). В редких случаях могут быть отмечены наличие горба, его размеры (большой, средний, малый) и положение (вверху, внизу, справа, слева);

27) руки. Могут быть охарактеризованы по относительной длине (длинные, средние, короткие), толщине (толстые, средние, тонкие), по выраженности мышечного покрова (мускулистые, средние, неразвитые) и по особенностям (отсутствие руки или рук, протезы, парализованные и т. д.);

28) кисти рук. Характеризуются по длине (длинные, средние, короткие), по ширине (широкие, средние, узкие) и по особенностям (пухлые, костистые, мозолистые и т. д.);

29) пальцы. Различаются по длине (длинные, средние, короткие), по толщине (тонкие, средние, толстые) и по особенностям (искривленные, один или пальцы отсутствуют, наличие татуировки и т. д.);

30) ноги. Описываются по следующим признакам: относительная длина (длинные, средние по длине, короткие); толщина (толстые, средние по толщине, тонкие); форма анфас (О-образные, прямые, Х-образные); размеры стопы (большие, малые); положение стоп (развернутые, параллельные, косовнутренние («косолапость»);

31) ногти. Характеризуются по контуру (закругленные, прямоугольные, вытянутые), ширине (широкие, средние, узкие), цвету (матовые, розовые, грязные, желтые, черные), а также по особенностям и аномалиям ногтей (с большими валиками, искривленные, расщепленные, отсутствуют вообще и т. д.).

К *сопутствующим признакам* относятся производственные и отражательные признаки различных предметов одежды и мелких носильных вещей (элементов).

Предметы одежды и носимые предметы принято различать по виду и разновидности, назначению, размерам, материалу изготовления.

Особые приметы, т. е. приметы, индивидуализирующие личность по отдельным элементам и вычленяющие эту личность из большой группы опознаваемых объектов. Они относятся к анатомическим, функциональным, этноантропологическим или сопутствующим элементам и признакам и обладают особым качеством — выделять человека из большой группы людей по ярко выраженному признаку.

Как правило, к данным признакам относят: а) увеличенную либо уменьшенную форму какого-либо элемента; б) отсутствие части тела, элемента внешности; в) наличие шрамов, следов операций; г) аномалии, болезненные изменения (заикание, искривление пальцев); д) татуировки.

Отображение внешнего облика человека с помощью метода «словесного портрета»

Отображения внешнего облика человека принято делить на отображения объективные и субъективные. *Объективные отображения* — отображения, в основе которых наиболее четко и полно по сравнению с субъективными отображениями запечатлены элементы и признаки внешнего облика человека. Способами объективного отображения являются фотографирование, видеозапись, изготовление масок и слепков. *Субъективные отображения* образуются в результате взаимодействия внешнего облика человека с восприятием другого человека и сохраняются в его памяти в форме мысленного образа.

На основании мысленного образа могут быть получены описание внешнего облика и субъективный портрет человека. Описание внешнего облика — перечисление признаков внешности человека, которые зафиксировались в памяти.

Словесный портрет — криминалистический метод описания внешнего облика человека, выполняемый по определенным правилам, в порядке установленной очередности и с использованием специальной стандартизированной терминологии. При составлении словесного портрета придерживаются следующих правил:

1) внешность человека в целом, элементы и признаки описываются спереди (анфас) и сбоку (профиль);

2) элементы внешности описываются в следующей последовательности: а) общефизические — пол, возраст и пр.; б) анатомические — рост, телосложение, голова, шея, плечи, спина, грудь, живот, руки, ноги; в) функциональные — привычная поза, походка, мимика, жестикуляция, бытовые привычки и специальные навыки; г) сопутствующие — платье (пальто, костюм и пр.), головной убор, обувь, мелкие носильные вещи и т. п.; д) особые приметы. Элемент сначала описывается в целом, а затем по составляющим его частям;

3) при характеристике внешности придерживаются установленной стандартной методологии.

В современной криминалистической практике применяют четыре основных вида субъективных портретов: а) рисованные; б) композиционно-рисованные (составленные из фрагментов рисованных элементов); в) композиционно-фотографические (составленные из фрагментов элементов, выполненных фотографическим способом); г) гримирование статиста, сходного по внешнему облику с отождествляемым человеком.

Рисованные портреты выполняются с помощью принадлежностей, применяемых для рисования. Отличным от выполнения портретной живописи здесь будет то, что сам портрет будет выполнять специалист-художник или криминалист-художник, имеющий специальную подготовку по выполнению портретов со слов, а также обладающий знаниями закономерностей изменения внешнего облика человека.

Композиционно-рисованные портреты составляются из заранее заготовленных стандартных рисунков вариантов «элементов лица» (в соответствии с показаниями очевидцев). Получаемый при этом портрет выглядит рисованным.

Фотокомпозиционные портреты — «фотороботы» (или составленные синтетические фотопортреты) представляют собой композицию изображения человека из фрагментов фотоизображений различных лиц. В законченном виде фотокомпозиционные портреты, обычно представляющие лицо человека анфас, выглядят как обычные фотографические изображения.

Для изготовления композиционно-рисованных и фотокомпозиционных портретов широко применяются различные научно-технические средства.

В настоящее время получили распространение компьютерные программы («Фоторобот», «Портрет», «Faces»), с помощью которых на экране монитора «собирают» портрет из заранее заготовленных рисунков элементов лица.

Реконструкция лица по черепу (по методу М.М. Герасимова) предназначается для выявления внешнего облика человека при обнаружении его останков. При обнаружении черепа и разложившихся мягких тканей на основе закономерностей, характеризующих связи между костными останками и мягкими тканями головы, изготавливают скульптурный портрет — объемное изображение головы человека, выполненное по методу пластической антропологической реконструкции.

Судебно-портретная экспертиза

Предметом судебно-портретной экспертизы является исследование субъективных портретов и иных отображений внешности человека в целях установления по ним тождества или его отсутствия.

В ходе экспертизы чаще всего решается вопрос: одно и то же или разные лица изображены на представленных фотоснимках или иных субъективных отображениях внешнего облика человека. Иногда в целях экспертизы требуется провести диагностическое исследование, т. е. установить пол, возраст, расово-этническую принадлежность представленного на портрете человека. Результаты экспертизы используются при установлении лица, совершившего преступление, неопознанных трупов, свидетелей, потерпевших, обвиняемых, подозреваемых; фактов принадлежности документов их владельцам, а также для розыска преступников, пропавших без вести, и других лиц.

В ходе экспертизы изображений людей по фотопортретам решается задача отождествления человека, изображенного на представленных фотоснимках. На разрешение данного вида судебно-портретной экспертизы могут быть поставлены следующие вопросы: 1) одно или разные лица изображены на представленных фотоснимках; 2) не изображен ли на снимках один и тот же человек; 3) на каком из представленных фотоснимков изображен искомый человек.

В ходе экспертизы неопознанных трупов по их изображениям подлежит сравнению изображение головы трупа и фотографический портрет человека, сделанный при жизни. Задача исследования — идентификация сравниваемых объектов.

В ходе экспертизы прижизненных фото-, видеоизображений без вести пропавшего человека и черепа трупа неизвестного лица подлежит сравнению фото-, видеоизображение без вести пропавшего человека и череп трупа неизвестного человека. Задача исследования — отождествление личности по черепу трупа неизвестного человека и прижизненной фотографии без вести пропавшего. Данный вид экспертизы отвечает на вопрос, не принадлежит ли череп трупа неизвестного человека гражданину, изображенному на фотоснимках № 1, 2, 3.

Глава 7. Криминалистическая (судебная) фотография, видео- и звукозапись

§ 1. Криминалистическая (судебная) фотография

Криминалистическое значение применения фотографии

Криминалистическое значение применения фотографии состоит в том, что она позволяет: а) при проведении следственных действий зафиксировать (запечатлеть) объекты, их детали и обстоятельства, связанные с расследуемым событием; б) при проведении оперативно-розыскных действий получить данные о преступнике и совершаемых им криминальных действиях; в) при проведении экспертиз, связанных с уголовными делами, запечатлеть общий вид поступивших на исследование вещественных доказательств, выявить невидимые и слабовидимые признаки, получить изображения исследуемых объектов для их идентификации и иллюстрации выводов.

Научные основы фотографии

Фотография (от греч. *photos* — свет, *grapho* — рисую, пишу, т. е. рисование светом, светопись) — это совокупность методов получения стабильных во времени изображений предметов на светочувствительных слоях путем закрепления в них фотохимических изменений, возникающих под действием светового излучения, испускаемого или отражаемого объектом.

Современная фотография базируется на классическом методе получения светового изображения на светочувствительном слое, основой которого является галогенное серебро (наиболее распространенное — бромистое серебро), во взвешенном состоянии растворенное в желатине. Именно это соединение дает возможность аккумулировать в себе световые излучения, а затем при проявлении превратить их в видимое изображение, повысив чувствительность восприятия в десятки тысяч раз.

Принцип получения фотографического изображения схематически можно представить следующим образом; свет, отразившийся от объекта и несущий информацию о нем, проходит через объектив фотоаппарата в светонепроницаемую камеру и затем проецируется и аккумулируется на фоточувствительном слое фотоматериала.

Фотографический процесс проходит следующие стадии: 1) экспонирование (фотосъемка); 2) негативный процесс; 3) позитивный процесс. При негативном процессе скрытое изображение, возникшее в светочувствительном слое фотоматериала во время съемки, превращается в видимое изображение — негатив, в котором почернения обратны яркостям деталей объекта. Позитивный процесс — это совокупность операций, в результате которых с негатива получают позитивное изображение, отношение яркостей которого соответствует отношению яркостей объекта съемки.

Понятие и система криминалистической (судебной) фотографии

Криминалистическая фотография — одна из отраслей криминалистической техники, предметом которой является научно разработанная система видов, методов и приемов съемки, применяемых при проведении следственных действий, оперативных мероприятий и криминалистических экспертиз в целях расследования преступлений и представления в суд наглядного доказательственного материала.

Система криминалистической фотографии состоит из двух частей: *следственной фотографии (запечатлевающей)* и *экспертной фотографии (исследующей)*.

Виды, методы и приемы следственной (запечатлевающей) фотографии

Для последующей классификации следственной фотографии избраны следующие основания: а) по объекту (виду) съемки; б) по способу (методу) съемки (т. е. по способу практической деятельности при проведении съемки следственных действий, объектов и следов); в) по назначению судебного снимка (приемы съемки) (т. е. по запечатлению на фотоснимке определенного объема информации для решения определенных следственно-тактических задач).

Таким образом, следственная фотографии — это научно разработанная система видов, приемов, методов фотографической съемки, применяемых в процессе предварительного следствия для запечатления матери-

ных данных, имеющих доказательственное значение, и для исследования вещественных доказательств в оперативных целях.

Виды следственной фотографии: 1) фиксация отдельных следственных действий: осмотра места происшествия, следственного эксперимента, предъявления лиц или объектов для опознания, фотосъемка при производстве обыска и др.; 2) фотосъемка живых лиц и трупов; 3) фотосъемка отдельных предметов, следов ног (обуви), рук, транспортных средств, орудий, инструментов и др.; 4) фотосъемка документов и других объектов, которые попали в орбиту следствия.

Методы следственной фотосъемки. При производстве судебно-оперативной фотосъемки следователь запечатлевает объекты с одной, с двух и нескольких точек.

Основное внимание при производстве фотосъемки с одной точки направлено на то, чтобы не было перспективных искажений, а сами объекты выглядели так, как мы их обычно воспринимаем в действительности. При фотосъемке с двух противоположных точек необходимо соблюдать следующие правила: а) снимаемый объект (участок) должен располагаться на одной воображаемой линии; б) расстояние от центрального объекта (или группы) до снимающего должно быть равным; в) при съемке на местности угол наклона к фотографируемому объекту одинаковый. Фотосъемка с четырех точек предусматривает практически те же правила, что и съемка с двух противоположных точек. Добавляется только еще одно направление, и фактически съемка ведется по диагоналям квадрата или прямоугольника. Поэтому такую фотосъемку иногда называют «съемка конвертом».

В настоящее время разработан новый метод судебной фотографии — компьютерная сферическая панорама (КСП)[28], основанный на сочетании цифровой фотографии с компьютерными 3D технологиями, использование которого обеспечивает: 1) демонстрацию фотографий места происшествия в трехмерном изображении в целях упрощения восприятия обстановки места происшествия потерпевшими, свидетелями, судьями, присяжными заседателями и др.; 2) возможность виртуального перемещения по месту происшествия; 3) возможность виртуального обнаружения и детального осмотра обнаруженных следов преступления и объектов-носителей этих следов; 4) реализацию метода напоминания как этапа формирования показаний свидетеля; 5) проверку показаний подозреваемого (обвиняемого), полученных в ходе их допросов; 6) реконструкцию обстановки места происшествия и действий подозреваемого (обвиняемого) на месте происшествия в интересующий следствие период времени.

Для фотосъемки КСП используется зеркальный цифровой фотоаппарат (1), объектив типа «Рыбий глаз» (2), штативная головка с углом поворота по горизонтали 360° и уровнями (3), штатив (4) (рис. 67).

[28] Впервые в России технология создания и использования компьютерной сферической панорамы для раскрытия и расследования преступлений разработана на кафедре криминалистики Военного университета в 2006 г. Ю.К. Леоновым и С. А. Шапковым.

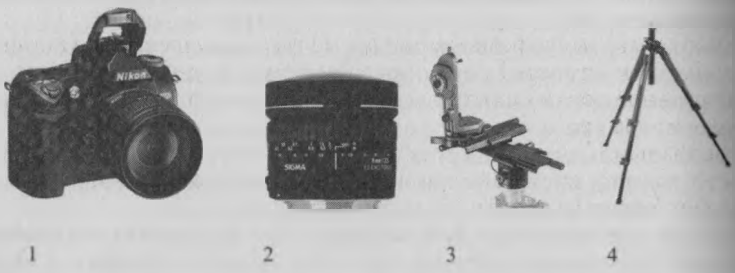


Рис. 67. Фотооборудование для изготовления круговых фотоснимков

Технология создания КСП места происшествия состоит в следующем:

1. При осмотре места происшествия производится фотосъемка круговой панорамы 360° (с использованием широкоугольного объектива типа «Рыбий глаз» с углом обзора 180°);

Фотографирование места происшествия производится с центра помещения (участка местности), при этом делается, как правило, два или три фотоснимка с углами поворота в горизонтальной плоскости соответственно 180° или 120°.

Внешний вид трех круговых (циркулярных) фотоснимков после фотосъемки для последующего изготовления компьютерной сферической панорамы места происшествия показан на рис. 68.

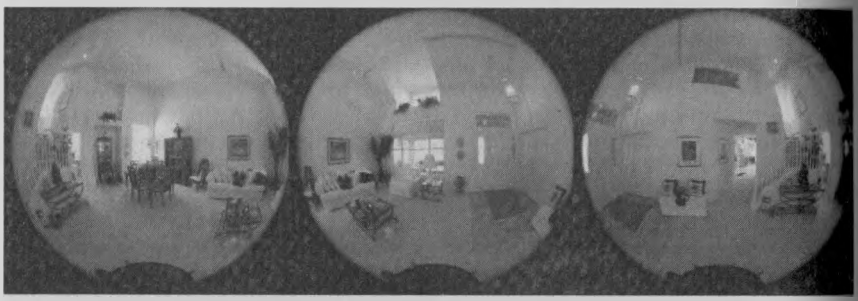


Рис. 68. Внешний вид круговых фотоснимков перед компьютерной обработкой

2. Дальнейшее изготовление компьютерной сферической панорамы включает в себя два последовательных этапа:

а) первый этап — «сшивание» двух (трех) круговых фотоснимков в единую компьютерную сферическую панораму на плоскости с использованием компьютерной программы «Stitcher» («Сшиватель») SP-ST (Spherical Panorama inc.) (см. рис. 69, на котором представлена компьютерная сферическая панорама на плоскости «Учебного места происшествия по делу о разбое»);

б) второй этап — подготовка изготовленной компьютерной сферической панорамы для показа в обозревателе с помощью построителя виртуальных мест осмотра Virtual Tour Builder SP-VTB (Spherical Panorama inc.).

Особенностью второго этапа является возможность:

1) включения в определенное место компьютерной сферической панорамы ориентирующего, обзорного, узлового и детального фотоснимков

в соответствии с материалами уголовного дела (протокола осмотра места происшествия);

2) виртуального перемещения по месту происшествия (помещению или участку местности) для осмотра его с различных сторон, не только с центральной точки осмотра, но и из других необходимых следователю точек осмотра (рис. 71—73);

3) вербального описания следов и вещественных доказательств, которое «всплывает» на экране компьютера при наведении курсора «мыши» на значок следа (рис. 74);

4) включения в компьютерную сферическую панораму перед началом виртуального осмотра места происшествия с определенной точки видеофрагмента процесса осмотра конкретных элементов обстановки места происшествия, который производился непосредственно во время реального осмотра места происшествия;

5) звукового дикторского «сопровождения» различных следов, включенных для просмотра в компьютерную сферическую панораму;

6) включения в компьютерную сферическую панораму в качестве поясняющего элемента схемы (плана) места происшествия и привязки ее к точке осмотра (рис. 70).

Рис. 69. Компьютерная сферическая панорама 360° места происшествия, представленная на плоскости

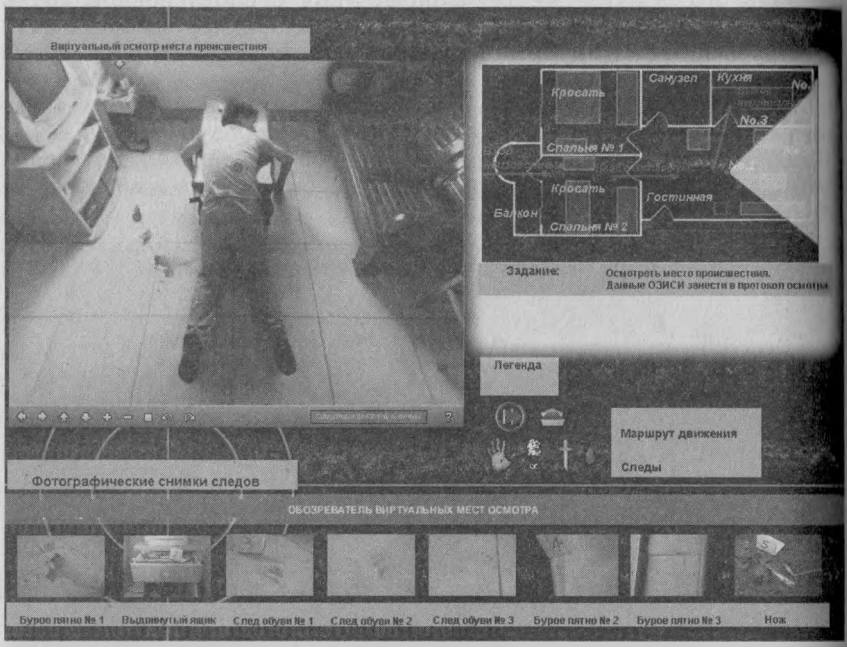


Рис. 70. Внешний вид программы обозревателя виртуальных мест осмотра с компьютерной сферической панорамой места происшествия Crime Scene Virtual Tour (CSVR crime-scene-vr)

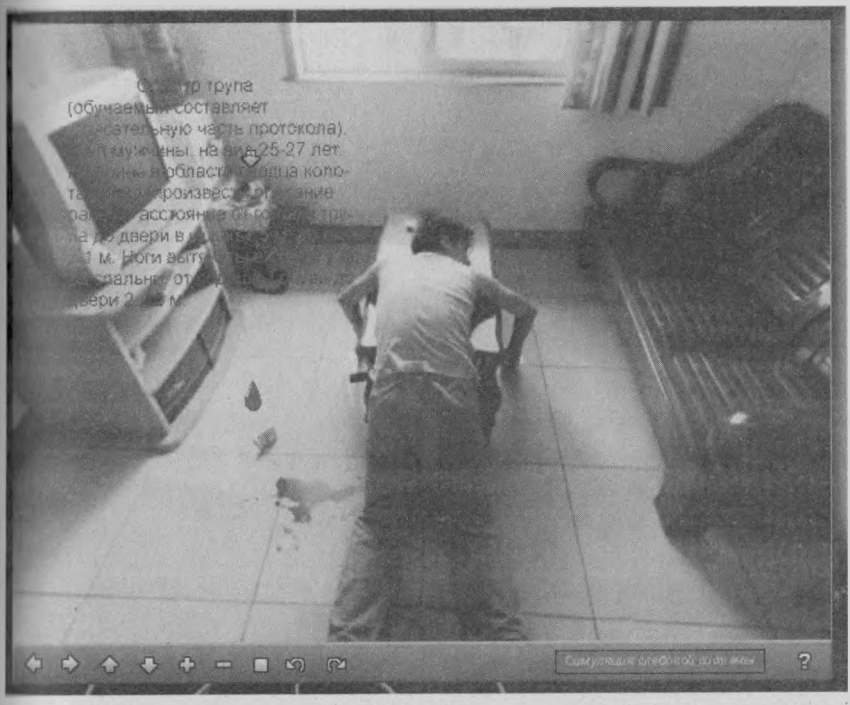


Рис. 71. Осмотр комнаты из ее центра. Вид на труп

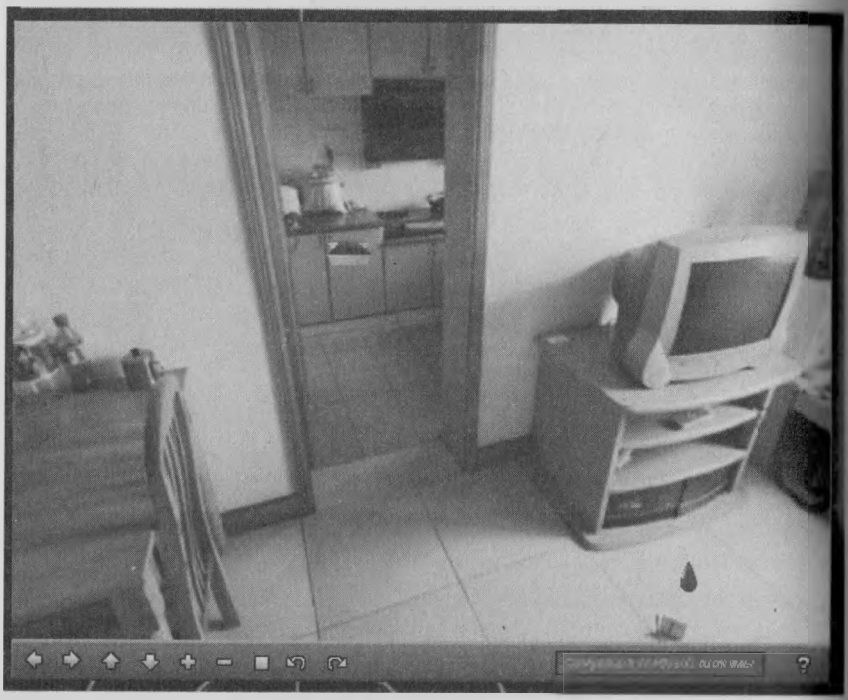


Рис. 72. Осмотр комнаты из ее центра. Поворот влево на 45°. Вид на кухню

Рис. 73. Осмотр комнаты из ее центра. Поворот на 180°. Вид на вход в смежные комнаты (спальня № 1, спальня № 2)

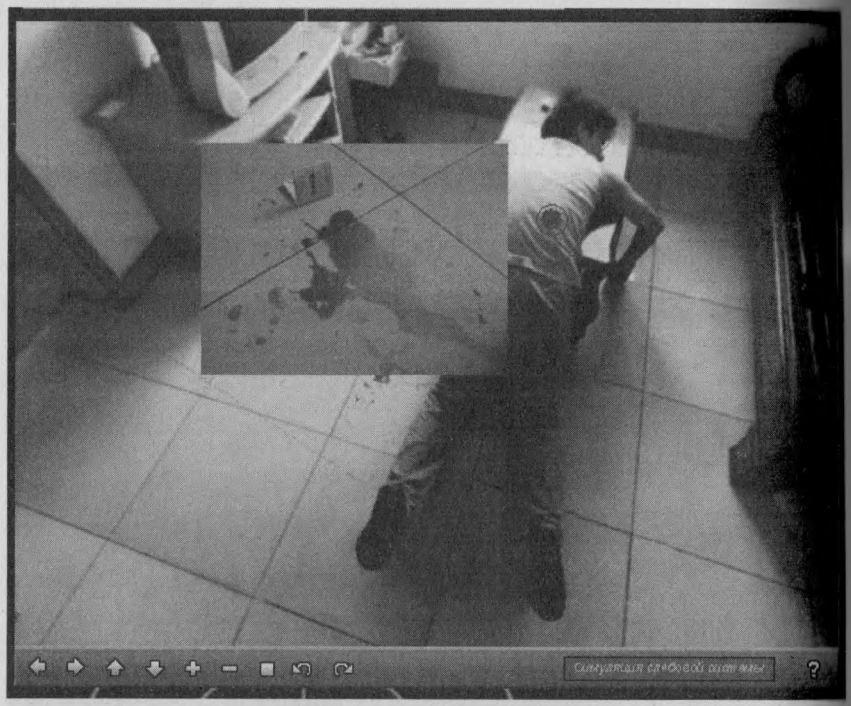


Рис. 74. Детальный фотоснимок следа, обнаруженного на месте происшествия. Снимок демонстрируется при наведении стрелки «мыши» на значок, обозначающий конкретный след

Другим методом судебной фотографии является *панорамная фотосъемка (фотография)*, т. е. метод получения фотоснимка с измененным соотношением между сторонами фотокадра за счет увеличения его в длину (панорама может быть горизонтальной, вертикальной и наклонной).

Панорама может быть круговой или линейной. Разновидностью первой будет секторная панорама. Круговая и секторная панорама снимается с одной точки поворотом фотоаппарата (при необходимости запечатлеть объекты и местность вокруг) (рис. 75).

Линейная панорама снимается перемещением фотоаппарата вдоль снимаемого объекта, при этом расстояние до снимаемого объекта должно быть постоянным, а оптическая ось перпендикулярна плоскости объекта (рис. 76).

Для того чтобы не оказалось незафиксированных участков объекта на фотоснимках, необходимо при съемке «перекрывать» примерно на 10 % один кадр другим. Линейной панорамой рекомендуется снимать плоское изображение. Секторная панорама удобней, например, для съемки поворота дороги, когда фотоаппарат располагается на одной точке внутри этого поворота.

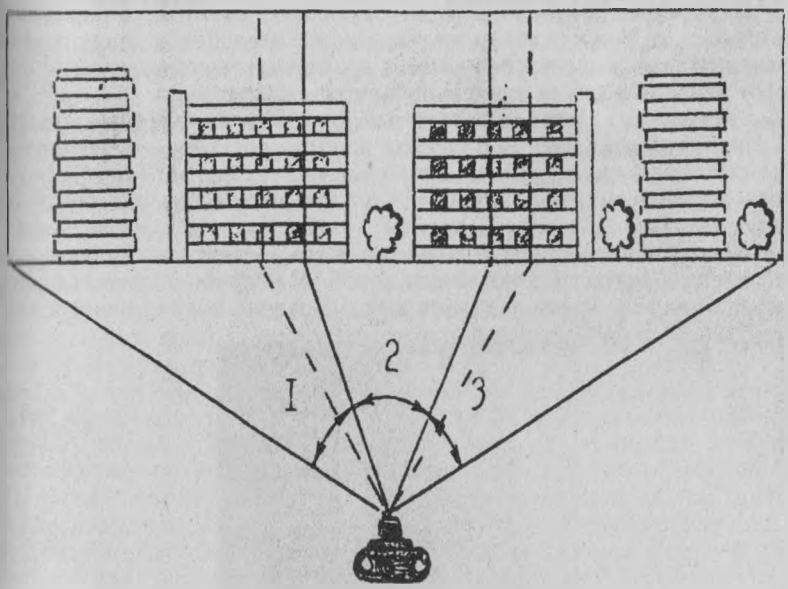


Рис. 75. Схема секторной панорамной фотосъемки

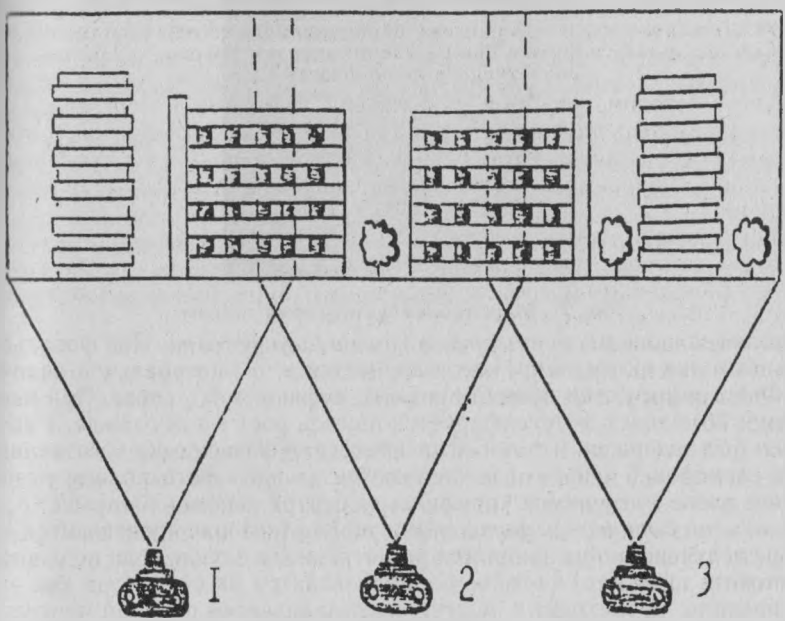


Рис. 76. Схема линейной панорамной фотосъемки

Стереоскопическая фотография дает возможность запечатлеть участок местности с объектами (или отдельные сложные объекты) объемные, т. е. так, как мы их видим в действительности двумя глазами.

Измерительная фотосъемка дает возможность определять по фотоснимку действительные размеры объектов и следов.

Измерительная фотосъемка с масштабной линейкой (масштабная фотосъемка) (рис. 77). Основа данного способа — получение на фотоснимке непосредственно с объектом масштаба в виде линейки. При производстве съемки необходимо: уложить масштаб в плоскости снимаемого объекта. Плоскость пленки в фотоаппарате должна быть параллельна плоскости следа, а оптическая ось — перпендикулярна плоскости следа и проходить через его центр. Масштабная линейка располагается в кадре «с краю», миллиметровыми делениями в сторону объекта.

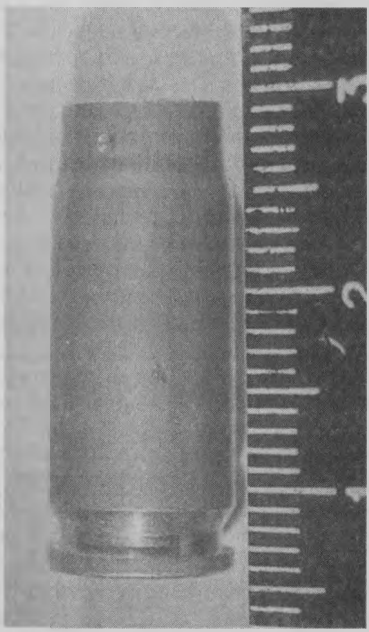


Рис. 77. Масштабная фотография гильзы

Опознавательная фотография (сигналитическая). При фотосъемке живых лиц фотоснимок изготавливается в $^1/_7$ натуральной величины. Фотографируются правый профиль, анфас и в $^3/_4$ слева. При необходимости человек фотографируется во весь рост в той одежде, в которой он был задержан, и т. п. Сигналитические фотоснимки изготавливаются размером 6 х 9 см и наклеиваются на одну фототаблицу рядом, причем слева фотоснимок «профиль», в центре «анфас» и справа $^3/_4$.

При сигналитической фотосъемке трупа (которая производится для его последующего опознания или регистрации, в случае если не удалось установить личность) фотосъемка производится на столе (так как это, как правило, происходит в морге), изготавливается поясной портрет в $^1/_7$ натуральной величины. Фотографируются «правый профиль», «$^3/_4$ справа», «анфас», «$^3/_4$ слева», «левый профиль». При необходимости пе-

ед фотосъемкой производят «туалет трупа», (это не исключает обязательной съемки с повреждениями, т. е. в том виде, в каком труп обнаружен). Недопустимо (если неизвестно, в какой одежде был обнаружен труп), одевать его во что-либо «случайное». Освещение не должно давать глубоких теней и искажать внешний вид трупа.

При всех видах сигналитической съемки необходимо, чтобы волосы не закрывали ушную раковину и фотосъемка производилась без головного убора. Исключение составляет съемка задержанного лица, когда его фотографируют в той одежде, в которой оно было задержано.

Макрофотография — это производство фотосъемки криминалистических объектов в натуральную величину или с увеличением (как правило, не более 10—20-кратного). Макрофотография может производиться стационарными длиннофокусными фотоаппаратами либо обычным фотоаппаратом с применением удлинительных насадочных колец.

Удлинительные кольца навинчиваются на фотоаппарат на место объектива, а в них ввинчивается штатный объектив. Комплект имеет три кольца различной высоты (8, 16, 25 мм) и таким образом в сумме можно получить дополнительно еще одно фокусное расстояние, т. е. превратить штатный объектив из 50-миллиметрового в 100-миллиметровый.

Цветная фотография — способ фиксации криминалистических объектов в цветном изображении. Одним из основных требований при проведении цветной фотосъемки на предварительном следствии и в экспертной практике является применение нейтрально-серой шкалы (может быть в виде линейки или круга), которая фотографируется рядом с цветным объектом, и учет контраста криминалистических объектов, съемка которых производится на цветные фотоматериалы.

Цифровая фотография — способ фиксации криминалистических объектов, при котором фотохимические процессы получения изображения заменены электромагнитными. Однако качество цифровой фотографии пока еще остается ниже качества обычной 35-миллиметровой фотографии.

Приемы следственной фотографии. По объему информации, запечатленной на фотоснимках, их можно классифицировать следующим образом: а) ориентирующие; б) обзорные; в) узловые; г) детальные.

Ориентирующие фотоснимки содержат изображение места происшествия и прилегающего участка (рис. 78). Эти фотоснимки дают возможность уяснить положение места происшествия среди окружающих его объектов, как бы сориентироваться на местности.

Рис. 78. Ориентирующая фотография

Обзорные фотоснимки — это снимки, на которых запечатлено непосредственно само место происшествия (рис. 79). Границы фотоснимка должны примерно совпадать с границами места происшествия.

Рис. 79. Обзорная фотография

Узловая фотосъемка — это фиксация группы объектов, отдельных предметов или следов на месте происшествия, наиболее важных для расследуемого преступления (рис. 80).

Рис. 80. Узловая фотография

Детальная фотосъемка — это фиксация отдельных (как правило, небольших) объектов или следов, на этих объектах, т. е. это запечатление деталей обстановки места происшествия (рис. 81).

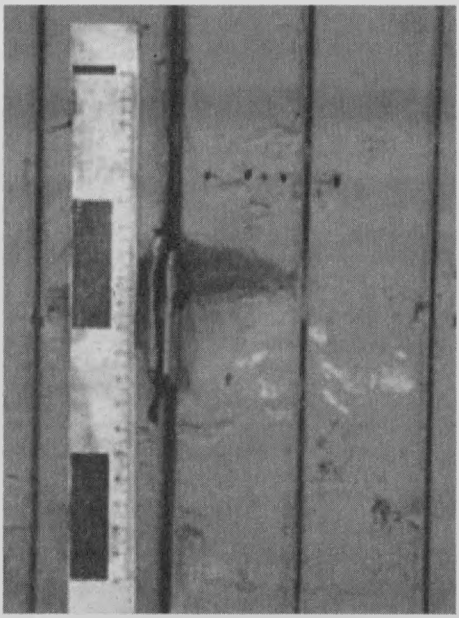


Рис. 81. Детальная фотография

Виды, методы и приемы экспертной (исследовательской) фотографии

Под экспертной фотографией понимается научно разработанная система видов, методов фотосъемки, применяемая при производстве криминалистических экспертиз в целях запечатления объектов, следов и отдельных признаков для их сравнения в ходе исследования, иллюстрации заключения эксперта, а также для выявления невидимых и слабо видимых признаков.

Многие объекты, фигурирующие в следственной фотографии, методы, приемы используются также и в экспертной фотографии. Но есть и специфические методы, свойственные только экспертной фотографии.

При проведении экспертиз могут применяться следующие методы фотосъемки:

Микросъемка — метод получения фотоизображения с помощью микроскопа, соединенного с фотоаппаратом, или с помощью специальных микрофотоустановок.

Контрастирующая, цветоделительная, фотография (увеличение контраста). Основная задача — разделение очень близких по окраске объектов в целях выявления предметов, их дифференциации и анализа.

Цветоразличение — фотографическое отделение от фона и преобразование слабовидимого (или невидимого) различия оттенков (цвета) оригинала в более яркое, видимое.

Цветовой контраст. Первичное усиление осуществляется подбором светофильтров и источников освещения. Для ослабления в позитиве цвета изображения используется светофильтр того же цвета, который необходимо ослабить, для усиления — фильтр дополнительного цвета. Для ослабления цветового контраста необходимы материалы, чувствительные к данному цвету, для усиления, наоборот, малочувствительные к данному цвету.

Съемка при особых условиях освещения. В основном это выявление рельефной поверхности с помощью теневой съемки и выявление бесцветных пятен, следов, штрихов и т. д. за счет зеркального или рассеянного отражения (съемка рефлектирующих следов).

Съемка в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах. Фотосъемка в ультрафиолетовых лучах, с помощью ультрафиолетовых осветителей, позволяет выявить и сфотографировать обычным фотоаппаратом, на обычных черно-белых фотоматериалах следы травления, неоднородные материалы документов и неоднородные красители (которые при обычном освещении воспринимаются как однородные), инородные волокна, пятна и др.

Действие инфракрасных лучей, например проникновение их через «залитые» тексты, можно запечатлеть при фотосъемке через электронно-оптический преобразователь.

Рентгенорадиография. Это метод получения изображения в результате просвечивания объекта рентген-лучами, гамма- и бета-лучами. Данный метод съемки применяется при исследовании внутреннего устройства и состояния боевых частей огнестрельного оружия, деталей замков (жесткие коротковолновые рентген-лучи); выявления текстов, написанных невидимыми чернилами, содержащими соли тяжелых металлов.

В спектрографии для фотосъемки результатов спектрального анализа используются специальные (спектральные) фотопластинки, обладающие высокой разрешающей способностью.

Цветная фотография при проведении экспертных исследований применяется в тех случаях, когда цвет является иллюстрацией процесса исследования, выявления и фиксации невидимого цветного изображения, иллюстрацией достигнутых экспертом результатов.

Голографические методы съемки используются в настоящее время как для фиксации, так и для исследования криминалистических объектов. Если на проявленную голограмму направить луч лазера, то в пространстве возникает объемное изображение зафиксированного объекта, содержащее полную информацию о нем.

Наиболее широко голографические методы сейчас используются в криминалистическом исследовании документов для различения штрихов графитных карандашей, синих копирок, черных и синих чернил посредством цветоделительной съемки, а также для прочтения залитых, зачеркнутых, замазанных записей и оттисков, восстановления вытравленных, «угасших», смытых текстов, выявления дописок и других изменений в документах посредством лазерной люминесценции.

Таким образом, назначение экспертной фотографии можно определить решаемыми ею задачами: иллюстрация проводимого сравнительного ис-

следования, выявление маловидимого и невидимого, наглядное подтверждение фотографиями заключения эксперта.

Процессуальное закрепление и оформление фотосъемки при расследовании преступлений

Результаты фотосъемки могут быть использованы в уголовном деле лишь при надлежащем процессуальном их оформлении. В протоколах следственных действий, в ходе которых применялась фотосъемка, должны быть отражены следующие сведения: 1) применение фотографических средств (тип аппарата, вид объектива, марка светофильтра, используемый фотоматериал, осветители и др.); 2) объекты фотографирования; 3) условия, порядок и методы фотографирования, характер освещения, время съемки, указание на плане или схеме места происшествия, точек съемки; 4) о полученных результатах (когда это требуется).

Приобщаемые к протоколу фотоснимки следует оформлять в виде фототаблиц. Под каждым снимком необходимо ставить номер и давать краткую пояснительную надпись. Каждый снимок скрепляется печатью следственного органа (при этом одна часть оттиска печати располагается на краю фотоснимка, а другая — на бумаге таблицы). Фототаблицы должны иметь заголовки, в которых отмечается, к протоколу какого следственного действия они прилагаются, и указывается дата его проведения. Для подтверждения достоверности снимков они заверяются подписью следователя и подписью лица, производившего фотографирование (при возможности подписями понятых и участников следственных действий).

Фототаблицы (и негативы в пакете с аналогичной пояснительной надписью) как приложения к протоколу подшиваются в уголовные дела вместе с протоколом следственного действия. О применении фотосъемки при производстве криминалистической экспертизы указывается в исследовательской части заключения эксперта, где также указываются вид фотосъемки и основные ее условия.

Фотоснимки, прилагаемые к заключению эксперта, также оформляются в виде фототаблиц. Под каждым снимком дается краткая пояснительная надпись.

§ 2. Применение видео- и звукозаписи в криминалистической деятельности

Криминалистическое значение применения видео- и звукозаписи

Решение следователя о необходимости применения видео- и звукозаписи обусловливается в первую очередь следующими обстоятельствами: а) наиболее объективно зафиксировать и сохранить данные, полученные в ходе следственного действия; б) обеспечить наглядность хода и результатов следственного действия.

Криминалистическое значение применения видео- и звукозаписи состоит в том, что она позволяет:

1) передать эмоциональную окраску голоса и жестов человека, его реакцию на те или иные вопросы следователя, что формирует внутреннее убеждение лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда при вынесении решения по делу;

2) объективно фиксировать те данные, которые могли быть просто не замечены при проведении следственного действия и составлении

протокола и не зафиксированы в нем. Последующим просмотром, правильно процессуально оформленным, следователь может добыть доказательства, которые были бы безвозвратно утеряны, если бы он ограничился обычной письменной формой фиксации;

3) обоснованно сослаться при составлении обвинительного заключения на сведения, которые допрашиваемый сообщил, проговорившись, в случае, если впоследствии он не желает подписывать протокол, в котором они изложены;

4) дисциплинировать участников следственного действия, оказывая на них определенное психологическое воздействие, предупреждая возможность подвергнуть сомнению ход и результаты следственного действия;

5) суду достоверно выяснить действительные обстоятельства добывания доказательств, объективно подтвердить добросовестность следователя.

Есть и иные случаи, когда оправдано применение видео- и звукозаписи. Так, при допросе лиц, в отношении которых имеются основания предполагать, что они не смогут принять участие в судебном разбирательстве либо попытаются уклониться от явки в суд, следователь должен принять меры к техническому фиксированию их показаний. Это лица: а) проходящие военную службу в районах вооруженного конфликта; б) проживающие в отдаленных районах; в) убывающие на длительный срок за границу; г) потерпевшие по делам об изнасиловании или иных преступлениях, затрагивающих интимные сферы жизни; д) находящиеся в угрожающем жизни состоянии; е) являющиеся свидетелями, давшими показания, уличающие обвиняемого в совершении преступления, но могущими изменить их или отказаться повторить на суде в присутствии иных лиц.

Нелишне применение видеозаписи в ходе проведения следственных действий с участием переводчика: при допросе иностранцев, глухонемых технические средства позволят зафиксировать не только правильность сделанного перевода, но и сами показания в оригинале. Необходимо использование звукозаписи при допросе слепых.

Воспроизведение фонограммы и видеозаписи неграмотному или малограмотному лицу убедит его в том, что показания его будут записаны правильно, без искажений. Это впоследствии может предотвратить попытки таких лиц сослаться на недостоверность записей и невозможность лицу самому проверить их правильность при подписании протокола.

Запись показаний несовершеннолетних и малолетних, во-первых, способствует правильному пониманию их речи, особенности которой зачастую делают ее трудной для восприятия; во-вторых, ввиду того, что несовершеннолетние легко поддаются постороннему внушению, это поможет либо предотвратить изменение их показаний в будущем, либо правильно оценить первоначальные и последующие показания. При проведении следственных действий с участием лиц, психическое состояние которых вызывает сомнение, видео- и звукозапись позволит правильно отразить и зафиксировать в протоколе их зачастую малопонятную и тяжелую для нормального восприятия речь. Запись сведений, полученных от этой категории лиц, на магнитном носителе способствует правильной фиксации их в протоколе, а затем и полному, всестороннему и объективному расследованию.

Научные основы записи звука и изображения на магнитной ленте

Процессы звуко- и видеозаписи основаны на сходных физических принципах. При магнитофонной записи звуковые колебания, попадая в микрофон, воздействуют на его мембрану и преобразуются в соответствующие электрические сигналы. Эти сигналы усиливаются и направляются к записывающей головке магнитофона. Мимо головки с определенной скоростью движется магнитная лента, магнитный слой которой воспринимает электромагнитный сигнал, излучаемый головкой, и сам намагничивается, сохраняя информацию. Процесс воспроизведения проходит в обратной последовательности: магнитная лента, проходя мимо звукоснимающей головки, наводит электромагнитные сигналы в соответствии с записанной на ленту информацией. После усиления сигнал поступает в громкоговорители, мембраны которых воспроизводят записанные ранее звуковые колебания.

Запись изображения на магнитную ленту имеет сходную с записью звука физическую природу. При этом, изображение объекта преобразуется в электросигналы с помощью специального видеопреобразующего электронно-оптического устройства.

Порядок и правила записи и воспроизведения звука и изображения

Полностью переносить на судебную видеосъемку классификации судебной фотографии необоснованно. Однако некоторые параллели при этом можно проследить.

1. По видам снимаемых объектов — это съемка отдельных следственных действий: осмотра места происшествия, следственного эксперимента, предъявления для опознания, допроса и др.

2. По объему запечатлевающей информации в видеофильме предусмотрен общий, средний, крупный план и план-деталь. Это в основном соответствует ориентирующей, обзорной, узловой и детальной фотосъемке.

Съемка каждого кадра может быть осуществлена не только в разных планах, но и различными техническими приемами. Наиболее распространенными из них являются: а) съемка с одной точки неподвижной камерой — статический кадр; б) съемка с одной точки движущейся камерой — панорамирование; в) съемка неподвижной камерой в движении — наезд, отъезд, укрупнение и т. д.

Съемку неподвижной камерой с одной точки используют для показа объектов общим планом, когда в кадре имеется относительно интенсивное движение. Статический кадр удобен также для съемки крупных планов и деталей.

Панорамной называется съемка, в процессе которой установленная на штативе камера поворачивается в горизонтальной или вертикальной плоскости на некоторый угол. Камеру следует поворачивать плавно и медленно, так, чтобы поворот на 90° происходил примерно за 15 секунд или, по крайней мере, не медленнее скорости самого действия.

Съемка может также производиться неподвижно закрепленной камерой, установленной на тележке или автомашине и двигающейся параллельно снимаемому объекту либо под углом к нему. Съемка с приближением к объекту называется съемкой «в наезд», а съемка удаляющейся от объекта камерой — «в отъезд».

Если камера движется за объектом со скоростью, равной скорости движения объекта, то производится «съемка с сопровождением объекта».

Современная видеокамера оснащена объективом с переменным фокусным расстоянием (трансфокатором). Ей удобно производить так называемую съемку «с укрупнением». Для этого при съемке изменяют фокусное расстояние объектива в сторону увеличения, что и вызывает укрупнение масштаба изображения. Этот прием очень удобен для фиксации следов на предметах, так как он позволяет одновременной съемкой показать расположение следов на предмете и их групповые и индивидуальные признаки, не меняя точки съемки.

При смене точек съемки и выборе способа съемки для каждой точки необходимо правильно сочетать направление перемещения камеры при съемке с направлением движения внутри кадра. По общему правилу камера должна двигаться в ту же сторону, в которую перемещаются двигающиеся в кадре объекты. При перемене точки съемки камера должна двигаться навстречу направлению движения в предыдущем кадре.

Действие может быть как очень кратковременным (прыжок, столкновение, удар), так и, напротив, очень длительным. В таких случаях могут быть использованы специальные приемы — ускоренная или замедленная съемка.

Применение звуко- и видеозаписи как средств фиксации хода и результатов процессуальных действий

Как свидетельствует практика, чаще всего видеозаписывающие устройства применяются в ходе проведения следственного эксперимента, предъявления для опознания, осмотра места происшествия и обыска.

Видеосъемка следственного эксперимента. Следственный эксперимент может производиться для установления возможности совершения определенных действий в данных условиях, для проверки возможности достижения известных результатов при действиях в заданных условиях либо для проверки возможности восприятия известных данных о фактах в условиях конкретной обстановки.

Видеосъемка следственного эксперимента должна запечатлеть: исходные данные и обстановку, в которой производятся экспериментальные действия; сами опытные действия; результаты экспериментальных действий; возможность восприятия как самих действий, так и их результатов в заданных условиях.

Весь эксперимент должен быть разбит на этапы, каждый из которых будет представлять собой часть подлежащего видеосъемке действия.

Неоднократность повторения опытных действий обязывает следователя фиксировать все варианты хода и результатов экспериментальных действий в зависимости от изменения условий. Для того чтобы не утяжелять восприятие фильма повторением одинаковых действий, следует подробно снять их первый вариант, а потом фиксировать только те изменения условий, способа действий и результатов, которые выясняются при повторных опытах, не показывая снова часть эксперимента, оставшуюся неизменной. Путем изменения масштаба изображения необходимо выделить при видеосъемке те условия или предметы обстановки, которые оказывают существенное влияние на ход и результаты эксперимента.

Снимая эксперимент на установление возможности зрительного восприятия определенных данных, следует особенно тщательно определять положение точек видеосъемки, строго соблюдать диктуемые обстановкой условия видеосъемки, а также рассчитывать скорость, расстояние и

время взаимного перемещения объектов видеосъемки и камеры, чтобы не выпускать объекты из кадра.

В некоторых случаях видеосъемкой фиксируют хронометрируемые действия, связывая полученные результаты с затраченным временем. Для запечатления сложных действий или быстро протекающих процессов удобно применять ускоренную видеосъемку, оговорив изменение частоты видеосъемки в протоколе следственного действия.

Правила и приемы видеосъемки следственного эксперимента в значительной степени применимы и к проверке показаний на месте.

Видеосъемка предъявления для опознания. Основную процессуальную особенность предъявления для опознания составляет неповторимость данного следственного действия. Поэтому применение видеосъемки при предъявлении для опознания должно быть подготовлено особенно тщательно, чтобы исключить возможность неудачи по техническим причинам.

Если при видеосъемке следственного эксперимента или проверке показаний на месте основное внимание сосредоточивается на фиксации действий и их результатов, то при видеосъемке предъявления для опознания (особенно в отношении опознания живых лиц) весьма существенное значение приобретает фиксация подготовительной стадии, обстановки, в которой производится следственное действие, т. е. тех условий, при которых происходит акт опознания.

Практически видеосъемка при производстве предъявления для опознания производится в два этапа. На первом этапе фиксируются действия, непосредственно предшествующие предъявлению для опознания, предметы, в числе которых будут предъявляться опознаваемые вещи. Второй этап видеосъемки предъявления для опознания начинается с момента вызова опознающего лица и фиксирует процедуру опознания. Здесь очень удобно использовать одновременную видеосъемку двумя видеокамерами, так, чтобы одна из них все время снимала участников общим планом, а вторая могла бы в это время крупным планом запечатлеть опознающего в момент опознания им конкретного лица, а затем выделить приметы и признаки, по которым было проведено опознание.

При опознании по динамическим признакам фиксируются видеосъемкой походка, жесты, мимика и др.

Видеосъемка осмотра места происшествия и обыска. При осмотре места происшествия видеосъемку следует использовать, когда: 1) воспринимаемая следователем обстановка в силу непреодолимых причин может измениться до того, как будет изучена и зафиксирована надлежащим образом; 2) место происшествия занимает значительную площадь и имеет ряд взаимосвязанных механизмом происшествия пунктов; 3) расследуемое событие к моменту начала осмотра еще не закончилось; 4) место происшествия представляет собой компактный, но трудно поддающийся описанию объект и т. п.

Иными словами, видеосъемку при осмотре места происшествия следует применять тогда, когда смысл расследуемого события, механизм происшедшего легче понять из показа, чем из описания.

Поскольку фильм прилагается к протоколу осмотра места происшествия, целесообразно вести видеосъемку в том же порядке, в котором будет производиться осмотр. Обычно и осмотр, и видеосъемка ведутся по общему правилу — «от общего к частному». Но от этого правила

возможны отклонения, диктуемые конкретными условиями обстановки осматриваемого места происшествия.

При производстве обыска видеосъемку следует применять только тогда, когда существенное значение для дела могут иметь не только сам факт обнаружения искомых предметов, но их количество, ассортимент и способ хранения, поведенческие реакции лиц, у которых проводится обыск.

С помощью видеосъемки можно запечатлеть добровольную выдачу искомых вещей, если эти вещи хранились в специальных тайниках или укрытиях. Хорошие результаты дает применение видеосъемки для фиксации устройства тайников, способов их открытия и маскировки.

Процессуальное оформление хода и результатов звуко- и видеозаписи

Убедившись непосредственно перед началом следственного действия в том, что выполнены все аспекты его подготовки, следователь (специалист) включает магнитофон (видеокамеру) на «запись», после чего следователь на основе составленного сценария действует в следующем порядке:

1) представляется, называя свою фамилию и должность;

2) разъясняет, какое следственное действие, на основании каких статей уголовно-процессуального закона выполняется;

3) называет место, время, при необходимости — погодные условия начала выполнения следственного действия;

4) называет лицо, которое будет давать показания, его процессуальное положение, убеждается в его личности;

5) уведомляет о применении звукозаписи (видеосъемки), иных технических средств и называет их характеристики;

6) называет состав участников, убеждается в их личности, предлагая каждому назвать себя, выясняет предусмотренные законом данные о них, разъясняет им права и обязанности, предупреждает об ответственности, задает им контрольные вопросы о том, насколько им понятны разъяснения следователя. Первыми выясняются данные обвиняемого, подозреваемого либо свидетеля, после чего — специалиста, понятых, переводчика, защитника и иных лиц. Здесь же выясняется следователем вопрос об отводах участников следственного действия;

7) при допросе подозреваемого, обвиняемого разъясняет, в совершении какого преступления лицо подозревается (обвиняется), выясняет, признает ли оно себя виновным, понятны ли предъявленное обвинение и разъясненные права, имеются ли у него заявления и ходатайства в связи с этим;

8) предлагает дать показания по делу, продемонстрировать те или иные обстоятельства;

9) по ходу следственного действия в случае необходимости уточняет даваемые участниками показания, ставит контрольные вопросы;

10) если в ходе следственного действия возникает необходимость сделать перерыв в записи (например, для замены пленки), сообщает о причинах перерыва, времени остановки записи, а по окончании перерыва — о времени ее возобновления. При перерыве в записи следственное действие также приостанавливается на тот же срок — нельзя делать выборочную магнитную запись следственного действия;

11) по окончании следственного действия прерывает запись, полностью воспроизводит участникам следственного действия фонограмму (видеофильм) и при включенной записи предлагает сделать свои заявления по поводу прослушанного (увиденного);

12) прерывает запись и составляет протокол следственного действия;
13) знакомит участников следственного действия с протоколом, после чего вновь включает запись и предлагает сделать замечания по поводу составленного протокола и записи фонограммы или видеофильма. После того как все замечания сделаны и протокол подписан, запись выключается.

Кассета с видеозаписью (фонограммой) является приложением к протоколу следственного действия. Она хранится при уголовном деле в штатной упаковке, соответствующим образом подписанная.

Глава 8. Криминалистические планы и схемы

Криминалистические планы и схемы являются пояснительными чертежами, прилагаемыми в целях наглядности к протоколам следственных действий, необходимость составления которых предусмотрена ст. 166 УПК РФ.

Виды криминалистических планов и схем

Криминалистический план или схема — это плоскостное изображение места происшествия, его участков, объектов и следов.

На криминалистическом *плане* изображения выполняются в прямоугольной проекции в определенном масштабе, а на криминалистической *схеме* изображения строятся вне масштаба, но с соблюдением относительных размеров и взаиморасположения объектов и следов.

Необходимые размеры указываются на самой схеме, как правило, стрелками, с обозначением расстояний и размеров в метрах или сантиметрах[29].

К криминалистическому плану (схеме) предъявляются следующие требования: а) полное и точное отражение реальной действительности; б) наличие соответствующих реквизитов; в) использование лишь тех обозначений, которые общеприняты и понятны; г) надлежащее процессуальное оформление.

По объему запечатленной информации различают следующие виды планов (схем):

1) *ориентирующие,* на которых изображается непосредственно само место происшествия и прилегающий участок относительно окружающей местности, что дает возможность сориентироваться, где находится место происшествия;

2) *обзорные,* на которых изображается только место происшествия, что дает возможность представить взаимное расположение объектов и следов на месте происшествия;

3) *узловые,* на которых изображается наиболее важный участок места происшествия с группой объектов, следов или какой-либо отдельный крупный предмет;

4) *детальные,* на которых изображаются небольшие объекты или отдельные следы на объекте-следоносителе.

По методу изображения планы (схемы) помещений могут быть:

а) *простыми плоскостными,* на которых обстановка изображается так, как она выглядит при проекции сверху (рис. 82);

[29] В юридической литературе иногда используется понятие «схематический план». На практике это означает, что изображение выполнено не в масштабе.

б) *развернутыми,* на которых помимо вертикальной проекции, дается в развернутом виде проекция стен и потолка. Такие планы и схемы вычерчиваются при необходимости фиксации следов на этих частях помещения (например, пролом в потолке, брызги крови, следы рук на стене и др.) (рис. 83);

в) *планы (схемы) вертикального «разреза» помещения (здания).* На таком плане (схеме) изображается в боковой проекции конструкция объекта (например, в дачном доме совершено убийство на первом этаже, а труп перенесен по лестнице на чердак, где он и обнаружен при осмотре места происшествия. Прилагаемый к протоколу план отразит местонахождение следов и путь движения преступников). При составлении подобного плана (схемы) удобнее пользоваться приемами и правилами изготовления чертежей, применяемых в строительстве.

План комнаты, расположенной на втором этаже дома № 44 по улице Мира в кв. № 15 (г. Энск), принадлежащей гр. Иванову Петру Степановичу

Приложение к протоколу осмотра места происшествия от 24 апреля 200__ года. Дело № __

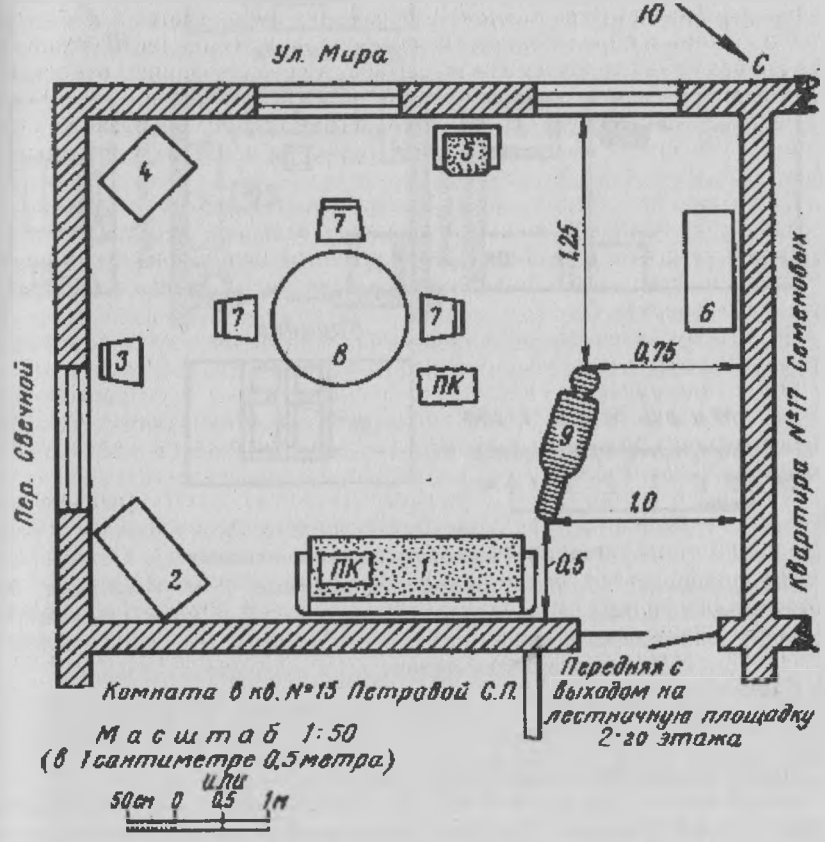


Рис. 82. План помещения

Обозначения: 1 — диван-кровать; 2 — шкаф для одежды; 3 — стул с отпечатком следа обуви (сфотографирован); 4 — тумбочка с телевизором; 5 — кресло; 6 — шкаф книжный; 7 — стулья, несущие на себе следов преступления; 8 — стол; 9 — труп

План составлен верно:
Следователь (подпись)
Понятые (подписи)

Развернутый план комнаты, расположенной в одноэтажном корпусе № 1 силикатного завода, г. Энск, ул. Садовая, 31. Помещение занимает бухгалтерия завода

Приложение к протоколу осмотра места происшествия от 19 апреля 200 __ года. Дело № __

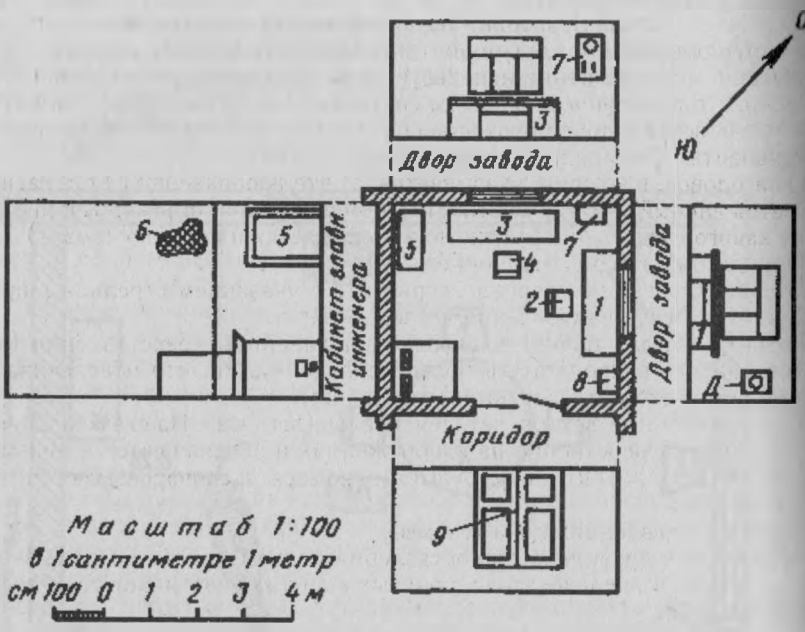


Рис. 83. Развернутый план помещения

Обозначения: 1, 3 — столы конторские; 2, 4 — стулья; 5 — несгораемый шкаф; 6 — пролом в потолке; 7 — часы стенные (на стекле отпечатки пальцев рук); 8 — динамик; 9 — следы отжима

План составлен верно:
Следователь (подпись)
Понятые (подписи)

Планы (схемы) местности могут быть:

а) *простыми (плоскостными)*, на которых участок местности изображается в вертикальной проекции (чаще всего на практике находит применение схема, на которой указываются необходимые расстояния). При составлении плана используются методы топографической привязки,

глазомерная съемка или копируется в необходимом объеме топографическая крупномасштабная карта с уточнениями, которые требуются при проведении следственных действий;

б) *профилями* (продольными или поперечными разрезами участков местности). Они составляются при расследовании случаев гибели военнослужащего в водоеме, при производстве земляных работ в карьере и др. При этом, профильная линия разреза должна обозначаться и на плоскостном плане;

в) *планами (схемами) маршрута*, на которых участок местности изображается в вертикальной проекции (чаще всего на практике находит применение схема, на которой проставляются необходимые расстояния). При составлении плана используются методы топографической привязки участков и объектов (глазомерная съемка) или копируется в определенном объеме топографическая крупномасштабная карта с необходимыми уточнениями.

На схемах (планах) изображаются местность и объекты-ориентиры, фиксируются маршрут движения и необходимые объекта и следы. При масштабном изображении используется метод глазомерной съемки или на основе топографической карты составляются кроки маршрута, которые уточняются и дополняются необходимыми для следствия данными.

Реквизиты криминалистических планов (схем):

1) заголовок, в котором указывается: а) что изображено; б) где располагается данный участок местности, помещение или объект; в) к протоколу какого следственного действия прилагается план или схема; г) дата проведения этого следственного действия;

2) ориентировка по сторонам горизонта с указанием стрелкой в правом верхнем углу направления «север — юг»;

3) масштаб (для плана) в цифровом и линейном представлении (на плане удобнее располагать в правой средней части, что обеспечивает возможность его оптимального применения);

4) обозначение объектов, деталей, следов (легенда). На схеме надписи делаются непосредственно на изображениях и обозначаются их размеры. На планах объекты нумеруются и номера расшифровываются дополнительно;

5) дата составления плана (схемы);

6) отметка о правильности составления плана (схемы), которая заверяется подписями следователя, понятых и других участников следственного действия.

Для изображения обстановки, предметов и следов на планах (схемах) используются условные знаки, применяемые в топографии, в строительстве и в технологии оборудования. Очертания объектов зарисовываются в проекции сверху, по возможности в масштабе. При необходимости дается расшифровка такого обозначения или символа в тексте.

Правила составления криминалистических планов и схем

Планы помещений обычно составляются в масштабах от 1 : 20 до 1 : 100. При этом, ориентируются на площадь помещения, которое необходимо наиболее крупно изобразить на стандартном листе бумаги (А3, А4), предусмотрев также место для размещения необходимых реквизитов.

Вначале составляется черновой набросок плана в виде схемы, на которой с соблюдением относительных размеров и конфигураций изображаются помещение, объекты и следы. Затем на этих изображениях про-

ставляются установленные размеры. Обнаруженные на месте происшествия оружие, труп, а также иные объекты и следы точно фиксируются методом привязки по системе прямоугольных или треугольных координат. Опытные следователи обычно вначале составляют план, а затем протокол следственного действия, что способствует более оптимальному его содержанию.

Чистовой план удобнее вычерчивать на миллиметровой бумаге с нанесенным линейным масштабом. Последний (с использованием циркуля-измерителя) дает возможность переносить уменьшенные в масштабе размеры на план. Чистовой план исполняется в карандаше, уточняется, а затем линии обводятся черным красителем (черная тушь, черная паста шариковой ручки, черный тонкий фломастер и др.). Красный краситель, как правило, используется для изображения следов крови.

Изображение помещения на плане должно располагаться таким образом, чтобы входная дверь находилась снизу листа. В этом случае при рассматривании плана в нем легче ориентироваться. При уточнении плана необходимо тщательно проверить правильность изображения объектов, следов, их размеры, а также точное соответствие выбранному масштабу.

Привязка отдельных объектов может быть дополнительно отражена на плане (например, автомат, лежащий на полу (изображенный в масштабе по системе прямоугольных или треугольных координат), привязывается к неподвижным точкам и на линиях привязки указываются подлинные расстояния).

Недопустимо давать на подпись участникам следственного действия план, выполненный карандашом, а затем самостоятельно дооформлять его обводкой.

При вычерчивании схем участка местности обычно используется уменьшенное изображение (примерно 1 : 500 — 1 : 1000), а точные расстояния указываются размерными стрелками. Схема должна иметь ориентировку направления «север — юг». На ней указываются направления на ближайшие населенные пункты и расстояния до них; отдельные строения, дороги, леса, озера и их наименования; лесные массивы и их конфигурация; объекты-ориентиры, от которых производились измерения, и др.

Все размеры и расстояния, которые необходимо отразить в протоколе следственного действия, обозначаются на схеме. При этом, мелкие детали обозначаются цифрами и расшифровываются на схеме.

На практике удобнее всего вначале на схеме изобразить общую картину участка местности, затем обозначить основные местные предметы и ориентиры, после чего зафиксировать объекты и следы преступления, обнаруженные на месте происшествия.

Для большей наглядности схема участка местности может быть «поднята» цветными красителями. На схемах местности наибольшее применение находят условные знаки, используемые в топографии, а при составлении планов — способы глазомерной съемки и переноса изображения с крупномасштабной топографической карты.

Процессуальное оформление криминалистических планов и схем

Уголовно-процессуальный закон (ст. 74 УПК РФ) предусматривает, что доказательствами по уголовному делу в числе других являются обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Эти

данные устанавливаются показаниями свидетелей, потерпевших, обвиняемых и других участников уголовного судопроизводства, а также протоколами следственных действий и иными документами. Протоколы (ст. 84 УПК РФ), удостоверяющие обстоятельства и факты, установленные при производстве следственных действий, являются доказательством, документом, если они оформлены в соответствии с законом и имеют значение для уголовного дела. Статья 166 УПК РФ предусматривает возможность приложения к протоколу планов или схем, выполненных при производстве следственных действий, т. е. уголовно-процессуальный закон дает правовую основу для составления криминалистических планов (схем), исходя из которых разрабатываются соответствующие рекомендации по составлению планов и схем в криминалистике.

Разработанные на вышеуказанной правовой основе криминалистические положения сводятся к тому, что криминалистические планы и схемы должны быть точными, объективными, доказательственными документами, непосредственно связанными с содержанием протокола следственного действия. В заключительной части протокола осмотра места происшествия указывается, что к протоколу прилагается план (схема). Непосредственно в тексте протокола делаются ссылки на план (схему), указываются местонахождение отдельных объектов, следов, особенности помещения, его деталей и др. При проверке показаний на месте в тексте протокола со ссылкой на план (схему) делаются уточнения в отношении ориентиров, расположения отдельных зданий, дорог, мостов, лесных массивов, участков местности, где спрятан труп, и т. д.

Если подобные следственные действия сопровождаются фотосъемкой или видеосъемкой, то в протоколе указываются точки, с которых производилась съемка, и ориентиры, в направлении которых она велась, а на плане (схеме) эти точки соответственно нумеруются.

Если на месте происшествия находится труп или огнестрельное оружие и их привязка осуществляется по системе треугольных координат, то в протоколе и на схеме обязательно указываются точки привязки.

При отражении реквизитов криминалистических планов (схем) необходимо в их заголовке указать, что изображено на плане (схеме), т. е. конкретное помещение, его адрес или номер войсковой части. Если квартира (дом) принадлежит конкретному лицу, то указать его фамилию, имя и отчество. Если осматривается участок местности, то дается его наименование с привязкой к населенному пункту и другим объектам. В заголовке должно найти отражение процессуальное положение плана (схемы), т. е. обязательно указывается, что этот графический документ является приложением к протоколу конкретного следственного действия: «Приложение к протоколу осмотра места происшествия от __» (если уголовное дело имеет номер, то он также указывается).

Процессуальное подтверждение подлинности, правильности и точности плана (схемы) отражается в заверительных подписях. Необходимо предварительно дать всем участникам следственного действия ознакомиться с этим документом, обратив их внимание на объекты, их размеры, следы и другие данные, которые имеют наиболее важное значение и подтверждение которых с их стороны может потребоваться в процессе предварительного следствия и в суде.

Перед подписями следует указать: «План (схема) составлен(а) верно». Именно это положение заверяют на плане (схеме) все участники данного следственного действия.

Глава 9. Информационно-справочное обеспечение криминалистической деятельности (криминалистическая регистрация)

Понятие, значение и система информационно-справочного обеспечения криминалистической деятельности

При раскрытии и расследовании преступлений, в том числе и в районах вооруженного конфликта, а также при осуществлении в этих целях оперативно-розыскной деятельности первостепенное значение имеет получение различной информации: о лицах, которые совершили или могли совершить данное преступление либо причастны к нему; о нераскрытых преступлениях; о происхождении и принадлежности обнаруженных вещественных доказательств и т. д.

Так как информация любого вида, в том числе и криминалистическая, поддается фиксации, хранению и передаче, то, следовательно, можно создавать информационные системы, способные выполнять функции хранилищ информации о событиях и явлениях криминального характера, имевших место в прошлом, и выдавать содержащиеся в них данные для решения задач по раскрытию и расследованию совершенного или предупреждению готовящегося преступления. Такого рода информационно-справочные системы принято называть *криминалистическими учетами*, т. е. системами регистрации и систематизации признаков определенных объектов в целях решения задач, стоящих перед правоохранительными органами и связанных с раскрытием, расследованием и предупреждением преступлений. Систему правил и методов учета данных о лицах, предметах, иных объектах, имеющих криминалистическое значение и используемых в уголовном процессе в целях выяснения обстоятельств расследуемых событий, называют *криминалистической регистрацией*.

В основу криминалистической регистрации положены признаки, индивидуализирующие проверяемые объекты или определяющие их групповую принадлежность либо отражающие некоторые иные характеристики, имеющие значение для осуществления оперативно-розыскной деятельности, а также расследования и судебного разбирательства уголовных дел.

К числу *объектов криминалистической регистрации* относятся определенные категории лиц: а) обвиняемые, в отношении которых мерой пресечения избраны содержание под стражей или подписка о невыезде; б) лица, задержанные в качестве подозреваемых; в) неизвестные преступники, скрывшиеся с мест преступления; г) без вести пропавшие лица; д) лица, объявленные в розыск, и др. Кроме того, регистрации подлежат: а) неопознанные трупы; б) похищенное нарезное огнестрельное оружие; в) пули и гильзы, обнаруженные на месте происшествия; г) похищенные и изъятые у преступников вещи, принадлежность которых не установлена; д) фальшивые денежные знаки и т. д.

Большое количество объектов учета обусловливает многообразие способов и форм их регистрации. Существуют следующие способы регистрации: а) описательный (письменная фиксация сведений, признаков объекта, подлежащего учету); б) дактилоскопический (получение отпечатков папиллярных узоров пальцев рук у живых лиц и неопознанных

трупов); в) фотографический (фиксация признаков объекта с помощью средств и методов судебной фотографии); г) коллекционный (собирание и хранение объектов в натуре, как оригиналов, так и сравнительных образцов); д) графический (собирание и хранение схем, чертежей, рентгенограмм, спектрограмм и др.); е) смешанный (использование перечисленных способов регистрации в различной комбинации).

Основными способами криминалистической регистрации живых лиц являются: а) пофамильный алфавитный учет; б) дактилоскопический учет; в) учет по признакам внешности; г) учет по способу совершения преступления. По признакам внешности, характеру одежды и иных, находившихся при них предметов учитываются и неопознанные трупы.

Предметы регистрируются на основе описания их признаков или описания отображения этих признаков на других объектах (следоносителях).

Формы хранения учетной информации зависят от вида регистрируемого объекта, характера его признаков, используемых в качестве регистрационных, способа отражения этих признаков в регистрационных материалах и применяемой для обработки техники. Для этих целей используются как локальные автоматизированные информационно-поисковые системы (АИПС), автоматизированные банки данных, так и журналы (списки), картотеки, альбомы, фотоальбомы, фонотеки, следотеки, коллекции и т. д.

Осуществляется криминалистическая регистрация в системе МВД на трех уровнях: 1) городской (районный) отдел внутренних дел; 2) МВД республик, ГУВД и УВД других субъектов Российской Федерации; 3) МВД России.

Два первых уровня называются местным учетом, последний уровень — федеральным (централизованным). Централизованная регистрация осуществляется Главным информационным центром (ГИЦ) МВД России и Экспертно-криминалистическим центром (ЭКЦ) МВД России, а местная — информационными центрами (ИЦ) и экспертно-криминалистическими подразделениями МВД, ГУВД и УВД субъектов Российской Федерации.

Виды криминалистической регистрации

В основу того или иного вида учета положены признаки (приметы), по которым можно осуществлять розыск и последующую идентификацию. Система криминалистической регистрации включает в себя различные виды криминалистических учетов, имеющих свои структуру, назначение и порядок ведения.

Централизованные криминалистические учеты классифицируются по функциональному и объектовым признакам (учеты лиц, преступлений, предметов).

Функционально учеты разделяются на следующие группы:

1. *Оперативно-справочные учеты*: 1) пофамильный и дактилоскопические учеты осужденных; 2) учет иностранных граждан, совершивших преступления или другие правонарушения; 3) учет преступлений с участием иностранных граждан; 4) учет административных правонарушений, совершенных иностранными гражданами; 5) учет дорожно-транспортных происшествий, в которых участвовали иностранные граждане.

Дактилоскопические учеты осуществляются в различных целях и ведутся на региональном и централизованном уровнях. Основными зада-

чами их использования являются: а) выяснение подлинных данных о лицах, скрывающих сведения о себе; б) установление лиц, оставивших следы рук на месте происшествия или на вещественных доказательствах; в) выявление других преступлений, совершенных обвиняемыми или подозреваемыми.

На региональном уровне функционируют системы дактилоскопического учета «Папилон», «Дакто», «Узор», «Дельфа», «Сонда», «Сонда-плюс» и др.

Оперативно-справочные учеты дают пользователям установочные сведения об объекте учета и его местонахождении в момент запроса.

2. *Централизованные криминалистические и розыскные учеты.* Предназначены для оперативного информационного обслуживания раскрытия и расследования преступлений, а также предупреждения особо опасных, в том числе серийных, межрегиональных и региональных преступлений. Информационной основой криминалистических учетов является сбор, накопление и анализ криминалистически значимых сведений о субъектах и предметах преступлений и связанных с ними событиях. Централизованные криминалистические и розыскные учеты органов внутренних дел ведутся на федеральном уровне — в ГИЦ и на местном уровне — в ИЦ и входят составной частью совместно с оперативно-справочными учетами в Межгосударственный информационный банк данных (МИБ).

Получение информации из централизованных учетов осуществляется путем обращения в виде запросов в ИЦ, а при необходимости и в ГИЦ. Данная информация используется в следственной, оперативно-розыскной и криминалистической деятельности правоохранительных органов как ориентирующий и диагностический материал, а также в целях идентификации.

Ведение (сбор, обработка, хранение) указанных учетов осуществляется в ГИЦ и ИЦ с помощью автоматизированных банков данных (АБД) и специализированных автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС).

В ГИЦ подлежат постановке:

1) на централизованный криминалистический учет: а) лица, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления; б) тяжкие и особо тяжкие нераскрытые и раскрытые преступления с характерным способом совершения, а также имеющие серийную и межрегиональную направленность; в) похищенные и изъятые документы (ценные бумаги) и номерные вещи; г) факты хищения ценностей из металлических и других специально приспособленных хранилищ; д) пропавшие без вести лица, неопознанные трупы, лица, не способные по состоянию здоровья или возрасту сообщить данные о своей личности;

2) на централизованный розыскной учет: а) лица, объявленные в федеральный и межгосударственный розыск; б) утраченное и выявленное огнестрельное оружие и другое вооружение; в) разыскиваемые транспортные средства; г) похищенные и изъятые предметы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность.

В отдельный вид учета выделен централизованный учет правонарушений и преступлений, совершенных на территории Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства (ЛБГ), а также в отношении их.

Централизованный криминалистический учет подозреваемых, обвиняемых и осужденных лиц и преступлений. Основное предназначение данного учета заключается в информационном обеспечении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, проводимых подразделениями органов внутренних дел и других правоохранительных органов.

Криминалистический учет насильственных преступлений осуществляется с помощью АИС «Насилие».

Централизованный учет похищенных и изъятых документов и номерных вещей. Данный учет осуществляется в целях обеспечения розыска похищенных и установления принадлежности изъятых документов, вещей, имеющих индивидуальные инвентарные номера, и содействия в раскрытии преступлений, связанных с их хищениями.

На централизованный учет в ГИЦ ставятся похищенные и изъятые номерные вещи, в частности, холодное оружие, в том числе метательное и пневматическое, номерные документы (в том числе паспорта граждан Российской Федерации и бланки паспортно-визовых документов строгой отчетности), номерные знаки и ценные бумаги в связи с совершенными преступлениями.

Централизованный учет хищений ценностей из металлических хранилищ. Данный учет осуществляется с помощью АИС «Сейф».

Централизованный учет лиц, пропавших без вести, неопознанных трупов, лиц, неспособных по состоянию здоровья или возрасту сообщить данные о своей личности. Этот учет предназначен для учета лиц, пропавших без вести, неопознанных трупов, лиц, не способных по состоянию здоровья (больных) или возрасту (детей) сообщить данные о своей личности.

Централизованный учет лиц, объявленных в федеральный и межгосударственный розыск. Данный учет предназначен для обеспечения мероприятий федерального розыска лиц, пропавших без вести и скрывающихся от правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных государств.

Централизованный учет утраченного и выявленного огнестрельного оружия и другого вооружения. Этот учет осуществляется в целях обеспечения розыска утраченного, установления принадлежности выявленного вооружения и содействия в раскрытии преступлений, совершенных с его применением.

В ГИЦ данный учет осуществляется путем формирования и ведения базы данных АИПС «Оружие».

Централизованный учет разыскиваемых транспортных средств. Данный учет предназначен для сбора, систематизации, хранения, обработки и выдачи информации о разыскиваемых транспортных средствах и транспортных средствах, принадлежность которых не установлена. Формирование и ведение централизованного учета осуществляется с использованием АИПС «Автопоиск» в единой системе централизованных учетов ГИЦ (федеральный уровень) и ИЦ (местный уровень).

Централизованный учет похищенных предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. Данный учет организован в целях обеспечения розыска похищенных предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, и содействия в раскрытии преступлений, связанных с их хищениями.

В ГИЦ данный учет осуществляется путем формирования и ведения базы данных АИПС «Антиквариат».

Централизованный учет правонарушений и преступлений, совершенных на территории Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также в отношении их. Учет ведется в целях обеспечения органов внутренних дел и других правоохранительных органов информацией о правонарушениях и преступлениях со стороны иностранных граждан и ЛБГ или совершенных в отношении их.

В ГИЦ данный учет осуществляется путем формирования и ведения базы данных автоматизированной информационной системы (АИС) «Криминал-И».

3. *Централизованные экспертно-криминалистические коллекции и картотеки.* Предназначены для обеспечения выявления, раскрытия и расследования преступлений. Информационной основой коллекций и картотек являются сбор, сосредоточение и систематизация однородных объектов или сведений о них по идентификационным признакам.

Виды экспертно-криминалистических коллекций и картотек: а) коллекции пуль, гильз и патронов со следами оружия, изъятых с мест преступлений, и утраченного (похищенного) оружия (пулегильзотеки); б) картотеки поддельных денег и ценных бумаг; в) картотеки поддельных документов, изготовленных полиграфическим способом; г) фонотека голоса и речи лиц, представляющих оперативный интерес.

Коллекции пуль, гильз и патронов со следами оружия, изъятых с мест преступления, и утраченного (похищенного) оружия (пулегильзотеки). Ведутся ГУ ЭКЦ МВД России и экспертно-криминалистическими подразделениями МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации в целях установления фактов использования изъятого, найденного и добровольно сданного огнестрельного оружия при совершении преступлений на территории различных субъектов Российской Федерации

Пулегильзотека ГУ ЭКЦ МВД России (федеральная) комплектуется обнаруженными в ходе раскрытия и расследования преступлений пулями, гильзами и патронами со следами оружия, изъятыми с мест преступлений, калибра не более 11,56 мм, а также контрольными пулями и гильзами утраченного (похищенного) гражданского, служебного, боевого ручного стрелкового оружия

Картотеки поддельных денег и ценных бумаг. Функционируют в целях установления общности происхождения поддельных металлических монет, ценных бумаг, денежных билетов, валюты иностранных государств по способу и технологии изготовления, а также для выявления лиц, занимающихся их изготовлением.

Картотеки поддельных документов, изготовленных полиграфическим способом. Функционируют в целях установления общности происхождения поддельных документов, бланки которых отпечатаны с одного типографского набора, клише или печатной формы, а также выявления лиц, занимающихся их изготовлением.

Фонотека голоса и речи лиц, представляющих оперативный интерес. Создается в ГУ ЭКЦ МВД России для учета и хранения речевой информации в целях установления личности подозреваемых в совершении преступлений в ходе оперативно-розыскных мероприятий.

Использование криминалистической регистрации в практике правоохранительных органов

Выяснение важных обстоятельств дела и проверка привлекаемых к уголовной ответственности лиц по централизованным учетам МВД осуществляется путем обращения в форме запросов в ИЦ МВД, ГУВД и УВД субъектов Российской Федерации, а при необходимости — в ГИЦ МВД России.

Следователь военных следственных органов, направляя запросы в информационные центры и экспертно-криминалистические подразделения МВД, может получить от них необходимую для расследования уголовного дела криминалистическую информацию.

Таким образом, криминалистическая регистрация является систематизированной совокупностью данных о связанных с преступлениями и правонарушениями фактах, лицах, предметах и документах и ведется в информационных и экспертно-криминалистических подразделениях внутренних дел. Правильное и своевременное обращение к данным централизованных учетов, коллекций и картотек позволяет более качественно и оперативно решать задачи по раскрытию и расследованию преступлений.

Раздел IV. Особенности производства отдельных следственных и процессуальных действий в районах вооруженного конфликта

Глава 1. Планирование расследования преступлений «по горячим следам» и основные направления оптимизации процесса собирания доказательств в районах вооруженного конфликта

Успешность выполнения следователем военных следственных органов своих служебных обязанностей в районах вооруженного конфликта во многом зависит от осуществления такого важного условия, организующего его деятельность, как планирование расследования преступлений «по горячим следам»[1].

Планирование расследования по уголовному делу представляет собой совокупность перемежающихся актов криминалистического анализа сложившейся следственной ситуации, сопровождаемого определением направлений, первоочередных задач и предмета расследования, вопросов, подлежащих выяснению, и источников получения доказательств, постановкой тактико-криминалистических задач и комплексированием следственных и иных действий в тактические комбинации (операции) на основе обобщенных результатов соответственно криминальной практики и практики расследования преступлений[2].

Процесс планирования расследования имеет определенное содержание и слагается из ряда взаимосвязанных элементов: 1) анализ исходной информации; 2) выдвижение версий и определение задач расследования; 3) определение путей и способов решения поставленных задач; 4) составление письменного плана; 5) контроль исполнения и корректировка плана расследования[3]. Совокупность этих элементов составляет содержание этапа планирования, при этом каждый последующий этап представляет собой детализацию элементов предшествующего этапа. В свою очередь, этапы планирования соответствуют этапам самого расследования, существование которых обусловлено различием задач, ре-

[1] См., например: *Васильев А.Н., Мудьюгин Г.Н., Якубович Н.А.* Планирование расследования преступлений. М., 1957; *Ларин А.М.* Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., 1970; *Порубов Н.И.* Научная организация труда следователя. Минск, 1970; *Дубровицкая Л.П., Лузгин И.М.* Планирование расследования. М., 1972; *Сергеев Л.А., Соя-Серко Л.А., Якубович Н.А.* Планирование расследования. М., 1975; *Антипов В.П.* Системы версий, типичных при планировании следствия по отдельным категориям уголовных дел. М., 1981; *Он же.* Планирование расследования в проблемных ситуациях. М., 1983; *Он же.* Планирование расследования нераскрытых преступлений. М., 2002 и др.

[2] *Чурилов С.Н.* Криминалистическая методика: история и современность. М., 2002. С. 105.

[3] *Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р.* Криминалистика: Учебник. М., 1999. С. 476.

мых следователем на каждом из этих этапов (начальном и дальнейшем). Целенаправленность планирования, его эффективность находятся в прямой связи с выдвижением и проверкой следственных версий, которые, занимая важнейшее место в структуре процесса планирования, выступают его логической основой.

Планирование органически связано с особенностями той сферы, в которой оно осуществляется, и его сущность должна соответствовать ей. Поэтому общие принципы и содержание планирования предметно разрабатываются применительно к определенной сфере, а сама сущность планирования расследования определяется особенностями последнего. Эффективность расследования всегда зависит от того, насколько деятельность следователя и взаимодействующих с ним лиц соответствует особенностям преступления и складывающейся при расследовании обстановке[4].

Особенностью расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, является раскрытие и расследование преступлений «по горячим следам» и использование группового (бригадного) метода расследования в целях повышения качества и оперативности расследования. При этом, период раскрытия преступления «по горячим следам» не должен превышать трех-пяти суток, а в особо сложных случаях не более 10—15 суток.

Основной задачей расследования «по горячим следам» является быстрое установление лица, совершившего преступление, а в благоприятных случаях — и его задержание в результате незамедлительного проведения необходимых первоначальных и неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий[5]. Возможность применения методики расследования «по горячим следам» обусловливается особенностями первоначальных следственных ситуаций, складывающихся в момент обнаружения совершенного преступления и сразу после выявления и изучения его следов-последствий. При этом, своеобразие этих ситуаций, позволяющих применить методику расследования «по горячим следам», зависит от следующих факторов: незначительности времени, прошедшего с момента совершения преступления и до начала расследования; сохранности материальной обстановки места совершения преступления полностью или без существенных изменений; существования неблагоприятных объективных и субъективных условий, мешающих сохранить материальную обстановку места происшествия и его следы в неизменном виде; возможности незамедлительной поисково-розыскной деятельности в конкретном, относительно локализованном районе совершения преступления; наличия средств быстрого оповещения и немедленной доставки следственно-оперативной группы на место совершения преступления; наличия технико-криминалистических средств работы со следами в режиме «экспресс-анализа»; надлежащего профессионального уровня прокурорско-следственных работников.

Практически каждый из указанных факторов и любая их совокупность всегда формируют первоначальные следственные ситуации, требующие применения методики следственно-оперативных действий «по горячим следам»[6].

---

[4] *Сергеев Л.А., Соя-Серко Л.А., Якубович Н.А.* Указ. соч. С. 7.
[5] *Яблоков Н.П.* Криминалистика: Учебник. М., 2003. С. 274.
[6] Там же. С. 275—276.

Расследование «по горячим следам» должно осуществляться в максимально короткие сроки в условиях дефицита времени. Все тактико-методические решения и действия следователя военных следственных органов, начиная с момента получения сообщения о совершенном преступлении, могут быть эффективными лишь при быстром выезде на место происшествия, оперативной и профессиональной работе на нем, при надлежащем технико-криминалистическом сопровождении и надежной связи с местами сосредоточения справочно-криминалистических учетов и других банков данных. Такой стиль и ритм криминалистической деятельности методически под силу только следственно-оперативным группам (звеньям), входящим в состав ОПСГ.

Использование группового метода ведения следствия позволяет проводить следственные действия одновременно в нескольких направлениях и в разных местах, способствует параллельной проверке следственных версий, что сокращает сроки расследования, повышает результативность следственных действий и в конечном итоге обеспечивает высокое качество следствия. Недостатком группового метода является трудность непосредственного восприятия каждым следователем военных следственных органов всех доказательств по делу. Поэтому для расширения возможности участников группы непосредственно воспринимать ход и результаты наиболее важных следственных действий целесообразно фиксировать эти действия с помощью звуко- и видеозаписи. Таким образом, преимущества группового метода при правильных организации и планировании расследования полностью «поглощают» его некоторые недостатки.

Что касается особенностей планирования расследования «по горячим следам» при проведении его группой следователей в районах вооруженного конфликта, то в отличие от обычных условий мирного времени, когда следственной группе поручается производство по уголовному делу только в случае его сложности или большого объема (ст. 163 УПК РФ), в районах вооруженного конфликта расследование всех уголовных дел «по горячим следам» должно проводиться следственно-оперативными группами (звеньями), входящими в состав ОПСГ.

В обычных мирных условиях при ведении следствия группой следователей составляется несколько планов: общий план организации расследования групповым методом и частные (индивидуальные) планы работы каждого следователя. Так, руководитель следственной группы составляет и доводит до каждого члена группы общий план организации расследования, в котором указывает: а) основные, общие для всех членов группы цели расследования и первоочередные задачи следствия на данном этапе; б) следственные версии, подлежащие проверке при решении указанных задач; в) распределение участков работы между следователями группы, с указанием конкретных задач, стоящих перед каждым из них, и перечень обязанностей, которые берет на себя руководитель группы; г) методы координации деятельности следователей группы и организации взаимной информации между ними[7].

Исходя из общего плана следствия, каждый входящий в группу следователь в соответствии с возложенными на него обязанностями составляет подробный частный план своей работы, т. е. план расследования

[7] *Антипов В.П.* Планирование расследования нераскрытых преступлений. С. 130.

конкретного преступления или эпизода, проверки определенной версии или исследования преступной деятельности конкретного подозреваемого.

В районах вооруженного конфликта достаточно составления руководителем следственно-оперативной группы (звена) только плана организации расследования преступления, а работу следователей и дознавателей, входящих в группу, необходимо планировать на уровне производства отдельных следственных действий путем дачи отдельных частных поручений на совместное производство отдельных следственных действий.

При этом, «словесно-описательная» форма плана следствия не в полной мере соответствует принципу динамичности планирования, необходимости постоянно оценивать обстановку, складывающуюся в районе вооруженного конфликта, постоянно корректировать план. Л.Д. Самыгин предложил для создания графических моделей расследования применить основную идею и некоторые правила метода сетевого планирования и управления (СПУ), дополнив его для придания большей наглядности графическими приемами, заимствованными из военной тактики и топографии[8].

Отмечая достоинства метода СПУ (обеспечение ритмичности работы; практическая реализация принципа динамичности планирования; четкое формулирование промежуточных целей и задач; наглядность; детализация действий и мероприятий; выявление их логической структуры и взаимосвязи) и недостатки (сложность, точность временных оценок планируемых работ), все ученые-криминалисты сходились в одном: метод СПУ применим при планировании работы следственной группы в целях сокращения сроков следствия и обеспечения ритмичности и непрерывности ведения расследования «по горячим следам»[9].

В обычных мирных условиях «использование СПУ в расследовании представляется спорным, потому что в нем превалируют элементы сокращения сроков работы, ее бесперебойность, которые в расследовании не являются главными, определяющими качество работы»[10]. Однако применительно к условиям вооруженного конфликта именно сокращение сроков и непрерывность расследования в конечном итоге определяют как качество расследования, так и общий уровень организации расследования преступлений «по горячим следам» в районах вооруженного конфликта. Поэтому, наряду с традиционной «словесно-описательной» формой плана, целесообразно составлять наглядную графическую модель расследования «по горячим следам» с использованием элементов метода СПУ.

Вместе с тем, успех расследования преступлений «по горячим следам» во многом зависит и от планирования отдельных следственных дей-

---

[8] *Самыгин Л.Д.* Графическая форма плана расследования уголовного дела // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1971. Вып. 14. С. 122—125.

[9] См., например: *Сыров А.П.* Общие методы и научные основы тактики следственных действий // Вестник МГУ. Сер. Право. 1966. Вып. 5; *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. М., 1967; *Ларин А.М.* Указ. соч.; Криминалистика: Учебник / Под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. М., 1994; Криминалистика: Учебник / Под ред. Н.П. Яблокова. М., 1995; *Порубов Н.И.* Научная организация труда следователя. Минск, 1970; *Васильев А.Н.* Следственная тактика. М., 1976; *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: В 3 т. М., 1997. Т. 3.

[10] *Васильев А.Н.* Указ соч. С. 166—167.

ствий. К сожалению, планированию отдельных следственных действий следователи военных следственных органов уделяют еще слишком мало внимания и времени. Особенно это актуально для расследования преступлений «по горячим следам» в районах вооруженного конфликта, когда чрезвычайная сложность решаемых вопросов, неблагоприятные условия боевой обстановки, жесточайший дефицит времени приводит зачастую к серьезным и непоправимым ошибкам и упущениям. Этого можно было бы избежать при условии надлежащей подготовки следователя военных следственных органов и, в частности, наличия у него письменного плана предстоящего следственного действия.

Содержание планов отдельных следственных действий, первоначальной основой которых является план расследования по делу, состоит из вопросов, подлежащих выяснению, и наметок решения организационно-технических проблем, т. е. в плане должны получить отражение как те обстоятельства преступления, которые следователь военных следственных органов намеревается установить посредством проведения следственного действия, так и средства, которые при этом будут использованы.

В некоторых случаях можно использовать типовые планы следственных действий, содержание которых представляет собой перечень заранее установленных вопросов, подлежащих выяснению, а также систему частных действий, которые следует выполнять в определенной последовательности. Степень детализации таких планов зависит от квалификации и опыта следователя военных следственных органов, его памяти, сложности следственного действия, объема работы и т. п. Однако во всех случаях такие типовые планы следственного действия помогают не упустить какие-либо обстоятельства, выполнить следственное действие в надлежащей последовательности и значительно сократить время на его планирование.

Успех расследования преступлений «по горячим следам» в районах вооруженного конфликта во многом зависит и от верно выбранных тактических приемов проведения отдельных следственных действий. Однако несовершенство правовых норм, регламентирующих собирание доказательств, приводит к тому, что собирание доказательств, особенно в районах вооруженного конфликта, зачастую становится малорезультативным процессом, и в конечном счете не достигаются задачи уголовного судопроизводства. Кроме того, проблемы собирания доказательств в районах вооруженного конфликта не стоят отдельно от проблем собирания доказательств вообще, они являются его частью и еще более подчеркивают необходимость изменений в институте собирания доказательств.

Формируя доказательства посредством проведения следственных действий, следователь военных следственных органов собирает большинство фактических данных по уголовным делам. При этом, нормы права, регламентирующие производство следственных действий, определяют модели деятельности следователя военных следственных органов и во многом влияют на ее эффективность. Поэтому необходимо дальнейшее исследование проблем правовой регламентации следственных действий в районах вооруженного конфликта.

Анализ следственной практики в районах вооруженного конфликта позволяет констатировать, что необходима рационализация порядка производства следственных действий с целью минимизировать влияние деструктивных факторов вооруженного конфликта на расследование

преступлений «по горячим следам». Именно несовершенство организационных отношений при проведении следственных действий в районах вооруженного конфликта зачастую сводит на нет все усилия следователей военных следственных органов, направленные на получение доказательств, позволяющих установить истину по делу, а порой не дает возможности довести до конца следственное действие. В этой ситуации теория и практика собирания доказательств и процесса его организации вынуждены искать адекватные условиям вооруженного конфликта организационно-правовые формы.

При собирании доказательств необходимо строго придерживаться процессуальных норм, регламентирующих процесс доказывания, внесение какой-либо чрезвычайной составляющей в процесс собирания доказательств отрицательно скажется на объективности расследования.

Таким образом, несмотря на боевую обстановку, складывающуюся в районах вооруженного конфликта, все неотложные следственные действия должны планироваться и максимально быть нацелены на получение доказательств. Проведенные с соблюдением установленного порядка проведения следственного действия, они будут служить базой для последующей работы следственно-оперативной группы.

Исходя из вышеизложенного в организационный процесс отдельного следственного действия в районах вооруженного конфликта должны входить две составляющие:

— во-первых, уяснение следственной ситуации. При этом, следователь должен постоянно отслеживать как общую оперативную обстановку в районе вооруженного конфликта, так и ту следственную ситуацию, которая складывается при расследовании конкретного уголовного дела, активно используя потенциал органов дознания;

— во-вторых, выбор приемов и средств организации и тактики, которые необходимо применить в данной следственной ситуации и которые дадут наибольший эффект при наименьших издержках.

Указанные выше составляющие организационного процесса отдельного следственного действия в районах вооруженного конфликта позволят следователю вовремя скорректировать свои действия и тем самым обеспечить результативность процесса собирания доказательств, рационально использовав свои силы и средства.

Оптимизировать процесс собирания доказательств можно только путем адаптации к условиям вооруженного конфликта удостоверительной стороны собирания доказательств. Усилить же удостоверительную сторону доказывания и одновременно обеспечить более «короткий» и безопасный доступ к источникам доказательств можно, используя новые технологии в области фиксации информации. Широкое применение фото-, аудио-, видео- и компьютерной техники в следственной практике уже ставит на повестку дня вопрос об альтернативных протоколированию способах фиксации доказательственной информации (ст. 84 УПК РФ). Все более широкое применение находит видеозапись, которая превосходит протоколирование и в быстроте, и в универсальности отображения обстоятельств, а самое главное — в объективности и наглядности.

Однако не все следственные действия при существующей процедуре, приспособленной к условиям мирного времени, могут быть оперативно и успешно выполнены в районах вооруженного конфликта. Чтобы их приспособить, требуются некоторые изменения самой процедуры в сто-

рону упрощения производства отдельных следственных действий и избавления от чисто формальных сторон производства, при этом нисколько не уменьшая смысловую доказательственную сторону и цель производства следственных действий.

Так, например, оправданным представляется предложение В.Н. Григорьева закрепить в уголовно-процессуальном законе такую меру ускорения производства отдельных следственных действий, как замену в случае отсутствия положительных результатов протоколов таких следственных действий, как обыск, освидетельствование, выемка, предъявление для опознания, краткой справкой о факте их проведения, привлеченных участниках и отрицательном результате[11].

Рассмотрим возможные пути адаптации отдельных следственных действий для собирания доказательств к условиям районов вооруженного конфликта.

Глава 2. Тактика проведения осмотра места происшествия в районах вооруженного конфликта

Осмотр места происшествия является неотложным следственным действием, состоящим в исследовании следователем места происшествия путем непосредственного личного его восприятия в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Местом происшествия является участок местности или помещение, в пределах которого обнаружены следы совершенного преступления. Это может быть место совершения преступления, его подготовки, обнаружения трупа, сокрытия объектов преступного посягательства, орудий преступления и иных вещественных доказательств.

Осмотр места происшествия производится незамедлительно после получения данных о совершенном преступлении, что позволяет установить обстоятельства преступления и его участников, выбрать правильные направления расследования. От качества его проведения во многом зависит успех всего расследования по уголовному делу.

Задачами осмотра места происшествия являются: изучение и фиксация обстановки места происшествия; выдвижение версий о механизме происшествия и его участниках; обнаружение, фиксация и изъятие следов преступления и преступника; установление причин и условий, способствующих совершению преступления; получение исходных данных для производства последующих следственных действий и проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Осмотр места происшествия проводится с соблюдением следующих требований: а) своевременность, т. е. безотлагательное проведение осмотра места происшествия сразу же после получения сообщения о преступлении; б) объективность, т. е. исследование и фиксация всех находящихся на месте происшествия объектов и следов в том виде, в каком они были обнаружены; в) полнота, т. е. все участки места происшествия должны быть тщательно исследованы в целях выявления и фиксации всех следов, имеющих значение для дела; г) планомерность, т. е. строго определенный порядок действия участников осмотра, его методичность и последовательность; д) активность, т. е. проявление следователем вни-

[11] *Григорьев В.Н.* Расследование преступлений в чрезвычайных условиях: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1993. С. 16.

мательности, неторопливости, настойчивости при проведении осмотра места происшествия; е) применение различных методов познания, т. е. при осмотре следователь наблюдает обстановку места происшествия, обнаруженные на нем объекты и следы, производит их различные измерения и описание. Кроме того, следователь использует специальные технико-криминалистические методы работы с объектами и следами.

Структурно осмотр места происшествия состоит их трех этапов: подготовительного, рабочего и заключительного.

Тактика подготовки к осмотру места происшествия включает две стадии: действия следователя до выезда на место происшествия и по прибытии на место происшествия.

Так, приняв сообщение о происшествии, до выезда на место происшествия следователь военных следственных органов должен: а) выяснить, кто сообщил о происшествии, характер происшествия, где оно произошло; имеются ли потерпевшие, что сделано для оказания им помощи; что происходит в данное время на месте происшествия; б) дать указания командованию воинской части об обеспечении охраны места происшествия и сохранности следов на нем, о принятии необходимых оперативно-розыскных мероприятий; об обеспечении присутствия на месте происшествия очевидцев и других лиц, от которых можно получить информацию о происшествии и его участниках; в) определить участников осмотра и обеспечить их прибытие на место происшествия; г) проверить укомплектованность набора технико-криминалистических средств.

По прибытии на место происшествия следователь военных следственных органов должен: а) проверить выполнение данных им до выезда на место происшествия поручений; б) убедиться в том, что потерпевшим оказана необходимая помощь, принять дополнительные меры к охране места происшествия и обеспечению сохранности следов на нем, удалить с места происшествия посторонних лиц; в) на основании краткого опроса очевидцев и командования воинской части выяснить характер происшествия, его участников, какие меры приняты для их розыска и задержания, установить, кем и какие изменения внесены в обстановку места происшествия с момента его обнаружения и до прибытия следователя; г) наметить маршруты движения участников осмотра, определить роль каждого участника, разъяснить им права и обязанности, сущность предстоящего следственного действия.

По окончании подготовительных тактических действий следователь военных следственных органов приступает непосредственно к осмотру места происшествия, т. е. к его рабочему (исследовательскому) этапу, который направлен на выяснение обстоятельств происшедшего, обнаружение и фиксацию следов на месте происшествия.

Рабочий этап состоит из двух стадий: общей и детальной.

Цель общей стадии — общее ознакомление и изучение обстановки места происшествия в целом, получение представления о характере происшедшего события.

На данной стадии следователь военных следственных органов выполняет следующие действия: а) определяет характер и границы места происшествия; б) получает общее представление об обстановке места происшествия; в) определяет исходный пункт осмотра и его последовательность; г) решает вопрос о необходимости проведения неотложных оперативно-розыскных мероприятий; д) производит ориентирующую фотосъемку (видеозапись); е) на основе оценки характера происше-

ствия определяет объекты, причинно связанные с происшествием, принимает меры к предохранению их от повреждений; ж) производит необходимые измерения, фиксирует месторасположение обнаруженных объектов и следов, исследует их внешний вид и состояние; з) ведет черновые записи для протокола осмотра, а также делает черновые наброски схем, планов, чертежей; и) осуществляет обзорную и узловую фотосъемку (видеозапись).

Определение последовательности осмотра места происшествия зависит от характера обстановки и условий осмотра. В процессе осмотра нельзя оставлять без внимания ни одного участка помещения или местности, ни одного предмета или следа, который может иметь значение для расследования. Поэтому максимальная результативность осмотра достигается сплошным осмотром места происшествия, который может вестись концентрическим (осмотр места происшествия ведется по спирали от периферии к его центру), эксцентрическим (осмотр ведется от центра места происшествия к его периферии) или фронтальным способом (осмотр ведется в виде линейного осмотра по секторам или квадратам от одной их границы до другой).

Кроме того, следователь военных следственных органов может использовать объективный способ осмотра места происшествия (место происшествия осматривается все полностью, т. е. все объекты и следы на месте происшествия) или субъективный способ осмотра места происшествия (следователь двигается на месте происшествия по предполагаемому пути следования преступника, осматривая объекты, расположенные только на данном пути).

На общей стадии осмотра следователь военных следственных органов осматривает место происшествия в том виде, в каком он его застал, а все объекты осматриваются без прикосновения к ним, без изменения их положения, в неподвижном (статическом) состоянии.

По окончании общего осмотра места происшествия следователь военных следственных органов приступает к его детальному осмотру. В ходе *детальной (динамической) стадии* осмотра места происшествия производится тщательное исследование всех объектов и следов, обнаруженных на месте происшествия, в целях обнаружения, закрепления и изъятия следов преступления. На данной стадии осматриваемые объекты можно брать в руки, сдвигать с места, переворачивать и рассматривать со всех сторон.

Во время детального осмотра следователь военных следственных органов: а) производит детальную фото- или видеосъемку отдельных объектов места происшествия, следов и предметов, имеющих значение вещественных доказательств; б) производит предварительное исследование объектов в целях решения вопроса об их относимости к происшедшему событию; в) осматривает обнаруженные объекты в целях выявления их индивидуальных признаков и поиска на них следов; г) фиксирует негативные обстоятельства, т. е. обстоятельства, противоречащие обычным представлениям о механизме происшедшего события и имеющие значение для проверки версий об инсценировке; д) производит простейшие опытные действия в целях установления отдельных свойств обстановки места происшествия; е) использует технико-криминалистические средства, которые позволяют расширить возможности обнаружения следов, их фиксации в том виде, в каком они пригодны для дальнейшего экспертного исследования.

Минимальный набор технико-криминалистических средств содержится в следственном чемодане (сумке). При их недостаточности на месте происшествия могут применяться специальные машины — передвижные криминалистические лаборатории (ПКЛ), оборудованные комплектом криминалистических приборов.

На заключительном этапе осмотра места происшествия следователь военных следственных органов: а) составляет протокол осмотра места происшествия и планы (схемы) места происшествия; б) производит фотосъемку и (или) видеозапись места происшествия, которая, являясь наглядной иллюстрацией к протоколу, помогает уяснить его содержание и позволяет запечатлеть те детали объектов, которые трудно точно и полно отразить в протоколе. Кроме того, применение видеозаписи позволяет запечатлеть и впоследствии воспроизвести всю обстановку на месте происшествия, а также происходящие в ней изменения; в) упаковывает объекты, изъятые с места происшествия; г) оценивает результаты проведенного осмотра места происшествия в целях уяснения механизма совершенного преступления, возможности использования результатов осмотра для установления личности преступника[12].

В условиях боевой обстановки в районах вооруженного конфликта эффективность осмотра места происшествия в значительной степени обеспечивается за счет своевременности его проведения, так как в условиях ведения боевых действий, если немедленно не приступить к осмотру места происшествия, оно может измениться до неузнаваемости в результате бомбардировки, артиллерийского или минометного обстрела, захвата территории противником и т. д.[13] Негативное влияние на результаты и продолжительность осмотра места происшествия оказывают и такие неблагоприятные факторы, как близость позиций противника, артиллерийские и минометные обстрелы, действия снайперов, враждебное отношение местного населения и т. д.

Н.Ф. Чистяков, военный следователь военной прокуратуры дивизии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945), приводит такой пример из следственной практики: «...один из солдат подозревался в переходе на сторону противника. Для того чтобы проверить эту версию, нужно было произвести осмотр места происшествия, которым была нейтральная полоса, отделяющая наши передовые позиции от немецких несколькими десятками метров. Само собой разумеется, для того чтобы произвести такой осмотр, необходимо было ползти по предполагаемым следам подозреваемого в преступлении солдата»[14].

Подтверждает сказанное выше и следственная практика военной прокуратуры в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007). Так, при расследовании уголовного дела о вооруженном нападении в г. Аргун участников НВФ на четырех военнослужащих Веденской военной комендатуры, следовавших на автомобиле УАЗ-469 по маршруту Ведено — Ханкала, их убийстве и хищении оружия и боеприпасов возникла необходимость в незамедлительном проведении осмотра места происшествия. Однако дважды предпринятые попытки особого успеха не имели, так как следственно-

[12] Криминалистическая тактика: Учебник / Под ред. В.И. Киреева. М., 1991. С. 52.

[13] *Строгович М.С.* Гарантии установления материальной истины по уголовным делам в боевой обстановке // Труды ВЮА. Ашхабад, 1943. Вып. 3. С. 14.

[14] *Чистяков Н.Ф.* По закону и совести: Военные мемуары. М., 1979. С. 63.

оперативная группа, прибывшая для осмотра места происшествия без группы прикрытия, оба раза обстреливалась участниками НВФ, поэтому осмотр места происшествия был проведен поверхностно и по сокращенной программе, что оказало негативное влияние на полноту, всесторонность и объективность расследования данного уголовного дела и послужило одной из причин того, что лица, совершившие данное преступление, не были установлены[15].

Более того, как показал опыт расследования преступлений в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007), очень трудно, а порой просто невозможно было обеспечить своевременность осмотра места происшествия еще и потому, что значительное время уходило на проверку сообщения о преступлении, создание следственно-оперативной группы, ее сбор, прибытие на место происшествия и развертывание работы. Сказывалась и острая нехватка следователей, а также отсутствие организованности в работе. В результате между совершением преступления и осмотром места происшествия возникал существенный разрыв во времени.

В подобной ситуации, по мнению С.Я. Розенблита, задача органов дознания — сохранить в неприкосновенности до прибытия следователя всю обстановку места происшествия и предохранить от уничтожения следы преступления. Кроме того, органы дознания обязаны установить до прибытия следователя, кто первым обнаружил преступление, кто успел побывать на месте происшествия и мог изменить его или оставить следы, кто является очевидцем преступления и кто подозревается в его совершении. В некоторых случаях подозреваемые задерживаются до прибытия следователя, а фамилии и адреса свидетелей и прочих лиц, побывавших на месте происшествия, должны быть записаны. Если прибытие следователя ожидается в ближайшие часы, этим лицам должно быть предложено задержаться на месте происшествия до прибытия следователя. Если какие-либо следы преступления или преступника обнаружены вне места совершения преступления, органы дознания также должны принять меры к задержанию преступника и сохранению следов преступления. Если приезд следователя не ожидается в ближайшие часы или существует опасение, что обстановку места происшествия невозможно будет сохранить до его приезда в неприкосновенности, то орган дознания приступает самостоятельно к производству осмотра места происшествия и к составлению протокола осмотра[16].

На практике в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) командир воинской части в первую очередь о совершенном преступлении докладывал по команде вышестоящему командованию в п. Ханкала, с которым у него поддерживалась постоянная связь, а не военному прокурору, с которым он прямой связи не имел. Вышестоящее командование, используя свои возможности, вылетало с охраной на вертолете из п. Ханкала на место совершения преступления, где по неопытности уничтожало часть следов, оставленных преступниками. И только затем, при отсутствии положительных результатов расследования, убедившись в неспособности органа дозна-

[15] Уголовное дело передано по подследственности в прокуратуру Чеченской Республики.

[16] *Розенблит С.Я.* Дознание в Красной Армии: Руководство для дознавателей / Под ред. В.И. Носова. М., 1942. С. 13—16.

ния раскрыть преступление, разрешало командиру части уведомить о случившемся военного прокурора. Военный прокурор, спустя значительное время, получив с «оказией» материалы дознания, не имел возможности оперативно организовать прибытие офицеров военной прокуратуры на автотранспорте, не говоря уже об авиатранспорте, на место совершения преступления и тем более получить вооруженную охрану для их сопровождения. Поэтому к моменту прибытия офицеров военной прокуратуры на место совершения преступления уже была нарушена следовая картина и были уничтожены следы преступления.

Так, например, при расследовании уголовного дела о подрыве на нажимном фугасе в районе п. Старые Атаги Чеченской Республики БМП-1, в результате которого сдетонировал боекомплект боевой машины пехоты, в связи с чем произошли полное ее уничтожение, гибель всего личного состава БМП в количестве шести человек и утрата автомата АКС-74, командир воинской части вначале уведомил о преступлении вышестоящее командование. Прибывшие на вертолете до приезда следственной группы командир и офицеры штаба дивизии осмотрели место происшествия, при этом кто-то из них забрал «на память» часть самодельного детонатора нажимного фугаса и другие предметы, которые в последующем были безвозвратно утрачены, что явилось одной из причин того, что данное уголовное дело было не раскрыто[17].

Более того, зачастую к моменту прибытия следственно-оперативной группы ряд необходимых свидетелей и потерпевших убывают в командировки, на отдаленные заставы, боевые выезды, заступают в различные наряды, усиления и т. п., хотя в большинстве случаев существуют возможности их замены и обеспечения участия в следственных действиях.

Что касается вопроса о способе доставки следственно-оперативной группы к месту происшествия, то и здесь существуют определенные проблемы, связанные с наличием боевой обстановки в районах вооруженного конфликта. Как показал опыт расследования преступлений в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007), к месту происшествия можно было добраться только двумя способами: авиатранспортом (вертолетами) и наземными средствами передвижения (автомобили и боевая техника). Первый способ доставки является наиболее оптимальным и безопасным, так как в условиях окончания крупномасштабных активных боевых действий участники НВФ, имея на вооружении небольшое количество переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК), применяют их только на «оживленных» военных авиатрассах и не могут своевременно подготовить их к пуску при внезапном появлении вертолета вне этих авиатрасс. Однако этот способ доставки зависит от метеоусловий и может использоваться только лишь офицерами тех военных прокуратур, которые дислоцируются в непосредственной близости от аэродрома, дислоцированного в месте нахождения руководства ОГВ (с). Офицеры других военных прокуратур, не обладая в достаточной мере поддержкой командования авиагруппировки ВВС или ОГВ (с), имеют возможность добираться до территории отдельных воинских частей только попутным авиатранспортом, что иногда сказывалось на своевременности их прибытия на место происшествия. Тем не менее, офицеры военных прокуратур в районах вооруженного конфликта активно используют авиа-

[17] Уголовное дело передано по подследственности в прокуратуру Чеченской Республики.

транспорт для обслуживания поднадзорных воинских частей как наи более безопасный и скоростной.

Однако в основном офицеры военной прокуратуры в подавляющем большинстве случаев пользовались наземным транспортом, порядок ис пользования которого отличался от того, который применяется военно служащими в мирных условиях. Так, в соответствии с директивами и приказами министра обороны Российской Федерации, главнокомандую щего внутренних войск МВД России и командующего ОГВ (с) выезд наземного транспорта с территории воинских частей разрешен только группе машин в количестве не менее трех единиц, как правило, состоя щей не менее чем из одной-двух единиц боевой техники, выполняющи роль прикрытия. Это, прежде всего, связано с тем, что в большинстве случаев участники НВФ нападают на одиночные машины с военнослу жащими, что позволяет им в кратчайшие сроки (3—5 минут) уничто жить весь личный состав и скрыться с места боестолкновения. Специ фика деятельности военной прокуратуры по обслуживанию поднадзор ных воинских частей и необходимость убытия одновременно несколь ких следственно-оперативных групп в различные воинские части не позволяли использовать в полной мере возможности наземного авто транспорта довольствующей воинской части. Это связано и со сложной процедурой оформления «заявки» на выезд бронеколонны в проверяе мую воинскую часть. Для этого необходимо было заблаговременно уве домить командира воинской части, который неохотно выделял боевую технику для доставки следственно-оперативных групп в ущерб боевой готовности воинской части и в связи с возложением на себя дополни тельной личной ответственности за возможные потери при следовании боевой колонны с офицерами военной прокуратуры. Если же вопрос о выделении техники для сопровождения согласовывался, то после этого командование воинской части разрабатывало маршрут выдвижения ко лонны и решало другие связанные с этим вопросы (подбор и инструк таж военнослужащих, заправка техники топливом, погрузка необходи мого вооружения и боеприпасов, согласование эфирных радиочастот и позывных, доставка из районного отдела внутренних дел эксперта-кри миналиста и т. п.). На практике на это уходило большое количество времени и во многих случаях заканчивалось тем, что из-за обострения боевой обстановки вышестоящее командование вообще запрещало вы езд какого-либо автотранспорта с территории воинских частей, за ис ключением бронегрупп, направляемых на боевые выезды[18].

Вначале офицеры военных прокуратур были вынуждены на свой страх и риск добираться до обслуживаемых воинских частей, дислоцирован ных в пяти районах Чеченской Республики, на автомобилях «УРАЛ», закрепленных за военными прокуратурами, без необходимой в условиях вооруженного конфликта боевой техники сопровождения, используя в качестве охраны лишь прикомандированных к прокуратуре военнослу жащих. В последующем некоторые военные прокуроры, используя свое знакомство со старейшинами и религиозными лидерами, заинтересован ными в расследовании преступлений, совершенных военнослужащими, особенно в отношении местного населения, получали для доставки к

[18] *Маликов С.В.* К вопросу о взаимодействии органов военной прокуратуры с войсковыми подразделениями при проведении войсковых операций в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике в 1994—1996 гг. // Сборник научных трудов Гуманитарного института. 2001. № 1.

месту происшествия следственно-оперативной группы необходимое количество легковых автомобилей и лиц сопровождения в целях беспрепятственного проезда по шоссейным дорогам и урегулирования различного рода проблем в местностях, находящихся под контролем НВФ. Эта помощь местного населения позволила офицерам военных прокуратур беспрепятственно проезжать через все районы обслуживаемой военной прокуратурой зоны и в кратчайшие сроки прибывать на места совершения преступлений, что в значительной мере способствовало успешному раскрытию сложных уголовных дел. Однако такая практика таит в себе много опасностей, так как местное население зачастую оказывало помощь и участникам НВФ.

Кроме того, своевременное прибытие следственно-оперативной группы на место происшествия в районах вооруженного конфликта затруднено и тем, что после разгрома основных сил НВФ и прекращения активных боевых действий в Чеченской Республике началась минная война. Ее характерными особенностями являются: широкое нетрадиционное применение фугасов, мин-ловушек, различных взрывных устройств в целях нанесения поражения федеральным войскам, затруднения их действий, особенно на путях движения войсковых колонн или выдвижения маневренных групп и резервов.

Что касается организации следственных действий в горно-лесистой местности, то необходимо учитывать, что боевиками широко применяется установка взрывных устройств с помощью различного рода растяжек. При проведении осмотров мест происшествия, следственных экспериментов, проверок показаний на месте в населенных пунктах, подконтрольных участникам НВФ, необходимо в полной мере использовать возможности инженерной разведки для проверки зданий и сооружений на наличие взрывоопасных предметов. Отмечаются случаи минирования ящиков с имуществом, сейфов, брошенного оружия, мобильных телефонов, радиостанций, теле-, видео- и радиоаппаратуры, детских игрушек, а также компьютерной техники. Минируются также трупы (с этой целью применяются как мины, так и гранаты, устанавливаемые в подмышечную впадину трупа). Поэтому, прежде чем производить осмотр трупов на месте происшествия на территории, подконтрольной боевикам, необходимо предварительно с помощью саперной «кошки» с безопасного расстояния сдергивать труп с его ложа.

При выполнении своих служебных обязанностей следователи военных следственных органов должны считаться с возможностью их поражения снайперским огнем, учитывать то обстоятельство, что в любой момент следственно-оперативная группа (звено) может быть подвергнута нападению со стороны участников НВФ в целях обстрела или захвата следователей в заложники.

Так, например, при получении сообщения о нанесении 8 октября 1995 г. ракетно-бомбового удара неустановленными самолетами в районе с. Рошни-Чу Урус-Мартановского района (этот факт широко освещался в средствах массовой информации) для проведения осмотра места происшествия и выполнения неотложных следственных действий была направлена следственная группа военной прокуратуры. После ее прибытия на место происшествия вокруг села начали собираться жители близлежащих населенных пунктов, возбужденные происшедшим, под прикрытием которых в село проникли и участники НВФ. Среди них находились военный прокурор Чечни (Ичкерии) и его подчиненные. Вступив в пе-

реговоры с военным прокурором Ичкерии, офицеры военной прокуратуры федеральных войск, разъяснили свою позицию, предоставили возможность наблюдать за проводимыми следственными действиями по осмотру места происшествия и фиксации обстановки с помощью видео- и фотосъемки, сбору вещественных доказательств. У представителей НВФ не возникло сомнений в объективности проводимых следственных действий и с их помощью в ходе бесед с местными жителями удалось «разрядить» обстановку.

Существует определенная специфика в организации и проведении осмотра места происшествия на территории, контролируемой противником. Так, при подготовке к осмотру места происшествия на территории, контролируемой противником, следователь военных следственных органов обязан: ознакомиться с оперативной обстановкой на данном участке местности (в населенном пункте); изучить общую характеристику местности; уточнить численный состав, вооружение и места основной дислокации бандформирований, их активность на местности, подлежащей осмотру (при наличии данных о возможной активности бандформирований на местности, подлежащей осмотру, проведение его целесообразно отложить); изучить пути передвижения, караванные тропы противника; уточнить сведения о минированных участках; изучить задачи ближайших к данному участку местности войсковых подразделений и зоны их ответственности; в тесном взаимодействии с командованием поднадзорных воинских частей организовать доставку участников следственного действия к месту происшествия и проведение необходимых мероприятий по обеспечению их безопасности.

Так, например, в связи с расследованием уголовного дела о совершении рядовым К. умышленного убийства гражданина ДРА возникла необходимость в проведении осмотра местности в районе перевала Мирза-Атбили (провинция Саманган), контролируемой антиправительственной вооруженной группировкой[19].

Целью осмотра являлось обнаружение спрятанного рядовым К. в горах автомата с боеприпасами. Место, где было спрятано оружие, он не помнил, а указал только примерное направление поисков, так как прошло более двух лет после совершения преступления. Сориентироваться по крупномасштабным аэрофотоснимкам местности рядовой К. не смог. В связи с этим следователем было принято решение о проведении осмотра места с его участием на местности, находящейся под контролем антиправительственной вооруженной группировки. По согласованию с командованием к выполнению этой задачи привлекался мотострелковый взвод, усиленный бронегруппой из двух танков, саперы, радист, минометная батарея. Непосредственное руководство операцией прикрытия осуществлялось командованием штаба батальона, дислоцированного в пяти километрах от места проведения осмотра. После рекогносцировки местности и уточнения вероятных мест дислокации постов и маршрутов передвижения противника был разработан план боевого обеспечения операции, определен порядок связи и взаимодействия и поставлены задачи каждому подразделению. Поиск и осмотр местности осуществлялись в течение двух дней. Участникам следственной группы удалось найти ранее указанные ориентиры, а также обнаружить

[19] Особенности осмотра места происшествия на территории, контролируемой противником // Следственная практика ГВП. 1989. № 45.

в сухом русле ручья подсумок с магазинами, снаряженными боевыми патронами. Результаты осмотра окончательно изобличили рядового К. в совершении им убийства. Как позже было установлено, похищенный автомат был обнаружен и унесен мятежниками. В ходе поиска и осмотра местности не только была обеспечена безопасность участников, но и были созданы условия для нормальной работы по выявлению и закреплению следов преступления и вещественных доказательств. Это достигалось четким выполнением каждым военнослужащим группы обеспечения поставленных задач. Когда требовалось детально осмотреть какой-либо участок местности, танки и БТР занимали позиции на возвышенностях, обеспечивая постоянное наблюдение и круговую оборону. Обстановка докладывалась по рации на КП батальона каждые 30 минут. По ранее намеченному плану минометная батарея во время поиска оружия с определенными интервалами вела с перевала огонь по местам вероятного нахождения противника. Участники осмотра имели личное оружие, а также радиостанцию, миноискатели и щупы, все передвижения осуществлялись по возможности на БТР.

Таким образом, успех в организации и проведении осмотра места происшествия в рассматриваемых условиях находится в прямой зависимости от умелого взаимодействия следователя военных следственных органов с органами дознания. Следует, однако, подчеркнуть, что риск для жизни при проведении следственных действий во всех случаях должен быть разумным, в противном случае следует отказаться от их проведения до появления благоприятного момента. В этой связи важно уяснить взаимоотношения следователя военных следственных органов и руководителя группы обеспечения осмотра. Следователь военных следственных органов не вправе вмешиваться в оперативные вопросы; более того, в названных обстоятельствах он обязан подчиняться требованиям командира, вызываемым конкретной обстановкой на осматриваемой местности.

Для районов вооруженного конфликта в целях своевременного прибытия следователей военных следственных органов к месту происшествия и оперативного производства неотложных следственных действий необходимо создать в структуре ОПСГ мобильные следственно-оперативные группы (звенья) постоянного состава (следователь, оперативный работник (военный дознаватель), специалист-криминалист, а при необходимости и судебно-медицинский эксперт), имеющие в своем распоряжении передвижную криминалистическую лабораторию (ПКЛ), оснащенную современными технико-криминалистическими средствами, охрану из числа военнослужащих с бронетехникой (БТР, БМП), включая и специалиста по разминированию.

В условиях боевой обстановки в районах вооруженного конфликта особую остроту приобретают и проблемы быстроты и качества осмотра места происшествия. В.Н. Григорьев в целях их решения на практике предлагает применять в чрезвычайных условиях такой тактический прием, как проведение осмотра по «усеченной» методике, суть которой состоит в отказе от поиска и описания в протоколе таких деталей места происшествия, которые несущественны с точки зрения доказывания состава совершенного преступления[20].

---

[20] *Григорьев В.Н.* Расследование преступлений в чрезвычайных условиях // Правоведение. 1992. № 3. С. 52—60.

Однако более правильна точка зрения М.С. Строговича: «...ни в каком случае нельзя признать допустимым сокращение, сжатие протоколов допросов и осмотров. Наоборот, они должны в боевой обстановке составляться еще более полно и подробно, чем в мирных условиях, исходя из соображения, что допущенную неполноту допроса или осмотра восполнить не удастся, а свидетеля, может быть, не придется допросить в суде»[21].

Для того чтобы быстро и в то же время качественно осмотреть место происшествия в боевой обстановке, необходимо все детали обстановки в обязательном порядке фиксировать путем фотосъемки и видеозаписи, которые восполняют информацию, не нашедшую отражения в протоколе осмотра, и значительно сокращают время проведения следственного действия. Оправдала себя в боевой обстановке и методика использования диктофона для фиксации хода и результатов осмотра. Диктофонная запись позволяет быстро зафиксировать сведения о выявленных следах преступления на пленке. После возвращения с места происшествия на ее основе составляется письменный протокол. Аналогично используется видеозапись. Ее преимущество состоит в том, что она позволяет не только «наговаривать» соответствующие пояснения к протоколу осмотра, но и дополнять его наглядно-образным материалом, схронометрированным на таймере. При такой методике значительно экономится время проведения осмотра места происшествия без ущерба его качеству и достигается наглядность. Особое преимущество такая организация работы имеет в тех случаях, когда из-за непрекращающихся боевых действий, соображений безопасности, близости неприятеля, снайперского огня или по другим обстоятельствам нет возможности длительное время оставаться на месте происшествия.

Таким образом, в связи с тем, что осмотр места происшествия в населенных пунктах связан с наибольшей опасностью для жизни следователей военных следственных органов, это следственное действие должно быть хорошо продуманным, тщательно спланированным и проводиться в предельно сжатые сроки. При этом, необходимо помнить, что постоянно меняющаяся боевая обстановка может не позволить провести дополнительный осмотр места происшествия. Все следственные действия в районах вооруженного конфликта необходимо проводить с использованием фото-, видео- и аудиотехники, поскольку это значительно сокращает время проведения следственного действия, а значит, и время пребывания следователей военных следственных органов в опасной зоне.

Глава 3. Тактика проведения обыска в районах вооруженного конфликта

Обыском является следственное действие, содержание которого составляет принудительное обследование каких-либо объектов или лиц в целях обнаружения и изъятия орудий преступления, предметов, документов, ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела. Обыск также может производиться и в целях обнаружения разыскиваемых лиц и трупов.

Фактическим основанием производства обыска является наличие у следователя достаточных данных полагать, что у конкретного лица в

[21] *Строгович М.С.* Указ. соч. С. 20—21.

определенном месте находятся или могут находиться орудия преступления, предметы и ценности, добытые преступным путем.

Обыск в жилище производится на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ. В исключительных случаях, не терпящих отлагательства, обыск в жилище может быть произведен на основании постановления следователя без получения судебного решения. К числу безотлагательных могут относиться случаи, когда: во-первых, отыскиваемые объекты могут быть уничтожены или перепрятаны; во-вторых, промедление с обыском позволит разыскиваемому лицу скрыться; в-третьих, неотложность обыска обусловлена обстановкой только что совершенного преступления; в-четвертых, обыск необходим для пресечения дальнейшей преступной деятельности. Личный обыск при задержании лица или заключении его под стражу производится без соответствующего постановления.

Задачами обыска являются: 1) обнаружение орудий преступления, предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела; 2) обнаружение разыскиваемых лиц и трупов; 3) запечатление внешнего вида обнаруженных объектов, а в отношении обнаруженных лиц — установление необходимых данных о них; 4) изъятие объектов, имеющих значение для дела либо запрещенных к обращению, а также обеспечение процессуального задержания разыскиваемых лиц; 5) фиксация мест укрытия обнаруженных объектов или разыскиваемых лиц, тайников, в которых они спрятаны, изменений обстановки, специально предпринятых для сокрытия и маскировки искомых объектов.

Искомыми при обыске объектами могут быть: а) предметы и ценности, могущие иметь доказательственное значение (орудия и средства совершения преступления, предметы, на которых имеются следы преступления, объекты преступных действий, предметы и ценности, добытые преступным путем); б) предметы и ценности, которые вообще изъяты из гражданского оборота и не могут находиться в распоряжении обыскиваемого либо находятся у него без соответствующего разрешения (взрывчатые и радиоактивные вещества, оружие и т. п.); в) ценности, на которые может быть наложен арест в целях возмещения материального ущерба, нанесенного преступлением, а также предметы и документы, указывающие на местонахождение этих ценностей; г) документы, имеющие значение для розыска преступника и характеризующие его личность; д) разыскиваемые лица или их трупы.

В зависимости от характера обыскиваемых объектов различают следующие виды обыска:

1) обыск помещений — состоит в принудительном обследовании жилых домов, квартир, служебных помещений, всевозможных хранилищ, если там могут находиться интересующие следствие объекты;

2) обыск на местности — состоит в принудительном обследовании приусадебных и иных участков, находящихся в пользовании определенных лиц;

3) личный обыск — заключается в принудительном обследовании одежды, обуви и тела обыскиваемого.

По способу организации обыск может быть единичным, когда он производится в одном месте, и групповым, проводимым одновременно на нескольких объектах. Групповой обыск необходим в тех случаях, когда есть основания полагать, что искомые предметы или документы находятся у близких между собой лиц или у одного лица, но в разных местах

(на квартире, даче, в служебном помещении) и разновременное проведение этих обысков может способствовать сокрытию искомого заинтересованными лицами.

В зависимости от того, обыскивался ли ранее данный объект, обыски подразделяются на первичные и повторные. Повторный обыск производится в том случае, если первичный обыск не дал положительных результатов и имеются основания полагать, что разыскиваемые предметы могли быть не обнаружены при первичном обыске или появились на ранее обследованном объекте в последующем.

Производство обыска состоит из трех этапов: подготовительного, рабочего и заключительного.

В ходе подготовки к обыску следователь военных следственных органов выполняет следующие действия:

1) собирает и анализирует данные об искомых объектах, имеющих значение для расследования (их наименование, количество, размер, вес, индивидуальные особенности), информацию о личности обыскиваемого (его отношение к следствию, профессия, привычки, образ жизни, распорядок дня, психологические особенности), сведения о месте вероятного сокрытия искомых объектов (его нахождение, пути подхода к нему, расположение обыскиваемых и смежных помещений);

2) составляет постановление о производстве обыска и получает согласие на его производство у руководителя военно-следственного органа. При необходимости проведения обыска в жилище следователь военного следственного органа возбуждает ходатайство перед военным судом о выдаче разрешения на производство данного действия;

3) подготавливает необходимые поисковые средства, а также технические средства фиксации хода и результатов поисков;

4) определяет время проведения обыска[22];

5) определяет участников обыска и их обязанности;

6) вызывает и инструктирует участников обыска, разъясняет им обязанности, ставит индивидуальные задачи и указывает наиболее рациональные способы их решения. Лицам, которые будут непосредственно производить поиски, следователь военных следственных органов сообщает признаки разыскиваемых объектов, где они ориентировочно могут находиться, как следует их искать и поступать с ними в случае обнаружения. Все участники обыска предупреждаются, что о ходе и результатах поисков и других порученных им действий они должны своевременно информировать следователя военных следственных органов;

7) намечает меры по обеспечению скрытого для обыскиваемого подхода к месту обыска, быстрому проникновению в помещение, предотвращению возможного сопротивления или побега обыскиваемого и уничтожения искомого;

8) подготавливает транспортные средства в целях своевременного прибытия всех участников обыска на место его производства, а также доставки задержанного преступника и изъятых при обыске объектов.

Рабочий этап обыска разделяется на отдельные стадии: предварительную, обзорную и детальную.

---

[22] УПК РФ предусматривает проведение обыска днем, т. е. с 6 часов утра до 22 часов вечера. В ночное время, кроме случаев, не терпящих отлагательства, обыски не допускаются.

На предварительной стадии проводятся мероприятия, направленные на создание условий для эффективного производства обыска. По прибытии на место обыска следователь военных следственных органов выполняет следующие действия:

1) обеспечивает внезапное, быстрое и беспрепятственное проникновение участников обыска на обыскиваемый объект. В целях пресечения побега разыскиваемого, попыток обыскиваемого уничтожить какие-либо предметы, документы, связаться по телефону, самовольно выйти из помещения, воспрепятствовать обыску следователь военных следственных органов выставляет охрану у дверей и окон обыскиваемого помещения, принимает меры по предотвращению возможного сопротивлении обыскиваемым;

2) при входе на обыскиваемый объект называет себя, предъявляет свое служебное удостоверение, выясняет личность присутствующих, объявляет о цели своего прибытия, предъявляет под расписку обыскиваемому постановление о производстве обыска, а в случаях, предусмотренных УПК РФ, — судебное решение, разрешающее его производство. При необходимости следователь военных следственных органов указывает участникам обыска, где они должны находиться, запрещает им покидать помещение, а также общаться друг с другом до окончания обыска, определяет, кто и как будет отвечать на телефонные звонки;

3) называет понятых, специалиста и других участников обыска, разъясняет участникам обыска их права, ответственность, порядок производства обыска и уведомляет их о применении технических средств. Понятым и специалисту, кроме того, разъясняются их права, обязанности и ответственность, предусмотренные ст.ст. 58 и 60 УПК РФ. В соответствии со ст. 161 УПК РФ участники обыска предупреждаются о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения сведений, которые станут им известны в ходе данного следственного действия;

4) до начала обыска предлагает лицу, у которого производится обыск, добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. Если искомые объекты выданы добровольно и нет оснований опасаться их сокрытия, то следователь военных следственных органов вправе не производить обыск. Если разыскиваемые предметы не предъявлены добровольно или есть основания полагать, что они выданы не полностью, следователь военных следственных органов продолжает проведение обыска;

5) подбирает и освобождает от посторонних предметов отдельно стоящий стол, на который можно положить письменные принадлежности, технические средства криминалистики, а в последующем складывать подлежащие изъятию объекты, осматривать их и упаковывать;

6) при наличии достаточных оснований полагать, что обыскиваемый и другие лица, оказавшиеся на месте обыска, могут скрывать при себе подлежащие изъятию предметы, которые могут иметь значение для уголовного дела, производит личный обыск данных лиц.

На обзорной стадии обыска следователь военных следственных органов:

1) осматривает все подлежащие обыску объекты в целях выяснения объема предстоящей работы, порядка ее осуществления;

2) выявляет наиболее вероятные места нахождения искомых объектов, в том числе тайников;

3) уточняет очередность обследования отдельных помещений и участков местности, что следует делать каждому из участников следствен-

ного действия, дополнительно инструктирует лиц, производящих обыск, о наиболее целесообразных в данных условиях методах и приемах поисков.

На детальной стадии обыска изучаются соответствующие части обыскиваемого объекта и ведется непосредственный поиск предметов, имеющих значение по уголовному делу.

При сплошном обыске обследуются все помещение, все участки и предметы, находящиеся на месте обыска. Следователь военных следственных органов передвигается по спирали от периферии к центру или вдоль условных полос, на которые разбивается обыскиваемая территория. Когда есть основания предполагать, что отыскиваемые предметы ввиду своих индивидуальных свойств могут быть спрятаны лишь в определенных местах, проводится выборочное (частичное) обследование таких мест. При выборочном обыске обследуется определенная часть соответствующего объекта.

В ходе детальной стадии обыска следователь военных следственных органов:

1) вправе перемещать мебель, вскрывать любые запертые помещения, если владелец отказывается добровольно их открыть;

2) по возможности обследует объект без нарушения его целостности путем простукивания, прокалывания, прощупывания, сравнения с аналогичными предметами;

3) наблюдает за поведением обыскиваемого и членов его семьи в целях обнаружения в их поведении признаков волнения, позволяющих сделать вывод о месте сокрытия искомых объектов;

4) обнаруженные в ходе обыска предметы, документы и ценности предъявляет понятым, обыскиваемому и другим лицам, присутствующим при обыске, обращая внимание понятых на индивидуальные особенности этих объектов и на место их обнаружения;

5) в любом случае изымает предметы и документы, изъятые из оборота;

6) осматривает все изымаемые объекты на месте обыска, описывает их в протоколе, упаковывает и опечатывает, что удостоверяется подписями участников обыска.

При необходимости просмотра большого количества документов привлекаются технические помощники. При этом, составляется опись документов, которая прилагается к протоколу обыска, а изъятые документы опечатываются.

Все части помещения, где могут быть скрыты искомые объекты, подвергаются тщательному обследованию. В этих целях следователь устанавливает наличие чердака, подвала, пристроек подсобных помещений, мест хранения инструментов, склада горюче-смазочных материалов, гаража, камеры хранения вещей, душевых комнат и т. д. При поиске тайников в помещении необходимо учитывать, что они могут находиться в стенах, под полом, на чердаке, в предметах домашней обстановки.

Обыск на местности осложняется тем, что поиски проводятся на большой территории. Для обыска местность разбивается на участки (квадраты, прямоугольники, треугольники, сектора в зависимости от характера рельефа местности и соображений удобства). Если обыск связан с поиском преступника, применяется служебно-розыскная собака.

Личный обыск производится при наличии достаточных оснований полагать, что данное лицо скрывает при себе предметы или документы, которые могут иметь значение для уголовного дела. Личный обыск про-

водится не менее чем двумя сотрудниками: один обнаруживает и изымает искомые предметы и документы, другой наблюдает за поведением обыскиваемого в целях пресечения его сопротивления или внезапного нападения на обыскивающего. При этом, обыскивающий и понятые должны быть одного пола с обыскиваемым.

В начале личного обыска следователь обезоруживает обыскиваемого, предлагает ему встать лицом к стене и поднять руки вверх. Далее в направлении сверху вниз обследуются головной убор, одежда, нижнее белье, обувь. В случае необходимости обследуется тело обыскиваемого с участием медицинского работника (волосы, полость рта, уши, нос и т. д.). Обследованию подлежат также предметы, которые находятся при обыскиваемом.

Основным средством фиксации хода и результатов обыска является протокол, составляемый в соответствии с требованиями ст. ст. 166 и 167 УПК РФ после завершения обыска на месте его проведения.

В связи с необходимостью вручения обыскиваемому копии протокола его необходимо составлять в двух экземплярах. Копия протокола вручается обыскиваемому лицу либо представителю командования воинской части, в помещении которого производился обыск.

В качестве дополнительных средств фиксации производятся фотографирование и видеозапись места обыска, обнаруженных тайников и предметов, составляются схемы и планы, которые оформляются в качестве приложения к протоколу обыска (выемки).

Основания и процессуальный порядок производства обыска в районах вооруженного конфликта по действующему УПК РФ те же, что и в обычных мирных условиях. Однако в районах вооруженного конфликта зачастую создается такое положение, что невозможно в полном объеме подготовиться к проведению обыска, дефицит времени не позволяет более или менее полно собрать ориентирующую информацию и разработать подробный тактический план обыска. В целях обеспечения элемента внезапности требуется немедленное проведение обыска, поэтому приходится довольствоваться только данными, собираемыми на месте непосредственно перед началом обыска, а также в ходе проведения его предварительной и, особенно, обзорной части. И хотя это не должно являться препятствием для проведения обыска, однако при любых обстоятельствах перед началом проведения обыска следователь военных следственных органов должен располагать хотя бы минимумом данных о той обстановке, в которой ему придется действовать. Эти данные позволяют разработать тактический план предстоящего обыска, основными вопросами которого являются: а) выбор времени обыска; б) подбор участников обыска; в) распределение обязанностей между ними; г) потребность в технико-криминалистических средствах. Решение этих вопросов особенно важно в тех случаях, когда на подготовку обыска остается незначительный отрезок времени.

Как показывает следственная практика военных следственных органов, обыск целесообразно проводить в такое время, когда: а) имеются данные о том, что разыскиваемые предметы будут находиться в обыскиваемом помещении или на участке местности; б) обыскиваемое лицо не ожидает или менее всего ожидает появления участников обыска; в) легче всего осуществить скрытый подход к месту проведения обыска; г) менее всего ожидаются затруднения при входе в обыскиваемое помещение; д) условия погоды благоприятны для производства обыска

на открытой местности[23]. Если обыск не сопряжен с задержанием подозреваемого или какими-то другими мероприятиями, его лучше начинать утром, чтобы иметь на поисковую работу время светового дня. Однако в районах вооруженного конфликта это не всегда становится возможным из-за действия снайперов НВФ, поэтому возможно проведение обыска и в ночное время, тем более что действующее уголовно-процессуальное законодательство, в случаях, не терпящих отлагательства, это не запрещает (ст. 164 УПК РФ).

Состав и число участников обыска зависят от сложности уголовного дела, его срочности, объема поисковых работ и других факторов, лежащих в основе предстоящей операции. В районах вооруженного конфликта обыски, как правило, производятся участниками следственно-оперативной группы (звена). Перед выездом следственно-оперативной группы (звена) для производства обыска должен производиться подробный инструктаж, на котором сообщаются место обыска, его задачи и основные методы проведения, называются подлежащие отысканию предметы. Определяется расстановка участников группы, каждому ставится задача: кто будет находиться в оцеплении, кто вести поиски, кто наблюдать за обыскиваемым, каковы действия в случае непредвиденного осложнения обстановки (нападение участников НВФ, вооруженное сопротивление обыскиваемого или его сослуживцев и т. п.). Поэтому рекомендуется всякий обыск, производимый в присутствии обыскиваемого, начинать с личного обыска последнего в целях изъятия у него личного оружия, боеприпасов и других предметов, которые он может использовать для оказания сопротивления.

Обыск должен проводиться планомерно и тщательно, с соблюдением выработанных практикой и описанных в юридической литературе тактических рекомендаций[24]. А.В. Образцов предлагает в условиях чрезвычайного положения, когда активизируется нелегальный оборот оружия, ввести в процедуру обыска такое действие следователя, как выяснение у обыскиваемого волеизъявления о добровольной сдаче не только разыскиваемых предметов, но и предметов, изъятых из гражданского оборота (оружие, боеприпасы, взрывные устройства и т. д.), перед непосредственным началом обыска. В этот момент, если у обыскиваемого лица действительно имелись намерения о добровольной сдаче оружия, у него будет такая возможность. Если же обыскиваемое лицо таких намерений не имело, заранее приняв меры к сокрытию, то в последующем у него уже не будет возможности сделать заявление о том, что данные предметы он желал добровольно сдать, или, по крайней мере, такое заявление будет выглядеть абсурдным уже потому, что обыскиваемое лицо ранее, еще до начала следственного действия, такую возможность не использовало[25].

С.Я. Розенблит рекомендовал, исходя из опыта следственной практики в годы Великой Отечественной войны (1941—1945), при обыске в личных вещах военнослужащих в первую очередь обыскивать постель, тумбочку и чемодан (сумку) с личными вещами. Если имеются основания думать, что заподозренный подбросил разыскиваемый предмет или

---

[23] *Михайлов А.И., Юрин Г.С.* Обыск. М., 1971. С. 13.

[24] См.: *Ратинов А.Р.* Обыск и выемка. М., 1961; *Леви А.А., Михайлов А.И.* Обыск: Справочник следователя. М., 1983; *Закатов А.А., Ямпольский А.Е.* Обыск. Волгоград, 1993 и др.

прятал его, то производится обыск и в таких помещениях, как туалет, умывальник, коридоры. В летнее время следует заглянуть в топки печей, где могут быть спрятаны разыскиваемые предметы. Известны случаи, когда похищенные деньги зашивались в подушку или в матрас. При обыске в служебных помещениях, который должен быть проведен немедленно после появления оснований, ввиду доступности служебного помещения посторонним лицам, следует осмотреть ящики письменного стола обыскиваемого, корзины для мусора, сейфы и другие хранилища, которые находятся в его ведении и пользовании[26]. Категорически запрещены уголовно-процессуальным законодательством проведение массовых и повальных обысков у военнослужащих.

На выбор места сокрытия и используемых при этом приемов влияют профессиональные навыки и иные навыки обыскиваемого военнослужащего, его физическое состояние. Чаще всего военнослужащие в мирных условиях пересылают похищенные предметы посылками по месту жительства; хранят у сослуживцев — военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, дома; прячут на боевой и автомобильной технике; на хозяйственных дворах; в заброшенных отдельно стоящих полуразрушенных строениях; в канализационных колодцах и колодцах теплоцентрали, на чердаках и т. д.

В районах вооруженного конфликта, как показал опыт расследования уголовных дел о хищении военнослужащими оружия и боеприпасов в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007), если военнослужащий похищал оружие на боевом выезде, на марше, во время кратковременных стоянок и не имел реальной возможности незамедлительно сбыть похищенное местным жителям, то он не оборудовал постоянного тайника вне территории воинской части или блокпоста, так как не знал о том, сможет ли он когда-нибудь оказаться в этом месте и воспользоваться похищенным. В этом случае местами оборудования тайников являлись либо его личные вещи, либо боевая и иная специальная техника. В последующем, по прибытии к месту постоянной дислокации, военнослужащий либо перепрятывал похищенное оружие на территории воинской части или блокпоста, либо оставлял спрятанным в боевой и иной технике (последнее характерно для лиц, обслуживающих эту технику).

Выявлены следующие места возможного хранения похищенного, подлежащие осмотру при обыске в автомобилях и боевой технике:

1) в служебных автомобилях:

а) между облицовкой и внутренней обшивкой салона; б) в сиденьях, под ними и в их спинках; в) под щитком приборной доски; г) в гнезде для радиоприемника; д) в багажничке салона; е) в нише для антенны радиоприемника; ж) на днище кузова в местах крепления амортизаторов, передней подвески, заднего моста (путем подвязывания); з) между камерой и флиппером запасного колеса; и) за облицовкой радиатора; к) под передними крыльями (путем подвязывания); л) в нише бака с горючим; м) в багажнике и его содержимом; н) в ящике (чехле) с инст-

[25] *Образцов А.В.* Организация работы следователя по собиранию доказательств в условиях чрезвычайного положения: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 15—16.

[26] *Розенблит С.Я.* Дознание в Красной Армии: Руководство для дознавателей. С. 21.

рументами и запасными частями; о) в личных вещах (портфелях, сумках, корзинах и т. п.) и одежде, находящихся в автомобиле; п) на земле (полу) под автобусом и возле него, куда могут быть выброшены разыскиваемые предметы;

2) в штабных автобусах:

а) между облицовкой и внутренней обшивкой стен и потолка салона и кабины водителя; б) в сиденьях (водителя и пассажиров), под ними и в их спинках; в) под панелью щитка приборов; г) в панелях указателя маршрута; д) в кожухе печки и нишах отопительной системы; е) в нишах для инструмента (запасных частей и перевозки багажа); ж) в кожухе радиатора и между облицовкой передней части и радиатора; з) в воздухоочистителе карбюратора (автобусов ЛАЗ и ЛИАЗ) и в системе кондиционирования воздуха (автобусов ЛАЗ и «Икарус»); и) в нишах крепления амортизаторов и пневмоподушках уровня пола; к) между обшивками несущей конструкции уровня пола; л) в баках с горючим и в нишах их установки; м) под днищем автобуса (путем подвязывания); н) в люке ниши для аккумуляторных батарей; о) в барабане и между камерой и флиппером запасного колеса; п) в мебели, встроенных шкафах, отсеках, лежанках, постельном белье штабных автобусов; р) на земле (полу) под автомобилем и возле него, куда могут быть выброшены разыскиваемые предметы;

3) в грузовых автомобилях (тягачах):

а) между обшивкой и облицовкой дверей и крыши кабины; б) в сиденьях кабины, под ними и в их спинках; в) в кожухе вентилятора кабины; г) под панелью щитка приборов; д) в кожухе радиатора печки; е) между облицовкой кабины и радиатором; ж) в нише установки аккумуляторных батарей; з) в местах крепления тента к кузову и между тентом и поддерживающими его дугами; и) в барабане и между камерой и флиппером запасного колеса; к) в углублении (выемке) рамы автомобиля (по всему периметру); л) в баках с горючим; м) в воздухоочистителе карбюратора; н) в выемке бампера (с внутренней стороны); о) под крыльями кабины (путем подвязывания); п) в ящике для инструмента и запасных частей (под кузовом); р) на земле (полу) под автобусом и возле него, куда могут быть выброшены разыскиваемые предметы;

4) в боевых машинах пехоты (БМП):

а) в силовом отделении машины (за перегородками и возле агрегатов); б) под вращающейся кабиной боевого отделения; в) под сиденьями и полом десантного отделения; г) в отсеке для нагнетателя системы защиты от оружия массового поражения; д) в отсеке для аккумуляторных батарей; е) в скатке брезента для укрытия машины;

5) в бронетранспортерах (БТР):

а) между днищем и полом в отделении управления и боевом отделении; б) под агрегатами и узлами отделения силовой установки; в) под сиденьями командира и водителя; г) у тяговой лебедки и тормозных цилиндров отделения управления; д) в водометном движителе; е) в трубах заднего хода водометного движителя;

6) в танках:

а) под полом боевого отделения; б) под стеллажом для аккумуляторных батарей; в) в ящике для танкового прибора ночного видения механика-водителя (ТНВ-2); г) в ящиках для запасного инструмента и принадлежностей (ЗИП) машины и пушки; д) за моторной перегородкой в пустотах силового отделения; е) в ящике для прожекторов приборов

ночного видения; ж) под топливными баками отделения управления, над ними сверху и между топливными баками и бортом; з) в скатке брезента для укрытия машины; и) под масляным радиатором (путем подвешивания или иного закрепления); к) в воздухоочистителе системы питания двигателя воздухом; л) в подогревателе системы подогрева двигателя (в период весенне-летней эксплуатации); м) под подогревателем системы подогрева двигателя; н) под двигателем (при снятии подмоторного люка); о) на земле (полу) под танком и возле него, куда могут быть выброшены разыскиваемые предметы.

Если же военнослужащий похищал оружие на территории воинской части, то места оборудования тайников всегда находились на территории воинской части, так как территория воинских частей и блокпостов окружена по периметру различными системами и видами заграждений, в том числе и минно-взрывными, и военнослужащие могут свободно перемещаться лишь в пределах воинской части, базового лагеря или блокпоста и, как правило, вблизи расположения своей роты. Типичными местами оборудования тайников являлись близлежащее к месту расположения разрушенное здание, места отдыха личного состава (палатки, землянки и т. п.), туалет и умывальник, близлежащие к ним нежилые строения, а также кучи мусора на свалке, или похищенное зарывается в землю. Поэтому доказательственное значение порой имеют не столько изъятые при обыске похищенные предметы, сколько место их обнаружения. Поэтому, прежде чем изъять улики, необходимо обратить внимание понятых и обыскиваемого на место их расположения, зафиксировав обстоятельства с помощью фотосъемки или видеозаписи.

Кроме того, в ходе осмотра обнаруженного следует помнить о мерах предосторожности, так как преступник по ошибке или специально может привести оружие и боеприпасы в боевую готовность для взрыва или стрельбы. В этих целях в ходе осмотра и изъятия обнаруженного необходимо привлечь специалиста, как правило, сапера, который на месте сможет выяснить, приведены ли обнаруженные предметы в боевое положение.

При сокрытии уличающих предметов обыскиваемый военнослужащий учитывает психологические свойства лиц, производящих обыск. Так, в качестве места сокрытия иногда выбираются объекты, которые должны вызвать чувство брезгливости у следователя военных следственных органов (выгребная яма туалета, помойка, грязное белье, окровавленные бинты и обмундирование и т. п.). Искомое помещается в объектах, которые, по мнению обыскиваемого, при обыске постесняются тщательно исследовать (иконы, постель раненого, вещи убитого и т. п.), или в объектах, назначение которых никак не вяжется с использованием их в качестве хранилищ (например, груз «200» для контрабанды героина из Афганистана)[27].

Что касается потребности в технико-криминалистических средствах обыска, то при их выборе должны решаться два основных вопроса: а) какие технико-криминалистические средства потребуются для производства данного обыска; б) какое количество однотипных экземпляров из уже определенного перечня необходимо иметь, чтобы в запланированное для обыска время суметь обеспечить должную полноту и надлежащую тщательность поисковых работ[28]. При этом, если решение первого вопроса связано с характером искомых предметов, предполагаемым спо-

собом их сокрытия и характером обыскиваемого объекта, то решение второго вопроса зависит от объема поисковых работ.

В настоящее время следователями военных следственных органов для обнаружения различных предметов из черных и цветных металлов, скрытых в земле, снегу, траве, неглубоких водоемах или в тайниках стен широко используются следующие технико-криминалистические поисковые средства: металлоискатель портативный ВМ-311, металлоискатели «Ирис-П» и «Ирис-Э», металлодетекторы «Garrett» различных модификаций, компьютеризованный металлодетектор «Стерх Мастер», миноискатели ИМП-2 «Дирижер» и ИМБ «Паслен», магнитная система МОС-70 с универсальным цанговым зажимом, индивидуальный газосигнализатор сероводорода ИГС-98 «Сирень-В», портативный ультрафиолетовый осветитель «МД-118», электронно-оптический преобразователь с инфракрасным осветителем ПНВ «Зенит», магнитный трал МТ-1, ручной земляной бур, магнитный щуп, индикатор напряжения «ИН-1», зеркало досмотровое на телескопической ручке с фонарем.

Если обследуемый участок очень большой, целесообразно осуществлять поисковые работы по следующей схеме: вначале участок обследуют саперы с миноискателями, затем по участку, разбитому на полосы шириной 1,5—2 м, первыми идут лица, зондирующие грунт щупами, за ними идут участники обыска, собирающие металлический мусор (осколки мин и снарядов, гильзы, пули и т. п.) с помощью магнитных искателей, и дальше — оператор с металлоискателем. Замыкают поисковую группу лица с шанцевым инструментом, производящие раскопки.

Глава 4. Тактика проведения допроса в районах вооруженного конфликта

Допросом является следственное действие, содержание которого составляет получение и фиксация показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого или эксперта об известных им фактах, имеющих значение для расследования преступления.

В целях получения достоверных сведений от допрашиваемого лица необходимо: а) зафиксировать в протоколе правдивые и достоверные показания; б) вскрыть возможное добросовестное заблуждение допрашиваемого лица и оказать ему помощь в правильном воспроизведении ранее воспринятых обстоятельств; в) изобличить во лжи лицо, умышленно скрывающее правду, и добиться получения от него правдивых и достоверных показаний.

К допросу предъявляются следующие требования: а) объективность допроса — непредвзятое и беспристрастное отношение следователя к допрашиваемому лицу и процессу допроса, недопущение субъективного уклона при допросе; б) полнота допроса — получение от допрашиваемого и фиксация в протоколе всей известной ему информации о расследуемом преступлении, а не только той, которая согласуется с версией следователя; в) целеустремленность допроса — проведение допроса с заранее обдуманной целью получить от допрашиваемого лица полную и достоверную информацию, имеющую значение для дела; г) активность

---

[27] *Маликов С.В.* Некоторые проблемы производства отдельных следственных действий в боевой обстановке: Материалы военно-научной конференции курсантов и слушателей Военного университета. М., 1997.

[28] *Михайлов А.И., Юрин Г.С.* Указ. соч. С. 15—16.

допроса — заключается в том, что следователь для достижения поставленной цели ведет допрос инициативно, наступательно, умело использует все необходимые тактические приемы.

Эффективность любого вида допроса зависит от умения следователя военных следственных органов избрать правильную линию поведения при подготовке, проведении и фиксации допроса. При этом, на принятие допрашиваемым лицом решения давать правдивые или ложные показания влияет умение следователя военных следственных органов оказывать на него тактико-психологическое воздействие в процессе допроса.

Ложная информация может выражаться в следующих формах: а) утверждение факта, которого не было; б) сокрытие или отрицание имевшего место факта; в) искажение факта, а его содержание зависит от мотивов и причин, побуждающих допрашиваемого давать ложные показания.

Типичными мотивами (причинами) дачи ложных показаний могут быть: а) нежелание в последующем участвовать в следственных действиях и быть вызванным в суд; б) стремление скрыть свои отрицательные поступки, трусость, аморальное поведение; в) ошибочная оценка своих действий как преступных и потому стремление скрыть их или описать иначе; г) воздействие со стороны заинтересованных лиц, побуждающих допрашиваемое лицо к ложным показаниям путем подкупа, угроз, уговоров; д) боязнь мести со стороны подозреваемого, обвиняемого, их знакомых и родственников; е) стремление скрыть соучастников преступления, выгородить обвиняемого либо смягчить его вину в силу родственных, дружеских отношений либо из чувства сострадания к нему; ж) стремление усугубить вину обвиняемого или подозреваемого (обида, месть, ревность, враждебные отношения); з) желание запутать и затянуть следствие, чтобы затруднить раскрытие преступления; и) желание приуменьшить свою вину и избежать наказания; к) стремление выступить в качестве потерпевшего путем инсценировки преступления; л) недоверие к лицу, производящему допрос, личная неприязнь к нему; м) неблагоприятная процессуальная обстановка, когда следователь нарушает требования уголовно-процессуального закона и нормы профессиональной этики; н) стремление оговорить себя; о) скептическое отношение к возможности правоохранительных органов раскрыть преступление и обеспечить личную безопасность допрашиваемого; п) религиозные и национальные чувства.

Структурно допрос состоит из трех этапов: подготовительного, рабочего и заключительного.

В ходе подготовки к допросу следователь военных следственных органов должен:

1) собрать и проанализировать данные для допроса, т. е. изучить имеющиеся в уголовном деле материалы, сопоставить сведения об одних и тех же обстоятельствах, содержащихся в протоколе осмотра, первичных и дополнительных показаниях допрошенных ранее лиц, документах, заключении эксперта, что позволит своевременно выявить противоречия, подлежащие устранению в ходе допроса. Если предметом допроса является выяснение специальных вопросов, то следователь военных следственных органов предварительно изучает их, используя справочную литературу и консультируясь со специалистами;

2) определить предмет допроса, т. е. в результате изучения материалов уголовного дела и специальных вопросов следователь военных след-

ственных органов уясняет, кого и для выяснения каких обстоятельств следует допросить и какими сведениями располагает данное лицо;

3) изучить индивидуальные особенности личности допрашиваемого, влияющие на формирование его показаний и тактику его допроса: физическое и психическое состояние допрашиваемого, наличие у него физических или психических недостатков; возраст, национальность, язык, на котором допрашиваемый может давать показания; социально-психологические особенности (образование, профессия, интересы, морально-волевые качества, отношение к сослуживцам, поведение в быту); особенности характера, которые способствуют установлению психологического контакта с допрашиваемым либо препятствуют его установлению; возможные мотивы сокрытия или дачи ложных показаний допрашиваемым;

4) определить место, время допроса и способ вызова на допрос. При определении времени допроса учитывается наиболее целесообразная последовательность проведения допросов по данному делу, обеспечивающая предупреждение и раннее выявление ложных показаний. В первую очередь допрашиваются те лица, от которых можно ожидать наиболее полных, правдивых и достоверных показаний. Располагая такими показаниями, следователь военных следственных органов сможет правильно оценить показания других лиц, своевременно разоблачить попытки дать ложные показания. При прочих равных условиях ранее других допрашиваются лица, находящиеся в служебной или иной зависимости от обвиняемого, подозреваемого, чтобы он не успел повлиять на их показания;

5) определить тактику допроса, т. е. выбрать тактические приемы, которые предполагает использовать при допросе, с учетом процессуального положения допрашиваемого, его предполагаемой линии поведения на допросе, участия в допросе переводчика, адвоката, эксперта, специалиста, а также имеющихся в деле доказательств. Особенно важное значение имеет продумывание дополняющих, уточняющих, напоминающих и контрольных вопросов, которые, в случае необходимости, могут быть поставлены допрашиваемому на соответствующей стадии допроса;

6) решает организационно-технические вопросы, связанные с допросом: готовит средства аудио- и видеозаписи; обеспечивает необходимые транспортные средства и охрану, если они могут потребоваться для доставки допрашиваемого к месту допроса; готовит помещение для проведения допроса;

7) составить письменный план допроса в произвольной удобной форме. При подготовке к простым допросам допустимо мысленное планирование или составление плана по упрощенной форме, в виде перечня вопросов. По сложным, многоэпизодным делам при составлении и реализации плана целесообразно использовать вспомогательные записи («лицевой счет» на допрашиваемого обвиняемого, т. е. выписки из материалов дела со ссылкой на листы дела и иные доказательства, изобличающие обвиняемого по каждому эпизоду; «схему-шахматку», отражающую, в каких эпизодах участвовал каждый из соучастников преступления).

Рабочий этап допроса делится на следующие четыре стадии.

1. *Стадия установления психологического контакта* с допрашиваемым, на которой следователь военных следственных органов решает следующие задачи: а) определяет индивидуально-психологические осо-

бенности допрашиваемого, его отношение к допросу и самому следователю; б) устраняет психологические барьеры общения (эмоциональную напряженность, неправильное отношение к следователю и допросу); в) создает благоприятную для процесса общения психологическую обстановку, при которой допрашиваемый проникается доверием к следователю, пониманием его задач и обязанностей, осознает необходимость способствовать своими показаниями установлению истины.

Для решения данных задач используются следующие тактические приемы[29]: а) спокойный тон разговора, соблюдение следователем военных следственных органов такта и вежливости, что побуждает допрашиваемого к такому же поведению; б) беседа на отвлеченную тему с целью изучить индивидуально-психологические особенности допрашиваемого, снять его эмоциональное напряжение, помочь ему привыкнуть к обстановке допроса, вызвать его интерес к общению со следователем; в) внимательное выслушивание допрашиваемого, интерес к его личности, профессии, увлечениям, внимательное отношение к его просьбам и ходатайствам, что внушает допрашиваемому уверенность в непредвзятом, доброжелательном отношении к нему следователя; г) разъяснение допрашиваемому его прав и обязанностей в форме доброжелательной беседы, внушающей ему уверенность в объективности, беспристрастности следователя; д) ознакомление обвиняемого (подозреваемого) с положительными для него правовыми последствиями раскаяния и активного способствования раскрытию преступления.

В случаях когда допрашиваемый отказывается от дачи показаний, составной частью установления психологического контакта является преодоление запирательств допрашиваемого, побуждение его к даче правдивых и полных показаний. С этой целью используются следующие тактические приемы: а) разъяснение допрашиваемому важности установления истины; б) использование факта дачи показаний другими лицами; в) напоминание свидетелю или потерпевшему об ответственности за отказ от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний; г) убеждение обвиняемого (подозреваемого) в том, что в его интересах дать показания до того, как заговорят его соучастники.

2. *Стадия свободного рассказа*, на которой следователь военных следственных органов решает следующие задачи:

а) стимулирует свободный рассказ допрашиваемого с помощью следующих тактических приемов: предлагает допрашиваемому рассказать об известных ему обстоятельствах расследуемого события; внимательно выслушивает рассказ допрашиваемого, не перебивая его; высказывает отдельные нейтральные реплики, стимулирующие продолжение рассказа: «не волнуйтесь», «слушаю вас внимательно», «понятно», «продолжайте»;

б) помогает допрашиваемому избрать последовательность изложения обстоятельств, описать события в хронологической (сначала излагаются обстоятельства, предшествовавшие преступлению, затем описываются преступные деяния и последующие действия) или логической (вначале даются показания о причинах совершения тех или иных действий, а затем об их последствиях) последовательности;

в) предупреждает ложные показания допрашиваемого, для чего использует тактический прием «деление темы свободного рассказа». При

[29] См., например: Криминалистическая тактика. С. 93—102.

этом, следователь военных следственных органов, не фиксируя внимание допрашиваемого на главном факте, предлагает ему рассказать о связанных с этим фактом предыдущих, одновременных или последующих фактах, а уже потом переходить к выяснению основного вопроса. Логика фактов и нежелание допустить противоречия в своих показаниях могут побудить допрашиваемого сообщить следователю сведения о главном факте, которые он первоначально хотел скрыть.

3. *Стадия восполнения и оценки полученных показаний*, на которой решаются следующие три задачи: а) восполнение полученных показаний с учетом предмета допроса; б) критическая оценка полноты и достоверности полученных показаний; в) определение причин их недостоверности или неполноты (забывание, добросовестное заблуждение допрашиваемого, сознательное сокрытие или искажение истины).

Для решения указанных задач используются следующие тактические приемы: а) постановка дополняющих вопросов (содействуют более подробному изложению обстоятельств, составляющих предмет допроса); б) постановка уточняющих вопросов (конкретизируют полученные сведения); в) постановка напоминающих вопросов (оживляют память допрашиваемого, вызывают в ней те или иные ассоциации, связанные с выясняемыми обстоятельствами); г) постановка контрольных вопросов об источниках, из которых допрашиваемому стали известны сообщаемые им сведения; д) постановка контрольных вопросов об обстоятельствах, знание которых допрашиваемым прямо или косвенно подтверждает его причастность к расследуемому событию или осведомленность о нем; е) сопоставление показаний с другими имеющимися в деле доказательствами и сведениями, полученными из оперативных источников.

4. *Стадия дальнейшего допроса в бесконфликтной или конфликтной ситуации.*

Бесконфликтная ситуация допроса характеризуются тем обстоятельством, что допрашиваемый искренне стремится помочь следствию в установлении истины, но его показания неполны или недостоверны вследствие забывания или добросовестного заблуждения. В подобных ситуациях, в целях оказания помощи допрашиваемому в припоминании или преодолении добросовестного заблуждения, используются следующие тактические приемы: а) предложение последовательно рассказать о своих действиях за определенный промежуток времени, к которому относится выясняемое обстоятельство; б) постановка напоминающих вопросов об обстоятельствах, предшествующих, сопутствующих забытым допрашиваемым обстоятельствам либо следующих за ними; в) показ допрашиваемому фотографии, схемы места происшествия, вещественных доказательств, документов, находящихся в связи с забытым фактом; г) предложение допрашиваемому самому сделать графическое изображение места происшествия, определенного предмета; д) ознакомление допрашиваемого с отдельными фрагментами проверенных показаний других лиц и иными доказательствами по делу, помогающими ему вспомнить и уточнить интересующие следствие обстоятельства; е) допрос «вразбивку» (например, по отдельным эпизодам) и в «разных планах» (например, в обратной хронологической последовательности событий), что помогает допрашиваемому восстановить подлинную картину событий и уточнить обстоятельства; ж) продолжение допроса на месте выясняемого события; з) проведение повторного допроса, в процессе которого учитывается явление реминисценции, т. е. усиления смысловых связей в памяти

при отсроченном на 3—4 дня воспроизведении, благодаря этому допрашиваемый может вспомнить упущенное или забытое им при первом допросе.

В свою очередь, конфликтная ситуация допроса характеризуются тем обстоятельством, что допрашиваемый сознательно противодействует следствию в установлении истины, скрывает или искажает ее. В подобных ситуациях следователь военных следственных органов решает следующие задачи:

а) уточняет причины, побуждающие допрашиваемого скрывать или искажать истину. С этой целью им используются следующие приемы допроса: оценка собственной линии поведения на предыдущих стадиях допроса; анализ особенностей характера допрашиваемого. Так, например, при наличии данных о самооговоре следователь военных следственных органов выясняет, что явилось причиной самооговора, кто и когда воздействовал на лицо с целью склонить к самооговору, чем объективно может быть подтверждено заявление о самооговоре; анализирует показания допрашиваемого лица для выявления признаков, характерных для самооговора (чрезмерное словесное совпадение показаний, данных на разных допросах; схематичность показаний; неправдоподобные детали; противоречия, не соответствующие материалам дела); проводит повторный допрос с соблюдением иной последовательности выяснения обстоятельств дела по сравнению с той, которая соблюдалась при признании допрашиваемым своей вины;

б) смягчает конфликтную ситуацию, для чего используются следующие приемы: напоминание допрашиваемому о его прошлых заслугах, честных поступках; приведение высказываний сослуживцев, родственников, знакомых допрашиваемого о его положительных качествах; выражение уверенности в том, что допрашиваемый как человек, обладающий такими положительными качествами, должен найти в себе мужество вести себя честно на допросе; разъяснение отрицательных последствий содеянного;

в) изобличает допрашиваемого в даче ложных показаний. Для решения данной задачи используются следующие приемы: дальнейшая детализация показаний путем постановки уточняющих вопросов; допущение лжи (легенды) с ее последующим изобличением; предъявление допрашиваемому изобличающих доказательств; создание преувеличенного представления у допрашиваемого лица об осведомленности следователя военных следственных органов и о наличии у него изобличающих доказательств.

В боевой обстановке допрос должен быть произведен безотлагательно и немедленно, а в не терпящих отлагательства случаях — и в ночное время (ст. 164 УПК РФ), при необходимости — в месте нахождения допрашиваемого (ст. 187 УПК РФ), с привлечением к участию в допросе специалиста (ст. 168 УПК РФ) или эксперта (ст. 57 УПК РФ), причем каждый раз, независимо от условий допроса, с точным соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства.

В боевой обстановке в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) военному следователю приходилось вести допросы и в пути следования, на марше, иногда в боевых порядках, а протоколы составлять на привалах в минуты отдыха или в момент затишья между боями. При этом, военный следователь должен был стремиться к тому, чтобы максимально сократить возможность отрыва солдат и офицеров от выполне-

ния ими своих прямых обязанностей[30]. Приведем характерный пример из следственной практики военных следователей в годы войны: «Военный следователь Маюров прибыл в роту, чтобы допросить свидетелей по делу. В это время рота получила приказ выйти к новому месту сосредоточения. Предстоял марш в 15—18 км. Рота двинулась. Командир роты выразил сожаление по поводу того, что расследование по делу придется отложить. Но Маюров двинулся вместе с ротой. По пути он беседовал со свидетелями, допрашивал их, а на привалах оформлял протоколы. Когда рота сосредоточилась на новых позициях, следствие было уже закончено...»[31].

Как отмечал С.А. Голунский еще в 1942 г., «...если овладение искусством допроса вообще чрезвычайно важно для всякого следственного работника, то для военного следователя в боевой обстановке оно важно вдвойне... чем ограниченнее время, которым располагает военный следователь для допроса, тем важнее тщательная подготовка к нему»[32].

С.А. Голунский определил следующие общие задачи допроса в условиях боевой обстановки: 1) выяснить у допрашиваемого все то, что ему известно о фактах, имеющих значение для дела; 2) получить данные, необходимые для того, чтобы проверить и оценить показания допрашиваемого, а если допрашиваемый дает заведомо ложные показания, то и изобличить его во лжи.

Вторая задача разрешается постановкой так называемых контрольных вопросов, т. е. таких вопросов, которые сами по себе непосредственного отношения к предмету расследования не имеют, но которые необходимы для проверки и оценки показаний допрашиваемого[33].

Например, подозреваемый в совершении преступления военнослужащий С. утверждал, что он не мог совершить преступление, так как преступление совершено в 19 часов, а он ровно в 19 часов встретился с военнослужащим К. около железнодорожного переезда, в 5 км от места преступления. Свидетель — военнослужащий К. на допросе подтвердил, что в этот день он действительно встретил военнослужащего С. у железнодорожного переезда, но не в 19 часов, а в 18 часов. Понятно, что эта разница во времени лишала военнослужащего С. алиби, так как за час военнослужащий С. мог пройти 5 км, отделявших железнодорожный переезд от места преступления. Следователь задал свидетелю — военнослужащему К. контрольный вопрос о том, как он определил время встречи, почему он утверждает, что встреча произошла в 18 часов. Свидетель — военнослужащий К. ответил, что время встречи он определил точно, так как именно в этот момент через железнодорожный переезд проходил скорый поезд, который регулярно отправляется с ближайшей станции в 17.55 и проходит через переезд в 18 часов. Этот факт подтвердил и подозреваемый военнослужащий С. Однако следователь выяснил, что в этот день впервые поезд отправился с опозданием на один час. Этот факт означал, что встреча свидетеля с подозреваемым произошла именно в 19 часов, подтвердив тем самым алиби подозреваемого.

---

[30] Деятельность органов военной юстиции в условиях войны. М., 1983. С. 53.

[31] *Носов В.И.* Военная прокуратура в условиях Отечественной войны // Социалистическая законность. 1942. № 10. С. 11—14.

[32] *Голунский С.А.* Допрос на предварительном следствии. Ашхабад, 1942. С. 5.

[33] Там же. С. 2.

В ходе анализа опыта работы органов военной прокуратуры в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) нередко наблюдается недооценка второй из вышеуказанных задач. Следователь военной прокуратуры подробно допрашивал свидетеля или подозреваемого обо всех обстоятельствах, прямо относящихся к делу, но не делал ничего для того, чтобы проверить показания, не задавал контрольных вопросов. В результате получался очень полный и насыщенный протокол, содержащий чрезвычайно важные для дела показания, но судить о том, насколько эти показания правильны, по такому протоколу было невозможно. Эта ошибка всегда крайне вредно отражается на всем ходе расследования, но особенно негативное значение она имеет в практике работы военных следственных органов в боевой обстановке, где возможность найти какие-либо иные доказательства, кроме показаний допрашиваемого лица, крайне ограничена. Как это ни нежелательно, но в ряде случаев, считал С.А. Голунский, следователю приходится обосновывать свои выводы преимущественно показаниями обвиняемого. Поэтому в таких случаях вторая из указанных выше задач допроса приобретает исключительно важное значение[34].

Подобное положение особенно характерно для боевой обстановки в районах вооруженного конфликта, когда свидетели, которые могли бы подтвердить или опровергнуть показания обвиняемого или единственного свидетеля по делу, могут оказаться убитыми, эвакуированными в связи с полученным ранением или заболеванием, откомандированы в другие воинские части, покончившими жизнь самоубийством, плененными и т. п. Во всех таких случаях следователь военных следственных органов будет лишен возможности прибегнуть к тем средствам проверки показаний, которые обычно применяются в мирное время. Это, конечно, не освобождает следователя военных следственных органов от обязанности собрать все доказательства (помимо показаний обвиняемого), которые в боевой обстановке можно собрать.

Недооценка указанной обязанности крайне вредно отражается на результатах следствия, так как даже немногие разрозненные доказательства, хотя бы они относились к второстепенным фактам, значительно помогут следователю военных следственных органов правильно оценить показания обвиняемого и разобраться в деле. Но по тем вопросам, по которым собрать такие доказательства невозможно, перед следователем стоит очень трудная задача — проверить показания допрашиваемого им лица, используя его же показания. Эта задача разрешима только с помощью умелого проведения допроса, и в частности с помощью широкого использования контрольных вопросов[35].

Подобной позиции придерживался и М.С. Строгович, который полагал, что, закрепляя то или иное доказательство в процессуальных актах, главным образом допрашивая свидетелей, все показания необходимо фиксировать таким образом, чтобы основные и важнейшие обстоятельства устанавливались допросом и фиксировались в протоколе допроса наиболее точно, ясно, конкретно и исчерпывающе, исходя из того, что вполне возможно, что допрошенного на предварительном следствии свидетеля по условиям боевой обстановки не удастся допросить на судебном следствии и военный суд должен будет проверять показания этого

[34] *Голунский С.А.* Указ. соч. С. 3—4.
[35] Там же. С. 4—5.

свидетеля только по протоколу его допроса на предварительном следствии. При допросе обвиняемого или свидетеля на предварительном следствии необходимо не только фиксировать сообщаемые ими факты, но и тут же, во время допроса и путем допроса, уточнять и проверять их, задавая дополняющие, уточняющие и контрольные вопросы, сопоставляя отдельные утверждения допрашиваемого, выясняя все противоречия как в самих показаниях допрашиваемого, так и между показаниями допрашиваемого и другими имеющимися в деле доказательствами, учитывая, что, может быть, не удастся получить новых доказательств, с помощью которых можно было бы проверить данное показание[36].

С.Я. Розенблит обращал внимание и на важность отбора нужных свидетелей из большой массы очевидцев, так как показания свидетелей являются наиболее распространенным видом доказательств, например, по преступлениям о невыполнении боевых приказов. Следователь должен организовать допрос во время боя таким образом, чтобы не отрывать командира от управления боем и, вместе с тем, получить необходимые для дела показания. При этом, с одной стороны, следователь не должен дискредитировать обвиняемых офицеров в глазах подчиненных, а с другой — не нервировать, так как это может вредно отразиться на боевой работе. Требуется соблюдать такт и при допросе сержантов и рядовых, чтобы не скомпрометировать офицера[37]. С.Я. Розенблит рекомендовал допрашивать свидетелей и обвиняемых, имея перед собой карту местности, или предлагать допрашиваемому составлять при допросе соответствующие схемы[38]. К делу обязательно должна быть приобщена карта с нанесенной обстановкой, а каждый протокол допроса, излагающий описание действий воинских частей на местности, должен быть иллюстрирован соответствующими схемами[39].

В условиях боевой обстановки в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) при расследовании преступлений по «горячим следам» неожиданно возникали нестандартные следственные ситуации, зачастую требовавшие немедленного реагирования, которые диктовали необходимость производства заранее не планируемого допроса либо серии допросов, которые проводились в экстренном порядке, как бы с ходу, в экспресс-режиме, без какой-либо более или менее серьезной подготовки. Обычно такие допросы производятся бегло, фрагментарно, касаются лишь ограниченного круга вопросов, получение ответов на которые играет ключевую роль в разрешении ситуации. В таких случаях не вся информация, содержащаяся в устной речи допрашиваемого, находит отражение в протоколе допроса. За его пределами остается многое из того, что на вербальном (словесном уровне) восприятия оценивается и используется следователем военных следственных органов в организационно-тактических целях. Кроме того, в протоколе допроса не находят отражения невербальные компоненты устной речи, а также информация, передаваемая следователю допрашиваемым с помощью невербальных средств информационного взаимодействия.

---

[36] *Строгович М.С.* Указ. соч. С. 14.

[37] *Розенблит С.Я.* Расследование дел о невыполнении боевых приказов. М., 1945. С. 23—26.

[38] *Винберг А.И., Рахлин А.Г., Розенблит С. Я.* Криминалистика: Руководство для военных юристов. Часть 1 (общая). М., 1941. С. 5—6.

[39] *Розенблит С.Я.* Расследование дел о невыполнении боевых приказов. С. 30—31.

Так, психологами установлено, что в процессе речевого общения лишь 7 % информации передается непосредственно словами. В то же время звуками и интонацией передается до 38 %, а жестами, позой, телодвижениями — 55 % полезной информации[40]. Основой невербального поведения являются инстинкты человека, которые плохо контролируются сознанием, однако хорошо воспринимаются наблюдателем на подсознательном уровне, формируя определенное отношение к говорящему. Невербальная информация важна сама по себе и как средство надлежащего инициирования и управления речью допрашиваемого.

Поступающая к следователю военных следственных органов от допрашиваемого невербальным путем информация, особенно на уровне подсознательных реакций, неконтролируемых сознанием проявлений, служит важным ориентиром восприятия, правильной расшифровки, оценки и использования вербальной информации. Даже устная речь как инструмент вербального способа информационного взаимодействия несет в себе и невербальные сигналы. Некоторые признаки голоса, содержательного и эмоционального наполнения устной речи могут квалифицироваться как сигналы, дающие основание заподозрить допрашиваемого во лжи (тон, тембр, сила голоса, речевые паузы и т. д.). Так, например, ложные показания обычно имеют более бедный эмоциональный и интонационный фон, так как лжесвидетельствующий не может адекватно представить те эмоциональные переживания, которые в действительности он должен бы испытывать в соответствии с выбранной версией.

Более точно личность допрашиваемого распознается на основе расшифровки невербальных коммуникаций подсознательного характера, т. е. тех источников информации, которые существуют независимо от воли и желания человека. В этой связи особого внимания заслуживает так называемый язык подсознательных жестов (положение ладоней, головы и корпуса тела человека; жесты, связанные с прикосновением рук к различным частям лица; мимика и т. д.).

Целенаправленное овладение, правильная интерпретация и тактически грамотное использование невербальной информации допрашиваемого — важнейшие условия достижения целей допроса. И хотя поступающая от допрашиваемого невербальным путем информация доказательственного значения не имеет и носит скорее ориентирующий характер (информация к размышлению), тем не менее, она может использоваться для построения версий, определения тактики допроса.

Допрос свидетелей в районах вооруженного конфликта имеет особенности, обусловленные наличием боевой обстановки и спецификой психологического микроклимата в отдельных воинских коллективах. Так, на допросах следователь военных следственных органов может сталкиваться с таким явлением, как круговая порука, которая широко распространена в микроколлективах военнослужащих, проходящих военную службу по призыву (одной национальности, земляки, сержантский состав, «старослужащие», награжденные, имеющие боевые ранения и т. п.), в результате которой свидетели зачастую дают ложные показания. Круговая порука вызывает групповой конформизм, при котором одни военнослужащие подпадают под влияние других членов воинского коллектива и действуют по принципу «как все, так и я».

---

[40] *Еникеев М.И.* Основы общей и юридической психологии. М., 1996. С. 56.

В юридической литературе преобладает следующая точка зрения по вопросу путей и способов преодоления круговой поруки в целях получения правдивых показаний. Она заключается в том, что вначале с помощью командования выявляются и изолируются организаторы круговой поруки. Первыми допрашиваются военнослужащие более раннего срока призыва либо те военнослужащие, которые характеризуются наиболее положительно и которые не заинтересованы в сокрытии интересующих следствие фактов. Одновременно допрашиваемому разъясняется пагубность круговой поруки, которая может способствовать тому, что преступники могут в это время совершать и другие преступления[41].

Активизации памяти допрашиваемого может способствовать и допрос на месте восприятия объекта (месте происшествия), о котором даются показания, т. е. допрос с использованием ассоциативных связей. При этом, эффективность припоминания детерминирована степенью сходства условий припоминания с условиями восприятия и запечатления в памяти информации. «Оживлению» ассоциативных связей в условиях допроса на месте события служит не задаваемый следователем вопрос, а повторное восприятие допрашиваемым той обстановки, в которой происходило событие. Допрос на месте восприятия объекта (месте происшествия) не следует путать с проверкой показаний на месте, так как целью такого допроса является только получение показаний, при этом место допроса следователем не осматривается и сопоставление показаний с обстановкой на месте не производится.

Таким образом, в условиях боевой обстановки в районах вооруженного конфликта при остром дефиците времени первичный допрос лица, обладающего важной для обеспечения успеха неотложных оперативно-розыскных и следственных действий информацией, может быть произведен скоротечно по временно сокращенной программе. В этом случае внимание должно быть сконцентрировано на ключевых вопросах, существенных для сложившейся следственной ситуации, требующей незамедлительного реагирования.

Только после того как обстановка стабилизируется, источник переданной информации может быть еще несколько раз, но уже обстоятельно, повторно передопрошен по полному кругу известных ему сведений. При этом, следователь военных следственных органов должен учитывать то обстоятельство, что примерно в 40 % случаев повторное воспроизведение было полнее первоначального, т. е. наблюдалось явление реминисценции. Повторный допрос характеризуется тем, что проводить его следует иначе, используя новые средства и новые тактические приемы, учитывая результаты предшествующей работы, изыскивая возможности для восполнения пробелов и исправления ошибок, допущенных из-за отсутствия у следователей необходимых знаний об особенностях сохранения личностной информации и соответствующих навыков ее «извлечения» из памяти допрашиваемого.

В связи с вышесказанным с точки зрения прикладной значимости для расследования преступлений в районах вооруженного конфликта представляется плодотворным для использования когнитивный метод допроса потерпевших и свидетелей, предложенный американскими кри-

---

[41] См.: *Абрамин В.Н.* Расследование преступных нарушений уставных правил караульной службы. М., 1965. С. 11; *Романов В.В.* Методика расследования воинских преступлений против порядка подчиненности и соблюдения воинской чести: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 36—142 и др.

психологами Р. Фишером[42] и Э. Гейзельманом[43] и получивший название когнитивного интервью. Так, детективы департамента полиции штата Майами после овладения методикой когнитивного интервью стали получать на 47 % больше значимой для следствия информации по сравнению с тем, чего им удавалось достичь на базе традиционных подходов к допросу.

Цель допроса по методу когнитивного интервью состоит в том, чтобы: во-первых, «вывести» допрашиваемого на те коды памяти (концептуальные или образные формы хранения информации), которые наиболее богаты релевантной информацией, представляющей интерес для следствия; во-вторых, облегчить сообщение (коммуникацию) информации, «вычерпываемой» из активизированных кодов памяти. При осуществлении допроса по методу когнитивного интервью особое внимание следователь военных следственных органов должен уделять выяснению у допрашиваемого специфических признаков (деталей, особенностей) устанавливаемых по делу лиц и других объектов, позволяющих индивидуализировать эти объекты, что крайне важно для обеспечения их быстрого выявления и идентификации. Допрос по методу когнитивного интервью целесообразно проводить при расследовании преступлений в условиях недостаточности информации для выдвижения розыскных и следственных версий[44].

В условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) зачастую возникала необходимость в короткие сроки получить показания большого числа свидетелей и потерпевших. К примеру, перед направлением воинского подразделения к местам постоянной дислокации либо в другой район Чеченской Республики в случае, если следователей для проведения такой работы не хватало. На практике выход находили в том, чтобы очевидцы записывали свои показания собственноручно. Полученные таким путем показания имели значение полноценных доказательств по уголовному делу, а иногда даже им отдавалось некоторое предпочтение перед показаниями, которые через некоторое время записывались в протокол следователем.

Для полноты таких показаний и отражения в них всех существенных обстоятельств В.А. Образцов считает необходимым, чтобы следователь военных следственных органов предложил очевидцам вопросники, в которых вопросы должны охватывать весь предмет допроса и дифференцироваться в зависимости от категории допрашиваемых. В этом случае требуется проводить проверку достоверности письменных показаний свидетелей с помощью метода психолингвистического анализа утверждений, разработанного в середине 60-х гг. прошлого века немецким пси-

---

[42] *Fischer R.* Interviewing victims and witnesses of crime. Special Issue: Witness memory and law // Psychology, Public Policy and law. 1995. Vol. 1 (4); *Fischer R., McCauley V.* Information retrieval: Interviewing witnesses // Psychology and Policing. Lawrence Erlbaum Associates, Inc: Hillsdale. N. Y., 1995; *Mello E., Fischer R.* Enhancing older adult eyewit ness memory with the cognitive interview // Applied Cogniive Psychology. 1996. Vol. 10. № 5.

[43] *Geiselman R., Fischer R.* Interviewing victims and witnesses of crime // National Institute of Justice, Research in Brief. Washington, DC: National Institute of Justice, 1985. Desember.

[44] См. более подробно: *Образцов В.А., Богомолова С.Н.* Допрос потерпевшего и свидетеля на предварительном следствии. М., 2003. С. 59—109.

хологом У. Дейчем и улучшенного американскими криминалистами[45]. В основе теории метода анализа утверждений лежит положение о том, что правдивые показания отличаются от ложных как по содержательным, так и по формальным лингвистическим признакам. Опыт следственного применения данного метода за рубежом убедительно показал, что с его помощью следователь может быстро убедиться, правдивы или ложны письменные показания большого количества допрашиваемых, и в зависимости от того, попало ли это лицо в круг заподозренных или нет, следователь строит версии о возможной причастности или непричастности его к совершенному преступлению. Метод рекомендуется применять на стадии подготовки допроса подозреваемого, что позволяет выбрать правильную тактику предстоящего допроса и облегчит решение задачи по получению признательных показаний. По этому методу необходимо подвергнуть исследованию следующие компоненты письменных показаний: 1) частей речи: местоимений, существительных, глаголов (особенно важно время — настоящее или прошедшее); 2) посторонней, т. е. не имеющей отношения к делу, информации; 3) степени уверенности в сообщаемой информации; 4) баланса утверждений (показаний). Так, с точки зрения категории «баланса» письменное показание должно состоять из трех примерно равных частей («до», «во время» и «после» события). Чем лучше сбалансированы три части показаний, тем больше вероятность того, что показания правдивы. Если же какая-то часть показаний неполная или вовсе отсутствует, то весьма вероятно, что показания ложные[46].

В районах вооруженного конфликта следователю военных следственных органов необходимо в обязательном порядке использовать видеокамеру или цифровые диктофоны для полной записи хода допроса в целях составления качественного протокола допроса и использования видеозаписи в ходе судебного заседания.

Таким образом, при допросе свидетелей в районах вооруженного конфликта следует руководствоваться как общими тактическими правилами, разработанными советской и российской криминалистикой[47], так и новейшими разработками зарубежных криминалистов и психологов.

Глава 5. Тактика предъявления для опознания в районах вооруженного конфликта

Предъявлением для опознания (ст. 193 УПК РФ) является следственное действие, состоящее в установлении опознающим тождества, сходства или различия предъявляемого объекта с ранее наблюдавшимся им объектом по приметам, сохранившимся в его памяти, по которым он может его опознать.

---

[45] *Horgan T.T.* Criminal Investigation. N. Y., 1974; *O Hara C.E.* Fundamentals of Criminal Investigation. Springfield, 1966.

[46] См. более подробно: *Образцов В.А., Богомолова С.Н.* Указ. соч. С. 122—137.

[47] См.: *Абрамин В.Н.* Допрос на предварительном следствии в советском уголовном процессе: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1955; *Казинян Г.С.* Процессуальные и тактические основы проверки, оценки и использования доказательственной информации, полученной при допросе: Дисс. ... канд. юрид. наук. Ереван, 1983 и др.

Сущность опознания заключается в установлении тождества, идентификации предъявляемого объекта по его мысленному образу, запечатленному в памяти опознающего. Опознающий обозревает предъявляемый ему объект, мысленно сравнивает его с сохранившимся в памяти образом объекта, наблюдавшегося ранее, и заявляет о том, является ли предъявленный объект тем самым, который он ранее наблюдал или не является, т. е. заявляет о его тождестве или различии.

Целью предъявления для опознания является получение положительного или отрицательного вывода о тождестве, сходстве либо различии предъявленного опознающему объекта с наблюдавшимся им ранее. Объект признается тождественным с ранее наблюдавшимся, когда при мысленном сравнении индивидуальные признаки объектов совпадают (индивидуальное тождество). Объекты являются сходными, когда совпадают их общие, родовые или видовые признаки (групповое тождество). Вывод о различии предъявленных опознающему объектов делается тогда, когда предъявленный объект в основных своих признаках отличается от ранее наблюдавшегося.

Субъектами опознания (опознающими) могут быть потерпевший, свидетель, подозреваемый и обвиняемый, которые лично наблюдали ранее данный объект, запомнили признаки этого объекта и могут его опознать.

Объектами опознания могут быть живые лица (подозреваемые, обвиняемые, потерпевшие, свидетели), трупы и предметы. Кроме того, возможно предъявление для опознания зданий, помещений, строений, участков местности, животных.

Живые лица (люди) являются самым распространенным объектом предъявления для опознания. При опознании людей выделяют следующие виды опознания: по внешнему виду; встречное опознание; по динамическим признакам (по особенностям походки, речи, по голосу, по запаху, на ощупь); по фотографиям, видеозаписям.

Условием предъявления объекта для опознания служит утверждение лица о том, что он ранее наблюдал определенный объект, запомнил его внешний вид и может узнать.

Обстоятельствами, исключающими предъявление для опознания, являются следующие: а) у опознающего имеются физические или психические недостатки, не позволяющие ему правильно воспринимать и опознавать объект; б) опознающий еще до возбуждения уголовного дела, случайно или при оперативно-розыскных мероприятиях, уже узнал объект; в) опознающий принимал участие в следственных действиях, в процессе которых он уже наблюдал данный объект (очная ставка, обыск и т. п.); г) опознающий ранее хорошо знал объект опознания и сообщает признаки данного объекта, не вызывающие сомнений в его индивидуальности, или представляет сведения об объекте, с очевидностью устанавливающие его тождество (предъявление паспорта на похищенные радиоприемник, часы и т. д.); д) отсутствие у опознаваемого объекта признаков, выделяющих его из числа подобных объектов и позволяющих его опознать; е) уникальность предмета искусства или ценной вещи и невозможность подыскания объектов с подобными признаками для предъявления интересующего объекта среди них.

В ходе подготовки к предъявлению для опознания следователь выполняет следующие действия:

1) допрашивает опознающего. При этом, в ходе допроса выясняется, какой объект он наблюдал, при каких обстоятельствах происходило на-

блюдение, каковы признаки и особенности данного объекта, по которым он его запомнил и сможет его узнать в ходе предъявления для опознания. Активизация вспоминания, восстановления в памяти опознающего и воспроизведение им образа подлежащего опознанию объекта достигается постановкой следователем вопросов, направленных на детальное выяснение условий и обстоятельств наблюдения данного объекта, а также уточнение его индивидуальных признаков (в связи с чем опознающий оказался на месте наблюдения, какие обстоятельства этому сопутствовали, что представляет собой это место, продолжительность наблюдения, характер освещения, удаленность от объекта, степень его видимости и т. п.). Кроме того, у допрашиваемого выясняется его общее физическое и психическое состояние, а также состояние в момент наблюдения объекта, наличие у него нервных и иных расстройств, острота зрения и слуха, действия в период наблюдения объекта, до и после этого.

2) определяет место и время проведения опознания. Предъявление для опознания производится сразу же после установления объекта, подлежащего опознанию;

3) подбирает объекты, подлежащие опознанию. Люди предъявляются для опознания вместе с другими лицами, внешне сходными с ними, т. е. опознаваемый не должен быть поставлен в условия, выделяющие его из круга лиц, одновременно предъявляемых опознающему. Кроме того, лица, среди которых будет предъявляться опознаваемый, не должны быть известны опознающему. При этом, общее число лиц, предъявляемых для опознания человека, должно быть не менее трех.

При подготовке опознания по голосу подбираются лица с голосами, схожими по тембру с голосом опознаваемого, и заготавливается текст, который должен зачитываться в ходе опознания. При опознании по признакам походки подыскиваются лица, схожие с опознаваемым по росту, телосложению, а при необходимости и имеющие характерные недостатки: страдающие хромотой, пользующиеся при ходьбе тростью и т. п.

Предметы предъявляются для опознания в группе однородных объектов, т. е. имеющих одинаковые наименование, назначение, форму, размеры, цвет, степень изношенности. Количество предметов вместе с предъявляемым для опознания должно быть не менее трех;

4) определяет участников следственного действия. Предъявление для опознания производится в присутствии не менее двух понятых. При производстве опознания по голосу и встречном опознании число понятых удваивается. Одновременно для участия в таком опознании привлекается второй следователь или дознаватель.

В случае необходимости в опознании участвуют специалисты: судебный медик (при опознании трупа, подвергшегося гнилостным и иным изменениям); товаровед (при опознании предметов); педагог при несовершеннолетнем опознающем; лицо, понимающее знаки глухонемых, и т. п.;

5) выбирает технические средства фиксации результатов опознания. Основным способом фиксации результатов опознания является составление протокола. Кроме протокола, применяется фото-, видеосъемка и звукозапись. Фото- и видеосъемка предъявляемых для опознания групп предметов, людей по признакам внешности позволяет судить об их сходстве. Применение звукозаписи при опознании по голосу дает представ-

ление об особенностях голоса и устной речи опознаваемого и предъявляющихся вместе с ним лиц.

Существуют следующие тактические приемы проведения предъявления для опознания:

1) *опознание людей по признакам внешности*:

а) на место проведения опознания приглашаются опознаваемый, понятые и лица, среди которых будет предъявлен опознаваемый. Всем присутствующим лицам следователь военных следственных органов разъясняет цель и сущность производящегося следственного действия. Понятым, кроме того, разъясняются их права, обязанности и ответственность, предусмотренные ст. 60 УПК РФ;

б) по предложению следователя военных следственных органов опознаваемый в отсутствие опознающего занимает по своему усмотрению любое место среди предъявляемых вместе с ним лиц;

в) на место проведения опознания приглашается опознающий, которому разъясняются его задача и связанные с этим права и обязанности;

г) следователь военных следственных органов предлагает опознающему внимательно осмотреть предъявляемых на опознание лиц и сказать, опознает ли он кого-либо;

д) опознающий без ограничения во времени осматривает предъявленных лиц;

е) по своему усмотрению или по просьбе опознающего следователь военных следственных органов может предложить предъявляемым для опознания лицам повернуться, пройтись, выполнить определенные движения, надеть головные уборы. При необходимости могут быть изменены характер и степень освещенности;

ж) после осмотра опознающий заявляет, опознает ли он кого-либо, показывает на него рукой и объясняет, по каким приметам он его опознает, где и при каких обстоятельствах он видел опознанного;

з) опознанный по предложению следователя военных следственных органов называет свою фамилию, имя, отчество;

2) *опознание лица в условиях, исключающих визуальное наблюдение им опознающего,* которое проводится в целях обеспечения безопасности опознающего (п. 8 ст. 193 УПК РФ).

При этом, опознание живых лиц происходит в условиях, когда опознаваемое лицо не наблюдает опознающее его лицо. Решение о данном порядке проведения опознания принимает следователь военных следственных органов, который предупреждает об этом всех участников следственного действия.

Данная разновидность опознания проводится в помещении из двух смежных комнат или в одной комнате с использованием ширмы. В одной из комнат располагаются следователь, понятые и опознающий. В другой комнате, так, чтобы их не было видно через открытую дверь, или за ширмой, размещаются второй следователь и еще двое понятых, опознаваемый и предъявляемые вместе с ним лица. Опознание происходит через небольшое отверстие в стене или ширме, не позволяющее опознаваемому увидеть через него опознающего.

Кроме того, при проведении опознания в одном помещении может быть использована различная степень освещенности частей комнаты. Опознающий при этом должен находиться в темной части помещения, в связи с чем опознаваемый его не будет видеть. В этом случае понятые находятся в месте нахождения опознающего;

3) *встречное опознание*, которое проводится в случаях, когда два участника уголовного судопроизводства (например, потерпевший и обвиняемый), заявляют о возможности взаимного опознания друг друга.

Выполняется встречное опознание двумя основными методами. При первом методе вначале производится опознание одного лица другим по фотоснимкам, а затем опознающий в качестве опознаваемого предъявляется в обычном порядке лицу, которого он опознал по фотоснимку. При другом методе встречного опознания вначале применяется опознание лица в условиях, исключающих визуальное наблюдение им опознающего, а затем опознающий предъявляется лицу, которого он опознал, в обычном порядке;

4) *опознание людей по особенностям походки*, при котором опознаваемый не должен знать, по каким признакам предполагается опознание, чтобы затруднить попытки изменения им своей походки и исключить возможность тренировки в ее искажении.

Место проведения опознания должно обеспечивать свободу передвижения предъявляемых лиц перед опознающим на определенное расстояние как каждого в отдельности, так и одновременно всех предъявляемых лиц. Передвижение должно быть неоднократным;

5) *опознание по голосу и особенностям устной речи*, которое проводится на основе признаков голоса (тональность, тембр, интонации), а также с учетом особенностей устной речи (акцент, дефекты произношения и т. п.). Для его проведения необходимо помещение из двух смежных комнат или использование ширмы. В одной из комнат располагаются следователь, понятые и опознающий. В другой комнате или за ширмой размещаются второй следователь и еще двое понятых, опознаваемый и предъявляемые вместе с ним лица.

Следователь военных следственных органов по очереди беседует на отвлеченную тему с предъявляемыми для опознания лицами, а также предлагает им прочитать подготовленный заранее текст, содержащий отдельные слова, фразы или выражения, которые опознаваемый произносил ранее, когда его слышал опознающий. После прочтения текста каждым из предъявляемых лиц в определенной очередности следователь встает в дверях между комнатами и предлагает опознающему сообщить результаты опознания, указать, каким по счету в порядке очередности читал текст или беседовал со следователем опознанный им и по каким признакам он его опознал;

6) *опознание по фонограмме устной речи*. Специфичность этого вида опознания заключается в восприятии не признаков опознаваемого объекта в натуре, а их отражения в звукозаписи. Вследствие такого опосредствованного восприятия признаков объекта результативность и достоверность опознания в значительной мере определяются качеством записи. Применяется эта разновидность опознания в случае смерти человека, продолжительной болезни или длительного отсутствия опознаваемого, отказа обвиняемого от участия в опознании.

В процессе опознания опознающему несколько раз в различной последовательности воспроизводится записанный на пленку идентичный текст, произнесенный опознаваемым и нейтральными лицами с голосами, похожими на голос опознаваемого. Опознающему предлагается сообщить, опознал ли он устную речь, по каким признакам и на какую из фонограмм она записана. Последовательность воспроизведения фонограмм

и заявления, сделанные опознающим в связи с их прослушиванием, отражаются в протоколе;

7) *опознание трупа* или его расчлененных частей, которое проводится, когда личность умершего неизвестна. Труп предъявляется для опознания в единственном числе (п. 4 ст. 193 УПК РФ).

Быстрое естественное видоизменение и исчезновение признаков, характеризующих внешний облик умершего, в результате трупных явлений требует безотлагательности предъявления трупа для опознания. В случае изменения внешности трупа или его обезображивания, повреждения перед предъявлением его для опознания производится туалет трупа или реставрация его лица. Осуществляются эти действия после судебно-медицинского исследования трупа. При невозможности опознания трупа вследствие наступления гнилостных изменений и разложения, выедания мягких тканей трупа рыбами, насекомыми, хищниками, а также при сильном обгорании трупа установление его принадлежности может быть произведено посредством опознания сохранившихся предметов одежды и обуви по правилам опознания предметов.

При опознании трупа внимание обращается на прижизненные патологические особенности (родимые пятна, липомы, строение зубного аппарата) и особые приметы (татуировки, шрамы и рубцы от ран и операций, следы ожогов, фурункулов и т. п.). Поэтому опознающему необходимо показывать не только лицо, но и другие части тела трупа.

Чтобы сохранить возможность опознания трупа и после захоронения, необходимо перед захоронением произвести опознавательную съемку, а также дактилоскопировать труп. Иногда с лица трупа снимается гипсовый слепок или восковая маска. Одежда и предметы, находящиеся на трупе и на месте его обнаружения, также фотографируются;

8) *опознание предметов*. Объектами данного вида опознания являются орудия преступления, похищенное имущество, предметы и вещи, обнаруженные при осмотре места происшествия, изъятые при обыске и выемке, одежда трупа.

В ходе допроса, предшествующего опознанию предмета, выясняются его наименование, способ изготовления, размеры, форма, цвет, индивидуальные признаки и т. д. Предъявляемые для опознания предметы размещаются в произвольном порядке. Для удобства описания в протоколе к ним прикрепляются бирки с номером. Опознающему предоставляется возможность брать предметы в руки, передвигать, рассматривать со всех сторон. Не предъявляются на опознание предметы, не имеющие отличительных индивидуальных особенностей, среди предметов той же модели и марки, а также уникальные предметы (произведения искусства, драгоценности, антикварные вещи), поскольку опознание в таких случаях практически невозможно. У допрашиваемого выясняются и описываются признаки подобного предмета, который затем в процессе допроса предъявляется ему для обозрения с отражением этого в протоколе;

9) *опознание людей и предметов по фотографиям, фрагментам видеозаписи*. При данном виде опознания происходит восприятие опознающим изображений опознаваемых объектов, а не самих объектов. Применяется данное опознание при невозможности предъявления объекта в натуре, которая может быть вызвана: смертью или болезнью опознаваемого, его длительным отсутствием, захоронением трупа; существенным изменением внешности опознаваемого (в результате травм, операций, болезней и т. п.); отказом обвиняемого от участия в опознании;

тактическими соображениями (например, если есть опасение, что опознаваемый может оказать психическое воздействие на опознающего, запугать его и т. п.); уничтожением или громоздкостью интересующих предметов, затруднительностью подбора для опознания объектов в натуре.

При подборе фотографий, среди которых помещается снимок опознаваемого объекта, соблюдаются те же требования, что при подборе лиц или предметов, среди которых опознаваемый объект предъявляется в натуре. Люди и предметы должны быть сфотографированы таким образом, чтобы опознающий мог отчетливо видеть их индивидуальные признаки, поддающиеся запечатлению фотографическим путем, а также размер объекта. Фотографии не должны значительно различаться форматом и расположением изображенных на них объектов. Количество фотографий должно быть не менее трех. Предъявляемые для опознания фотографии наклеиваются на бланк протокола опознания и нумеруются. Лист с фотографиями подписывается следователем и понятыми.

Перед началом предъявления для опознания следователь военных следственных органов сообщает понятым, под каким номером значится опознаваемый объект. Опознающему предъявляется бланк протокола с фотографиями, предоставляется время для их изучения и предлагается указать, опознает ли он кого-либо из изображенных лиц и по каким признакам. Затем в протоколе указывается, под каким номером была помещена фотография объекта, на который указал опознающий, а также в случае опознания людей указываются фамилия, имя и отчество лица.

Вместо фотографий могут использоваться для опознания диапозитивы, слайды, фрагменты видеозаписи, содержащие изображение опознаваемого и сходных с ним объектов. Они демонстрируются неоднократно, поочередно в любом порядке, который отражается в протоколе;

10) *повторное опознание*. Повтороное опознание лица или предмета тем же опознающим и по тем же признакам не допускается. Однако проведение повторного опознания возможно в исключительных случаях: первичное опознание производилось опознающим, находящимся в болезненном состоянии (расстройство психики, зрения, слуха и т. п.); более худшие условия восприятия объекта по сравнению с первоначальным наблюдением (плохое освещение и т. п.); плохое качество фотографий, не отразивших характерных особенностей объекта; изменение внешности опознаваемого (например, в момент события он был с усами, а в момент предъявления для опознания усы были сбриты). Повторное предъявление для опознания должно проводиться вместе с теми же объектами, с которыми проводилось первоначальное опознание. Иначе легко догадаться, кого из предъявленных объектов предъявляют для опознания второй раз.

Процесс предъявления для опознания и его результаты отражаются в протоколе. В качестве вспомогательных средств фиксации используются фотосъемка, аудио-, видеозапись, составление планов и схем. Видеозапись применяется в основном при предъявлении для опознания лица по внешности и по походке. При фотосъемке в ходе опознания фиксируется вся группа лиц или предметов, предъявленных для опознания.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность предъявления для опознания только одного лица. При этом, наиболее распространенным в районах вооруженного конфликта является опознание по фотографиям из документов, удостоверяющих личность военнослужащего (удостоверение личности, военный би-

ет, пропуск и т. п.), и любительским групповым фотоснимкам. Опознание по фотографиям проводится в тех случаях, когда потерпевший называет каких-то лиц в качестве участников преступлений, а сами эти лица не могут быть предъявлены — то ли они скрываются, то ли следователь военных следственных органов из тактических соображений не желает преждевременно обнаруживать свои подозрения, то ли потерпевший, боясь мести или расправы, отказывается от очного опознания.

В районах вооруженного конфликта такой порядок не всегда возможен, особенно в случае, когда очевидцу предъявляют для опознания участников массовых событий, которых он запомнил, по видеозаписи реальных событий. При этом, различается опознание по видеозаписи инсценировок и реальных событий. Фрагменты инсценировок представляют собой видеозаписи динамических признаков лиц, заподозренных в совершении преступлений, среди которых обычно задержанные во время совершения преступлений, доставленные на фильтрационный пункт МВД, помещенные в ИВС и СИЗО. В результате получается видеотека лиц, в отношении которых имеются предположения о причастности к преступлениям. В присутствии понятых она воспроизводится потерпевшим и очевидцам. О результатах опознания составляют протокол.

Что касается опознания по видеозаписи реальных событий, то в этом случае опознаваемых может быть несколько, они предстают не по отдельности в группе специально отобранных лиц, схожих по физическим данным, а все вместе среди случайно оказавшихся в кадре лиц, не причастных к совершению преступления[48]. Для того чтобы точно соблюсти уголовно-процессуальный закон, А.А. Степанов предлагает изображение каждого из зафиксированных на видеопленке в этом сюжете лиц перенести на фотографию и провести по ним опознание, предъявляя в количестве не менее трех, причем заведомо не причастных к преступным действиям, лиц. В противном случае, по его мнению, происходит не предъявление для опознания, а узнавание, и оно должно оформляться не протоколом предъявления для опознания, а протоколом осмотра[49].

Правовая сущность опознания по видеофрагментам аналогична предусмотренному в законе опознанию по фотографиям (ч. 5 ст. 193 УПК РФ). Поэтому представляется, что при невозможности очного предъявления лиц в районах вооруженного конфликта должно допускаться опознание не только по фотографиям, но и по видеоизображениям. При соблюдении установленного порядка проведения следственного действия его результаты будут являться доказательствами по уголовному делу.

На фильтрационном пункте МВД, кроме видеозаписи, производится фотографирование доставленных лиц. Из этих фотографий изготовляются фототаблицы (фототеки), которые также используются для поиска и изобличения участников преступлений[50]. Чтобы охватить проверкой больший круг лиц и исключить уклонение от нее тех, кто не задерживался и не фигурирует на фотографиях в фильтрационном пункте, в

[48] Криминалистика: Учебник / Под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. СПб., 2001. С. 569—570.

[49] *Степанов А.А.* Строгое и неуклонное соблюдение законности — важнейшее условие разработки криминалистических методических рекомендаций // Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовно-процессуального законодательства: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2003. С. 449—456.

фототаблицу включаются также изображения лиц, переснятые с документов, удостоверяющих личность, или с любительских фотографий, изъятых при обысках и выемках. Если изымаются групповые фотографии, отвечающие условиям проведения данного следственного действия, они предъявляются без пересъемки и монтажа.

На начальном этапе расследования в районах вооруженного конфликта нередки случаи непосредственного предъявления подозреваемых лиц для опознания. Организация этого следственного действия в районах вооруженного конфликта осложняется большим количеством опознаваемых и опознающих. На практике выходят из этого положения нередко за счет сокращения трудоемких процедур: предъявляют задержанных для опознания не по отдельности, а всех вместе, образуя из них требуемую законом группу сходных по внешности лиц (ч. 4 ст. 193 УПК РФ).

Для того чтобы сузить круг лиц, подлежащих предъявлению для опознания тому или иному свидетелю (потерпевшему), могут использоваться идентификационные возможности компьютера. С этой целью в память компьютера вводятся словесные портреты всех подозреваемых. Затем по указанным свидетелями приметам из их числа отбираются те, которых необходимо реально предъявить для опознания. Этот же прием может использоваться при организации опознания предметов.

Предъявление для опознания похищенных предметов на начальном этапе расследования часто приурочивается к производству обыска. Следователь военных следственных органов берет на обыск потерпевшего, имущество которого предполагалось отыскать, и предлагает ему опознать свои вещи среди приготовленных к изъятию. Проведение этого следственного действия возможно лишь в том случае, когда имеются внешне сходные однородные объекты. В противном случае его результаты не получают самостоятельного доказательственного значения, они будут использоваться лишь как тактический прием отыскания вещей и определения среди них подлежащих изъятию.

Уголовно-процессуальное законодательство (ч. 8 ст. 193 УПК РФ) разрешает в целях обеспечения безопасности опознающего предъявление лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым лицом. Это возможно и зачастую необходимо и в районах вооруженного конфликта. Для этих целей в военных следственных органах разработана специальная переносная ширма для проведения такого опознания.

Доказательственное значение имеют результаты лишь такого опознания, которое проведено с соблюдением установленных законом правил. Ни правовой режим чрезвычайного или военного положения, ни условия боевой обстановки никаких исключений не предусматривают. Свидетель, потерпевший или другой опознающий должны быть до опознания допрошены, а само опознание тщательно запротоколировано, с подробным отражением признаков, по которым оно состоялось.

---

[50] Криминалистика: Учебник / Под ред. Н.П. Яблокова. М., 1999. С. 482.

Глава 6. Тактика проведения следственного эксперимента в районах вооруженного конфликта

В ходе производства предварительного следствия нередко возникает необходимость в проверке объективной возможности наличия того или иного обстоятельства, явления в определенных условиях (например, мог ли свидетель, находясь в определенном месте, видеть или слышать то, что происходило на месте совершения преступления; можно ли проникнуть в помещение, где совершена кража, и вынести похищенные вещи через пролом в потолке; можно ли перевезти товары, указанные в накладной, за один рейс автомашиной определенной марки и т. д.). Выяснение такого рода обстоятельств и производится в ходе следственного эксперимента.

Следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ) — это следственное действие, содержанием которого является воспроизведение проверяемого события посредством опытных действий, проводимых в целях проверки возможности или невозможности существования в определенных условиях тех или иных обстоятельств, имеющих значение для дела.

Фактическим основанием производства следственного эксперимента являются данные, свидетельствующие о необходимости проверки или уточнения опытным путем каких-либо действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события.

В зависимости от характера опытных действий и достигаемой ими цели существуют следующие виды следственного эксперимента:

1) следственный эксперимент в целях проверки возможности *восприятия* какого-либо факта, явления при определенных условиях (например, возможность видеть или слышать);

2) следственный эксперимент в целях проверки возможности *совершения* какого-либо действия при определенных условиях (например, возможность проникновения тем или иным способом в помещение);

3) следственный эксперимент в целях проверки возможности *наступления какого-либо события* (например, замыкания в электросети);

4) следственный эксперимент в целях проверки возможности *существования отдельных обстоятельств* расследуемого события (например, могло ли определенное количество товаров уместиться в данном хранилище);

5) следственный эксперимент в целях *выявления последовательности* происшедшего события;

6) следственный эксперимент в целях проверки *механизма образования следов*, обнаруженных в ходе предварительного расследования.

Законность и обоснованность проведения следственного эксперимента, достоверность его результатов достигаются точным соблюдением всех необходимых процессуальных и тактических условий его производства.

К тактическим условиям проведения следственного эксперимента относятся следующие:

1) следственный эксперимент производится в условиях, максимально сходных с условиями, в которых произошло исследуемое событие (действие): а) в месте, где происходило исследуемое событие; б) в той же или в реконструированной обстановке, в которой происходило событие; в) в то же время суток, при той же освещенности, в сходных с исследуемым событием метеорологических и звуковых условиях; г) с использо-

ванием тех же или сходных предметов; д) с привлечением тех же лиц, которые участвовали в исследуемом событии, или лиц, по физическим данным сходных с ними; е) с соблюдением того же темпа проведения опытных действий, в котором происходило исследуемое событие.

Чем большее сходство достигается в совершаемых опытных действиях и создании обстановки и условий, в которых протекали проверяемые действия, тем точнее полученный результат будет соответствовать реальным событиям и обстановке, имевшим место в действительности. Вместе с тем, при производстве следственного эксперимента недопустимо: во-первых, полностью воспроизводить все обстоятельства преступного деяния, поскольку этим будет совершено новое преступление, подобное первому; во-вторых, проводить опытные действия, унижающие честь и достоинство участвующих в нем лиц или создающие опасность для их здоровья;

2) в ходе следственного эксперимента проводится несколько видов опытных действий, которые проводятся поочередно в их логической последовательности;

3) неоднократность проведения опытных действий одного вида, их повторение, что снижает или исключает возможность получения случайного результата проверяемого события;

4) учет изменившихся и не поддающихся реконструкции условий, которые могут оказать влияние на результаты опытных действий.

Проведение следственного эксперимента подразделяется на три этапа: 1) подготовительный (подготовка следственного эксперимента); 2) рабочий (собственно проведение следственного эксперимента); 3) заключительный (фиксация хода и результатов следственного эксперимента).

Подготовка к проведению следственного эксперимента состоит из двух стадий:

1. Стадия подготовки к проведению следственного эксперимента до выезда (выхода) на место его проведения, в ходе которой следователь:

1) определяет: а) время, место и цель проведения следственного эксперимента в целом и каждого опытного действия в отдельности; б) содержание, способ, вид каждого опытного действия и очередность их проведения; в) необходимые условия проведения опытов; г) участников следственного эксперимента и их обязанности; д) средства фиксации следственного эксперимента;

2) составляет план проведения следственного эксперимента;

3) проводит организационные мероприятия: а) подготавливает объекты, необходимые для реконструкции обстановки происшедшего события; б) подготавливает объекты, необходимые для производства опытных действий; в) подготавливает технические средства фиксации; г) обеспечивает явку участников следственного эксперимента; д) решает вопрос об обеспечении транспортом.

2. Стадии подготовки к проведению следственного эксперимента по прибытии на место его проведения, в ходе которой следователь:

1) разъясняет участникам следственного эксперимента их права и обязанности;

2) подготавливает надлежащую обстановку проверяемого события для проведения опытных действий, а именно: а) уточняет происшедшие изменения в обстановке; б) реконструирует обстановку проверяемого со-

бытия; в) проверяет соответствие условий эксперимента условиям, в которых произошло проверяемое событие;

3) инструктирует участников следственного эксперимента и размещает их на месте проведения опытных действий. При этом, следователь решает, в каких пределах каждый участник эксперимента должен быть ознакомлен с содержанием предстоящих опытных действий и каковы обязанности участников при проведении следственного эксперимента;

4) предупреждает участников следственного действия об ответственности за разглашение данных эксперимента, а свидетеля и потерпевшего предупреждает об ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний по ст.ст. 307 и 308 УК РФ.

Непосредственное производство следственного эксперимента после завершения подготовительного этапа начинается с заслушивания кратких показаний участвующего в следственном действии подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля об обстоятельствах, которые предполагается проверить опытным путем.

Далее следователь предлагает лицу, действия которого проверяются, оценить соответствие обстановки проведения следственного эксперимента той обстановке, в которой имело место проверяемое событие или действие. Если поступает заявление о каком-то несоответствии воссозданной обстановки, которое может повлиять на результаты следственного эксперимента, следователь приводит обстановку в соответствие с данным заявлением.

Опытные действия в следственном эксперименте проводятся по распоряжению следователя в предусмотренной планом очередности. Следователь определяет необходимость их повторения, вносит коррективы по ходу их проведения, обращает внимание понятых и других участников на ход эксперимента и результаты опытных действий, при необходимости консультируется со специалистом.

Если проверяемое действие совершалось несколькими лицами, то проверяются действия каждого лица отдельно, в отсутствие других участников проверяемого события. Роль отсутствующих участников проверяемого действия играют другие лица, схожие с ними по физическим данным.

Основным средством фиксации следственного эксперимента является протокол. По структуре протокол следственного эксперимента состоит из трех частей: вводной, описательной и заключительной. Особенностью вводной части протокола следственного эксперимента является обязательное указание в ней цели эксперимента.

В описательной части протокола отражается обстановка, в которой производился эксперимент, описание произведенной реконструкции; расположение участников следственного эксперимента перед началом производства опытных действий; подробное и точное описание каждого проделанного опыта и полученных результатов.

Заключительная часть протокола содержит указание о том, что с ним ознакомлены все участники следственного эксперимента, их заявления и замечания, перечень прилагаемых к протоколу схем, планов, фототаблиц, аудио- и видеокассет, подписи участников следственного действия.

В качестве вспомогательных средств фиксации используются фотосъемка, аудиозапись, видеозапись, составление планов и схем. Аудиозапись применяется преимущественно при фиксации следственного экспери-

мента, проводимого в целях проверки возможности слышать в той или иной обстановке.

Результаты применения дополнительных средств фиксации (фотографии, схемы, планы, аудио- и видеокассеты) прилагаются к протоколу следственного эксперимента.

В районах вооруженного конфликта проведение следственного эксперимента в некоторых случаях превращается в крупномасштабные проверочные мероприятия, для которых характерны обусловленные боевой обстановкой определенные особенности организации и тактики проведения[51].

К числу таких особенностей относятся: а) необходимость разработки отдельного плана подготовки и сценария проведения следственного действия; б) тщательный инструктаж всех групп участников следственного действия об их «роли» в ходе его проведения; в) организация, в необходимых случаях, репетиций, тренировок опытных действий; г) организационное и техническое обеспечение системы управления участниками во время проведения следственного действия; д) особые меры охраны, включающие оцепление места проведения следственного действия, обеспечение личной безопасности его участников как во время самого действия, так и после его завершения; е) перекрытие движения транспорта и пешеходов на месте производства следственного действия с заблаговременным оповещением, в необходимых случаях, об этом населения; ж) детальная разметка места проведения следственного действия, позволяющая воспроизводить (моделировать) в последующем выполненные в ходе него операции и др.

Характерным примером, в котором наглядно проявились многие отмеченные выше особенности организации и тактики крупномасштабных проверочных мероприятий, является следственный эксперимент, проведенный при расследовании уголовного дела по факту гибели гр. А. и получения телесных повреждений гр. Г. и А. в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996).

Так, 5 мая 1995 г. около 16 часов в районе моста через реку Сунжа, недалеко от консервного завода, шел бой между подразделениями федеральных войск и незаконными вооруженными формированиями. В это же время вблизи перекрестка ул. Радищева и Жуковского была сконцентрирована автоколонна, пережидавшая бой. В это же время гр. А., Г. и А. на автомобиле ВАЗ-21099, двигаясь по ул. Радищева, подъехали к колонне. Во время движения вдоль автоколонны последняя была обстреляна из автоматов неустановленными лицами. Военнослужащие федеральных войск восприняли автомобиль ВАЗ как источник огня и открыли по нему ответный огонь. После обстрела БМП-2 с целью полностью подавить сопротивление совершила наезд на автомобиль. Когда водитель и пассажиры выпрыгивали из автомобиля, оператор-наводчик БМП сержант контрактной службы Т. произвел по ним две очереди из АКМ, в результате чего гр. А. был убит, а пассажиры получили телесные повреждения различной степени тяжести[52].

---

[51] *Фролов А., Кондратьев А., Кузнецов Б., Григорьев В.* Организация крупномасштабного следственного эксперимента (из практики расследования массовых беспорядков) // Законность. 1992. № 8—9. С. 11—14.

[52] Уголовное дело 14/21/0213-95 // Архив военной прокуратуры войсковой части 44662.

В целях воссоздания сложившейся ситуации и определения сектора и направления обстрела как автомобиля, так и автоколонны и проводился в условиях боевой обстановки крупномасштабный следственный эксперимент.

Четкое управление действиями всех участников эксперимента, квалифицированная организация получения показаний свидетелей, активная проверка этих показаний на предмет соответствия реальной обстановке и друг другу, умелое их сопоставление и проверка опытным путем, выяснение и устранение возникших противоречий — все это позволило существенно уточнить ранее имевшиеся показания свидетелей, получить множество новых доказательств, собрать значительный материал для последующих следственных действий. Взятые в совокупности, полученные данные позволили установить бесспорную истину в части выяснения механизма совершения преступления. Правильно зафиксированные, они в последующем успешно использовались в доказывании по уголовному делу.

Анализ проведенного крупномасштабного проверочного мероприятия показывает, что оно по своей сущности ближе к проверке показаний на месте[53].

Фактически, судя по содержанию проверочного мероприятия, в нем присутствовали элементы нескольких следственных действий — допроса, осмотра, проверки показаний на месте и следственного эксперимента. Такой порядок был продиктован ограниченными возможностями повторного проведения в условиях боевой обстановки мероприятия подобного масштаба. Главное же заключается в том, что синтез различных следственных действий позволил получить такие доказательства по уголовному делу, которые не дало бы ни одно из них, проведенное в отдельности. Исходя из этих соображений представляется целесообразным дополнить УПК РФ нормой, предусматривающей возможность подобного комплекса различных следственных действий, устанавливающей допустимые условия их объединения, порядок совместного проведения и процессуального оформления. Кроме того, в целях обеспечения надлежащей организации крупномасштабных следственных действий рекомендуется максимально использовать дополнительные возможности, которые предоставляет правовой режим чрезвычайного положения.

Глава 7. Тактика проведения проверки показаний на месте в районах вооруженного конфликта

Проверкой показаний на месте (ст. 194 УПК РФ) является следственное действие, состоящее в получении на месте происшествия от ранее допрошенного лица объяснений о проверяемых обстоятельствах расследуемого события, которые это лицо сопровождает показом на объекты, предметы, документы, следы, имеющие значение для уголовного дела, демонстрирует как свои отдельные действия, так и действия других участников события.

Основанием проведения проверки показаний на месте является возникшая по делу необходимость обнаружить место происшествия, найти определенные следы и предметы, установить путь следования, обстоя-

[53] *Григорьев В.Н.* Задержание подозреваемого органами внутренних дел. Ташкент, 1989. С. 117—119.

тельства преступления и осведомленность конкретного лица относительно тех или иных объектов, если обвиняемый, подозреваемый, потерпевший или свидетель заявляют, что могут и желают это сделать.

Сущность данного следственного действия заключается в том, что лицо, ранее давшее показания об обстоятельствах расследуемого события, рассказывает и показывает на месте происшествия, что, где и каким образом происходило. Следователь сопоставляет показания и действия данного лица с объективной обстановкой места происшествия.

В результате такого сопоставления следователь: а) убеждается в существовании того места, о котором говорило ранее допрошенное лицо, в существовании пути, которым оно проникло на это место или удалилось с него; б) выясняет, соответствуют ли данные показания объективной обстановке, убеждается в их правильности или ошибочности и тем самым изобличает лицо, дающее ложные показания; в) восполняет и детализирует показания допрошенного ранее лица.

Наибольшее сходство проверка показаний на месте имеет со следственным экспериментом, однако в отличие от следственного эксперимента проверка показаний на месте проводится именно на том месте, на котором происходило проверяемое событие, в целях воспроизведения того, что наблюдало ранее допрошенное лицо, и при проверке показаний на месте не проводятся опытные действия.

Кроме того, основополагающим тактическим принципом проверки показаний на месте является добровольность участия лица, чьи показания проверяются, невмешательство со стороны следователя в ход проверки.

Проверка показаний на месте имеет некоторые психологические преимущества перед другими следственными действиями, так как то обстоятельство, что лицо дает показания на месте, где происходили проверяемые события, где были совершены проверяемые действия, дает импульс к вспоминанию тех или иных обстоятельств, связанных с происшедшим событием, что способствует даче им более точных и полных показаний.

Проверка показаний на месте проводится следователем для решения следующих задач: а) обнаружения места события, если его каким-либо другим способом установить невозможно; б) установления маршрута движения к месту происшествия и ухода с него, если допрашиваемый не может описать этот маршрут; в) установления подозреваемых, потерпевших или свидетелей, ранее не известных следствию; г) уяснения обстановки места исследуемого события; д) выявления осведомленности допрашиваемого лица относительно обстоятельств проверяемого события; е) проверки следственных и розыскных версий.

Проведение проверки показаний на месте целесообразно в следующих ситуациях: а) когда у следователя возникли сомнения в точности, полноте или правдивости показаний допрошенного лица о месте и обстоятельствах события, которые могут быть уточнены, дополнены или опровергнуты на месте происшедшего события; б) когда в показаниях допрошенного лица имеются сведения о местонахождении следов преступления или предметов; в) когда в показаниях нескольких лиц об одних и тех же обстоятельствах есть противоречия о месте совершения действий, их последовательности, характере и т. п.

Проведение проверки показаний на месте для простого повторения ранее полученных показаний в целях «закрепления показаний» недопустимо, так как оно не дает новых данных.

В ходе *подготовки* к проверке показаний на месте следователь:

1) определяет цель следственного действия, в частности обстоятельства, подлежащие проверке на месте;

2) при необходимости дополнительно допрашивает лицо, показания которого будут проверяться на месте.

В показаниях данного лица должны быть отражены: а) пути следования к месту происшествия и обратно; б) общая обстановка места происшествия, размещение на ней предметов, объектов; в) действия, которые были произведены допрашиваемым лицом и другими участниками происшествия, содержание этих действий и последовательность их совершения;

3) получает согласие обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего или свидетеля на его участие в следственном действии, так как без согласия лица, показания которого надлежит проверить, проведение проверки показаний на месте будет бессмысленным;

4) предварительно по материалам уголовного дела, а также визуально знакомится с местом проведения проверки;

5) определяет время проведения и участников следственного действия;

6) составляет план проведения проверки показаний на месте;

7) подготавливает технические средства фиксации следственного действия;

8) принимает меры по обеспечению транспортом и охране заключенного под стражу лица, принимающего участие в проведении проверки показаний на месте;

9) инструктирует участников следственного действия, разъясняет им права и обязанности, определяет общие правила их поведения в ходе проведения проверки показаний на месте;

10) предупреждает свидетелей и потерпевших об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний по ст.ст. 307, 308 УК РФ.

В ходе *рабочего этапа* проверки показаний на месте следователем применяются следующие тактические правила:

1) перед началом проверки показаний по предложению следователя лицо, показания которого проверяются, указывает, куда и каким маршрутом необходимо следовать, где его действия будут проверяться;

2) порядок следования должен исключать какие-либо сомнения в том, что маршрут следования определило само проверяемое лицо, а не следователь, понятые или другие лица. С этой целью можно предложить проверяемому лицу составить схему расположения места происшествия и пути следования к нему;

3) по прибытии непосредственно на место проведения следственного действия лицо, показания которого проверяются, следуя впереди всех других участников, без постороннего вмешательства выбирает и указывает направление движения и дает пояснения по известным ему обстоятельствам произошедшего события;

4) лицо, показания которого проверяются, дает свои пояснения в сочетании со своими действиями, т. е. оно не только показывает, где имело место проверяемое событие, но и одновременно демонстрирует отдельно свои действия и действия других лиц, принимавших участие в данном событии;

5) показания на месте даются в форме свободного рассказа и ответов на вопросы следователя. Переходя от одного участка к другому, следо-

ватель сначала выслушивает свободный рассказ, а затем задает вопросы, связанные с предметом проверки. Деление темы свободного рассказа производится применительно к участкам местности или помещениям, связанным с расследуемым событием (место встречи соучастников, место выстрела, место сокрытия похищенного и т. д.). Показания лица, действия которого проверяются, сопоставляются с обстановкой на месте;

6) следователь, руководя следственным действием, не должен вмешиваться в его ход и лишать инициативы лицо, показания которого проверяются. Вместе с тем, следователь обеспечивает обстановку законности и объективности проведения следственного действия.

При проведении проверки показаний на месте недопустимо: а) задавать наводящие вопросы; б) подсказывать лицу, показания которого проверяются, направление движения; в) двигаться кому-либо из участников следственного действия впереди лица, показания которого проверяются; г) производить действия, опасные для здоровья участников, а также унижающие их честь и достоинство;

7) указанное лицом, действия которого проверяются, место происшедшего события, обнаруженные на нем следы и предметы изучаются, фиксируются и изымаются;

8) в ходе проверки показаний следователь осуществляет контроль за психологическим состоянием лица, чьи показания проверяются, что позволяет судить об уверенности его действий на месте проверяемого события и поможет следователю оценить результаты проведенного следственного действия;

9) в случае, когда несколько лиц по уголовному делу выразили желание указать одно и то же место, проверка их показаний проводится с каждым в отдельности;

10) повторная проверка показаний на месте проводится в том случае, когда лицо, чьи показания проверяются, заявило, что при первой проверке оно дало ложные показания, и выражает желание при новой проверке дать правдивые показания. Дополнительная проверка показаний на месте проводится в случае, если при первой проверке не получили своего отражения какие-либо действия проверяемого лица или не произведено сопоставление показаний этого лица с какими-либо объектами.

Основным средством фиксации проверки показаний на месте является протокол, который состоит из трех частей: вводной, описательной и заключительной. В описательной (основной) части протокола указываются: а) исходная точка движения участников проверки; б) описание маршрута движения; в) пояснения лица, чьи показания проверяются; г) описание конечного пункта следования, т. е. самого места происшедшего события; д) данные о соответствии показаний допрошенного ранее лица обстановке места проверяемого события; е) описание действий, совершаемых на этом месте, и пояснения проверяемого лица; ж) описание всего обнаруженного на месте.

В протоколе полно и объективно отражаются все действия, совершенные следователем и другими участниками следственного действия, в той последовательности, как это имело место в действительности. Если в ходе проверки показаний на месте возникает необходимость осмотра места происшествия, обыска, следственного эксперимента, то эти действия проводятся после окончания проверки показаний на месте и оформляются соответствующими отдельными протоколами.

Для фиксации пояснений и уточнений, даваемых в ходе следственного действия лицом, показания которого проверяются, а также для описания маршрута движения, места производства следственного действия и обнаруженных на нем следов и предметов в качестве вспомогательных средств фиксации используются фотосъемка, аудио- и видеозапись, составление планов и схем. Результаты применения дополнительных средств фиксации (фототаблицы, схемы, планы, аудио- и видеокассеты) прилагаются к протоколу.

Глава 8. Тактика проведения задержания и освидетельствования подозреваемых в районах вооруженного конфликта

Спецификой боевой обстановки в районах вооруженного конфликта является то, что все военнослужащие постоянно имеют при себе личное стрелковое оружие и боеприпасы, выданные им для служебного пользования, а некоторые из них — и неучтенные «трофейные» оружие и боеприпасы, поэтому при задержании подозреваемого можно встретить с его стороны вооруженное сопротивление.

Кроме того, вооруженное сопротивление следственно-оперативной группе (звену) могут оказать и сослуживцы подозреваемого, среди которых довольно широко распространено мнение о том, что выполняемый ими патриотический долг в Чеченской Республике позволяет военнослужащим совершать преступления, за которые они не должны нести уголовной ответственности, а работники военных следственных органов вместо того, чтобы вместе с ними «воевать», занимаются «не тем чем надо», видимо, по их мнению, будучи подкупленными противоборствующей стороной.

Особое внимание в районах вооруженного конфликта должно уделяться тщательной организации фактического захвата (доставления) подозреваемого. Захват может предприниматься в различных ситуациях: а) не связанных с физическим или вооруженным сопротивлением; б) сопряженных с преодолением физического сопротивления или его реальной возможностью; в) при оказании вооруженного сопротивления.

Первая ситуация складывается обычно в случаях, когда подозреваемый находится по какой-либо причине в помещении следственно-оперативной группы (вызван на допрос, приглашен под каким-то предлогом, явился с повинной и т. д.) либо следователь военных следственных органов располагает убедительными данными, исключающими возможность оказания сопротивления. В подобной ситуации остается лишь процессуально оформить задержание и поместить подозреваемого в специально отведенное место содержания задержанных военнослужащих.

В тех случаях, когда возможно физическое сопротивление, необходимо надлежащим образом планировать и готовить каждое задержание. Подготовка включает: а) документальное оформление задержания; изучение личности подозреваемого; б) ознакомление с обстановкой пред-

---

[54] См.: *Бородич А.А.* Актуальные проблемы организации и тактики задержания вооруженного преступника: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982. С. 15—17; Криминалистика: Учебник / Под ред. Р.С. Белкина, Г.Г. Зуйкова. Т. 2. М., 1970. С. 88—91.

полагаемого места захвата; в) разработку плана задержания; комплектование, оснащение и инструктаж группы захвата[54].

В зависимости от конкретных обстоятельств задержание предпринимается, как правило, в расположении воинской части и приурочивается к следственным действиям — обыску или допросу. Подозреваемому официально объявляется о задержании, предъявляется постановление, и он берется под стражу. Если есть основания опасаться сопротивления и побега, подозреваемому могут сразу не сообщать причины вызова, например, к командиру воинской части. Лицо приглашается в служебное помещение под каким-либо благовидным предлогом, где ему предъявляется постановление о задержании и происходит его задержание.

При подготовке к задержанию необходимо предвидеть различные обстоятельства, которые могут его осложнить. В частности, место захвата выбирается с таким расчетом, чтобы в момент захвата по возможности отсутствовали сослуживцы задерживаемого лица и посторонние лица (туалет, входы и выходы, лестницы и т. д.) во избежание как случайных жертв, так и возможной вооруженной помощи. Без особой необходимости не следует проводить групповых задержаний. Должен быть обеспечен и достаточный численный перевес группы захвата. После захвата организуется личный обыск задержанных лиц и осмотр места задержания.

В юридической литературе обоснованно обращается внимание и на особенности организации размещения задержанных лиц в боевой обстановке.

Так, например, в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) СИЗО как таковой отсутствовал, а арестованных содержали в СИЗО г. Владикавказа. В сентябре 1995 г. ликвидировали и гауптвахту в районе аэропорта «Северный», а при необходимости заключения под стражу обвиняемого помещали в фильтрационный пункт МВД. С.Э. Гавето упоминает о том, что некоторые командиры воинских частей, выполняя функции начальника органа дознания, вместо гауптвахт (ввиду их отсутствия) как мест содержания следственно-арестованных содержали их в вырытых в земле глубоких ямах («зинданах»)[55].

Что касается периода проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007), то и там продолжалась эта порочная практика. При проведении прокурорских проверок нередко приходилось сталкиваться с тем, что в воинских частях оборудовались «зинданы», цистерны и иные неблагоустроенные и не предусмотренные ни в каких нормативных документах места, где содержались как следственно-арестованные и арестованные в дисциплинарном порядке военнослужащие, так и незаконно задержанные местные жители, подозреваемые командованием в совершении террористических актов и участии в НВФ. Командование воинских частей объясняло это тем, что в результате боевых действий часть военнослужащих получили боевые психические травмы, стали алкоголиками и наркоманами, способными на совершение преступлений. Поэтому командование вынуждено их каким-то образом локализовать от остальной части военнослужащих, оружия и боеприпасов, а иных мест отдельного содержания, чем гауптвахта, никакими ведомственными нормативными актами не предусмотрено для

[55] *Гавето С.Э.* Особенности расследования преступлений против военной службы в условиях чеченского конфликта. М., 1997. С. 42.

лиц данной категории, тем более что в настоящее время процедура ареста военнослужащих претерпела значительные изменения и намного усложнилась из-за необходимости получения командованием воинских частей судебного решения.

Не урегулирован и вопрос о порядке отстранения от должности в районах вооруженного конфликта офицеров командного звена, совершивших преступление. При этом, также можно столкнуться с вооруженным сопротивлением и противодействием подчиненных. Так, например, 27 марта 2000 г. в расположение 160-го гвардейского танкового полка, командир которого полковник Ю.Д. Буданов совершил убийство 17-летней Э. Кунгаевой, спустя 11 часов после совершения преступления прибыл врио руководителя оперативного штаба «Запад» генерал-майор Г., узнавший о преступлении по информации местного населения. В разговоре с ним полковник Ю.Д. Буданов полностью отрицал свою причастность к похищению Э. Кунгаевой и угрожал генерал-майору Г. пистолетом, а затем произвел выстрел в стопу своей левой ноги. После этого начальник штаба полка подполковник Ф. поднял по тревоге разведроту, личный состав которой окружил раненого командира полка и, угрожая оружием, не подпускал к нему никого из группы офицеров, прибывшей с генерал-майором Г. Принятыми генерал-майором Г. мерами личный состав разведроты был возвращен в расположение подразделения, а полковник Ю.Д. Буданов разоружен и направлен в медпункт 245-го мотострелкового полка[56].

Изучение опыта работы органов военной прокуратуры в районах вооруженного конфликта показало важность проведения *освидетельствования* на начальном этапе расследования в целях обнаружения следов преступления (телесных повреждений) на теле человека (царапины, ссадины, кровоподтеки и т. д.), так как своевременно зафиксированные, подобные обстоятельства в последующем могут использоваться в доказывании по уголовному делу.

Освидетельствованию в первую очередь подлежат потерпевшие либо подозреваемые в совершении преступлений, а также задержанные за нарушение правового режима чрезвычайного положения.

При этом, наибольшую сложность представляет проблема проведения освидетельствования лиц, совершивших преступления с применением огнестрельного оружия в районах вооруженного конфликта. Быстротечность инцидентов, в которых используется огнестрельное оружие, даже при наличии свидетелей, не позволяет в большинстве случаев восстановить истинную картину происшедшего без помощи специалиста-криминалиста.

В связи с вышесказанным представляются интересными исследования Д.П. Палеева, Д.С. Кадочникова и А.С. Суворова об использовании обнаруженных сопутствующих факторов выстрела и других судебно-медицинских признаков для верификации стрелка. По результатам своих исследований в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) они приводят перечень признаков, позволяющих идентифицировать профессионального стрелка по следам и повреждениям на его теле, что особенно актуально при освидетельствовании на предмет определения по этим признакам принадлеж-

[56] Уголовное дело № 14/33/0134-2000 // Архив военного суда СКВО.

ности задержанного лица к НВФ и доказательства его участия в боевых действиях против федеральных войск.

К таким признакам указанные авторы относят: а) кровоподтек на одном плече от приклада в результате отдачи при продолжительной стрельбе из автоматического оружия; б) очаговое опаление волос одной или двух височных областей у стрелка от стрельбы из ручного гранатомета; в) кровоподтек одной из глазничных областей округлой формы с четкими границами у снайперов, стреляющих из оружия, снабженного оптическим прицелом с резиновой накладкой на окуляр; г) множественные, преимущественно полосовидные, пересекающиеся между собой кровоподтеки и ссадины на разных поверхностях груди от скрытного ношения подсумков с боеприпасами под одеждой; д) поверхностные раны и рубцы на наружной (лучевой) поверхности 2-го пальца обычно правой кисти от многократного нажатия 2-м пальцем на спусковой крючок автоматического оружия; е) множественные ссадины и кровоподтеки задненаружных поверхностей локтевых и передних поверхностей коленных суставов от перемещения с опорой на них по грунту и их повреждения в результате стрельбы лежа; ж) отложения продуктов выстрела (копоти, порошинок) на одежде подозреваемых, выявляемых с помощью контактно-диффузионного метода (на наличие сурьмы, меди, железа, свинца и др.); з) следы бывших ранений (хорошо выявляются и период до трех месяцев); и) признаки длительного пребывания в полевых условиях (загар открытых участков тела, шелушение кожи и т. п.), к) кожные заболевания, характерные для условий отсутствия нормальных бытовых условий (педикулез, общее загрязнение тела, гнойничковые и грибковые поражения); л) снижение остроты слуха; м) комплекс неврологических нарушений, наиболее вероятно — от действия ударной волны (дрожание пальцев вытянутых рук, повышенная потливость, нистагм — непроизвольные ритмичные двухфазные движения глазных яблок при поражении вестибулярного аппарата и др.)[57].

Задержанных за нарушение правового режима чрезвычайного положения в районах вооруженного конфликта освидетельствуют на фильтрационном пункте МВД. На фильтрационном пункте постоянно находится работник следствия или дознания, снабженный унифицированными бланками постановлений и протоколов освидетельствования, куда вписываются фамилия освидетельствуемого лица и данные об обнаруженных на его теле следах. Следователь военных следственных органов производит освидетельствование военнослужащих, как правило, по месту временной дислокации их подразделений, в присутствии понятых, а при необходимости с участием врача, а также других специалистов-криминалистов. При появлении вопросов, для ответа на которые необходимы специальные знания (о характере телесных повреждений, их давности, локализации, механизме причинения и т. д.), назначается экспертиза (ст. 195 УПК РФ).

[57] *Грицаенко П.П., Палеев П.П., Яксон В.Р.* К вопросу о верификации стрелка // Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовно-процессуального законодательства: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2003. С. 115—120.

Глава 9. Назначение и производство судебных экспертиз в районах вооруженного конфликта

Предмет экспертных исследований мало подвержен воздействию особых условий расследования. В боевой обстановке перед экспертами ставятся те же вопросы, что и в обычных мирных условиях. Определенной спецификой в боевой обстановке обладает лишь организация экспертных исследований, а также меняется удельный вес различных видов экспертиз.

До Великой Отечественной войны (1941—1945) организации военно-судебной экспертизы не было, ее функции выполняли как военно-врачебная экспертиза, так и гражданские судебные медики. Первым этапом организации судебно-медицинской экспертизы был период с 1940 г. по март 1943 г. Военные конфликты у озера Хасан (1938) и реки Халхин-Гол (1939), советско-финляндская война (1939—1940) в связи с их небольшой продолжительностью не успели наглядно показать необходимость введения в штат Красной армии кадровых судебно-медицинских экспертов, речь больше шла о деятельности патологоанатомов.

Предложенный в 1940 г. А.А. Васильевым проект создания на военное время армейских и фронтовых патолого-анатомических лабораторий (ПАЛ) все же предусматривал введение в их штат судебных медиков как помощников начальников лабораторий. Этот проект был утвержден, и с началом Великой Отечественной войны в Действующей армии стали формироваться армейские и фронтовые ПАЛ, а в декабре 1942 г. была образована и Центральная патолого-анатомическая лаборатория (ЦПАЛ) при Главном военно-санитарном управлении Красной армии. Однако организация армейских и фронтовых патолого-анатомических лабораторий оказалась для судебно-медицинских целей нежизненной не только по своей структуре, но и, прежде всего, потому, что она совершенно не удовлетворяла требованиям и запросам органов военной юстиции.

Фронтовые условия потребовали как расширения спектра и конкретизации видов деятельности судебных медиков, так и их участия в работе Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Расследование случаев различного рода уклонений от военной службы требовало максимального приближения судебных медиков к войскам и проведения экспертиз в ближайшее после ранения время, так как тогда создавалась возможность всестороннего расследования этих случаев и принятия эффективных предупредительных мер со стороны командования и органов военной прокуратуры. Подтверждает это и существующая определенная зависимость частоты выявления случаев самоповреждений от давности ранений. Так, 80 % раскрытых случаев членовредительства приходится на первые 3 дня после саморанения, 13,5 % — в пределах от 3 до 10 дней и только 6,5 % — на срок свыше 10 дней[58].

Работа судебных медиков по предназначению в патолого-анатомических лабораториях была эпизодической, бессистемной, пущенной на самотек, без всякой отчетности и руководства, что, естественно не удовле-

[58] *Лавренюк Г.П.* Обоснование принципов и разработка системы организации военной судебно-медицинской службы в ВС РФ в мирное и военное время: Дисс. ... докт. мед. наук. СПб., 1996. С. 95.

творяло военную юстицию и командование, требовавших высококвалифицированных заключений специалистов. Поэтому в 1942 г. ГВП поставила перед Главным военно-санитарным управлением вопрос об организации самостоятельной судебно-медицинской экспертизы. Директивой начальника Генерального штаба Красной армии от 26 марта 1943 г. № Орг/6/133213 были введены в действие штаты военной судебно-медицинской экспертизы, которые предусматривали должности судебно-медицинских экспертов армий, главных судебно-медицинских экспертов фронтов, помощников главных судебно-медицинских экспертов фронтов (которые ранее были в штате санитарно-эпидемиологических лабораторий фронтов), Главного судебно-медицинского эксперта Красной армии, Центральную судебно-медицинскую лабораторию (ЦСМЛ) с отделениями: освидетельствования живых лиц, биологическим, криминалистическим и др. В помощь главному судебно-медицинскому эксперту фронта были прикомандированы врач-специалист (судебный медик) за счет штата санитарно-эпидемиологической лаборатории фронта и старший лаборант за счет штата патолого-анатомической лаборатории фронта, а к судебно-медицинскому эксперту армии прикомандирован старший лаборант за счет штата патолого-анатомической лаборатории фронта. Для выполнения поставленных перед военными судебными медиками задач во всех лечебных учреждениях были назначены врачи-эксперты из числа ведущих хирургов и других врачей, работавших преимущественно при сортировке раненых в МСБ, медико-санитарных ротах (МСР), эвакуационных поездах (ЭП) и эвакуационных госпиталях (ЭГ) фронтового района, на которых возлагалось производство первичных экспертиз. Для максимального охвата лечебных учреждений квалифицированной экспертизой судебно-медицинский эксперт армии находился в пункте, куда сходились пути эвакуации легкораненых (ЭП, армейский госпиталь легкораненых (АГЛР), а на время активных боевых действий армия усиливалась главным судебно-медицинским экспертом фронта. Эффективное расследование преступлений требовало производства судебно-медицинских экспертиз как можно ближе к месту происшествия, поэтому производство судебно-медицинских экспертиз было сосредоточено вначале в госпиталях 1-й линии, а с 1944 г. эти экспертизы стали проводить подготовленные врачи-эксперты МСБ и МСР (ПМП).

Всего, по данным Г.П. Лавренюк, военные судебно-медицинские эксперты в период Великой Отечественной войны провели: 33 278 экспертиз по исследованию трупов, 36 491 — по освидетельствованию живых лиц (из них 24 162 пришлись на самоповреждения или подозрения на них)[59].

В связи с вышесказанным небезынтересно мнение В.Ф. Новикова, работника военной прокуратуры в годы Великой Отечественной войны, об организации и проведении экспертиз в Действующей армии: «...по делам о членовредительстве всегда имелось заключение врачей, по делам, связанным с техникой, назначались технические экспертизы. При расследовании преступлений, связанных с руководством боевыми действиями, например по делам о неисполнении боевых приказов, проводилась военная экспертиза. Для производства военной экспертизы обычно приглашались наиболее подготовленные командиры, имеющие специальное военно-тактическое образование и опыт по руководству боевыми

[59] *Лавренюк Г.П.* Указ. соч. С. 78.

операциями. Судебно-медицинская (характер ранения) или техническая (исправность оружия) экспертиза проводилась специалистами полка. Во время войны при производстве следствия проводилось экспертиз в пять раз больше, чем в судебных заседаниях. При этом, 96 % экспертиз было проведено в связи с подозрением на саморанение»[60].

Дальнейшее развитие организация военной судебно-медицинской экспертизы получила в период нахождения ОКСВ (40-я армии) в Афганистане (1979—1989). В Афганистан 267-я судебно-медицинская лаборатория (СМЛ) прибыла в феврале 1980 г., имея в своем штате начальника и старшего врача-специалиста (судебно-медицинского эксперта), одного лаборанта, двух санитаров и одного водителя, и обслуживала пять военных прокуратур и госпитали. Вскрытие трупов производилось в четырех полевых моргах — нештатных пунктах по обработке и отправке в СССР тел погибших, размещенных при медико-санитарных батальонах.

До 1984 г. из-за недостаточного оснащения экспертной аппаратурой и нехватки личного состава в 267-й СМЛ производились только судебно-медицинские экспертизы живых лиц, трупов и решались вопросы исправности оружия и осмотра места происшествия. Остальные экспертизы проводились в 90-й СМЛ в г. Ташкенте. Вскрытие трупов в полевых условиях в стране с жарким климатом, а затем длительная транспортировка крови и органов для проведения судебно-химических исследований в г. Ташкент способствовали их гниению, что отрицательно сказывалось на качестве экспертных выводов. В связи с этим с 1984 г. 267-я СМЛ была переведена на расширенный штат. Размещение 267-й СМЛ рядом с армейским госпиталем и 323-й патолого-анатомической лабораторией (ПАЛ) в г. Кабуле позволило компенсировать работу отсутствующего в СМЛ гистолога за счет специалиста ПАЛ и привлекать врачей госпиталя для проведения комиссионных судебно-медицинских экспертиз. Обширные и труднодоступные районы обслуживания, быстро меняющаяся боевая обстановка, сложные климатические особенности требовали высокой мобильности в проведении экспертиз, поэтому во всех крупных гарнизонах из врачей-хирургов были назначены нештатные врачи-эксперты.

Всего военные судебно-медицинские эксперты 40-й армии за период 1980—1987 гг. выполнили в Афганистане большой объем работы, произведя экспертизы по исследованию 1 435 трупов, освидетельствованию 1 429 живых лиц, 966 криминалистических исследований, 93 исследования вещественных доказательств, 842 судебно-химических и 433 гистологических исследования.

В структуре криминалистических экспертиз преобладали баллистические (87,6 %), из них около 83 % составили экспертизы оружия, пуль, гильз, осколков, а 16 % — исследования поврежденного ими обмундирования, около 1 % — исследования бронежилетов, касок. Трасологические экспертизы составили 2,7 % , из них примерно половина — дактилоскопические, остальные — исследования замков и других объектов. Из остальных групп криминалистических экспертиз чаще всего проводились почерковедческие (40 %) и экспертизы подписей (25,4 %); все-

---

[60] Деятельность органов военной юстиции в условиях войны / Под ред. В.Ф. Новикова. М., 1983. С. 51.

го 10 % составили исследования холодного оружия; 5,5 % — поврежденного им обмундирования; 5,5 % — техническое исследование документов; прочие виды исследований — 12,7 %.

В структуре экспертиз по исследованию вещественных доказательств основными видами исследований были кровь и выделения человека (74 %), кровь и биологические ткани (4 %), кровь и волосы (15 %), органы и ткани (7 %). В структуре судебно-химических экспертиз наибольший удельный вес исследований составили выявления в объектах спиртов (63,9 %), наркотических веществ (31,2 %), карбоксигемоглобина (3,8 %), прочих веществ (1,1 %).

В 267-й СМЛ впервые было проведено хронометрирование минимально необходимых затрат рабочего времени при проведении различных видов судебно-медицинских экспертиз трупов: по материалам уголовного дела — 7 часов 10 минут; транспортной травмы — 8 часов 25 минут; отравлений (вместе с гистологическим исследованием) — 21 час 45 минут; не полностью скелетированного трупа — 139 часов. В проведенном В.Д. Исаковым анализе работы экспертов 267-й СМЛ даются следующие сроки проведения экспертиз: по живым лицам: до 3 дней — 69 %; до 10 дней — 25,8 %; свыше 10 дней — 5,2 %; по исследованиям трупов: до 10 дней — 65,5 %; до 20 дней — 29 %; свыше 20 дней — 5,5 %; криминалистические экспертизы: до 10 дней — 96,5 %; свыше 10 дней — 3,5 %[61].

Таким образом, пребывание войск 40-й армии за пределами нашей страны, отсутствие там каких-либо экспертных учреждений, необходимость постоянного обеспечения органов военной юстиции судебно-медицинскими и криминалистическими экспертизами полностью оправдали целесообразность функционирования 267-й СМЛ, а также необходимость проведения судебно-химических и биологических исследований в полевых условиях в армейской лаборатории.

Что касается организации работы судебных медиков в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996), то она была начата одновременно с вводом федеральных войск и заключалась в том, что к Владикавказскому гарнизонному госпиталю были прикомандированы один судебно-медицинский эксперт с фотоаппаратом и один патологоанатом с секционным набором без помощников и другого оснащения. Рабочие места и необходимые материалы для работы были выделены патолого-анатомической лабораторией Республики Северная Осетия — Алания.

Судебно-медицинское обеспечение расследования преступлений на начальном периоде боевых действий производилось вахтовым методом военными экспертами Министерства обороны Российской Федерации, которые прикомандировывались из ЦСМЛ, СМЛ военных округов и флотов, кафедры судебной медицины ВМА и направлялись в г. Владикавказ и г. Моздок. В этот период судебно-химические и биологические экспертизы не проводились из-за отсутствия специалистов и необходимого оборудования. Всего за период с 15 декабря 1994 г. по 24 марта 1995 г. было проведено: 73 освидетельствования живых лиц, 326 вскрытий трупов (из них по инициативе военной прокуратуры — 91) и толь-

[61] *Исаков В.Д.* Анализ работы 267 СМЛ на объекте А-100: Рукопись. М., 1988. С. 116—124.

ко 9 криминалистических экспертиз (в том числе по инициативе военной прокуратуры — 3)[62].

Именно отдаленность военных прокуратур от места нахождения штатного судебно-медицинского эксперта, отсутствие специалистов и необходимого оборудования для производства экспертиз привели к тому, что в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) осмотры трупов, особенно на первоначальном этапе формирования военной прокуратуры, проводились в лучшем случае с привлечением медицинского персонала воинских частей Министерства обороны Российской Федерации или внутренних войск МВД России, а в худшем — вообще не проводились[63]. Основная масса экспертиз, требовавшихся органам военной прокуратуры, проводились за плату в экспертных учреждениях МВД России, Министерства здравоохранения Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации, находящихся за пределами Чеченской Республики, что, естественно, отражалось на оперативности и качестве проведения экспертиз и всего расследования в целом.

Так, наибольшие нарекания следователей военной прокуратуры вызывали: большие сроки проведения экспертиз — 34,0 %; финансовые расходы — 26,8 %; по назначению и процессу производства экспертизы (недостаток образцов) — 16,5 %; недостаточный уровень квалификации экспертов — 12,4 %; узкий спектр проводимых экспертных исследований в СМЛ военного округа — 10,3 %. В первую очередь ощущался недостаточный уровень квалификации экспертов для проведения следующих видов экспертиз: судебно-психиатрической — 31 %; автотехнической — 14,3 %; баллистической — 14,3 %; биологической — 14,3 %; судебно-медицинского исследования трупов — 9,5 %; почерковедческой — 9,5 %; психологической — 7,1 %[64].

Выход из создавшегося положения состоял в первоочередном проведении экспертных исследований по постановлениям следователей военных прокуратур, действующих в районах вооруженного конфликта, в ближайших экспертных учреждениях региона, а также в развертывании новой (184-й) СМЛ СКВО (г. Владикавказ) и усилении техникой и штатами действующей 124-й ОСМЛ СКВО (г. Ростов-на-Дону). Но это только половинчатые меры. Качественный уровень и оперативность работы военной прокуратуры по расследованию преступлений будут принципиально иными только в случае развертывания в районе вооруженного конфликта подвижного комплекса лабораторий, на базе которого можно проводить весь спектр экспертных исследований.

В дальнейшем для военной прокуратуры, дислоцированной в г. Грозном, была истребована с базы хранения медицинской техники и имущества «НЗ» ЛенВО и отправлена сначала в г. Моздок, а затем в г. Грозный подвижная судебная патолого-анатомическая лаборатория на базе автомашины ГАЗ-66 («Сумпал-01»), и «вахтовым» методом направлялись судебно-медицинские эксперты. Однако подвижная судебная патолого-анатомическая лаборатория оказалась недоукомплектованной оборудованием для проведения криминалистических экспертиз, что не позволило ее полноценно использовать для проведения планируемых экс-

---

[62] *Лавренюк Г.П.* Указ. соч. С. 137—139.

[63] *Гавето С.Э.* Особенности расследования преступлений против военной службы в условиях чеченского конфликта. С. 50—51.

[64] *Лавренюк Г.П.* Указ. соч. С. 212.

пертных исследований. Поэтому судебно-медицинские эксперты не могли решить всех вопросов, требующих специальных знаний и возникающих в ходе производства предварительного следствия, но основные экспертизы, такие как исследования трупов, судебно-медицинские экспертизы живых лиц, некоторые трасологические исследования, все же стали проводиться на месте. Кроме того, с помощью экспертов готовилась необходимая предметная база, обеспечивалась надлежащая упаковка и сохранность объектов для проведения экспертных исследований за пределами района вооруженного конфликта.

В ходе вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) остро встал вопрос об опознании трупов погибших военнослужащих, производстве судебно-медицинских и патолого-анатомических вскрытий, чему не было аналогов ни в годы Великой Отечественной войны, ни в период нахождения ОКСВ в Афганистане. И хотя боевая травма исследуется патологоанатомами, вопросы идентификации личности военнослужащих — сугубо судебно-медицинские, а процесс опознания — действие следственное. Командование федеральной группировки войск по согласованию с ГВП приняло решение для идентификации неопознанных погибших военнослужащих привлечь в качестве специалистов судебно-медицинских экспертов Министерства обороны Российской Федерации. Поэтому в январе 1995 г. при одном из трех пунктов приема, обработки и отправки тел погибших военнослужащих (ППООП) в г. Ростове-на-Дону была создана «Экспертная группа по идентификации неопознанных погибших военнослужащих, поступивших из Чечни» в составе девяти судебных медиков, двух видеоинженеров, двух медицинских статистов и санитаров-носильщиков[65]. Основными задачами судебно-медицинских экспертов и патологоанатомов были: исследование тел погибших с установлением характера повреждений и причины смерти, выдача свидетельства о смерти, оформление протоколов и актов исследования трупов, выявление на трупах признаков издевательств и глумления, оказание помощи в опознании погибших. Применительно к исследуемому воинскому контингенту экспертной группой ЦСМЛ МО РФ были разработаны «Карты признаков внешности и других особенностей неопознанных трупов», каждая из которых состоит из 24 признаков. Эти карты в некоторой степени отличаются от опознавательной карты МВД. Кроме того, указанной экспертной группой был подготовлен «Перечень материалов, представляемых для проведения опознания погибших представителями частей и родственниками», а также «Карта признаков внешности и других особенностей пропавшего без вести» и Инструкция по организации работы по идентификации неопознанных тел. Работа экспертной группы ЦСМЛ МО РФ по отработанной этой группой методике опознания и идентификации неопознанных тел погибших военнослужащих была безошибочной в отличие от опознаний, проводившихся представителями воинских частей вне экспертной группы, когда несколько трупов были представлены родственникам и захоронены, а затем оказалось, что «погибшие» живы и находятся на лечении в госпитале. Так, к 26 октября 1995 г. на ППООП г. Ростова-на-Дону было исследовано 358 тел погибших в целях их опознания. Опознано с учетом 23 тел, на

[65] Директива Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации от 20 января 1995 г. № 314/7/0014.

которых на первом этапе работы не заводилась документация, 163 тела погибших[66].

Таким образом, обобщение опыта экспертной работы в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) показало недостаточную организационную и техническую подготовленность военных судебных медиков к требуемой от них органами военной прокуратуры полноценной работе по производству в районах вооруженного конфликта следующих видов судебных экспертиз: судебно-медицинская — 19,6 %; автотехническая — 16,2 %; баллистическая — 12,4 %; судебно-психиатрическая — 10,2 %; биологическая — 6,8 %; физико-техническая — 5,3 %; почерковедческая — 3,8 %; трасологическая — 3,8 %; психологическая — 3,4 %; бухгалтерская — 2,3 %; химическая — 2,3 %; волокон и волокнистых материалов — 0,7 %; все виды экспертиз, проводимых в Российской Федерации, — 9,8 %; прочие (редко встречающиеся) — 3,4 %.

Удаленность экспертных подразделений от районов вооруженного конфликта и большие цены за проведение экспертиз в территориальных экспертных учреждениях требуют выполнения этих экспертиз военными экспертами в районах вооруженного конфликта вблизи дислокации военных прокуратур на основном направлении эвакуации раненых и больных (при госпитале или медицинском отряде специального назначения (МОСН). На основном направлении эвакуации раненых и больных необходимо иметь смешанную бригаду судебных медиков и патологоанатомов, оснащенных передвижной судебной патолого-анатомической лабораторией, так как образовалось новое направление работы военных судебных медиков по идентификации неопознанных военнослужащих в районах вооруженного конфликта. В состав экспертов подвижной судебной патолого-анатомической лаборатории для выполнения всех основных видов исследования должны входить: судебный медик, патологоанатом, судебный химик, биолог и специалист-криминалист. Подвижная судебная патолого-анатомическая лаборатория на базе автомашины ГАЗ-66 («Сумпал-01») не отвечает современным условиям функционирования в районах вооруженного конфликта, требует полной реконструкции и замены на подвижную судебно-медицинскую и патолого-анатомическую лабораторию на базе шасси автомобиля КАМАЗ-43101 («Поляна»), предназначенную для производства личным составом подвижных судебно-медицинских отделений судебно-медицинских и криминалистических экспертиз, а также проведения идентификации неопознанных погибших военнослужащих.

Для обеспечения надлежащего производства экспертиз целесообразно выделить в ОПСГ криминалистическую группу, сотрудники которой должны осуществлять предварительное исследование вещественных доказательств, принимать меры к сохранению на них следов преступлений, определять требуемые экспертизы и экспертные учреждения, которым их следует поручить. Взаимодействуя с экспертами, они могут представить дополнительные материалы, уточнить вопросы, оказать помощь в поисках требуемых специалистов иного профиля, своевременно принять меры к сохранению обнаруженных документов. В задачу криминалистов входит учет всех исследованных трупов, определение порядка и последовательности судебно-медицинских экспертиз живых лиц, контроль за надлежащим оформлением медицинских документов, принятие организационных мер к устранению случаев небрежности, упрощенчества, влекущих утрату документов и т. д.

---

[66] *Гаветo С.Э.* Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в условиях вооруженного конфликта (по материалам работы военной прокуратуры в Чеченской Республике в 1994— 1996 гг.): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 219.

Раздел V. Методика расследования отдельных видов преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта

Глава 1. Понятие, структура, содержание и значение общей криминалистической характеристики преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта

Наиболее ценным источником информации о полной системе признаков преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженных конфликтов, являются их криминалистические характеристики, которые должны представлять собой типовую информационную модель, содержащую знания о криминалистически и следственно значимых признаках объекта, его строении, функциях и связях.

С.Н. Чурилов предложил разрабатывать полезные для следственной практики криминалистические характеристики большой степени общности, сочетающие уголовно-правовые и криминалистические критерии и охватывающие несколько видов и даже родов преступных посягательств, но совершаемых не вообще, а в специальных условиях места, времени либо лицами, характеризуемыми тем или иным общим для них отличительным признаком[1]. Это предложение стало основой построения общей криминалистической характеристики преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Решение проблемы метода накопления криминалистически значимых данных в сфере преступной деятельности связано и с уровнем разработки проблемы классификации преступлений. Криминалистическая классификация преступлений является системообразующей формой различных по содержанию криминалистических характеристик преступлений, в том числе и совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Анализ точек зрения различных ученых-криминалистов позволяет сделать вывод, что в качестве оснований криминалистической классификации преступлений используются как признаки, производные от элементов структуры преступления и определяющие криминалистические особенности различных видов преступлений, так и другие внешние по отношению к ним, но закономерно связанные с ними признаки.

Реализация указанных предложений привела к заметному расширению системы криминалистических классификаций путем целенаправленного включения в нее новой подсистемы, построенной на учете целого комплекса внешних объективных факторов, влияющих на характер, направленность, механизмы совершения и отражаемости преступлений и тем самым во многом предопределяющих и стимулирующих многообразие, многовариантность рассматриваемых классификаций. Кримина-

[1] *Чурилов С.Н.* Криминалистическая методика: история и современность. М., 2002. С. 193.

листическое значение взаимодействия преступления с окружающей средой определяется важностью результатов изучения окружающей преступление среды для управления деятельностью по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

В юридической литературе широкое распространение получило понятие обстановки совершения преступления как фрагмента окружающей среды, так как преступления всегда совершаются и скрываются в конкретных, реально существующих условиях действительности. Сочетание этих условий (внешняя среда) и образует обстановку, в которой происходит преступление.

Обстановка преступления оказывает прямое влияние на протекание и динамику общественно опасного деяния, так как существенно обусловливает механизм преступления в целом, указывает на закономерности образования информации и ее носители в расследуемом преступлении.

Систематизация криминалистически значимых элементов обстановки совершения преступления, признаки которых могут использоваться в качестве оснований криминалистической классификации преступлений, позволила разделить все элементы окружающей среды на две группы: природно-климатические условия и явления социального порядка.

Признаки явлений природно-климатического характера (климатические условия, сезонные изменения погоды, особенности природного ландшафта и т. п.) могут учитываться при построении криминалистических классификаций преступлений, поскольку они оказывают влияние на специфику преступлений, механизм образования следов, их сохраняемость и другие обстоятельства совершения преступлений и деятельность по их выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению.

Особое значение для построения криминалистической классификации преступлений имеют признаки явлений социального порядка. При криминалистическом рассмотрении социальной среды как подсистемы обстановки совершения преступлений важен учет внешних и внутренних факторов. В частности, деление обстановки совершения преступления по признаку мирного и военного времени создает основу для классификации преступлений на две части: совершаемые в мирное или военное время. Поскольку военная обстановка может быть подразделена на фронтовую и тыловую, это дает возможность выделения преступлений, совершаемых в условиях боевой обстановки. Некоторые из числа упомянутых признаков восприняты законодателем и включались в качестве квалифицирующих признаков в отдельные составы преступлений. Включение законодателем некоторых элементов обстановки в число квалифицирующих признаков составов преступлений не означает, что эти элементы теряют свое криминалистическое значение. Они, например, могут использоваться при классификации тех преступлений, в составе которых отсутствуют[2].

Данные об обстановке совершения преступления позволяют судить об условиях, которые предшествуют и сопутствуют действиям субъекта преступления, облегчают или затрудняют достижение преступной цели, влияют на формирование структурных элементов преступления, указывают на нетипичные факторы, повлиявшие на событие преступления, на несоответствия между способом и механизмом совершения преступления и т. д.

---

[2] *Образцов В.А.* Криминалистическая квалификация преступлений. Красноярск, 1988. С. 100—101.

Наглядная взаимосвязь прослеживается между обстановкой совершения и способом совершения преступления, так как способ совершения преступления выбирается и конкретизируется с учетом складывающейся обстановки. Так, в условиях боевой обстановки в период Великой Отечественной войны наиболее часто использовался такой способ совершения и сокрытия членовредительства, как «голосование», когда во время интенсивного пулеметно-минометного обстрела противником передовой линии обороны наших войск военнослужащий выставлял из окопа руку или, лежа на земле, поднимал ногу, чтобы получить огнестрельное ранение и в то же время скрыть сам факт членовредительства.

Следует четко отличать то, что должно пониматься под обстановкой, в которой совершается и скрывается преступление, от ситуации, в которой оно расследуется. В данном случае предметом рассмотрения является содержание почти одного и того же явления: с одной стороны, обстоятельства и условия совершения и сокрытия преступления, с другой — обстоятельства и условия, складывающиеся в процессе расследования этого же преступления.

Возможность использования сведений об обстановке совершения преступлений для решения тактических и методических вопросов следствия во многом зависит от характера связей в системе «обстановка — следственная ситуация». Так, обстановка совершения преступлений, например, в районах вооруженного конфликта, может выступать причиной возникновения своеобразных, зачастую довольно сложных следственных ситуаций.

Своеобразие обстановки совершения преступлений, в той или иной мере предопределяя поведение преступника до, в ходе и после преступления, непременно влияет на количество и качество оставляемых им следов, что, в свою очередь, упрощает или усложняет возникающие следственные ситуации. Следователь также на основе имеющихся в его распоряжении сведений оценивает обстановку, в которой совершалось преступление. Все встречающиеся в следственной практике многочисленные варианты оценки следователем обстановки совершения преступления можно объединить в три группы: простая или сложная, благоприятная или неблагоприятная, типичная или специфическая для преступника. При этом, своевременное определение следователем характерных качеств обстановки создает оптимальные предпосылки и для выявления информации о личности преступника.

Приведем характерный пример из следственной практики военных прокуратур Северо-Западного фронта в период советско-финляндской войны (1939—1940). Начальник штаба дивизиона 455-го артиллерийского полка лейтенант И.В. Янушевский доложил командованию полка, что при следовании на санях с ездовым-красноармейцем в штаб полка они подверглись в лесу нападению финской диверсионной группы. В результате обстрела ездовой — парторг взвода управления дивизиона красноармеец Рогачев был убит, а он легко ранен в плечо. Обстоятельства нападения вызвали у командования полка сомнения в достоверности объяснений И.В. Янушевского, и на место происшествия была немедленно послана лыжная разведка, которая осмотрев весь лес, так и не нашла никаких следов нахождения там финской диверсионной группы, т. е. не обнаружила не только лыжных трасс, но даже отдельных следов обуви. После возбуждения уголовного дела военный следова-

тель с помощью эксперта установил, что угол полета пуль, попавших в сани, равен 30—35°, и, зная из показаний И.В. Янушевского, что обстрел велся с опушки леса, примерно с расстояния 200 м, определил, что нападавшие должны были находиться на высоте 40—45 м, а деревьев или возвышенностей такой высоты в лесу не было. При экспертном исследовании шапки ездового-красноармейца на ней были обнаружены следы близкого выстрела, и эксперт дал заключение, что в него стреляли с расстояния 2—3 см. С такого же расстояния «стреляли» и в И.В. Янушевского, который был вынужден сознаться, что убил ездового выстрелом из револьвера в затылок, затем прострелил в нескольких местах сани и нанес себе легкое огнестрельное ранение в плечо в целях получения награды и уклонения от дальнейшего участия в боевых действиях в связи с нахождением на излечении в госпитале[3].

Структура обстановки совершения конкретных преступлений чаще всего формируется из характерных для определенных преступлений объектов, явлений, процессов и лиц, оказавшихся в пространственно-временных границах события преступления. Время как один из факторов обстановки совершения преступления может проявляться, наряду с датой, временем года и суток, в следующих аспектах: во-первых, как определенный политический период в жизни государства (например, «военное время»); во-вторых, как давность совершения преступлений, и в-третьих, как продолжительность расследования. При этом, при проведении расследования преступлений в районах вооруженного конфликта особое значение имеет оперативность, сокращение сроков расследования.

Пространственный фактор имеет значение, во-первых, как определенный регион страны, что определяет действие законов в пространстве и правовое положение субъектов расследования (например, район военных действий, поле боя), во-вторых, как определенная территория, на которой установлен особый правовой режим (режим проведения контртеррористической операции, военного или чрезвычайного положения).

Таким образом, основанием криминалистической классификации преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, является система, состоящая из имеющих криминалистическое и следственное значение признаков, характеризующих преступление, и признака другой системы, находящейся с преступлениями в закономерной связи, — обстановкой совершения преступления. При этом, под объектом криминалистической классификации преступлений понимаются характеризуемые соответствующими уголовно-правовыми и криминалистическими понятиями определенные множества преступлений, расчленяемые на взаимосвязанные части (подмножества) в целях оптимизации процесса решения познавательно-конструктивных задач в криминалистике и следственной практике[4].

Существуют три типа объектов криминалистической классификации преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженно-

---

[3] См.: *Носов В.И.* Доклад на Всеармейском совещании военных прокуроров (16 июня 1940 г.) // Архив ГВП, 1940. Наряд б/н, т. 1, с. 121—129; Обзор о судимости военнослужащих ЛенВО за уклонения от военной службы в период боевых действий против белофиннов и о карательной практике военных трибуналов по этим преступлениям // Архив Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации. Наряд № 23, оп. 1, д. 172, с. 523—524.

[4] *Образцов В.А.* Указ. соч. С. 54.

го конфликта, уровни которых определяются широтой охвата мыслящихся в характеризующих их понятиях явлений и объемом этих понятий.

Объектом первого (родового) уровня являются общественно опасные деяния, совершаемые военнослужащими в районах вооруженного конфликта и квалифицируемые УК РФ как преступления. Данная система обладает рядом общих уголовно-правовых и криминалистических признаков, наряду с которыми ей свойственна и определенная специфика, имеющая криминалистическую и следственную значимость и проявляющаяся в своеобразии компонентного состава указанных признаков, внутренних и внешних связей, взаимодействии и т. д.

Система объектов второго (группового) уровня состоит из двух подсистем. Первую из них образуют определенные группы криминалистически сходных видов преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта международного характера и различающихся в зависимости от видов боевых действий (наступление, оборона, отход) и условий конкретной боевой обстановки, в которых они были совершены. Вторую подсистему составляют определенные группы криминалистически сходных видов преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта немеждународного характера и различающихся в зависимости от форм применения объединенной группировки войск (сил) на активной или пассивной фазах вооруженного конфликта. При этом, на этапе разрешения вооруженного конфликта (активной фазе вооруженного конфликта) применение объединенной группировки войск (сил) осуществляется в форме операций, боевых действий и систематических боевых действий. А на этапе ликвидации последствий вооруженного конфликта (пассивной фазе вооруженного конфликта) объединенная группировка войск (сил) применяется в форме поисково-штурмовых действий формирований Вооруженных Сил Российской Федерации и Пограничных войск ФСБ России, а также специальных мероприятий, проводимых внутренними войсками МВД, органами ФСБ и специальными подразделениями МВД (ОМОНа, СОБРа).

В понятие «группа криминалистически сходных видов преступлений» входят определенные криминалистически сходные уголовно-правовые роды преступлений (например, преступления против военной службы), отдельные группы криминалистически сходных видов преступлений, выделяемые на основе криминалистической классификации уголовно-правовых родов, а также криминалистической классификации всей совокупности преступлений.

Объектом третьего (видового) уровня являются отдельные виды преступлений как элементы уголовно-правовой классификации, непосредственно связанные с ведением боевых действий и совершающиеся в боевой обстановке. Они находятся на более низком уровне по сравнению с группами криминалистически сходных отдельных видов преступлений[5].

Связь криминалистической классификации преступлений с криминалистической характеристикой преступления состоит в том, что, во-пер-

[5] *Маликов С.В.* Криминалистическая классификация преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта // Сборник научных трудов преподавателей Военного университета. 2004. № 8.

вых, в криминалистическую характеристику включается не классификация, а описание преступления на основе его классификационных данных, а во-вторых, что невозможно построить криминалистическую классификацию, учитывающую одновременно все компоненты, образующие криминалистическую характеристику преступления[6].

Что касается видов криминалистической характеристики преступлений и их группировки, то ряд ученых-криминалистов высказывают мнение, что наряду с «абстрактной» или «общей» криминалистическими характеристиками преступлений необходимо выделять «родовые», «групповые», «видовые», «частные» и «конкретные» характеристики[7].

Обязательность выделения криминалистической характеристики преступления как научной категории не вызывает сомнений, так как, с одной стороны, она имеет абстрактный характер, а с другой — общее криминалистическое значение и служит методологической основой для исследования криминалистических характеристик отдельных видов и групп преступлений.

Меньшую степень абстракции имеют в системе криминалистических характеристик родовые, групповые и видовые характеристики. Основой их классификации могут быть категории философии — всеобщее, особенное и единичное, подчеркивающие объективные связи материального мира[8]. Исходя из этого можно предметно говорить о родовых (соответствующих категории всеобщего), групповых (соответствующих категории особенного) и видовых (соответствующих категории единичного) криминалистических характеристиках преступлений[9].

Видовые и групповые криминалистические характеристики в силу своей специфичности должны быть типовыми, т. е. содержать полное описание всех структурных элементов и закономерных связей между ними, а также давать целостное системное представление о соответствующей преступной деятельности[10].

По сравнению с родовой и групповой криминалистическими характеристиками наиболее конкретные типичные сведения содержит видовая криминалистическая характеристика, что придает ей прикладную направленность. В свою очередь, родовые и групповые криминалистические характеристики используются при уточнении видовых криминалистических характеристик, облегчают поиск для них специфических данных, способствуют разработке криминалистических классификаций преступлений, анализу следственных ситуаций, построению следственных версий и т. д.

Что касается криминалистической характеристики преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта, то

---

[6] *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: В 3 т. М., 1997. Т. 3. С. 327.

[7] См.: *Пантелеев И.Ф.* Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика. М., 1984. С. 366; *Гавло В.К.* Обстановка преступлений как структурный компонент криминалистической характеристики преступлений // Совершенствование расследования преступлений. Иркутск, 1980. С. 160 и др.

[8] *Зуев Е.И., Шурухнов Н.Г.* Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика: Актуальные проблемы. М., 1988. С. 128.

[9] *Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р.* Криминалистика / Под ред. Р.С. Белкина. М., 2000. С. 722—723, 780—784, 848—854.

[10] *Колдин В.Я.* Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика. М., 1990. С. 324.

следует исходить из того обстоятельства, что существуют два направления, по которым складывающаяся в ходе ведения боевых действий в районах вооруженного конфликта боевая обстановка определяет специфические закономерности организации и методики расследования преступлений: во-первых, воздействие через особый характер преступлений, который многие из них приобретают в районах вооруженного конфликта; во-вторых, непосредственное воздействие на его организацию и методику.

При этом, второе направление касается, прежде всего, тех преступлений, которые тем или иным образом связаны с ведением боевых действий в районах вооруженного конфликта. Криминалистическая характеристика подобных преступлений, в силу связи их с боевой обстановкой, обладает определенными особенностями, которые проявляются в наличии, наряду с традиционными, ряда общих для них криминалистических признаков. Среди них, с учетом криминалистической классификации преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, выделяются:

1) родовые признаки, общие для всех преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта, независимо от конкретных обстоятельств, при которых они были совершены;

2) групповые признаки меньшей степени общности, присущие только той или иной группе криминалистически сходных видов преступлений, которые обусловлены видом боевых действий и условиями конкретной боевой обстановки в районах международного или внутреннего вооруженных конфликтов, при которых они совершены;

3) традиционные криминалистические видовые признаки, присущие отдельным видам преступлений, которые непосредственно связаны с ведением боевых действий и совершаются в боевой обстановке в районах вооруженного конфликта.

Исходя из вышеизложенного структура общей криминалистической характеристики преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта, представляет собой трехуровневую систему, состоящую: из родовой криминалистической характеристики преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта; из групповых криминалистических характеристик преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта; из видовых криминалистических характеристик преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта[11].

Война оказывает радикальное воздействие на все социальные процессы, в том числе и преступность. А.А. Герцензон[12] установил, что в начальный период войны уровень общеуголовных преступлений в тылу резко снижается, что объясняется подъемом патриотизма и призывом в армию огромного контингента мужчин наиболее криминогенных возра-

---

[11] *Маликов С.В.* Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта: Монография. М., 2004. С. 136—169.

[12] *Герцензон А.А.* К изучению воинской преступности и преступности военного времени в буржуазных государствах // Ученые записки ВИЮН. М., 1945. Вып. 4. С. 171.

стои[13], а затем, спустя несколько месяцев, тяжелое экономическое положение инициирует неуклонный рост преступности в тылу, особенно женской и несовершеннолетних. В армии же в начальный период войны наблюдается неуклонный рост преступности, причем даже более интенсивный, нежели ее снижение в начальный период войны в тылу. Поэтому первым среди *родовых признаков*, общих для всех преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта, независимо от конкретных обстоятельств, при которых они были совершены, является *значительный рост числа совершенных преступлений и неуклонный рост уровня преступности военнослужащих в районах вооруженного конфликта*.

Так, ретроспективный статистический анализ уровня воинской преступности в районах военных действий показывает, что военнослужащими Действующей армии было совершено в период: 1) Русско-турецкой войны (1877—1878) — 2 865 преступлений; 2) Русско-японской войны (1904—1905) — 1 109 преступлений; 3) Первой мировой войны (1914—1918) — более 365 000 преступлений; 4) Гражданской войны и иностранной военной интервенции (1918—1922) — 82 648 преступлений; 5) советско-финляндской войны (1939—1940) — 2 183 преступления, за которые было осуждено 2 159 военнослужащих[14]. В период Великой Отечественной войны (1941—1945) были осуждены судом военного трибунала 399 863 военнослужащих[15].

Продолжался и неуклонный рост преступности среди военнослужащих действующих армий в районах военных действий. Так, он составил: в годы Русско-турецкой войны (1877—1878) +215 % в 1878 г. по сравнению с 1877 г.; Русско-японской войны +60,7 % в 1905 г. по сравнению с 1904 г.[16]; советско-финляндской войны +152,4 % в январе 1940 г. по сравнению с декабрем 1939 г.[17]; Великой Отечественной войны +343,6 % в 1942 г. по сравнению с 1941 г.

Указанная тенденция прослеживается и при ретроспективном статистическом анализе уровня воинской преступности в районах вооруженных конфликтов международного характера. Так, в период боевых действий на КВЖД (1929) военнослужащие были осуждены за совершение 426 преступлений[18]. Были осуждены военнослужащие Действующей Красной армии за совершение преступлений в период боевых дей-

---

[13] Во время Великой Отечественной войны средняя численность рабочих и служащих в народном хозяйстве уменьшилась с 31,8 млн человек в первом полугодии 1941 г. до 22,8 млн человек во втором полугодии 1941 г. и до 18,4 млн человек в 1942 г. Число трудоспособных мужчин в колхозах только за первые два с половиной года войны сократилось на 6,1 млн человек (Страна Советов за 50 лет. М., 1967. С. 337).

[14] Доклад о работе военных трибуналов армий, действовавших на финляндском фронте // Архив Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации. Наряд № 23, оп. 1, д. 172, с. 1—18.

[15] Не считая военнослужащих Действующей армии, направленных согласно приказу НКО СССР от 21 августа 1943 г. № 0413 за совершение преступлений в штрафные подразделения, — 427 910 человек.

[16] *Герцензон А.А.* Указ. соч. С. 130—131.

[17] Доклад о работе военных трибуналов армий, действовавших на финляндском фронте // Архив Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации. Наряд № 23, оп. 1, д. 172, с. 3.

[18] Статистические отчеты ВП РККА и РККФ за 1929 г. // Архив ГВП, 1929. Наряд б/н, оп. 1567, д. 5, с. 3, 4, 7, 8, 10, 11, 14.

ствий: в районе озера Хасан (1938) — 39 человек[19]; в районе реки Халхин-Гол (1939) — 362 человека[20]; при освобождении Западной Украины (1939) — 343 человека[21]; при освобождении Западной Белоруссии (1939) — 249 человек[22]. Во время нахождения ОКСВ в Афганистане (1979—1989) военнослужащими было совершено 7 241 преступление[23]. В период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) органами военной прокуратуры было учтено 1 594 преступления, совершенных в условиях ведения боевых действий военнослужащими Временных объединенных сил федеральных войск Министерства обороны Российской Федерации и внутренних войск МВД России[24]. А в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) военнослужащими ОГВ (с) было совершено около 6 000 преступлений. При этом, также сохранялась устойчивая тенденция роста уровня преступности: в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике +39,2 % в 1996 г. по сравнению с 1995 г., а в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе +20 % в 2002 г. по сравнению с 2001 г.

Следующим родовым признаком, общим для всех преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта, независимо от конкретных обстоятельств, при которых они были совершены, является *зависимость уровня преступности военнослужащих от интенсивности боевых действий* — интенсивные боевые действия влекут за собой рост количества преступлений.

Так, например, 85,9 % всех преступлений против гражданского населения в ДРА были совершены военнослужащими ОКСВ в период с марта 1980 г. по апрель 1985 г. в ходе проведения совместно с афганскими соединениями и частями активных широкомасштабных боевых действий: боевых операций, несения службы в боевом охранении, а также при передвижении в колоннах по дорогам ДРА, когда ослаблен контроль за офицерами и личным составом со стороны командиров частей и их заместителей[25].

Другим родовым признаком, общим для всех преступлений, совершенных в военнослужащими в районах вооруженного конфликта, независи-

[19] Работа Военного трибунала в боевой обстановке в районе озера Хасан в 1938 г. // Архив Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации. Наряд № 4/1, оп. 1, д. 81, с. 154—162.

[20] Доклад о работе Военного трибунала 1-й Армейской группы за 1939 г. // Архив Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации. Наряд № 27/1, оп. 1, д. 229, с. 1—26.

[21] Обзор о деятельности военных трибуналов Киевского Особого Военного Округа за период операций РККА по освобождению Западной Украины // Архив Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации. Наряд № 24, оп. 1, д. 74, с. 112—138.

[22] Доклад об итогах работы Военного трибунала Белорусского фронта за период боевых действий в 1939 г. // Архив Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации. Наряд № 25, оп. 1, д. 75, с. 103—121.

[23] ЦАМО. Ф. 1964, оп. 986591, д. 1—2; оп. 986592, д. 1—50; оп. 986610, д. 1; ф. 32, оп. 947137, д. 21.

[24] *Гавето С.Э.* Особенности расследования преступлений против военной службы в условиях чеченского конфликта. М., 1997. С. 123.

[25] *Винокуров А.Ю.* Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в отношении гражданского населения в районах вооруженного конфликта: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 81.

мо от конкретных обстоятельств, при которых они были совершены, является *реагирование воинской преступности на военные успехи или неудачи* (последние способствуют ее росту). Например, в мае 1942 г. в Красной армии количество членовредительств по сравнению с январем 1942 г. возросло на 90 %[26]. Причиной этого было неудачное проведение Керченской оборонительной операции Крымским фронтом (8—19 мая 1942 г.) и Харьковского сражения — Юго-Западным фронтом, 9-й и 57-й армиями Южного фронта (12—29 мая 1942 г.), в результате которых безвозвратные потери составили 22,3 % численности войск к началу операции под Харьковом и 64,9 % в Крыму[27].

К родовым признакам, общим для всех преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта, независимо от конкретных обстоятельств, при которых они были совершены, относится *появление и резкий рост преступлений против военной службы и государственных преступлений трусливо-малодушной мотивации*: дезертирство; членовредительство; самовольное оставление части в боевой обстановке; самовольное оставление поля сражения; сдача или оставление противнику средств ведения войны; добровольная сдача в плен; переход на сторону врага; оставление погибающего военного корабля; неисполнение приказаний в боевой обстановке и т. п.

При этом, среди преступлений трусливо-малодушной мотивации, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, наибольший удельный вес имеет дезертирство, тогда как в мирное время его доля в структуре преступности военнослужащих весьма незначительна.

Так, за весь период Первой мировой войны (1914—1918) из русской армии дезертировало 1 865,0 тыс. человек, что составляет 12,1 % всех людских ресурсов, привлеченных в армию и на флот за годы войны[28].

В годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции (1918—1922) дезертирство из Красной армии было самым распространенным воинским преступлением. Так, число только злостных дезертиров боевых частей Действующей Красной армии составило по неполным сведениям: в 1918 г. — 199 человек, в 1919 г. — 7 343 человека, а за период с 15 февраля по 31 декабря 1920 г. — 20 018 человек (из них — 59 командиров)[29], что составило соответственно по годам — 0,1 %, 0,6 % и 1,3 % к среднемесячной численности личного состава боевых частей РККА. А всего было выявлено и возвращено на службу за период с 1 января 1919 г. по 1 декабря 1920 г. 2 846,0 тыс. человек, из них 1 543,0 тыс. человек явились добровольно, а 837,0 тыс. человек задержано при облавах[30]. Дезертирство в Действующей армии продолжалось и после 1920 г. Так, в 1921 г. дезертировало около 231,0 тыс. человек[31], в том числе из частей, которые вели борьбу с антисоветскими выступлениями,

[26] Криминология: Учебник / Под ред. А.И. Долговой. М., 1997. С. 588.

[27] Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил (Статистическое исследование) / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 311.

[28] Число получено расчетным способом: к количеству зарегистрированных дезертиров (за период с начала войны по 1 августа 1917 г. — 365,0 тыс. человек) приплюсовано 1500,0 тыс. человек незарегистрированных (на 1 сентября 1917 г.) (Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 30).

[29] РГВА. Ф. 6, оп. 4, д. 739, с. 159—162, 303, 354, 355, 377, 378; д. 824.

[30] Гражданская война 1918—1921 гг. М., 1928. Т. 2. С. 83.

[31] Число получено расчетным способом: за 5 месяцев 1921 г. (август — декабрь) дезертировало 96 255 человека, или в среднем 19 251 человек в месяц, значит, за год будет примерно 231 000 человек // РГВА. Ф. 7, оп. 7, д. 285, с. 254—259.

— 32 773 человека (из них 1 704 человека — комсостав). В 1922 г. дезертировало 112 224 человека (в том числе 3 763 человека — комсостав)[32]. В целом, по данным С.Н. Орловского и В.И. Малкиса, осужденные за это преступление составляют 73 % от общего числа осужденных за воинские преступления военнослужащих[33].

В период Великой Отечественной войны (1941—1945) дезертировало в частях Действующей Красной армии 588,7 тыс. человек, из них осуждено 376,3 тыс. человек, не разыскано — 212,4 тыс. человек[34]. При этом из 376,3 тыс. человек военными трибуналами за дезертирство было осуждено 79 225 человек, а остальные военнослужащие рядового и сержантского состава, совершившие дезертирство в первый раз, при отсутствии других отягчающих обстоятельств, были направлены командирами частей, военными комендантами и начальниками гарнизонов без приговора суда военного трибунала в штрафные подразделения на фронт[35].

Устойчивая тенденция роста самовольного оставления части или места службы и дезертирства в районах вооруженного конфликта продолжает иметь место и в настоящее время. Так, в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) самовольное оставление части или места службы военнослужащими, проходившими военную службу по призыву, федеральной группировки войск составляло 47,4 % от общего числа совершенных преступлений[36]. Анализ основных показателей следственной работы военных прокуратур в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) свидетельствует, что самовольное оставление части или места службы военнослужащими, проходящими военную службу по призыву, федеральной группировки войск составляет 17 % от общего числа совершенных преступлений.

Что касается остальных преступлений трусливо-малодушной мотивации, то только за годы Великой Отечественной войны были осуждены судом военного трибунала за совершение: а) членовредительства — 15,1 % военнослужащих от общего числа осужденных военнослужащих; б) других видов уклонений от военной службы — 1,9 %; в) самовольного оставления части в боевой обстановке — 2,3 %; г) самовольного оставления поля сражения — 3,5 %; д) измены Родине — 13,8 %; е) неисполнения приказаний в боевой обстановке — 3,6 %, что составляет в целом, с учетом дезертирства, 19,8 %, т. е. 60 % всех преступлений военнослужащих Действующей армии, осужденных судом военного трибунала.

К причинам преступлений трусливо-малодушной мотивации относятся недостатки подготовки войск. В начальный период войн, когда боевые действия ведут обученные кадровые военнослужащие, таких пре-

---

[32] РГВА. Ф. 7, оп. 7, д. 285, с. 246—248.

[33] *Орловский С.Н., Малкис В.И.* Советское военно-уголовное право. М. ; Л., 1928. С. 99. (Следует, однако, иметь в виду, что в годы Гражданской войны понятие «дезертирство» не оставалось неизменным. В различные периоды оно охватывало оставление части или места службы на срок свыше семи суток, побег (с целью вовсе уклониться от службы либо от участия в боевых действиях) и самовольное оставление части (без названных целей) и даже уклонение от призыва.)

[34] Россия и СССР в войнах XX века. С. 246—248.

[35] Архив ГВП, 1945. Наряд № 15923, д. 356, с. 16.

[36] *Маликов С.В.* Расследование преступлений в боевой обстановке: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 22.

ступлений, как правило, немного. Невелика доля данных преступлений и в период кратковременных приграничных вооруженных инцидентов и внутренних вооруженных конфликтов — примерно около 10 % всего криминального массива. Когда же война или международный вооруженный конфликт приобретает затяжной характер и в боевых действиях начинают принимать участие «необученные» военнослужащие, призванные из запаса, количество криминальных проявлений трусости начинает резко расти[37]. Так, например, в январе 1942 г. в 23-й стрелковой дивизии (Калининский фронт) прибывшее в составе маршевого батальона пополнение без какой-либо подготовки с ходу было введено в бой. В результате в первый же день боев среди этого пополнения было выявлено 30 фактов членовредительства[38].

Родовым признаком, общим для всех преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта, независимо от конкретных обстоятельств, при которых они были совершены, является и *заметный рост совершения тяжких насильственных преступлений*. Обыденность насилия на войне, субъективное уменьшение ценности человеческой жизни и здоровья продуцируют насильственные преступления в районах вооруженного конфликта. Предельные нагрузки, переутомление, боевые психические травмы затрудняют самообладание, порождают невыдержанность, что может привести к межличностным конфликтам, которые обычно разрешаются силой.

Только за годы Великой Отечественной войны были осуждены судом военного трибунала за совершение тяжких насильственных преступлений 9,8 % военнослужащих от общего количества осужденных военнослужащих Действующей армии. Резкое нарастание неблагополучных тенденций в динамике совершения тяжких насильственных преступлений в районах вооруженного конфликта происходило и в период нахождения ОКСВ в ДРА. Так, если в 1985 г. общее количество зарегистрированных преступлений в 40-й армии по сравнению с 1984 г. возросло на 80,6 %, то количество тяжких насильственных преступлений увеличилось на 45,7 %[39].

В период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) имели место многочисленные факты осуждения военнослужащих за преступления, связанные с насилием в отношении сослуживцев. При этом, вместо ожидаемого сплочения воинских коллективов в районах вооруженного конфликта между военнослужащими, напротив, усиливался конфликтный характер отношений, возрастали агрессивность и озлобленность на фоне накопления отрицательных эмоциональных переживаний, пребывания в постоянном стрессовом состоянии.

Благоприятствуют росту преступности военнослужащих и материальные затруднения, связанные с боевой обстановкой, ослабление охраны материальных ценностей, беззащитность гражданского населения. Поэтому мы относим к родовым признакам, общим для всех преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта, независимо от конкретных обстоятельств, при которых они были совершены, и *значительное увеличение количества корыстных преступ-*

---

[37] Криминология. С. 589—590.

[38] Докладная записка о работе Главной военной прокуратуры КА в 1-м квартале 1942 г. // Архив ГВП, 1942. Наряд б/н, оп. 1967, д. 8, с. 19.

[39] *Винокуров А.Ю.* Указ. соч. С. 86.

лений в районах вооруженного конфликта. Только за годы Великой Отечественной войны были осуждены судом военного трибунала за совершение корыстных преступлений 15 % военнослужащих от общего числа осужденных военнослужащих.

Основной причиной распространенности преступлений, совершенных военнослужащими ОКСВ в ДРА, и побудительным мотивом к совершению корыстных преступлений являлось стремление к обогащению. Так, в 1985 г. по сравнению с 1984 г. количество корыстных преступлений только в отношении гражданского населения, совершенных военнослужащими ОКСВ в ДРА, возросло на 333 %.

Способствует увеличению количества преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, и переутомление, неумеренное употребление спиртных напитков и наркотических веществ, увеличение насыщенности источниками повышенной опасности (оружием и военной техникой) на фоне уменьшения ценности человеческой жизни и здоровья. Поэтому родовым признаком, общим для всех преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта, независимо от конкретных обстоятельств, при которых они были совершены, является и *увеличение количества неосторожных преступлений* в районах вооруженного конфликта. Только за годы Великой Отечественной войны были осуждены судом военного трибунала за совершение неосторожных преступлений 1,3 % военнослужащих от общего числа осужденных военнослужащих.

К родовым признакам, общим для всех преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта, независимо от конкретных обстоятельств, при которых они были совершены, относится *значительный рост числа преступлений, совершенных в отношении гражданского населения*.

Так, за годы Великой Отечественной войны преступления в отношении гражданского населения составили 8,9 % от общего количества преступлений, совершенных военнослужащими на фронтах Действующей армии. При этом, необходимо учитывать, что начиная с июля 1942 г.[40] широко практиковалось направление военнослужащих за подобные преступления в штрафные подразделения на срок до трех месяцев, без предания их суду военного трибунала. Кроме того, в 1941—1942 гг. практиковались внесудебные расправы (расстрел на месте без суда и следствия) над военнослужащими, совершившими подобные преступления на поле боя. Поэтому итоговые цифры будут больше, примерно от 9,5 до 10 %.

За время нахождения ОКСВ в ДРА (1979—1989) в отношении гражданского населения было зарегистрировано около 300 преступлений, большинство из которых было совершено в группе. В период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) преступления в отношении гражданского населения составляли 10,5 % от общего количества совершенных преступлений.

Что касается преступлений военнослужащих ОГВ (с) в отношении местного населения в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007), то они составляют 5,2 % от общего количества совершенных преступлений[41].

---

[40] Приказы НКО СССР 1942 г. № 227; 1942 г. № 298; 1942 г. № 323.

[41] *Винокуров А.Ю.* Указ. соч. С. 87.

К родовым признакам также относится *значительный рост числа преступлений, прямо или косвенно связанных с наличием у военнослужащих оружия* (хищение оружия и боеприпасов, утрата предметов вооружения, нарушение правил обращения с оружием).

За годы Великой Отечественной войны были осуждены судом военного трибунала только за хищение оружия и боеприпасов 0,25 % военнослужащих от общего числа осужденных военнослужащих. В период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) нарушения правил обращения с оружием и хищения огнестрельного оружия и боеприпасов составили соответственно 6,4 % и 18,2 % от общего числа учтенных преступлений, в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) — 8,8 % и 4,5 % соответственно.

К родовым признакам относится и *значительный рост числа преступлений, совершенных в состоянии алкогольного или наркотического опьянения*, что явилось следствием равнодушного отношения некоторых командиров и начальников к употреблению военнослужащими спиртных напитков и наркотических веществ как «способу» снятия эмоционального напряжения, подавления страха в экстремальных ситуациях.

Так, например, в ОКСВ в ДРА только в 1984 г. в состоянии алкогольного опьянения совершил преступление каждый четвертый офицер.

Другим родовым признаком, общим для всех преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта, независимо от конкретных обстоятельств, при которых они были совершены, является *высокий уровень искусственно-латентной преступности военнослужащих*.

Так, если в целом по Российской Федерации в настоящее время на одно зарегистрированное преступление приходится три незарегистрированных (т. е. латентность составляет 75 %), а на долю латентной преступности в условиях военной службы приходится более 30 % всех совершенных в Вооруженных Силах Российской Федерации преступлений (из них: 35,2 % — уклонения от военной службы и 30,7 % — неуставные взаимоотношения)[42], то в районах вооруженных конфликтов уровень искусственно-латентной преступности достигает 85 %[43].

Многие командиры частей в районах вооруженного конфликта скрывали преступления. Так, во время нахождения ОКСВ в ДРА начиная с 1985 г. военной прокуратурой стали выявляться факты, когда органы дознания, руководствуясь побуждениями местничества, путем прямой фальсификации уголовных дел пытались придать преступлениям видимость дисциплинарных проступков или несчастных случаев, а гибель личного состава, военной техники и вооружения в происшествиях переводить в боевые потери[44].

Более того, наряду с сокрытием преступлений в районах вооруженного конфликта, усиливается и прямое противодействие деятельности органов военной прокуратуры. К примеру, осенью 1944 г. прокурор стрелковой дивизии (53-я армия 2-го Украинского фронта) майор юстиции Калманович при расследовании уголовного дела по обвинению началь-

---

[42] *Горелик В.Я.* Латентная преступность в условиях военной службы // Военная мысль. 1999. № 5. С. 50—53.

[43] *Маликов С.В.* Расследование преступлений в боевой обстановке. С. 33, 115.

[44] Архив ГВП, 1985, оп. 2682, д. 41, с. 164.

ника штаба полка майора Баскина в отдании приказа об уничтожении профашистски настроенных жителей нескольких венгерских хуторов в районе г. Сентеш в полосе боевых действий полка при следовании в штаб полка для ведения следствия по делу был обстрелян из пулемета подчиненными майора Баскина[45].

В период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) неоднократно фиксировались случаи, когда военного прокурора и следователей военной прокуратуры не допускали к месту происшествия, под угрозой применения оружия выдворяли с территории воинской части, не давали возможности провести расследование, допрашивать свидетелей, проводить опознания. При этом, в качестве объяснения приводился такой аргумент: идет война, а на войне якобы законы мирного времени не действуют[46]. Для пресечения подобных фактов начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации по представлению ГВП был вынужден издать специальную директиву[47].

К родовым признакам относится и *высокий уровень судимости лиц начальствующего состава* за преступления, совершенные в районах вооруженного конфликта. Так, если сейчас в целом по Вооруженным Силам Российской Федерации среди осужденных военнослужащих удельный вес командиров и начальников составляет 21,2 %, то в период Великой Отечественной войны он составил в 1941 г. 18,9 %; в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) — 9,6 %; в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) — 17,7 %[48].

Что касается *групповых признаков*, то они присущи той или иной отдельной группе криминалистически сходных видов преступлений и различаются в зависимости от видов боевых действий и условий конкретной боевой обстановки, при которых они были совершены. Соответственно при обороне их характеризуют одни признаки, при наступлении — другие, при отходе — третьи и т. д. Эти отдельные группы криминалистически сходных видов преступлений характеризуются по следующим общим групповым признакам: по связям с другими преступлениями; по причинам; по условиям, способствовавшим их совершению; по способам сокрытия совершенных преступлений и т. д. При всем различии указанные преступления имеют внутреннее единство — все они совершены в конкретных условиях боевой обстановки в районах вооруженного конфликта. Связи между ними носят различный характер и могут быть прослежены по единству субъектов, места, обстановки и времени совершения преступлений.

Так, наступление благоприятно влияет на удержание военнослужащих от преступлений, оборона создает предпосылки роста преступности, отступление генерирует ее[49].

---

[45] *Семенов В.И.* Дело майора Баскина // Архив ГВП, 1975. Наряд № 144, с. 467—471.

[46] *Яковлев Ю.П.* Перед законом все равны. Органы военной прокуратуры помогают в восстановлении конституционного порядка в Чеченской Республике // Красная звезда. 1996. 6 марта.

[47] Директива начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации «Об обеспечении условий для осуществления своих полномочий органами военной прокуратуры в Вооруженных Силах Российской Федерации» от 12 апреля 1996 г. № ДГШ-11.

[48] *Маликов С.В.* Расследование преступлений в боевой обстановке. С. 26—27.

[49] Криминология. С. 588.

Ретроспективный анализ следственной практики периода Великой Отечественной войны свидетельствует о том, что распространенность и характер преступлений на разных этапах Великой Отечественной войны и в различных условиях боевой обстановки были неодинаковы: количество преступлений в зависимости от условий боевой обстановки либо увеличивалось, либо снижалось, менялись способы совершения и сокрытия многих преступлений. Однако, несмотря на эти колебания, почти на всем протяжении Великой Отечественной войны наиболее распространенными видами преступлений были: а) дезертирство (19,8 %); б) членовредительство (15,1 %); в) хищения имущества (14,3 %); г) измена Родине (13,8 %); д) бесчинства в отношении гражданского населения (8,9 %); е) самовольное оставление поля боя (3,5 %), что составляет более 75 % всех преступлений, за совершение которых военнослужащие были осуждены судом военного трибунала.

Так, при ведении тяжелых оборонительных боев, когда войска, отступая, несли большие потери в живой силе и военной технике, резко увеличивалось число преступлений трусливо-малодушной мотивации, а именно дезертирства военнослужащих, особенно из числа недавно мобилизованных в Красную армию военнообязанных, и переходов их на сторону противника, точнее, на территорию, занятую противником. Мотив — уклонение от участия в боях и стремление повидать членов своей семьи, оставшихся на территории, занятой противником. Массовый характер имели и побеги с поля боя.

С 22 июня 1941 г. по 10 октября 1941 г. особыми отделами и заградотрядами НКВД было задержано 657 364 военнослужащих, дезертировавших и самовольно оставивших поле боя, из которых арестовано 25 878 человек — наиболее злостных дезертиров, в том числе расстреляно — 10 201 человек[50]. Такая практика предания суду военного трибунала только наиболее злостных дезертиров объяснялась тем, что подавляющее большинство военнослужащих, самовольно оставивших поле боя, не имели намерений уклониться от прохождения военной службы вообще. Как правило, это обусловливалось потерей управления, трусостью и паникерством ряда командиров среднего, старшего и высшего звена. Помимо этого, другой существенной причиной, способствовавшей дезертирству, являлось отсутствие учета личного состава. В ряде частей и соединений (например, 284-я и 147-я стрелковые дивизии) командиры могли только приблизительно сказать, сколько военнослужащих убито, ранено или без вести пропало, но кто персонально — не знали. Зачастую они даже не знали, сколько военнослужащих дезертировали, все они включались в число без вести пропавших[51]. Встречались и случаи, когда командиры частей в целях сокрытия дезертирства военнослужащего включали его в список погибших или без вести пропавших либо умышленно не включали часть военнослужащих в списки личного состава части с той целью, чтобы в случае дезертирства военнослужащего в список личного состава в графу дезертировавшего вписывать неуч-

[50] *Порохин С.* Русский феномен: От Бреста к Сталинграду // Община XXI век. 2003. № 1. С. 11.

[51] Докладная записка Главного военного прокурора КА «О преступности в частях КА, войсках НКВД, милиции, на транспорте, среди гражданского населения по делам, подсудным военным трибуналам, в местностях, объявленных на военном положении, за период с 22.06.1941 г. по 1.09.1941 г.» // Архив ГВП, 1941. Наряд б/н, оп. 1806, д. 9, с. 21.

тенного военнослужащего. Таким же способом восполнялся список личного состава частей за счет задержанных военнослужащих других частей, а факты дезертирства скрывались. В некоторых соединениях допускались и такие факты, когда командиры частей прибывшее к ним пополнение без составления поименных списков сразу вводили в бой, во время которого часть военнослужащих самовольно оставляли поле боя и уходили в тыл, а некоторые дезертировали. При этом, отсутствие списков не позволяло установить, кто персонально дезертировал. Массовый характер принял в период тяжелых оборонительных боев и такой способ совершения дезертирства, как «отставание» военнослужащих от эшелонов, следующих на фронт, и побеги из частей во время марша, передислокации, остановки на ночлег. Некоторые военнослужащие самовольно покидали поле боя и уходили в тыл под видом выполнения приказаний командиров или под видом проверяющих линию связи, следующих для ремонта дорог, отправляющих оружие в ремонт или трофеи в тыл. Имелись случаи, когда один дезертир сопровождал другого под видом раненого. Военнослужащие, совершавшие дезертирство из передовых частей во время оборонительных боев, как правило, укрывались в ближайших населенных пунктах. В конце 1941 г. в армиях Западного фронта участились случаи дезертирств водителей на машинах, иногда с ними дезертировали и другие военнослужащие.

Среди дезертиров, которые «оседали» на территории тыловых военных округов, выделялась особая категория лиц, уклонявшихся от военной службы. Это были легкораненые военнослужащие, бежавшие из армейских и фронтовых госпиталей прифронтовой полосы или из военно-санитарных поездов в пути их следования и имевшие при себе карточки передового района или истории болезни. При этом, около 80 % из них были местными жителями. Как правило, они проживали некоторое время по месту жительства, совершенно не лечась, затягивая тем самым процесс выздоровления, а затем являлись в ближайший госпиталь.

Усиление борьбы с дезертирством на фронте путем создания и активизации действий заградительных отрядов органов контрразведки НКО «Смерш» и контрольно-проверочных пунктов войск НКВД по охране тыла фронта, а также жесткие судебные репрессии привели к тому, что количество случаев дезертирств и самовольного оставления поля боя уменьшилось, однако взамен произошло резкое, почти в 2,5 раза, увеличение членовредительства. При этом, при активизации боевых действий кривая членовредительства резко шла вверх, и особенно там, где в бой вводились новые, еще не обстрелянные пополнения (на различных фронтах количество членовредителей колебалось от 60 % до 80 %). Установлено, в частности, что в период 1942—1943 гг. совершили членовредительство: а) при обороне передовой линии — 41,7 % осужденных; б) во время наступления — 33,9 %; в) в тылу — 10,4 %; г) в прифронтовой полосе — 3,8 %; д) при выполнении особых заданий в тылу противника — 8,0 %. Таким образом, наибольшее число случаев членовредительства совершалось при обороне передовой линии, т. е. в условиях, когда военнослужащие подвергались активному боевому воздействию противника и риск гибели являлся максимальным, а выявлялось в медико-санитарных батальонах (МСБ) дивизий и пунктах первой медпомощи (ППМ) полков. В последующем, зная, что в МСБ дивизий могут находиться военные следователи, членовредители стали обращаться за первой медицинской помощью в армейские и фронтовые госпитали в

тылу или даже в гражданские лечебные учреждения, что особенно было характерно в условиях блокадного Ленинграда.

Основным способом членовредительства являлось саморанение из огнестрельного оружия (87 %), что объясняется его доступностью, а также быстротой и эффективностью самоповреждений. Более редкими были случаи: а) колото-резаных и рубленых повреждений конечностей — 9,4 %; б) химических самоповреждений — 2,4 %; в) самоповреждений тупыми предметами — 0,4 %; г) транспортных самоповреждений — 0,1 %; д) термических самоповреждений — 0,3 %; е) прочих самоповреждений — 0,4 %. Для сокрытия преступления членовредители нередко причиняли себе не одно, а два и более ранений в различных комбинациях. Некоторые случаи самоповреждений заканчивались ампутацией конечности, другие — смертельным исходом.

Орудиями или способами причинения самоповреждений были:

1) при огнестрельной травме: а) винтовка (68,2 %); б) автомат (17 %); в) пулемет (1,7 %); г) пистолет (1,6 %); д) запал (5,5 %); е) граната и мина (1,2 %); ж) ракетница (0,8 %); з) не установлено (4 %);

2) при рубленых и колотых повреждениях: а) топор (30 %); б) саперная лопатка (32,2 %); в) нож (16 %); г) штык (4 %); д) бритва (1,2 %); е) кинжал (0,9 %); ж) гвоздь (0,7 %); з) прочие (15 %);

3) при воздействии химических веществ — керосин, травы, моча, слюна, чеснок, соль, мыло, кислоты, щелочи, фекалии, минеральные и растительные масла, парафин;

4) при травме тупыми предметами — постукивание, давление на рану, удары по конечностям;

5) при повреждениях транспортом — подкладывание стоп и кистей рук под движущиеся агрегаты транспортных средств, гусеницы танков;

6) при термических воздействиях — прижигание папиросой, умышленное локальное обморожение или действие высокой температуры;

7) при прочих самоповреждениях — покушение на самоубийство с помощью взрыва гранаты или режущего орудия, инсценировка нападения.

Основная локализация поврежденных участков тела — конечности (96,8 %)[52], главным образом кисти, второй и третий пальцы левой руки, реже правой руки (может быть у левшей), а также голени, стопы и пальцев ног. Сравнительно редкие места ранений при членовредительстве — предплечья, плечи и бедра. Довольно широкое распространение при ведении тяжелых оборонительных боев получил такой способ совершения и сокрытия членовредительства, как «голосование», когда членовредитель во время интенсивного пулеметно-минометного обстрела переднего края противником выставлял из окопа руку или во время перебежки, лежа на земле, поднимал ногу в целях получения ранения пятки или голени[53].

Страх смерти является одним из ведущих, но не единственным мотивом совершения членовредительства в боевой обстановке. По данным указанного выше исследования, объяснили совершение преступления: а) нежеланием служить в армии вообще и переносить тяготы военной

---

[52] *Лавренюк Г.П.* Обоснование принципов и разработка системы организации военной судебно-медицинской службы в ВС РФ в мирное и военное время: Дисс. ... докт. мед. наук. СПб., 1996. С. 96—97.

[53] *Авдеев М.И.* Членовредительство. Ашхабад, 1942. С. 7.

службы — 20,6 % осужденных членовредителей; б) боязнью фронта, смерти или плена — 14,6 %; в) внезапным испугом — 14,3 %; г) желанием отдохнуть — 6,6 %. Определенную долю составили и такие мотивы, как болезненное состояние, боязнь ответственности за допущенное нарушение, испорченные взаимоотношения с сослуживцами, стремление перевестись в другой род войск или другую часть и т. д.

Наряду с объяснениями осужденных, свидетельствующими о пронизанном ими малодушии, таких как: «противник сильно обстреливал из пулемета, на моих глазах падали убитые и раненые бойцы, на меня это сильно подействовало», «по мере приближения немцев к окопам перепугался и нанес себе ранение», «в бою раньше не был и сильно струсил» заслуживают внимания и такие объяснения: «нежелание быть на фронте в зимнее время, а провести его в госпитале, а летом возвратиться на фронт», «желание попасть в госпиталь и пробыть там период холодов, которые переносил очень тяжело из-за отсутствия валенок и полушубка», «плохая одежда и обувь», «тяжело было находиться на переднем крае, решил немного отдохнуть в госпитале».

Таким образом, условиями, способствовавшими росту членовредительства в боевой обстановке, служили переутомление войск, необеспеченность личного состава соответствующей сезону одеждой и обувью, недостаточная забота о быте воинов, особенно в периоды неблагоприятных погодных условий. Как показывает статистика сезонных колебаний членовредительства, максимальное число уклонений от воинской службы таким способом в боевой обстановке приходится на периоды осенней и весенней непогоды, являющиеся наиболее трудными для жизни и деятельности в полевых условиях[54].

При ведении оборонительных боев, особенно в первый период войны, были распространены и такие преступления, как отход подразделений и частей с оборонительных рубежей без приказа вышестоящего командования, оставление средств ведения войны на поле боя и захват их противником при вынужденном отходе наших частей.

Когда же войска находились в длительной обороне, почти исчезали дела о членовредительстве, но больше появлялось дел о хищениях государственного имущества, в основном продовольствия[55]. Так, согласно данным военных прокуратур фронтов за 1942 г., хищения совершали: а) должностные лица довольствующих органов и складов — 20 %; б) военнослужащие, входившие в состав караула по охране складов, — 28 %; в) военнослужащие, входившие в состав караула по охране грузов при транспортировке, водители и возчики — 23 %; г) военнослужащие, выполнявшие погрузочно-разгрузочные работы, — 4 %; д) прочие лица — 25 %. Около половины всех случаев хищений имущества были совершенны организованными преступными группами. Соучастниками хищений были и гражданские лица. Среди должностных лиц довольствующих органов и складов, совершивших хищения, более 10 % ранее привлекались к уголовной ответственности, при этом некоторые из них — за совершение корыстных преступлений.

---

[54] *Шупленков В.П.* Уголовно-правовая борьба с преступлениями против обороны страны в военное время: Учебное пособие. М., 1986. С. 49—50.

[55] Деятельность органов военной юстиции в условиях войны: Учебное пособие. М., 1983. С. 49—50.

Довольно распространенным способом обмана, к которому прибегали должностные лица в целях образования излишков материальных ценностей для последующего расхищения или в целях покрытия имеющихся недостач, были выдача имущества по нарядам и накладным без веса и без счета, завышение километража маршрутов в путевых листах. Например, таким путем похищались в боевой обстановке горюче-смазочные материалы (ГСМ) в авиационных, танковых и автомобильных частях: заправка автомобилей ГСМ производилась «на глаз», причем в баки заливалось неполное количество ГСМ, а получатель, который в условиях боевой обстановки часто торопился и не проверял полноты заправки, расписывался в ведомости за полное количество. В целях образования излишков или сокрытия недостач продовольствия искусственно завышался или занижался вес тары, использовалось неисправное весовое оборудование или применялись самодельные гири (коробки спичек, куски мыла, обоймы патронов). Была распространенной и практика, когда командиры подразделений в целях образования излишков продовольствия и создания не оприходованных фондов подавали после боя в штаб части «завышенные» строевые записки, из которых не исключали убитых или раненых и уже убывших в госпиталь военнослужащих. Таким же образом за счет «текучести» раненых и больных расхищалось продовольствие в МСБ дивизий, ППМ полков и эвакогоспиталях. Хищению продовольствия также способствовали небрежное оформление командировочных предписаний, халатное отношение к выдаче и хранению бланков продаттестатов и печатей, что облегчало возможность фабриковать подложные продаттестаты и по ним получать в продпунктах большое количество продпайков на несуществующие команды военнослужащих. Сравнительно часто в следственной практике встречались случаи составления подложных коммерческих актов на якобы «недостачу» имущества, поступившего по железнодорожному или водному транспорту. Широкое распространение получил и такой способ хищения, как составление подложных актов о гибели крупных партий имущества в связи с боевыми действиями (при налете авиации противника, от артиллерийского обстрела и т. п.) и списание этого имущества за счет боевых потерь путем выдачи инспекторских свидетельств[56].

Наиболее распространенным способом маскировки должностными лицами хищений было составление подложных первичных бухгалтерских документов путем увеличения или уменьшения количества имущества в приходно-расходных ордерах, списания имущества в расход по подложным накладным или подложным актам о недостаче, неоприходования поступившего имущества и т. п.

В условиях обороны, и особенно тогда, когда линия фронта длительное время оставалась стабильной, а гражданское население временно отселялось из прифронтовой полосы в тыл, увеличивалось количество насильственных преступлений в отношении гражданского населения, главным образом за счет таких преступлений, как самоуправство по отношению к гражданскому населению (ст. 193-28 УК РСФСР) в форме незаконного отобрания под видом военной необходимости имущества, продовольствия, скота, одежды и не вызываемое боевой обстановкой разрушение жилых зданий и других строений. Так, если общее число воен-

[56] *Розенблит С.Я.* Расследование дел о хищении и разбазаривании военного имущества должностными лицами. М., 1948. С. 8—25.

нослужащих, осужденных судом военного трибунала за совершение преступлений по ст. 193-28 УК РСФСР в январе 1942 г., принять за 100 %, то в период оборонительных боев в феврале 1942 г. оно составило 130 %, в марте — 165 %, а в апреле 182 %.

Архивные исследования свидетельствуют, что судебная практика военных трибуналов в условиях обороны была более жесткой, чем в других условиях войны. К дезертирам и членовредителям, как правило, применялась высшая мера наказания — расстрел, и приговоры после утверждения их командованием приводились в исполнение сразу же перед строем личного состава. Применение военными трибуналами применения второго к ст. 28 УК РСФСР (т. е. отсрочка исполнения приговора с направлением осужденного на передний край фронта) в условиях обороны, особенно когда боевая обстановка была сложной и напряженной, практиковалось значительно меньше, чем в период наступления.

Следственная практика органов военной прокуратуры показывает, что когда ведутся тяжелые бои при прорыве обороны противника, то на первых порах имеются большие потери, которые влекут за собой резкое увеличение количества членовредителей, дезертиров и самовольно оставивших поле боя.

При ведении наступательных боев, когда войска переходят в преследование отступающего противника, резко уменьшается общее количество преступлений за счет сокращения дезертирства, членовредительства, побегов с поля боя, неисполнения приказаний, измены Родине путем перехода через линию фронта на сторону противника. Объясняется это отчасти и тем, что в отношении значительного количества военнослужащих, совершавших дезертирство, побеги с поля боя, членовредительство и т. п., вопрос разрешался в порядке требований приказа НКО СССР 1943 г. № 0413 (т. е. они направлялись в штрафные части по приказам командиров без суда военного трибунала). Но, вместе с тем, увеличивалось число таких преступлений, как насильственные преступления в отношении гражданского населения; открытое хищение трофейного имущества, когда оно еще не взято под охрану и на учет; а также неисполнение приказаний в боевой обстановке путем срыва подвоза ГСМ, боеприпасов и продовольствия.

Так, анализ следственной практики военных прокуратур Юго-Западного фронта показывает, что если общее число дезертиров и военнослужащих, самовольно оставивших поле боя, задержанных заградотрядами органов контрразведки НКО «Смерш», в период проведения тяжелых оборонительных боев фронтом в январе 1942 г. принять за 100 %, то в период наступательных боев в феврале 1942 г. оно составило 37 %, в марте — 26 %, а в апреле — 10 %. В тылах Южного фронта число дезертиров, задержанных заградотрядами органов контрразведки НКО «Смерш» в феврале 1942 г., сократилось по сравнению с январем того же года на 86 %.

Однако дезертирство с переднего края фронта в ходе наступательных боев становится более изощренным. Так, военнослужащий, самовольно оставивший часть, не покидает район армейского тыла, а «пристает» к другой части, где, по его мнению, ему будет безопаснее и спокойнее, либо «пристраивается» к обозам, кухням, тыловым частям. Следственной практике известны случаи, когда вооруженные дезертиры, скрываясь в армейском тылу, создавали видимость несения ими караульной службы по охране якобы «складов» с военным имуществом, оставленных частью

при переходе в наступление. Довольно широкое распространение получил и такой способ сокрытия дезертирства при наступательных боях, когда военнослужащие, собираясь дезертировать и в последующем обезопасить себя от активного розыска, вкладывали свои документы или медальоны в карманы убитым на поле боя военнослужащим в расчете на то, что захоронением погибших будут заниматься специальные похоронные команды, военнослужащие которых не знают их в лицо, а они будут занесены в списки безвозвратных потерь[57].

Дезертировавшие военнослужащие для сокрытия своего преступления, получения возможности свободного проживания в тыловых районах, освобождения от дальнейшей службы в Красной армии и отправки на фронт стали чаще стараться обеспечивать себя подложными документами (30—40 % дезертиров из числа задержанных в 1943 г. использовали подложные документы и до 15 % дезертиров использовали чужие документы), и их количество постоянно росло. Так, по данным органов военной прокуратуры Закавказского фронта, в г. Тбилиси в первом квартале 1943 г. среди задержанных дезертиров было 18 % с подложными документами, во втором квартале — 40 %, в третьем квартале — 60 %, а в четвертом — 72 %; в г. Баку в первом квартале 1943 г. среди задержанных дезертиров было 20 % с подложными документами, во втором квартале — 33 %, а в третьем квартале — 45 %[58]. Это объясняется в первую очередь тем, что дезертирам начиная с 1943 г. становилось все труднее скрываться без каких-либо документов, так как их проживание на нелегальном положении было сильно затруднено розыскными действиями истребительных отрядов, органов милиции и комендатур.

Борьба с дезертирством в тылах действующих войск в период наступления имела определенные особенности. Так, многие военнослужащие совершили дезертирство в первые месяцы войны и длительное время проживали по месту своего постоянного жительства в условиях оккупации. После освобождения оккупированной территории они, опасаясь быть привлеченными к уголовной ответственности за дезертирство, продолжали уклоняться от службы в Красной армии, скрываясь в лесах и в специально приспособленных укрытиях при активном содействии родственников. Нередко при задержании они оказывали вооруженное сопротивление. Отличительной чертой дезертирства и членовредительства в период наступления являлось и то обстоятельство, что эти преступления совершали, как правило, лица, мобилизованные из районов, находившихся во временной оккупации, в том числе жители этих районов или сдавшиеся ранее без сопротивления в плен к противнику.

Что касается членовредителей, то они стали более искусно скрывать следы использования огнестрельного оружия за счет использования различных приспособлений, устраняющих эти следы (например, дополнительные факторы выстрела (пороховая копоть) задерживались прокладками в виде дерева, доски, буханки хлеба, шинели, плащ-накидки, варежки, противогаза, пласта снега, куска льда и т. п.), а также совершения членовредительства с помощью других военнослужащих[59]. Име-

[57] *Розенблит С.Я.* Расследование дел о дезертирстве из Красной Армии. М., 1945. С. 27—30.

[58] *Крахмальник Л.Г.* Подложные документы дезертиров (из опыта работы военных прокуратур Закавказского фронта) / Под ред. А.И. Панфиленко. Штаб Закавказского фронта, 1944. С. 3.

[59] *Авдеев М.И.* Указ. соч. С. 8.

лись и случаи групповых (парных) огнестрельных самоповреждений, которые были сходны с боевым огнестрельным ранением, а также совершения членовредительства с помощью трофейного огнестрельного оружия, мин, толовых шашек, гранат и запалов к ним. Осенью 1943 г. на Западном фронте получило распространение совершение членовредительства путем употребления в большом количестве соли — «солеедство».

Однако одновременно со снижением уровня членовредительства увеличилось количество выявленных уклонений от военной службы путем симуляции и аггравации. Так, из 100 % заподозренных в 1943 г. симуляция и аггравация устанавливались в 64 % случаях, в 1944 г. — в 91,5 %, а в 1945 г. этот процент был еще выше. При этом, соотношение видов симуляции в 1943 г. было следующим: а) болезни органов движения (20,9 %); б) глухонемота (29,5 %); в) болезни нервной системы (13,9 %); г) желудочно-кишечные заболевания (9,9 %); д) кожно-венерические болезни (6,2 %); е) болезни органов зрения (5,8 %); ж) болезни почек (3,4 %); з) болезни органов дыхания (1,8 %); и) болезни сердечно-сосудистой системы (0,8 %); к) аггравация (0,8 %); л) общая слабость (0,2 %); м) прочие (6,8 %)[60].

В период наступательных операций, когда в связи с быстрым продвижением войск имущество вынужденно хранилось в разных пунктах, получил распространение такой способ сокрытия следов хищения, когда должностные лица различных воинских частей и учреждений объединялись в преступные группы и по договоренности производили хищения каждый в своей части или учреждении, а когда одному из этих лиц становилось известно о предстоящей ревизии, то остальные соучастники снабжали его недостающим количеством имущества либо подложными оправдательными документами.

Одновременно увеличилось количество насильственных преступлений в отношении гражданского населения, главным образом за счет таких преступлений, как убийства, разбои, грабежи и насилия. Так, если общее число военнослужащих, осужденных судом военного трибунала за совершение бесчинств в отношении гражданского населения в 1-м квартале 1944 г., принять за 100 %, то в период наступательных боев во 2-м квартале 1944 г. оно составило 159 %, в 3-м квартале — 225 %, а в 4-м квартале 246 %.

Особую опасность представляли указанные преступления на освобожденной от немецких захватчиков советскими войсками территории восточноевропейских государств. Большинство преступлений в отношении иностранных граждан совершались военнослужащими тыловых частей и учреждений, дезертирами, военнослужащими, отставшими от своих частей или находившимися в самовольных отлучках.

Нередко военнослужащие, дезертировавшие из частей, находившихся за пределами границы СССР, не имея возможности пробраться на родину по месту жительства, объединялись в организованные преступные группы (банды), которые совершали насильственные преступления в отношении иностранных граждан. Так, во 2-м квартале 1944 г. резко возросло число дезертировавших военнослужащих, осужденных за бандитизм по ст. 58-1 «б» УК РСФСР. Если в 1-м квартале за эти преступления было осуждено 129 человек, то во втором квартале — 399 человек (рост на 209,3 %)[61].

[60] *Лавренюк Г.П.* Указ. соч. С. 98—99.
[61] *Винокуров А.Ю.* Указ. соч. С. 91.

В условиях ведения наступательных боев на территории восточноевропейских государств появилась новая категория преступлений, таких как контрабанда, хищение оружия, боеприпасов и военного имущества в целях продажи иностранным гражданам. Как правило, они совершались организованными преступными группами.

Значительно уменьшилось количество дезертиров. Изменились и причины совершения дезертирства — больше половины дезертиров покидали часть в целях перехода в другие части (по месту прежней службы, в другой род войск). Некоторые дезертиры в целях уклонения от участия в боях и сокрытия преступления заключали браки с иностранными подданными. Резко сократилось и членовредительство, зато значительно возросло количество самовольных отлучек в целях поиска спиртных напитков в населенных пунктах вблизи расположения своей части.

Групповые признаки, присущие той или иной отдельной группе криминалистически сходных видов преступлений, различаются в зависимости от степени активности боевого применения войск, при которой они были совершены, не только в районах военных действий, но и в районах вооруженного конфликта: при активном ведении боевых действий их характеризуют одни признаки, в период прекращения активных боевых действий — другие.

Так, практика расследования преступлений, совершенных военнослужащими ОКСВ в ДРА (1979—1989), свидетельствует об определенной зависимости отдельных категорий преступных деяний от степени активности боевого применения войск.

Пребывание советских войск в ДРА и их боевая деятельность условно разделяются на четыре этапа:

— *первый этап (декабрь 1979 г. — февраль 1980 г.)*. Ввод советских войск в Афганистан, размещение их по гарнизонам, организация охраны пунктов дислокации и различных объектов;

— *второй этап (март 1980 г. — апрель 1985 г.)*. Ведение активных боевых действий, в том числе широкомасштабных, совместно с афганскими соединениями и частями;

— *третий этап (май 1985 г. — декабрь 1986 г.)*. Переход от активных боевых действий преимущественно к поддержке действий афганских войск советской авиацией, артиллерией и саперными подразделениями. Применение мотострелковых, воздушно-десантных и танковых подразделений, главным образом в качестве резерва и для повышения морально-боевой устойчивости афганских войск. Подразделения спецназначения вели борьбу по пресечению доставки оружия и боеприпасов из-за рубежа. Состоялся вывод шести советских полков на Родину;

— *4-й этап (январь 1987 г. — февраль 1989 г.)*. Участие советских войск в проведении афганским руководством политики национального примирения. Продолжение поддержки боевой деятельности афганских войск. Подготовка советских войск к возвращению на Родину и осуществление полного их вывода.

Так, в рамках первого этапа, в 1979 г., для укомплектования частей и соединений ОКСВ (40-й армии), вводимых на территорию ДРА, из запаса было призвано около 50 000 резервистов. Многие воинские части почти на одну треть были укомплектованы военнообязанными запаса, не приписанными к ним. Ощущался острый недостаток высококвалифицированных специалистов. Значительная часть военнообязанных (22—28 %) не проходили военную службу по призыву. Развернутые по шта-

там военного времени воинские части и соединения на 60—80 % были укомплектованы военнообязанными местных среднеазиатских национальностей (узбеки, киргизы, казахи, туркмены, таджики), проживающими на территории ТуркВО, около 20 % которых слабо владели русским языком. Имелись многочисленные случаи уклонений от призыва военнообязанных запаса. Так, только в 201-й мсд уклонилось от призыва 50 человек, в 5-й гв. мсд — 60 человек, в 108-й мсд — 74 человека[62].

В связи с этим за пять месяцев 1980 г. в ОКСВ наибольшее распространение получили преступления и происшествия, связанные с неумелой эксплуатацией военной техники (34) и с несоблюдением мер безопасности при обращении с оружием (40), при которых пострадало 148 человек, из них 79 человек погибло. Из числа виновных 14 человек вообще не изучали ранее материальную часть стрелкового оружия и не имели навыков обращения с ним[63].

И если на первом этапе самоповреждения составили всего 7,6 % от общего их количества, то несчастные случаи значительно больше — 12,4 %.

В рамках второго этапа, когда в феврале 1980 г. началась замена военнослужащих, призванных из запаса, на кадровый состав, доля неосторожных преступлений, связанных с неумелой эксплуатацией военной техники и несоблюдением мер безопасности при обращении с оружием, значительно снизилась. Так, в 1981 г. по сравнению с 1980 г. количество несчастных случаев уменьшилось на 58,8 %, в том числе со смертельным исходом — на 48,1 %. Однако в дальнейшем, в ходе активизации боевых действий и увеличения штатной численности ОКСВ, доля происшествий и неосторожных преступлений, связанных с эксплуатацией военной техники и несоблюдением мер безопасности при обращении с оружием, значительно увеличилась (на 69,8 % в 1985 г. по сравнению с 1980 г.), в том числе со смертельным исходом — на 194,9 %[64].

Что касается второго этапа, то для него характерно было ведение широкомасштабных боевых действий и связанное с этим увеличение числа боевых потерь среди личного состава ОКСВ, которые составили 63,6 % всех безвозвратных потерь и 48,6 % всех санитарных потерь ОКСВ за весь период пребывания в ДРА[65]. Ведение широкомасштабных боевых действий частями и соединениями ОКСВ способствовало тому, что в этот период уровень преступности военнослужащих постоянно повышался. Так, если в 1982 г. по сравнению с 1981 г. общее количество зарегистрированных преступлений увеличилось на 78,2 %, а число правонарушителей — на 82,8 %, то в 1985 г., на пике боевой активности войск, количество преступлений достигло рекордной отметки, увеличившись на 287,6 %, при этом увеличилось число преступлений против порядка подчиненности на 318,2 %, умышленных убийств на 148,1 %, посягательств на личную собственность граждан ДРА на 333,3 %. Отмечается за этот период (1980—1985) рост тяжких преступлений на 214,6 %, которые составили одну треть от всех учтенных. Больше на 78,1 % было учтено и групповых преступлений[66].

---

[62] ЦАМО. Ф. 32, оп. 947137, д. 21, с. 22.
[63] Там же, с. 161.
[64] *Лавренюк Г.П.* Указ. соч. С. 111.
[65] Россия и СССР в войнах XX века. С. 538—539.
[66] Архив ГВП, 1985. Наряд № 8, оп. 2698, с. 236.

Наличие неблагоприятной криминогенной ситуации в ОКСВ в период ведения широкомасштабных боевых действий во многом обусловливалось высоким уровнем судимости лиц начальствующего состава. Так, в 1984 г. число офицеров — участников преступлений по сравнению с 1980 г. в ОКСВ увеличилось более чем в два раза. Среди участников преступлений 32,5 % составляли лица командного состава. Среди совершаемых ими преступлений наибольшее распространение получили корыстные преступления, связанные с хищениями, контрабандой, различного рода злоупотреблениями служебным положением, в том числе самочинные расстрелы задержанных афганских граждан.

В данный период распространение получили и корыстные преступления, связанные с насильственным отобранием личного имущества и денег у афганских граждан, в том числе путем разбойных нападений и убийств, под предлогом борьбы с контрреволюционными элементами. Так, в 1985 г., на пике активности боевых действий в ДРА, в отношении гражданского населения военнослужащими было совершено 5,3 % преступлений от общего количества совершенных преступлений в 1985 г. В ряде случаев преступления в отношении мирного населения совершались в целях сокрытия других ранее совершенных преступлений. Преступные действия отдельных военнослужащих в отношении гражданского населения ДРА в ряде случаев получали политическую окраску.

В указанный период в ряде частей ОКСВ были распространены самогоноварение, пьянство и наркомания. На почве пьянства и наркомании совершалось каждое третье преступление, в том числе 40—50 % преступлений, связанных с неуставными взаимоотношениями.

На пике боевой активности ОКСВ произошел рост дезертирства и самовольного оставления части на 59,3 %. При этом, наряду с невозвращением военнослужащих ОКСВ из краткосрочных отпусков, получили широкое распространение самовольные оставления части и дезертирство непосредственно из частей и госпиталей, дислоцированных в ДРА. Нередко эти военнослужащие различными путями возвращались в СССР, а часть из них, оставаясь на территории ДРА, или переходили на сторону мятежников, или бродяжничали и становились на путь преступлений. Многие уклонения от военной службы являлись следствием неуставных взаимоотношений в воинских коллективах, получив дальнейший рост и повсеместное распространение, приобрели национальную окраску. Так, в 1985 г. по сравнению с 1984 г. они увеличились на 237,2 %, а от неуставных взаимоотношений пострадало в 2,6 раза больше военнослужащих, чем в 1984 г. Нередко военнослужащие более позднего срока призыва, доведенные до отчаяния и не нашедшие защиты у командования, становились на путь расправы со своими обидчиками. Более чем в два раза возросло количество случаев рукоприкладств и иных искривлений дисциплинарной практики командирами и начальниками в отношении подчиненных, при этом количество пострадавших от этих преступлений увеличилось более чем в два раза.

Некоторые командиры и начальники не учитывали специфику прохождения службы в ДРА, беспечно относились к организации боевой работы и ведению боевых действий, сохранению жизни и здоровья подчиненных, что нередко приводило к тяжким последствиям. Были выявлены случаи, когда военнослужащие, погибшие в результате преступлений, списывались на боевые потери.

Особенностью второго периода, связанного с активизацией боевых действий, является и рост членовредительства на 587,5 % в 1985 г. Однако эти цифры не отражают реальной картины, так как вследствие недостаточно целенаправленного выявления случаев членовредительства зачастую их включали в разряд бытовой травмы. При этом, на этапе активных боевых действий (1980—1985) самоповреждения составили 65,8 % (62,4 %)[67] от общего их количества. Основным способом членовредительства являлось саморанение из огнестрельного оружия (84,4 %), более редкими были случаи колото-резаных и рубленых повреждений конечностей — 10,7 %; химических самоповреждений — 3,8 %; прочих самоповреждений — 1,1 %. При этом, почти в 100 % случаев самоповреждения причиняли себе военнослужащие, проходившие военную службу по призыву (большинство — на первом году службы). Наименьшее количество самоповреждений наблюдалось в весенне-летний период и наибольшее — в феврале. Почти все повреждения локализовывались на переднебоковых поверхностях тела, при этом левая сторона тела страдала несколько чаще правой стороны[68]. Появился и новый способ совершения членовредительства — употребление мочи больных инфекционным гепатитом, которым за весь период нахождения ОКСВ в ДРА переболело 115 308 человек[69].

Самоповреждения причиняли себе даже отдельные офицеры. Особенностью расследования членовредительства было позднее проведение судебно-медицинских экспертиз после саморанений — в пределах от 1—3 недель до 2—10 месяцев по причине позднего сообщения командованием части органам военной прокуратуры, недостаточного опыта врачей войскового и госпитального звеньев в распознавании членовредительств по их морфологическим особенностям, а также отсутствия преемственности в использовании опыта Великой Отечественной войны[70].

В ряде случаев изъятые у задержанных мятежников и иных лиц деньги и ценности не сдавались в установленном порядке в финансовые органы и присваивались. Многие хищения государственного и военного имущества связаны с незаконным сбытом похищенного афганским гражданам, что нередко сопровождалось пьянством. Хищения государственного имущества в частях 40-й армии возросли в 1985 г. более чем в два раза, а недостачи военного имущества составили около 3 млн руб. Стремление к стяжательству способствовало активизации контрабандных проявлений.

Постоянно росло и число преступлений, связанных с хищением оружия и боеприпасов, что было обусловлено отсутствием надлежащего порядка в его учете и хранении. Увеличилось и количество преступлений, связанных с нарушениями правил обращения с оружием, — на 60,9 % в 1985 г. Нередко этому способствовала недостаточная обученность личного состава правилам безопасного обращения с оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами[71].

---

[67] Число получено расчетным способом.
[68] *Лавренюк Г.П.* Указ. соч. С. 120—121.
[69] Россия и СССР в войнах XX века. С. 538.
[70] *Лавренюк Г.П.* Указ. соч. С. 122—123.
[71] Архив ГВП, 1985. Наряд № 8, оп. 2698, с. 242.

В рамках третьего и четвертого этапов (1985—1989), для которых было характерно снижение интенсивности боевых действий, произошло значительное сокращение преступности военнослужащих.

Так, уже в 1986 г. количество зарегистрированных преступлений в 40-й армии сократилось на 28,2 %, а участников преступлений — на 30,7 %. Произошло и некоторое снижение членовредительства по сравнению с 1985 г.: в 1986 г. — на 39,3 %, а в 1987 г. — на 25,7 %. Однако на фоне снижения членовредительства доля неосторожных преступлений, связанных с неумелой эксплуатацией военной техники и несоблюдением мер безопасности при обращении с оружием, по сравнению с 1985 г. снизилась незначительно, а иногда наблюдался и ее некоторый рост. Так, если в 1986 г. количество несчастных случаев уменьшилось на 15,6 %, в том числе со смертельным исходом на 29,9 %, то уже в 1987 г. даже превысило уровень 1985 г. на 3,3 %, в том числе произошло увеличение на 14,9 % и случаев со смертельным исходом.

Однако, несмотря на статистическое уменьшение преступности военнослужащих, среди военнослужащих 40-й армии не было преодолено стремление к стяжательству и наживе, на почве которых совершались корыстные преступления. Любая активизация работы контрольно-ревизионных служб приводила к выявлению многочисленных фактов хищений, недостач, утрат имущества. Так, только в частях Хайратонского гарнизона было выявлено в 1986 г. утрат и недостач военного имущества на сумму более 1 млн руб.[72]

В 1988 г. продолжилась наметившаяся в 1987 г. тенденция к сокращению практически всех видов преступлений. Так, в 1-м полугодии 1988 г. число учтенных преступлений сократилось по войскам, находившимся в ДРА, на 36,5 %, в том числе по 40-й армии — на 36,4 %. На 43,3 % уменьшились нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, на 34 % — посягательства на государственную собственность, на 19,1 % — нарушения правил обращения с оружием, не зарегистрировано умышленных преступлений против местного населения, на треть понизился уровень преступлений среди офицеров и прапорщиков[73].

Что касается преступлений, совершенных военнослужащими в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996), то практика их расследования также свидетельствует об определенной зависимости отдельных категорий преступных деяний от форм применения группировки войск (сил) на активной или пассивной фазах вооруженного конфликта.

Боевая деятельность Временных объединенных сил федеральных войск Министерства обороны Российской Федерации и внутренних войск МВД России в Чеченской Республике условно разделяется на два этапа:

— *первый этап (декабрь 1994 г. — июнь 1995 г.)* — период активной фазы, или период разрешения вооруженного конфликта, когда применение группировки войск (сил) осуществлялось в форме операций, широкомасштабных и систематических боевых действий;

— *второй этап (июль 1995 г. — август 1996 г.)* — период пассивной фазы, или период ликвидации последствий вооруженного конфликта, когда группировка войск (сил) применялась в форме поисково-штурмо-

---

[72] Архив ГВП, 1987. Наряд № 8, оп. 2698, с. 264—267.

[73] Архив ГВП, 1988. Наряд № 10-1988, т. 2, с. 180—182.

вых действий отдельных формирований Вооруженных Сил Российской Федерации и Федеральной пограничной службы, а также специальных мероприятий, проводимых внутренними войсками МВД России, органами ФСБ России и специальными подразделениями МВД (ОМОН, СОБР).

В период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) органами военной прокуратуры было учтено 1 594 преступления, совершенных в условиях ведения боевых действий военнослужащими Временных объединенных сил федеральных войск Министерства обороны Российской Федерации и внутренних войск МВД России[74]. При этом, сохранялась устойчивая тенденция роста уровня преступности (+39,2 %). В структуре преступности преобладали преступления против военной службы (65,6 % от общего числа учтенных преступлений), а доля общеуголовных преступлений составила 34,4 %. Среди преступлений, совершенных военнослужащими, наиболее распространены уклонения от военной службы (47,4 %), хищения оружия и боеприпасов (18,2 %), преступления в отношении гражданского населения (10,5 %). Каждое пятое из зарегистрированных преступлений — тяжкое.

При этом, в период активной фазы вооруженного конфликта самовольно оставили воинские части федеральной группировки войск более 400 военнослужащих, проходивших военную службу по призыву, что составляет 61,6 % от общего числа самовольно оставивших части за весь период вооруженного конфликта[75]. Более половины (67 %) осужденных за уклонения от военной службы совершили преступления на первом году службы, в том числе на первых шести месяцах — 25 %, однако осуждено было только 35 (4,9 %) военнослужащих[76]. Еще более беспрецедентным случаем следует признать появление на передовой матерей военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, что при ведении широкомасштабных боевых действий представляется просто невозможным. Командиры частей, ведущих боевые действия, отпускали военнослужащих, проходивших военную службу по призыву, в увольнение повидаться с родителями, которые «увозили» своих сыновей домой. Таким образом, по данным бывшего министра обороны Российской Федерации П. Грачева, родители военнослужащих с помощью представителей Комитета солдатских матерей «увели» с боевых позиций 500—600 военнослужащих, проходивших военную службу по призыву[77].

Что касается членовредительства, то незначительная доля этой категории преступлений (0,7 %) в период активной фазы вооруженного конфликта объясняется как легкостью самовольного оставления части или места службы, так и недостаточным опытом врачей войскового и госпитального звеньев в распознавании членовредительств по их морфологическим особенностям, а также опасениями подтолкнуть военнослужащего к суициду в период излечения в госпитале.

---

[74] *Гавето С.Э.* Особенности расследования преступлений против военной службы в условиях чеченского конфликта. С. 123.

[75] *Гавето С.Э.* Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в условиях вооруженного конфликта (по материалам работы военной прокуратуры в Чеченской Республике в 1994—1996 гг.): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 183—204.

[76] *Маликов С.В.* Расследование преступлений в боевой обстановке. С. 22.

[77] *Новичков Н.Н., Снеговский В.Я., Соколов А.Г., Шварев В.Ю.* Российские Вооруженные Силы в чеченском конфликте (Анализ, итоги, выводы). М., 1995. С. 70.

Более половины всех осужденных военнослужащих из района вооруженного конфликта в Чеченской Республике признаны виновными в совершении преступлений, прямо или косвенно связанных с наличием у военнослужащих оружия (ст. ст. 218, 218-1, 251-1, 102, 146, 206 УК РСФСР). Так, в период активной фазы вооруженного конфликта широкое распространение получили преступления, связанные с нарушением правил обращения с оружием, — 57,9 % от общего числа преступлений этой категории, которые нередко приводили к небоевым потерям (погибли 31 военнослужащий и 7 гражданских лиц, что составляет соответственно 64,6 % и 75 % убитых в результате неосторожных преступлений). При этом, указанные преступления были обусловлены в основном недостаточной обученностью военнослужащих, слабым усвоением ими материальной части оружия, отсутствием необходимых навыков обращения с ним. Об этом свидетельствует и тот факт, что из числа осужденных за нарушение правил обращения с оружием на первом году службы совершили преступления 78 % осужденных, в том числе на первых шести месяцах — 50 %.

Для периода активной фазы вооруженного конфликта характерно большое количество преступлений, связанных с утратой предметов вооружения по неопытности военнослужащих, когда они похищались посторонними лицами либо участниками НВФ в ходе боестолкновений (58 случаев, что составляет 66,7 % от общего числа преступлений этой категории). При этом, совершению таких преступлений способствовало пренебрежение установленными правилами хранения оружия, оставление его без присмотра в общедоступных местах.

Нередко в период активной фазы вооруженного конфликта совершались хищения огнестрельного оружия и боеприпасов, которые составили 33,1 % от общего числа учтенных преступлений данной категории. Кражи оружия в воинских частях в основном совершались военнослужащими при самовольном оставлении части или места службы в целях добраться до места проживания родителей и обезопасить себя от угрозы захвата в плен участниками НВФ. При этом, реализации преступных намерений во многом способствовали доступность предметов вооружения в районах вооруженного конфликта, отсутствие должного контроля за сбережением оружия и расходованием боеприпасов со стороны командиров, занятых организацией боя и решением других ответственных задач.

В период активной фазы вооруженного конфликта распространение получили и преступления в отношении гражданского населения, главным образом умышленные убийства, а также преступления корыстной направленности (грабежи, разбои). Умышленные убийства в основном объясняются тем, что получили значительное распространение факты враждебного отношения военнослужащих к гражданскому населению, чему в определенной степени способствовали неадаптированность их к боевой обстановке, чрезмерная подозрительность и постоянное ожидание провокаций со стороны местных жителей, слабая разъяснительная работа командиров по недопущению насильственных действий в отношении невооруженных людей.

Что касается преступлений, совершенных военнослужащими в период пассивной фазы вооруженного конфликта, то здесь наибольшее распространение получили преступления, связанные с хищением оружия и боеприпасов, — 66,9 % (рост на 302,2 %), а всего было похищено и

утрачено около 400 единиц стрелкового оружия. В большинстве случаев похищались автоматы (АКС-74, АКМ, АКСУ), как правило, вместе с патронами — в 94,6 % случаев. Различные типы гранат (Ф-1, РГД-5, РГО, РГН) похищались достаточно редко и в основном вместе со стрелковым оружием — в 5,3 % случаев. Взрывчатые вещества похищались еще реже, главным образом в виде тротиловых шашек (100- и 200-граммовых), а также составных частей взрывных устройств (запалов, детонаторов, детонирующего шнура) — в 1,1 % случаев. Хищение оружия совершалась, как правило, по корыстным мотивам (89,6 %) — в целях продажи похищенного местным жителям либо в обмен на спиртные напитки, наркотики, золотые украшения и продукты питания. Распространен был и вывоз неучтенного «трофейного» оружия из районов вооруженного конфликта в другие регионы страны. Чаще всего хищения оружия и боеприпасов совершались путем кражи — в 72,3 % случаев, значительно реже путем присвоения или растраты — в 3,5 % случаев, преимущественно в воинских частях постоянной дислокации (96,1 %), путем фальсификации данных о расходовании боеприпасов. Значительно реже утрата предметов вооружения имела место по неопытности военнослужащих, когда они похищались посторонними лицами либо участниками НВФ в ходе боестолкновений — в 5,4 % случаев. Кроме того, достаточно большое количество хищений оружия и боеприпасов (почти 30 %) совершались в связи с употреблением спиртных напитков и наркотических веществ. Хищение оружия совершалось в одиночку в 65,5 % случаев, по предварительному сговору группой лиц — в 34,5 % случаев.

Крайне негативное влияние на морально-психологический климат в подразделениях оказывали факты превышения власти начальниками в отношении подчиненных, принуждение военнослужащих под угрозой оружия выполнять незаконные распоряжения.

Распространены также были такие преступления, как промотание или утрата военного имущества (продовольствия, ГСМ, вещевого имущества), должностные преступления, нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими. Вместо ожидаемого сплочения воинских коллективов в условиях ведения боевых действий между военнослужащими, напротив, усиливался конфликтный характер отношений, возрастали агрессивность и озлобленность на фоне накопления отрицательных эмоциональных переживаний, пребывания в постоянном стрессовом состоянии. Так, в период пассивной фазы вооруженного конфликта рост числа умышленных убийств военнослужащих составил 41,7 %, в результате чего количество погибших военнослужащих возросло на 48,8 %.

Зачастую виновными в насильственных преступлениях становились военнослужащие, направление которых в Чеченскую Республику по их деловым и моральным качествам было заведомо нецелесообразно. Так, только с мая по октябрь 1995 г. в 205-й омсбр 60 % военнослужащих, проходивших военную службу по контракту, были досрочно уволены за совершение различных дисциплинарных проступков, в том числе 35 % — за систематическое употребление спиртных напитков и наркотических веществ[78].

---

[78] *Гаветo С.Э.* Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в условиях вооруженного конфликта (по материалам работы военной прокуратуры в Чеченской Республике в 1994—1996 гг.). С. 194.

Многие преступления в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) были совершены виновными лицами в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, что явилось следствием равнодушного отношения некоторых командиров к употреблению военнослужащими спиртных напитков и наркотических веществ как «способу» снятия эмоционального напряжения, подавления страха в экстремальных ситуациях. Так, только за период с мая по октябрь 1995 г. военнослужащими 205-й омсбр было совершено в состоянии алкогольного или наркотического опьянения 90 % грубых нарушений воинской дисциплины[79].

Наличие неблагоприятной криминогенной ситуации в частях группировки федеральных войск, находящихся в районе вооруженного конфликта в Чеченской Республике, во многом обусловливалась высоким уровнем судимости лиц начальствующего состава. Почти каждое 20-е преступление было совершено офицерами, а среди осужденных удельный вес начальников составил 9,6 %. Большая часть этих лиц совершили воинские насильственные преступления и преступления, связанные с незаконным оборотом оружия.

Основными мотивами совершения военнослужащими преступлений в период пассивной фазы вооруженного конфликта явились: а) нежелание служить, стремление избежать неуставных взаимоотношений, тягостей и лишений военной службы (50,6 %); б) корыстные побуждения (26,2 %); в) хулиганские побуждения (8,6 %); г) желание завладеть оружием (6,3 %); д) надежда на безнаказанность (5,4 %); е) ревность, ссора, иные бытовые причины (1,2 %); ж) месть (1,2 %); з) приобретение спиртных напитков и наркотических веществ (0,3 %); и) стремление избежать уголовной ответственности за совершение другого преступления (0,3 %) и т. д.[80].

Анализ практики расследования преступлений, совершенных военнослужащими в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007), также свидетельствует об определенной зависимости отдельных категорий преступных деяний от степени активности боевого применения войск.

Боевая деятельность ОГВ (с) в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе условно разделяется на два этапа:

— *первый этап (октябрь 1999 г. — июнь 2000 г.)* — период активной фазы, когда велись активные боевые действия подразделениями тактического звена, с массированным применением авиации, танков, артиллерии и иных средств поражения;

— *второй этап (июнь 2000 г. — по настоящее время)* — период пассивной фазы, когда ОГВ (с) применялась в форме поисково-штурмовых действий отдельных формирований Вооруженных Сил Российской Федерации и Пограничных войск ФСБ России, а также специальных мероприятий, проводимых внутренними войсками МВД России, органами ФСБ России и специальными подразделениями МВД (ОМОН, СОБР).

---

[79] *Гаветo С.Э.* Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в условиях вооруженного конфликта (по материалам работы военной прокуратуры в Чеченской Республике в 1994—1996 гг.). С. 188.

[80] Там же. С. 183.

Так, в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) военнослужащими ОГВ (с) было совершено около 6 000 преступлений. При этом, сохранялась устойчивая тенденция роста уровня преступности (+20 %). В структуре преступности стали уже преобладать общеуголовные преступления (57,8 % от общего числа учтенных преступлений), а доля преступлений против военной службы составила 42,2 %. Столь резкое изменение в структуре преступности военнослужащих, по сравнению с вооруженным конфликтом в Чеченской Республике (1994—1996), было обусловлено, наряду с другими причинами, и значительным вначале увеличением, а затем и доведением до 100 % удельного веса солдат и сержантов, проходящих военную службу по контракту в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007). Так, если в 2003 г. удельный вес военнослужащих, проходивших военную службу по контракту, был равен в целом по Вооруженным Силам Российской Федерации 55 % (из них солдаты и сержанты — 12 %), то в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе он составил соответственно 68 % и 25 %[81]. Как правило, эта категория военнослужащих рекрутировалась из неблагополучных слоев населения, из лиц, длительное время нигде не работавших, занимавшихся бродяжничеством, привлекавшихся к уголовной ответственности. Многие из них являлись алкоголиками и наркоманами. Основная доля общеуголовных преступлений, главным образом корыстной направленности в отношении гражданского населения, совершалась именно рядовым и сержантским составом военнослужащих, проходивших военную службу по контракту. Они оказывали неповиновение командирам и начальникам, при этом нередко угрожали им физической расправой.

Среди преступлений, совершенных военнослужащими, наиболее распространены: а) самовольные оставления части или места службы — 17 %; б) нарушение правил обращения с оружием — 8,8 %; в) превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) — 13,1 %; г) нарушение уставных правил взаимоотношений — 9,7 %; д) умышленные убийства — 3,6 %; е) хищения оружия и боеприпасов — 4,5 %; ж) преступления в отношении гражданского населения — 5,2 %[82].

В период активной фазы контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе военнослужащими было совершено 525 преступлений. В этот период самовольно оставили воинские части ОГВ (с) около 150 военнослужащих, проходивших военную службу по призыву, что составляет 27,2 % от общего числа преступлений, совершенных военнослужащими в период активной фазы вооруженного конфликта.

В ходе проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе в период активной фазы увеличилось количество неосторожных деяний небольшой и средней тяжести, обусловленных повседневной деятельностью войск по обслуживанию и эксплуатации источников повышенной опасности, нарушений правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих (ст. 349 УК РФ) — 16,6 %; нарушений правил вождения или эксплуатации машин (ст. 350 УК РФ) — 5,5 %; утрат военного имущества (ст. 348 УК РФ) — 11,0 %.

[81] *Мухин В.* Россия определила новые оборонные инициативы // Независимое военное обозрение. 2003. 10—16 октября.

[82] *Винокуров А.Ю.* Указ. соч. С. 124.

Так, если в 2000 г. на территории Чеченской Республики военнослужащими было совершено 30 преступлений в отношении гражданского населения, 16 из которых было совершено на этапе активной фазы, то 12 из них (40 %) произошли в связи с неосторожными действиями, связанными с повседневной деятельностью войск, обслуживанием и эксплуатацией источников повышенной опасности[83].

В ряде случаев вредные последствия были обусловлены применением артиллерийских и авиационных средств поражения. Подобные уголовные дела, в зависимости от обстоятельств происшедшего, возбуждались по признакам преступлений против личности (причинение смерти по неосторожности — ст. 109 УК РФ) — 1,1 % и преступлений против интересов государственной службы (превышение должностных полномочий — ст. 286 УК РФ) — 2,7 %.

В период активной фазы распространение получили преступления, связанные с хищением оружия и боеприпасов, — 4,8 %; незаконным сбытом оружия и боеприпасов — 4,0 %.

В период пассивной фазы, когда выполнение служебно-боевых задач происходило в условиях длительного воздействия психотравмирующих факторов, произошло резкое увеличение (на 950 %) количества умышленных насильственных преступлений в отношении гражданского населения, основной причиной которого являлись как преувеличение существующей опасности и искаженное представление у военнослужащих о порядке и соразмерности действий в экстремальной ситуации, так и корыстная мотивация. Среди преступлений, совершенных военнослужащими в отношении гражданского населения, наиболее распространены: а) умышленные убийства — 29,6 %; б) хищения имущества (грабежи, разбои) — 19,7 %; в) нарушение правил вождения боевых и специальных машин — 10,5 %; г) хулиганство — 3,9 %.

Вполне закономерно, что переход от активной фазы контртеррористических операций к проведению локальных (адресных) специальных операций по установлению местонахождения и задержанию участников НВФ, а также перевод войск к размещению в местах постоянной дислокации обусловили снижение доли неосторожных преступлений, связанных с их повседневной деятельностью. Так, утраты военного имущества уменьшились в 5,8 раза.

Что касается преступлений, совершенных военнослужащими в период пассивной фазы, то произошло резкое увеличение количества таких преступлений, как нарушение уставных правил взаимоотношений, превышение должностных полномочий и хищение военного имущества. Кроме того, распространение получили следующие виды преступлений: а) самовольное оставление части; б) нарушение правил обращения с оружием; в) умышленные убийства; г) хищение оружия и боеприпасов; д) незаконный сбыт оружия и боеприпасов.

В период пассивной фазы произошло резкое увеличение и таких не характерных ранее видов преступлений, как похищение человека, уклонение от военной службы путем симуляции болезни, незаконное хранение и сбыт наркотических веществ. Многие преступления в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) были совершены виновными лицами в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Наличие неблагоприят-

[83] *Устинов В.В.* Международный опыт борьбы с терроризмом (Стандарты и практика). М., 2002. С. 541.

ной криминогенной ситуации в частях ОГВ (с), находящихся в Чеченской Республике, во многом обусловливалось высоким уровнем судимости лиц начальствующего состава. Из числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности, каждый шестой — офицер, каждый семнадцатый — прапорщик. Каждое девятое преступление было совершено офицерами.

Что касается традиционных *криминалистических видовых признаков*, присущих отдельным видам преступлений, которые непосредственно связаны с ведением боевых действий и совершаются в боевой обстановке в районах вооруженного конфликта, то в основе своей они являются типовыми. В целом они соответствуют описаниям их криминалистических характеристик, содержащимся в многочисленных учебниках и специальных исследованиях по криминалистике. Используя подобные описания, следует, однако, учитывать общие родовые признаки, присущие всем преступлениям, совершенным военнослужащими в районах вооруженного конфликта, а также групповые признаки, присущие какой-то отдельной группе криминалистически сходных видов преступлений, которые различаются в зависимости от видов боевых действий и условий конкретной боевой обстановки, при которых они были совершены.

Таким образом, своеобразие причинной обусловленности преступлений военнослужащих в районах вооруженного конфликта заключается, во-первых, в определяемых боевой обстановкой особенностях причин традиционных видов преступлений (корыстных, насильственных, неосторожных), во-вторых, в причинах преступлений, совершаемых лишь в боевой обстановке.

Глава 2. Характеристика групп типичных следственных ситуаций, складывающихся при расследовании преступлений в районах вооруженного конфликта

Одним из перспективных направлений повышения интенсификации и совершенствования методики расследования преступлений, в том числе и в районах вооруженного конфликта, является изучение возможностей использования ситуационного подхода, который открывает новые возможности для разработки наиболее конкретизированных криминалистических рекомендаций, находящих широкое применение в ходе расследования преступлений.

В любой области человеческой деятельности объективно складывается некоторая совокупность фактических обстоятельств, между которыми существует причинная, временная, пространственная или иная связь и которые в силу этой связи образуют целостную систему элементов, называемую ситуацией. В прикладном аспекте ситуация — это обстановка, оцениваемая субъектом для принятия решения по ее оптимальной трансформации. С познавательных позиций ситуация — это состояние составляющих ее компонентов в конкретно определенный момент времени.

Криминальная, уголовно-процессуальная и криминалистическая деятельность также могут быть рассмотрены с позиций ситуационного подхода. Расследованию преступлений также присуща ситуационность, так как для него типична смена различных ситуаций, обусловленных многи-

ми факторами, и прежде всего характером самого преступления, его последствиями, наличием доказательств, условиями, в которых проводится расследование.

В ходе возбуждения уголовного дела, раскрытия и расследования преступления, судебного рассмотрения дела возникает различная по степени сложности соответствующая обстановка, на основе оценки которой ее субъекты (следователь, эксперт, судья и т. д.) принимают организационные, тактические и процессуальные решения и выбирают соответствующие средства, приемы и методы своих действий. Это обусловлено тем, что уголовно-процессуальная деятельность и криминалистическая деятельность зависят от целого ряда самых разнообразных факторов: конкретных условий места и времени, поведения ее участников, взаимосвязей с другими процессами объективной действительности. Эта сложная система взаимодействий и взаимообусловленностей в конечном итоге и образует то конкретное состояние, положение, определенный расклад сил, в которых приходится действовать соответствующему субъекту уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности.

Большинство ученых-криминалистов рассматривают следственную ситуацию как некую информационную среду, в которой действует следователь[84] и которая характеризуется главным образом наличием источников информации о событии преступления и их содержанием. И хотя эти ученые-криминалисты верно подчеркивают познавательный характер расследования, указывая, что процесс установления и доказывания обстоятельств преступления — это работа с информацией, однако следственная ситуация не может быть сведена только к характеристике информационной среды, а должна, кроме того, учитывать обстановку и условия, в которых происходит расследование уголовного дела, т. е. она обязательно должна в себя включать и различные аспекты работы следователя.

Некоторые ученые-криминалисты, напротив, определяют следственную ситуацию как совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование[85], т. е. как обстановку, в которой протекает процесс доказывания.

Представляется, что при решении вопроса о том, что же есть следственная ситуация: реальная обстановка, характеризующая расследование, или ее информационная модель, необходимо исходить из того, что следователь принимает решения и действует при вполне реальных обстоятельствах, в реально существующих условиях, индивидуальное сочетание которых и создает конкретную следственную ситуацию. Что же касается «внешнего» или «внутреннего» характера ситуации, т. е. включения в ее содержание информационно-познавательного или про-

---

[84] См.: *Колесниченко А.Н.* Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1967. С. 16; *Корноухов В.Е.* Основные положения методики расследования отдельных видов преступлений // Материалы научной конференции. Красноярск, 1972. С. 93; *Гавло В.К.* О следственной ситуации и методике расследования хищений, совершаемых с участием должностных лиц // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973. С. 90; *Герасимов И.Ф.* Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975. С. 173.

[85] См., например: *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М., 1998. С. 91; *Он же.* Курс криминалистики: В 3 т. М., 1997. Т. 3. С. 135.

цессуально-тактического аспекта, то мы полагаем, что оба они являются характеризующими параметрами следственной ситуации. Именно по этому ряд авторов придерживаются концепции, согласно которой следственная ситуация выступает как совокупность доказательственной, тактической, методической и организационной информации, а также и некоторых элементов обстановки, в которой осуществляется расследование[86].

Проводимые в последние годы в криминалистике системные исследования ситуалогического характера убедительно доказывают, что следственные ситуации формируются при расследовании преступлений под воздействием различных факторов и состоят из нескольких компонентов: информационного, процессуально-тактического, психологического, материального и организационно-технического. Однако наибольшее значение для методики расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, имеют информационный компонент и компоненты, связанные с внешними условиями, в которых протекает процесс доказывания по уголовному делу.

При этом, к внешним условиям расследования, оказывающим существенное влияние на методику расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, относятся: динамично меняющаяся оперативная обстановка в районах вооруженного конфликта; действующий правовой режим военного или чрезвычайного положения; частая и внезапная передислокация подразделений, частей и соединений; возможность гибели, ранения или пленения подозреваемых, потерпевших, свидетелей и очевидцев преступления; дефицит времени для проведения отдельных следственных действий; сокращенная продолжительность начального этапа расследования; недостаточное материально-техническое и тыловое обеспечение органов военной прокуратуры и др. Поэтому следственную ситуацию необходимо рассматривать в двух аспектах:

1) *в узком смысле* — как характеристику объема и содержания информационных данных о преступлении, его участниках и других обстоятельствах, подлежащих доказыванию;

2) *в широком смысле* — как наличие указанных информационных данных и совокупности внешних условий, оказывающих влияние на процесс расследования.

Таким образом, исходя из вышеизложенного *следственная ситуация* — это совокупность складывающихся в районах вооруженного конфликта внешних условий, создающих обстановку, в которой в данный момент осуществляется расследование преступлений, совершаемых военнослужащими, и которая обусловливает содержание тактического воздействия на нее в целях собирания недостающей информации и изменения ее в благоприятную для следствия сторону[87].

---

[86] См., например: *Яблоков Н.П.* Криминалистическая характеристика преступления и типичные следственные ситуации как важные факторы разработки методики расследования преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1979. Вып. 30. С. 120; *Селиванов Н.А.* Типовые версии, следственные ситуации и их значение для расследования // Социалистическая законность. 1985. № 7. С. 52—55; *Герасимов И.Ф.* Принципы построения методики раскрытия преступлений // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973. С. 82.

[87] *Маликов С.В.* Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта. С. 217—218.

Правильное установление классификационной принадлежности сложившейся следственной ситуации тесно связано с анализом детерминирующих, формирующих следственную ситуацию взаимосвязанных условий (факторов) и функциональных связей между ними, совокупность которых составляет систему следственной ситуации.

Следственная ситуация формируется под воздействием объективных и субъективных факторов (условий), и Р.С. Белкин определил перечень таких объективных и субъективных факторов, влияющих на формирование следственной ситуации[88].

Представляется, что перечень объективных и субъективных факторов (условий), влияющих на формирование следственной ситуации в районах вооруженного конфликта, должен иметь следующую определенную специфику:

1) наличие и характер имеющейся в распоряжении следователя военного следственного органа доказательственной и ориентирующей информации;

2) наличие, устойчивость существования и интенсивность процессов исчезновения еще неиспользованных источников доказательственной информации и сила влияющих на эти процессы факторов (гибель, ранение или пленение свидетелей, изменение обстановки места происшествия в результате обстрела противником или боя и т. п.);

3) возможность проведения конкретных следственных и иных действий в условиях боевой обстановки;

4) использование специальных знаний в «полевых» условиях;

5) наличие в данный момент в распоряжении следователя военного следственного органа и начальника органа дознания — командира воинской части необходимых сил, средств, времени и возможность их использования оптимальным образом (использование бригадного (группового) метода расследования, расследование «по горячим следам»);

6) существующая в данный момент уголовно-правовая оценка расследуемого события (наличие законодательства военного времени).

Соответственно *субъективными факторами (условиями)*, влияющими на формирование следственной ситуации, являются:

1) психологическое состояние лиц, проходящих по расследуемому делу (длительное воздействие психотравмирующих факторов, наличие у них боевых психических травм);

2) психологическое состояние (осознание опасности гибели при проведении расследования) и уровень знаний следователя военно-следственного органа, а также наличие у него опыта работы в районах вооруженного конфликта;

3) противодействие установлению истины со стороны лица, подозреваемого в совершении преступления, и связанных с ним лиц, а иногда и потерпевшего, и свидетелей. Так, стремление оправдать незаконные действия «боевой обстановкой» способствует формированию устойчивой круговой поруки не только среди военнослужащих-сослуживцев, но и между командирами (начальниками) среднего тактического звена и их подчиненными. Как следствие, такие воинские должностные лица принимают меры к сокрытию преступлений и их следов, препятствуют их расследованию;

---

[88] См.: *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. С. 92—93; *Он же.* Курс криминалистики. Т. 3. С. 135.

4) благоприятное (бесконфликтное) проведение расследования;

5) усилия следователя военного следственного органа, направленные на изменение следственной ситуации в благоприятную для следствия сторону, а также последствия ошибочных действий следователя военного следственного органа, военного дознавателя, эксперта, специалиста, криминалиста, понятых.

Сочетание и результаты воздействия всех указанных факторов обусловливают индивидуальность содержания следственной ситуации в районах вооруженного конфликта в определенный момент расследования.

Широкое распространение в криминалистической науке получила точка зрения, согласно которой следственная ситуация слагается из следующих групп компонентов (условий), сочетание которых есть результат воздействия факторов, влияющих на ее формирование и которые оказывают определяющее влияние на содержание тактического решения следователя военного следственного органа:

1) *компоненты информационного характера*: осведомленность следователя (об обстоятельствах преступления, возможных доказательствах, возможностях их обнаружения и экспертного исследования и т. п.), осведомленность противостоящих следователю и иных проходящих по делу лиц (о степени информированности следователя и свидетелей, об обнаруженных и необнаруженных доказательствах и т. п.);

2) *компоненты организационно-технического и материального характера*: наличие средств передачи информации из учетных аппаратов органов внутренних дел, возможность мобильного маневрирования наличными силами, средствами;

3) *компоненты процессуального и тактического характера*: состояние производства по делу, возможность избрания меры пресечения, проведения конкретного следственного действия и т. п.;

4) *компоненты психологического характера*: результат конфликта между следователем и противостоящими ему лицами, проявление психологических качеств следователя, лиц, проходящих по делу, и т. п.[89]

В процессе уяснения сложившейся следственной ситуации необходимо не только учитывать основные факторы, существенно влияющие на разработку программы тактического воздействия, но и определять силу их действия. Так, наибольшее значение для расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, имеет, безусловно, информационный компонент, так как объем и содержание информации о преступлении можно практически восполнить только при осуществлении оптимальной в данной обстановке программы расследования, а также компоненты, связанные с условиями, в которых протекает процесс доказывания.

Что касается других из вышеуказанных компонентов следственной ситуации, то они при составлении программы расследования берутся в расчет. Без их учета невозможно правильно ответить на основной тактический вопрос: как должен действовать следователь в данной обстановке, в какой последовательности, в какие сроки и какими силами осуществить следственные и иные действия. Факторы такого порядка до принятия тактических решений могут изменяться в лучшую для след-

[89] См.: *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. С. 94; *Он же.* Курс криминалистики. Т. 3. С. 136—137.

ствия сторону исходя из имеющихся возможностей (наличия дополнительных следственных сил, транспорта и т. д.)[90].

Анализ следственной практики в районах вооруженного конфликта показывает, что игнорирование указанных факторов при составлении плана расследования или недостаточный их учет ведут к существенным затруднениям в процессе расследования преступлений и увеличению сроков расследования. Поэтому при выработке тактического решения важно опираться на обобщенный опыт учета этих факторов, создания надлежащих условий для осуществления расследования в оптимальном режиме.

Следственные ситуации, обусловливающие тактику расследования, могут быть использованы в криминалистической методике при условии, если они будут типизированы, так как правильный выбор тактики расследования во многом зависит от верного определения вида сложившейся следственной ситуации.

Различными учеными-криминалистами предлагается целый ряд классификаций следственных ситуаций, в которых в качестве классификационных оснований в большинстве случаев служит характеристика лишь одного из ситуационных компонентов: психологического (конфликтные и бесконфликтные следственные ситуации)[91] или информационного (простые и сложные, типичные и специфические, исходные, промежуточные и завершающие следственные ситуации)[92].

Н.П. Яблоков предложил классификацию следственных ситуаций в зависимости от их уровня: общие ситуации (ситуации расследования в целом) и частные ситуации (ситуации, складывающиеся в ходе проведения тактических операций или конкретных следственных действий[93]), а Р.С. Белкин полагал, что основанием для общей классификации следственных ситуаций должна служить ее качественная по отношению к возможности достижения целей расследования характеристика, и делил все следственные ситуации на благоприятные и неблагоприятные для расследования, полагая, что всякое достижение следователем намеченных целей должно начинаться с оценки существующей следственной ситуации и при необходимости — с принятия мер по изменению ее в благоприятную сторону[94].

Типизация следственных ситуаций по всем составляющим их компонентам практически невозможна, так как сложный, многокомпонентный состав следственной ситуации, значительное число объективных и субъективных факторов, влияющих на содержание и характер этих компонентов, образуют в своих сочетаниях значительное число вариантов следственных ситуаций, каждая из которых чем-то обязательно отличается от другой. Поэтому возможна только типизация по какому-либо одному, реже двум компонентам, чаще всего — по информационному компоненту[95]. Вместе с тем, нельзя недооценивать и значение типизации след-

---

[90] *Чурилов С.Н.* Указ. соч. С. 104—105.

[91] *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. М., 1967.

[92] См., например: *Герасимов И.Ф.* Некоторые проблемы раскрытия преступлений; *Драпкин Л.Я.* Понятие и классификация следственных ситуаций // Научные труды Свердловского юридического института. Свердловск, 1975. Вып. 41.

[93] *Яблоков Н.П.* Криминалистическая методика расследования. М., 1985. С. 88.

[94] *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. Т. 3. С. 143—144.

[95] См.: *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. С. 95—96; Он же. Курс криминалистики. Т. 3. С. 145—146.

ственных ситуаций по другим элементам, игнорирование которых при оценке сложившейся обстановки и выработке тактических решений может привести к отрицательным последствиям. Подобные данные имеют, как правило, общий характер для расследования различных видов, групп или даже родов преступлений[96].

Что касается типизации следственных ситуаций в районах вооруженного конфликта, то речь может идти только о двух компонентах типизации, а именно об информационном компоненте (наличии информации о событии и его участниках) и компоненте, связанном с условиями, в которых протекает процесс доказывания по уголовному делу (обстановке расследования преступления, которая детерминируется боевой обстановкой, сложившейся в районах вооруженного конфликта).

Все факторы, влияющие на формирование следственной ситуации в районах вооруженного конфликта, можно разделить на три основные группы, так как содержание любой следственной ситуации, как правило, детерминируют следующие факторы:

а) *факторы, относящиеся к расследуемому событию*, которые составляют информационный компонент следственной ситуации, определяют степень достоверности и полноту информационной модели расследуемого события к моменту оценки следственной ситуации и показывают степень осведомленности следователя о преступлении и лице, его совершившем;

б) *факторы, характеризующие саму систему расследования*, включающие в себя как процессуально-тактический и организационно-управленческий аспекты (т. е. сведения об объеме, полноте, сроках и качестве следственной и оперативно-розыскной работы, проделанной по расследуемому уголовному делу), так и психологический аспект (т. е. личностные характеристики и взаимодействие участников уголовного судопроизводства, их отношение к расследуемому событию и процессу расследования);

в) *факторы, относящиеся к внешней среде, в которой ведется расследование*, определяющие так называемую следственную обстановку в районах вооруженного конфликта.

Разнообразное сочетание и специфические особенности вышеуказанных трех групп факторов и создают индивидуальность и своеобразие каждой конкретной следственной ситуации, в том числе и в районах вооруженного конфликта.

При этом, компоненты первой и второй групп изменяются в каждой новой следственной ситуации, что обусловлено как огромным разнообразием исходных следственных ситуаций и индивидуальной неповторимостью психологических особенностей участников уголовного судопроизводства, так и их отношениями к расследуемому событию и к самому процессу расследования. Факторы же третьей группы, характеризующие своеобразие следственной обстановки в зависимости от внешней среды, в которой ведется расследование, являются относительно стабильными, повторяемыми в разнообразных ситуациях при расследовании различных преступлений. Поэтому следственная обстановка может быть включена в каждую индивидуальную следственную ситуацию, складывающуюся при расследовании преступления, в качестве блока

[96] *Чурилов С.Н.* Указ. соч. С. 217—218.

относительно неизменяемой информации, «константы», в отличие от «переменных» факторов первой и второй групп.

Однако в районах вооруженного конфликта внешние факторы (следственная обстановка), напротив, динамичны, меняются в зависимости от условий боевой обстановки и не только оказывают определяющее влияние на расследование преступлений, но и определяют индивидуальность каждой следственной ситуации.

А.Н. Васильев и Н.П. Яблоков предложили различать «стратегическую» обстановку, в которой ведется расследование дела, и «тактическую» обстановку, в которой проводится конкретное следственное действие или тактическая операция[97]. В свою очередь, Л.Д. Самыгин в понятие «стратегическая обстановка» вложил смысл влияния на расследование крупномасштабных событий политического или социально-экономического характера[98], так как условия, факторы внешней среды очень различны по масштабу и значению. Одни из них влияют на жизнь людей в масштабе всей страны или ее региона, при этом их воздействие продолжается длительное время, а изменить их можно очень медленно и усилиями всего народа (например, военная обстановка). Понятно, что такую обстановку ни преступник, ни следователь не может создавать или выбирать, преступник может только ей воспользоваться, а следователю придется к ней приспосабливаться и учитывать при принятии решений и их реализации. Другие характеризуются небольшими пространственными и временными параметрами (например, условия боевой обстановки, определяемые видом боевых действий — наступлением, обороной, отходом). Такие условия уже можно выбирать. Поэтому одним понятием «обстановка расследования» обойтись нельзя и необходимо различать стратегическую и тактическую (в отличие от следственной ситуации) обстановку расследования.

Представляется, что применительно к районам вооруженного конфликта к стратегической обстановке расследования относится вся совокупность факторов и условий боевой обстановки, складывающейся в районах вооруженного конфликта и влияющих на организацию расследования преступлений в целом, а к тактической обстановке расследования — только те условия конкретной боевой обстановки, которые оказывают непосредственное влияние на проведение отдельных следственных действий и которые различаются в зависимости от видов боевых действий (наступление, оборона и отход).

Так, к стратегической обстановке расследования в районах вооруженного конфликта относится: 1) динамично меняющаяся оперативная обстановка в районах вооруженного конфликта; 2) действующий правовой режим военного или чрезвычайного положения; 3) частая и внезапная передислокация воинских частей и соединений; 4) возможность гибели, ранения или пленения подозреваемых, потерпевших, свидетелей и очевидцев преступления; 5) дефицит времени для проведения отдельных следственных и иных действий; 6) сокращенная продолжительность начального этапа расследования и т. д.

---

[97] *Васильев А.Н., Яблоков Н.П.* Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984. С. 133—134.

[98] *Самыгин Л.Д.* Расследование преступлений как система деятельности. М., 1989. С. 167.

Что касается тактической обстановки расследования, то можно выделить следующие ее виды в районах вооруженного конфликта: 1) при проведении отдельных следственных и иных действий в условиях ведения наступательных боевых действий; 2) при проведении отдельных следственных и иных действий в условиях ведения оборонительных боевых действий; 3) при проведении отдельных следственных и иных действий в условиях отхода; 4) при проведении отдельных следственных и иных действий в условиях блокады (окружения).

Применительно же к внутренним вооруженным конфликтам целесообразно выделять тактическую обстановку расследования: 1) при проведении отдельных следственных и иных действий в период активной фазы вооруженного конфликта; 2) при проведении отдельных следственных и иных действий в период пассивной фазы вооруженного конфликта.

Так, например, при отходе войск зачастую невозможно успеть осмотреть место происшествия до захвата этого участка местности противником, при ведении тяжелых оборонительных или наступательных боев обстановка места происшествия могла быть изменена до неузнаваемости в результате артиллерийского (минометного) обстрела или бомбардировки. При ведении наступательных боев или отходе оперативная обстановка быстро меняется, происходит частая и внезапная передислокация воинских частей, что, в свою очередь, осложняет поиск свидетелей и очевидцев преступления. В ходе интенсивных наступательных или оборонительных боев проведение допросов подозреваемых, потерпевших, свидетелей и очевидцев преступления может быть невозможно или затруднено из-за увеличения вероятности их гибели, ранения и эвакуации в тыл или пленения противником.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, классификация типичных следственных ситуаций, складывающихся при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, должна происходить не только по информационному компоненту, но и по внешним факторам, которые изменяются в зависимости от условий конкретной боевой обстановки, складывающейся в районах вооруженного конфликта.

Так, основываясь на предложении Н.П. Яблокова о построении классификационной системы следственных ситуаций в зависимости от их уровня (общих ситуаций и частных ситуаций)[99], можно сделать вывод, что классификация по внешним факторам типичных следственных ситуаций, складывающихся при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, включает в себя следующие два уровня:

— первый уровень — группы типичных следственных ситуаций, складывающихся при расследовании криминалистически сходных видов преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта (по признакам общего подхода к их расследованию) в различных условиях боевой обстановки, и соответствующие им главные направления расследования;

— второй уровень — типичные следственные ситуации, складывающиеся при расследовании отдельных видов преступлений, совершаемых

[99] *Яблоков Н.П.* Криминалистическая методика расследования. М., 1985. С. 88.

военнослужащими в районах вооруженного конфликта, и соответствующие им направления расследования частного характера.

Исследуем более подробно содержание каждого уровня классификации типичных следственных ситуаций, складывающихся при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Первый уровень — группы типичных следственных ситуаций, складывающихся при расследовании криминалистически сходных видов преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта в различных условиях боевой обстановки, и соответствующие им главные направления расследования.

Для успешного раскрытия и расследования любого преступления важна в первую очередь высокая оперативность в обнаружении и собирании следов преступления, определяемая следственной ситуацией. В начальный период расследования следственная ситуация складывается из исходных данных возбужденного уголовного дела и первоначальных следственных и оперативно-розыскных действий. В этот момент можно говорить во многих случаях лишь о направлениях расследования, и лишь после того как «сработают» эти направления расследования и будут собраны доказательства, достаточные для определения вида расследуемого преступления и способа его совершения, возникнет необходимость применить рекомендации по методике расследования данного вида преступления, совершенного определенным способом, так как система первоначальных следственных и иных действий ориентирована на конкретные виды преступлений. Не исключено, что рекомендации о первоначальных действиях могут быть использованы соответственно направлению расследования[100].

Таким образом, можно определить главные направления расследования в самых общих чертах еще до производства первоначальных следственных и иных действий и на этой основе планировать свою работу. А.Н. Васильев справедливо отмечал, что такое направление «может быть названо главным, потому что речь идет о направлении всего расследования, тогда как в процессе расследования, при необходимости первоочередного установления какого-либо обстоятельства и сосредоточения на этом следственных действий (например, для обнаружения орудия преступления или похищенного имущества), могут возникнуть направления расследования частного характера»[101].

Более того, именно реализация главного направления, сосредоточенного на первоочередном установлении определенных обстоятельств при расследовании преступлений «по горячим следам» в районах вооруженного конфликта, по нашему мнению, позволяет выяснить общий характер и значительную часть содержания события преступления, открывающую путь к его раскрытию и расследованию.

При этом, выбор главного направления расследования и выдвижение версий, как правило, на практике «не пересекаются» между собой, потому что в самом начале расследования, когда еще не собран достаточный объем фактических данных и не произведены первоначальные следственные и оперативно-розыскные действия в полном объеме, выдвиже-

---

[100] *Васильев А.Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978. С. 31.

[101] Там же. С. 41.

ние широкого круга версий невозможно, и, как правило, выдвигаются лишь общие версии. В соответствии с общими версиями и формируется главное направление расследования, но может быть и наоборот: главное направление как бы предопределяет общие версии. Эти мыслительные задачи решаются параллельно, причем направление отражает в большей степени оперативный ход мысли, а версии — познавательный[102].

В идее использования главных направлений есть свое рациональное зерно, особенно применительно к расследованию преступлений следственной группой «по горячим следам» в районах вооруженного конфликта. При этом, следует отметить, что, конечно, использование главных направлений расследования не самоцель и они ни в коем случае не подменяют уголовно-процессуальные задачи расследования. Более того, при достаточной ясности события и виновности определенных лиц может и не возникнуть необходимости в организации расследования по направлениям, а можно сразу перейти к выдвижению общих и частных версий на базе доказательственных фактов, собранных при проведении первоначальных следственных и иных действий. Эти предложения о главных направлениях расследования по характеру следственных ситуаций начального этапа расследования являются результатом именно поиска путей к усилению эффективности криминалистической методики расследования и использования потенциальных возможностей ее развития.

Что касается районов вооруженного конфликта, то представляется, что тактическая обстановка расследования влияет на группы типичных следственных ситуаций, складывающихся при расследовании криминалистически сходных видов преступлений в районах вооруженного конфликта в различных условиях боевой обстановки, так как правильная классификация и определение содержания групп типичных следственных ситуаций тесно связаны с конкретной совокупностью условий, в которых следователю надлежит действовать. Исходя из групп типичных следственных ситуаций, складывающихся при расследовании криминалистически сходных видов преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта в различных условиях боевой обстановки — наступление, оборона, отход, окружение (блокада), можно определить главные направления расследования «по горячим следам» и на этой основе планировать свою работу. Представляется, что если классификация следственных ситуаций в районах вооруженного конфликта возможна по внешним факторам, то определение главных направлений расследования должно базироваться на классификации исходных данных, характеризующих информативный компонент групп типичных следственных ситуаций.

В юридической литературе предпринимались попытки выявить следственные ситуации, складывающиеся в чрезвычайных условиях при расследовании массовых беспорядков, и определить соответствующие им главные направления расследования[103].

---

[102] *Васильев А.Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. С. 44.

[103] *Григорьев В.Н.* Расследование преступлений в чрезвычайных условиях: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1993; *Михайлов В.А.* Методические рекомендации по вопросам раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в ходе массовых беспорядков, возникших на почве межнациональных конфликтов // Бюллетень ГСУ МВД СССР. 1990. № 6; *Сидоров В.Е.* Начальный этап расследования: организация, взаимодействие, тактика. М., 1992. С. 155—157.

Применительно к обычным мирным условиям в юридической литературе также предпринимались неоднократные попытки определить главные направления расследования на начальном этапе. В частности, заслуживает полного одобрения идея выделения группы типичных следственных ситуаций, основу которых составляют сложности логико-познавательного характера. Так, например, А.Н. Васильев и Н.П. Яблоков выделили шесть групп типичных следственных ситуаций и соответствующих им главных направлений расследования[104], которые представляли собой рекомендательные перечни требующих доказательства обстоятельств в той или иной следственной ситуации.

Хотя вышеупомянутая классификация групп типичных следственных ситуаций и не нашла должного применения в следственной практике в силу ее общего характера, однако при разработке методик большой степени общности, например методики расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, данная классификация имеет свое рациональное зерно и может быть принята за основу в плане ее дальнейшего совершенствования.

Представляется целесообразным расширить типизацию групп следственных ситуаций до семи, чтобы приблизить их к разнообразию следственных ситуаций, складывающихся при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, применительно к группам криминалистически сходных видов преступлений. Соответственно этому группы типичных следственных ситуаций, складывающихся при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, могут быть такими:

1) имеются сведения о событии преступления и о виновном в нем лице, но требуется установить, действительно ли было это событие, имело ли оно преступный характер и причастно ли к нему указанное лицо.

Для данной группы типичных следственных ситуаций характерны преступления против порядка прохождения военной службы (самовольное оставление части или места службы; дезертирство; уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами), преступления против порядка подчиненности и воинской чести (неисполнение приказа; сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы; насильственные действия в отношении начальника; нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими; оскорбление военнослужащего).

Главное направление расследования — установление действительности события, его конкретных обстоятельств, причастности к нему заподозренного лица;

2) установлен факт с признаками преступления и известны конкретные лица, несущие ответственность за это событие по своему должностному положению, но требуется решить вопрос об их личной вине.

Для данной группы типичных следственных ситуаций характерны преступления против порядка сбережения военного имущества (умышленное уничтожение или повреждение военного имущества; уничтожение или повреждение военного имущества по неосторожности; утрата военного имущества; оставление погибающего военного корабля), преступления против правил безопасности использования военно-техни-

[104] Криминалистика: Учебник. М., 1971. С. 428—430; *Васильев А.Н.* Следственная тактика. М., 1976. С. 156—158.

ческих средств (нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих; нарушение правил вождения или эксплуатации машин; нарушение правил полетов или подготовки к ним; нарушение правил кораблевождения), преступления против порядка несения специальных видов военной службы (нарушение правил несения боевого дежурства; нарушение правил несения караульной службы).

Главное направление расследования — выяснение непосредственных и основных причин события и личного отношения к ним указанных лиц, их личного поведения в этом событии;

3) установлен факт с признаками преступления, совершить которое и воспользоваться результатами которого могли только лица определенного круга по своему должностному положению (подложные первичные бухгалтерские документы, уничтожение учетных документов и т. п.).

Для данной группы типичных следственных ситуаций характерны такие преступления, как присвоение или растрата военного имущества, совершенные должностными лицами воинских частей.

Главное направление расследования — исследование поведения каждого лица определенного круга и его отношения к установленным фактам, установление фактов использования результатов преступления;

4) установлен факт с признаками преступления, совершить которое могли, вероятнее всего, лица из круга тех, кто заинтересован не в непосредственном, а в более или менее отдаленном результате преступления (поджог складских помещений в целях сокрытия другого преступления — хищения военного имущества; убийство, замаскированное под самоубийство, и т. п.).

Главное направление расследования — исследование поведения каждого лица данного круга, его отношения к событию, установление извлеченных им выгод от преступления;

5) установлен факт с признаками преступления, для совершения которого требуются особые профессиональные навыки или особое знание какого-либо обстоятельства (кража с заведомым знанием места хранения или наличия ценностей, изготовление поддельных документов и т. п.).

Главное направление расследования — выявление этого круга лиц, исследование поведения каждого из этого круга, обнаружение предметов преступления, установление фактов использования результатов преступления;

6) установлен факт с признаками преступления, но отсутствуют сведения о виновном лице или они крайне ограничены.

Для данной группы типичных следственных ситуаций характерны насильственные преступления, совершенные в отношении гражданского населения в районах вооруженного конфликта (кража, убийство, грабеж, разбой, изнасилование, похищение человека, совершенные неизвестными лицами, и т. п.)

Главное направление расследования — выявление максимального количества данных, характеризующих преступника; если возможно, то выяснение признаков внешности преступников, обнаружение предметов преступления, проведение оперативно-розыскных мероприятий, установление круга лиц, которые могли совершить данное преступление, изучение их поведения и местонахождения в момент, когда было совершено преступление;

7) факт с признаками преступления не установлен, но предполагается. Сведения о виновном лице отсутствуют, но есть сведения о предполагаемой жертве (исчезновение человека).

Главное направление расследования — проведение оперативно-розыскных мероприятий по установлению местонахождения предполагаемой жертвы, установление круга лиц, которые могли быть причастны к этому, изучение их поведения и местонахождения в момент, когда было совершено преступление.

Конечно, указанные выше группы типичных следственных ситуаций отнюдь не исчерпывают всей возможной совокупности следственных ситуаций, складывающихся при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, но они являются типичными, отталкиваясь от которых следователь военной прокуратуры может сориентироваться в любой следственной ситуации и использовать их как основание для классификации типичных следственных ситуаций при расследовании отдельных видов преступлений и определения направлений расследования частного характера.

Второй уровень — типичные следственные ситуации, складывающиеся при расследовании отдельных видов преступлений, и соответствующие им направления расследования частного характера.

Выделение такого рода типичных следственных ситуаций имеет весьма существенное научно-практическое значение, поскольку именно они должны быть положены в основу построения оптимальных частных методик. При этом, как правило, каждая следственная ситуация характеризуется определенным набором значимых в каждом конкретном случае обстоятельств. Количество таких факторов может быть весьма различно в зависимости от задач исследования и степени детализации самой ситуации. При этом, на начальном этапе расследования должны быть точно выделены те обстоятельства, которые позволяют следователю посредством приоритетного их установления обнаружить и другие необходимые данные, а в конечном итоге раскрыть преступление и изобличить виновного.

Что касается выработки алгоритмов по разрешению таких типичных ситуаций, то ее следует осуществлять на основе выявленных корреляционных зависимостей между отдельными элементами преступлений или криминалистической характеристики убийств. Связь характеристик одних элементов может проявляться через разнообразные характеристики других, на начальном этапе расследования еще не установленных. Такого рода корреляционные зависимости позволяют выдвинуть систему версий, использование которых следователем во многом облегчает процесс выдвижения им конкретных версий по расследуемому уголовному делу.

Таким образом, система направлений расследования преступлений в районах вооруженного конфликта складывается как из главных, так и из имеющих по отношению к ним частный характер направлений расследования. В рамках каждого из вышеуказанных главных направлений в зависимости от складывающейся под воздействием разнообразных факторов конкретной следственной ситуации выделяются направления расследования частного характера.

В «чистом» виде приведенные направления расследования на практике встречаются довольно редко. Обычно следственная ситуация складывается из комплекса компонентов, требующих действовать сразу в

нескольких направлениях. Организация и тактика первоначальных действий следственно-оперативных групп в каждом из приведенных направлений расследования характеризуется в районах вооруженного конфликта рядом существенных особенностей, знание которых и использование на практике позволит ощутимо повысить эффективность следственной работы.

Глава 3. Методика расследования самовольного оставления воинской части (места службы) и дезертирства в районах вооруженного конфликта

Содержание методики расследования данного вида преступлений (ст.ст. 337 и 338 УК РФ) зависит, прежде всего, от того обстоятельства, продолжается или уже прекращено незаконное пребывание военнослужащего вне части или места службы.

Так, все многообразие складывающихся следственных ситуаций на начальном этапе расследования сводится к следующим трем видам[105]:

В первой следственной ситуации, характеризующейся наличием сведений об исчезновении военнослужащего, личность которого известна, и отсутствием информации о причине его исчезновения, наряду с версиями о совершении самовольного оставления части (места службы) либо дезертирства, подлежат проверке также версии об убийстве, самоубийстве и несчастном случае.

Кроме того, при выдвижении общих версий следует учитывать, что в боевой обстановке в районах вооруженного конфликта военнослужащий может выбыть из части (места службы) по другим причинам: 1) вследствие гибели во время боя, в результате минометного или артиллерийского обстрела либо бомбоштурмового удара и уничтожения его трупа или его изменения, исключающего идентификацию; оставления трупа во время отступления наших войск; 2) вследствие ранения или контузии во время боя и эвакуации в тыл для лечения медико-санитарной службой не той воинской части, где он служил; 3) вследствие захвата в плен; 4) вследствие отставания от эшелона (колонны) при передислокации части; 5) вследствие попадания во время боя в другую часть или подразделение; 6) вследствие измены Родине (перехода на сторону противника). Если данные версии своевременно не будут проверены, то это может привести к необоснованному объявлению военнослужащего дезертиром либо к отрицательным последствиям другого порядка. Так, во время Великой Отечественной войны, после боя, до сбора и захоронения тел погибших в бою, отдельные военнослужащие, имея умысел совершить дезертирство и в последующем обезопасить себя от активного розыска, вкладывали свои документы и медальоны в обмундирование погибших военнослужащих. В результате этого их заносили в списки безвозвратных потерь и не разыскивали, а семье дезертировавшего военнослужащего посылали извещение о гибели военнослужащего и выплачивали пособие по случаю потери кормильца. Поэтому сразу же после обнаружения в районе вооруженного конфликта исчезновения военнослужащего из части (места службы) необходимо

[105] *Маликов С.В.* Методика расследования самовольного оставления части или места службы и дезертирства, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта // Право в Вооруженных Силах. 2003. № 12.

до объявления этого военнослужащего дезертировавшим или самовольно оставившим часть (место службы) проверить списки безвозвратных потерь, раненых, эвакуированных в тыл и переведенных в другую воинскую часть для того, чтобы установить действительные причины выбытия военнослужащего.

Кроме того, проводятся следующие первоначальные и неотложные следственные действия и мероприятия: 1) допрос свидетелей и очевидцев; 2) наведение справок о местонахождении исчезнувшего в комендатуре, в органах внутренних дел, в госпиталях, на блокпостах, в фильтрационном пункте внутренних войск МВД России, в пунктах приема, обработки и отправки погибших военнослужащих (ППООП) и других местах; 3) осмотр личных вещей скрывшегося военнослужащего; 4) выемка его фотографий, писем и других материалов, которые могут иметь значение по делу; 5) допросы командиров отсутствующего военнослужащего и его сослуживцев. И только тогда, когда будет установлено, что военнослужащий не убит, не ранен, не эвакуирован в тыл и не совершил переход на сторону врага, а самовольно оставил часть (место службы) или дезертировал, следует приступать к розыску.

Во второй следственной ситуации, при которой имеются сведения, дающие основания подозревать военнослужащего в самовольном оставлении части (места службы) либо дезертирстве, и отсутствует информация о месте его нахождения, важно выдвинуть и проверить версии о местах возможного нахождения военнослужащего: а) находится по месту жительства своих родственников, знакомых или в пути к месту их проживания; б) скрывается в районе дислокации воинской части, пережидая период его активного розыска. В зависимости от конкретных условий расследования и содержания полученной информации могут выдвигаться и другие версии о месте нахождения разыскиваемого военнослужащего: находится в органах внутренних дел либо комендатуре среди задержанных, в больнице (госпитале) на излечении; работает по подложным документам в отдаленных районах страны; скрывается в труднодоступной местности.

В том случае, когда расследование самовольного оставления военнослужащим воинской части (места службы) или дезертирства осуществляется во второй из выделенных выше типичных ситуаций и, следовательно, можно строить лишь предположения о том, где он находится, первоочередной задачей является установление места проживания разыскиваемого и немедленное его задержание.

В период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) военнослужащие с целью добраться до места проживания родителей и при этом не дать возможности боевикам из НВФ захватить себя в плен нередко совершали самовольное оставление воинской части (места службы) либо дезертирство со стрелковым оружием, выданным им для служебного пользования.

При этом, на начальном этапе расследования проводится комплекс розыскных мероприятий неотложного характера, направленных на блокирование маршрутов вероятного следования скрывшегося военнослужащего и поиск его в местах возможного нахождения непосредственно после оставления им воинской части (места службы). Розыск военнослужащего «по горячим следам» предполагает проведение следующих мероприятий: а) обследование всех помещений воинской части, базово-

го военного лагеря и прилегающей территории; б) преследование оставившего часть военнослужащего; в) оцепление и прочесывание определенных участков местности; г) направление ориентировок на задержание разыскиваемого в линейные отделы органов внутренних дел на транспорте, комендатуры, блокпосты по маршрутам его возможного следования; д) организация наблюдения, засад в местах наиболее вероятного появления разыскиваемого.

Данные мероприятия проводятся командованием самостоятельно или под руководством следователя, силами военнослужащих военной комендатуры и той воинской части, которую оставил разыскиваемый военнослужащий. В тех случаях, когда военнослужащий, самовольно оставивший воинскую часть (место службы), вооружен огнестрельным оружием, к выполнению этих мероприятий привлекаются сотрудники органов внутренних дел (ОМОН, СОБР).

До передачи материалов дознания военным следственным органам военный дознаватель должен под руководством следователя военных следственных органов выполнить следующие первоначальные (неотложные) следственные и иные действия:

1) наведение справок о местонахождении исчезнувшего или вовремя не явившегося в воинскую часть военнослужащего в комендатуре гарнизона, в дежурной части органов внутренних дел, в пунктах скорой помощи, в больницах, госпиталях и моргах, на гауптвахтах и в других местах; 2) осмотр личных вещей скрывшегося военнослужащего по месту его службы или жительства; 3) истребование из воинской части и приобщение к уголовному делу документов, содержащих сведения о личности скрывшегося военнослужащего и о выданном ему вещевом имуществе; 4) истребование из районного (городского) военного комиссариата по месту призыва скрывшегося из части военнослужащего его личного дела; 5) допросы командиров отсутствующего военнослужащего и его сослуживцев в целях выяснения обстоятельств оставления им воинской части (места службы), его отношения к службе, взаимоотношений в воинском коллективе, возможных причин оставления им части (места службы), круга родственников и знакомых, планов на будущее; 6) допросы родственников и знакомых разыскиваемого военнослужащего, проживающих как в районе дислокации воинской части, так и в других регионах страны в целях выяснения того, что он им писал (рассказывал) о своей службе, планах и намерениях, где он может находиться и куда мог направиться; 7) выемка у выявленных родственников и знакомых разыскиваемого его фотографий, писем, оставленных у них на хранение личных вещей, предметов военного обмундирования и т. д.; 8) наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию тех родственников и знакомых разыскиваемого, с которыми он поддерживал переписку и может попытаться связаться после оставления им части; 9) направление в органы внутренних дел мест вероятного появления разыскиваемого поручений о выполнении отдельных оперативно-розыскных задач; 10) направление в информационные центры органов МВД тех субъектов Российской Федерации, на территориях которых разыскиваемый родился, проживал и призывался в Вооруженные Силы Российской Федерации, запроса о его судимости, местах отбывания им наказания; 11) постановка разыскиваемого на учет без вести пропавших лиц и проверка его по учетам неопознанных трупов и неизвестных больных путем заполнения на военнослужащего опознавательной карты и

направления ее в информационный центр органа внутренних дел по месту дислокации оставленной им части.

Убедившись, что возможности местного розыска исчерпаны и он не дал желаемых результатов, следователь военной прокуратуры, не ожидая истечения срока следствия и не приостанавливая производства по делу, может объявить федеральный розыск дезертира или самовольно оставившего часть военнослужащего через органы МВД. Федеральный розыск объявляется, как правило, в ходе дальнейшего расследования либо одновременно с приостановлением производства по делу и в отличие от местного розыска проводится до тех пор, пока обвиняемый не будет задержан.

В третьей следственной ситуации, характеризующейся задержанием лица по подозрению в дезертирстве, личность которого не установлена, следователь обязан установить личность задержанного и факт дезертирства. Трудность выяснения этих вопросов заключается нередко в том, что задержанный дает неверные сведения о себе, о воинской части, в которой он проходил службу, об обстоятельствах дезертирства.

Так, во время Великой Отечественной войны довольно часто дезертиров задерживали случайно: при облаве, при проверке документов, в связи с другим совершенным им правонарушением либо при добровольной явке с повинной. В этих случаях решалась задача по установлению личности задержанного и факта совершения им дезертирства. Известны случаи, когда задержанные дезертиры во избежание направления в штрафные части называли вымышленную фамилию или воинскую часть только для того, чтобы затянуть следствие и оттянуть момент осуждения военным трибуналом с применением отсрочки исполнения приговора и направлением в штрафную часть на фронт.

Для наиболее быстрого установления указанных данных следователю необходимо провести следующий оптимальный комплекс следственных и иных действий: 1) личный обыск задержанного и осмотр его личных вещей; 2) осмотр обмундирования задержанного; 3) допрос задержанного; 4) тщательная проверка обнаруженных у задержанного документов; 5) получение образцов для сравнительного исследования (отпечатков пальцев рук и ладоней) в целях проверки возможной причастности задержанного к совершению вне воинской части других, еще не раскрытых преступлений и направление в информационные центры органов внутренних дел запроса о его судимости, местах отбывания им наказания; 6) направление запросов о выяснении личности и месте военной службы задержанного в райвоенкомат, которым он был призван, а также в органы внутренних дел по месту его жительства до военной службы и по месту призыва; 7) направление запроса в воинскую часть, которую по заявлению задержанного он самовольно оставил или из которой дезертировал, о его личности и об обстоятельствах его убытия из части; 8) направление запроса в информационные центры органов внутренних дел о том, не объявлен ли розыск данного лица и не имеется ли приостановленного впредь до его розыска уголовного дела.

Содержание дальнейшего этапа расследования зависит от того, какие изменения в результате предпринятых действий произошли в характере первоначальных следственных ситуаций.

Первые две из рассмотренных выше типичных следственных ситуаций начального этапа расследования могут трансформироваться в *сле-*

дующие следственные ситуации дальнейшего этапа расследования: 1) обнаружен неопознанный труп или неизвестный больной, схожий по внешним признакам с разыскиваемым военнослужащим; 2) собранными по делу доказательствами установлено, что пропавший военнослужащий действительно самовольно оставил часть, однако, несмотря на предпринятые меры, он так и не обнаружен; 3) скрывшийся из части военнослужащий задержан либо сам добровольно явился в часть.

В первой следственной ситуации дальнейшего этапа расследования, т. е. в случае получения из органов внутренних дел в ответ на поручение следователя о производстве отдельных оперативно-розыскных мероприятий информации о неопознанном трупе или неизвестном больном, схожем по внешним признакам с разыскиваемым военнослужащим, необходимо выполнить следующие следственные действия: 1) истребование и изучение дела в целях установления личности неизвестного больного; 2) при получении информации о неопознанном трупе, кроме того, необходимо истребование и изучение возбужденного по факту его обнаружения уголовного дела; 3) назначение судебно-портретной экспертизы для установления тождества разыскиваемого и обнаруженного трупа (больного); 4) допрос больного, если его состояние здоровья позволяет провести это следственное действие; 5) назначение судебно-медицинской экспертизы больного военнослужащего для определения характера и степени тяжести имеющихся у него телесных повреждений, а при необходимости — и судебно-психиатрической экспертизы для установления имеющегося у него психического заболевания.

Во второй следственной ситуации дальнейшего этапа расследования, когда в результате проведенных на первоначальном этапе расследования действий установлен факт виновного отсутствия военнослужащего в части, однако предпринятый местный розыск успехом не увенчался, возникает необходимость в привлечении к его производству дополнительных сил и расширении масштабов розыска путем объявления федерального розыска на всей территории страны.

При задержании разыскиваемого военнослужащего рассматриваемая следственная ситуация трансформируется *в третью из ранее выделенных нами типичных следственных ситуаций дальнейшего этапа расследования*, т. е. в ситуацию, когда скрывшийся из части военнослужащий обнаружен и задержан либо сам добровольно явился в часть.

В ситуации, при которой расследование ведется после задержания военнослужащего или добровольной явки в часть, основные усилия направляются на уточнение времени его самовольного пребывания за пределами части и цели, которую он преследовал, уходя из части. При этом, оптимальный комплекс следственных и иных действий расследования выглядит следующим образом: 1) личный обыск задержанного или добровольно явившегося в часть военнослужащего в целях обнаружения и изъятия оружия, документов, предметов, имеющих значение по делу; 2) осмотр одежды (обмундирования) задержанного военнослужащего и изъятых у него при личном обыске предметов, в процессе которого необходимо обратить внимание на наличие у задержанного номерных вещей (часы, фотоаппараты, мобильные телефоны, DVD-плееры и т. п.), проездных билетов, личных документов; 3) допрос задержанного военнослужащего; 4) допросы лиц, видевших его возвращение в часть (командиров подразделений, сослуживцев); 5) допрос должностных лиц, обнаруживших военнослужащего и принимавших участие в его задер-

жании за пределами части; 6) допросы указанных задержанным военнослужащим лиц, с которыми он встречался и проводил время в период пребывания вне части, и тех граждан, у которых он был задержан или которые случайно видели его вне части; 7) допросы жены (невесты) родителей, и близких знакомых, у которых военнослужащий скрывался и которым мог рассказывать о своих действительных намерениях относительно прохождения военной службы; 8) выемка у родственников и знакомых военнослужащего, в том числе и у тех, кого он посещал в период своего незаконного пребывания вне части, его писем из армии, оставленных у них предметов военного обмундирования, иных вещей, имеющих значение для дела; 9) истребование из воинской части, военного комиссариата по месту призыва и информационного центра органов внутренних дел субъекта Российской Федерации документов, характеризующих личность задержанного военнослужащего; 10) получение у задержанного образцов для сравнительного исследования (отпечатков пальцев рук и ладоней) в целях проверки возможной причастности задержанного к совершению вне воинской части других, еще не раскрытых преступлений; 11) направление в органы внутренних дел по маршруту следования военнослужащего из части и в места его нахождения и задержания запросов о проверке возможной причастности задержанного к совершенным там в это время нераскрытым преступлениям; 12) направление военнослужащего на медицинское обследование ВВК для решения вопроса о его состоянии здоровья и годности к военной службе; 13) назначение и проведение судебно-психиатрической экспертизы при возникновении сомнений в психической полноценности самовольно оставившего часть или дезертировавшего из нее военнослужащего; 14) назначение и проведение судебно-медицинской экспертизы в тех случаях, когда военнослужащий объясняет свою неявку в срок из отпуска или командировки болезненным состоянием; на разрешение этой экспертизы ставится вопрос о том, препятствовала ли болезнь своевременному прибытию военнослужащего в часть; 15) назначению указанных экспертиз предшествуют действия, направленные на получение необходимых для исследования медицинских документов из тех лечебных учреждений, в которые военнослужащий ранее обращался за медицинской помощью; 16) возможно проведение и других экспертиз, в частности криминалистической, в целях исследования обнаруженных у дезертира документов и др.

Глава 4. Методика расследования уклонения от военной службы путем членовредительства в районах вооруженного конфликта

Характерной особенностью расследования преступлений данного вида (ст. 339 УК РФ) является то обстоятельство, что с самого начала расследования известно лицо, совершившее саморанение или искусственно вызвавшее заболевание. Поэтому основная задача сводится к тому, чтобы, наряду с объективной стороной, установить факт умышленного причинения себе повреждений или заболевания военнослужащим с целью уклониться от военной службы. Необходимо иметь в виду, что в основе намерений правонарушителя лежит обман, поэтому он заранее продумывает свои действия и их объяснение, готовится к даче ложных пока-

заний. Все это определяет те трудности, с которыми сталкивается следователь военных следственных органов в процессе расследования преступлений.

Большое влияние на методику расследования, на характер и последовательность первоначальных следственных действий оказывают способы совершения самоповреждения органов и тканей, нарушения их анатомической целостности или функций, которые могут осуществляться следующими способами:

1) путем применения стрелкового огнестрельного оружия, боеприпасов, колющих и острорежущих орудий, транспортных средств, тупых предметов, механических приспособлений и т. п.;

2) путем вызывания искусственного заболевания различными химическими веществами (в том числе лекарственными препаратами), а также физическими факторами и биологическими средствами;

3) приведением себя в опасное для жизни и здоровья состояние путем проглатывания острых или колющих предметов (кусочков лезвия для бритья, швейных игл, гвоздей и т. п.).

Членовредительство совершается в определенных условиях места, времени и обстановки. Условия выбираются преступником в зависимости от наличия у него оружия и боеприпасов, орудий или технических приспособлений и средств для самоповреждения, времени для подготовки и осуществления преступных действий, возможности получить после саморанения своевременную медицинскую помощь, а также объяснить происхождение ранения (травмы) той или иной причиной, исключающей, по его мнению, умысел на уклонение от обязанностей военной службы. При этом, вред здоровью причиняется, как правило, в отсутствие очевидцев.

Установление способа, места и времени причинения самоповреждения, его характера и локализации позволяет выявить противоречия между объяснениями военнослужащего о причине получения травмы или заболевания и собранными по делу доказательствами, свидетельствующими об умышленных действиях военнослужащего, направленных на причинение вреда своему здоровью. Так, если на обмундировании преступника в районе пулевого отверстия выявлены характерные признаки близкого выстрела, то это будет противоречить его объяснениям о причинении ему огнестрельного ранения посторонним лицом с дальнего расстояния и послужит одним из доказательств прямого умысла на причинение себе телесного повреждения.

В районах вооруженного конфликта в условиях боевой обстановки неизмеримо возрастает количество случаев членовредительства. Так, в годы Великой Отечественной войны членовредительство было одним из самых распространенных после дезертирства видов преступлений. Каждый шестой осужденный судом военного трибунала за совершение преступлений трусливо-малодушной мотивации военнослужащий Действующей армии был осужден за членовредительство. Анализ следственной практики органов военной прокуратуры показывает, что 41,7 % осужденных совершили членовредительство при обороне передовой линии; 33,9 % — во время наступления; 10,4 % — в тылу; 8 % — при выполнении особых заданий в тылу противника; 3,8 % — в прифронтовой полосе. Основным способом членовредительства являлось саморанение из огнестрельного оружия (87 %), что объясняется как его доступностью, быстротой и эффективностью самоповреждений, так и воз-

можностью инсценировки «ранения» противником. Более редкими были случаи колото-резаных и рубленых повреждений (9,4 %). Основная локализация поврежденных участков тела — конечности (96,8 %), главным образом кисти рук (2-й и 3-й пальцы, как правило, левой руки), а также голени, стопы и пальцев ног[106].

Довольно широкое распространение при ведении тяжелых оборонительных боев получил такой способ совершения и сокрытия членовредительства, как «голосование», когда военнослужащий во время интенсивного пулеметного или минометного обстрела переднего края противником выставлял из окопа руку или во время перебежки, лежа на земле, поднимал ногу в целях получения ранения пятки или голени[107]. В этом случае констатирование дальнего выстрела частично подтверждает объяснение членовредителя о ранении неприятельской пулей. Окончательный вывод о достоверности версии о членовредительстве во всех случаях делается на основании оценки всех собранных по делу доказательств. Следует иметь в виду, что ранение пулей противника при кажущихся на первый взгляд признаках членовредительства может быть получено в бою при правомерных действиях военнослужащего в атаке или обороне.

В районах вооруженного конфликта членовредители стараются более тщательно скрывать следы использования огнестрельного оружия за счет использования различных приспособлений, устраняющих эти следы, например, дополнительные факторы выстрела (пороховая копоть и т. п.) задерживались прокладками в виде ствола дерева, доски, буханки хлеба, шинели, плащ-палатки, рукавицы, противогаза, пласта снега, куска льда и т. п., а также совершать членовредительство с помощью других военнослужащих. Имелись и случаи групповых (парных) огнестрельных самоповреждений, которые были сходны с боевым огнестрельным ранением, а также совершения членовредительства с помощью трофейного огнестрельного оружия, мин, головых шашек и гранат.

При самоповреждениях органов и тканей из огнестрельного оружия, других орудий и предметов, повлекших за собой освобождение от несения обязанностей военной службы, уголовное дело возбуждается после осмотра места происшествия, ознакомления с историей болезни на основании объективных признаков, находящихся в противоречии с объяснениями виновного об обстоятельствах происшедшего события. Поводом и основанием к возбуждению дела о членовредительстве путем искусственного вызывания заболевания являются материалы, содержащие сведения о характере и признаках искусственного заболевания и поступающие в военные следственные органы из военно-медицинских учреждений (медсанбатов, госпиталей, медицинских отрядов особого назначения).

Получив объяснения преступника о характере события, следователь одновременно проверяет все возможные версии о механизме самоповреждения, соучастниках членовредительства, мотиве и цели преступления, обстоятельствах, способствовавших причинению вреда здоровью. Всесторонность исследования события в самом начале расследования обусловлена тем, что преступники в ходе следствия при их изобличении могут изменить показания, назвать другую причину ранения (травмы).

---

[106] *Маликов С.В.* Расследование преступлений в боевой обстановке. С. 158.
[107] *Авдеев М.И.* Указ. соч. С. 7.

На момент начала расследования по делам о членовредительстве следователь военных следственных органов (военный дознаватель) сталкивается с ситуацией, для которой характерным является несоответствие объяснений виновного в совершении преступления объективным признакам происшедшего события, зафиксированным в протоколе осмотра места происшествия и в истории болезни. Поэтому для начального этапа расследования членовредительства в районах вооруженного конфликта характерны следующие пять типовых следственных ситуаций[108]:

В первой следственной ситуации, в случае совершения членовредительства с инсценировкой «ранения» противником в бою, в первую очередь производятся: 1) личный обыск и допрос заподозренного в членовредительстве; 2) выемка и осмотр обмундирования (нижнего белья или обуви) со следами крови и выстрела, первичной повязки, наложенной на рану; 3) осмотр места происшествия; 4) допрос свидетелей и очевидцев; 5) допрос лечащих врачей; 6) обыск личных вещей заподозренного в целях обнаружения объектов, имеющих значение для дела (письма, дневники и т. п.); 7) допрос командиров и сослуживцев.

Однако в случаях совершения членовредительства способом подставления конечностей под выстрелы неприятеля («голосование») и под взрыв своей гранаты, а также при взаимном саморанении по сговору расследование следует начинать с допроса свидетелей и очевидцев, затем осмотреть место происшествия и уже после этого приступить к допросу подозреваемого.

Во второй следственной ситуации, в случае совершения членовредительства с инсценировкой «нападения» на военнослужащего или на охраняемый им объект посторонних лиц, в первую очередь производятся: 1) получение объяснений от военнослужащего об обстоятельствах получения огнестрельного ранения, от лиц, которые первыми обнаружили раненого военнослужащего или сопровождали его в военно-медицинское учреждение, медицинского персонала, соседей по больничной палате; 2) осмотр места происшествия; 3) выемка и осмотр огнестрельного оружия, обмундирования (нижнего белья или обуви) со следами крови и выстрела, первичной повязки, наложенной на рану; 4) допрос свидетелей и очевидцев; 5) допрос лечащих врачей; 6) обыск личных вещей заподозренного в целях обнаружения объектов, имеющих значение для дела (письма, дневники и т. п.); 7) допрос командиров и сослуживцев; 8) допрос заподозренного в членовредительстве.

При инсценировке огнестрельного ранения в результате нападения на пост постороннего лица преступники при совершении членовредительства производят несколько одиночных выстрелов: первый — вверх, второй — в сторону «нападающих», третий — в себя. В целях создания видимости ранения из оружия с дальнего расстояния преступники стреляют в себя через различные прокладки.

Обнаружение в ране, в области входного отверстия, на предметах обмундирования, в прокладке с пулевой пробоиной отложений копоти, порошинок несгоревшего пороха, установление факта отсутствия следов «нападающих» (следы обуви, стреляные гильзы и т. п.) на том месте,

[108] См.: *Шкваренко С.И.* Расследование уклонения от военной службы путем членовредительства, совершаемого военнослужащими в районах вооруженного конфликта: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007; *Маликов С.В., Шкваренко С.И.* Расследование уклонения от военной службы путем членовредительства в районах вооруженного конфликта // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 8.

откуда якобы произведены выстрелы, характерное для саморанения расположение стреляных гильз и пуль (нахождение стреляных гильз на значительном расстоянии друг от друга свидетельствует об изменении положения оружия членовредителя во время стрельбы), а также локализация и направление раневого канала на теле членовредителя и наличие частиц вещества прокладки на первичной повязке, наложенной на рану, указывают на несоответствие объяснений военнослужащего фактическим обстоятельствам получения огнестрельного ранения.

В третьей следственной ситуации, в случае совершения членовредительства с инсценировкой «несчастного случая», первоначальными следственными действиями и мероприятиями будут являться: 1) получение объяснений от военнослужащего об обстоятельствах получения огнестрельного или рубленого ранения, от лиц, которые первыми обнаружили раненого военнослужащего или сопровождали его в военно-медицинское учреждение, медицинского персонала, соседей по больничной палате; 2) осмотр места происшествия; 3) выемка и осмотр огнестрельного оружия или острорубящего орудия (топор и т. п.), обмундирования (нижнего белья или обуви) со следами крови, выстрела или разруба; 4) допрос свидетелей и очевидцев; 5) допрос лечащих врачей; 6) обыск личных вещей заподозренного в целях обнаружения объектов, имеющих значение для дела (письма, дневники, записные книжки и т. п.); 7) допрос командиров и сослуживцев; 8) допрос заподозренного в членовредительстве.

Умышленное саморанение в карауле маскируется под неосторожное получение травмы при разряжании или заряжании оружия либо при его чистке. В целях маскировки умысла на причинение себе ранений под неосторожное обращение с оружием преступники могут использовать различные приспособления (проволочные крючки, веревочные петли и т. п.) для нажатия на спусковой крючок и производства выстрела. При этом, они досылают патрон в патронник, снимают оружие с предохранителя, ставят переводчик огня в положение для одиночных выстрелов, прикрепляют к спусковому крючку, например, веревочную петлю, выбирают положение своего тела и оружия, имитирующее несчастный случай более или менее правдоподобно, и затем производят выстрел. В этом случае признаком умышленного саморанения является наличие на месте происшествия соответствующего приспособления, использованного для нажатия на спусковой крючок. Утверждение членовредителей, что они причинили себе огнестрельные ранения при случайном нажатии на спусковой крючок заряженного оружия или падении заряженного оружия, сопровождающемся ударом приклада о твердый предмет и т. п., опровергается фактом невозможности производства выстрела без умышленного нажатия на спусковой крючок технически исправного оружия.

При отделении фаланг пальцев руки, например, топором членовредители ссылаются на неосторожность своих действий. На несоответствие этого объяснения указывают наличие насечек на руке или отдельных фалангах пальцев руки и характер следов действия острорубящего орудия на предмете, на котором находилась рука при саморанении.

В четвертой следственной ситуации, в случае совершения членовредительства с инсценировкой «покушения на самоубийство», в первую очередь производятся: 1) осмотр места происшествия; 2) допрос свидетелей и очевидцев; 3) допрос лечащих врачей; 4) обыск лич-

ных вещей подозреваемого в целях обнаружения объектов, имеющих значение для дела (письма, дневники, записные книжки и т. п.); 5) допрос командиров и сослуживцев; 6) допрос подозреваемого.

Ложность заявлений членовредителей о саморанении в целях самоубийства доказывается сравнительной безопасностью полученного ранения, находящегося на значительном расстоянии от головы, сердца, легких, крупных сосудов. Обычно повреждается лишь кожа вместе с подкожно-жировой клетчаткой в левой или правой половине грудной клетки. Иногда преступники оттягивают кожу, образуя кожную складку, и простреливают ее. При этом, создается впечатление как бы проникающего ранения грудной клетки. На самом же деле это опоясывающее ранение с дугообразным раневым каналом. В ряде случаев членовредители при инсценировке самоубийства с использованием автомата АК-74 (АКС-74) калибра 5,45 мм, не приняв во внимание анатомической локализации жизненно важных органов и траекторию полета пули, причиняют себе повреждения, заканчивающиеся смертельным исходом. Пуля от штатного патрона к этому оружию имеет смещенный центр тяжести, обладает колоссальной кинетической энергией. В силу этого траекторию полета пули в организме заранее предугадать не представляется возможным. При движении в теле она производит разрушение тканей и органов, находящихся от раневого канала даже на значительном расстоянии[109].

В пятой следственной ситуации, в случае совершения членовредительства путем искусственного вызывания заболеваний, первоначальными следственными действиями и мероприятиями будут являться: 1) ознакомление в военно-медицинских учреждениях с историей болезни; 2) допрос лечащих врачей; 3) обыск личных вещей заподозренного в целях обнаружения примененных химико-фармакологических препаратов (остатков едких и раздражающих веществ, инфицированных материалов) и средств для их введения в организм (шприцы, иглы для шприца и т. д.) и других объектов, имеющих значение для дела (письма, дневники, медицинская литература и т. п.); 4) допрос подозреваемого. При этом, объяснение членовредителя о случайном попадании в рану посторонних веществ обычно опровергается фиксированием при осмотре раны точечного повреждения на месте укола иглы.

В случаях нахождения в желудочно-кишечном тракте заподозренного инородных тел на начальном этапе расследования выявляются и допрашиваются свидетели из числа сослуживцев и медицинского персонала, производится обыск личных вещей заподозренного, принимаются меры к сохранению инородных тел после их извлечения или естественного выхода из организма.

Для доказательства искусственного происхождения гипертонической болезни (при приеме больших доз лекарственных препаратов), язвы желудка (при употреблении различных химических веществ) и ряда других заболеваний большое значение имеют собранные в ходе расследования образцы мочи и кала преступника, в которых соответствующие вещества выявляются судебно-химическим исследованием. На умышленный характер действий может также указывать обнаружение, на-

[109] *Дербенев В.Д.* Подготовка и назначение судебно-медицинской и судебно-баллистической экспертиз по делам о членовредительстве, совершенном при помощи огнестрельного оружия. М., 1985. С. 23.

пример, аналогичных заболеваний у нескольких военнослужащих, возникших одновременно или с небольшим интервалом во времени.

На этапе дальнейшего расследования после проведения первоначальных следственных действий ведется сбор недостающих доказательств, допрашиваются свидетели, накладывается арест на почтово-телеграфную корреспонденцию подозреваемого, назначаются судебные экспертизы, проводятся следственный эксперимент, очные ставки и допрос обвиняемого.

Глава 5. Методика расследования хищений оружия и боеприпасов, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта

Оружие и боеприпасы в зависимости от порядка и условий хранения могут похищаться различными способами, что существенно влияет на методику расследования, особенно на характер и последовательность первоначальных следственных и розыскных действий.

В районах вооруженного конфликта очень трудно, а зачастую невозможно соблюдать порядок выдачи и сохранности оружия и боеприпасов, установленный ведомственными нормативными актами для мирных условий. Так, в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) оружие и боеприпасы поступали из окружных складов артвооружения в воинские части без надлежаще оформленных документов, а отсутствие складских помещений для хранения огромного количества оружия и боеприпасов вынуждало командование складировать их в ящиках и цинках под «открытым небом» под охраной караула. При этом, сами места временного хранения оружия и боеприпасов окружались по периметру проволочными и минно-взрывными заграждениями. Что касается освещения по периметру мест временного хранения оружия и боеприпасов и оборудования техническими средствами охраны и сигнализации, то это было, во-первых, нецелесообразно из-за демаскировки расположения базового военного лагеря, а во-вторых, невозможно из-за отсутствия бесперебойного электропитания от дизельных электростанций.

Какого-либо номерного учета оружия не велось, велся только поштучный учет, к тому же не во всех воинских частях, а все утраченное и похищенное оружие списывалось на «боевые потери». Военнослужащие участвовали в боевых действиях как со своим оружием, выданным им для служебного пользования, так и с оружием своих раненых и убитых сослуживцев или с трофейным оружием, поэтому не все из них заботились о его сохранности.

Выявить большинство хищений боеприпасов в районах вооруженного конфликта не представлялось возможным из-за огромного их расходования при ведении боевых действий и отсутствия практически какой-либо отчетной документации об этом. Командиры рот (начальники выездных групп) после возвращения подразделения с боевых выездов, чтобы не заниматься в течение 3—6 часов подсчетом, упаковкой, оформлением и сдачей неизрасходованных боеприпасов в места временного хранения оружия и боеприпасов, докладывали рапортом начальнику штаба войсковой части о якобы «израсходовании» всех полученных боеприпасов. В действительности боеприпасы либо оставались на руках у воен-

нослужащих, либо выбрасывались на свалку и в выгребные ямы на территории базового военного лагеря, что создавало предпосылки для их похищения в целях сбыта или обмена у местных жителей или лиц из НВФ на наркотики, спиртные напитки, украшения из золота либо продукты питания.

Хищения оружия и боеприпасов в районах вооруженного конфликта чаще всего совершались путем кражи (72,3 %), присвоения или растраты (3,5 %), значительно реже оружие и боеприпасы утрачивались военнослужащими и похищались лицами из НВФ в результате боестолкновений (5,4 %). Кражи из мест временного хранения оружия и боеприпасов или палаток для хранения оружия личного состава роты почти всегда осуществлялись путем свободного доступа (должностными лицами в силу служебных полномочий или военнослужащими из состава караула) либо путем разрушения преград (обычно проволочных заграждений). Иногда кражи личного оружия и боеприпасов, выданных для служебного пользования, совершались военнослужащими при самовольном оставлении части или места службы.

При расследовании хищений оружия и боеприпасов следователь военных следственных органов может встретиться на начальном этапе расследования со следующими пятью типовыми следственными ситуациями[110]:

1) хищение оружия и боеприпасов из мест временного хранения оружия и боеприпасов или палаток для хранения оружия личного состава роты обнаружено вскоре после его совершения, на месте происшествия имеются следы проникновения через проволочные заграждения;

2) недостача оружия и боеприпасов вскрыта при отсутствии данных о проникновении кого-либо в места временного хранения оружия и боеприпасов или палатку для хранения оружия личного состава роты и о точном времени образования этой недостачи;

3) оружие и боеприпасы, выданные военнослужащим для служебного пользования, похищены при нахождении их на территории базового военного лагеря или блокпоста (в случаях оставления их без присмотра в палатках для отдыха, на посту или сна часовых, при проведении хозяйственных работ или ремонта техники, совместного употребления спиртных напитков и наркотиков и т. д.);

4) обнаружено отсутствие в базовом военном лагере или на блокпосту военнослужащего с оружием и боеприпасами, которые были выданы ему для служебного пользования;

5) оружие и боеприпасы утрачены военнослужащими и похищены лицами из НВФ или местными жителями в результате боестолкновений.

Другие следственные ситуации складываются при наличии оснований подозревать в хищении оружия и боеприпасов конкретных лиц, при обнаружении признаков инсценировки хищения, совершенного якобы посторонними лицами, при подбрасывании преступником похищенного оружия и боеприпасов.

Несмотря на особенности расследования в каждой следственной ситуации, наиболее актуальными, требующими первоочередной проверки

---

[110] *Маликов С.В., Козлов С.А.* Методика расследования хищений оружия и боеприпасов, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 9.

ляются версии: а) о происшедшем событии; б) о лицах, совершивших хищение; в) о вероятных местах хранения похищенного оружия и боеприпасов. Так, к версиям о происшедшем событии относятся следующие: 1) совершено хищение оружия и боеприпасов; 2) хищения оружия и боеприпасов не было (допущена ошибка в ходе проверки наличия оружия и боеприпасов в местах временного хранения оружия и боеприпасов или боеприпасы были израсходованы во время боевых выездов без документального подтверждения).

Если версия о хищении оружия и боеприпасов имеет достаточные основания, одновременно выдвигаются и проверяются версии о тех лицах, которые могли их похитить: 1) хищение совершено военнослужащими из состава караула, охранявшими места временного хранения оружия и боеприпасов; 2) хищение совершено военнослужащими, временно имевшими доступ в места временного хранения оружия и боеприпасов или палатки для хранения оружия личного состава роты либо непосредственно к оружию и боеприпасам при выполнении ими погрузочно-разгрузочных работ; 3) оружие и боеприпасы похищены другими, не имевшими никакого отношения к местам временного складирования оружия и боеприпасов или палатки для хранения оружия личного состава роты военнослужащими вследствие ненадлежащей его охраны; 4) оружие и боеприпасы утрачены военнослужащими и были похищены лицами из НВФ или местными жителями; 5) хищение оружия и боеприпасов совершено материально ответственными, а также иными лицами, которым они были выданы для хранения и технического обслуживания. Одновременно проверяется версия об инсценировке хищения этими лицами в целях сокрытия присвоения или утраты вверенных им оружия и боеприпасов.

Наряду с проверкой версий о событии преступления и о лицах, совершивших хищение, проверяются следующие версии о вероятных местах нахождения похищенных оружия и боеприпасов: 1) похищенное оружие и боеприпасы спрятаны в расположении воинской части на территории базового военного лагеря или блокпоста; 2) похищенное оружие и боеприпасы уже реализованы и находятся за пределами территории базового военного лагеря или блокпоста у местных жителей или лиц из НВФ, так как преступник стремится сбыть оружие и боеприпасы как можно быстрее (обычно в первые 2—3 дня после хищения).

В первом случае проверяются следующие детализирующие версии: 1) оружие хранится преступником в личных вещах, в боевой и иной специальной технике, которую он обслуживает; 2) оружие находится в местах отдыха личного состава, полуразрушенных нежилых строениях и т. д. (в зависимости от особенностей расположения базового военного лагеря или блокпоста и доступности этих мест).

Что касается случаев хранения оружия и боеприпасов за пределами базового военного лагеря или блокпоста, то анализ следственной практики в районах вооруженного конфликта показывает, что они встречались очень редко из-за того, что территория базовых военных лагерей и блокпостов была окружена по периметру минно-взрывными заграждениями, которые делались бессистемно, без каких-либо карт минных полей, и использовалось такое количество мин различных типов, которое во много раз превышало все разумные пределы. Поэтому военнослужащие могли свободно перемещаться лишь в пределах базового военного лагеря или блокпоста и, как правило, вблизи расположения своей роты.

Во время боевых выездов они также не могли оборудовать постоянный тайник, так как не знали о том, смогут ли они когда-нибудь оказаться в этом месте и воспользоваться похищенным. Таким образом, если военнослужащий похищал оружие и боеприпасы на территориях базовых военных лагерей или блокпостов, то места оборудования тайников для похищенного находились, за редким исключением, там же.

Если же военнослужащий похищал оружие и боеприпасы вне территории базовых военных лагерей или блокпостов (на боевом выезде, на марше, во время кратковременных стоянок) и не имел реальной возможности незамедлительно сбыть похищенное, то местами оборудования тайников являлись либо его личные вещи, либо боевая и иная специальная техника. В последующем, после возвращения в базовый военный лагерь или на блокпост, военнослужащий либо перепрятывал похищенное на территории базового военного лагеря или блокпоста, либо оставлял храниться в боевой и иной специальной технике. Поэтому доказательственное значение порой имели не столько изъятые при обыске похищенные предметы вооружения, сколько место их обнаружения. Такая детализация при выдвижении версий с учетом конкретных обстоятельств позволяла целенаправленно вести розыск похищенного как на территории базового военного лагеря или блокпоста, так и далеко за ее пределами.

В зависимости от следственной ситуации, имеющихся в распоряжении следователя доказательств производятся различные следственные и розыскные действия.

Так, *в первой следственной ситуации, в случае обнаружения хищения оружия и боеприпасов из мест временного хранения оружия и боеприпасов или палаток для хранения оружия личного состава роты вскоре после его совершения, когда на месте происшествия имеются следы проникновения через проволочные заграждения,* в первую очередь производятся: 1) осмотр места происшествия; 2) розыскные действия, направленные на обнаружение похищенного, на установление лиц, совершивших кражу; 3) выявление и допрос свидетелей; 4) мероприятия, препятствующие выносу (вывозу) похищенного оружия и боеприпасов за пределы базового военного лагеря или блокпоста; 5) осмотр и выемка документов; 6) инвентаризация; 7) обыск; 8) допрос подозреваемых.

Во второй следственной ситуации, обусловленной недостачей оружия и боеприпасов, вскрытой при отсутствии данных о проникновении кого-либо в места временного хранения оружия и боеприпасов или палатку для хранения оружия личного состава роты и о точном времени образования этой недостачи, расследование начинается: 1) с допроса материально ответственных лиц; 2) с осмотра места происшествия; 3) с проведения инвентаризации; 4) с проведения ревизии; 5) с выемки и осмотра различных документов; 6) с выявления и допроса всех лиц, которые прежде бывали на складе, охраняли его, имели отношение к оружию и боеприпасам в течение всего исследуемого периода. Одновременно с этим производятся розыскные действия, направленные на обнаружение похищенного оружия и боеприпасов.

В третьей следственной ситуации, в случае хищения оружия и боеприпасов, выданных военнослужащим для служебного пользования, при нахождении их на территории базового военного лагеря или блокпоста (в случаях оставления их без присмотра в палатках для

отдыха, на посту или во время сна часовых, при проведении хозяйственных работ или ремонта техники, совместного употребления спиртных напитков и наркотиков и т. д.), первоначальными следственными действиями являются: 1) допрос лица, у которого похищены оружие и боеприпасы; 2) осмотр места происшествия и местности, прилегающей к нему; 3) выявление и допрос всех лиц, с которыми мог контактировать военнослужащий, имевший оружие и боеприпасы, и другие действия.

В четвертой следственной ситуации, когда оружие и боеприпасы похищены военнослужащим, которому они были выданы для служебного пользования, при самовольном оставлении части или места службы и можно строить лишь предположения о том, где он находится и с какой целью скрылся, первоочередной задачей является установление места нахождения разыскиваемого и немедленное его задержание.

При этом, на начальном этапе расследования проводятся неотложные розыскные мероприятия: местный розыск военнослужащего «по горячим следам», проводимый командованием в начальный период расследования и направленный на блокирование маршрутов вероятного следования скрывшегося военнослужащего, и поиск его в местах возможного нахождения непосредственно после оставления им части или места службы (операции «Блокировка», «Перехват», «Кольцо» и т. п.).

Кроме того, проводятся следующие первоначальные и неотложные следственные действия и мероприятия: 1) допрос свидетелей и очевидцев; 2) наведение справок о местонахождении исчезнувшего в комендатуре, в органах внутренних дел, в госпиталях, на блокпостах, в фильтрационном пункте внутренних войск МВД России, в пунктах приема, обработки и отправки погибших военнослужащих (ППООП) и других местах; 3) осмотр личных вещей скрывшегося военнослужащего; 4) выемка его фотографий, писем и других материалов, которые могут иметь значение по делу; 5) допросы командиров отсутствующего военнослужащего и его сослуживцев. Анализ следственной практики показывает, что в случае обнаружения отсутствия в базовом военном лагере или на блокпосту военнослужащего с оружием и боеприпасами можно предположить, что он совершил самовольную отлучку и был убит или пленен лицами из НВФ или местными жителями, симпатизирующими НВФ. Как выясняется потом, спустя достаточно продолжительное время (от нескольких месяцев до нескольких лет), данный военнослужащий убыл самостоятельно или был послан военнослужащими более раннего срока призыва в ближайший населенный пункт за спиртными напитками, табачными изделиями или продуктами питания. В редких случаях военнослужащие, дезертировавшие с оружием и боеприпасами, имели умысел перейти на сторону НВФ.

В пятой следственной ситуации, когда оружие и боеприпасы, утраченные военнослужащими, были похищены лицами из числа НВФ или местными жителями в результате боестолкновений, первоначальными следственными действиями являются: 1) осмотр места происшествия; 2) допрос лица, у которого похищены оружие и боеприпасы; 3) допрос командиров и сослуживцев данного лица; 4) выявление и допрос всех лиц, с которыми мог контактировать военнослужащий, имевший оружие и боеприпасы; 5) розыск преступников по субъективным портретам; 6) предъявление для опознания и другие действия.

Хищение оружия и боеприпасов при нападении на воинские колонны лиц из НВФ осуществляется путем уничтожения личного состава воинской колонны или одиночного автомобиля. В случаях хищения оружия с подбитой боевой техники во время осмотра обращается внимание на способ крепления оружия, состояние и положение частей механизма запоров люков, наличие повреждений (вмятин, царапин, насечек) и иных следов на окружающих деталях. По расположению и характеру таких следов можно судить о навыках преступника, знании им механизмов запоров люков, крепежного устройства оружия и примененных для его демонтажа и вскрытия люков инструментах.

В ходе дальнейшего этапа расследования уточняются и проверяются ранее выдвинутые и вновь возникшие версии. Особое значение на данном этапе расследования приобретает отработка версий о лицах, причастных к совершенному хищению. Появление на данном этапе расследования фигуры подозреваемого обусловливает целый комплекс взаимосвязанных следственных действий, направленных на проверку его причастности к совершенному преступлению. К этим действиям относятся: 1) задержание подозреваемого; 2) личный обыск; 3) допрос подозреваемого; 4) изъятие у него образцов для сравнительного исследования; 5) освидетельствование; 6) предъявление для опознания; 7) следственный эксперимент; 8) проверка показаний подозреваемого на месте; 9) экспертные исследования различных вещественных доказательств.

Глава 6. Методика расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в отношении гражданского населения в районах вооруженного конфликта

Практика расследования преступлений, совершенных военнослужащими в отношении гражданского населения в ходе проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007), свидетельствует об определенной зависимости отдельных категорий преступных деяний военнослужащих от степени активности боевого применения войск.

Так, в период, когда активная военная фаза контртеррористической операции сопровождалась широкомасштабными боевыми действиями подразделений тактического звена, массированным применением авиации, танков, артиллерии и иных средств поражения, увеличилось количество неосторожных деяний небольшой и средней тяжести, обусловленных повседневной деятельностью войск по обслуживанию и эксплуатации источников повышенной опасности: нарушения правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, нарушения правил вождения или эксплуатации машин. В ряде случаев вредные последствия были обусловлены применением артиллерийских и авиационных средств поражения.

Так, по данным ГВП, из 30 уголовных дел по преступлениям, совершенным военнослужащими на территории Чеченской Республики в отношении гражданского населения в период активной военной фазы контртеррористической операции, 12 (40 %) произошли в связи с неосторожными действиями, связанными с повседневной деятельностью

войск, обслуживанием и эксплуатацией источников повышенной опасности[111].

Активная военная фаза контртеррористической операции сопровождалась интенсивным движением значительного количества военной техники, постоянной передислокацией частей, связанной с необходимостью выполнения поставленных боевых и служебно-боевых задач в скоротечно изменяющейся обстановке. При неблагоприятных метеорологических условиях и горном рельефе местности в южных и восточных районах Чечни определенную сложность представляло установление конкретной боевой или специальной машины, с участием которой произошло дорожно-транспортное происшествие либо с использованием которой было совершено иное преступление. Отсутствие привычных номерных знаков, единообразная камуфлированная раскраска боевой техники, загрязнение бортовых номеров значительно затрудняли розыск преступников «по горячим следам».

В таких условиях существенно возрастает роль качественного производства на первоначальном этапе следственных действий с участием свидетелей — очевидцев преступления, максимальной детализации описания ими не только военной техники, но и всего увиденного за достаточно короткий промежуток времени: направление движения машины либо колонны, примерное количество техники, состав колонны (танки, бронетранспортеры, автомобили, артиллерийские установки) с учетом общеизвестных отличительных признаков машин, наличие десанта на броне, символика принадлежности к конкретному роду войск, части, конструктивные внешние особенности машины, отличающие ее от других аналогичных типов (артиллерийское, пулеметное вооружение либо его отсутствие, антенны и т. п.).

В связи с тем что осмотры места происшествия, следственные эксперименты, допросы свидетелей и потерпевших в населенных пунктах связаны с наибольшей опасностью для жизни следователей военных следственных органов, эти следственные действия должны быть хорошо продуманными, тщательно спланированными и проводиться в предельно сжатые сроки. При этом, необходимо помнить, что постоянно меняющаяся боевая обстановка может не позволить проведение дополнительного осмотра места происшествия, повторного следственного эксперимента. Все следственные мероприятия в районе боевых действий необходимо проводить с использованием видео- и звукозаписывающей аппаратуры, поскольку это значительно сокращает время проведения следственного действия, а значит, и время пребывания в опасной зоне, где в любой момент следственная группа может быть подвергнута захвату боевиками НВФ или нападению и обстрелу.

Переход в июне 2000 г. от активной военной фазы контртеррористической операции к проведению локальных (адресных) специальных операций по установлению местонахождения и задержанию участников незаконных вооруженных формирований, а также перевод войск к размещению в местах постоянной дислокации обусловили снижение доли неосторожных преступлений, связанных с их повседневной деятельностью, а основной причиной преступлений в отношении гражданского населения стали преувеличение военнослужащими существующей опас-

[111] *Устинов В.В.* Указ. соч. С. 541.

ности и искаженное представление о порядке и соразмерности действий в экстремальной ситуации.

Наибольшую трудность в расследовании и наибольший общественный резонанс имеют преступления, совершенные военнослужащими в ходе проведения локальных (адресных) специальных операций («зачисток») по установлению местонахождения и задержанию участников незаконных вооруженных формирований.

Расследование преступлений, совершенных лицами, привлекаемыми к специальным мероприятиям, на первоначальном этапе расследования связано с определенными сложностями по установлению этих лиц. Это обусловлено привлечением к проведению контртеррористической операции значительного количества сил и средств различных силовых структур, большого количества военнослужащих и военной техники, засекреченностью сведений о проведении специальных мероприятий.

Все спецоперации проводятся на основании полученной из различных источников информации о присутствии в какой-либо местности лиц из НВФ. Это могут быть сведения, добытые в ходе радиоперехватов, полученные по агентурным каналам, в ходе войсковой разведки либо с помощью специальных технических средств обнаружения передвижения групп террористов.

При выявлении в каком-либо населенном пункте террористических организаций, групп, их лидеров и лиц, участвующих в организации и осуществлении террористических акций, командующим ОГВ (с) принимается решение о проведении спецоперации по пресечению их деятельности.

Вышеуказанная информация представляется в штаб ОГВ (с), как правило, органами ФСБ, ГРУ, другими оперативными подразделениями в виде доклада или справки. Штабом ОГВ (с) разрабатывается план, боевое распоряжение по проведению спецоперации, в котором указываются силы и средства, привлекаемые к специальной операции, задачи каждой воинской части, место и время проведения специальной операции. Один из экземпляров данного распоряжения приобщается к документации штаба ОГВ (с) и находится в деле боевых распоряжений штаба ОГВ (с). Одновременно с подготовкой боевого распоряжения разрабатывается и рабочая карта проведения спецоперации, которая хранится в 8-м отделе штаба. Средствами специальной связи боевые распоряжения штаба ОГВ (с) направляются командирам воинских частей и подразделений, привлекаемых к спецоперации. Командирами воинских частей и подразделений, привлекаемых к специальным мероприятиям, разрабатываются и издаются боевые приказы, в которых указываются условия проведения операции, силы и средства, привлекаемые к операции, конкретные задачи подразделениям, время и место проведения операции. Боевой приказ издается в письменном виде и находится в секретной части канцелярии войсковой части в деле (журнале) с боевыми приказами и доводится до командиров подразделений, участвующих в проведении специальной операции и начальников служб, обеспечивающих выполнение поставленных задач.

После выполнения подготовительных мероприятий проводится спецоперация. Можно выделить три основных вида сил и средств, привлекаемых для ее проведения:

1) силы и средства, привлекаемые для блокирования населенного пункта, в котором проводятся мероприятия по обнаружению и ликвидации членов НВФ и их лидеров;

2) силы и средства, привлекаемые непосредственно к поиску, обнаружению и ликвидации членов НВФ и их лидеров;

3) силы и средства, осуществляющие прикрытие подразделений, непосредственно участвующих в поиске, обнаружении и ликвидации членов НВФ и их лидеров.

Все действия подразделений, события, произошедшие на месте выполнения задач, записываются в журнал ведения боевых действий войсковой части, который хранится в секретной части канцелярии войсковой части.

После проведения спецоперации лица, руководившие ею, — представители силовых структур и ведомств представляют докладную записку руководителям своих структур в ОГВ (с) о результатах проведенного мероприятия.

По результатам проведенной спецоперации руководством ОГВ (с) готовится итоговое боевое донесение, в котором указывается: какие служебно-боевые задачи и какими подразделениями выполнены; какое запрещенное в обращении имущество обнаружено и изъято и какими подразделениями, участвующими в спецоперации; кто из лиц, подозреваемых в принадлежности к НВФ, задержан и куда помещен.

При проведении спецопераций главы местных администраций населенных пунктов, где проводятся специальные мероприятия, наблюдают за соблюдением законности лицами, участвующими в проведении спецоперации, и представляют справки со своими замечаниями на имя командующего ОГВ (с).

Итоговое донесение находится в деле с итоговыми донесениями в канцелярии ОГВ (с). Один экземпляр всей необходимой документации по проведению спецоперации по истечении месяца направляется в Главное оперативное управление Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

Для успешного раскрытия и расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных военнослужащими в отношении гражданского населения в ходе спецопераций, необходимо создать следственную группу, которая будет одновременно выполнять первоначальные следственные действия по следующим двум направлениям[112].

Первое направление — работа на месте происшествия с очевидцами преступления и потерпевшими.

Второе направление — работа с должностными лицами, привлекавшимися к спецоперации, и документацией по ней.

При работе по первому направлению залогом успешной работы по делу является тщательно проведенный осмотр места происшествия. По

---

[112] См.: *Винокуров А.Ю.* Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в отношении гражданского населения в районах вооруженного конфликта; *Маликов С.В, Винокуров А.Ю.* Методика расследования преступлений, совершенных военнослужащими в отношении гражданского населения в период проведения контртеррористической операции на Северном Кавказе // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 4; *Винокуров А.Ю.* Правовое обеспечение, организация и методика расследования преступлений, совершенных военнослужащими в отношении гражданского населения в районах вооруженного конфликта. М., 2005.

прибытии на место происшествия необходимо убедиться: оказана ли помощь пострадавшим; приняты ли меры к осмотру тел погибших с участием специалистов и проведению судебно-медицинских экспертиз; не изменена ли обстановка на месте происшествия (изменения и лиц, их внесшие, фиксируются документально). При осмотре места происшествия на основании анализа следовой обстановки, взаиморасположения предметов и показаний очевидцев производится выяснение всей картины происшествия в целом, а также проводится фото- и видеосъемка места происшествия.

При работе на месте происшествия необходимо выявить лиц, которые могли видеть произошедшее событие и видели его. Необходимо отметить, что при работе по делам данной категории в условиях Чеченской Республики очевидцы произошедших событий, опасаясь за свою жизнь и жизнь близких родственников, причем не всегда беспричинно, боятся являться в следственные органы и давать правдивые показания. В связи с этим рекомендуется обращение через администрацию населенного пункта к старейшинам. На встрече со старейшинами необходимо разъяснить важность дачи показаний очевидцами, требования уголовно-процессуального законодательства и возможности следственных органов оградить очевидцев произошедшего от воздействия преступников.

Успешное раскрытие дел данной категории зависит как от быстрого установления очевидцев, так и от качественного выполнения с ними следственных действий — допросов и следственных экспериментов.

В ходе допросов очевидцев необходимо выяснить: где располагалось подразделение, личный состав которого совершил преступление; в какой форме одежды они были; какие отличительные знаки были на форменной одежде; по каким именам или прозвищам они называли друг друга; внешний вид и отличительные особенности участников преступления. При допросах очевидцев преступлений по возможности необходимо составлять компьютерные либо фотографические портреты участников преступления. В связи со сложной обстановкой в Чеченской Республике многие граждане часто меняют места жительства, и это вызывает необходимость выполнения всего комплекса следственных действий с потерпевшими и свидетелями в первые же дни следствия.

При проведении судебно-медицинских экспертиз необходимо учитывать то обстоятельство, что согласно традициям ислама погибших или умерших мусульман хоронят до захода солнца в день гибели (смерти). Поэтому судебно-медицинские экспертизы необходимо провести в день совершения преступления либо его обнаружения.

Проведение эксгумаций тел погибших в целях проведения медицинских исследований также связано с определенными трудностями. В случае возникновения необходимости проведения эксгумации трупа погибшего данный вопрос рекомендуется решать со старейшинами рода (тейпа) погибшего, которым необходимо разъяснить значимость этого следственного действия для установления истины по уголовному делу и то, что виновные лица должны обязательно возместить затраты, связанные с повторным погребением. В случае если судебно-медицинское исследование не проводилось, а эксгумацию трупа невозможно провести из-за возражений родственников, необходимо назначить судебно-медицинскую экспертизу по материалам дела. В распоряжение экспертов следует представить: протокол осмотра трупа; протоколы допросов врачей медсанбатов и госпиталей, осматривавших труп, лиц, принимавших учас-

тие в омовении и обработке трупа, родственников, которые описывают имевшиеся на трупе повреждения. Иногда родственники осуществляют видеосъемку процесса раздевания для омовения, извлекают из тела пули и осколки. Поэтому необходимо с разрешения родственников изъять видеокассеты и извлеченные из трупа пули и осколки.

При работе по второму направлению — работе с должностными лицами — можно выделить две группы необходимых следственных действий:

— допросы должностных лиц: лиц, проводивших подготовительную работу по проведению спецоперации в штабе ОГВ (с), командиров воинских частей и подразделений, участвовавших в спецоперации, наблюдателей от местной администрации;

— выемка необходимой документации: планов, рабочих карт, боевых распоряжений, журналов боевых действий, нарядов итоговых боевых донесений по спецоперациям.

Изымать необходимую документацию следует в Главном оперативном управлении Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, штабе ОГВ (с) и штабах воинских частей, принимавших участие в спецоперации.

Таким образом, для установления лиц, совершивших преступления при проведении спецопераций, необходимо выполнить следующие первоначальные следственные и иные действия: 1) установить и допросить лиц, принимавших участие в подготовке проведения спецоперации по вопросам: какие силы и средства привлекались к проведению спецоперации, какие задачи они выполняли и место их выполнения; 2) где находится рабочая документация по проведенной спецоперации; 3) докладывалась ли командованию какая-либо информация по интересующему следствие событию; 4) где находится итоговое донесение по результатам спецоперации.

По вопросам подготовки и проведения спецопераций наиболее полной информацией в штабе ОГВ (с) обладает заместитель командующего ОГВ (с) по специальным операциям.

В штабе ОГВ (с) необходимо изъять следующую документацию по подготовке и проведению специальной операции: а) план и рабочую карту проведения операции; б) боевое распоряжение; в) итоговое боевое донесение о результатах операции.

При осмотре изъятой документации можно получить значимую для следствия информацию: о времени и месте проведения спецоперации, о том, какие конкретно силы привлекались к ее проведению, какие воинские части и подразделения в какое время и в каком месте привлекались для выполнения задач в ходе спецоперации.

Установив, какие непосредственно воинские части выполняли задачи в интересующие следствие время и месте, необходимо допросить должностных лиц воинской части: командира воинской части, начальника штаба, командиров подразделений по вопросам: а) какие силы и средства привлекались к проведению спецоперации, какие задачи они выполняли, время и место их выполнения; б) где находится рабочая документация по проведенной спецоперации; в) докладывалась ли какая-либо информация по интересующему следствие событию; г) какая информация содержится в боевом журнале по данной спецоперации; д) какая информация представлялась в штаб ОГВ (с) для подготовки итогового донесения по спецоперации.

В штабе воинской части необходимо изъять документацию по подготовке и проведению спецоперации: а) план спецоперации; рабочую карту проведения спецоперации; б) боевой приказ о проведении спецоперации; в) журнал ведения боевых действий; г) штатное расписание воинской части, в котором указаны все должности и лица, их занимающие; д) книги закрепления и выдачи оружия личному составу.

Осмотр данной документации позволит установить лиц, которые находились при проведении спецоперации в интересующие следствие время и месте, и их вооружение, что позволит сузить круг подозреваемых лиц.

В случае отсутствия необходимой документации в штабе ОГВ (с) необходимо осмотреть и изъять документацию в Главном оперативном управлении Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

По интересующим следствие вопросам необходимо допросить наблюдателей от местной администрации населенного пункта, в котором проводилась спецоперация.

Установив конкретные подразделения, участвовавшие в спецоперации в интересующие следствие время и месте, дальнейшие следственные действия необходимо проводить с учетом методики расследования конкретных преступлений.

Глава 7. Методика расследования превышения должностных полномочий, совершаемых командирами воинских частей в районах вооруженного конфликта

Успех проводимой военной реформы в Российской Федерации напрямую зависит от функционирования органов военного управления всех уровней исключительно в рамках правового поля, от того, насколько воинские должностные лица выполняют требования нормативных правовых актов и ведомственных документов, регламентирующих их служебную деятельность и определяющих их правовой статус.

Вместе с тем, в настоящее время одним из самых распространенных видов должностных преступлений в Вооруженных Силах Российской Федерации является именно превышение должностных полномочий воинскими должностными лицами, количество осужденных за совершение которых составляет около 28 % всех осужденных военнослужащих[113].

Однако наибольшую общественную опасность для воинского правопорядка представляют превышения должностных полномочий, совершаемые командирами воинских частей в Вооруженных Силах Российской Федерации в районах вооруженного конфликта, так как они не только негативно влияют на работу органов военного управления и наносят ущерб интересам обеспечения боевой готовности войск, но и дискредитируют военную службу, офицерский корпус и в целом государственную власть. Более того, латентность преступлений данного вида, совершаемых командирами воинских частей, в районах вооруженного конфликта в несколько раз выше латентности преступлений, совершаемых иными

[113] Деловая газета «Взгляд». 2006. 31 января.

воинскими должностными лицами, а их сокрытие со стороны командиров воинских частей является более изощренным.

Превышения должностных полномочий, совершаемые командирами воинских частей в районах вооруженного конфликта, имеют тенденцию к росту как по количеству совершаемых преступлений, так и по ущербу, причиняемому Вооруженным Силам Российской Федерации.

Проведенный ретроспективный анализ уголовных дел данной категории показывает, что наибольшее количество превышений должностных полномочий, совершаемых командирами воинских частей в районах вооруженного конфликта с применением оружия или специальных средств, было совершено: а) с оружием (84 %), из них: с боевым холодным оружием (20 %), с боевым стрелковым оружием (64 %); б) со специальными средствами (16 %), из них: наручники (100 %).

Обстоятельства (признаки), явившиеся основанием для возбуждения уголовных дел о превышении должностных полномочий командирами войсковых частей в районах вооруженного конфликта, устанавливались при: а) непосредственном обнаружении правоохранительными органами (46,6 %); б) изучении материалов документальной ревизии или инвентаризации (34,3 %); в) сообщении вышестоящего командования (1,5 %); г) сообщении должностных лиц (3,1 %); заявлении военнослужащих, гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации и иных лиц (11,8 %); отмене постановлений об отказе о возбуждении уголовного дела (2,7 %).

Как правило, непосредственным местом совершения преступлений являются: территория воинской части, штаб, казарма, караульное помещение, командный пункт (пункт управления), столовая, госпиталь. При этом, место совершения преступления связано: с одним местом (штаб, казарма и т. п.) — 99,8 % случаев; с несколькими территориально разобщенными участками — 0,2 %.

Ретроспективный анализ расследованных уголовных дел о превышении должностных полномочий, совершаемом командирами воинских частей в районах вооруженного конфликта, показал, что абсолютное большинство преступных деяний совершалось в служебное время. Однако точно определенного времени совершения преступления по большинству уголовных дел указанной категории не существует, так как эти преступления, как правило, не являются одномоментными, а их совершение характеризуется временной протяженностью, когда отдельные действия растянуты во времени и могут осуществляться и в нерабочее время. Исключение составляет превышение должностных полномочий с применением насилия, с применением оружия или специальных средств, которое чаще является одномоментным.

При исследовании времени совершения преступления установлено, что наибольшее количество преступлений совершается в дневное время (59,3 %), ночное и вечернее время (19,9 %), наименьшее количество преступлений совершается в утреннее время (5,4 %).

Способы превышения должностных полномочий командирами воинских частей в районах вооруженного конфликта отличаются многообразием и непосредственно зависят от сложившейся обстановки, характера полномочий и личностных качеств правонарушителя.

Должностное положение командира воинской части как субъекта преступлений указанного вида является одним из основных детерминирующих факторов выбора способа превышения должностных полномо-

чий, так как в силу своего должностного положения командиры воинских частей имеют полномочия как по руководству личным составом (организационно-распорядительные полномочия), так и по распоряжению и управлению имуществом, материальными ценностями воинской части, учету выполненной работы и т. п. (административно-хозяйственные полномочия), что в дальнейшем определяет как способ совершения, так и способ сокрытия совершенного преступного деяния.

Отличительной особенностью превышения должностных полномочий от других должностных преступлений является то, что преступления данного вида совершаются только путем активных противоправных действий, нарушающих обязательные для исполнения законы, инструкции, положения. Для этого используются следующие способы:

1) заключение фиктивных договоров для незаконного списания материальных и (или) денежных средств (10,2 %).

Нередко командиры воинских частей, превышая предоставленные им должностные полномочия, заключают договоры с коммерческими организациями на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг фиктивно, без проведения конкурсов, при этом сами работы проводятся силами подчиненных военнослужащих;

2) отдание незаконного приказа (38,3 %).

При этом, содержание указанного приказа может быть самым различным: оказание личных услуг, направление на выполнение каких-либо работ неслужебного характера, насильственное удержание потерпевшего в каком-либо помещении путем незаконного лишения свободы, оставление потерпевшего помимо его воли во вредных для здоровья условиях (оставление на улице в холодное время без верхней одежды и т. п.), длительное лишение потерпевшего пищи, питья, сна, незаконная сдача в аренду (передача) имущества воинской части, незаконное списание военного имущества;

3) незаконное получение денежных средств за оказанные услуги (3,5 %) путем предоставления подчиненному очередного, в том числе и дополнительного, отпуска, своевременное увольнение из рядов Вооруженных Сил Российской Федерации военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, временное освобождение военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы;

4) незаконное применение оружия или специальных средств (7,4 %);

5) применение насилия к подчиненным военнослужащим или угроза его применения (40,6 %), а именно: насильственные действия, причиняющие физическую боль (избиение, сечение ремнями, защемление части тела с помощью тисков, причинение множественных слабо выраженных повреждений тупыми или остроколющими предметами и т. п.); изощренный способ воздействия на тело (органы чувств) и психику жертвы (пропускается электрический ток, конечности опускаются в кипящую жидкость; воздействие термическими факторами, например огнем) и др.

Что касается классификации способов сокрытия превышения должностных полномочий в районах вооруженного конфликта, то их можно классифицировать по следующим основаниям:

1) по содержательной стороне: а) путем утаивания информации и (или) ее носителей (10 %); б) путем уничтожения информации и (или) ее носителей (5 %); в) путем фальсификации информации (78 %); г) смешанные способы (7 %);

2) в зависимости от формы поведения субъекта: а) осуществляемые в активной форме, например, уничтожение следов на месте преступления, психическое или иное воздействие на свидетелей в целях дачи ими ложных показаний или отказа от них и т. п. (74 %); б) реализуемые в пассивной форме, например, отказ от дачи показаний, уклонение от явки в органы военной прокуратуры и т. п. (26 %);

3) в зависимости от субъекта исполнения: а) способы, осуществляемые субъектом преступления (38 %); б) способы, осуществляемые иным лицом, не являющимся субъектом преступления (62 %);

4) в зависимости от количества субъектов, выступающих исполнителями способа сокрытия: а) способы, совершаемые одним лицом (74 %); б) способы, совершаемые несколькими лицами (26 %);

5) в зависимости от их соотношения со способом совершения преступления и их целей: а) способ сокрытия преступления, целью которого является способствование достижению преступного результата (8 %)[114]; б) способ сокрытия преступления, целью которого является обеспечение уклонения от уголовной ответственности и (или) наказания лица (лиц) (92 %)[115].

В результате ретроспективного изучения расследованных уголовных дел о превышениях должностных полномочий, совершаемых командирами воинских частей в районах вооруженного конфликта, выявлены следующие источники криминалистически значимой информации:

1) показания свидетелей из числа военнослужащих воинской части, в которой совершено преступление (85,3 %), так как превышение командирами воинских частей предоставленных им должностных полномочий нередко происходит посредством отдания приказов подчиненным военнослужащим;

2) показания потерпевших (75 %) в случае, если превышение должностных полномочий совершено с применением насилия, с применением оружия или специальных средств;

3) показания работников медицинских учреждений (75 %);

4) показания лиц, в пользу которых было совершено указанное преступление (43 %);

5) показания членов внутрипроверочных комиссий воинских частей (47 %);

6) показания членов комиссии по списанию и уничтожению списанных материальных средств воинской части (12,5 %);

7) криминалистически значимая информация специалистов различных служб воинской части (15,1 %), а также иные сведения.

Помимо вышеуказанных источников получения доказательственной информации, выявлены носители в виде материальных следов преступления, в частности: а) приказы о назначении на должность; б) истории болезни потерпевших; в) договоры на выполнение каких-либо работ или оказание услуг, о поставке в воинскую часть материальных средств (продовольствия) и др.; г) приказы о передаче либо списании материальных средств.

---

[114] В данном случае способ сокрытия преступления входит в способ совершения преступления.

[115] Здесь способ сокрытия находится за пределами способа совершения преступления и представляет собой относительно самостоятельное явление в механизме преступления.

В результате превышений должностных полномочий, совершенных командирами воинских частей в районах вооруженного конфликта, наступили следующие последствия: а) причинение легкого вреда здоровью — 36,4 %; б) причинение побоев, морального вреда — 34 %; в) причинение вреда здоровью средней тяжести — 11,8 %; г) самоубийство потерпевшего или покушение на него — 1,5 %; д) причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего — 5,3 %; е) убийство или причинение смерти по неосторожности — 1,6 %; ж) причинение материального ущерба — 36,2 %.

Перечень первоначальных следственных действий определяется в первую очередь следственной ситуацией, возникающей на начальном этапе расследования преступления. На начальном этапе расследовании превышения должностных полномочий, совершенного командиром воинской части в районах вооруженного конфликта, выделяются два вида исходных типичных следственных ситуаций[116]:

Первая типичная следственная ситуация характеризуется тем, что информация об основных обстоятельствах превышения должностных полномочий командиром воинской части содержится в материалах проведенной документальной ревизии или прокурорской проверки.

Главным направлением расследования в данной типичной следственной ситуации является: установление обстоятельств превышения должностных полномочий командиром воинской части; процессуальное закрепление имеющихся и выявление дополнительных источников доказательственной информации, изобличающих виновное воинское должностное лицо; установление характера и размера вреда, причиненного указанным превышением должностных полномочий; всестороннее изучение личности виновного воинского должностного лица; принятие мер к нейтрализации противодействия следствию со стороны виновного воинского должностного лица и (или) вышестоящего командования; выявление обстоятельств, способствовавших совершению данного преступления.

Вторая типичная следственная ситуация, характеризуется тем, что в военную прокуратуру поступает информация от подчиненных воинского должностного лица, сотрудников органов внутренних дел, других граждан о готовящемся или уже совершенном преступлении конкретным воинским должностным лицом.

Главным направлением расследования в данной следственной ситуации является: установление обстоятельств превышения должностных полномочий воинским должностным лицом; обнаружение следов преступления, а также выявление и процессуальное закрепление источников доказательственной информации, изобличающих виновное воинское должностное лицо; установление характера и размера вреда, причиненного указанным превышением должностных полномочий; всестороннее изучение личности виновного воинского должностного лица; выявление обстоятельств, способствовавших совершению данного преступления.

На основе криминалистической характеристики превышений должностных полномочий, совершаемых командирами воинских частей в рай-

---

[116] *Журенко В.Н.* Расследование превышения должностных полномочий, совершаемого командирами воинских частей в Вооруженных Силах Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

онах вооруженного конфликта, следственных ситуаций, складывающихся в процессе расследования, и обобщения практики расследования данного вида преступлений, определена следующая система частных типичных следственных версий о способах совершения преступления данного вида, которые обычно выдвигаются на начальном этапе расследования:

1) заключение фиктивных договоров: а) о «выполнении» работ; б) об «оказании» услуг; в) о «закупке» материальных ценностей;

2) отдание незаконного приказа: а) о направлении подчиненных на выполнение работ, не связанных с исполнением обязанностей военной службы; б) о лишении свободы; в) о лишении подчиненных пищи и сна; г) о незаконной передаче (сдаче в аренду) имущества воинской части; д) о списании имущества воинской части;

3) незаконное получение денежных средств за оказанные услуги: а) за увеличение подчиненным продолжительности очередного отпуска; б) за предоставление подчиненным отпуска, в то числе дополнительного; в) за своевременное увольнение подчиненных военнослужащих в запас; г) за временное освобождение подчиненных от исполнения обязанностей военной службы;

4) незаконное применение оружия или специальных средств;

5) применение насилия: а) физическое насилие или угроза его применения; б) психическое насилие.

Выдвижение и проверка типичных следственных версий позволяет в различных следственных ситуациях, особенно на начальном этапе расследования, в условиях дефицита информации, принимать по делу правильные решения как при планировании конкретных следственных действий, так и при планировании расследования в целом, а также выделить главные направления расследования, конкретизировать общие задачи и предусмотреть последовательность проведения следственных и розыскных мероприятий.

Выявлены следующие особенности планирования расследования уголовных дел данной категории на начальном этапе расследования преступлений о превышениях должностных полномочий, совершаемых командирами воинских частей в районах вооруженного конфликта: во-первых, на начальном этапе обнаружения признаков данного состава преступления главное направление расследования должно сводиться к поиску, обнаружению и закреплению максимально возможного количества доказательственной информации об исследуемом преступном событии; во-вторых, план расследования должен содержать планы проведения отдельных следственных действий; в-третьих, в плане расследования обязательно должны быть предусмотрены меры по преодолению возможного противодействия расследованию.

Учет следователем военной прокуратуры вышеуказанных особенностей планирования расследования поможет устранить различные трудности, постоянно возникающие при расследовании уголовных дел данной категории.

На дальнейшем этапе расследования превышений должностных полномочий, совершаемых командирами воинских частей в районах вооруженного конфликта, возможно выделение следующих типичных следственных ситуаций:

Первая типичная следственная ситуация, характеризующаяся наличием достоверной информации обо всех обстоятельствах совершен-

ного преступления и лице, его совершившем, которое не отрицает своей причастности к нему.

Особенность планирования расследования на дальнейшем этапе в первой типичной следственной ситуации заключается в том, что на основе анализа имеющейся доказательственной информации об основных обстоятельствах совершенного преступления выдвигаются версии о наличии неиспользованных ранее источников доказательственной информации, изобличающих вероятных соучастников данного преступления, и происходит установление всех эпизодов (фактов) превышения должностных полномочий со стороны командира воинской части.

Вторая типичная следственная ситуация, характеризующаяся наличием информации о некоторых обстоятельствах совершенного преступления и лице, его совершившем, которое отрицает свою причастность к нему.

Данная типичная следственная ситуация является неблагоприятной для следователя военной прокуратуры, так как на ее формирование влияют следующие негативные субъективные и объективные факторы: недостаточный объем доказательственной информации, как закрепленной, так и не закрепленной в материалах уголовного дела; наличие у следователя военной прокуратуры объективной возможности увеличить объем доказательственной информации по уголовному делу; действие фактора времени и связанная с ним вероятность исчезновения не выявленных следов преступления; повышенный эмоциональный тонус в психологическом состоянии обвиняемого и его защитников, у которых появилась надежда избежать уголовной ответственности или смягчить уголовное наказание; определенная информированность всех участников процесса, в первую очередь обвиняемого и его защитника, о материалах уголовного дела и возможном главном направлении расследования.

Глава 8. Методика расследования нарушений правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта

Нарушения правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих (ст. 349 УК РФ) за последние годы, в том числе и в районах вооруженного конфликта, имеют тенденцию к росту как по количеству совершаемых преступлений, так и по сумме причиняемого материального ущерба. При этом, значительная часть преступлений данного вида расследуется с превышением установленного уголовно-процессуальным законом срока, а качество расследования этих преступлений продолжает еще оставаться довольно низким. До настоящего времени имеют место и случаи необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел по выявленным преступлениям данного вида, а также факты прекращения уголовных дел данной категории по надуманным основаниям.

Обобщение следственной практики в районах вооруженного конфликта показало, что в 98 % уголовных дел данной категории орудием

совершения неосторожных преступлений с использованием предметов, указанных в ст. 349 УК РФ, являлось табельное (штатное) холодное и огнестрельное оружие. При этом, наибольшее количество нарушений правил обращения было допущено: а) с огнестрельным оружием — 90 %, из них: с автоматом — 86,5 %, с пистолетом — 10 %, гранатометом — 3,5 %; б) с боеприпасами — 9 %, из них: ручные гранаты — 95 %, другие боеприпасы — 5 %; в) с другими предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, — 1 %.

Подавляющее большинство нарушений правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, совершалось в районах вооруженного конфликта: а) во время исполнения служебных обязанностей в повседневной деятельности — 90 % (из них при несении службы на блокпостах — 45 %, при несении караульной службы — 16 %, иных видах суточного наряда — 15 %, при проведении занятий по боевой подготовке — 14 %,); б) в ходе ведения боевых действий — 10 %.

Ретроспективный анализ судебной и следственной практики в районах вооруженного конфликта показывает, что в результате нарушения правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, последствия выразились: а) в причинении тяжкого вреда здоровью одному потерпевшему — в 56 % случаев, двум и более потерпевшим — в 39 % случаев; б) в причинении смерти (гибели) одного потерпевшего — в 77 % случаев, двух и более потерпевших — в 22 % случаев; в) в уничтожении военной техники — в 5 % случаев; г) в иных тяжких последствиях — в 3 % случаев. При этом, подавляющее большинство нарушений правил обращения с оружием и боеприпасами (85 % уголовных дел) одновременно с причинением смерти или иного физического вреда влечет уничтожение или повреждение указанных средств.

Как правило, к моменту начала расследования в распоряжении следователя военной прокуратуры имеются данные о том, в какой обстановке были нарушены правила обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, и последствиях этого нарушения, что и определяет особенность следственных ситуаций на начальном этапе расследования.

По подавляющему большинству уголовных дел (93,5 %) информация о совершенном преступлении поступала от командования воинских частей. В ней, как правило, содержались сведения об обстановке совершения преступления (некоторых его обстоятельствах), о самом преступнике (потерпевшем), изобличенном силами командования, и наступивших последствиях. Значительно реже поводами к возбуждению уголовных дел являлись оперативные данные органов безопасности в войсках (5,3 %), и очень редко уголовные дела данной категории возбуждались по заявлениям граждан (1,2 %).

Наибольшее влияние на формирование типичных следственных ситуаций в начальный период расследования уголовных дел данной категории оказывают следующие факторы: а) характер исходной информации о происшествии; б) промежуток времени с момента допущенного нарушения и до момента поступления информации об этом к следователю; в) степень сохранности обстановки места происшествия к моменту уведомления следователя о происшествии; г) возможность доступа к месту происшествия.

С учетом вышеперечисленных факторов можно выделить следующие типичные следственные ситуации[117], характерные для периода обнаружения различного рода нарушений при обращении с указанными предметами, когда еще трудно обоснованно решить вопрос о возбуждении уголовного дела и начале расследования.

Первая следственная ситуация: от командования воинских частей (учреждений) поступило сообщение о только что имевшем место происшествии при обращении с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих. Очевидцы происшествия пока не установлены (возможно, их нет совсем). Потерпевший отсутствует, либо убит, либо находится в тяжелом состоянии и не может давать показания об обстоятельствах нарушения. Из содержания полученных первичных сведений можно сделать вывод только о возможности (вероятности) совершения преступления. Обстановка места происшествия не изменена или существенно не изменена. К месту происшествия имеется свободный доступ либо по тем или иным причинам доступ затруднен.

Первоочередными тактическими задачами следователя в данной ситуации являются: установление обстоятельств и причин совершения преступления; обнаружение следов преступления и других вещественных доказательств; установление последствий преступления; всестороннее изучение личности военнослужащего; принятие мер к нейтрализации противодействия следствию со стороны командования и (или) очевидцев; установление технического состояния оружия; организация мероприятий по розыску преступника (в случае, если преступник пытается скрыться и покинул место преступления); выявление обстоятельств, способствовавших данному преступлению.

Вторая следственная ситуация: к следователю поступает письменное заявление от потерпевшего, его родственников либо очевидцев об имевшем место нарушении правил обращения с оружием и иными предметами, указанными в ст. 349 УК РФ. С момента происшествия прошло не менее одного месяца. Обстановка места происшествия не сохранилась.

Первоочередными тактическими задачами следователя в данной ситуации являются: опрос заявителя по сведениям, указанным в заявлении; опрос потерпевшего; установление обстоятельств, очевидцев, изучение обстановки; обнаружение следов, непосредственно или косвенно свидетельствующих о нарушении правил обращения с исследуемыми предметами или попытке сокрытия таких следов; принятие решения о возбуждении уголовного дела либо в отказе от возбуждения.

Проведенный ретроспективный анализ следственной практики органов военной прокуратуры по рассматриваемой категории уголовных дел позволяет выделить следующие три типичные следственные ситуации на начальном этапе расследования.

Первая следственная ситуация: следователь располагает фактическими данными (результатами осмотра места происшествия), которые в своей совокупности объясняют непосредственную причину происшествия, но не раскрывают главной причины:

---

[117] *Путиловский М.М.* Расследование нарушений правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

а) обстоятельства преступления известны, преступник известен, очевидцы установлены, когда потерпевшим является лицо, само обращавшееся с оружием, боеприпасами или взрывчатыми веществами. При этом, потерпевший жив, либо мертв;

б) обстоятельства преступления известны, преступник известен, потерпевшим является иное лицо (случайно оказавшееся на месте происшествия). При этом, потерпевший жив либо мертв.

Первоочередными тактическими задачами следователя в данной следственной ситуации являются: установление обстоятельств и причин совершения преступления; обнаружение следов преступления и других вещественных доказательств; установление последствий преступления; всестороннее изучение личности военнослужащего; принятие мер к нейтрализации возможного противодействия следствию со стороны командования или очевидцев; исключение общения лица, нарушившего правила обращения с различными предметами, с потерпевшим и очевидцами; установление технического состояния оружия; организация мероприятий по розыску преступника (в случае, если преступник пытается скрыться и покинул место происшествия); выявление обстоятельств, способствовавших данному преступлению.

Вторая следственная ситуация: в распоряжении следователя имеются фактические данные (аналогичные по содержанию тем, которые имеются в первой типичной следственной ситуации), которые объясняют происшествие не одной, а несколькими (конкурирующими) причинами, из которых складывается основная причина преступного события. Способ действия всех участников происшествия (в том числе потерпевшего, предполагаемых виновных и т. д.) установлен с достаточной степенью вероятности.

Первоочередными тактическими задачами следователя в данной ситуации являются: установление обстоятельств и основной причины совершения преступления; обнаружение следов преступления и других вещественных доказательств; установление последствий преступления; всестороннее изучение личности военнослужащего; принятие мер к нейтрализации противодействия следствию со стороны командования, очевидцев; исключение общения лица, нарушившего правила обращения с различными предметами, с потерпевшим и очевидцами; установление технического состояния оружия; выявление обстоятельств, способствовавших данному преступлению.

Третья следственная ситуация: следователь в результате проверки сообщения (заявления) об имевшем место несколько недель тому назад преступном нарушении правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, располагает фактическими данными, указывающими на следы сокрытия преступления.

Первоочередными тактическими задачами следователя в данной следственной ситуации являются: изучение обстановки, установление обстоятельств преступления и очевидцев; обнаружение следов, непосредственно или косвенно свидетельствующих о нарушении правил обращения с исследуемыми предметами или попытке сокрытия таких следов; разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела либо отказе в его возбуждении; установление последствий преступления; выявление обстоятельств, способствовавших данному преступлению.

Методика расследования нарушения правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, предполагает активное использование версионного метода. Фактическим основанием для разработки типичных версий и программ действий следователя для указанных видов нарушений правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, служит типичная исходная информация, сопряженная с полной их криминалистической характеристикой.

При этом, применение той или иной типовой версии возможно только тогда, когда исходная информация по делу соответствует типовой информации о структурных элементах криминалистической характеристики, на которых основана данная типовая версия.

В случае когда потерпевшим является лицо, само нарушившее правило обращения с оружием, иными предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, можно выделить следующие общие типичные версии: небрежное обращение с указанными предметами; самоубийство (покушение на самоубийство); членовредительство; ненадлежащая организация занятий по боевой подготовке; неисправность оружия или боеприпасов. Что касается нарушений правил обращения с оружием, то можно выделить еще одну общую типичную версию о несвоевременном разряжании оружия.

В случаях когда потерпевшим является иное лицо (случайно оказавшееся на месте происшествия), следователь, помимо общих типичных версий о небрежном обращении с вышеуказанными предметами или ненадлежащей организации боевой подготовки, должен выдвинуть и проверить общие типичные версии об умышленном убийстве или покушении на самоубийство, замаскированных под нарушение правил обращения с данными предметами.

При выдвижении версий, и особенно в работе по ним, большое значение приобретает планирование процесса расследования. В планировании расследования по делам о нарушениях правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, можно выделить следующие особенности планирования:

Во-первых, на предварительном этапе обнаружения признаков данного состава преступления главное направление расследования должно сводиться к поиску, обнаружению и закреплению максимально возможного количества информации об исследуемом преступном событии. Наиболее эффективным следственным действием в подобной ситуации является осмотр места происшествия в целях обнаружения следов преступления и других вещественных доказательств. При этом, наибольшее внимание необходимо уделить сохранению обстановки места происшествия.

Во-вторых, значительное место в плане расследования занимают вопросы, связанные с проведением опроса очевидцев события, которые могут сообщить наиболее ценную информацию, позволяющую в ряде случаев до осмотра места происшествия положительно решить вопрос о возбуждении уголовного дела и начале предварительного следствия, а также с проведением судебно-медицинской экспертизы.

В-третьих, сложность установления основной причины расследуемого события, характера и механизма телесных повреждений у потерпевшего, а также сбор максимального количества доказательственной информации о других обстоятельствах, характеризующих преступление с раз-

личных сторон, требуют наличия четкого плана проведения следственных действий на всех этапах расследования.

В-четвертых, в связи с многообразием уголовных дел о нарушении правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, и почти всегда большим числом участников уголовного судопроизводства большое значение имеют и так называемые вспомогательные формы планирования (ведомости-«шахматки», лицевые карточки на обвиняемых, схемы и графики).

Все это помогает систематизировать и упорядочить проведение расследования, преодолеть сложные организационно неупорядоченные ситуации, устранить различные трудности, постоянно возникающие при расследовании уголовных дел рассматриваемой категории преступлений.

Дальнейший этап расследования нарушений правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, в районах вооруженного конфликта характеризуется тем, что в этот период производится конкретизация обстоятельств, выявленных на начальном этапе расследования.

Существенную трансформацию претерпевают и типичные общие версии дальнейшего этапа расследования, что связано с тем, что в данный период, как правило, уже накоплена достаточно большая как по объему, так и по содержанию доказательственная информация, которая дает возможность следователю вполне обоснованно для данного этапа расследования выдвигать версии (круг которых значительно сужается по сравнению с начальным этапом) главным образом по различным сторонам данного состава преступления. На дальнейшем этапе заметно возрастает и значение контрверсий.

Содержание типичных следственных ситуаций дальнейшего этапа расследования определяют следующие факторы: а) полнота и объективность собранных по делу доказательств; б) позиция обвиняемого по предъявленному ему обвинению; в) соблюдение сроков расследования. В соответствии с этим можно выделить следующие типичные следственные ситуации дальнейшего этапа расследования:

Первая типичная следственная ситуация дальнейшего этапа расследования характеризуется тем, что собранная в процессе расследования преступного обращения с оружием и иными предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, доказательственная информация хотя и содержала некоторые незначительные (с точки зрения следователя) противоречия, неясности, но в целом позволила предъявить обвинение виновному лицу. В процессе предъявления обвинения и допроса обвиняемого ранее имевшие место в материалах расследования незначительные противоречия существенно углубляются, а сам срок расследования близится к концу. Первая типичная следственная ситуация дальнейшего этапа расследования имеет следующие две разновидности:

1) обвиняемый решительно возражает против всего или части предъявленного ему обвинения и приводит в свое оправдание целый ряд существенных доводов. В данной следственной ситуации необходимо:

а) на основе анализа показаний обвиняемого выдвинуть версии по каждому пункту как признания, так и отрицания предъявленного обвинения, если собранные доказательства противоречивы или не устанавливают каких-либо обстоятельств преступления;

б) спланировать проверку новых версий, намечая в этих целях проведение следующих следственных действий: допрос свидетелей, очные ставки, предъявление для опознания, проведение дополнительных или повторных экспертиз и др.;

в) выяснить обстоятельства, способствовавшие совершению данного преступления;

2) обвиняемый полностью признал предъявленное обвинение, дал подробные показания, которые не расходятся с собранными фактическими данными об обстоятельствах совершения преступления и виновности обвиняемого. В данной следственной ситуации необходимо:

а) проанализировать показания обвиняемого по каждому пункту обвинения и сопоставить с другими источниками доказательств в целях выявления неточностей, противоречий или пробелов. Особенное внимание следует уделять обстоятельствам, которые могли быть известны только обвиняемому как непосредственному участнику преступления (например, как совершалось преступление — время, место, цель, мотив и т. п.). При этом, по каждому обстоятельству должны быть построены и проверены конкретные версии;

б) при расхождении показаний обвиняемого и результатов осмотра места происшествия, показаний потерпевшего и свидетелей проводятся их проверка на месте совершения преступления и очные ставки с потерпевшим и отдельными свидетелями;

в) проверить версию о том, не обусловлено ли признание обвиняемого попыткой скрыть другие совершенные им преступления;

г) выяснить обстоятельства, способствовавшие совершению данного преступления.

Вторая следственная ситуация дальнейшего этапа расследования характеризуется тем обстоятельством, что к следователю поступили экспертные заключения, которые в совокупности с другими материалами дела вызывают сомнение в истинности и беспристрастности показаний ряда свидетелей, на основе которых до этого у следователя и создалось ошибочное представление о сущности допущенного преступного нарушения правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, и виновных лицах. При этом, виновные лица категорически возражают против предъявляемых им обвинений, ссылаясь на существенные обстоятельства, а сам срок расследования еще позволяет тщательно разобраться в событии преступления.

В данной следственной ситуации главное внимание следователя должно быть направлено на выявление причин дачи ложных показаний свидетелями и устранение этих причин в ходе повторных допросов. Кроме допросов свидетелей и проведения очных ставок, может возникнуть необходимость и в производстве следственного эксперимента. Вышеуказанные следственные действия должны проводиться до тех пор, пока не будут установлены настоящие виновники преступного нарушения и их вина (как и другие элементы состава преступления) не будет полно и всесторонне доказываться материалами уголовного дела, что даст возможность предъявить им обвинение и допросить их уже в качестве обвиняемых.

Глава 9. Методика расследования нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности в районах вооруженного конфликта

Нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, связанные с унижением чести и достоинства или издевательством над потерпевшим либо сопряженные с насилием (ст. 335 УК РФ), являются одним из распространенных и самых латентных воинских преступлений, которые существенно подрывают авторитет Вооруженных Сил Российской Федерации, снижают уровень боеготовности и боеспособности воинских частей и подразделений. Так, по данным криминологических исследований, преступления данного вида являлись причиной совершения 80 % других преступлений против военной службы и 23 % общеуголовных преступлений[118].

В районах вооруженного конфликта вместо ожидаемого сплочения воинских коллективов между военнослужащими, напротив, усиливается конфликтный характер взаимоотношений, возрастает агрессивность и озлобленность на фоне накопления отрицательных эмоциональных переживаний, пребывания в постоянном стрессовом состоянии (86 % осужденных военнослужащих за совершение преступления, предусмотренного ст. 335 УК РФ)[119].

Так, в период нахождения ОКСВ в Афганистане (1979—1989) доля неуставных взаимоотношений среди военнослужащих в общей структуре преступлений военнослужащих составила 5,1 %; в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) — 4 %; в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2007) — 9,7 %. При этом, в районах вооруженного конфликта: а) 50,6 % преступлений данного вида были совершены в состоянии алкогольного или наркотического опьянения; б) удельный вес групповых преступлений в структуре данного вида преступлений составил 31,2 %; в) совершено преступлений данного вида с применением оружия — 14,1 %.

Нередко в районах вооруженного конфликта военнослужащие более позднего срока призыва, доведенные до отчаяния и не нашедшие защиты у командования, становились на путь расправы со своими обидчиками.

Выявлены следующие способы нарушения уставных правил в районах вооруженного конфликта: а) принуждение потерпевшего совершать действия, унижающие его честь и достоинство, либо оказывать личные услуги «старослужащим» или выполнять за них те или иные обязанности военной службы; б) изъятие у молодых воинов предметов обмундирования, продуктов питания, иных материальных ценностей; в) сексу-

---

[118] *Кочешев С.П.* Нарушение правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (уголовно-правовой и криминологические аспекты): Дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2000. С. 4.

[119] *Моргуленко Е.А.* Неуставные взаимоотношения военнослужащих: теория и практика антикриминального воздействия. М., 2006.

альные извращения с участием потерпевшего и иные формы издевательства над ним; г) избиение военнослужащего либо угроза избиением.

Поводом и основанием к возбуждению уголовного дела о преступлении данного вида являются: а) сообщения командира воинской части или должностного лица медицинского учреждения о поступлении военнослужащего, имеющего характерные для неуставных взаимоотношений повреждения; б) жалобы пострадавшего или его родителей; в) материалы административного расследования, прокурорской проверки или других уголовных дел.

После возбуждении уголовного дела следователю военных следственных органов приходится вести расследование в ситуациях, для которых характерно наличие или отсутствие в первичных материалах достаточных сведений о характере события и основных обстоятельствах его совершения, личности правонарушителей, их роли в расследуемом событии, количестве эпизодов неуставных взаимоотношений и пострадавших, характере и тяжести наступивших последствий. Кроме этих факторов, содержание следственных ситуаций существенно определяет время, прошедшее с момента совершения преступления до начала его расследования.

Исходя из характера и объема имеющейся первичной информации выделяются следующие *типичные следственные ситуации начального этапа расследования*[120]:

1) преступное нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими совершено в условиях очевидности: известны потерпевший, правонарушитель, свидетели-очевидцы, наступившие последствия, мотив и цель преступления, и преступник не отрицает своей причастности к расследуемому событию;

2) имеются сведения о потерпевшем, правонарушителе, наступивших последствиях, но недостаточно данных о характере правонарушения, его мотиве и цели, и лицо, совершившее преступление, отрицает свою причастность к нему;

3) правонарушитель не установлен вследствие сокрытия преступления потерпевшим, свидетелями-очевидцами, командованием воинской части (подразделения) и т. п.

В *первой следственной ситуации* главным направлением расследования является использование всех имеющихся источников доказательственной информации в целях собирания доказательств об отдельных обстоятельствах, подлежащих доказыванию, достаточных для предъявления правонарушителю обвинения.

Во *второй следственной ситуации* главными направлениями расследования являются:

а) установление основных обстоятельств произошедшего события, в том числе способа совершения преступных действий, их направленности, мотива, цели, времени, места и условий правонарушения;

б) принятие мер, исключающих уклонение правонарушителя от следствия и суда и возможное противодействие с его стороны установлению истины по делу в виде запугивания свидетелей-очевидцев и пострадавшего расправой, сговора на дачу ложных показаний, подкупа и шан-

[120] *Кравченко М.С.* Расследование нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

тажа военнослужащих, располагающих важными для расследования уголовного дела сведениями.

В целях установления характера расследуемого события строятся и проверяются следующие основные версии:

а) имело место преступное нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности;

б) имело место преступление, не связанное с нарушением воинского правопорядка (применено насилие одним военнослужащим к другому на почве личных взаимоотношений, не связанное с военной службой).

Решение вышеуказанных задач и проверка следственных версий в первых двух типичных следственных ситуациях обеспечивается проведением следующих первоначальных следственных действий: а) допрос потерпевшего, его освидетельствование и (или) назначение судебно-медицинской экспертизы; б) допрос свидетелей-очевидцев; в) допрос правонарушителя и его освидетельствование; г) выемка и осмотр обмундирования потерпевшего и правонарушителя и, при наличии на нем следов крови, назначение судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств; д) осмотр места происшествия.

При этом, последовательность проведения указанных следственных действий существенным образом зависит от характера наступивших последствий. Так, если следствием применения насилия одним военнослужащим к другому явились телесные повреждения или его смерть и с момента совершения преступления до начала расследования прошло незначительное время, в первую очередь производится осмотр места происшествия, а затем — другие вышеуказанные следственные действия.

Наибольшую сложность для расследования представляет *третья следственная ситуация*, характеризующаяся дефицитом информации об участниках преступления. Такая ситуация может сложиться вследствие смерти пострадавшего, отсутствия свидетелей-очевидцев, а при их наличии — в результате круговой поруки, вызванной совершением преступления группой лиц по предварительному сговору, боязнью потерпевшего и свидетелей-очевидцев мести со стороны правонарушителей и их пособников или неверием в способность командования и военных следственных органов защитить их от возможной физической расправы.

В данной следственной ситуации главное направление расследования, наряду с вышеуказанными, — выявление всех военнослужащих, причастных к расследуемому преступлению. При этом, проверяется в первую очередь версия о том, что к преступлению причастны лица старшего призывного возраста, являющиеся в коллективе неформальными лидерами и нарушающие воинскую дисциплину, привлекавшиеся до призыва на военную службу к уголовной ответственности за преступления против здоровья граждан или хулиганство.

В целях оперативного раскрытия преступлений данного вида, а также по всем уголовным делам о групповом нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими целесообразно применять бригадный метод расследования, позволяющий выявить всех свидетелей-очевидцев, пострадавших и правонарушителей, исключить противодействие следствию со стороны лиц, заинтересованных в исходе дела, и преодолеть круговую поруку среди военнослужащих.

Содержание тактической комбинации, имеющей целью решение данной задачи, составляют следующие действия следственной группы: а) изу-

чение социально-психологического климата в подразделении, в котором совершено преступление, межличностных отношений в микрогруппах, антиобщественных социальных установок, мотивационной сферы неустановленных взаимоотношений между военнослужащими; б) изучение личности военнослужащих, заподозренных в совершении преступления и пострадавших от него, а также взаимоотношений между ними; в) изолирование выявленных пострадавших, свидетелей-очевидцев и подозреваемых друг от друга путем прикомандирования их на период следствия в другие воинские части или подразделения; г) убеждение потерпевших и свидетелей-очевидцев в необходимости дать правдивые показания; д) разобщение подозреваемых путем применения к ним меры пресечения в виде заключения под стражу, перевода их командованием воинской части на разные объекты несения службы, размещения на гауптвахтах разных гарнизонов; е) допрос в первую очередь тех подозреваемых, которые по своим моральным качествам способны поставить интересы службы выше чувства ложного товарищества; ж) одновременный детализированный допрос лиц, связанных круговой порукой, позволяющий выявить противоречия в их показаниях в целях изобличения во лжи; з) принятие мер, исключающих возможность общения допрошенных лиц с военнослужащими и другими лицами, подлежащими вызову на допрос, в целях проверки их показаний.

Выявлению всех участников преступления и всех пострадавших способствует также изучение журнала регистрации амбулаторного приема больных в санчасти воинской части. Выявленные таким образом военнослужащие со следами побоев и телесных повреждений подлежат освидетельствованию, допросу и, при необходимости, судебно-медицинской экспертизе. Обнаруженные предметы обмундирования со следами крови подлежат выемке и судебно-медицинской экспертизе вещественных доказательств.

Что касается тактики первоначальных следственных действий, то выделены следующие особенности их проведения:

1) *осмотр места происшествия* целесообразно проводить с участием потерпевших и свидетелей-очевидцев, которые могут указать на места, где находились преступники и пострадавшие, и где остались следы, имеющие значение для дела;

2) *допрос потерпевшего* может проводиться одновременно с осмотром места происшествия или сразу после его завершения.

В процессе допроса выясняются следующие вопросы: а) когда, где, в какой обстановке и каким способом нарушены уставные правила взаимоотношений между военнослужащими; б) с чего началось противоправное поведение, как оно развивалось, какова была его направленность, по какой причине оно завершилось; в) какие вредные последствия наступили в результате противоправных действий, каковы их характер и тяжесть; г) в чем выразились действия пострадавшего, оказавшего сопротивление правонарушителю, и каковы их последствия; д) находились ли они оба либо хотя бы один из них при исполнении обязанностей военной службы; е) не было ли между пострадавшим и преступником неприязненных отношений, сложившихся на личной почве; ж) не допускал ли пострадавший сам неправомерных действий в отношении военнослужащих; з) сколько лиц пострадало от преступления и сколько было участников противоправных действий; и) кто явился их инициатором и активным исполнителем; к) в чем конкретно выразились неус-

тавные взаимоотношения каждого участника преступления; л) не находились ли правонарушители в состоянии алкогольного или наркотического опьянения; м) не были ли совершены неуставные действия в отношении пострадавшего с применением или угрозой применения огнестрельного оружия или холодного оружия, а равно иных предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений, и т. п.

Достоверность показаний пострадавшего может быть выявлена с помощью их максимальной детализации, выяснения подробностей произошедшего события с последующей их проверкой путем допроса свидетелей-очевидцев, проведения различных судебных экспертиз и других следственных действий. При этом, следует стремиться к получению детальных показаний потерпевшего по всем вопросам на первом его допросе, предоставляя потерпевшему возможность отметить на трафарете человеческого тела места и очередность нанесения ему ударов одним или несколькими лицами. Изготовленная таким образом и удостоверенная подписью потерпевшего схема прилагается к протоколу допроса;

3) в целях установления наличия на предметах обмундирования потерпевшего и военнослужащего, совершившего в отношении его насилие, механических повреждений, следов крови, указывающих на характер насильственных действий, производится их *выемка и осмотр;*

4) *судебно-медицинская экспертиза потерпевшего* назначается безотлагательно в случае причинения ему телесных повреждений для решения вопроса о характере, количестве, локализации, давности, степени тяжести телесных повреждений и способе их причинения, взаимном расположении потерпевшего и правонарушителя во время совершения насилия, дистанции выстрела (в случае использования преступником огнестрельного оружия), степени утраты годности к несению военной службы.

В случае нанесения потерпевшему побоев, причинения ему царапин или ссадин следователь может ограничиться освидетельствованием его с участием врача. В ходе освидетельствования фиксируются характер, количество, локализация и давность причинения имеющихся телесных повреждений;

5) для преодоления возможного противодействия следствию со стороны свидетелей-очевидцев целесообразно допрашивать сначала военнослужащих более позднего срока призыва, негативно настроенных против неуставных взаимоотношений в коллективе;

6) *допрос подозреваемого* следует вести детально, выясняя подробности о его занятиях во время совершения расследуемого преступления, обстоятельствах получения телесных повреждений, лицах, которые могут подтвердить заявленное им алиби.

В случае дачи подозреваемым правдивых показаний в процессе допроса выясняются следующие вопросы: а) когда, в каком месте, в отношении кого, по какому поводу, с какой целью и каким способом нарушены уставные правила взаимоотношений; б) какое оружие или заменяющие его предметы применил или пытался применить при совершении противоправных действий, и где они находятся на момент допроса; в) сколько, в какие места и с какой силой нанес удары; г) какие наступили последствия; д) в каких взаимоотношениях состоял с пострадавшим; е) находился ли кто-либо из них при исполнении обязанностей военной службы; ж) кто еще причастен к преступлению и какова роль каждого в расследуемом событии; з) сколько лиц пострадало от преступления;

и) не совершались ли ранее подобные правонарушения им и (или) другими лицами; к) кто является очевидцем преступления; л) каково отношение к содеянному; м) какие следы преступления остались на его теле, предметах обмундирования и т. п.

В дальнейшем показания подозреваемого проверяются путем допроса свидетелей-очевидцев, на которых ссылается подозреваемый в свое оправдание, проведения судебно-медицинской экспертизы и очных ставок.

В ходе *дальнейшего этапа расследования* выявляются все эпизоды неуставных взаимоотношений и их участники, изучается личность правонарушителей и потерпевших, собираются недостающие доказательства по отдельным эпизодам, решается вопрос о привлечении виновных лиц в качестве обвиняемых и применении к обвиняемым мер пресечения. Одновременно принимаются меры к возмещению причиненного вреда, проводится профилактическая работа.

В целях решения вышеуказанных задач проводятся допросы начальников потерпевшего и правонарушителя, родителей и других родственников потерпевшего и обвиняемого, а также очные ставки, проверка показаний на месте и судебные экспертизы: а) *судебно-медицинская экспертиза* (если не была назначена судебно-медицинская экспертиза потерпевшего на начальном этапе расследования); б) *судебно-медицинская экспертиза вещественных доказательств*; в) *криминалистические экспертизы* (баллистическая, экспертиза веществ и материалов (целого по частям); г) *комплексная медико-криминалистическая экспертиза* (в случае причинения потерпевшему телесных повреждений, сопряженных с повреждением его одежды); д) *судебно-психологическая экспертиза*; е) *судебно-психиатрическая экспертиза*.

По уголовному делу проводится также проверка ВВК годности обвиняемого к прохождению военной службы, устанавливаются затраты на лечение потерпевших в медицинских учреждениях и принимаются соответствующие меры к их возмещению.

Глава 10. Методика расследования хищений продовольствия и вещевого имущества, совершаемых должностными лицами служб тыла воинских частей в районах вооруженного конфликта

Анализ практики расследования хищений продовольствия и вещевого имущества, совершаемых должностными лицами служб тыла воинских частей в районах вооруженного конфликта, показывает, что имеющиеся недостатки в расследовании во многом определяются ошибками, допущенными в самом начале расследования, которых можно было избежать только при принятии правильного ситуационно обусловленного решения по планированию проведения первоначальных следственных и иных действий. Планирование следственных и иных действий на начальном этапе расследования хищений продовольствия и вещевого имущества, совершаемых путем присвоения или растраты, определяется исходной следственной ситуацией, сложившейся на момент возбуждения уголовного дела, а также реализацией главного направления расследования: установление лиц, совершивших хищение продовольствия или вещевого имущества; способов, используемых ими; мест нахождения похищенного продовольствия и вещевого имущества.

Хищения продовольствия и вещевого имущества, совершаемые должностными лицами служб тыла воинских частей в районах вооруженного конфликта, отличаются как большим разнообразием способов создания источников хищения, так и более изощренными способами сокрытия хищения, что значительно затрудняет расследование данного вида преступлений.

На выбор способа совершения хищения продовольствия и вещевого имущества в районах вооруженного конфликта оказывают влияние особенности документооборота, условия боевой обстановки, дислокация воинской части, характер выполняемых боевых задач и другие факторы, которые можно объединить в следующие четыре группы: а) место хищения, штатно-должностная структура воинской части, степень сосредоточения функций получения, хранения, учета и контроля продовольствия и вещевого имущества; б) предмет посягательства; в) должностное положение и полномочия преступника; г) субъективные качества преступника.

Одним из основных детерминирующих факторов выбора способа хищения продовольствия и вещевого имущества в районах вооруженного конфликта являются должностные полномочия преступника, которые, в свою очередь, в значительной степени определяют и источник хищения, а в дальнейшем и способ сокрытия хищения.

Должностные лица служб тыла воинских частей совершают хищения продовольствия и вещевого имущества, которые находятся в их непосредственном ведении (подотчете) либо в отношении которых это лицо обладает властно-распорядительными полномочиями.

Ретроспективный анализ уголовных дел о хищениях продовольствия и вещевого имущества должностными лицами служб тыла воинских частей в районах вооруженного конфликта, несмотря на особенности каждого из преступных деяний, различия условий боевой обстановки, в которых они происходят, а также категорий должностных лиц, принимающих в них участие, позволяет выделить наиболее распространенные способы создания источника хищения, совершения и сокрытия хищений продовольствия и вещевого имущества в районах вооруженного конфликта.

Так, к основным способам создания источников хищения относятся:

1) *полное или частичное не оприходование (не проведение по учету) поступившего продовольствия или вещевого имущества от довольствующего органа.*

При этом, хищение может быть сокрыто следующими способами:

а) накладные на вновь поступившее продовольствие или вещевое имущество в книге учета документов не регистрируются, а уничтожаются либо регистрируются, но количество поступившего продовольствия и вещевого имущества занижается;

б) получение продовольствия или вещевого имущества по подложной накладной, выписанной соучастником в отделе службы тыла военного округа. При этом, сведения о получении продовольствия или вещевого имущества имеются только на выдавшем его складе, так как получатель, зная о заведомой фиктивности данной накладной, по учету ее не проводит, как и его соучастник в отделе службы тыла военного округа;

в) не оформление документально факта сдачи на склад вещевого имущества подразделениями или отдельными военнослужащими, т. е. не проведение накладных по книгам учета (регистрам) или вообще не

выписывание их, что также создает излишек вещевого имущества сверх числящегося по учету на складе;

г) получение продовольствия или вещевого имущества на довольствующем складе по подделанной доверенности;

д) не составление акта о фактическом или ошибочно излишне поступившем продовольствии или вещевом имуществе, которое может поступить как в результате счетной ошибки при отгрузке, так и при неверном указании адресата при пересылке.

Так, например, акт о фактическом метраже должен составляться потому, что в рулоне, как правило, бывает больше мерного материала, чем указано на бирке рулона, так как при изготовлении материала на ткацком станке он натягивается. Чем больше движение по складу мерного материала, особенно шинельного, тем меньше ткань успевает садиться, и тем большие излишки ее создаются на складе;

2) *обмеры, обвешивания и обсчеты при выдаче продовольствия в подразделения или вещевого имущества военнослужащим в личное пользование в результате использования неисправных измерительных приборов и нарушения их регулировок.*

Так, довольно распространенным способом обмана, к которому прибегали в период Великой Отечественной войны (1941—1945) должностные лица для образования излишков продовольствия и вещевого имущества в целях последующего расхищения или ликвидации имеющейся недостачи, была выдача продовольствия и вещевого имущества по нарядам и накладным без взвешивания и пересчета, так как получатели — представители воинских частей в условиях боевой обстановки часто торопились и тщательно не проверяли полноты получения продовольствия и вещевого имущества. Кроме того, в целях образования излишков или сокрытия недостач продовольствия умышленно нарушались правила обращения с тарой (завышение веса тары путем крепления к ней различных утяжелителей, занижение веса тары, использование немаркированной тары, нанесение ложной маркировки и т. п.), использовались неисправные измерительные приборы или применялись самодельные гири (коробки спичек, куски мыла, обоймы патронов). Начальники вещевых складов иногда использовали при отпуске мерной ткани «укороченный» метр или «натягивали» мерную ткань, что давало им экономию в несколько сантиметров на каждый метр выданной мерной ткани[121];

3) *умышленное использование некоторых физико-химических свойств отдельных видов продовольствия в целях увеличения их веса.*

Так, например, широкое распространение получили факты выдачи на довольствие личного состава сахара, муки, круп с увеличенной влажностью, сильно замороженного мяса, растаявшего сливочного масла, хранившегося в холодной воде, и т. п.;

4) *незаконное списание продовольствия и вещевого имущества с учета служб тыла (склада) воинских частей.*

При этом, хищение может быть скрыто следующими способами:

а) составление подложных документов о гибели крупных партий продовольствия или вещевого имущества в связи с боевыми действиями

---

[121] *Розенблит Р.С.* Расследование дел о хищении и разбазаривании военного имущества должностными лицами. С. 13—14.

(при налете авиации, от артобстрела, захвата противником) и списание его за счет боевых потерь, путем получения инспекторских свидетельств;

б) составление подложных коммерческих актов на «недостачу» продовольствия или вещевого имущества, поступившего по железнодорожному или водному транспорту;

в) составление подложных накладных (сводных ведомостей) о том, что указанное в них вещевое имущество якобы получено подразделениями или военнослужащими в личное пользование, и внесение данных об этом в карточки учета личного вещевого имущества;

г) составление подложных актов или накладных о передаче продовольствия или вещевого имущества на довольствующий окружной склад либо в другую воинскую часть. Как правило, это делается путем проведения по учету подложного бестоварного документа (накладной, акта, доверенности на получение продовольствия или вещевого имущества);

д) составление подложных актов о списании продовольствия или вещевого имущества внутрипроверочными комиссиями и утилизации списанного вещевого имущества.

Во время Великой Отечественной войны были распространены случаи списания нового вещевого имущества. Пользуясь тем, что отдельные партии нового вещевого имущества пролежали без движения на складе табельные сроки эксплуатации, преступники составляли подложные акты о том, что выслужившее свой срок вещевое имущество пришло в негодность, и списывали его. Затем они заменяли хранившееся на складе новое вещевое имущество на старое и утилизировали его[122];

е) регистрация в книге учета документов подложных приказов об удержании денежных сумм с военнослужащих за утерю выданного им в пользование вещевого имущества и актов о списании его на этом основании с учета службы тыла воинской части;

ж) подделка в карточке учета выдачи вещевого имущества в личное пользование сроков эксплуатации и времени выдачи вещевого имущества;

з) списание вещевого имущества, но не с последующей его утилизацией, а с выдачей по предназначению для замены вещевого имущества более высокой категории;

и) бестоварная выдача и получение, а затем и списание как выслужившего установленные сроки вещевого имущества определенного вида;

к) занижение количественных остатков продовольствия или вещевого имущества определенного вида при переносе учетных данных в новый регистр или иной учетный документ;

л) внесение в сводные ведомости на выдачу вещевого имущества в личное пользование вымышленных лиц («мертвых душ») либо погибших военнослужащих, якобы получивших указанное в ведомости вещевое имущество, которое на этом основании списывается с учета службы тыла (склада) воинской части;

м) подложные записи в книге временной выдачи о получении вещевого имущества на срок до одного месяца в пользование подразделения или отдельных военнослужащих. Этим способом можно не только временно скрывать недостачу на складе отдельных видов вещевого имущества, но и, если постоянно, периодически отмечать выдачу в пользование какого-либо одного предмета или группы однородного вещевого имуще-

[122] *Розенблит Р.С.* Расследование дел о хищении и разбазаривании военного имущества должностными лицами. С. 20.

ства, снизить его категорийность в связи с износом, а следовательно, в последующем и списать с учета как выслужившее установленные сроки эксплуатации;

н) искусственное создание «излишков» продовольствия или вещевого имущества при помощи членов инвентаризационной комиссии, путем неправильного подсчета продовольствия или вещевого имущества при проведении инвентаризации;

5) *списание более дорогостоящего вещевого имущества, с дальнейшей заменой вещевым имуществом того же вида, но меньшей стоимости или более низкой категории.*

Данный способ наиболее часто применяется для создания условий хищения инвентарного вещевого имущества (меховых изделий), а также хищения мерного материала, когда ткань одного артикула подменяется другой тканью более низкой стоимости. Помимо складов служб тыла воинских частей, данный способ применялся и на окружных складах, куда сдается выслужившее свой срок инвентарное вещевое имущество, не подлежащее списанию.

Указанный способ хищения имеет две разновидности:

а) для сокрытия хищения инвентарного вещевого имущества в финансовую часть вносятся определенная денежная сумма за выданные в личное пользование и якобы утерянные меховые изделия 4-й или 5-й категории, которым фактически подменяют имущество того же вида, но более высокой категории;

б) при выдаче вещевого имущества в подразделения имущество первой категории подменяется имуществом, бывшим в употреблении. Как правило, замена производится под надуманным предлогом, что позволяет преступнику создать излишек нового вещевого имущества, а следовательно, получить лучшие возможности по сбыту похищенного[123];

6) *внесение в учетные документы количественных изменений, путем использования дописок, подчисток, травления и т. п., в сторону уменьшения количества полученного продовольствия или, наоборот, завышения количества выданного продовольствия при списании или передаче в другую воинскую часть.*

Данный способ применяется относительно часто и может быть сокрыт следующими способами: а) подделкой чековых требований путем раздельного заполнения их бланков и талонов; б) использованием похищенных, найденных и неучтенных чековых требований; в) неоприходованием образовавшихся в воинской части излишков продовольствия (хлеба, суточных пайков, чая, соли); г) занижением норм выдачи продуктов в столовую или полевую кухню (недовложения в суточный паек, неполная выдача); д) фиктивным списанием с учета склада продовольствия на котловое довольствие, в том числе на выбывших военнослужащих (погибших или раненых, находящихся в госпиталях); е) завышением количества сутодач при составлении отчетов по наличию и движению продовольствия; ж) фиктивной передачей продовольствия в другую воинскую часть; з) уничтожением или запутыванием учетных документов; и) заменой одного вида продовольствия другим; к) изготовлением подложных документов на списание продовольствия в счет факти-

[123] *Щукин В.Н.* Методика расследования хищений вещевого имущества, совершаемых путем присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1986. С. 44—45.

чески не имевшей место естественной убыли или порчи; л) фальсификацией количества продовольствия за счет увеличения его веса путем повышения влажности сахара, муки, круп и т. п.

Во время Великой Отечественной войны была распространенной практика, когда командиры подразделений в целях образования излишка продовольствия и создания не оприходованных фондов продовольствия подавали после боя в штаб воинской части «завышенные» строевые записки, из которых не исключали убитых, раненых и уже убывших в госпиталь военнослужащих. Таким же образом за счет «текучести» раненых и больных расхищалось продовольствие в медико-санитарных батальонах (МСБ) дивизий, пунктах первой медпомощи (ППМ) полков и эвакогоспиталях[124];

7) *обмен между должностными лицами служб тыла различных воинских частей продовольствием или вещевым имуществом разных видов.*

В результате такого обмена на складе могут образоваться излишки продовольствия или вещевого имущества одного вида, наиболее дефицитного, по мнению должностного лица службы тыла, и недостача продовольствия или вещевого имущества другого вида (пересортица).

Во время Великой Отечественной войны в следственной практике военных прокуратур нередко встречались случаи, когда хищение продовольствия или вещевого имущества производилось в соучастии с должностными лицами, служившими в различных воинских частях, в том числе и различных родов и видов Вооруженных Сил. Преступники по договоренности производили хищение продовольствия или вещевого имущества каждый в своей воинской части, но когда одному из них становилось известно о предстоящей документальной ревизии, он немедленно предупреждал своих сообщников, которые снабжали его либо недостающим продовольствием или вещевым имуществом, которое преступник завозил на свой склад и предъявлял ревизорам, либо подложными учетными документами, оправдывающими недостачу продовольствия или вещевого имущества на складе. По окончании ревизии преступник возвращал полученное продовольствие или вещевое имущество своим сообщникам и, в свою очередь, выручал последних, когда у них проводилась документальная ревизия. В период проведения наступательных операций этот способ сокрытия хищений облегчался еще и тем, что многие воинские части не располагали необходимыми складскими помещениями и в связи с быстрым продвижением войск были вынуждены хранить продовольствие и вещевое имущество в различных населенных пунктах[125];

8) *неправильное оформление вещевых (продовольственных) аттестатов и чековых требований.*

Для совершения хищения вещевого имущества во второй экземпляр вещевого аттестата, который остается в данной воинской части, заполняющийся под копирку, вносятся фиктивные сведения о полученном перед убытием военнослужащего вещевом имуществе, или искажаются сроки выдачи вещевого имущества в целях более раннего получения нового вещевого имущества, или в продаттестате указываются более

---

[124] *Розенблит Р.С.* Расследование дел о хищении и разбазаривании военного имущества должностными лицами. С. 15—16.

[125] Там же. С. 24—25.

поздние сроки снятия с котлового довольствия данного военнослужащего.

В период Великой Отечественной войны были распространены случаи получения продовольствия по чековым требованиям военнослужащими, не состоявшими на учете в данной воинской части. Так, некоторые должностные лица служб тыла воинских частей не сдавали в довольствующие органы неиспользованные книжки чековых требований, оставшиеся после расформирования воинской части, и в дальнейшем на новом месте службы использовали сохранившиеся у них чековые требования для незаконного получения продовольствия. Кроме того, известны случаи, когда продаттестаты для убывающих военнослужащих выписывались без указания срока, на который убывшие военнослужащие были удовлетворены котловым довольствием при воинской части, либо в продаттестате, выдаваемом убывающему военнослужащему на руки, записывался действительный срок, по который он был удовлетворен котловым довольствием в воинской части, а в корешке продаттестата, остающемся в воинской части, указывался другой, увеличенный, срок удовлетворения убывшего военнослужащего котловым довольствием[126];

9) *получение продовольствия или вещевого имущества по подложным документам, которые впоследствии уничтожаются;*

10) *оформление фиктивных бухгалтерских проводок в учетных документах.*

Кроме вышеперечисленных способов создания источников хищения продовольствия и вещевого имущества, в районах вооруженного конфликта широкое распространение получил и такой способ «открытого» совершения хищения, как *изъятие подотчетного продовольствия и вещевого имущества без последующего документального сокрытия хищения,* когда преступник похищает вверенное ему продовольствие или вещевое имущество, не внося каких-либо изменений в учетную документацию в целях сокрытия хищения.

Во время Великой Отечественной войны данный способ хищений довольно часто применялся в отношении трофейного военного имущества, когда оно уже было оприходовано, но еще не было взято под охрану. Этим же способом хищений преступники пользуются в период отмобилизования и развертывания воинских частей до штатов военного времени, когда охрана и учет военного имущества еще в достаточной степени не налажены.

Так, например, в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) во время ввода в декабре 1994 г. группировки федеральных сил на территорию Северо-Кавказского региона пришлось в срочном порядке развернуть перевалочную базу для приема военного имущества из окружных складов, не имея для этого ни складских помещений, ни должной охраны и сигнализации, ни необходимого количества работников служб тыла для его учета и хранения.

Иногда в целях создания условий для хищений военного имущества с использованием указанного способа умышленно запутываются учет и отчетность (например, отсутствие предметных описей имущества, входящих в каждый комплект военного имущества, давало возможность преступникам похищать из комплектов отдельные предметы).

---

[126] *Розенблит Р.С.* Расследование дел о хищении и разбазаривании военного имущества должностными лицами. С. 21.

В ходе ретроспективного изучения следственной практики военных следственных органов в районах вооруженного конфликта были выявлены следующие способы недокументального сокрытия данного способа хищения: а) поджог склада; б) инсценировка хищения продовольствия или вещевого имущества из склада посторонними лицами; в) создание таких условий хранения продовольствия или вещевого имущества, которые провоцируют состав караула на совершение кражи, чтобы впоследствии использовать факт кражи для списания всей недостачи продовольствия или вещевого имущества, образовавшейся на момент кражи; г) уничтожение всех отчетных документов службы тыла воинской части; д) заполнение пустот в упаковочной таре, образовавшихся в результате хищения продовольствия или вещевого имущества, песком, камнем, кирпичами, опилками, водой и т. п. в целях введения проверяющих в заблуждение при подсчете продовольствия или вещевого имущества и сокрытия их заметного уменьшения в различных упаковках; е) укладка остающегося на складе вещевого имущества в пачки «гармошкой», т. е. постельное белье и обмундирование укладываются в пачки таким образом, чтобы при их подсчете в неразвязанных пачках один предмет вещевого имущества подсчитывался за 2—3 предмета.

В результате ретроспективного анализа уголовных дел о хищениях продовольствия и вещевого имущества в районах вооруженного конфликта нами выделены следующие три основные типичные исходные следственные ситуации, складывающиеся на начальном этапе расследования[127].

Первая следственная ситуация характеризуется тем, что уголовное дело возбуждается после проведения документальной ревизии, установившей недостачу продовольствия или вещевого имущества либо их существенные излишки.

При этом, по результатам документальной ревизии возбуждалось только 20 % уголовных дел в период активной фазы и 80 % уголовных дел в период пассивной фазы вооруженного конфликта, так как возможности проведения документальной ревизии ограничены условиями боевой обстановки. Характерным для данной следственной ситуации является то, что существующий учет продовольствия и вещевого имущества позволяет в ходе документальной ревизии установить, какого именно и сколько продовольствия или вещевого имущества недостает, какова общая сумма недостачи, а также то, что принятие решения о возбуждении уголовного дела не является неожиданным для должностных лиц служб тыла воинских частей.

Однако объем первичной информации, содержащейся в материалах документальной ревизии, может быть различным, в зависимости от полноты установления документальной ревизией причин образования недостачи, способов хищения и лиц, виновных в этом. Поэтому первая

---

[127] См.: *Коваль А.В.* Расследование хищений продовольствия и вещевого имущества, совершаемых должностными лицами служб тыла воинских частей ВС РФ в районах вооруженного конфликта: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006; *Маликов С.В.* Способы совершения и сокрытия хищений продовольствия и вещевого имущества, совершаемых должностными лицами служб тыла воинских частей в районах вооруженного конфликта // Право в Вооруженных Силах. 2006. № 4; *Он же.* Методика расследования хищений продовольствия и вещевого имущества, совершаемых должностными лицами служб тыла воинских частей в районах вооруженного конфликта // Там же. 2007. № 4.

типичная исходная следственная ситуация, складывающаяся на начальном этапе расследования, может иметь следующие подвиды:

а) выявлены способы хищения продовольствия и вещевого имущества и известны лица, совершившие преступление. Такая следственная ситуация, как правило, складывается в тех случаях, когда способ хищения может быть установлен и доказан в результате изучения и анализа документов по учету продовольствия и вещевого имущества;

б) выявлены один из способов хищения продовольствия или вещевого имущества определенного вида и виновное лицо, но общая сумма причиненного ущерба, установленная документальной ревизией, больше, чем сумма, складывающаяся в результате подсчета ущерба, причиненного использованием виновным должностным лицом выявленного способа хищения. В такой следственной ситуации установление истины по делу осложняется необходимостью установления причин образования разности между этими двумя суммами, т. е. выявления других способов хищения либо иных причин образования недостачи;

в) документальная ревизия не выявила в исследованных учетных документах признаков какого-либо способа хищения продовольствия или вещевого имущества, но в ходе ее проведения должностное лицо призналось в том, что присвоило (растратило) какое-то количество продовольствия или вещевого имущества. При этом, как правило, признаваемая сумма хищения меньше суммы установленной недостачи;

г) в ходе документальной ревизии не удалось выявить ни способов хищения продовольствия или вещевого имущества, ни лиц, виновных в его хищении.

Вторая следственная ситуация не связана с проведением документальной ревизии и определяется тем, что уголовное дело возбуждено после поступления в военные следственные органы сведений о совершенном хищении от органов внутренних дел, органов территориальной прокуратуры или органов безопасности в войсках в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, задержания расхитителей с похищенным продовольствием или вещевым имуществом или заявлений граждан, в которых сообщается о совершении хищения конкретным должностным лицом службы тыла воинской части.

Несмотря на большие различия в характере поступающих в органы военной прокуратуры сигналов о хищении продовольствия или вещевого имущества должностными лицами, можно выделить три подвида второй исходной типичной следственной ситуации на начальном этапе расследования:

а) имеется подтверждаемая фактами информация о совершенном конкретным должностным лицом службы тыла воинской части хищении определенного вида (видов) продовольствия или вещевого имущества в определенный день или период;

б) задержано с поличным должностное лицо службы тыла воинской части при попытке совершения хищения продовольствия и вещевого имущества или его сбыта;

в) имеется информация о фактах сбыта в определенном месте конкретным должностным лицом службы тыла воинской части продовольствия или вещевого имущества.

Третья исходная типичная следственная ситуация (проверочная) характеризуется тем, что следователь хотя и имеет данные о хищении продовольствия или вещевого имущества в какой-то воинской части, но,

как правило, их недостаточно для принятия решения о возбуждении уголовного дела. При этом, источниками информации, помимо тех, что были названы во второй следственной ситуации, могут быть сообщения средств массовой информации (СМИ) о недостатках в работе службы тыла конкретной воинской части или обнаруженные в ходе прокурорской проверки материалы, содержащие сведения о недостачах продовольствия и вещевого имущества.

Основанием для выделения указанной следственной ситуации является иное содержание полученной информации. В данном случае это сведения, которые дают достаточные основания полагать, что в конкретной воинской части совершается хищение или совершено хищение продовольствия и вещевого имущества, однако на данном этапе следствие еще не располагает документальными и свидетельскими подтверждениями о совершении хищения конкретным должностным лицом, а в отдельных случаях — сведениями о конкретной службе тыла воинской части, в которой совершается хищение, а также данными о недостаче продовольствия и вещевого имущества. Отсутствие такой информации и является определяющим фактором при принятии следователем решения по делу.

Классификация исходных типичных следственных ситуаций позволяет выделить на начальном этапе расследования различные факторы, влияющие на последовательность проведения следственных действий и планирование расследования в целом. Знание особенностей этих следственных ситуаций в совокупности с данными криминалистической характеристики преступления позволяет разработать систему типичных версий, которые позволяют в различных следственных ситуациях, особенно на начальном этапе расследования, в условиях дефицита информации, принимать по делу правильные решения как при планировании конкретных следственных действий, так и при планировании расследования в целом.

Прежде всего, это типичные общие версии о причинах образования недостачи продовольствия и вещевого имущества: а) совершено хищение продовольствия или вещевого имущества должностными лицами служб тыла (ст. 160 УК РФ); б) недостача образовалась в результате халатного отношения должностных лиц служб тыла к своим обязанностям (ст. 293 УК РФ); в) недостача образовалась в результате злоупотребления должностных лиц служб тыла своими служебными полномочиями, без признаков хищения (ст. 285 УК РФ); г) недостача возникла в результате неправильного подсчета, арифметической или бухгалтерской ошибки в учетных документах; д) недостача возникла в результате уничтожения продовольствия или вещевого имущества в ходе боевых действий; порчи имущества, без признаков халатности, или по иным причинам, не связанным с совершением преступления.

Кроме того, возможно выведение типичных версий о способе хищения в зависимости от личности преступника, типичных версий о местах сбыта различных видов похищенного продовольствия и вещевого имущества с учетом зависимости между видом похищенного и местом его сбыта, типичных версий о местах, где может быть обнаружено похищенное. В ходе расследования уголовных дел данной категории очень важно как можно раньше проверить версию о возможном совершении преступления преступной группой.

В результате изучения следственной практики военных следственных органов в районах вооруженного конфликта установлено, что в ходе расследования причин образования недостач продовольствия и вещевого имущества нередко выявлялись и другие преступления: а) кражи имущества, совершенные из складов служб тыла; б) халатное отношение к исполнению своих служебных обязанностей, причинившее существенный вред; в) служебный подлог; г) дача взятки.

В *первой исходной типичной следственной ситуации*, когда уголовное дело возбуждается после проведения документальной ревизии, установившей недостачу продовольствия или вещевого имущества либо их существенные излишки, наиболее оптимален следующий порядок проведения первоначальных следственных и иных действий в районах вооруженного конфликта: а) изучение акта документальной ревизии и документов, подтверждающих недостачу; б) допрос ревизора; в) ознакомление с деятельностью и штатом воинской части, где совершено хищение, и системой учета; г) допрос свидетелей, указанных в акте документальной ревизии; д) выемка документов и их осмотр; е) осмотр помещений, где хранилось продовольствие и вещевое имущество; ж) допрос должностных лиц службы тыла воинской части, у которых обнаружена недостача; з) истребование и изучение документов, характеризующих лиц, подозреваемых в хищениях; и) собирание сведений об образе жизни подозреваемых, а также об их истинном материальном положении; к) привлечение армейской общественности к выявлению хищений и обнаружению вещественных доказательств; л) обыски у должностных лиц, подозреваемых в хищении; м) проведение обысков и выемок в возможных местах сокрытия или сбыта похищенного; н) наложение ареста на имущество подозреваемых лиц; о) допросы лиц, которые могут сообщить сведения, имеющие отношение к расследуемому преступлению; п) инвентаризация имущества подразделений воинской части и допросы материально ответственных лиц подразделений; р) назначение и проведение судебных экспертиз: товароведческой, почерковедческой, судебно-бухгалтерской и технико-криминалистической экспертизы документов.

Во *второй исходной типичной следственной ситуации*, когда о совершенном преступлении следователю стало известно из материалов, поступивших от органов внутренних дел, территориальной прокуратуры, органов безопасности в войсках или из заявлений граждан, как правило, характерным является то обстоятельство, что преступники не знают о том, что следственные органы располагают информацией о совершенном преступлении.

В таких случаях существенное значение имеют внезапность и одновременность проведения первоначальных следственных и иных действий в целях обнаружения похищенного продовольствия и вещевого имущества; подготовленных к хищению излишков; различных черновых записей, относящихся к преступным сделкам; учетных документов, которые преступники изъяли, но не успели уничтожить, или остатков частично уничтоженных документов.

Для осуществления намеченных целей необходимо внезапно и по возможности одновременно провести следующие следственные и иные действия: а) задержание с поличным должностных лиц службы тыла воинской части с похищенным продовольствием или вещевым имуществом при его транспортировке для реализации; б) осмотр транспорта,

на котором перевозилось похищенное; в) личные обыски задержанных лиц; г) осмотры служебных помещений, куда имели доступ подозреваемые; д) осмотр и опечатывание складов, где хранится продовольствие и вещевое имущество; е) назначение документальной ревизии; ж) выемка и осмотр учетной документации; з) ознакомление с деятельностью и штатом воинской части, где совершено хищение, и системой учета; и) инвентаризация складов службы тыла; к) допросы лиц, заподозренных в хищениях; л) допросы свидетелей, связанных с перевозкой и сбытом похищенного; м) допросы других должностных лиц воинской части; н) наложение ареста на имущество подозреваемых лиц; о) привлечение армейской общественности к выявлению хищений и обнаружению вещественных доказательств; п) изучение акта документальной ревизии и допрос ревизора; р) назначение и проведение судебных экспертиз: товароведческой, почерковедческой, судебно-бухгалтерской и технико-криминалистической экспертизы документов.

В *третьей исходной типичной следственной ситуации*, выделенной как проверочная, следователь хотя и имеет данные о хищении продовольствия или вещевого имущества в какой-то воинской части, но, как правило, их недостаточно для принятия решения о возбуждении уголовного дела. В связи с этим обстоятельством могут быть проведены административное расследование или прокурорская проверка в целях получения данных, подтверждающих наличие признаков хищения, а также иных обстоятельств, имеющих значение для обоснованного решения вопроса о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела.

Если уголовное дело возбуждено по материалам административного расследования или прокурорской проверки, то может быть назначена комплексная документальная ревизия финансово-хозяйственной деятельности воинской части или отдельных должностных лиц службы тыла за определенный период. Дальнейшее планирование первоначальных следственных действий, а также последовательность их проведения существенно не отличаются от варианта действий в первой следственной ситуации.

Представляется, что проведение всего перечня вышеизложенных следственных и иных действий позволит исключить недостатки на начальном этапе расследовании хищений продовольствия и вещевого имущества, совершаемых должностными лицами служб тыла воинских частей в районах вооруженного конфликта.

Дальнейший этап расследования наступает тогда, когда все запланированные следственные версии в определенной мере проверены и все подозреваемые выявлены. Теперь, образно говоря, следствие направляется не вширь, как на начальном этапе, т. е. охватывая наибольшее число источников информации, чтобы не упустить время и не позволить преступнику принять меры для уничтожения или маскировки следов преступления, а как бы вглубь, т. е. на первый план выдвигаются конкретные лица и эпизоды хищения. Поэтому на дальнейшем этапе расследования продолжается проведение допросов свидетелей как из числа лиц, которые уже были допрошены, так и из числа вновь установленных лиц. Цель таких допросов — установление и доказывание всех эпизодов хищения, а также установление всех соучастников хищения. Однако если на начальном этапе расследования в районах вооруженного конфликта в условиях острого дефицита времени первый допрос должностного лица, обладающего важной для обеспечения успеха неотлож-

ных следственных действий информацией, может быть произведен скоротечно по временно сокращенной программе, то на этапе дальнейшего расследования, после того как обстановка стабилизируется, источник переданной информации может быть еще несколько раз, но уже более обстоятельно, повторно передопрошен по полному кругу известных ему сведений.

Так же как и в начальный период, следователь в ходе дальнейшего этапа расследования изучает учетные документы, изымает те из них, которые еще не были им приобщены к делу. Более того, многие моменты, которые ранее не привлекали внимание следователя при осмотре документов, теперь заставляют его по-иному оценивать их, формулировать новые версии, детальнее допрашивать свидетелей.

Во время дальнейшего этапа расследования иногда возникает необходимость в проведении повторных обысков у обвиняемых (подозреваемых), особенно когда первоначально проведенный у них обыск не дал положительных результатов.

На дальнейшем этапе расследования особенно высок удельный вес очных ставок, так как на этом этапе расследования следователю необходимо полностью устранить все противоречия в показаниях ранее допрошенных лиц по одному и тому же вопросу в целях установления истины по спорным обстоятельствам дела.

Результативность допросов и очных ставок значительно возрастет, если в ходе них будут предъявляться доказательства, добытые в результате проведения по делу судебных экспертиз.

Таким образом, на дальнейшем этапе расследования хищений продовольствия и вещевого имущества, совершаемых должностными лицами служб тыла воинских частей в районах вооруженного конфликта, необходимо на основе анализа проделанной работы спланировать проведение таких следственных и иных действий, которые позволят выявить и доказать преступную деятельность виновных должностных лиц служб тыла воинских частей. При этом, особое значение приобретает использование специальных знаний в различных областях науки для получения новых доказательств по делу.

Глава 11. Криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта

Воздействие на преступность в Вооруженных Силах Российской Федерации, будучи составной частью единого процесса противостояния преступности, обладает определенной спецификой, так как условия жизни и боевой деятельности Вооруженных Сил в значительной мере накладывают отпечаток на преступность военнослужащих, которая отличается от общей преступности: а) по содержанию и по форме (структуре); б) по степени интенсивности (состоянию); в) по носителям (особенности личности преступника); г) по характеру возможных отрицательных последствий, так как особенность общественной опасности состоит в том, что добавляется новый элемент — вред боеготовности и боеспособности.

При этом, воздействие на преступность в Вооруженных Силах Российской Федерации должно носить системный характер и заключаться в следующем:

1) сфера запретов расширяется, увеличивается объем обеспечения запретов, неудачи при воздействии на преступность военнослужащих имеют особенно тяжкие последствия, поэтому их предотвращению следует уделять особое внимание;

2) в Вооруженных Силах задача избавления от преступности определяется целями укрепления боеготовности войск; хотя ущерб боеготовности наносят все преступления военнослужащих, мера ущерба различна. Поэтому воздействие на данные виды преступности должно быть приоритетным;

3) при ведении боевых действий в районах вооруженного конфликта особую значимость приобретают быстрые и жесткие меры воздействия на преступность. Для обеспечения целей воздействия на преступность военнослужащих вполне допустимо расширение арсенала предупредительных мер;

4) повышается роль армейской и флотской общественности как субъекта воздействия на преступность, а также анализа поведения военнослужащих в целях выявления предпреступных действий и осуществления в качестве мер реагирования на это ранней профилактики и пресечения преступлений;

5) в условиях боевых действий воздействие на преступность должно носить упреждающий характер — воздействовать до начала боевых действий либо вне районов вооруженного конфликта. Это упреждающее воздействие должно быть более активным и умеренно жестким, а также должно быть двунаправленным: на текущий момент и на перспективу боевых действий;

6) воздействие на преступность в Вооруженных Силах должно иметь направленность в гражданское общество, т. е. после специфической армейской обработки необходимо в отдельных случаях принимать компенсирующие меры перед увольнением военнослужащих в запас, при этом реабилитационные меры должны носить особый характер, если военнослужащий участвовал в боевых действиях;

7) в условиях Вооруженных Сил больше возможностей для виктимологической профилактики, поэтому она должна иметь большой удельный вес в системе предупредительных мер.

Что касается преступности военнослужащих в районах вооруженного конфликта, то она имеет общие закономерности развития, которые заключаются в следующем: а) значительное число совершаемых преступлений и неуклонный рост уровня преступности военнослужащих; б) зависимость уровня преступности военнослужащих от интенсивности боевых действий; в) реагирование воинской преступности на военные успехи или неудачи; г) появление и резкий рост преступлений против военной службы и государственных преступлений трусливо-малодушной мотивации; д) заметный рост совершения тяжких насильственных преступлений и увеличение количества неосторожных преступлений; е) значительное увеличение количества корыстных преступлений и преступлений, совершаемых в отношении гражданского населения; ж) значительное число преступлений, прямо или косвенно связанных с наличием у военнослужащих оружия, и преступлений, совершаемых виновными лицами в состоянии алкогольного или наркотического

опьянения; з) высокий уровень искусственно-латентной преступности военнослужащих; и) усиление прямого противодействия деятельности органов военной прокуратуры; к) высокий уровень судимости лиц начальствующего состава за преступления, совершенные в районах вооруженного конфликта.

Среди мер предупреждения преступлений военнослужащих, которые могут реализовать следователи военных следственных органов в районах вооруженного конфликта, можно выделить следующие комплексы процессуальных и непроцессуальных мер предупреждения преступлений:

1) процессуальные меры предупреждения преступлений:

а) выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, внесение представления об их устранении;

б) задержание подозреваемого, избрание меры пресечения с тем, чтобы воспрепятствовать совершению военнослужащим новых преступлений;

в) возбуждение уголовных дел, если деяния, оказавшиеся причинами преступного поведения, сами содержат признаки преступления;

2) непроцессуальные меры предупреждения преступлений:

а) соблюдение принципа законности в процессе расследования, беспристрастность и справедливость в принятии решений по уголовному делу;

б) участие в работе по правовому воспитанию военнослужащих, проведение консультаций военнослужащих и органов военного управления, оказание виктимологической помощи;

3) меры предупреждения преступлений военнослужащих, которые можно реализовать только криминалистическими методами:

а) оперативное проведение всесторонних и объективных проверок по сигналам о преступлениях;

б) быстрое и качественное проведение расследований по уголовным делам, так как именно быстрота предварительного расследования должна обеспечивать высокое качество следствия и дознания в районах вооруженного конфликта, а сокращение времени между совершением преступления и вынесением приговора в конечном итоге способствует предупреждению преступлений военнослужащих в районах вооруженного конфликта.

При этом, в криминалистической науке в общую систему предупредительных мер по искоренению преступности в районах вооруженного конфликта включаются чисто криминалистические (технические и тактические) меры предупреждения отдельных видов преступлений, разработкой которых криминология не занимается и которые направлены на быстрое и качественное расследование преступлений в районах вооруженного конфликта.

Что касается системы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, то она представляет собой комплексную, целостную теоретическую систему, объединяющую совокупность идей и теоретических положений о закономерностях использования криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствующих совершению и сокрытию преступлений, и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах, приемах и методах криминалистики, затрудняющих совершение и сокрытие преступлений, способствующих образованию следов преступления и преступника и направ-

ленных на предупреждение готовящихся и пресечение начавшихся преступлений путем сокращения времени между совершением преступления и вынесением приговора за счет быстроты предварительного расследования и высокого качества следствия и дознания в районах вооруженного конфликта[128].

В систему криминалистического обеспечения предупреждения преступлений включаются: во-первых, проблемы общетеоретического характера, касающиеся понятия и содержания предмета криминалистического обеспечения; во-вторых, проблемы методологического характера, к которым относятся правовые и организационные аспекты криминалистического обеспечения предупреждения преступлений в районах вооруженного конфликта; в-третьих, проблемы, связанные с разработкой криминалистических средств, приемов и методов, направленных на быстрое и качественное выявление криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствовавших совершению и сокрытию преступлений, и устранение указанных обстоятельств.

В структуру теоретической системы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, входят следующие элементы:

1) общая криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта;

2) технико-криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта;

3) особенности тактики проведения профилактических мероприятий в рамках производства отдельных следственных действий в районах вооруженного конфликта;

4) характеристика типичных групп следственных ситуаций предупредительного характера, складывающихся при расследовании преступлений в районах вооруженного конфликта в зависимости от вида боевых (военных) действий и условий конкретной боевой обстановки, и выработка на их основе главных направлений криминалистической деятельности по предупреждению преступлений.

Задачами организации деятельности по предупреждению, выявлению и расследованию преступлений в районах вооруженного конфликта являются: обеспечение согласованности, упорядоченности и целенаправленности действий органов и должностных лиц при решении стоящих перед ними задач; обеспечение быстрого и полного обнаружения и раскрытия преступления с наименьшими затратами времени, сил и средств.

Организацию криминалистического обеспечения деятельности военных следственных органов по предупреждению преступлений в районах вооруженного конфликта можно представить следующим образом:

1) выявить, изучить и адекватно оценить сложившуюся следственную ситуацию профилактического характера;

2) определить направления предстоящей предупредительной работы применительно к конкретной следственной ситуации и выдвинуть необходимые версии;

---

[128] *Баракшин А.А.* Криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

3) исходя из цели деятельности, результатов анализа следственной ситуации и изучения версий, сформулировать задачи, подлежащие решению;

4) составить план предстоящей работы по проверке выдвинутых версий и решения иных задач предупреждения преступлений, предусмотрев в нем, с чего ее начать, как продолжить, какие действия, мероприятия и в какие сроки необходимо выполнить;

5) определить и реализовать меры, обеспечивающие успех намеченной работы по криминалистическому обеспечению предупреждения преступлений (изучение нормативных и криминалистических источников, приглашение специалистов-криминалистов, обеспечение проводимых предупредительных мероприятий необходимыми технико-криминалистическими средствами и транспортом и т. д.).

После выполнения указанных выше действий начинается этап реализации разработанной программы, дается оценка хода и качества работы по предупреждению преступлений, достигнутых результатов, изменившейся следственной ситуации профилактического характера, определяются новые задачи, вносятся коррективы в план работы и ее кадровое, техническое и иное обеспечение и реализуется уточненная программа очередного этапа деятельности. Эти циклы периодически возобновляются вплоть до полного достижения целей криминалистического обеспечения предупреждения преступлений.

Стабилизация организации криминалистического обеспечения предупреждения преступлений в районах вооруженного конфликта достигается путем сокращения сроков расследования преступлений, что позволяет поддерживать нормальное функционирование системы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений по заданной программе и ее упорядочение субъектом познания в случае возникновения дезорганизующих элементов в результате действия деструктивных факторов вооруженного конфликта.

Криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений в сфере уголовно-процессуальной деятельности, так же как и криминалистическое обеспечение деятельности правоохранительных органов вообще, соотносится со структурой криминалистической науки и состоит из технико-криминалистического, тактико-криминалистического и методико-криминалистического обеспечения предупреждения преступлений.

Под технико-криминалистическим обеспечением предупреждения преступлений в районах вооруженного конфликта понимается система теоретических положений и практических рекомендаций криминалистики, направленных на разработку и внедрение в следственную практику органов военной прокуратуры технико-криминалистических средств, приемов и методов сбора и использования для предупреждения и пресечения преступлений криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствующих их совершению и сокрытию, а также о совершаемых и готовящихся преступлениях в районах вооруженного конфликта.

Технико-криминалистические средства используются для предупреждения преступлений в районах вооруженного конфликта по следующим направлениям:

1) выявление криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствовавших совершению и сокрытию преступлений, а

также о совершаемых или подготовляемых преступлениях в районах вооруженного конфликта;

2) разработка мер, которые должны затруднять или же полностью исключать возможность совершения преступления;

3) своевременное пресечение технико-криминалистическими средствами начавшихся преступных действий и создание условий, обеспечивающих быстрое обнаружение виновных, совершающих эти преступные действия в районах вооруженного конфликта.

Применение технико-криминалистических средств способствует быстрому раскрытию преступлений, что имеет большое общепредупредительное значение, так как обеспечивает пресечение противоправных действий военнослужащих.

Кроме того, своевременное и полное раскрытие и расследование преступлений само по себе имеет предупредительное значение, так как пример разоблачения преступников убеждает в неотвратимости наказания и может удержать военнослужащих от совершения преступлений.

Базой разработки криминалистических приемов и методов предупреждения преступлений являются криминалистическая тактика и методика, которые определяют рамки предупредительной работы по расследуемым уголовным делам с учетом их криминалистических особенностей и складывающихся следственных ситуаций профилактического характера.

Роль тактико-криминалистического обеспечения предупреждения преступлений состоит: а) в установлении обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, и принятии своевременных мер по их локализации, устранению или пресечению одновременно с возбуждением уголовного дела; б) в выборе тактических приемов установления обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, в процессе проверки криминалистических версий; в) в использовании положений криминалистической идентификации отождествления искомых объектов по их индивидуализирующим признакам; г) в разработке тактических приемов использования технико-криминалистических средств для предупреждения преступлений в ходе производства отдельных следственных действий; д) в использовании данных психологии в разработке тактических средств и методов криминалистического обеспечения предупреждения преступлений; е) в разработке средств и методов экспертного предупреждения; ж) в использовании помощи армейской и флотской общественности в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений; з) в избрании тактически целесообразных в данной конкретной следственной ситуации профилактического характера форм реагирования на выявленные обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, и т. д.

Тактические средства и методы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений представляют собой сложную систему, в которой можно выделить следующие наиболее существенные элементы данной системы, каждый из которых направлен на предотвращение преступлений:

1) выявление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, при возбуждении уголовного дела и производстве следственных действий на первоначальном этапе расследования;

2) организация планирования и выдвижение версий в ходе предварительного следствия в целях выявления и локализации (устранения) обстоятельств, детерминировавших совершение конкретного преступления;

3) производство следственных действий по выявлению и локализации (устранению) обстоятельств, способствовавших совершению преступлений (осмотр места происшествия, обыск, допрос, экспертиза и т. д.), на этапе дальнейшего расследования;

4) привлечение армейской и флотской общественности для выявления и локализации (устранения) обстоятельств, способствовавших совершению преступлений.

Тактико-криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений представляет собой систему научных положений и разработанных на их основе тактических средств и методов получения, сбора, исследования, оценки и использования криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствующих преступлений, а также о подготавливаемых и совершаемых преступлениях.

Методико-криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений означает, что на базе общетеоретических положений криминалистического учения о предупреждении преступлений разрабатывается конкретная методика выявления и установления обстоятельств, способствующих совершению и сокрытию преступлений, и принятия мер к их устранению. Это вызывает необходимость разработки криминалистических проблем предупреждения преступлений в частных криминалистических методиках.

Задачи методики расследования отдельных видов преступлений в области предупреждения заключаются в разработке: во-первых, наиболее эффективных методов выявления в процессе расследования обстоятельств, способствовавших совершению преступлений данного вида, и мер по их устранению; во-вторых, методики недопущения наступления преступных последствий или сокращения их объема в процессе расследования; в-третьих, методики получения в процессе расследования преступлений одного вида информации о других готовящихся или возможных преступлениях.

При решении указанных задач в методике расследования каждого вида преступлений находят специфическое применение средства криминалистической техники, приемы организации и ведения расследования и производства отдельных следственных действий, формы взаимодействия с другими правоохранительными органами и использования в процессе расследования помощи армейской и флотской общественности, разработанные криминалистической тактикой.

Методико-криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений в районах вооруженного конфликта должно проходить по следующим основным направлениям:

1) определение задач расследования и обстоятельств, подлежащих установлению в процессе расследования того или иного вида преступлений;

2) определение круга и тактики производства первоначальных следственных и розыскных действий;

3) разработка мер по пресечению начавшегося и предупреждению готовящегося преступления;

4) определение специфических особенностей других следственных и розыскных действий;

5) разработка мероприятий по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений.

Таким образом, исходя из вышеизложенного проблемы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта, относятся к числу сложных и слабо разработанных. Совершенствовать криминалистическое обеспечение предупредительной деятельности правоохранительных органов возможно лишь на базе разносторонней проработки его теоретических, научно-технических, тактических и методических проблем, путем синтеза достижений различных наук.

Список рекомендованной литературы

Книги

Абрамин В.Н. Расследование преступлений против порядка прохождения службы в ВС СССР. М., 1964.

Авдеев М.И. Членовредительство. Ашхабад, 1942.

Богатырев М.Г. Следы от автотранспорта и следы с места происшествия на нем. Ашхабад, 1942.

Винберг А.И., Рахлин А.Г., Розенблит С.Я. Криминалистика: Руководство для военных юристов. М., 1941. Ч. 1, 2.

Гавето С.Э. Особенности расследования преступлений против военной службы в условиях чеченского конфликта. М., 1997.

Голунский С.А. Допрос на предварительном следствии. Ашхабад, 1942. (Библиотека военного юриста).

Григорьев В.Н. Первоначальные действия следственной группы в условиях особого положения. Ташкент, 1989.

Григорьев В.Н. Организация следственной работы в условиях чрезвычайного положения. Ташкент, 1991.

Деятельность органов военной юстиции в условиях войны: Учебное пособие / Под ред. В.Ф. Новикова. М., 1983.

Дознание в Вооруженных Силах СССР: Пособие для органов дознания и дознавателей / Под ред. А.Н. Полева. М., 1965.

Кольнер М.И. Из практики следователя. М., 1971.

Крахмальник Л.Г. Подложные документы дезертиров (из опыта работы военных прокуратур Закавказского фронта) / Под ред. А.И. Панфиленко. Штаб Закавказского фронта, 1944.

Криминалистика: Учебник. М., 1983.

Криминалистика: Учебник. М., 1993.

Криминалистика: Методика расследования преступлений, совершаемых военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации: Учебник / Под ред. А.Н. Савенкова. М., 2007.

Криминалистическая техника: Учебник. М., 2002.

Криминалистика: Учебник: В 3 т. М., 2003. Т. 1.

Кубицкий Ю.М. Осмотр места происшествия по уголовным делам. Ашхабад, 1942.

Маликов С.В. Правовое обеспечение, организация и методика расследования преступлений в боевой обстановке: Монография. М., 2004.

Маликов С.В. Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта: Монография. М., 2004.

Маликов С.В., Балашов Д.Н., Балашов Н.М. Криминалистика: Учебник. М., 2005;

Маликов С.В., Винокуров А.Ю. Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта: Учебное пособие. М., 2006.

Никифоров В.М. Обыск. М., 1943.

Никифоров В.М. Методика расследования дел об уклонении от несения обязанностей военной службы путем членовредительства. М., 1951.

Никифоров В.М. Методика расследования преступлений: Учебник. М., 1954.

Никифоров В.М. Расследование дел о дезертирстве, самовольном оставлении части и самовольных отлучках. М., 1959.

Опыт работы органов военной юстиции в годы войны и его творческое использование в мирное время. М., 1975.

Расследование воинских преступлений: Учебное пособие / Под ред. А.Н. Полева. М., 1973.

Розенблит С.Я. Дознание в Красной Армии: Руководство для дознавателей / Под ред. В.И. Носова. М., 1942.

Розенблит С.Я. Методика расследования летных происшествий. М., 1948.

Розенблит С.Я. Расследование дел о хищении и разбазаривании военного имущества. М., 1948.

Розенблит С.Я. Расследование дел о «несчастных случаях». М., 1948.

Розенблит С.Я. Расследование дел о нарушении уставных правил караульной службы. М., 1948.

Следственная практика военных прокуратур Красной Армии. М., 1945. Вып. 1.

Строгович М.С. Гарантии установления материальной истины по уголовным делам в боевой обстановке // Труды ВЮА. Ашхабад, 1943. Вып. 3.

Чистяков Н.Ф. По закону и совести. Военная прокуратура в 1941—45 гг.: Военные мемуары. М., 1979.

Ушаков С.Ю., Стукалов А.А. Фронт военных прокуроров: Мемуары. М., 2000.

Статьи

Бушуев Ф.А. Воспоминания военного следователя // Социалистическая законность. 1975. № 5.

Григорьев В.Н. Прокурорский надзор за расследованием преступлений в условиях чрезвычайного положения // Социалистическая законность. 1991. № 11.

Маликов С.В. Особенности доказывания обстоятельств преступлений, совершенных в районах вооруженных конфликтов // Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовно-процессуального законодательства: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти И.Ф. Герасимова. Екатеринбург, 2003.

Маликов С.В. Методика расследования самовольного оставления части или места службы и дезертирства, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта // Право в Вооруженных Силах. 2003. № 12.

Маликов С.В. Криминалистическая классификация преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта // Сборник научных трудов Военного университета. 2004. № 8.

Маликов С.В., Винокуров А.Ю. Методика расследования преступлений, совершенных военнослужащими в отношении гражданского населения в период проведения контртеррористической операции на Северном Кавказе // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 4.

Маликов С.В. К вопросу о правовом регулировании расследования преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта // Российский военно-правовой сборник. 2004. № 1.

Маликов С.В., Шкваренко С.И. Расследование уклонения от военной службы путем членовредительства в районах вооруженного конфликта // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 8.

Маликов С.В., Козлов С.А. Методика расследования хищений оружия и боеприпасов, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 9.

Маликов С.В. Научные основы концепции расследования преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта // Криминалистические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения профессора Б.И. Шевченко. М., 2004.

Маликов С.В. К вопросу о тезаурусе Уголовного кодекса Российской Федерации применительно к понятийному аппарату теории военного искусства // Российский военно-правовой сборник. 2004. № 2.

Маликов С.В. Организация взаимодействия военной прокуратуры с органами внутренних дел, территориальной прокуратуры, органами безопасности в войсках, воинскими частями и подразделениями в районах вооруженного конфликта // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 11.

Маликов С.В. Правовое регулирование расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта // Уголовно-правовые дисциплины в системе подготовки профессиональных кадров для правоохранительных органов и спецслужб: Материалы межведомственной научно-практической конференции в Московском пограничном институте ФСБ России (16 декабря 2004 г.). М., 2005.

Маликов С.В. Особенности организации работы военной прокуратуры в период Великой Отечественной войны (1941—45 гг.) // Вестник Военного университета. 2005. № 2.

Маликов С.В. Проблемы правового обеспечения расследования преступлений, совершенных военнослужащими в районе вооруженного конфликта // Проблемы расследования и квалификации преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта: Сборник научных статей. М., 2005.

Маликов С.В. Способы совершения и сокрытия хищений продовольствия и вещевого имущества, совершаемых должностными лицами служб тыла воинских частей в районах вооруженного конфликта // Право в Вооруженных Силах. 2006. № 4.

Маликов С. В. Методика расследования хищений продовольствия и вещевого имущества, совершаемых должностными лицами служб тыла воинских частей в районах вооруженного конфликта // Право в Вооруженных Силах. 2007. № 4.

Особенности осмотра места происшествия на территории, контролируемой противником // Следственная практика ГВП. 1989. № 45.

Петелин Б.Я. Управление следственными аппаратами в особых (экстремальных) условиях оперативной обстановки // Совершенствование управления органами внутренних дел в особых условиях: Сборник научных трудов. М., 1992.

Сумароков П. Боевые дни военного следователя // Социалистическая законность. 1975. № 6.

Диссертации

Баракшин А.А. Криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

Винокуров А.Ю. Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в отношении гражданского населения в районах вооруженного конфликта: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

Вишня Г.И. Особенности правового обеспечения деятельности по выявлению и раскрытию преступлений в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера (по материалам деятельности военных прокуратур в Чеченской Республике): Дисс. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2003.

Гавето С.Э. Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в условиях вооруженного конфликта (по материалам работы военной прокуратуры в Чеченской Республике в 1994—1996 гг.): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

Григорьев В.Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика): Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1993.

Загорский Г.И. Уголовно-правовая борьба с преступлениями против обороны страны в военное время: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1986.

Коваль А.В. Расследование хищений продовольствия и вещевого имущества, совершаемых должностными лицами служб тыла воинских частей ВС РФ в районах вооруженного конфликта: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

Маликов С.В. Расследование преступлений в боевой обстановке (правовое обеспечение, организация, методика): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

Маликов С.В. Правовые и организационные основы расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2004.

Образцов А.В. Организация работы следователя по собиранию доказательств в условиях чрезвычайного положения: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1993.

Рубан А.М. Прокурорский надзор за исполнением законов при осуществлении уголовного судопроизводства в Действующей армии: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1993.

Чариков В.М. Расследование уголовных дел о дезертирстве военнослужащих: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1956.

Шаталов А.С. Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в условиях массовых беспорядков: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1993;

Шкваренко С.И. Расследование уклонения от военной службы путем членовредительства, совершаемого военнослужащими в районах вооруженного конфликта: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

Шупленков В.П. Осуществление правосудия в Вооруженных Силах СССР в период Великой Отечественной войны: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1986.